

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Law 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Почт. № 1001

АПРѢЛЬ.

1874.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ОЧЕРКИ СѢВЕРА.** Въ пустыняхъ Лапландіи.
(Окончаніе) В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- II. СОЛДАТЫ.** Стихотвореніе. (Изъ Коппе) И. В.
- III. ДВА МІРА.** Романъ. (Часть первая. Гл. VI—XI). НАТАЛЬЯ ЛІЗЕВОЙ.
- IV. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШВЕДЦІИ И НОРВЕГІИ** А. МИХАЙЛОВА.
- V. ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. Е. ИЗМАЙЛОВѢ.** Литературная характеристика ЭРТАУЛОВА.
- VI. ПОЭТЪ НА ЧУЖБИНѢ.** Стихотвореніе. (Отрывокъ изъ Фрейлиграта) А. Ш.
- VII. ВЪ ОЖИДАНІИ ЗЕМНЫХЪ ВЛАГЪ.** Романъ.
(Часть первая и вторая ГРЕНВІЯ МОРРЯ.
- VIII. ЭДГАРЪ ПО** В. Ш.

См. на оборотѣ.

59-16

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. ВЪКОНЪ. Его жизнь и историческое значеніе. . С. СТАВРИНА.

Въконъ. Собраніе сочиненій. Со статьей Pio, профессора ренскаго университета, о жизни Вэкона и о значеніи бэконовской философіи. Перевелъ П. А. Бибииковъ. Два тома. Спб. 1874 г.

X. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Б. ЛЕНСКАГО.

(Biographische Skizzen und Kulturhistorische Aufsätze von Dr. Johannes Huber, Leipzig, 1873. — Miniaturbilder aus dem Gebiete der Wirthschaft von Emmanuel Herrmann, Halle, 1872.

XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. . Н. РАДУКИНА.

(«Складчина», литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ.)

XII. НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Наполеона I. Сочиненіе П. Ланфре. Переводъ подъ редакціею А. Афонасьева-Чужбинскаго, томъ IV, изданіе Вольфа. Спб. 1873. — Покореніе міра евреями. Сочиненіе маіора Османъ-Бея. Спб. 1874. — Георгъ Форстеръ, народный естествоиспытатель. Его жизнь и краткія извлеченія изъ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій. Я. Мелешотта. Переводъ со 2-го нѣм. изданія. Изд. А. Сазоновича. Спб. 1874. — Эскизы изъ жизни Европы за послѣднія 20 лѣтъ, П. Леонарда. Часть I. Спб. 1874.

XIII. ОЗДОРОВЛЕНІЕ ГОРОДОВЪ А. НИХАНЛОВА.

XIV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Происхожденіе Серрано.—Его характеръ.—Возстаніе Риго.—Вредъ для Испаніи отъ провунціаменто.—Невыгодное положеніе арміи въ государствѣ.—Уничтоженіе салическаго закона.—Регентство королевы Христины.—Первая наріистская война.—Конституція 1836 года.—Вергорская конвенція.—Регенство Эспартеро.—Успѣхи Серрано.—Возстаніе Нарваэда.—Бракъ королевы Изабеллы.—Разладъ въ королевской семьѣ.—Возвышеніе Серрано.—Его отставка.—Клерикальная политика Нарваэда.—Участіе Серрано въ провунціаменто.—Возстаніе 1854 года.—Ошибки Эспартеро.—Контръ-революція 1856 г.—Назначеніе Серрано генералъ-губернаторомъ Кубы.—Его обогащеніе и женитьба.—Мексиканская экспедиція.—Ударъ, нанесенный честолюбію Серрано.—Борьба изъ-за министерскаго портфеля.—Вѣчные министры.—Алькойейская побѣда.—Бездѣльность Серрано.—Господство Прима.—Кандидатуры на испанскій престолъ.—Убіиство Прима.—Министерство Серрано.—Аморозіетская конвенція.—Планъ государственнаго переворота.—Отреченіе Амедея.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1874 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1874 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія семь лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція просить покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція въ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

12-го СЕГО ЮНЯ ВЫЙДУТЪ И ПОСТУПАТЬ ВЪ
ПРОДАЖУ:

ПРАВИЛА

и

ПРОГРАММЫ

ДЛЯ ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ВЫСШІЯ И СРЕДНІЯ

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

ГРАЖДАНСКАГО, ВОЕННАГО, МОРСКАГО И ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВЪ.

на 1874—75 учебный г.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

Исправленное и дополненное на основаніи данныхъ, сообщенныхъ и
опубликованныхъ начальствами учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 р. 25 к. безъ перес.; съ перес. 1 р. 50 к.

Книгопродавцамъ и выписывающимъ не менѣе 10 экземпляровъ дѣлается
уступка 20%.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(Въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго. Подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно 2 р.

Вопросы общественной гигиены, В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Комедія Всемирной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Въ двухъ томахъ. Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна обоимъ томамъ 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Каждому тому отдѣльно цѣна 2 р.

Популярная гигиена. Настольная книга для охраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Ренлама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены* д-ра М. С. Зеленскаго, и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигиены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины, Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: *Историческіе женскіе типы*. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ пересылкой 70 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана. Составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печатн. листовъ. Цѣна трехъ томамъ 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французск. подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи Дж. Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Записки Военнаго. Веллетристическіе очерки. Разказы и картины изъ военнаго быта Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к. Съ перес. 1 р. 80 к.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 70 к.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Изданіе четвертое. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 30 к.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Очерки сѣвера. Лапландія (Гл. I—IV.)	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Акѣ-Томакъ. Очерки нравовъ центральной Азіи	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Умственное движеніе современной германіи	<i>Б. Ленскаго.</i>
Сонъ. Стихотвореніе. (Съ нѣмецкаго) . . .	<i>М. Н.</i>
Паряжъ	<i>А. Михайлова.</i>
Добрый товарищъ. Стихотвореніе. (Изъ Уганда).	<i>М. Н.</i>
Кари. (Сцены изъ американской жизни) . .	<i>Бретъ-Гарта.</i>
Необыкновенная женщина. Романъ. (Гл.— VII—XVIII). (Переводъ съ англійскаго).	<i>Мистрисъ Флемингъ.</i>
Деревенскія старухи. Стихотвореніе. (Изъ Копце).	<i>М. Н.</i>
Два міра. Романъ (Часть первая. Гл. III—V).	<i>Натальи Алтевой.</i>
Подстрѣленная чайка. Стихотвореніе . .	<i>А. Михайлова.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новыя книги	
Образчикъ современной художественности.	<i>Н. В.</i>
Скудость литературныхъ типовъ	<i>Н. Радюкина.</i>
Кольцовъ и Никитинъ	<i>С. Ставрѣна.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	
Политическая и общественная хроника.	
Пожертвованіе въ пользу голодающихъ въ Самарской губерніи	

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ВНИЖКИ.

Очерки сѣвера. Въ пустыняхъ Лапландіи. (Окончаніе).	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Солдаты. Стихотвореніе. (Изъ Коппе) . . .	<i>М. Н.</i>
Два Міра. Романъ. (Часть первая. Гл. VI—XI)	<i>Натальи Атевой.</i>
Народное образованіе въ Швеціи и Нор- вегін	<i>А. Михайлова.</i>
Воспоминанія объ А. Е. Измайловѣ. Лите- ратурная характеристика	<i>Эртаулова.</i>
Поэтъ на Чужбинѣ. Стихотвореніе. (Отры- вокъ изъ Фрейлиграта)	<i>А. Ш.</i>
Въ Ожиданіи Земныхъ Благъ. Романъ. (Часть первая и вторая	<i>Гренвиля Моррея.</i>
Эдгаръ По	<i>Н. Ш.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бэконъ. Его жизнь и историческое значеніе.	<i>С. Ставрину.</i>
Иностранная литература.	<i>Б. Ленскаго.</i>
Литературная благотворительность	<i>Н. Радюкина.</i>
Новыя книги.	
Оздоровленіе городовъ	<i>А. Михайлова.</i>
Политическая и общественная хроника. .	

050

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

кн. 423

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ГУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1874.

060
PSLV 23614 (8, NO. 4)

✓
HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
28 JUL 1965

6542

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 юня, 1874 года.

21

В. П. Рубин

ОЧЕРКИ СѢВЕРА.

I.

Въ пустыняхъ Лапландіи.

IV.

Края Бандалакшской губы еще покрыты ледянымъ настомъ ¹⁾. Со всѣхъ сторонъ ее обступили высокія, конусообразныя горы. Налѣво синѣли вершины кемскаго берега, направо смѣлыми взлетами тонули въ синевѣ яснаго неба терскія вараки, а прямо, едва замѣтные въ отдаленіи, меледились ²⁾ хребты-пики пустынной Лапландіи. Изъ льда, покрывавшаго губу почти до середины, чернѣли каменныя корги ³⁾, выдѣлялись низменные, одѣтые еловою порослью, высокіе острова, въ глубинѣ которыхъ еще не слышно было птичьяго писка и гама, оглашающаго лѣтомъ все это громадное пространство. На этотъ разъ вѣтра не было и покрученники шли бодро и весело, мечтая о жаркихъ баняхъ и теплыхъ избахъ Кандалакши. Впереди бѣжали собаки, съ удивительнымъ инстинктомъ минуя проталины. Зуйки тѣшились, карабкаясь на гранитныя корги, раскинувшіяся самыми фантастическими мысами, изгибами и вырѣзами. По серединѣ губы, вплоть до ея вершины, тянулась узкая полоса незамерзнувшаго моря, по которой плавали небольшія ледяныя глыбы. Порою издалека доносился грохотъ, похожій на пушечныя выстрѣлы. Это на Бѣло-

¹⁾ Настъ—ледяная поверхность замерзнувшаго озера или рѣки.

²⁾ Меледиться—мерещиться.

³⁾ Корга—Каменистая барка, открывающаяся при отливѣ.

морѣ стлкнувались и разбивались громадныя стамухи. Иногда одна такая ледяная масса, версты четыре въ діаметрѣ, съ неудержимою силою налетитъ на другую и въ одно мгновеніе обѣ раскалываются на части, центры тяжести перемѣщаются, и, глухо шумя, на далекое разстояніе бороздя воду, гигантскіе обломки перевертываются въ всколыхавшемся морѣ. Часто стамухи разбиваются обѣ утесы и оледѣнѣвшіе выступы берега. Случалось, что иногда весь такой ледяной островъ отъ одного удара падался въ бѣлую пыль, не оставляя по себѣ даже болѣе замѣтныхъ обломковъ. Въ свою очередь, и стамухи нерѣдко обрываютъ выступы матерого берега, уносятъ съ собою его скалы или врѣзываются въ мягкія отмели и остаются тамъ, медленно тая, иногда до послѣднихъ чиселъ іюля. Въ прошломъ столѣтіи одна такая громадная стамуха снесла въ открытое море цѣлое село съ церковью и двумя часовнями. Охотники, возвращавшіеся домой, вмѣсто родного берега нашли только вновь образовавшуюся губу, съ ровными, словно отполированными, краями. Понятно, что жители этого села погибли всѣ до одного.

Покрученники шли вдоль самаго берега. Ледяной настъ здѣсь былъ толще и прочѣе. Черезъ нѣсколько часовъ артель остановилась у Большого Оленьяго острова, съ крайнихъ вершинъ котораго была видна Кандалакша. Селеніе расположено у самаго устья рѣки Нивы. На гористыхъ выступахъ ея береговъ и по взморью разсыпаны въ безпорядкѣ дома, бани, амбарушки, сельдяныя кладенцы и коптильни. Надъ моремъ, на лѣвомъ берегу рѣки, высится красивая церковь, выстроенная на мѣстѣ бывшаго Кокова монастыря, разореннаго шведами въ незапамятную старину; тутъ-же возносятся крутыя вершины Кандалакшской вараки, Крестовой, Желѣзной и Волостной горъ, каменные обрывы которыхъ отвѣсно падаютъ въ морскую бездну. На правомъ берегу разбросана другая половина села, занявшаго весь безлѣсный мысъ, вплоть до стараго чудскаго городища, гдѣ теперь стоитъ вторая церковь этого люднаго села. Дальше тянутся сосновые лѣса, пересѣченные оврагами, рѣченками, озерами; шумитъ въ своихъ порогахъ, никогда незамерзающая, быстрая Нива, сжатая крутыми откосами внутреннихъ горъ Кольскаго полуострова. Тутъ-же перегородилъ рѣку съ одного берега до другого заколъ съ тремя нершами для ловли семги; еще дальше виднѣются въ отдаленной

синевѣ изящныя вершины и плоскогорья Лапландіи, раскидающаеся отсюда на сѣверъ до Колы и Ледовитаго океана, на западъ до Финмаркена и на востокъ до крайнихъ мысовъ Ыѣломорскаго края. Здѣсь ужь нечего бояться сѣвернаго вѣтра—онъ безсилецъ. Здѣсь, подь 86° с. ш., теплѣе лѣтомъ, чѣмъ въ южныхъ уѣздахъ архангельской губерніи, и если внутри страны нѣтъ земледѣлія, если чудныя сѣнокосныя урочища ея, минеральныя и металлическія сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ каменныхъ массъ, пропадаютъ даромъ, не обогащая нищаго и голоднаго населенія, то это только потому, что единственные жители полуострова, лопари полуномады-полурыболовы, нуждаются лишь въ оленьемъ мхѣ для своихъ стадъ и въ рѣкахъ и озерахъ для ловли сига, хариуса, семги и кумжи.

Покрученники ожили и повеселѣли, увидѣвъ Кандалакшу. Конецъ горячкамъ, лихорадкамъ, тифамъ, скитаніямъ по морознымъ падямъ. Пѣшеходнаго пути оставалось дня на четыре, не больше. Кандалакшане встрѣтили ихъ такъ-же радушно, какъ и жители другихъ селеній бѣломорскаго берега.

— Што, братцы... водка нонѣ близко. Смотри въ оба, предупреждай коршикъ.

— Поди облопаются? спрашивалъ его Андрей.

— Это какъ быть. Раньше трехъ дней не уйдить.

— Денегъ-то нѣтъ у нихъ, слава-богу.

— Ладно—съ промысла принесутъ. У Евтифея душа добрая—повѣритъ. А ты, красная дѣвка, не станешь пить?

— Не пиваль.

— Аль сарафанъ надѣтъ собираешься? Что и за промышленники, коли водки не пьютъ.

Они уже входили въ Кандалакшу, разсыпаясь по избамъ знакомыхъ хозяевъ.

Въ типѣ жителей Кандалакши смѣшивались черты чудскаго, русскаго и лопарскаго племенъ. Тутъ-же встрѣчались хорошо сохранившіеся представители украинскихъ и запорожскихъ скитальцевъ, нѣкогда расселившихся по всему этому берегу и составившихъ болѣе замѣтный осадокъ въ Умбѣ. Что-же касается слѣдовъ чудскаго быта, то онъ и теперь еще сказывается во многихъ обычаяхъ и привычкахъ кандалакшанъ, которые, напр., даже

деревянные памятники надъ своими могилами раскрашиваютъ въ желтый и красный цвѣта зубчиками.

— Здравствуй, Андрей! встрѣтили его. Ну, какъ старики твои?

— Ничаво—живутъ по-маленьку.

— Родитель живетъ, поди, баско... Работникъ хорошій.

— Жуетъ хлѣбъ...

— Старинный коршикъ. По всему Мурману былъ первый и на Матку хаживалъ. Сколько разъ виѣстяхъ съ ними промышляли.

Затопились бани, кое-гдѣ началось уже настоящее промышленное веселье съ водкой и бабами.

Солнце ярко сіяло надъ снѣговыми вараками, обступившими со всѣхъ сторонъ Кандалакшскую губу. Потянуло весной. А между тѣмъ все было пустынно, дико, все вѣяло мертвымъ величіемъ, которое не нарушали даже двѣ темныя фигуры, съ самаго утра карабкавшіяся съ одной вараки на другую, начиная отъ Кандалакни и вплоть до горъ, обступившихъ Пуль-озеро. Это былъ Андрей съ однимъ молодымъ мурманщикомъ. Зная, что покрученники останутся въ селеніи не меньше трехъ дней, онъ рѣшился попытать счастья на охотѣ за оленями, стада которыхъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ переполняли пустынные лапландскія вершины и плоскогорья, доставляя легкую наживу неутомимымъ лодцамъ. Теперь далеко не то. Рѣдко встрѣтится здѣсь дикій олень, да и тотъ сталъ остороженъ и пугливъ до такой степени, что не каждому лопарю удастся похвалиться рогами добытаго на охотѣ животного. За то посреди безлюдныхъ пустырей расплодился волки, которыхъ, впрочемъ, лопари не бьютъ, презирая ихъ за трусость, жадность и подлость. Какъ видите, для того, чтобы удослѣдиться пули здѣшняго охотника, нужно обладать нѣкоторыми достоинствами, явиться соискателемъ на монтіоновскую премію за добродѣтель. Прелестные, граціозные, прирученные олени, оставаемые безъ призора лѣтомъ, сотнями и тысячами гибнутъ отъ волковъ, комаровъ, а иногда—нужно признаться—и отъ пули голоднаго охотника, закрывающаго глаза на то, дикій или домашній олень спокойно пасется передъ его дуломъ. Наши промышленники забирались все выше и выше; скоро они докарабкались до послѣдняго конуса террасообразной вараки. Дышать здѣсь ста-

новилось тяжело. Холодъ оковывалъ ихъ члены, губы трескались, къ глазамъ приливала кровь, но они подымались бодро, замѣтивъ на отвердѣвшихъ массахъ снѣга слѣды трехъ или четырехъ оленей, направлявшихъ, повидимому, къ самой вершинѣ горы. Слѣды эти прерывались саженъ на пять или на шесть тамъ, гдѣ оленю приходила фантазія переходить съ одной скалы на другую.

— Не гляди внизъ—кружить, предупредилъ Андрея мурманщикъ.

— Мнѣ-бы только передышаться. Руки—что твое дерево.

— Тебѣ въ новинку? Нѣтъ, это я разъ сорвался скрозь снѣгъ, прямо въ голую щель засѣлъ, какъ битка въ конѣ. Думалъ—помру, да Господь милостивъ. Грудью, точно, долго хворалъ и кровь шла горломъ, да одна баба вылечила.

Вѣтеръ на этомъ открытомъ мѣстѣ обвѣвалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, рѣзкій и холодный. То онъ несъ прямо въ лицо имъ снѣгомъ, свѣяннымъ съ окрестныхъ вершинъ, то съ тихимъ свистомъ пролеталъ мимо, тутъ-же рядомъ сбрасывая въ пропасти подтаявшія и державшіяся на узкихъ основаніяхъ ледяныя массы. Какъ-то дико среди этой жертвой пустыни разносился ихъ грохотъ и странное шуршаніе, когда, раздробясь въ дребезги, онѣ разсыпались по ледяному насту, вытлаившему поверхность завѣнныхъ снѣгами безднъ. То вѣтеръ несъ прямо на нихъ тучу. На нѣсколько минутъ ихъ окружало сѣрою массою, въ которой попадали и окрестныя вершины, и утесы, стоявшіе рядомъ. Платье, лица и бороды охотниковъ покрывались влажностью и тотчасъ же леденѣли, когда, за отбѣжавшимъ дальше облачкомъ, ихъ снова охватывалъ морозный вѣтеръ. Наконецъ, сидѣть дольше становилось не въ мочь. Голова кружилась, дыханіе дѣлалось рѣже и передъ глазами Андрея уже начинали мѣшаться всѣ окружающіе его предметы. Охотники стали опять карабкаться до самой вершины и, спустя полчаса, уже прочно стояли на плоскогорьѣ, заваленномъ по краямъ сѣрыми камнями. Оба покрученника, несмотря на равнодушіе ихъ къ величію полярныхъ пейзажей, замерли здѣсь, какъ очарованные. На время все было забыто—и олени, и усталость. Они оглядывались направо, налево, впередъ и назадъ, не зная, на чемъ остановить свои изумленные взгляды. Глазъ обнималъ безконечную панораму горныхъ вершинъ, долинъ, озеръ и лѣсовъ, раскидывавшихся на сѣверъ до той синей черты, гдѣ

таинственные очерки и контуры ихъ сливались въ одну неопредѣленную полосу. На югъ эта чудная картина заканчивалась голубою чертою морской губы, на самомъ краю которой, словно въ воздухѣ, висѣли куполы, башни, конусы и плоскогорья кемскаго берега. Взглядъ уставалъ слѣдить за извивами сталкивавшихся, пересѣкавшихся и расходившихся горныхъ цѣпей и хребтовъ, за верхушками одинокихъ горъ, неожиданно подымавшихся посреди пустынныхъ долинъ, за темными пятнами еловаго, сосноваго и березоваго боровъ, разорванные края которыхъ были сплошь заняты бѣлыми мысами снѣговаго моря. Кое-гдѣ на спускахъ можно было едва-едва различить одинокаго оленя, быстро поднимавшагося къ ягельнымъ пажитямъ; прямо передъ ними, на вершинѣ голаго утеса, рѣзко выдѣлявшагося на голубомъ фонѣ неба, граціозно обрисовывался легкій силуэтъ этого животнаго, также внимательно и неподвижно разсматривавшаго окрестность. Другой олень безопасно лежалъ около, и удивительная прозрачность воздуха позволяла разглядѣть не только самыя контуры этихъ былыхъ властителей лапландскихъ альповъ, но и малѣйшія развѣтвленія ихъ громадныхъ роговъ. Вотъ далеко внизу, до того далеко, что даже голова кружится глядя туда, тянется рядъ черныхъ точекъ. Это волки воровски подкрадываются къ жертвѣ. Олени, впрочемъ, замѣтили ихъ давно, но они спокойны. Пусть волки сплошь окружаютъ этотъ утесъ, имъ не добраться до его вершины почти по вертикальному откосу. А эти опаловыя, замерзнувшія озера—какимъ чуднымъ свѣтомъ горятъ на ихъ ледяной поверхности лучи весенняго солнца! А эта снѣговая дорога, извивающаяся въ самой глуши непроходимаго лѣса, то пропадая въ его непроглядной тьмѣ, то снова, на отлогихъ спускахъ, выступая изъ однообразной черной чащи.

— Гляди на полночь. Видишь Хибины?..

— Тамъ что-ли?

— Чуть меледятся. Отсюда до нихъ версть двѣсти будетъ, а видны.

— А вонъ и Чуна-тундра. Ишь, словно шапка виситъ въ воздухѣ... а на самомъ краю, гляди, гдѣ все заволокло марью, чуть сѣрбется—это Масельскія вараки.

— Они и есть. Этакихъ мѣстовъ, поди, по цѣлому свѣту не

сыскать... Баринъ тутъ у насъ лѣтомъ былъ. Такъ его, бывало, и не сгонишь отсюда. Ужь онъ ахалъ, ахалъ...

— Ахнешь!

— Кому не въ привычку.

— Вонъ, вонъ, гляди, лопарь въ нартѣ ѣдетъ. Эко мчать оленьки!

Андрей всмотрѣлся. На западѣ, по снѣжному плоскогорью подвигалась какая-то щепка съ сидѣвшей на ней точкой и нѣсколькими точками впереди. Разстояніе умяло размѣръ, но не сливало контуровъ животныхъ и нартовыхъ саней. Мурманщикъ даже опредѣлилъ масть оленей, онъ рассмотрѣлъ, что это не лопарь, а лопка (лапландка), что олени у ней въ упряжи бѣгутъ не суразно, должно быть пьяна сама. Скоро точки скрылись тамъ, гдѣ видъ плоскогорья затмѣвала черная масса ближе стоявшей варачи.

— Ну, пора и за дѣло!

— Ишь, слѣдокъ опять пошелъ.

— А вотъ тутъ снѣжокъ разрыть. Поискалъ, вѣрно, ягелю, да не нашель.

— Тутъ ловко его стрѣлить: вѣтеръ на насъ.

— Ты пригнись къ землѣ, какъ почувешь; услышишь это „топъ-топъ-топъ“—и ложись. Близо, значить.

— Ладно.

И они осторожно пробирались впередъ за грядою сѣрыхъ камней, окружавшихъ ягелевую тундру отовсюду. Олени могли быть и ближе, и вовсе не быть здѣсь, потому что внутри площадки чернѣли массы громадныхъ скалъ, за которыми эти животныя любятъ скрываться.

— Разъ это лѣтомъ пробирался я по плѣшкамъ, желтухинымъ-борькамъ, у Ены рѣвки было. Ну, только хоронюся я за каменьемъ, а самъ ползу—оленей почуялъ. Только что-жь-бы ты думалъ?—повернулъ я въ одну щель, промежду двухъ скалъ, да и наткнулся на медвѣдя. Носъ къ носу. Даже ружья протянуть было нѣкуда. Я спужался да и заоралъ во всю пасть, а онъ, звѣрь-то, хвостъ эдакъ по-собачьи и зажалъ, да отъ меня, да отъ меня—во всю мочь! Я еще пуще ору, а чтобъ стрѣлить—и въ умъ не приходитъ. Добѣжалъ онъ это къ краю плѣшки, а оттуда прямо внизъ, такъ на заду и съѣхалъ, только камешки

изъ-подъ него сыплются. Вотъ на какого оленя попалъ, шопотомъ рассказываетъ мурманщикъ.

— Ружье-то ты гдѣ купилъ?

— Богато, что-ли?

— Что влюка у нищаго.

Ружье состояло изъ ствола безобразно-толстаго, и самодѣльнаго ложа съ неудобнымъ прикладомъ, привязаннымъ къ стволу бичѣвкой.

— Я и за сто рублейъ этого ружья не отдамъ.

— Ладно, и за пять поблагодаришь.

— Ну врешь, потому—завѣтное. Баринъ у насъ изъ архангельскаго города жилъ, онъ давалъ мнѣ на охоту англиское ружье, ну, съ тѣмъ пропасть надо. Супротивъ моего—гроша не стоитъ. Все ввось да мимо. У меня стволь-то изъ Корелы, четыре пѣлковыхъ плачено. Чистая работа... смотри. Я съ нимъ на какія охоты хаживалъ!..

— Поди, лѣтомъ здѣсь хорошо?

— Лѣтомъ здѣсь рай. Одно—звѣря дикаго хоша и нѣтъ, за то звѣя этого много. Есть ничего, невредныя, а есть и такія, что только духъ на тебя пустять — ну, и конецъ тебѣ ¹⁾. Какъ солнце пригрѣветъ, такъ онѣ всѣ здѣсь на припекѣ и спятъ. Желтныя всѣхъ хуже. Черныя—тѣ ничего. Ихъ лопари только боятся. Ну, теперь молчи: слышь—топчутся.

Промышленники увидѣли оленей.

Вотъ издали донесся глухой шумъ обвала... Олени на минуту насторожились, но потомъ снова успокоились, продолжая работу.

— Теперь не пикни. Стой на мѣстѣ, развѣ еще назадъ отполземъ, за камень. Они на насъ идутъ.

Животныя, дѣйствительно, приближались къ охотникамъ. Иногда они всовывали въ снѣгъ голову, выбирая изъ-подъ его разрытой массы бѣлыя пуховины сырого ягеля. Охотники подвинулись назадъ, такъ-что изъ-за камня имъ были видны только концы роговъ, странно колебавшихся въ воздухѣ. Люди лежали недвижно, несмотря на стужу, отъ которой плохо защищали промерзлыя малицы. Топотъ раздавался ближе и ближе; наконецъ, мурманщикъ осторожно выползъ изъ засады и осмотрѣлся.

¹⁾ Змѣи водятся, начиная отъ Зашейка на югъ до самой Колежмы. Нѣкоторые изъ нихъ ядовиты.

— Бокомъ стоятъ теперь. Скоро стрѣлить пора, шепнулъ онъ, возвращаясь назадъ.

Рога стали еще ближе. Вотъ промышленники протянули впередъ ружья и тихо, словно змѣи, проползли впередъ нѣсколько шаговъ. Воронъ, давно уже носившійся надъ ними, опускался все ниже и ниже и, наконецъ, замѣтивъ охотниковъ, замеръ въ воздухѣ, широко раскинувъ громадные крылья.

— Ты бери любого окромъ передняго, шепнулъ мурманщикъ.— Передняго я на свою пулю улучу.

— Ладно.

Вытянувшись, насколько возможно, они ждали. Теперь еще пуля могла дать разлетъ. Наконецъ, Андрей легонько свистнулъ. Вожакъ быстро обернулъ голову, прислушиваясь. Свистъ послышался еще разъ. Стадо насторожилось, а передній олень совсѣмъ подставилъ грудь охотникамъ. Мурманщикъ прицѣлился и оглушительный выстрѣлъ, а за нимъ и другой разбудили беззвучную окрестность. Гулъ и грохотъ были подхвачены ущельями, безднами и, отражаясь отъ гранитныхъ выступовъ, пошли жѣрять все безконечное царство горныхъ вершинъ. Охотники тотчасъ-же вскочили. На одно мгновение вожакъ вспугнутого стада упалъ на переднія ноги, низко склонивъ маленькую, увѣчанную громадными рогами голову; но когда мурманщикъ кинулся къ нему, онъ моментально вскочилъ и сильнымъ прыжкомъ оставилъ за собою скалы, валуны и снѣга плоскогорья. Словно стрѣла, сверкнувъ въ воздухѣ граціозный силуэтъ его съ откинутою назадъ головою и поджатыми ногами. Остальныхъ вовсе не было ужь видно. Когда охотники подбѣжали къ мѣсту, гдѣ паслись олени, они рассмотрѣли только нѣсколько капель крови, оставшейся на снѣгу. Не говоря ни слова, мурманщикъ кинулся къ краю плоскогорья и замеръ, смотря почти въ отвѣсную бездну. Далеко внизу, на гладкомъ выступѣ передняго форпоста крутой вараки, среди бѣлой площадки толпилось стадо только-что оглушенныхъ выстрѣломъ оленей. Они кружились и топтались вокругъ умирающаго вожака. Смертельно раненый самецъ недвижно лежалъ на самомъ краю этого небольшого пространства. Самка и подростокъ, повидимому, не хотѣли оставить сраженнаго вожака. Но еще ниже, куда и взглядъ едва-едва западалъ сквозь синеву туманныхъ далей, чернѣютъ и двигаются какія-то точки. Они идутъ съ разныхъ сто-

ронъ, но всё направляются къ выступу, гдѣ стоятъ олени. Паралельно съ ними въ воздухѣ тянутся стаи черного воронья, стремящагося туда-же.

— Волки! съ злостью крикнулъ мурманщикъ и, не задумываясь ни на одну минуту, кинулся внизъ.— Ты оставайся пока наверху! обратился онъ къ Андрею.

Послѣдній видѣлъ, какъ на ладони, все происходившее кругомъ. Вотъ его товарищъ съ гранитнаго зубца, торчавшаго на тропинкѣ, оборвался въ заспанную снѣгомъ щель и ушелъ въ нее съ головою. Андрей уже хотѣлъ идти къ нему на помощь, когда на бѣлой поверхности оврага показались шапка и руки мурманщика. Вотъ и самъ онъ весь. Отряхивается и сбѣгаетъ внизъ еще скорѣе, чѣмъ прежде. Андрей слѣдилъ и за волками. Тѣ еще скорѣе мчатся къ умирающей жертвѣ. Ему кажется, что они тамъ будутъ прежде охотника. Воронье-то ужъ давно оцѣпило выступъ и взмахами крупныхъ крыльевъ сгоняетъ оттуда скучившихся оленей. Инстинктъ-ли это или привязанность къ вожаку? Отчего они не спасаются сами? Поздно будетъ, когда всё выходы займутъ подлне, трусливые на человѣка, но дерзкіе и смѣлые съ оленями волки.

Мурманщикъ опять попалъ въ провалъ и снова выцарапался оттуда, а волки уже были близко. Андрею казалось, что до оленей уже долженъ былъ доходить паръ отъ смраднаго дыханія этихъ хищниковъ. Вотъ они уже собрались подъ выступомъ и навѣрное скорѣе доберутся до него, чѣмъ его товарищъ. Вотъ передніе волки уже поднимаются по узкому гребню гранитнаго кряжа. Андрею оставался только одинъ исходъ. Онъ зарядилъ ружье и выстрѣлилъ на воздухъ. Дѣйствіе выстрѣла было неожиданное: передніе волки сорвались съ кряжа и полетѣли внизъ, другіе кинулись опрометью назадъ, къ подножію горы, гдѣ и остановились на одну минуту. Воронье разлетѣлось во всё стороны, а олени, оставшіеся на площадкѣ, кинулись наверхъ, на старое плоскогорье, рассчитывая, вѣроятно, что все-же встрѣча съ человекомъ не такъ опасна, какъ съ волками. Даже раненный попробовалъ-было приподняться, но сейчасъ-же упалъ, поскребывая копытами землю. Разумѣется, вслѣдъ за короткою остановкой волки опять кинулись на прерванный штурмъ и воронье снова тучею налетѣло на площадку, но краткій промежутокъ позволилъ

мурманщику ранѣе этихъ мародеровъ добраться до своей добычи. Вотъ онъ ужъ на площадкѣ, вотъ онъ подходитъ къ оленю, который не дѣлаетъ ни одного движенія, чтобы спастись. Только красивая голова его повернулась къ человѣку и грустный взглядъ животнаго съ кроткимъ упрекомъ устремляется въ лицо неумолимаго врага... А внизу слышенъ вой волковъ и карканье черныхъ гарпій разносится по всей окрестности. Скоро мурманщика, оленя и выступъ закрыла сплошная туча воронья. Андрей не видѣлъ ничего болѣе и самъ сталъ спускаться внизъ, на помощь товарищу. Тотъ, впрочемъ, окончилъ дѣло до его прихода. Онъ всадилъ широкій ножъ межъ реберъ оленя, не глядя въ это умоляющее лицо съ почти человѣческимъ взглядомъ увлажненныхъ слезами глазъ. Оленя передернула судорога и красивая голова безсильно повисла. Когда Андрей добрался до площадки, его товарищъ уже свѣжевалъ животное, кидая кишки и негодные куски хищной стаѣ, дравшейся надъ этими жалкими выбросками. Спустился внизъ, они отыскивали длинную жердь и, перевязавъ ноги оленя, понесли его на ней, отдыхая по дорогѣ и для развлечения пострѣливая въ волковъ, которые полукругомъ слѣдовали за пѣшеходами, не отступая отъ нихъ нигдѣ. Скоро въ темномъ и сыромъ логѣ горѣлъ костеръ и промышленники, сидя близъ него, жарили оленю лопатку, окруженные тремя или четырьмя лопарями изъ сосѣдней вѣжи, расположенной на небольшомъ пригоркѣ и обнесенной со всѣхъ сторонъ плетнемъ изъ еловыхъ вѣтокъ.

Только поздно ночью удалось нашимъ покрученникамъ возвратиться въ Кандалакшу.

На слѣдующій день артель выступила въ путь. За Кандалакшей дорога взбѣгаетъ на отлогую вараку, по правую сторону которой бѣлѣетъ обледѣвшая бухта Кандалакшскаго залива и прихотливыми изгибами вѣетъ въ прелестныхъ берегахъ своихъ, вплоть до Федосѣевского выселка, р. Канда, а направо, обрамленная отвѣсными лѣсистыми откосами, въ нѣсколькихъ мѣстахъ перероженная порогами, шумитъ и грохочетъ никогда незамерзающая Нива. Тутъ именно и начинается та заманчивая, таинственная глушь Лаплаудии, тѣ переполненные чудными картинами сѣверной природы пустыни, отъ которыхъ на свѣжаго человѣка вѣетъ дикою прелестью, безлюдьемъ и свободой. Отсюда вплоть до Ледо-

витаго океана вздымаются на необозримомъ просторѣ величественныя горы, изумрудныя, сапфирныя озера сверкаютъ на днѣ горныхъ долинъ, быстрыя, порожистыя рѣки образуютъ сотни то небольшихъ и изящныхъ, то грозно гремящихъ, падающихъ съ отвѣсныхъ скалъ водопадовъ. Въ захолустьяхъ этого края, гдѣ-нибудь у уединенной бухты мирнаго озера, на лѣсистомъ островѣ его, на скатѣ живописной горы разбросаны рѣдкія вѣжи и тупыя допарей. Гдѣ они скучиваются въ небольшія группы,—тамъ лапландскій погостъ ¹⁾, гдѣ они разсѣяны по одиночкѣ—тамъ семейство допаря промышляетъ лѣтомъ посреди своего родового урочища.

Партія промышленниковъ шла по горѣ вдоль рѣчного берега. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозъ раздвигавшіеся стволы сосенъ видна была рѣка Нива, сжатая и изломанная въ тысячи колебъ крутыми откосами вараекъ, засыпанныхъ зимою снѣгомъ. Нечего и говорить, какъ прелестны лѣтомъ эти картины, развертывающія свои зеленныя и голубыя детали лѣсовъ и озеръ подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ, оглашающіяся криками чаекъ, гагаръ и другихъ птицъ посреди полного затишья и безлюдья. Отсюда до Разноволова—только и оставалось пѣшеходнаго пути.

Утро было ясное, бодрящее. Оттепель здѣсь еще не начиналась и снѣгъ звонко хрустѣлъ подъ ногами. Если-бы наша артель не выбралась такъ рано изъ своего роднаго села на Мурманъ, то въ Лапландіи ее встрѣтила-бы весенняя распутица и треть покрученниковъ, если не половина, осталась-бы въ Кандалакшѣ и уединенныхъ допарскихъ тупахъ—въ тифѣ, горячкахъ, эпидемически-развивающихся въ средѣ промысловаго рабочаго люда. Партія была еще веселѣе оттого, что между парнями здѣсь замѣшались и женщины. Двѣ или три бабенки изъ Кандалакши не могли такъ скоро разстаться съ милыми сердцу. Одна изъ нихъ—высокая и красивая брюнетка, хранившая въ своихъ чертахъ слѣды украинскаго типа, звонко пересмѣивалась съ молодымъ поморомъ, безцеремонно обнимавшимъ ее при всѣхъ. Парчевой подзатыльникъ, коротенькая лисья душегрѣйка на аломъ канаушѣ, ловко охватывавшая ея нѣсколько полный станъ,—все это было добродетельнымъ даяніемъ тѣхъ-же парней, къ которымъ она

¹⁾ Погостъ—допарское сельцо вокругъ часовни.

пріѣзжала лѣтомъ на мурманскій берегъ въ становища и колоніи съ поморами.

V.

Алая зорька розовыми вѣнцами озарила снѣговья вараки Лапландіи, яркимъ багрянцемъ подернула ихъ острыя вершины, словно костры зажглись на нихъ и сверкають посреди безмолвной пустыни. Зубчатый очеркъ далекаго лѣса рѣзко выдѣляется на аломъ фонѣ запада, снѣгъ точно облитъ кровью, небольшое облачко надъ Ченскою горою словно таетъ, сгорая въ голубомъ просторѣ. Въ радужномъ блескѣ заревыхъ красокъ и лучей только низменный наволокъ чернѣетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ грядою суровыхъ утесовъ. Одна скала, словно агатовая масса, вырисовывается надъ пустынною долиною. Отъ нея подножія до башнеобразной верхушки можно разсмотрѣть каждый выступъ, каждый зубецъ ея контуровъ. Изъ трещинъ, избороздившихъ бока этого утеса, смѣло взлетаютъ небольшія сосны, протягивая далеко на югъ свои мохнатяя вѣтви.

По дорогѣ, шедшей параллельно берегу, медленно подвигались впередъ къ прелестному и зимю озеру покрученники, Бабы, провожавшія ихъ изъ Кандалакши, уже поотстали и воротились домой. Тишина смѣнила недавній смѣхъ и пѣсни. Вонь впереди что-то мелькнуло по откосу и снова скрылось за лѣсомъ. Рѣзкій, хриплый крикъ послышался оттуда. Вонь опять изъ лѣсу стрѣлою вылетѣла на дорогу нарта въ два оленя. Въ кережкѣ развалилась лежалъ лопарь въ малицѣ и мѣховой шапкѣ съ хвостами.

— А, Васька! привѣтствовалъ его коршикъ. — Здоровы-ли твои олени?

- Слава-богу, здоровы.
- Гдѣ теперь промышляешь?
- На рѣкѣ.
- Куда поѣхалъ?
- Искать оленей.
- Много волковъ понче?
- Богъ бережетъ.

— Ладенъ-ли лѣтній промыселъ былъ?

Лопарь добродушно улыбнулся.

— Не померли—значить ладно. Сто пудовъ сига въ продажѣ въ Кандалакшу Ефтифею.

— Почему Павковъ покупалъ?

— Дешево. По рублю за пудъ. А сига большіе, здоровые. Правда, и кумжа была.

— Въ Шунгѣ онъ по пяти рублей за пудъ возметъ?

Лопарь опять улыбнулся.

Лѣтомъ, когда эти инородцы одѣваются по-русски, ихъ не отличишь отъ нашего крестьянина, если-бы не остроконечный валенный колпакъ на головѣ. Они не только усвоили себѣ русскій языкъ, но и вполне владѣютъ его оборотами. Самые дальніе изъ нихъ пазрѣцкіе, мотовскіе и терскіе—и тѣ понимаютъ насъ хорошо. Лапландки—дѣло другое. Онѣ или не говорятъ по-русски, или говорятъ плохо. Вообще съ лопаркой разговариваться трудно. Она не дика. Это скорѣе застѣнчивость, скромность. Между ними много очень красивыхъ, а типъ ихъ мужей и братьевъ совершенно напоминалъ-бы русскій, если-бы, разумѣется, не жидкія бороды и малый ростъ.

Вступая въ Лапландію, покрученники забываютъ о поморской распущенности нравовъ. Лопарка - жена вѣрна своему мужу безусловно, а дѣвушка — недоступна постороннему. Вообще, семейная жизнь лопаря могла-бы послужить примѣромъ и идеаломъ для болѣе цивилизованныхъ расъ. Здѣсь не было примѣра, чтобы мужъ ударилъ жену. Они никогда не бранятся и сквернаго слова отъ нихъ не услышишь. Мы считаемъ это мирное, вротное и честное племя дикарями, но скажемъ, положи руку на сердце, кто дикарь — нашъ-ли крестьянинъ, всегда готовый поколотить свою бабу, исполняя это какъ священную обязанность свою, налагаемую на него званіемъ мужа, или честный и вѣжливый лопарь, *рыцарски* нѣжный съ своею женою, сестрой и дочерью. Отсюда ясно, почему вокругъ Лапландіи и на Мурманѣ, и въ Кандалакшѣ, и въ Колѣ, и въ восточныхъ селахъ сифилисъ въ русскомъ населеніи общій знакомый, а у лопарей только рѣдкій гость.

Лопарь четыре раза въ годъ мѣняетъ свое жилище. Какъ только наступитъ Егорьевъ день, зимніе погосты, раскинутые въ живо-

писныхъ горныхъ долинахъ, пустѣютъ. Одни изъ лопарей въ это время уѣзжаютъ въ вешнія урочища свои для рыбнаго лова, другіе уходятъ въ лѣса промыслять птицу, третьи къ морю до Ильина дня, послѣ котораго уже всѣ лопари въ своихъ лѣтвищахъ при большихъ и малыхъ озерахъ и рѣкахъ. Съ этого времени и до осени лопарь ведетъ жизнь совершенно одинокую. Онъ раскидываетъ свою вѣжу на берегахъ тѣхъ рѣкъ или озеръ, которыми владѣетъ по родовому праву. Тутъ, среди прелестной, хотя и сѣверной природы, онъ большую часть дня отдыхаетъ или чинить свои сѣти, а по утрамъ и вечерамъ ловить сига, хариусовъ, кумжу и щуку. Бываютъ ловы и изобильные, только они не приносятъ ему никакой выгоды. Куда дѣвать рыбу? Коптить ее они не умѣютъ, да и гдѣ-же взять денегъ на постройку хотя-бы самой жалкой коптильни? А жара страшная—рыба портится. Въ этихъ котловинахъ лучи солнца, отражаясь отъ окрестныхъ горъ, сходятся въ при-озерныхъ долинахъ, какъ въ фокусѣ,—поневоля лопари кушаются разъ по двадцати въ день. Оставить хотя-бы и сига въ этой душной атмосферѣ дня на три—значитъ совершенно испортить ихъ, потому лопарь продаетъ только мороженую рыбу осенняго улова, а весь лѣтній промыселъ обращаетъ исключительно на свое продовольствіе. Въ августѣ лопари скучиваются въ осеннихъ своихъ домовинахъ, гдѣ, вмѣстѣ съ рыбою, промышленлютъ они и оленей, куницъ, лисицъ, выдръ, росомахъ и медвѣдей. Въ зимніе собственно погосы они собираются къ Рождеству, — поздно, поздно къ Крещенію. Кромѣ этой скитальческой жизни лопарю ничего и не остается при нынѣшнемъ устройствѣ его быта. Всѣ рѣки, ручьи, озера, лѣсныя ухажья подѣлены у нихъ по родамъ. Поневоля приходится начинать промыселъ на одномъ мѣстѣ, а оканчивать на другомъ. Покончится это право—и лопари поневоля станутъ осѣдлыми. Являясь съ семьей на какое-либо озеро, лопарь ставитъ тутъ свою вѣжу, на берегу вбиваетъ коль, къ которому привязывается собака, на шестахъ развѣшиваетъ сѣти и гарвы, заводитъ въ мелкую бухточку небольшіе карбасы или просто челноки и въ первое-же утро, благословясь, начинаетъ промыселъ. Мнѣ не случалось видѣть ни одного лопаря, который-бы *удилъ* рыбу. Этотъ способъ промысла имъ вовсе неизвѣстенъ. Вѣжи ставятся ближе къ лѣсу, иначе не откуда добыть и дровъ. Лопарскіе погосы носятъ названіе тѣхъ урочищъ, при которыхъ они распо-

жены. Такъ, напримѣръ, экъ-островскій погостъ отъ острова Экъ, массельгскій—отъ острова Массельга и озера того-же имени, Нотозерскій—отъ озера Ното и т. д. Этотъ небольшой поселокъ состоитъ обыкновенно изъ 6—20 тупъ—небольшихъ хижинъ, или разбросанныхъ, или сбившихся въ кучу. При нихъ амбарцы, устраиваемые непременно при каждой тупѣ. Такіе амбарцы ставятся иногда въ тайникахъ, по реди лѣсныхъ трупцобъ, иногда же въ верхушкѣ тѣнистаго дерева, смотря по тому, что въ нихъ приходится прятать. Обычай этотъ сохранился съ того самаго времени, какъ чуд. бѣлоглазая раззоряла лопарей; роль чуди потомъ заняли русскіе ушкуйники, затѣмъ шведы, норвежцы. Теперь, хотя имущество лопаря безопасно, но онъ все-таки прячетъ его въ тайникъ. Центромъ погоста служитъ непременно часовня—простой деревянный срубъ съ остроконечной крышей на два ската, увѣнчанной деревяннымъ крестомъ. Тупы, гдѣ живутъ лопари, ничто иное, какъ переходъ отъ вѣжи къ русской избѣ. Это четырехугольный срубъ съ однимъ узкимъ, продольнымъ окошкомъ и визенкою дверью. Промежутки между бревнами не законопачиваются ничѣмъ. Крыша его сдѣлана на одинъ скатъ. Внутри изъ камня складывается родъ камина, дымъ котораго выходитъ свободно въ отверстіе крыши (безъ трубы). Тупы (по-лопарски—пырта) строятся изъ сосновыхъ бревенъ, причѣмъ продольная стѣна ихъ занимаетъ 2¹/₂, а поперечная—2 сажени, вышина—одна сажень. Часто кровля покрывается дерномъ. Тякувъ или комелекъ—при входѣ въ тупу. На стѣнѣ, примыкающей къ комельку, полки для посуды, на полу около него судомойное мѣсто, дальше—ушатъ съ водой. По передаѣи и продольной стѣнамъ тянутся нарты. На передней лавкѣ помѣщается хозяинъ съ женой, дальше сыновья и вообще мужчины; дѣвушки у дверей. Въ переднемъ углу иконы, а иногда лубочныя картины. Я самъ видѣлъ графа Паскевича-Эриванскаго, раскрасившаго желтой, красной и зеленой красками. Къ тушамъ у другихъ пристраиваются сѣнцы для овецъ, рухляди и платя. Всякій амбарецъ раздѣленъ на два этажа. Въ верху кладовая, внизу—хлѣвъ для овецъ. Овцы всю зиму ходятъ по улицѣ и загоняются въ амбаръ только ночью. Въ лопарскихъ погостахъ вы не найдете ничего похожаго на баню. Лопарь ея не знаетъ вовсе. Лѣтомъ онъ ежедневно купается въ рѣкѣ или въ морѣ, а зимою моется передъ комелькомъ, завѣсивъ этотъ

уголь припономъ. Въ лопарской тупѣ помѣщается мало-мало шесть семей, бываетъ и больше. Тѣснота при этомъ страшная. Чѣмъ богаче ея хозяинъ, тѣмъ больше народу живетъ съ нимъ. Лопарь никогда не отказываетъ въ помощи бѣднымъ родственникамъ. У нихъ нѣтъ нищихъ, т. е. никто не проситъ милостыни по ремеслу. Если лопарь разорится до тла, то спокойно идетъ въ тупу къ своему дядѣ, брату, куму, шурина, и поселяется въ ней совершенно равноправнымъ членомъ. Лѣтомъ онъ промышляетъ отдѣльно, если захочетъ, а зимою опять является къ своему патрону. Это не влечетъ за собою униженія личности. На неимущаго не смотрятъ, какъ на паря, не помыкаютъ имъ. Вообще, въ характерѣ этого народа много деликатности, присущей богато-одареннымъ нагурамъ. Такъ, напримѣръ, лопарь рассказывалъ мнѣ, что русскіе зимою, какъ саранча, налетаютъ на ихъ погосты.

— Одинъ изъ кандалакшанъ въ моихъ глазахъ унесъ у меня три оленьихъ постели ¹⁾.

— Что-жь ты не остановилъ его?

— Стыдно было. Скажешь ему—все равно, что воромъ назывешь. Нехорошо это, вѣдь обидно.

И будьте увѣрены, что это не трусость: лопарей въ погостѣ много, а кандалакшанинъ являлся къ нимъ одинъ. Нѣкоторые выражаютъ изумленіе, что лопари, даже и капиталисты изъ нихъ, каковы Логиновъ, Кобелевъ, Бархатовъ, не строятъ избъ, а живутъ въ тупахъ. Дѣло въ томъ, что лопарскіе погосты не постоянно стоятъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Втеченіи пяти или шести лѣтъ олени выѣдаютъ вокругъ погоста всю ягельную тундру. Погостъ переносится за нѣсколько верстъ, иногда за двадцать, за тридцать. Выстроить вновь тупу ничего не значить, а избу каждая десять лѣтъ ставить вновь и затруднительно, и убыточно. Лѣтомъ и осенью лопарь живетъ въ вѣжѣ. Это просто низенькій шатеръ изъ жердей или досокъ, обложенный дерномъ, съ отверстіемъ наверху и небольшою дверцею снаружи. По-лапландски онъ называется *поятъ*. Внутри огнище съ таганомъ, за нимъ домашняя утварь, а у самой стѣны иконы. По правую и лѣвую сторону огнища спятъ его обитатели. При вѣжахъ и лѣсныхъ ухажьяхъ лапландцы ставятъ амбарушки на высокихъ пняхъ или-

¹⁾ Оленья постель—оленья шкура.

же на столбахъ, для храненія сѣтей, рыбы, птицы, муки и соли. Россомахи и мыши напрасно старались-бы пробраться въ эту полу-воздушную кладовую. Домашняя утварь лопаря состоитъ изъ чугунныхъ котловъ для варки ухи, ковшей и чашекъ изъ дерева, чашекъ, питыхъ изъ бересты, рыболовокъ — нѣчто въ родѣ плоскодоннаго черпака для выниманія рыбы изъ котла, берестяныя салонки и скатерти изъ бересты. Сервировка сѣвернаго номада дополняется полукруглой доской (вара), замѣняющей блюдо, и широкой доской, играющей роль стола. Въмѣсто тарелокъ служатъ куски бересты и гладкій камень. Ъдятъ лопари неизмѣнно сидя на полу. Богатые изъ нихъ обзаводятся и каменною посудой. Скверно питается несчастный лапландецъ. Только лѣтомъ, по невозможности сбыть куда-нибудь вылавливаемую имъ рыбу, онъ валитъ иногда по цѣлому пуду ея въ одну варку. За то зимой голодовка и безкормица — явленія обыкновенныя.

Алая зорька еще не успѣла погаснуть, еще вершины варакъ отбрасывали цѣлые снопы отраженныхъ радужныхъ лучей, еще снѣга алѣли на скатахъ, а золотистыя облака, подернутыя багрянцемъ по краямъ, только тронулись подъ легкимъ вѣянiемъ теплаго западнаго вѣтра, когда наши покрученники добрались до Зашейка ¹⁾. Сюда они вышли прямо изъ частаго еловаго лѣса и невольно приостановились: передъ ними золотился и алѣлъ просторъ обледѣвшаго озера Имандры, берега котораго представляютъ прелестьнѣйшiе ландшафты. На холмѣ небольшого мыска подымалась сѣрая тупа, а рядомъ тонкiя струйки дыма красиво вились изъ двухъ вѣжъ, гдѣ, повидимому, на этотъ разъ собралось нѣсколь-ко семействъ лопарей. Звонкiй лай привязанныхъ къ кольямъ собакъ огласилъ окрестность. Изъ низенькой дверцы первой вѣжи выскочилъ, нагнувшись, молодой паренекъ.

— Будь здоровъ! привѣтствовалъ онъ знакомаго ему корщика.

— Здравствуй, здравствуй, Николашка.

— Ладно, что пришли ко-врею. Изъ проруби свѣжей рыбы добыли.

¹⁾ Зашейка — мѣсто на южной оконечности большого озера Имандры.

- Что-жь ты не въ погостѣ нонѣ?
- Случилось такъ. Охотничалъ да здѣсь вотъ и присталъ.
- Много васъ?
- А есть. Человѣкъ семеро будетъ.
- Что-жь, въ вѣжу не просишь?
- А пожалуйста, просимъ милости.

Изъ вѣжи высыпало все ея населеніе. Всѣ хороми приглашали къ себѣ посѣтителей. Андрей вошелъ въ ту вѣжу, которая была поближе къ нему. Тутъ на огнищѣ уже горѣли дрова и молоденькая дѣвушка, несмѣвшая даже взглянуть на посѣтителей, замѣшивала *реску*. Она брала ржаной муки и приготовляла на водѣ хлѣбъ безъ соли. Скатавъ изъ него лепешку, она бросала ее на горячій камень противъ огня. Сначала пеклась одна сторона, потомъ другая. Лопари иначе не умѣютъ печь хлѣбъ и считаютъ особеннымъ лакомствомъ русскій хлѣбъ, приготовляемый въ Колѣ и Кандалакшѣ на продажу. Андрей не безъ удивленія замѣтилъ, что въ муку входила какая-то смѣсь. Онъ спросилъ у дѣвушки—та потупилась.

— Дорога мука нонѣ, отвѣтилъ за нее лопарь.— У Павкова по два съ полтиной пудъ. Мы сосновую кору толчемъ да мѣшаемъ на половину.

Въ мѣдномъ котлѣ, висѣвшемъ надъ огнемъ, кипѣла уха изъ свѣжей рыбы. Окончивъ рески и положивъ ихъ къ огню, дѣвушка достала изъ берестяной корзины четырехъ сиговъ и вышла чистить ихъ изъ вѣжи. На поясѣ у каждой лапландки виситъ ножъ, собственно для этой цѣли. Спустя минуту она вернулась, насадила сиговъ на тонкія палочки и воткнула ихъ въ землю близь огня. Такимъ образомъ, рыба пеклась въ собственномъ соку и жиру. Дѣвушка часто поворачивала ее, не давая соку стекать внизъ, и скоро сиги зарумянились, а кожа ихъ отстала отъ мяса. Тогда она выложила ихъ на бересту. Рыба, испеченная этимъ способомъ, превосходна.

Земля въ вѣжѣ была выстлана березовыми вѣтниками и прошлогоднею листвою. Андрея клонило ко сну и онъ было уже собирався улечься, когда лопарка поставила передъ нимъ котель съ ухой и положила на деревянный кругъ испеченныхъ ею сиговъ. Снявъ съ горячаго камня реску, она молча подала ее промыш-

леннику и, поклонившись ему, безмолвно удалилась въ уголь, гдѣ и усѣлась въ ожиданіи, когда тотъ окончитъ свою трапезу.

— Ты что-жь, красавица, молчишь все? обратился къ ней Андрей. Это, дѣйствительно, была красивая дѣвушка. На смугломъ и правильномъ лицѣ высоко поднимались черныя брови, изъ-за длинныхъ рѣсницъ робко смотрѣли голубые глаза. Разумѣется, какъ и всѣ лапландки, она была малоросла, что, впрочемъ, не вредило ей хорошо сложенному стану. Вообще лопки, какъ ихъ называютъ здѣсь, отличаются узенькими, маленькими, изящными руками и ногами, несмотря на то, что зачастую онѣ ходятъ босикомъ и постоянно исполняютъ самыя тяжелыя работы. Это ужъ племенная особенность.

— Она по-русски не говоритъ! предупредилъ ее братъ, сидѣвшій рядомъ.

Кромѣ только-что описанныхъ яствъ обычную пищу лопаря составляютъ: *минда* — уха съ мукой, каша изъ муки пополамъ съ толченою сосновою корой, замѣшанная на ухѣ съ саломъ. Когда на охотѣ убьютъ оленя или птицу, варятъ ихъ мало, но по большей части сберегаютъ къ празднику. Лопарь не любитъ ѣсть одинъ. Онъ всегда радъ угостить другого. На свадьбу или па большой праздникъ лопарь готовитъ кулебяку на тѣстѣ, какъ и въ рѣскѣ, изъ семги, кумжи, сига въ или харіусовъ, оленья мясо, пойдю (оленье сало), оленьи мозги и кашу. Кушанья подаются въ слѣдующемъ порядкѣ.

Лопарское меню:

- 1) Кулебяка.
- 2) Уха на оленьемъ салѣ.
- 3) Рески, пополамъ съ сосновою корой.
- 4) Мясо оленья или дичь съ саломъ.
- 5) Пойда.
- 6) Мозги въ костяхъ.
- 7) Каша пшенная съ масломъ.
- 8) Каша пшенная съ саломъ.
- 9) Верхъ лакомства — десертъ: топленое масло.

У безукоризненныхъ гастрономовъ на лапландскихъ пирушкахъ непременно подается все это съ водкой или норвежскимъ ромомъ. Несмотря на частыя голодовки и безкормицу, лопарь не рѣшается

съѣсть медвѣдя, зайца или росомаху. Изъ птицъ они не ѣдятъ чаекъ, зуйковъ и орловъ. Все это, по ихъ убѣжденію, нечисть. Въ отличіе отъ самоѣда, нужно замѣтить, лопарь ничего не ставитъ ѣсть сырѣжь или безъ соли.

— Завтра дальше, на Роснаволокъ поѣдешь? Хорошій день будетъ.

— Почему знаешь?

— Коли около солнца да мѣсяца круговъ нѣтъ—вѣдро. У насъ свои примѣты есть. Кругъ около солнца—вѣтеръ, около мѣсяца—вьюга.

— Поди, въ Роснаволокъ ждуть насъ?

— Много новъ оленей пригнали. Одинъ Кобелевъ, поди, сто быковъ (олень самецъ) пригналъ.

Андрей вышелъ изъ вѣжи. Ясная, лунная ночь блистала надъ опаловою поверхностью Имандры всѣми своими звѣздами, окутывая таинственною синею дымкой лѣсистые берега и острова озера; гдѣ-то далеко-далеко едва меледились вершины горъ, а на плѣшкѣ одного холма ярко горѣлъ разложенный промышленниками костеръ. Пламя его взвивалось высоко къверху, когда люди бросали въ него новыя охапки жердей. На огневомъ фонѣ рѣзко отдѣлялись черные силуэты. Лопарскія собаки изрѣдка тявкали во снѣ. Изъ лѣсу порою слышался шорохъ какихъ-то крыльевъ да хриплый стонъ и пронзительное рыданье бѣлаго филина.

— Андрей! послышалось съ холма.—Ступай сюда.

Онъ медленно побрелъ по узкой бѣлой бити утопаннаго снѣга, озаряемаго порою бродячими лучами костра. Тамъ стоялъ непрерывный гомонъ, пѣлись пѣсни, безшабашная шутка возбуждала общій хохотъ.

— У васъ это не ладно. По ночамъ шумѣть опасно! объяснилъ лопарь.

— Чего такъ?

— Не хорошо! Нечисти у насъ много. Теперь ежели около рѣвки шумѣть, водяные черти безпремѣнно лодку потопятъ. Не любятъ они, если громко разговариваютъ или смѣются.

— А какая у васъ нечисть въ водѣ?

— Разная. Длинноволосые, есть такіе водяники въ озерахъ, въ рѣкахъ, въ омутахъ. Не любятъ, чтобы у нихъ ставили сѣти или шумѣли около. А еще пуще, кто камнѣ вечеромъ или ночью

въ воду бросаетъ: того сейчасъ на дно утащутъ. Случилось, раздѣти стали въ воду камешки швырять, — ихъ всѣхъ потопили черти. А то еще чертиха есть черная вся, мохнатая. Та на камень выходитъ.

— На какой камень?

— А посередь озера есть, каменья стоятъ. Ну, выйдетъ чертиха, сядетъ на камень и давай чесать волосы золотнымъ гребнемъ. Наши-то какъ по заводу поздно ѣдутъ или въ плесъ попадутъ—не пикнуть; тихо, чтобъ... А и въ лѣсу тоже не легко. Разное бываетъ. Лѣшаки тоже есть. Большіе, пребольшіе. Иногда больше лѣсу стоячаго станеть, а то лодъ камушкомъ сядетъ, наленькимъ сдѣлается, съ палець вотъ... Старичкомъ и сидитъ—бородка сдѣнькая. Между корнями тоже любить ютиться. Свернется весь въ кулачекъ и спитъ. А только какой онъ видъ не приметъ—узнать его легко. Шапочка на немъ такая есть—красная, колпачекъ такой остренькій и длинная палка въ рукахъ. Тоже и съ ними гляди осторожно. Засмѣйся ты въ лѣсу — онъ со всѣхъ сторонъ такъ и оглушитъ тебя смѣхомъ. Крикни—и онъ загрохочетъ. Или идешь ты, тихо все, вдругъ около тебя въ ладони забьеть.

— Спужаешься! Гдѣ-жь онъ живетъ?

— Есть тоже мѣста. На высокихъ варакахъ есть камни, въ тѣхъ камняхъ и живетъ. Проѣзжая мимо такихъ горъ, подумаешь о чемъ худомъ—сейчасъ онъ на тебя бурю, вьюгу наплетъ, тучами окрутитъ, молонойей запушаетъ... Бѣда! Въ Хибинахъ у насъ больше всего нечисти этой. Тамъ горныя озера есть—на верхушкахъ, а посередь озера такіе камни, драины, что дома и окна въ нихъ выбиты. Въ этихъ каменьяхъ и живутъ.

— Что-жь, ты бывалъ въ тѣхъ озерахъ?

— Буда! Страшно. У насъ одинъ лопинъ былъ, на охотѣ попалъ туда. Спужался. Видитъ—изъ камня этого дымъ курится и голоса слышны оттуда, точно много народа разговариваетъ. Они злые, такъ дѣлаютъ, что цѣлая райда до трехъ сутокъ дороги не найдетъ. Особенно ежели кто въ путь выйдетъ въ пятницу или субботу. А ежели да въ Благовѣщеніе—ну, тогда совсѣмъ потопятъ, либо заведутъ въ такую чашу, что и не выйдешь отоль.

А ночь все густѣла и густѣла. Легкій туманъ подернул звѣзды и мѣсяць сѣрвато-серебристою дымкой. Бѣлесоватая мгла

стояла на Имандрѣ, окутывая окрестныя вараки. Откуда-то донесся дикій вой и снова настала тишина, прерываемая только трескомъ разгоравшагося костра, разбрасывавшаго кругомъ багровое сіяніе.

— Эдчь... эдчь! (отецъ) слышалось изъ вѣжи.

— Дочка зоветь... Прощайте.

И онъ сбѣжалъ внизъ.

Скоро разошлись и покрученники, кто въ вѣжу, кто въ тупу.

Спусти часъ потухъ костеръ и вся окрестность погрузилась въ мертвый сонъ. Только овцы въ амбарчикахъ шарахались порою и блеяли, да во снѣ тавкали собаки. Въ вѣжахъ было душно и смрадно. И удушливый дымъ отъ огня, и тяжелое дыханіе лопарей и испарина овчинъ и оленьихъ постелей... Но промышленники привыкли и не къ такимъ неудобствамъ. Они знали и холодъ, и голодъ, и всякую духоту... Въ тупѣ воздухъ былъ чище, за то тамъ было холодно и сыро...

Скоро мгла немного разсѣялась подъ легкимъ вѣяніемъ западнаго вѣтра и при внезапно разгорѣвшемся сіяніи сполоха снова окрестныя вараки выдѣлились на синемъ фонѣ теплой ночи своими серебряными вершинами и конусами... Лды Имандры свѣтились подъ неровными лучами полярнаго сіянія и механическая жизнь таинственныхъ стихій снова раздвинулась въ безграничную ширь, въ недостижимую высь надъ засыпанною снѣгами Лапландіей...

Тѣ-же прелестные горные пейзажи одни за другими развертывались вдаль, когда покрученники, оставивъ за собою Зашеекъ, шли къ Роснаволоку. Путь лежалъ по Имандрѣ, или вдоль ея береговъ. Постепенно передъ ними раздвигались смѣлыя очертанія величественныхъ горъ Чуны, Чаны, Мончъ-тундры и, наконецъ, за двадцать верстъ до Экострова, впервые засинѣли вдаль вершины Хибинъ, этого могучаго хребта, воздвигнутаго природою, какъ средоточіе громаднаго полуострова Лапландіи. Сначала цѣль этихъ горъ малыми холмами подымалась до высокаго плоскогорья, отвѣсно обрывавшагося внизъ, чтобы вновь подняться крутою и словно наклоненною къ югу варакою, имѣющею видъ колоссальной наковальни. Затѣмъ шло нѣсколько пирамидальныхъ вершинъ и,

наконецъ, стоящая отдѣльно, тонула въ поднебесьѣ вершина величайшей изъ Хибинъ горы Поу-телле. Острый конусъ ея серебряною шапкою висѣлъ надъ голубымъ просторомъ, а позади ея за другими мерещились новыя и новыя вершины, скучившіяся въ непрерывную горную страну. Точно всѣ эти гранитныя массы когда-то вскипѣли и потомъ разомъ застыли въ безконечную полосу куполовъ, конусовъ, холмовъ. Хибинны, казалось, висѣли въ воздухѣ. Между ними и окрестностями Имандры синѣлъ воздухъ. Отдаленіе скрадывало очертаніе предгорій и отлогіе скаты варака. Еще дальше Хибинъ, чуть-чуть, какъ едва замѣтный паръ, отдѣлялись на сѣверѣ граціозныя и симметричныя контуры Оленьей тундры, подступавшей своими красивыми скатами къ бурному Мурдъ-Ярви. На западѣ, уже ближе, во всей своей красѣ раскидывалось каменное великолѣпіе Мончъ-тундры, обложившей эту часть Имандры. На первомъ-же поворотѣ дороги промышленникамъ попалась на-встрѣчу *райда*, лопарскій повѣздъ гуськомъ однихъ нартъ за другими. Сначала показалась на горизонтѣ одна точка, за нею другая, третья, четвертая, пятая и такъ до двадцати. Спусти четверть часа, точки выросли въ оленей и мимо артели быстро, словно вихрь, пронеслись кережки, запряженные каждая парокъ этихъ животныхыхъ. На всякой кережкѣ лежало по лопарю. Всѣ они кричали, смѣялись и пѣли. Еще немного спусти, когда *райда* скрылась по другую сторону горизонта, пустыня вновь погрузилась въ мертвое молчаніе. Лопари—большіе любители *райдъ*. Они нигуда не ѣздятъ по одиночкѣ, а стараются собираться партіями и весело мчатся отъ погоста къ погосту, оглашая мертвую глушь своихъ озеръ и варака громкимъ, гортаннымъ воемъ и кривами.

Отдохнувъ въ экъ-островскомъ погостѣ, повроченники на другое утро отправились къ Росноволоку, бывшему послѣдней станціей пешеходнаго пути. Отсюда уже начиналась дорога на оленяхъ. Горы росли на каждомъ шагу и, стѣсняя горизонтъ, принимали тотъ угрюмый характеръ, который зимою поразить васъ несравненнымъ величіемъ и дикостью. За то лѣтомъ эти-же пейзажи смягчаются идиллическими прелестями зеленѣющихъ при-озерныхъ долинъ и звонкимъ журчаніемъ ручьевъ, сбѣгающихъ съ высотъ живописными каскадами въ мирные плесы. Какая масса дичи гогочетъ, поетъ, стрекочетъ въ этихъ захолустьяхъ! На каждомъ шагу цѣлыя стаи и выводки утятъ, гагаръ колышутся на недвижной по-

верхности озеръ и заводей, а въ высотѣ рѣютъ орлы, рыболовы, кречеты, и бѣлая чайки, словно искры, разсѣваютъ прозрачный воздухъ. Кумжа, выскакивая изъ воды, ловить мошекъ, комары роятся и звонятъ надъ золотисто-веселою зеленью березъ, бѣлки мелькаютъ въ густой листвѣ лѣса, раскинувшася на отмелевомъ прибрежьи гремучей, порожистой рѣки.

Стая чернаго воронья вьется надъ темнымъ понизьемъ, далеко разносится зловѣщее карканье, прерываемое злобнымъ воемъ голоднаго волчьаго стада. Жутко отзывается оно въ сердцѣ покрученника, прислушивающася къ каждому мимолетному звуку пустыни... Ближе и громче...

— Господи спаси! Оленя палаго рвутъ они, что-ли?

— Должно, олень... Чему быть?

— Ишь, подлая нечисть. Что волкъ, что воронье—все одна шайка.

Одинъ изъ промышленниковъ, шедшій впереди, остановился на гребнѣ холма, стараясь всмотрѣться внизъ, но въ массѣ волковъ, дравшихся надъ падалью, въ непроницаемой тучѣ воронья, то подлетавшаго къ чему-то, то быстро взмахивавшаго въ высь, нельзя было различить даже дна этого понизья.

— Эка, дьяволы! Давай-ка пугнемъ ихъ.

Нѣсколько поморовъ стали съ ружьями на краяхъ и нацѣлили прямо въ середину этой движущейся массы. Раздался оглушительный залпъ. Воронье разсыпалось по сторонамъ, тяжело усаживаясь на голыя вѣтви. Волки отхлынули прочь—только два хищника остались на прежнихъ мѣстахъ, положивъ лапу на кровавую массу.

— Святители Соловецкіе!—И покрученники мигомъ сбѣжали внизъ.

На днѣ этой котловины лежалъ, распластавшись, человѣкъ. Изъ-подъ лохмотья малицы, изодранной волчьими зубами, торчали куски окровавленнаго мяса. Горло было одною сплошною раной. Вокругъ обезображенной головы, на которой трудно было разобрать хотя одну черту, алѣла цѣлая лужа крови. Изъѣденныя руки и ноги были странно раскинуты, точно волки рвали ихъ одинъ у другого.

— Господи спаси и помилуй!

Промышленники подошли ближе. Одинъ изъ оставшихся хищ-

никовъ отбѣжалъ, другой, не отнимая лапы отъ плеча трупа, злобно вылъ, вскидывая голову къверху и поводя налившимися кровью глазами.

— Ну-ка, Андрей, ввали ему зарядъ.

Андрей забилъ въ дуло двѣ пули и, прицѣлившись въ волка почти въ упоръ, разомъ положилъ его на мѣстѣ. Въ отвѣтъ на выстрѣлъ раздался еще болѣе громкій вой и карканье. Впрочемъ, волки не уходили въ чащу. Голодны-ли очень были, что-ли! Промышленники нѣсколько разъ уже повторяли выстрѣлы и на бѣлой снѣговой площадкѣ этой низины уже лежало нѣсколько животныхъ, когда одно изъ нихъ, остервенѣвъ, кинулось въ толпу людей и глубоко впустило зубы въ мѣховой совнѣзъ коршика. Всѣ было растерялись. Моментъ становился опаснымъ, потому что остальная часть стада, ободренная отчаяннымъ нападеніемъ своего вожака, съ глухимъ лаемъ подходила къ покрученникамъ. Андрей опомнился первый. Въ одно мгновеніе взвился и опустился на черепъ волка тяжелый прикладъ его ружья. Другіе схватили топоры и, спустя немного, рядомъ съ трупомъ человѣка вздрагивала и въ послѣдней агоніи своей ерзала по снѣгу распластанная масса звѣря.

— Что, дядя Митрей, не царапнулъ-ли онъ тебя зубами-то?

— Богъ миловалъ. А кожу ободралъ, это точно.

Ружья были снова заряжены и кучка людей опять готовилась встрѣтить нападеніе подступавшихъ волковъ. Послышалось еще нѣсколько выстрѣловъ, и только потерявъ третью своихъ со товарищей, мародеры принуждены были удалиться въ глубь лѣса. Отъ вороныа избавиться оказалось труднѣе. Оно было многочисленнѣе и назойливѣе волковъ. Наконецъ, покрученники подняли трупъ, взвалили его на санки, покрыли кожей нерпы и повезли впередъ, сопровождаемые стаей вороновъ и волками, забѣгавшими впередъ, блудливо пробиравшимися по сторонамъ и злобно вышными во всѣхъ концахъ этого угрюмаго чернолѣся.

— Какъ это они его?

— Должно, пьянъ былъ, да съ корешки свалился. Олени ушли, а онъ и остался. Живого и загрызли.

— Ахъ ты подлое, воровское племя! оглядывался на волковъ, злился коршикъ.

— Рѣдко-же они на человѣка идутъ.

— Должно, голода не осилили.

Дойдя до ночлега, артель выкопала яму поглубже, положила туда лопаря и, заваливъ ее землею, накидала сверху крупныхъ каменьевъ, которые съ великимъ трудомъ удавалось оторвать отъ оледенѣлой массы снѣга. Убогій крестъ былъ поставленъ надъ этой могилою. За недостаткомъ гвоздей его перекладыни пришлось перевязать веревкой.

— Ну, теперъ надежно. Не дорыться ни волку, ни росомахѣ.

— Жаль, съ битаго звѣря шкуръ не сняли.

— Ничего: лопарямъ скажемъ.

— Эва! Свои-же волки разорвутъ битыхъ да воронье расклюеть.

VII.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ роснаволоковской станціи, посреди пустынного лѣса, стоятъ избы, гдѣ останавливаются промышленники; два раза въ годъ, т. е. во время прохода черезъ это урочище поморскихъ артелей, здѣсь открываются ярмарки. Сюда собираются лопари оленеводы и вандалакшскіе крестьяне. Первые договариваются перевозить покрученниковъ въ разныя становища мурманскаго берега на своихъ оленяхъ, вторые торгуютъ разными сѣстными припасами, но преимущественно водкой. Сюда-же посылаютъ съ ромомъ своихъ подручныхъ кольскіе купцы. Промышленники спускаютъ тутъ и платье, и промысловыя орудія, и деньги, и добычу будущаго лова. Вообще эти ручные кабаки величайшее зло. Они преслѣдуютъ и лопаря на каждомъ шагу, такъ что лопарь убиваетъ здѣсь весь свой заработокъ.

Солнце ярко сіяло надъ Роснаволокомъ. Вся лѣсная поляна была занята становищемъ лопарей-оленеводовъ. Даже снѣгу не стало видно подъ сплошною массою кережекъ ¹⁾, запрудившихъ все, такъ что и проходы къ избамъ были загромождены отовсюду. Еще издали слышался гулъ множества голосовъ, звуки пѣсенъ, трескъ сучьевъ. Олени, приведенные сюда изъ Лавозера, Массельги, Экострова, Бильдинскаго погоста, даже изъ Печенги, паслись кругомъ на ягельныхъ тундрахъ. Въ каждой почти избушкѣ шель торгъ; водка лилась рѣкою, и въ долгъ, и за про-

¹⁾ Кережка—легкія и низенькія сани лопаря.

мысль, и за послѣдній топоръ, и за украденную у товарища шубу. Лопари — настоящіе дѣти природы — пропивали и оленей.

Кое-гдѣ уже начинались пѣсни. Промышленники стали развѣзывать тощіе кошели. Коршики торговались съ оленеводами, начиная и заванчивая торгъ неизбѣжною водкой. Наконецъ, всѣ лопари собрались и началась суйма ¹⁾. Лопарь ничего не дѣлаетъ безъ суймы. Нужно-ли кого-нибудь лѣтомъ перевезти за десять верстъ — суйма неизбѣжна. Продать-ли оленя — суйма. Идти-ли въ церковь — опять суйма.

— Вотъ, крещеные, что: надоть промышленниковъ доставить въ два мѣста: въ Еретики ²⁾ да въ Тириберку ³⁾.

— А сколько ихъ?

— Двадцать есть.

— Десять вережекъ надо...

— Да хоша и десять. Такъ вотъ вы потолкуйте ладкомъ, а опосля запьемъ литки да и въ путь завтра.

Суйма заговорила вся разомъ. Каждый лопарь громко болталъ на своемъ смѣшанномъ языкѣ, размахивая руками и не слушая чужихъ голосовъ. Съ каждою минутою бесѣда шла громче и безпорядочнѣе. Одинъ изъ оленеводовъ зажалъ себѣ уши и во все горло оралъ что-то, должно быть весьма мало интересное, потому что и остальные продолжали такъ-же горячо и быстро сыпать словами. Лица ихъ краснѣли, жесты дѣлались выразительнѣе. Задніе лѣзли на переднихъ, нѣкоторые присѣдали отъ натуги; другіе высчитывали что-то по пальцамъ прямо передъ носомъ оппонентовъ и, странное дѣло, хотя всѣ они говорили не слушая другъ друга, а, въ концѣ концовъ, все-таки столковались. Не объявляя ничего ватагѣ промышленниковъ, окружавшей ихъ, они сразу смолкли и, понуривъ головы, пошли въ тупу, гдѣ уже шла продажа водки.

— Ну, что-жь? спросилъ коршикъ.

Лопари молча глядѣли внизъ.

— Ну-ко-ся, Иванъ Мосеичъ, выставь пять посудинъ.

¹⁾ Суйма — сходка лопарская.

²⁾ *Еретики* — становище на островѣ того-же имени въ Урской губѣ мурманскаго берега, къ западу отъ Кольской губы.

³⁾ *Тириберка* — губа и становище на Мурманѣ къ востоку отъ Кольской губы.

Ловкій цѣловальникъ раскупорилъ бутылку съ водкой, и только выпивъ ее, старшій изъ лопарей вступилъ въ торгъ съ промышленниками.

— Суйма на двадцати рубляхъ порѣшила.

— За каждую пару оленевъ?

— Точно.

— Возьми по десяти.

— Элла, элла! (нѣтъ, нѣтъ), послышалось отовсюду.

— Нельзя дешевле. Суйма сказала свою цѣну. Меньше ужъ не возьмутъ.

— Ни копейки?

— Никакъ не можно. Не малый ты, самъ знаешь—суйма.

— Знать-то я знаю. А только дорого.

— Самимъ дорого. Нонче волякъ много быковъ (олени-самцы) заѣлъ. Пало тоже не мало, опять разомъ заговорили лопари.

— А вы-бы опять потолковали?

— Экій ты! Нѣшто первой разъ? На чемъ суйма стала—не передѣлаешь.

— Ну, Господь съ вами.

Теперь суйма въ зачетъ будущей платы стала пить промышленниковъ. Лопари какъ только начинали пить, сейчасъ-же звали женъ, которыя были съ ними. Выпивъ самъ стаканчикъ, лопарь непремѣнно подносилъ столько-же своей подругѣ. Ни на каплю больше, ни на каплю меньше. Когда окрестныя горы облило багрянцею зари, вездѣ звучали пѣсни, промышленники ходили обнявшись по тупамъ.

На другой день еще солнце не встало, а ужъ лопари разсыпались въ разныя стороны. За каждымъ слѣдовало по нѣсколькеу маленькихъ кудлатыхъ собакъ. Выйдя за лѣсъ, на высоту небольшого холма, оленеводъ испускалъ странный, хриплый крикъ, и собаки съ визгомъ и грохотомъ тьяканьемъ бросались въ окрестныя тундры ¹⁾. Дня ихъ замиралъ мало-по-малу и, наконецъ, совсѣмъ смолкалъ въ отдаленіи. Лопарь спокойно ложился и отдыхалъ, глядя на жемчужныя облака, медленно плывшія въ ясныхъ небесахъ и только еще начинавшія окрашиваться по краямъ золотисто-

¹⁾ Тундра въ Лапландіи не то, что въ мезенскомъ уѣздѣ. Это не болото, какъ въ послѣднемъ, а твердая земля.

розовыми битями. Такъ проходилъ часъ, много-много два. Вотъ издали донесся сначала едва доступный уху гулъ, переходившій постепенно въ топотъ. Наконецъ, между вараками и утесами показались стремглавъ мчавшіеся олени; ихъ гнали собаки съ неумолкаемымъ лаемъ, прямо въ холму, гдѣ стоялъ хозяинъ. Наконецъ, все стадо собралось вокругъ и цѣлый лѣсъ вѣтвистыхъ роговъ, словно безлистный кустарникъ, колебался въ воздухѣ. Слышался однообразный стукъ однихъ роговъ о другіе. Собаченки сторожили позади; время-отъ-времени онѣ взвизгивали и бросались на оленя, дѣлавшаго хотя малѣйшее движеніе; тѣхъ-же, которые хотѣли отдѣлится отъ стада, онѣ обходили кругомъ и немилосердно кусали имъ заднія ноги. Лопарь, выбравъ нѣсколько оленей, кидаль имъ петли на рога и вель за собою въ Роснаволокъ. Остальные, слышавъ пронзительный крикъ хозяина, разбѣгались во всѣ стороны, а собаки смирно слѣдовали за нимъ, изрѣдка только заигрывая между собою и отъ нечего дѣлать кусая хвосты одна другой.

Керезки были заложены и спустя два или три часа рейда бѣшено мчалась въ далекимъ Хибинамъ, величаво синѣвшимъ надъ узкою битью Имандры. За Хибинами поѣздъ раздѣлился. Покрученники, промышлявшіе въ Гавриловѣ и Тирибергѣ, направились на сѣверо-востокъ, огибая выступы каменныхъ предгорій Поутелле; остальнымъ-же, прежде, чѣмъ понасть на берега Ледовитаго океана, въ становище Еретики, нужно было проѣхать прямо въ Колу.

Райда съ промышленниками бѣшено мчалась впередъ. Она уже оставила далеко за собою и Хибины, и Мончь, и Оленью тундры. Въ воздухѣ слышался свѣжій запахъ моря. Самый горизонтъ сталъ шире, лѣса за послѣднимъ переваломъ хибинскихъ горъ обрѣдидились и вмѣсто высокихъ и толстыхъ стволовъ повсюду высились тонкія маленькія елочки да низенькія сосенки, протягивавшія вѣтви на дальній югъ, тогда-какъ сѣверная сторона ихъ была обнажена. Вараки стали отложе, снѣгъ сдѣлался крѣпче и, несмотря на послѣднія числа апрѣля, зима еще царила здѣсь полновластно. Только солнце, долго застаивавшееся на горизонтѣ, да проталины у корней и муравейниковъ напоминали о близости тепла и жизни, быстро развертывающихся здѣсь въ три теплыхъ мѣсяца мимолетнаго полярнаго лѣта.

Посреди невысокихъ вараекъ, широкою каймою оцѣпившихъ овальную горную долину, стоитъ небольшой лопарскій погостъ. Среди этого безлюдья, на дикомъ просторѣ нѣмыхъ пустынь, какъ-то странно было неожиданно встрѣтить кучку полуразвалившихся тупъ, ютившихся вокругъ бревенчатой часовни. Массы амбарушекъ, словно гнилушки, распавшья по свѣгу, чернѣли на скатахъ горъ, висѣли на вѣтвяхъ сосенъ. Кое-гдѣ дымъ вился прямо изъ земли. Тутъ, въ вырытыхъ ямахъ, накрытыхъ жердями и дерновою полостью, жили тоже цѣлыя семейства лопарей. Райда круто свернула направо и по узкой щели, образуемой двумя отвѣсами крутыхъ вараекъ, быстро въѣхала въ горную котловину. Тотчасъ-же въ погостѣ поднялся оглушительный лай собакъ, со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться лопари, посыпались привѣтствія, вопросы и отвѣты. Одна тупа, такая-же невзрачная, какъ и остальные, но попросторнѣе другихъ, стояла въ сторонѣ, окруженная десяткомъ или болѣе амбарушекъ. Туда и направилась райда. Большой кольскій песъ сидѣлъ у двери, не удостоивая лаемъ покрутовъ.

— Васька! заорала артель у самой тупы.

— Выходи, окаянный!..

Дверь скрипнула на своихъ деревянныхъ петляхъ; малорослый и большоголовой короткошея вышелъ оттуда, позевывая и крестясь. Длинныя руки, выдавшіяся скулы, узкіе квасновато-каріе глаза, рѣдѣнная рыжая борода и черные, словно прилипшіе ко лбу волосы обнаруживали въ немъ настоящаго лопаря, сохранившаго вполнѣ всѣ черты стариннаго типа этой расы. Ветхій тупъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ некрасиво висѣлъ на этой неуклюжей фигурѣ. Босыя ноги какъ-то семенили на ходу.

— А, Васька, каково Господь милуетъ?

— Слава-богу, слава-богу! забормоталъ лопарь, высматривая посѣтителей.—Куда, вращенные, путь держите?

— А въ Еретики на промыселъ. Ёхали мимо, да встромили, что есть на свѣтѣ Васька Бархатовъ, ну и заѣхали.

— Божьи гости!.. Пожалуйте въ тупу погрѣться.

— А вотъ дай разняться.

Въ тупѣ было все такъ-же грязно, какъ и въ другихъ жильяхъ этого племени. Тѣ-же нары, только сплошь покрытыя оленьими постелями, та-же посуда изъ бересты, только два или

три чайника обнаруживали богатство хозяина, да на полях стоялъ рядъ каменныхъ кружекъ. Все-таки ни по его одеждѣ, ни по его посудѣ нельзя было предположить, чтобы это былъ владѣлецъ двадцати-тысячъ оленей, пасшихся въ окрестностяхъ погоста. Если считать цѣнность каждаго животнаго въ 6 рублей, и то богатство Бархатова опредѣлялось въ 120,000 рублей. Къ этому необходимо прибавить, что въ берестяныхъ кубышкахъ у него хранилась пропасть серебряныхъ денегъ, которыя больше всего цѣнить чистокровный лопарь, неохотно принимающій бумажки и мѣдь. Вообще, какъ-бы лопарь богатъ ни былъ, онъ ничѣмъ не выдѣляется отъ другихъ номадовъ. Даже и одежда его такъ-же проста, какъ и у остальныхъ: та-же рубаха изъ холста, пестряди или ситцу, тѣ-же холщевые штаны. На рубаху надѣваютъ сѣрый пакань (дубленный полушубокъ) или шерстяную вязаную рубаху ¹⁾, а поверхъ пычокъ, на ногахъ—пяккуи, шитые изъ оленьихъ лапъ шерстью вверхъ, остроносые и узорчатые. Въ холодное время на нихъ надѣваютъ такіе-же яры, только длиннѣе, съ замшевымъ верхомъ. Шапка шьется изъ овчинъ съ ушами и обкладывается лисьими хвостами. Только у нѣкоторыхъ къ этому головному убору прибавляется синій суконный верхъ, увязанный бисеромъ и костяными пуговками. Лѣтомъ богачь-лопарь по своему костюму тоже не отличается отъ бѣдняка. Та-же юпа въ родѣ голландской рубахи, сшитой изъ сѣраго сукна, съ воротникомъ. Шерстяной узорчатый колпакъ, шерстяные чулки и канги изъ оленьей кожи, съ острыми, кверху загнутыми, носками. Рубашка опоясана шерстянымъ поясомъ, къ которому подвѣшена огневица, увязанная бисеромъ и пуговками. Въ ней—трутъ, сѣра и кремень. Къ тому же поясу подвѣшивается ножъ въ кожаныхъ ножнахъ. Только праздничная одежда лопарей нѣсколько опредѣленнѣе указываетъ на степень ихъ экономическаго благосостоянія. Богатые изъ оленныхъ лопарей и всѣ приморскіе надѣваютъ куртки, брюки, жилеты и все это шьется по модѣ въ одномъ изъ ближайшихъ къ русской границы городовъ Норвегіи. Впрочемъ, такіе инородцы, какъ Бархатовъ, Кобелевъ и другіе богачи, всегда носятъ старо-лопарскую одежду, гнушаясь общеевропейскимъ костюмомъ. Женское ежедневное платье: коббать, шитый изъ толстаго холста, въ родѣ юпы, и

¹⁾ Шерстяныя рубахи вяжутъ сами лопари.

сѣрая юпа, какъ у мужчинъ, только украшенная по вороту лоскутками разноцвѣтнаго сукна. Праздничные костюмы ихъ: изъ крашеины, ситцевые, матерчатые сарафаны, паруканники и шерстяные передники. Головной уборъ ихъ—сорочки изъ кумача или штофа, съ подзатыльниками изъ холста, украшенныя бисеромъ и бисеромъ-же пизанныя кички.

Когда посѣтителѣ разсѣлись по нарамъ, коршиемъ поднесъ хозяину ведеи, тотъ выпилъ, угостилъ свою жену и дочь и велѣлъ имъ готовить обѣдъ для покрученниковъ. Нужно замѣтить, что женщины не обратили никакого вниманія на вошедшихъ. Опѣ какъ-будто не видѣли ихъ вовсе.

— Дай Богъ хорошаго промысла! пожелалъ хозяинъ.

— Твоимъ оленкамъ—подросточковъ побольше!

— Въ Норвегъ попадешь нонѣ? спросилъ лопарь у коршика.

— Буду, съ мувой отъ хозяина.

— Большая у меня есть просьба къ тебѣ.

Хозяинъ вышелъ въ одинъ изъ амбарушекъ, вынесъ оттуда четвертую и, вручая ее коршику, просилъ закупить всевозможнаго норвецкаго платя.

— Тебѣ вѣшто?

Хозяинъ плюнулъ.

— Отродясь не нашивалъ и не стану. Лопарь по-лопски и ходить долженъ. Свадбу играть собираюсь, племянника женю скорѣй.

— А что?

— Да отъ начальства все. Завели, вишь, школу какую-то—робенка мутить. Такъ я его поженю скорѣй—женатаго не возмуть.

— Это точно. Ну, какъ твои олени нонѣ?

— Ничего. Волки опрошлымъ лѣтожъ больше пятисотъ быковъ съѣли.

— Что и говорить! Много-же ихъ и развелось у васъ.

— Господь лопаря наказуетъ за то, что старымъ обычаемъ не живемъ; за водку караетъ тоже. Прежде у насъ всякаго звѣря сколько хошь было, а теперъ хошь и не ходи на охоту. Вонъ у меня есть ловцы свои; все лѣто да осень на Хибинахъ промышляли, а и добыли только на двадцать рублей.

Послѣ обѣда, для котораго закололи молодого оленя, причемъ

хозяинъ угощалъ гостей ромомъ, онъ пригласилъ ихъ пойти на Песью-вараку.

— Похвастать оленями хочеть, замѣтилъ воршикъ Андрей.

Выйдя изъ тупы, мѣстный Ротшилдь свистнулъ, и въ одну минуту кругомъ собралось болѣе сотни небольшихъ собаченокъ лопарской породы. Сопровождаемые этимъ конвоемъ, промышленники вышли изъ котловины и взобрались на отлогую гору, увѣчанную деревяннымъ крестомъ. Еще послышался рѣзкій свистъ и собаченки кинулись въ разсыпную и исчезли за холмами, переполнявшими всю окрестность до самаго горизонта, какъ-будто она застыла навсегда въ моментъ кипѣнія, сохранивъ причудливую форму бугорковъ, пузырей, короткихъ кражей. Какъ и въ прошлый разъ, пришлось ждать около двухъ часовъ. Потомъ послышались въ разныхъ мѣстахъ звуки собачьяго лая, вслѣдъ за которыми гулъ приближающихся стадъ до того переполнилъ все, что промышленники, несмотря на дальность оленей, не слышали собственныхъ голосовъ. Гулъ становился все громче и громче и, наконецъ, перешелъ въ оглушающій топотъ. Земля дрожала подъ ногами поморовъ, глядѣвшихъ, какъ кругомъ все видимое пространство почернѣло сплошнымъ, мало-по-малу суживавшимся кругомъ. Когда стада оленей окружили холмъ, почти сплетаясь рогами отъ тѣсноты, хозяинъ-лопарь точно переродился. Онъ выросъ и выпрямился. Маленькіе глаза его сверкали, онъ даже сбросилъ шапку, точно ему разомъ стало жарко. Въ массѣ недвижно чернѣвшей вокругъ некуда было упасть камню. Всѣ эти тысячи отовсюду сбѣжавшихся животныхъ смотрѣли прямо на своего господина, онъ-же только съ отрывистымъ смѣхомъ повертывался вокругъ, хрипло покрикивая на передніе ряды оленей. Отъ стука роговъ стоялъ громкій гулъ, словно сильный вѣтеръ бродилъ въ чащѣ густого чернотѣся, ломая сухія вѣтви, или точно громадные валы океана дробились о каменные мели и разбивались о гранитныя стѣны отвѣснаго берега.

— Сочти-ка сколько ихъ тутъ! самодольно замѣтилъ хозяинъ.—И на каждомъ оленѣ мое клеймо...

— Точно, что тебя Богъ любитъ.

— А мировой пріѣзжалъ—говорить: займись, Васька, хлѣбопашествомъ. Вотъ моя нива! Хлѣбъ вымерзнетъ у насъ, а олень все растетъ.

— Подивисься тебѣ!..

— Ну, крещеные, иди выбирай себѣ каждый по оленю. Лучшихъ бери, не жалѣй... Не скупись на чужое добро.

Семеро промышленниковъ, повидимому, только и ожидали этого. Они быстро сбѣжали внизъ, вошли въ сплошную массу и стали высматривать себѣ добычу.

Оленей, выбранныхъ промышленниками, привели въ погость и отдали молодымъ лопарямъ-работникамъ Бархатова. Не прошло и получаса, какъ животныя были заколоты, ободраны и туши отдѣльно отъ шкуръ уложены въ кережки промышленниковъ. Скоро райда, той-же дорогою, какъ въѣхала въ погость, мчалась изъ него въ синеву заманчивой дали, оставляя за собою бѣлые вараки и узкія щели этого холмистаго уголка.

Не въ чести промышленниковъ нужно прибавить, что они, дѣйствительно, скверно отплатили Бархатову за гостепріимство. У одного въ карманѣ оказалась серебряная ложка лопарскаго Ротшильда, у другого три ловко украденныя олени постели, у третьяго мѣдный чайникъ. Четвертый, которому ничего не попало вовремя подъ руку, схватилъ въ попыхахъ маленькій образокъ Николая Чудотворца въ серебряной ризкѣ. Только воршигъ да Андрей оказались по честиѣ. Андрей удовольствовался деревянной чашкой, затѣйливо вырѣзанной дочерью Бархатова, а первый не взялъ ничего, за то впередъ мечталъ, какъ онъ кутнетъ въ Гаммерфестъ или Тромсе на четвертную, врученную ему Бархатовымъ для закупки норвежскаго платья.

Надъ высокимъ плоскогорьемъ бѣсится мятель, заметая слѣды райды, закидывая снѣгомъ кережки и ватагу, и съ злобнымъ водемъ выдается въ узкія щели, избородившія скаты вараки. Промышленники кутались въ олени мѣха, не зная, куда дѣваться отъ крѣпкаго, прямо въ лицо дувшаго имъ полунощника, отъ мокрыхъ хлопьевъ наносимаго имъ снѣга. Задыхавъ, перехватывали они съ трудомъ побольше воздуха между двумя порывами вѣтра и снова должны были останавливать дыханіе до новой передышки. Олени и тѣ мчались впередъ, свосивъ головы по сторонамъ, потому что снѣгъ залѣплялъ имъ глаза и вѣтеръ взметывалъ передъ ними цѣлые сугробы.

Райда стала. Направо червѣль большой утесъ, у котораго только верхушка была засыпана снѣгомъ, да по нѣкоторымъ площадкамъ на выступахъ краснаго гранита лежали бѣлыя подушки, набросанныя недавно поднявшеюся мятелю. Подъ однимъ изъ навѣсовъ утеса червѣла посреди бѣлой впадины лопская вѣжа. Она была подъ защитою скалы отъ мятели. Къ ней, впрочемъ, не вела ни одна тропица—обстоятельство, поставившее промышленниковъ втупишь.

— Должно, пустая стоитъ.

— Ну да отъ мятели и это кровь.

Райда круто свернула къ вѣжѣ и остановилась у плотно затворенныхъ дверей ея. Коршикъ сошелъ съ кережки и постучался. Отвѣта не было. Онъ продвинулъ пожъ въ отверстіе между деревянною задвижкой и дверью и съ трудомъ отворилъ послѣднюю. Съ минуту онъ простоялъ остолбѣвъ.

— Кто живой тутъ? крикнулъ онъ, наконецъ. Въ отвѣтъ послышался хриплый стонъ.

По лѣвую сторону очага, на оленьей шкурѣ, что-то едва двигалось. Изъ-подъ вучи лохмотьевъ можно было разсмотрѣть только черепъ, обтянутый кожей, изъ темныхъ впадинъ котораго неразумно смотрѣли на вошедшаго тусклые глаза.

— Господи, спаси и помилуй! Братцы, живой упокойникъ.

Ватага овружила недвижно лежавшее тѣло, кто-то поднялъ оленью шубу; подъ ней оказалась лапландка, по исхудалаю до послѣдней возможности. Тяжелымъ усилиемъ почти окостенѣвшей руки она указала себѣ на ротъ и снова откинулась навзничъ, полузакрывъ глаза.

— Батюшки! Да это съ голодухи она. Братцы, вопъ подѣшки-то, разводи огонь.

Скоро внутри вѣжи запылалъ костеръ; дымъ окуталъ покрученниковъ.

— Что за напасть! едва прочихался одинъ.

— Чадно.

— А вверху дыру-то снѣгомъ занесло.

Расчистили верхнее отверстіе вѣжи, отворили настѣжь ея двери и дымъ разомъ вынесся вонъ. На очагъ поставили масло. Когда оно растопилось, коршикъ взялъ лопку за голову, а Андрей пожегъ разжалъ ей стиснутые зубы. Третій покрученникъ поковы-

рять пальцемъ въ ея сухомъ рту, продвинулъ въ горло и покачалъ головою.

— Чего еще?

— Языкѣ, что тряпка. Сухо все.

— Лей масло.

Въ ротъ влили немного масла и подождали, пока женщина проглотила его. Это, повидимому, стоило ей тяжкихъ усилій. Затѣмъ послѣдовалъ еще глотокъ, другой...

— Ладно, будетъ пока. Станови рыбу теперь.

На огонь поставили вариться котелокъ съ соленою трескою. Лопка немного очнулась. Лицо ея еще порою подергивали судороги, хриплые стоны вырывались изъ груди. Поморы пока не спрашивали ее ни о чемъ.

— Эко, бѣда, парень. И съ чего это она попала сюда?

Рыба сварилась. Ее было предложили женщинѣ, та съ отвращеніемъ помотала головою и показала на масло. Ей дали еще. Потомъ насильно влили въ ротъ горячей ухи и заставили проглотить. Теплота оживила несчастную. Даже на земليстомъ съ синими подтеками лицѣ выступили, у самыхъ скулъ, красныя пятна. Спустя нѣсколько минутъ она уже спала въ нагрѣтой вѣжѣ. За стѣнами этого кочевого жилья еще пуще бѣсилась и вылавъ юга. Андрей было выглянулъ за дверь, но тотчасъ-же спряталъ голову. Въ сѣрой массѣ кружившагося снѣга на одну секунду мелькнула въ его глазахъ кучка оленей, плотно прижавшихся другъ къ другу. Бережки занесло снѣгомъ и надъ ними давко бѣдѣлъ рядъ сугробовъ.

— Эка чудь разыгралась нынѣ.

— Она самая.

— Кака чудь? спросилъ молодой покрученникъ.

— А въ этихъ горахъ допрежь чудь жила, ну, какъ крещенные побили ее, она и ушла въ камень, въ немъ и хоронится. По вечерѣмъ иди теперь вдоль вѣракъ — услышишь, какъ она внутри горъ разговариваетъ. Перекликаются. Одни въ одномъ утесѣ, другіе въ другомъ. Ну, и бесѣдуютъ... глухо таково. Страшно бываетъ. По почамъ пѣсни поютъ, а есть дни такіе, когда чудь выходитъ изъ камня да на всей вольной волюшкѣ и гулетъ, въюгами да мятелями потѣшается. Ишь, какъ разыгралась погаль, нечистая!.. отшатнулся рассказчикъ, когда силь-

ный порывъ вѣтра ударилъ въ вѣжу и потрясъ ея стѣны.— Не любить, когда объ ней разговариваютъ.— Еще разъ вѣтеръ съ пронзительнымъ воемъ заметался вокругъ одинокаго жилья, такъ что дымъ разостлался внизу и залѣпилъ глаза покрученникамъ.— Эка, чортова сила, видно заклисть ее придется.— И коршикъ лѣвнво надвинулъ на себя совикъ и вышелъ за двери.

Вихрь чуть не сбилъ его съ ногъ, да старикъ устоялъ. Опершись о вѣжу, лицомъ къ сѣверу, онъ сталъ крестить воздухъ.

Несмотря на искреннюю вѣру коршика въ могущество этого заклинанія, вьюга разыгрывалась все грознѣе и грознѣе, и чудь поганая никакъ не хотѣла уйти отъ стараго коршика въ камень, разметаться по понизью. Напротивъ, она словно тѣшилась, взметывая его волосы, сбрасывая съ него шапку, сваливая его самого съ ногъ и слѣпя ему глаза цѣлыми комями мокраго снѣга. Она точно хохотала надъ нимъ, цѣлыми веренпцами призраковъ проносясь мимо и бѣлыми полами своихъ спѣговыхъ, вѣтромъ развѣваемыхъ одеждъ задѣвая его по лицу. Со страха ему показалось даже, что онъ видитъ надъ собою нѣсколько бѣлыхъ костлявыхъ рукъ; олени и тѣ шарахнулись въ сторону отъ новаго страшительнаго порыва вѣтра, сбившаго съ ногъ старика.

— Не совладать! рѣшилъ онъ, входя въ вѣжу.

— Воетъ.

— И ужъ какъ плачетъ, убивается, подлая!..

Покрученники рѣшили, что лучше всего будетъ заснуть. Дѣлать больше нечего. Поѣвши, они разлеглись вокругъ огня и скоро сонъ сомкнулъ ихъ усталые глаза. Только старый коршикъ ругалъ погань чудскую и злился, внимая ея голосамъ, насмѣшливо разносившимся кругомъ и вывшимъ надъ нимъ.

— Это чудь свои пѣсни поетъ. Старики сказываютъ: давно это было, что чудь лопарей когда воевала, такъ завсе съ пѣснями шла... Э, да ты, Андрюша, уже и заспалъ. Господи благослови! Чего тутъ! сказано — безъ его воли ни одинаго волоса, ну и чудесно! Всѣ подъ нимъ ходимъ.

Успокоенный этимъ, коршикъ завернулся въ совикъ, ноги подвинулъ къ огню и скоро заснулъ самъ подъ пронзительный вой лапландской мятели.

Покрученники проснулись уже вечеромъ. Первое, что имъ бинулось въ глаза, была лапландка, сидѣвшая, прижавшись въ уголъ

вѣжи. Волосы ея, въ безпорядкѣ разбросанные вокругъ исхудалаго лица, придавали ему выраженіе дикости и отчаянія.

— Эге, матка, ожила? Ъшь теперь сколько хошь.

Лопка кинулась на хлѣбъ и жадно стала жевать его, не глядя на покрученниковъ.

— Какъ-же ты, матка, попала сюда?

— Съ мужемъ... на промыселъ... хрипло проговорила та по-своему.

— Съ мужемъ... такъ; а гдѣ мужъ? тоже по-лопски спросилъ ее коршикъ.

— Солнце двѣнадцать разъ вставало и пряталось съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ.

— Куда-жь онъ подѣвался?

— На вараки ушелъ. Одну меня здѣсь оставилъ; говорилъ, что черезъ день будетъ.

— Ну, матка, плохо твое дѣло.

Лапландка заморгала глазами, слезы полились на это одичавшее лицо и, въ отчаяніи, она начала бить кулаками въ грудь и царапать щеки ногтями.

— Должно быть, мужъ ейный на промыслѣ пропалъ. Либо въ яму какую свалился, либо волки загрызли, либо чуждъ поганая на хибинскихъ плѣшкахъ его распластала.

— А то, бываетъ, и лѣшаки шалять.

— И олени не ворочались?

Лапландка покачала головою и еще отчаяннѣе зарыдала, изо всей силы стучаясь затылкомъ о деревянные стѣны вѣжи.

— Вотъ что, матка. Ждать тебѣ мужа нечего. Не вернется ужъ. Всѣ подъ Богомъ ходимъ, что дѣлать! Мятель проходить, ѣдемъ съ нами. Мы тебя до погоста доставимъ къ своимъ.

Лапландка махнула рукой и что-то забормотала по-своему.

— Не хочеть, горевалъ коршикъ.— Говорить, что здѣсь станеть мужа ждать.

— А сколько ты день матка не ѣла и не пила?

Та показала четыре пальца.

— Ахъ ты, лопка, лопка, съ сожалѣніемъ покачалъ головою коршикъ. Промышленники попробовали-было еще ее убѣждать ѣхать съ ними, пугали ее голодною смертию, волками на этомъ безлюдьѣ, но жена оставалась непреклонною:

— Буду ждать мужа, повторяла она, глядя внизъ.

Артель, наконецъ, рѣшилась уѣхать. Олени были уже запряжены въ керезки.

— Ну, прощай, matka!

Та кивнула головою изъ своего угла.

— Что-же ты хлѣба не просишь?

Она потупилась еще ниже.

— Ояѣ, эти лопки, совѣстливья, объяснилъ коршикъ. — Ъдежъ съ нами, пропадешь здѣсь.

Покрученники оставили ей двѣ или три ковриги хлѣба, соленой рыбы, натаскали ей дровъ. Одинъ даже подаль ей водку.

— Пей!

Лапландка рукою отстрапила бутылку.

— Чего ты, глупая? пей.

— Безъ мужа не стану.

Долго еще, стремительно мчась по рыхлому снѣгу, покрученники оглядывались на одинокій утесъ и думали о несчастной женщинѣ, двѣнадцать дней ожидавшей здѣсь своего мужа и рѣшившейся ждать его до тѣхъ поръ, пока ее самую не уложитъ голодная смерть посреди мертвой пустыни. Тяжело было у нихъ на душѣ. Оставленная вѣжа съ фигурою одичавшей отъ отчаянія лапландки, прижавшейся въ уголь и понижшей, долго еще мерещилась имъ и невольно тоска закрадывалась въ душу, когда на память приходило такое-же одинокое бѣломорское село, затерявшееся въ неисходной глуши, гдѣ ждали ихъ милые и дорогіе люди.

Придется-ли имъ увидѣться еще? Не напрасны-ли эти ожидания?

Мягель улеглась. Въ пустыи повѣяло тепломъ и весеннею сыростью. Съ горъ кое-гдѣ показались ручьи, просочившіе снѣговую кору и, гремя, сбѣгавшіе въ темныя проталины. Нѣга и лѣнь оковывала члены, а передъ райдою ложился еще путь до самой Колы. Огненное зарево заката уже легло на вершины горъ, когда покрученники увидѣли вдалькъ едва сѣрѣвшія тупы лопарскаго погоста. Почувявъ отдыхъ, олени быстрѣе понеслись впередъ и райда, какъ летучій змѣй, извиваясь на сотняхъ поворотовъ узкой тропки,

между выступами скалъ и откосами варакъ, съ криками и пѣснями все ближе и ближе подвигалась къ этому поселку.

— Здорово, крещенные, встрѣтили ихъ лопари.

— И вамъ тоже. Какъ Богъ носить?

— Ничего.

— Ничего—лучше всего.

— На промыселъ въ Еретики, должно, собрались?

— Туда. Вашу лопку мы встрѣли. Ждетъ мужа въ вѣжѣ, да мужъ-то должно сгинулъ. Не хочетъ сама домой. Мы бы взяли ее.

— Должно, это Сягова Анна. Надо сказать сродственникамъ, чтобы ѣхали за ней, можетъ привезутъ.

— Не ѣдетъ!

— Экое горе! Не поѣдетъ—мы хорошо ее знаемъ... И у насъ тоже, признаться, неладно.

— Что такъ?

— А лихая болѣсть. Въ каждой тупѣ больные есть. Иванъ Медвѣдевъ умеръ, да и братъ у него тоже плохъ.

Буда промышленники ни заходили, вездѣ лежали больные. Всѣ жаловались на слабость и ознобъ.

Въ одной изъ землянокъ лежалъ трупъ только-что скончавшагося лопаря. Кругомъ стояли жена и дѣти. Малютки съ тупымъ изумленіемъ вглядывались въ недвижныя и разомъ заострившіяся черты. Лапландка, сложивъ руки на груди, не отводила взгляда отъ мертваго. Она молчала; не было ни нашего воя, ни нашихъ причитаній. Только слезы текли изъ красныхъ глазъ, обведенныхъ красными, вспухшими вѣками. Голодь свирѣпствовалъ страшный. Когда покрученники дошли до середины поселка, имъ па-встрѣчу попала лопка съ ребенкомъ на рукахъ. Она безмолвно опустилась передъ ними на колѣни и, протянувъ къ нимъ дитя, понизла голову.

— Эка горе какое!—И Андрей отдалъ имъ краюшку хлѣба.

Такъ-же молча поклонилась женщина и пошла дальше.

— Что, братцы, какъ мы здѣсь заночуемъ? Какъ-бы не занедужить?

— Богъ милостивъ.

— Жалость глядѣть.

Послѣднія краски заката отгорали надъ голоднымъ погостомъ. Вершины елей, охваченныя послѣднимъ, оранжевымъ отсвѣтомъ

зари, подымаясь изъ сѣрой пелены тумана, казались плававшими въ морѣ этой мглы. Розовыя полосы снѣговыхъ сватовъ блѣднѣли и тускля, а съ востока уже подступала синяя, сырая, медленно расплывавшаяся ночь. Тишина царила надъ этимъ вымирающимъ выселкомъ, только гдѣ-то глухо лаяла собака, одичавшая отъ безкормицы, да тонко-пискливо журчала узкая бить талой воды, просочившейся въ снѣговомъ сугробѣ.

Райда спускается по откосу горы. Прямо передъ нею чернѣет пропасть, надъ которою виситъ, ниже откоса, сѣрое облако. Промышленникамъ видна его волнообразная, медленно клубящаяся поверхность; на ней радужнымъ отблескомъ порою отсвѣчиваются солнечныя лучи.

Райда спустилась внизъ. Налѣво и направо потянулась лѣсная поросль. Было удивительно тихо. Ни вѣтра, ни взмаха птичьяго крыла, ни волчьяго воя. Только скрипъ отъ кережекъ да крики погонщиковъ нарушали полное безмолвіе этой пустынной окрестности. Тутъ опять стволы сосенъ, березъ и елей стали толще и выше. Подъ защитою горъ, обложившихъ Кольскую губу, здѣсь было такъ-же тепло, какъ и внутри Лапландіи. Въ одномъ мѣстѣ лѣсная чаща раздвинулась, образуя совершенно круглую поляну. Въ разныхъ мѣстахъ на ней сѣрѣли громадные камни, покрытые мхомъ и лишаями.

— Теперь подъ этимъ камнемъ змѣи отъ холоду по зимамъ хоронятся—страсть!

— И откуда камни эти здѣсь?

— Камень чужь навалила. Это все чужскія могилки.

— Ну еще чужь-ли?

— Старые люди говорятъ.

— Въ эфтихъ мѣстахъ, сказываютъ, и шведъ не мало воевалъ.

— Точно-что. А ты поговори съ лопью, она тебѣ много про чужь расскажетъ. Чужь эта храбрая была. Лопь отъ нея хоронилась въ черныя трещи да землянки.

На полянѣ сдѣлали приваль. Оленей отпустили на-время. На одномъ изъ камней разложили костеръ. Черный дымъ стройно под-

нялся въ воздухѣ и на высотѣ расплылся красивымъ облакомъ. Тишина нарушалась только трескомъ горѣвшихъ сучьевъ да шорохомъ оленей въ лѣсу. Голубое, чистое небо и весенній, теплый воздухъ настроили промышленниковъ на сладкія мечтанія о родной сторонѣ, о будущемъ промыслѣ, о зазнобушкахъ, прикладывавшихъ удалыхъ парней тамъ, въ глухомъ бѣломорскомъ селеніи. Кое-кто ужь и спалъ, когда вдругъ изъ лѣсу раздался точно колокольный звонъ. Тягучіе, глубокіе звуки колокола медленно расходились въ воздухѣ, смолкали и снова подымались правильными волнами. Нельзя было только опредѣлить, откуда несутся они. Базалось, что они плывутъ со всѣхъ сторонъ, что они—повсюду. Артель встрепелась.

— Что это, никакъ благовѣсть, братцы?

— Молчи. Перекрести лобъ-то, остановилъ Андрея коршикъ. — Не знаешь развѣ, какой это лѣсъ? Нѣшто здѣсь есть церкви, либо колокольни!

— Говори толкомъ.

— А ты молись. Здѣсь, во время оно, шведы сорокъ русскихъ, нашихъ, подвижниковъ убили. На этихъ мѣстѣхъ и благодать Господня доселѣ почиетъ. Тутъ, въ глуши лѣсной, у нихъ, у упокойничковъ, и церкви есть, и обители,—только мы ихъ не увидимъ. Ежели кто помираетъ здѣсь, ну точно-что передъ смертью видитъ. Бываетъ, что и пѣніе слышно. Можетъ, монастырь-отъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ. Почему узнаешь?

— Ты слыхалъ пѣніе-то?

— Нѣтъ. А колокола второй разъ слышу. Чудное дѣло это, братцы. Нашъ одинъ мурманщикъ весь этотъ лѣсъ изохель. Искаль, откуда звонъ идетъ. Все, говорить, кругомъ колокола. Никакъ понять невозможно. Это лѣсъ святой, заповѣдный. Здѣсь по эфтому самому ни лѣшихъ, ни водяниковъ нѣтъ.

— Откуда здѣсь водяникамъ быть!

— А посередь лѣса—озеро. Рѣчка есть, бѣжитъ чистая да свѣтлая такая.

Колокольный звонъ продолжался, только теперь интервалы между его волнами были длиннѣе и неровны. Онъ наполнялъ все, но тѣмъ не менѣе не былъ особенно громокъ. Сѣвозъ него слышенъ былъ и шестеть оленя въ лѣсной чащѣ, и трескъ костра, и говоръ

промышленниковъ, и тавканье собакъ, тоже сторожеко поводящихъ ушами...

Потянуло легкимъ вѣтромъ, зашелестили безлистные вѣтви деревьевъ, сбрасывая внизъ мягкіе хлопья снѣга, и колокола разомъ смолкли. Они не стихали постепенно, а оборвались вдругъ, не оставляя послѣ себя даже отзвучія. Точно ихъ и не бывало во все.

— Есть тутъ мѣста. Мончъ-тундру знаешь?

— Это на норвецкую сторону отъ Имандры?

— Да. Есть тамъ гора—Трифонова варака. Войди ты на самую плѣшку да сядь,—только на всходѣ солнышка надо—ну, и сейчасъ тебѣ заговорять камни.

— Какъ камни?

— Такъ; гуль отъ нихъ пойдетъ округъ тебя...

— Ошалѣешь!

— Какъ не ошалѣть! Это тоже чудскія могилы. Тутъ ихъ страсть что наворочено...

Скоро райда поднялась и погрузилась вглубь этого лѣсного царства. Приходилось ѣхать то вверхъ, то внизъ. По мѣрѣ приближенія къ Колѣ, горы становились чаще и круче. Сѣрые камни были крупнѣе и встрѣчались уже не по одиночкѣ, а цѣлыми группами. Наконецъ, ватага промышленниковъ вѣхала въ узкое ущелье. Направо и налево высились крутыя вараки, поросшія лѣсами. Кое-гдѣ слышалось журчаніе ручьевъ, просочившихся въ снѣговой пеленѣ, и громкій ропотъ маленькаго порога въ незамерзающей рѣчонкѣ, быстрота которой превосходить всякое вѣроятіе... Наконецъ, когда заря озолотила всю эту гористую окрестность, когда багровое зарево ея охватило выступы снѣговыхъ скатовъ, промышленники вѣхали на гору Соловараку и съ ея вершины увидѣли внизу Колу, самый сѣверный изъ всѣхъ городовъ европейской Россіи. Тутъ кончалась Лапландія.

Кола расположена на отмелевомъ полуостровѣ, образуемомъ подножіемъ горы Соловаракн. Отсюда сверху вся она была видна, какъ на ладони. По лѣвую сторону этого полуострова алѣютъ, подъ лучами заката, Туломскій рукавъ Кольской губы, по правую, въ тѣни высокихъ горъ, снѣгла рѣка Кола, сплошь заваленная камнями и скалами. Прямо передъ горою и городомъ на пятьдесятъ верстъ впередъ тянулась Кольская губа сѣвернаго Де-

довитаго океана, обрамленная громадами величавыхъ возвышенностей. Противъ самой Колы, ближе къ рѣкѣ, сѣрѣлъ островъ, на которомъ было раскинуто владбище съ старинною церковью. Островъ узенькимъ, едва замѣтнымъ перешейкомъ, заливаемымъ во время прилива, соединяется съ отмелью города. Самая Туломская губа видна была отсюда версты на четыре, со всѣми своими извивами и горами, обступившими ее отовсюду.

Городъ казался очень малъ. Два ряда домовъ, соборъ, стоявшій посрединѣ города, да амбары у самаго берега—вотъ и все. За то положеніе Колы прелестно, особенно лѣтомъ, подъ лазурью яснаго неба и у лазури яснаго, ничѣмъ невозмущаемаго моря... Немудрено, что и наши промышленники залюбовались этою громадною панорамой, такъ ярко подъ эффектнымъ освѣщеніемъ вечерней зори раскинувшюся передъ ними.

Тутъ мы простился съ артелью покрученниковъ и встрѣтились съ нею вновь уже на Мурманскомъ привольѣ, у арктическаго океана, въ суровой борьбѣ съ непосильнымъ трудомъ и съ могучей стихіей.

В. Славянской.

СОЛДАТЫ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Въ глуши предмѣстїя, гдѣ съ тощими кустами
Мѣшается волчець, подъ пыльными стѣнами,
Въ июльскій душный день, залившій все огнемъ,
Въ вечерніе часы я встрѣтилъ ихъ вдвоемъ; —
И мать и сынъ-дѣтя, тяжелой грусти полны,
Въ одеждѣ траурной шли тихо и безмолвно.
Во цвѣтъ лѣтъ она была уже вдовой,
Готовою вполне поникнуть головой
Съ нѣмой покорностью предъ бѣдностью своею,
И въ глазкахъ мальчика, спѣшившаго за нею,
Больныхъ отъ долгого и горькаго поста,
Была серьезности недѣтская черта.

Въ раздумьи шли они, смотря на блескъ заката.

Еще огнемъ его вся даль была объята,
Еще сверкали тучь пурпуровыхъ края,
Когда послышался, торжественно гремя,
Вдали военный маршъ и, пыль поднявъ столбами,
Мелькнули всадники блестящими рядами—
То ѣхалъ пышный полкъ, окончившій парадъ.
Такое зрѣлище, какъ пестрый маскарадъ,
Народа и дѣтей приковываетъ взоры,
Увы! и мальчикъ имъ увлекся очень скоро.
Какъ ярко все блеститъ! Не видѣлъ нпкогда
Бѣднякъ на чердакѣ, гдѣ царствуетъ нужда,
Подобной роскоши... Онъ смотритъ въ изумленьи,—
И, радуясь, что есть для сына развлеченье,
Мать говоритъ ему, безцѣльный бросивъ взглядъ:

„Пожалуй, постонмъ,—посмотримъ на солдаты!“

Стоять и сынъ и мать, а этотъ полкъ красивый,
Надмѣненъ и угрюмъ, идетъ неторопливо.

За музыкантами отряды кирасирь
 Гремятъ копытами и будятъ сонный миръ.
 Сверкаютъ каски ихъ, какъ зеркала стальные;
 Всѣ сабли на-голд; всѣ кони вороные—
 Кровь каплетъ изъ ноздрей, огнемъ глаза горять,—
 И ослѣпительно, какъ молніи блестятъ
 Кирасы всадниковъ отъ каждаго движенья.
 Храпя безстрастнаго покоя выраженье
 Одинъ отрядъ полка смѣняется другимъ,
 И еслибъ кто-нибудь былъ остановленъ имъ,
 То увидалъ-бы онъ, какъ стройными рядами,
 Смѣняясь чередой, мелькаютъ предъ глазами
 То спинки отъ кирасъ и крупы лошадей,
 То лица всадниковъ и морды ихъ коней,
 Идущихъ тяжело и медленно, и мѣрно,—
 И это зрѣлище покажется навѣрно
 Еще прекраснѣе и, можетъ быть, грознѣй
 Въ багровомъ заревѣ сверкающихъ лучей.

И золото, и сталь на всемъ горять огнями.
 За офицерами дѣтя слѣдить глазами:
 Они командуютъ, красуясь на коняхъ,
 Перчатки стянуты на стройныхъ ихъ рукахъ,
 Какъ будто ждетъ ихъ балъ, а кони вороные,
 Припомнивъ, можетъ быть, тревоги боевыя,
 И смотреть съ гордостью, и гложутъ удила.
 Но больше всѣхъ солдатъ ребенка увлекла
 Фигура юноши: какъ рекрутъ между ними
 Въ простомъ мундирчикѣ съ снурками золотыми
 Онъ ѣдетъ,—но толпѣ, глазѣющей кругомъ,
 Онъ кажется всегда счастливецемъ, молодецъ,
 Въ душѣ котораго горитъ отваги пламя,—
 И все за то, что онъ несетъ родное знамя.

Полекъ медленно идетъ, а мальчикъ самъ не свой,
 За юбку матери держась одной рукой,
 И трусить, и дрожить отъ новыхъ впечатлѣній.
 Но вдругъ очнулась мать отъ смутныхъ сновидѣній
 И грудь ея полна мучительныхъ тревогъ.
 Ей было сладостно, что мальчика развлекъ
 Красивый полекъ,—но вотъ бѣждняжку мысль трево-
 жить,
 Что сынъ когда-нибудь уйдти въ солдаты можетъ.
 Едва мелькнула мысль и молніи быстрѣй

Картина страшная возникла вслѣдъ за ней:
Ночь прекратила бой; на столпанныхъ полянахъ
При свѣтѣ мѣсяца бойцы въ тяжелыхъ равахъ
Лежать безъ помощи, безъ близкихъ и друзей;
Одни зовутъ въ бреду любимыхъ матерей,
Другіе привстаютъ и падаютъ безъ силы
И только лошади голодные уныло
Стоять и рвутъ траву, окрашенную въ кровь,
Среди полуживыхъ забытыхъ мертвецовъ...

У ней застыла кровь, она уводитъ сына—
И хоть изъ глазъ его исчезла вся картина,
Хоть за уголь свернулъ и полковой фургонъ,
Но мальчикъ не идетъ, упорно смотритъ онъ
На пыльные столбы, тревожно ожидая,
Что въ нихъ еще мелькнетъ хоть искра золотая,
И сердится уже на слабость матерей,
Всегда трепещущихъ за участь сыновей.

М. Н.

ДВА МІРА.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Александръ не устоялъ противъ искушенія, и Маша отдалась ему съ полной довѣрчивостью первой любви.

— Ты знаешь, говорилъ онъ, что каждая свободная минута моя принадлежитъ тебѣ и что я никогда не оставлю и не разлюблю тебя. Только, Маша,—(и онъ съ лаской смотрѣлъ на нее)— довѣрься мнѣ вполне и рѣшись исполнить мою просьбу. Что можешь останавливать тебя?

— Ахъ, Александръ, мнѣ такъ страшно! Это опять перевернетъ всю мою жизнь. Подумай, я теперь только встала на ноги. Заказовъ у меня много, заказчицы мной довольны, еще два-три года—и я, пожалуй, заведу свой магазинъ...

— Это не твои слова, это говоритъ Дарья Осиповна! вчера ты почти согласилась, а сегодня опять на попятный дворъ. Вѣрно, она тебѣ опять наговорила, что я волокита, обманщикъ?.. Признайся, я правъ?

— Нѣтъ, она никогда не говоритъ о тебѣ, уныло отозвалась Маша,—только разъ она меня просила подумать...

— Ну, Богъ съ нею! (Александръ махнулъ рукой). — Я видѣть не могу этихъ тряпокъ! ты, бѣдная, сидишь надъ ними по вѣсколку часовъ въ сутки. Ты, такая красивая, талантливая, убьешь всю свою молодость на шитье!

Онъ подошелъ къ Машѣ и взялъ ее за руки.

— Нѣтъ, этого не будетъ, сказалъ онъ повелительно-шутливо, — я этого не позволю! Слышите: я этого не позволю! Я хочу, чтобъ вы были артисткой, чтобъ вы занимались дѣломъ по вкусу.

— Говорю тебѣ, Саша, я не могу. Я уже отвыкла отъ рисованья; мнѣ придется опять начинать съ азбуки; мнѣ будетъ очень трудно, я буду только пачкать бумагу.

— Все это ты говоришь противъ своего убѣжденія; ты очень хорошо знаешь, что умѣешь усидчиво работать и добилась-бы цѣли. Я знаю, ты говоришь это для того, чтобъ меня обидѣть...

— Саша!

— Чтобъ дать мнѣ почувствовать, что ты ничѣмъ не хочешь быть мнѣ обязанной.

— А если-бъ и такъ?

— Такъ поступаютъ только съ негодяями, серьезно произнесъ онъ и отбросилъ ея руки (Маша съ укоромъ посмотрѣла на него); — да, да, съ первыми встрѣчными мерзавцами, которые сулятъ золотныя горы, когда хотятъ добиться своего, а потомъ отвертываются...

— Александръ, мой милый, какіе ужасы ты мнѣ наговорилъ и, конечно, все это неправда! Ты знаешь, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, что мнѣ отрадно исполнять твои желанія. Но ты самъ не знаешь, чего хочешь, ты не знаешь, какъ дорого стоить...

— Что значить для меня нѣсколько сотъ рублей? Не говори мнѣ о деньгахъ. Дѣло идетъ о твоемъ будущемъ, а ты говоришь о какихъ-нибудь жалкихъ рубляхъ. И все наше разногласіе вертится на этомъ... А какъ мы проживемъ счастливо: у тебя будетъ маленькая мастерская, мольбертъ, краски, модели! Каждую свободную минуту я стану забѣгать къ тебѣ; мы будемъ одни, свободны, никто не станетъ горевать за стѣной, когда мы вмѣстѣ...

Онъ посмотрѣлъ на запертую дверь.

— Молчи, Александръ! когда ты такъ говоришь, я совсѣмъ не могу работать.

— И слава-богу, пора бросить это тряпье!

И онъ шутя сталъ бросать на полъ все, подвернувшееся ему подъ руку.

— Ахъ, что ты дѣлаешь! изомнешь, изорвешь!

А между тѣмъ Маша хохотала; въ эту минуту она и сама охотно-бы вышвырнула всѣ свои тряпки за окно.

— Саша, сказала она, — угомонись, я подумаю.

Александръ былъ доволенъ.

— Смотри-же, думай скорѣй. Я ни за что не пріѣду къ тебѣ до тѣхъ поръ, пока ты не дашь согласія окончательно распроситься съ своимъ „швейнымъ искусствомъ“, лукаво говорилъ онъ.

— А какъ-же ты узнаешь, что я надумала?

— Ты мнѣ напишешь.

Маша покраснѣла.

— Я плохо пишу.

— Ничего, мы и этому горю поможемъ: мы возьмемъ учителя...

— Опять учителя!

— Опять рубли! Ты все забываешь, сказалъ онъ нѣжно, — что я страшный эгоистъ. Я хочу *для себя*, чтобъ ты была образованная, красивая, нарядная... Ну-да, нарядная... Что ты на меня такъ смотришь? Конечно, главнѣе всего, чтобы ты была счастлива.

— Какой ты добрый, мой Саша!

— Милая моя, у меня нѣтъ никого, кого-бы я цѣнилъ дороже тебя.

II.

Послѣ того, какъ Маша сошлась съ Александромъ, онъ постоянно просилъ ее снова взяться за живопись. Маша долго колебалась, но, наконецъ, рѣшилась. Она сама отказалась отъ завазовъ своихъ покровительницъ, говоря, что работать дома невыгодно, и что она поступаетъ на мѣсто. Нѣкоторые изъ дамъ пожалѣли, что ихъ оставляетъ такая выгодная швея, и даже предложили ей надбавку за работу, но Маша отговаривалась тѣмъ, что она уже дала слово и должна сдержать его.

На первыхъ порахъ своей новой жизни Маша ходила брать уроки рисованія въ мастерскую очень хорошаго художника, пріятеля Александра. Это, однакожь, продолжалось не долго; настало лѣто и

всѣ развѣхались по дачамъ. Маша съ матерью тоже не остались въ городѣ. Онѣ перебрались на маленькую дачу въ Парголово. Разумѣется, онѣ не позволили-бы себѣ такой роскоши, но Александръ, не предупредивъ Машу, нанялъ для нея эту дачу.

Въ первый разъ въ жизни Мама жила лѣтомъ на дачѣ и наслаждалась спокойной жизнью.

— Мама, неправда-ли, здѣсь точно въ раю! твердила она матери.

Жизнь на свѣжемъ воздухѣ, на просторѣ, за занятіями пріятными и неистощающими силъ, благотворно подѣйствовала на Машу. Красота ея разцвѣла, въ глазахъ виднѣлись блескъ и жизнь.

Учитель ея жилъ тоже въ Парголовѣ, такъ-что она и лѣтомъ могла продолжать уроки рисованія. Александръ тоже нанялъ себѣ дачку рядомъ. Изъ его знакомыхъ, кромѣ учителя Маши, никто не жилъ въ Парголовѣ, такъ-что онъ не стѣснялся расхаживать съ Машей по всѣмъ окрестностямъ.

Влюбленные провели вполне счастливое лѣто, ихъ взаимная любовь нисколько не уменьшилась. Одно только огорченіе испытывала Маша: Дарья Осиповна по-прежнему оставалась холодна къ ея радости. Когда Маша заговаривала съ нею объ Александрѣ, она или упорно молчала, или лаконически отвѣчала:

— Ты вѣришь ему, счастлива, пу и прекрасно; дай Богъ только, чтобы счастье твое продолжалось какъ можно долѣе.

Дарья Осиповна не любила Александра. Когда онъ заходилъ къ нимъ, она старалась не показываться и если приходилось разговаривать, отвѣчала ему сухо. Даже когда онъ пріѣзжалъ изъ города усталый или съ головной болью и Маша старалась сдѣлать все, чтобы развеселить его, Дарья Осиповна говорила:

— Не бѣда, выспится и все пройдетъ!

Подъ конецъ лѣта Александръ и Маша вышли вечеромъ гулять. Они шли по безконечной дорожкѣ, ведущей изъ второго Парголова въ третье.

— Все уже сдѣлано и устроено, говорилъ Александръ:— я нанялъ тебѣ квартиру и мастерскую. Надѣюсь, она понравится тебѣ.

— Я въ этомъ увѣрена: у тебя такъ много вкуса! Знаешь, Саша, я теперь такъ счастлива, что мнѣ даже страшно! Когда я буду хорошо рисовать, я нарисую эмблему счастья; какъ ты думаешь, мнѣ это удастся?

— Фигуру срисуй съ себя... Ты хорошѣешь съ каждымъ днемъ, и, кажется, немножко полнѣешь...

Маша покраснѣла.

— Не разглядывай-же меня такъ пристально, застѣнчиво сказала она.

Александръ понялъ.

— Возможно-ли! И ты не порадовала меня сама?

— Я не знала, будешь-ли ты радоваться.

— Маша, злая...

И Александръ вѣрѣево обнялъ ее.

Маша вернулась домой вдвойнѣ счастливая — онъ прикинулся любящимъ даже ея ребенка.

III.

Александръ тоже былъ доволенъ своей жизнью. Все, что онъ дѣлалъ для Маши, онъ дѣлалъ изъ искренней привязанности къ ней. Когда онъ сошелся съ нею, онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало сдѣлать изъ нея артистку. Теперь онъ любилъ Машу, какъ чистѣйшую женщину, на которой жизнь не оставила ни малѣйшаго пятна, и какъ будущую художницу, созданную имъ самимъ.

Онъ сталъ смотрѣть и на жизнь положительнѣе и прился за работу. Сердце его было занято Машей, голова проектомъ, надъ которымъ онъ много работалъ. Проектъ его быстро подвигался и онъ часто думалъ, что ему такъ хорошо работается именно потому, что онъ не отвлеченъ постоянными надоедающими пустяками, въ видѣ уходаванья и любезничанья, которыя отнимаютъ такъ много времени. Теперь-же онъ часто занимался и вечеромъ часа два-три, а Маша сидѣла тутъ-же и не мѣшала ему глупой болтовней и пустыми разспросами. Она сидѣла спокойно, рисуя эскизы или читая книгу.

Пусть, однако, читатель не подумаетъ, что Александръ вдался въ идиллію и для этой идилліи отказался отъ свѣта. Нѣтъ, отказать отъ свѣта ему нельзя было по расчету. Онъ очень хорошо зналъ, какая у свѣта короткая память и какъ онъ скоро забываетъ своихъ любимцевъ, когда они не напоминаютъ ему о себѣ своимъ присутствіемъ. Александръ вовсе не хотѣлъ, чтобы

свѣтъ позабылъ его; онъ разсчитывалъ скоро играть въ немъ не послѣднюю роль. Онъ только не хотѣлъ завязывать интрижекъ съ своими великосвѣтскими знакомыми дамами, но онъ старался по-прежнему *влюблять въ себя*. Привычка—вторая натура, говоритъ поговорка, и въ этомъ случаѣ поговорка оказывалась вполне вѣрной. Александръ кокетничалъ не хуже любой записной кокетки и внутренно наслаждался своими побѣдами. А что онъ одерживалъ большія побѣды, о томъ могли-бы засвидѣтельствовать раздуренныя записочки, спрятанныя всѣ вмѣстѣ въ одномъ изъ потайныхъ ящичковъ его бюро. Александръ кокетничалъ только изъ тщеславія, нисколько не желая заводить интригъ съ своими поклонницами.

Александръ внутренно торжествовалъ; его имя часто, хотя и по секрету, повторялось вмѣстѣ съ очень громкими именами — значить, оно не затиралось и не забывалось.

Александръ, узнавъ, что Маша дастъ ему ребенка, хотя и сдѣлалъ видъ, что обрадовался, но въ сущности это извѣстіе раздосадовало его. Записать его незаконнымъ ребенкомъ Маши ему было не по сердцу, объявить себя его отцомъ онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ. Онъ рѣшился похлопотать о принсканіи ему родителей, которые согласились-бы дать малюткѣ свое имя. Найти такихъ родителей было не особенно трудно. Александръ обѣщалъ одному бѣдному чиновнику не скупиться, чиновникъ и его жена такъ этимъ растрогались, что готовы были взять ребенка тотчасъ-же послѣ его рожденія и позаботиться о немъ, какъ о своемъ собственномъ. Но на это Александръ не могъ еще дать положительнаго отвѣта, онъ не зналъ, что скажетъ Маша. Да и вообще его беспокоило, какъ она приметъ извѣстіе о подставныхъ родителяхъ, и онъ долго не рѣшался спросить ее объ этомъ.

IV.

Лѣто прошло. Маша возвратилась въ городъ и прямо попала на свою новую, хорошенькую квартиру. Въ томъ-же домѣ, на самомъ верху, была и мастерская со всѣми принадлежностями. Мастерская была безукоризненна; сейчасъ можно было видѣть, что ее устраивалъ специалистъ.

— Вот твои владѣнія, сказалъ Александръ, — тутъ ты распоряжайся и властвуй какъ знаешь, и, пожалуй, даже выгоняй меня, если я стану мѣшать тебѣ; а здѣсь дари мнѣ часы твоего отдыха.

Онъ отворилъ боковую дверь и они вошли въ крошечную комнатку, прелестно отдѣланную.

— Какой волшебный уголокъ! Саша, и все это для меня?

— Это для насъ, для нашей молодости, сказалъ онъ.

Машѣ казалось, что больше ей нечего требовать отъ жизни, и она благословляла тотъ день, когда Александръ переступилъ порогъ ея комнаты. Ясно, что его любовь не мимолетный капризь; съ какой стати онъ дѣлалъ-бы для нея такъ много, если-бъ не любилъ ее?

Такъ разсуждала Мама сама съ собой, такъ говорила она и матери. По прошествіи полугода, она точно также вѣрила въ любовь Александра, какъ и наканунѣ ихъ сближенія; можно даже сказать, что чѣмъ дольше она его любила, тѣмъ больше вѣрила ему.

Счастье возбудило въ ней еще большую энергію къ труду; она работала съ выдержкой и съ усидчивостью; она быстро успѣвала и учитель поздравилъ ее, что къ лѣту она можетъ начать рисовать съ натуры.

Александръ между тѣмъ никакъ не рѣшался поговорить съ Машей о ребенкѣ. Онъ постоянно откладывалъ это объясненіе, боясь встревожить ее и нарушить ея счастье, а она была дѣтски-счастлива, особенно послѣ отзыва учителя объ ея первой самостоятельной работѣ. Вскорѣ послѣ переѣзда въ городъ учитель сказалъ ей, чтобы она сдѣлала эскизъ картины: Христосъ, благословляющій дѣтей. Онъ поставилъ ей непремѣннымъ условіемъ, чтобы она никому не показывала эскиза и работала-бы надъ нимъ самостоятельно.

— Конечно вамъ еще не по силамъ исполнять трудные сюжеты, сказалъ онъ, — и вы долго за нихъ не будете браться, но я хочу знать, насколько вы обладаете вкусомъ и чувствомъ гармоніи.

Мама посвящала этой работѣ только вечера; она работала надъ эскизомъ недѣли двѣ и, наконецъ, принесла его въ мастерскую. Читатель увидитъ его на мольбертѣ, ничего не сказалъ и молча поздравилъ его съ четверть часа.

— Хорошо, очень хорошо, наконец произнесъ онъ, — а теперь послушайте, какъ я васъ разберу по восточкамъ.

Онъ только-что началъ указывать ей ошибки, какъ вошелъ Александръ.

— Александръ Александровичъ, пожалуйста-ка сюда! Что, нравится?

— Нравится; кто это дѣлалъ?

— Марья Михайловна.

— Неужели?

— Да-съ. Обратите вниманіе, какая оригинальная композиція и какая группировка. Конечно, какъ я только-что хотѣлъ замѣтить Марьѣ Михайловнѣ, есть большія ошибки въ пропорціяхъ торсовъ, а перспектива вполне невѣрна, но выраженіе лицъ и, главное, оригинальность поразительны. Откуда вы взяли идею изобразить эти два контраста: фанатическую вѣру и фанатическую ненависть?

— Изъ евангелія, отвѣтила Маша; — мнѣ вообще не нравится исполненіе евангельскихъ сюжетовъ; художники совсѣмъ не обращаютъ вниманія на то, что у Христа было много враговъ, какъ говоритъ писаніе, которые всюду слѣдовали за нимъ и старались вредить ему въ глазахъ вѣрующихъ. Если-бъ у него были только друзья, онъ не умеръ-бы на крестѣ.

— Bravo! сказалъ учитель; — Александръ Александровичъ, какъ вы думаете, отъ многихъ изъ нашихъ учащихся молодыхъ людей вы услышите такое разумное объясненіе и многіе-ли на первыхъ порахъ своего ученія могутъ представить такой прочувствованный эскизъ? Я вамъ скажу положительно, что очень немногіе. И потому, Марья Михайловна, обратился онъ къ Машѣ, — забудьте на-время, что у васъ есть фантазія, и займитесь торсомъ, пропорціей и перспективой. А этотъ рисунокъ подарятъ мнѣ, я принесу вамъ его черезъ годъ, чтобъ вы сами указали на ваши ошибки. Поучитесь въ Россіи еще годикъ-другой, а потомъ поѣзжайте въ Германію или, еще лучше, въ Италію. Здѣсь вообще трудно развить свой талантъ въ живописи, а тѣмъ болѣе вамъ, бѣдной женщинѣ.

Послѣ этого разговора Маша стала еще прилежнѣе рисовать. Александръ теперь уже надѣялся, что она несомнѣнно пойдетъ

далеко, и даже придумывалъ ей артистическій псевдонимъ, который звучалъ-бы гармоничнѣе, чѣмъ имя Алексѣевой.

А критическій моментъ подходилъ и Александръ видѣлъ настоятельную необходимость сообщить ей о своихъ планахъ насчетъ ребенка.

V.

Мама была уже въ послѣднихъ дняхъ беременности и отдыхала вечеромъ на диванѣ. Она была обрадована приходомъ Александра.

— У меня выдался свободный часъ и я пріѣхалъ. Какъ твоё здоровье?

— Хорошо, но я устала...

— Лежи, лежи, я сяду здѣсь.

И Александръ подкатилъ себѣ кресло.

Съ полчаса они вели разговоръ объ обыденныхъ предметахъ; наконецъ, Александръ незамѣтно свернулъ его на ребенка.

— Меня мучить мысль, сказалъ онъ и взялъ руку Маши, — что ребенокъ нашъ будетъ незаконный.

Мама съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— А развѣ усыновленный ребенокъ тоже незаконный? спросила она.

Александру стало ясно, что ей и въ голову не приходитъ, что онъ не хочетъ признать себя отцомъ ребенка. Онъ медлил отвѣтить; сердце Маши въ первый разъ болѣзненно забилося...

— Что-жь ты мнѣ ничего не отвѣчаешь! съ безпокойствомъ спросила она.

— Я не могу объявить себя отцомъ ребенка. Ахъ, Мама, ты не знаешь и не можешь понять, что такое тотъ свѣтъ, среди котораго я живу, съ волненіемъ отвѣчалъ онъ. — Если узнаютъ, что у меня ребенокъ, это сейчасъ-же погубить всю мою будущность. Меня стануть унижать и оскорблять, на меня стануть показывать пальцами!.. Неужели ты желаешь, чтобъ меня унижали и оскорбляли?

Конечно, Мама этого не желала, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей было жаль и ребенка. Она нѣсколько минутъ молчала, но, наконецъ, произнесла со слезами на глазахъ:

— Ну что-жь, пусть онъ будетъ незаконный, вѣдь мы отъ этого не меньше будемъ любить его.

— Маша, ты все такая-же идеалистка, какъ и была. Милая моя, любовь остается любовью, а положеніе—положеніемъ.

— Развѣ положеніе незаконныхъ очень худо?

— Да; они не пользуются тѣми-же правами, какими пользуются законныя дѣти, и общество относится къ нимъ съ предубѣжденіемъ. Ты, конечно, не пожелаешь, чтобы твой ребенокъ попрекалъ тебя, когда онъ вырастетъ и пойметъ свое положеніе?

Маша опечалилась.

— Можетъ быть, онъ и не будетъ попрекать меня; я все сдѣлаю, чтобы онъ любилъ меня...

Маша остановилась, видя, что Александръ неодобрительно качаетъ головой.

— Ну, чѣмъ-же тутъ помочь, сказала она, не найдя исхода;— или ты или онъ.

— Ни я, ни онъ, съ улыбкой отозвался Александръ,—я ужъ позаботился обо всемъ. Онъ будетъ крещенъ дворяниномъ, ребенкомъ такого-то.

Александръ назвалъ фамилію чиновника.

Маша съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Я не понимаю, сказала она.

Александръ подробно объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и замолчалъ, ожидая отвѣта; а она опять сидѣла молча, съ поникшею головой.

— То-есть, я должна отречься отъ своего ребенка, наконецъ, сказала она,—я не должна признавать себя его матерью?

• — Маша, да съ чего-же ты это взяла? онъ будетъ у тебя, ты будешь его воспитывать, ты никому не отдашь его! Но, подумай, ты дашь ему этимъ все гражданскія и общественныя права...

— Да я-то что тутъ буду? станетъ-ли общество и законъ признавать меня его матерью?

Александръ колебался отвѣтить.

— Если кто-нибудь обидитъ его, могу-ли я предъ закономъ заступиться за него? Саша, отвѣтъ-же мнѣ: да или нѣтъ?

— Нѣтъ.

Опять водворилось тяжелое молчаніе.

— Нѣтъ, я не отрежусь отъ своего ребенка теперь; можетъ быть, и онъ потомъ не отречется отъ меня! воскликнула Маша и заплакала.

— Чего-жь ты плачешь? ты, неразумная, не хочешь ему добра! Я-же говорю тебѣ, что никто у тебя не отниметъ его. Онъ будетъ съ тобой, ты только дашь ему имя, положеніе; кто говоритъ объ отреченіяхъ!..

Но Маша продолжала плакать.

— Саша, умоляю тебя, говорила она, — не отнимай его у меня. Я сама не знаю почему, но мнѣ кажется, что онъ не будетъ мой, если его усыновятъ такъ, какъ ты говоришь. Пусть лучше онъ меня попрекаетъ, когда вырастетъ, пусть онъ меня броситъ, я постараюсь какъ-нибудь съ этимъ примириться, но теперь я не могу отдать его чужимъ людямъ... которые куплены...

Александръ еще разъ объяснилъ ей, какое зло она можетъ сдѣлать своему ребенку, не соглашаясь на *пустую формальность*, но Маша стояла на своемъ и ни за что не хотѣла отречься отъ него. Такъ они и разстались.

Александрю было досадно, что онъ не убѣдилъ Машу, и его брало сомнѣніе, стоитъ-ли говорить съ ней объ этомъ еще разъ, а Маша такъ разстроилась, что продолжала плакать и послѣ его ухода.

— Мама, воскликнула она, когда Дарья Осиповна вошла къ ней, — выслушай о моемъ горѣ!

И она передала ей предложеніе Александра. Дарья Осиповна тяжело опустилась на оставленное имъ кресло.

— Что-жь ты мнѣ посоветуешь? спросила Маша.

— Не давай крестить ребенка на чужое имя, сказала Дарья Осиповна; — пусть онъ будетъ незаконный. Не ему позоръ, — намъ; а мы съумѣемъ снести его. Намъ все равно, что люди про насъ скажутъ, лишь-бы совѣсть наша была чиста.

— Что ты хочешь сказать, мамочка?

— Маша, ты знаешь, какъ я тебя люблю, я-бы, кажется, все могла принять отъ тебя, всякое новое горе, и снесла-бы его безъ ропота; но если-бъ ты дала записать своего ребенка на имя другихъ — нѣтъ, этого-бы я не снесла, это было-бы свыше моихъ силъ, и я тотчасъ-же отеклась-бы отъ тебя...

Маша еще сильнѣе заплакала, и осталась непоколебима; ея

твердое рѣшеніе было принято и она не уступила, когда дня черезъ два Александръ снова сталъ убѣждать ее.

„Ого! подумалъ онъ, — она-таки умѣетъ поставить на своемъ“.

И это новое качество почему-то не понравилось ему въ Машѣ.

У Маши родился сынъ. Она немного страдала и поправилась очень быстро. Ребенка окрестили незаконнорожденнымъ сыномъ дѣвицы Алексѣевой. Но радость имѣть сына заставила Машу скоро позабыть о нѣсколькихъ печальныхъ дняхъ, проведенныхъ передъ его рожденіемъ. Онъ родился двумя недѣлями раньше срока и былъ очень нѣженъ и слабъ, а у Маши, къ несчастію, разболѣлась грудь, такъ что она не могла кормить его. Александръ настоялъ, чтобы взяли кормилицу.

Скоро все опять пошло по-прежнему. Маша работала, а Дарья Осиповна ужь не скучала. Всѣ часы ея дня были посвящены внуку. Она не могла наглядѣться на него и находила, что онъ точь-въ-точь такой-же, какая была Маша, когда родилась.

— А этотъ злодѣй хотѣлъ у насъ отнять тебя! говорила она, убаюкивая малютку; — нѣтъ, мы не отдадимъ тебя! мы сами сѣумѣемъ тебя вскормить красавчикомъ, да молодцомъ.

Такъ разсуждала Дарья Осиповна съ своимъ внукомъ, сидя надъ его люлькой и качая его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Горскіе прожили въ Ниццѣ нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ они посѣтили Италію, побывали на водахъ и, наконецъ, въ октябрѣ перебрались въ Парижъ, гдѣ у Юліи родился сынъ. Князь былъ почти такъ-же счастливъ въ день рожденія сына, какъ въ день своей свадьбы. Сто разъ подходилъ онъ къ кормилицѣ и приподнималъ тюлевое покрывало, подъ которымъ лежало крошечное сморщенное личико, сосредоточивавшее на себѣ всѣ его надежды на будущее.

— О, Юлія, ни въ чемъ я не обманулся въ тебѣ! восклицалъ онъ въ восторгѣ: — въ любви ты дала мнѣ полное счастье, и въ первомъ ребенкѣ твоемъ — сына!

Въ началѣ декабря свадебное путешествіе князя, длившееся почти одинадцать мѣсяцевъ, окончилось. Онъ вернулся съ семействомъ въ свой богатый домъ на Морской и устроился превосходно, удобно и роскошно.

Двери большого свѣта широко раскрылись передъ Горскими, вездѣ ихъ принимали любезно и радушно. Юлія чувствовала себя гораздо счастливѣе, чѣмъ прежде; она была у себя дома, вездѣ встрѣчала знакомыя лица, и это придавало ей новую силу разыгрывать роль счастливой супруги. Однимъ она была недовольна — положеніемъ своего мужа. Передъ женитьбой князь вышелъ въ отставку и занимался теперь только своими частными дѣлами, т. е., по мнѣнію Юліи, не дѣлалъ ровно ничего. Юлія была отчасти права: князь цѣлыми днями сидѣлъ дома, читалъ, игралъ съ сыномъ, катался съ женой и сопровождалъ ее на балы и вечера. Вѣчное присутствіе мужа не нравилось Юліи, оно связывало ее по рукамъ и по ногамъ, она не имѣла никакой возможности хоть частью своего дня распоряжаться независимо. Ей захотѣлось убѣдить князя поступить на службу и добиваться чиновъ, знаковъ отличія и виднаго мѣста. Изъ разговоровъ съ княземъ Юлія заключила, что въ глубинѣ души его таится не малое честолюбіе, что онъ желалъ-бы играть въ обществѣ роль, не только какъ богатый князь, но и какъ умный и дѣльный администраторъ. Она видѣла, что князя останавливало только опасеніе, что ему не удастся, можетъ быть, возвыситься слишкомъ быстро, а карабаться вверхъ по-тихоньку и занимать какую-нибудь ничтожную должность ему вовсе не хотѣлось.

Князь часто съ сожалѣніемъ говорилъ женѣ о своей неудавшейся карьерѣ.

— Да, не повезло мнѣ, говорилъ князь: — я всегда былъ, есть и буду нулемъ. Впрочемъ, теперь я успокоился — у меня есть сынъ, можетъ быть, онъ будетъ счастливѣе меня. Можетъ быть, и я доживу до семидесяти лѣтъ, какъ отецъ мой, и увижу, что сынъ мой пошелъ по той дорогѣ, о которой я всегда мечталъ для себя.

Однакожь, Юлію не удовлетворяли надежды мужа; она не могла примириться съ мыслью, что князь въ счастливой домашней обстановкѣ будетъ спокойно ожидать того времени, когда сынъ его вырастетъ и осуществитъ завѣтныя желанія своего ба-

тюшки. „Князь еще далеко не старъ, онъ и теперь могъ-бы не ударить лицомъ въ грязь, разсуждала она; кромѣ того, онъ упрямъ и непомярно самолюбивъ, а это все, что нужно, чтобъ человѣкъ не бросилъ разъ начатаго дѣла. Въ заманчивомъ видѣ представлялись Юлія всѣ тѣ выгоды, которыя она будетъ имѣть, если князь возьмется за опредѣленное занятіе, и она все чаще и чаще думала, какъ-бы поинтересоваться подойти къ нему. Долго готовилась она къ объясненію и, наконецъ, рѣшила, что всѣ шансы побѣды на ея сторонѣ.

Они сидѣли вдвоемъ за завтракомъ; князь былъ веселъ и разговорчивъ, Юлія также. Они болтали безъ умолку, немножко злословили, немножко насмѣхались надъ ближними. Вдругъ Юлія умолкла и устремила долгій и серьезный взглядъ на князя.

— Constantin, сказала она, — мнѣ кажется, ты еще слишкомъ молодъ, чтобы засиживаться дома и проводить время праздно.

— Что ты хочешь сказать этимъ? спросилъ онъ.

— Я вижу, отвѣчала Юлія, — что рѣшительно всѣ добиваются почестей, орденовъ, положенія, а ты, Костя, точно ребенокъ каковой, всѣмъ доволенъ, тебѣ ничего этого не нужно.

— Теперь мнѣ, дѣйствительно, ничего этого не нужно, мнѣ и такъ хорошо.

— Это только до тѣхъ поръ, пока ты въ меня влюбленъ, съ улыбкой замѣтила Юлія, — но, другъ мой, говорятъ, что любовь превращается современемъ въ обычную дружбу. Подумай, лѣтъ черезъ пять ты можешь замѣтить, что любовь твоя не такъ пылка, какъ теперь, ты можешь ощутить неудовлетворенность, можетъ быть, даже скуку. Между тѣмъ молодость уйдетъ, въ сорокъ пять лѣтъ не захочется уже выступить новичкомъ, самолюбіе не позволитъ, да и совсѣмъ отвыкнешь отъ работы. И тогда знаешь-ли, Костя, что будетъ?

— Что?

— Ты будешь мнѣ невѣренъ и меня замѣнить другимъ.

Князь покачалъ головой, будто желая сказать: это невозможно.

— А я не хочу уступать своихъ правъ на твое сердце, продолжала Юлія, — я хочу, чтобъ твои огромныя способности принесли пользу государству и отечеству, чтобъ про тебя всякій могъ сказать: князь Горскій — дѣльный человѣкъ.

Князь съ удовольствіемъ выслушалъ предложеніе жены. Въ ея

словахъ онъ увидѣлъ новое доказательство ея любви; онъ вѣрилъ, что Юлія, дѣйствительно, убѣждена въ его умъ и способности. „Какъ знать, мелькнуло у него въ головѣ, — можетъ быть, она права? Можетъ быть, она не преувеличиваетъ мои способности?“ А между тѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Какая-же ты честолюбивая!

— Ты меня за это порицаешь?

— Нисколько! я радуюсь, что ты не относишься равнодушно къ моему будущему.

— И ты со мной согласенъ?

— Какъ тебѣ сказать? — я не вполне увѣренъ въ своихъ силахъ и способностяхъ. Я уже не молодъ. Будь я молодъ, тогда другое дѣло: сдѣлалъ промахъ — и самъ перенесешь его легко, и другіе не обратятъ большого вниманія: ошибки свойственны молодости. Но я уже почтенный ветеранъ, промахи мнѣ не позволительны, а то засмѣютъ, да еще какъ засмѣютъ.

Князь помолчалъ, будто что-то соображая.

— Кромѣ того, не знаю, за что-бы я могъ приняться.

Онъ закинулъ руки за голову, зѣвнулъ и потянулся.

„Ну, подумала Юлія, — никогда грудь этого хомяка не будетъ украшена звѣздами!..“

— Лѣнтяй! сказала она громко и ударила князя по плечу; — только отъ одной мысли о занятіяхъ ты уже зѣваешь. Семейная жизнь тебя испортила.

— Не брани семейную жизнь, Юля; видно, судьба моя быть вѣчно лѣнтяемъ, хотя желанія трудиться у меня всегда было не мало.

— Въ такомъ случаѣ, семейная жизнь должна сдѣлать изъ тебя трудолюбиваго человѣка. Ты будешь работать для жены, для сына, можетъ быть, для многихъ сыновей...

Но этотъ разговоръ ихъ былъ прерванъ: къ князю приполъ какой-то гость и его вызвали.

II.

Раздумывая наединѣ о своемъ разговорѣ съ женою, князь призналъ справедливость ея доводовъ. Онъ имѣетъ возможность

выбрать какую угодно карьеру, а между тѣмъ не двигается ни шагу и равнодушно относится ко всему, что дѣлается у него на родинѣ. Онъ слоняется изъ угла въ уголъ въ то время, какъ Россію волнуютъ важныя реформы. Ему еще только сорокъ лѣтъ, а онъ сидитъ увальнемъ и не подумаетъ потрудиться на пользу общую. Къ тому-же эта работа можетъ дать ему почетъ и отличія. Неужели у него нѣтъ способностей, нѣтъ знаній? Онъ былъ увѣренъ, что обладаетъ и тѣмъ, и другимъ.

Въ памяти князя живо воскресли разныя соображенія, надъ которыми онъ въ былое время много думалъ. Онъ даже вынулъ изъ нижняго ящика своего стола цѣлую кипу исписанныхъ листовъ и сталъ перебирать ихъ. Это были его собственныя записки, набросанныя въ разное время для памяти; онъ большею частью касались преобразованія разныхъ учебныхъ заведеній. Пересматривая ихъ теперь, онъ считалъ ихъ очень вѣрными и основательными. Почему-же не поработать надъ ними, не собрать ихъ въ одно цѣлое и не сдѣлать ихъ общественнымъ достояніемъ? Не преступно-ли зарывать свой талантъ въ землю? Не странно-ли въ сорокъ лѣтъ, колебаться, какъ юношѣ, и неумѣть сказать себѣ: *я хочу*. Вѣдь только стоитъ сдѣлать первый шагъ...

И онъ рѣшился сдѣлать этотъ шагъ и такъ-какъ онъ всегда интересовался вопросомъ объ образованіи, то, естественно, остановился на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія.

„У насъ это еще самый непочатый уголъ, думалъ онъ, — и, дойдя до извѣстнаго положенія, можно сдѣлать бездну добра“.

Подъ словами: „дойдя до извѣстнаго положенія“, князь, разумѣется, подразумѣвалъ: „сдѣлавшись министромъ“, но до этого ему было еще далеко и онъ только въ мечтахъ могъ забѣгать въ такую даль.

Недѣли черезъ три князь возобновилъ съ Юліей ихъ прерванный разговоръ, и сообщилъ ей о результатѣ своихъ размышленій. Юлія была въ восторгѣ; она вполне одобрила выборъ мужа и была увѣрена, что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру.

— Итакъ, я начинаю хлопоты и, съ божьей помощью, вступаю на новой путь.

— Костя, какъ я рада, что, наконецъ-то, ты начнешь вести дѣятельную жизнь! Ты совершалъ преступленіе, держа подъ слухомъ свои блестящія способности.

— Не захваливай меня заранѣе: можетъ быть, я ничего не сдѣлаю.

— Этого не можетъ быть! съ убѣжденіемъ произнесла Юлія;— во мнѣ ты найдешь вѣрнаго друга, готоваго поддержать твою энергію въ минуты неудачъ и усталости.

III.

Со времени своей свадьбы Юлія никогда еще не была такъ довольна своимъ мужемъ, какъ послѣ его рѣшенія сдѣлаться единицей въ правительственномъ мірѣ. Она была довольна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ будущемъ князь сдѣлается важнымъ сановникомъ, — въ этомъ она не сомнѣвалась; во-вторыхъ, въ настоящемъ — а это главное — занятія князя дадутъ ей нѣкоторую личную свободу, до которой ей едва-ли-бы можно было добиться, если-бъ князь продолжалъ оставаться только семьяниномъ. Она не могла сдѣлать ни одного шага безъ своего любящаго мужа, которому и въ голову не приходило, какія чувства вызвала въ Юліи его заботливая предупредительность къ ней.

Юлія, какъ ребенокъ, радовалась своей блестящей побѣдѣ, въ которой она такъ долго готовилась, обдумывая фразы, подбирая слова, и даже взгляды. Но больше всего ее радовала ея свобода.

„Цѣлое утро мое! съ восторгомъ думала она, — я дѣлаю, что хочу, и нѣтъ при мнѣ „любящаго ока“, — она расхохоталась, — которое старается предугадывать всѣ мои желанія. Я сижу здѣсь, у себя въ будуарѣ, и эта портьера не приподнимется, и изъ-за нея не выгнетъ фізіономія мужа. Я велю подать коляску и поѣду кататься, и его особа не будетъ безотлучно сидѣть со мною рядомъ. Иду, куда хочу, дѣлаю, что хочу, потомъ поцѣлую раза два, улыбнусь, скажу нѣжное словцо — и мной довольны. При мнѣ остаются богатство, знатность, крота и свобода!.. Это не жизнь, а рай земной!.. И все это потому, что у меня есть умъ...“

Юлія вполне довѣряла своему уму. Она давно убѣдилась, что онъ всегда подаетъ ей только благіе совѣты. Она всегда могла ясно понять и взвѣсить свое положеніе, какъ въ институтѣ,

такъ и въ свѣтъ, и съ гордостью сознавалась сама себѣ, что никогда не сдѣлала крупной ошибки. Умъ ея помогъ ей изучить до тонкости всѣ качества и недостатки князя, онъ же поможетъ ей всегда вертѣть имъ, какъ ей угодно.

Князь началъ свои хлопоты и Юлія на цѣлое утро избавлялась отъ его присутствія.

Въ первые дни она ходила изъ комнаты въ комнату, улыбалась — и, конечно, искренно, — подходила къ окнамъ и смотрѣла на улицу, открывала роль и брала на немъ нѣсколько аккордовъ, напѣвала веселыя пѣсни и т. д.

Нѣсколько дней радовалась Юлія, но потомъ ей стали приходить въ голову и другія мысли. Разъ какъ-то наигрывала она мотивы изъ разныхъ оперъ и вдругъ заиграла вальсъ изъ Фауста. Въ одинъ мигъ воскресъ въ ея памяти прошлогодній дѣвичникъ, живо представился онъ, и вздохъ вырвался изъ ея груди. Она быстро закрыла рояль и пошла въ свой будуаръ; слеза упала на ея атласную отоманку.

„Ну вотъ, я теперь свободна, съ горечью подумала она, — я могу ходить изъ комнаты въ комнату, не опасаясь встрѣчи съ княземъ. Но что-жъ еще? Неужели такъ опять и потянутся дни за днями?... Или съ княземъ, или одна, или съ скучными, прескучными визитами! А гдѣ-же радость жизни? Неужели въ двадцать лѣтъ ничего нѣтъ, кромѣ страшной, безвыходной, безконечной скуки?..“

Княгиня Юлія не могла ничего желать больше того, что далъ ей свѣтъ. Въ салонахъ самой высшей аристократіи она была звѣздой первой величины; строгій свѣтъ не нашелъ въ ней ничего, за что-бы могъ попрекнуть ее или хотя-бы посмѣяться надъ нею. Но сердце просто Юліи, не княгини, день-ото-дня все болѣе и болѣе ныло. Оставаясь все утро одна, она имѣла возможность дать ему волю; она могла слушать его однообразную, надоедающую просьбу, какъ голосъ докучливой просительницы, которая приходитъ каждый день надоедать о своемъ дѣлѣ. Вмѣсто улыбки счастья на губахъ Юліи часто пробѣгало нервное содроганье и глаза ея были влажны.

Воротившись въ Россію, Юлія возобновила свое знакомство съ Лопатинными. Встрѣча ея съ Александромъ была самая обыкновенная; они наговорили другъ другу кучу любезностей и не сдѣ-

дали ни одного намека на прошлое. Видясь нерѣдко у общихъ знакомыхъ, Александръ былъ свидѣтелемъ ея успѣховъ въ свѣтѣ, но самъ держался въ почтительномъ разстояніи, очень хорошо видя любящую заботливость князя. Но успѣхи Юліи, ея неприступность, ея гордый поклонъ при людяхъ и вызывающая улыбка, когда они бывали втроемъ и князь случайно отворачивался, ея нѣжные взгляды, — все это шевелило нервы Александра. Мало-по-малу между ними завязалась та-же игра, какъ и до ея замужества, — игра недосказанныхъ словъ, многозначительныхъ взглядовъ, небрежной разсѣянности, — однимъ словомъ, всёхъ тѣхъ проявленій скрытаго чувства, которыми такъ ловко умѣютъ пользоваться свѣтскіе люди.

А Маша? Вѣдь Александръ любилъ Машу?

Да, онъ ее любилъ, и когда въ голову его закрадывалась мысль промѣнять ее на Юлію, онъ ощущалъ неловкость, ему было жаль Машу, жаль было разрушить ея счастье. Внутренній голосъ говорилъ ему, что такой преданной и чистой любви онъ не найдетъ въ Юліи. Лишиться Маши было-бы для него все равно, что лишиться семьи, того теплаго уголка въ мірѣ, гдѣ онъ находилъ отдыхъ. Онъ зналъ, что въ этомъ уголкѣ онъ составляетъ всю радость, что во всёхъ мысляхъ обитательницы этого уголка онъ играетъ главную роль. Въ Юліи онъ найдетъ бурную страсть пылкой женщины, которой въ Машѣ нѣтъ, но онъ будетъ для Юліи только прекраснымъ дополненіемъ жизни, точно также какъ она была-бы для него тѣмъ-же. У нея своя семья, свои заботы, и когда, послѣ нѣсколькихъ минутъ страшнаго опьяненія, онъ вернется къ себѣ, онъ будетъ опять одинъ, и вѣчно одинъ, и никто не скажетъ ему слова привѣта, не обниметъ его горячо и искренно, не положитъ его голову на свою грудь.

Эта картина привлекала Александра больше, чѣмъ пламенные взгляды Юліи, и онъ оставался вѣренъ Машѣ.

IV.

Уже нѣсколько дней Юлія была въ мрачномъ настроеніи, когда раздался звонокъ, возвѣщающій о приходѣ гостя. Она неохотно поднялась съ кушетки и стала оправлять платье, чтобы войти въ

гостиную. Но кто-то быстро подошелъ къ двери будуара; Юлія взглянула—въ дверяхъ стоялъ Александръ. Князь просилъ жену никому не говорить о его желаніи поступить на службу до тѣхъ поръ, пока оно не осуществится. Поэтому Александръ и не зналъ, что въ жизни Горскихъ готовится перемѣна. Онъ пріѣхалъ навѣстить обоихъ Горскихъ и, не найдя никого въ гостиной, былъ увѣренъ, что застанетъ „счастливыхъ супруговъ“—какъ онъ мысленно называлъ Юлію и князя—въ будуарѣ; его, какъ родственника, принимали не въ парадныхъ комнатахъ.

Увидя Александра, Юлія слегка вздрогнула, на лицѣ показались радостная улыбка и она протянула гостю руку. Александръ оглянулся во всѣ стороны; Юлія была одна.

— Здравствуйте, милая кузина, какъ ваше здоровье?

— Я всегда здорова, отвѣтила она,—и вы можете объ этомъ не освѣдомляться.

Въ тонѣ ея голоса было что-то особенное, во взглядѣ ласкающая усмѣшка.

Александръ сѣлъ и началъ свѣтскій разговоръ.

— Полноте говорить мнѣ комплименты, въ нихъ мало искренности; расскажите лучше что-нибудь про себя.

Александръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Юлію.

— Вы желаете знать тайны моего сердца?

— Совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ просто хочется узнать, что вы дѣлаете, какъ живете; я желаю бесѣдовать съ вами, какъ съ своимъ близкимъ родственникомъ.

— Кузина, извините меня за откровенность, вы вѣчно капризничаете; то вы хотите, чтобъ я держался отъ васъ на сто верстъ, то сами вызываете на короткость, сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Сядьте здѣсь.—И Юлія указала на второе мѣсто маленькой козетки, на которой сидѣла сама.

Александръ нерѣшительно взглянулъ на дверь.

— Сядьте, повторила она все съ той-же усмѣшкой.

Александръ сѣлъ; Юлія сообщила ему о намѣреніяхъ князя.

— Князь теперь занятъ, говорила она,—онъ съ интересомъ и рвеніемъ взялся за дѣло; онъ больше не скучаетъ и не сосредоточиваетъ всѣхъ своихъ заботъ исключительно на мнѣ. Конечно, я ему глубоко благодарна за его любовь, но все-же я иногда замѣчала, что ему самому чего-то недостаетъ. Онъ иногда

хандриль и былъ какъ-будто не въ духѣ. Теперь-же онъ всегда веселъ и я довольна за него... и за себя, прибавила Юлія.

— За себя? вопросительно повторилъ Александръ.

— Да, и моя жизнь теперь не та: теперь я гораздо свободнѣе.

— Рѣшительно не понимаю, на что вамъ свобода. Вы и прежде дѣлали все, что хотѣли, и теперь будете продолжать дѣлать все, что захотите. На что вамъ какая-то особенная свобода? Развѣ закралась въ сердце любовь...

— Можетъ быть, отозвалась Юлія и пожала плечами.

Александръ объяснилъ это замѣчаніе въ свою пользу и ему вдругъ пришла охота заставить эту гордую женщину произнести признаніе въ любви къ нему. Самъ онъ къ ней теперь ничего не чувствовалъ и невольно вспомнилъ о Машѣ. „Милый мой, прозвучалъ ея нѣжный голосъ, — когда ты разлюбишь меня, скажи мнѣ это прямо, но не обманывай меня“.

Это воспоминаніе заставило его опомниться и онъ вскочилъ съ мѣста.

— Кузина, вы сирена! Я васъ боюсь и убѣгаю отъ васъ!

Онъ, дѣйствительно, взявъ шляпу, простился и ушелъ.

Это было вмѣстѣ и отказъ, и признаніе, но Юлія почувствовала себя вдвойнѣ несчастною и даже отерла навернувшіяся слезы. Ей вдругъ показалось, что и свобода не нужна ей, и что жизнь ея стала еще мрачнѣе и безотраднѣе съ тѣхъ поръ, какъ она обречена проводить полдня въ одиночествѣ. Все вокругъ нея роскошно, богато, но все какъ-будто мертво, какъ-будто окаменѣло, и среди этой могильной тишины только она одна бродитъ, какъ безпокойный духъ, вѣчно чего-то ищущій и не находящій. Юліи стало казаться, что даже съ княземъ ей было сносно; тогда, по крайней мѣрѣ, она испытывала жгучія чувства, досаду, злобу, она ощущала, что она живой человекъ, хоть тѣмъ, что должна была постоянно бороться и подавлять свои чувства. А теперь и этого нѣтъ; все замѣнилось мертвымъ покоемъ.

V.

А между тѣмъ чары сирены были на-столько сильны, что Александръ думалъ о ней помимо своей воли. Придя домой, онъ даже подсадовалъ, что не остался съ Юліей долше.

Александръ былъ не въ духѣ и злился. Онъ досадовалъ, что въ первый разъ въ жизни онъ не рѣшается измѣнить женщинѣ. Прежде онъ дѣлалъ это смѣясь, а теперь онъ задумывается, ему неловко, ему даже больно; ему совѣстно солгать Машѣ.

Онъ не рѣшался отправиться къ Машѣ; онъ почти измѣнилъ ей, а долженъ *казаться* нѣжно-любящимъ. Лгать заочно гораздо легче, чѣмъ лгать въ глаза, и потому Александръ написалъ Машѣ нѣжную записку, въ которой увѣдомлялъ, что спѣшная и скучная работа не позволитъ ему быть у нея, по крайней мѣрѣ, недѣлю.

Александръ не ѣздилъ ни къ Машѣ, ни къ Юліи, но волнованія его сомнѣнія нѣсколько не успокоились.

„Неужели откажутся отъ Юліи?.. Но ради чего-же? Потому только, что Мама идеалистка и живетъ фантазіей; потому только, что она составила себѣ какія-то невозможныя понятія о любви и о честности! Но если строго разсудить, то онъ ничѣмъ не провинится передъ Машей, если заведетъ легкую интрижку съ Юліей. Развѣ Мама ему жена? Развѣ она имѣетъ какое-нибудь право на его вѣрность?.. Но все-же это подло; я столько разъ обѣщала ей не обманывать ее!.. Нѣтъ, я не измѣню ей! Я поѣду къ Юліи только для того, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ злиться и мучиться, что я не обращаю на нее вниманія. Я доведу ее до признанья, а потомъ, какъ и тогда, отвѣшу ей поклонъ и дѣло съ концомъ. Ха, ха, ха! посмотрю, какъ она приметъ это. О, милая кузина, вы когда-то отвергли меня, теперь моя очередь“.

Принявъ это рѣшеніе, Александръ поѣхалъ къ Юліи и засталъ ее одну. Она была блѣдна и печальна; Александру показалось, что она плакала.

— Julie, вы не такая, какъ всегда; что съ вами?

— Мнѣ скучно, всю эту недѣлю я проводила одна.

— Развѣ ваши знакомые перестали ѣздить къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ князь хлопочетъ о мѣстѣ?

— Нѣтъ; ахъ, всѣ они мнѣ надоѣли... я никого не велѣла принимать.

— Это нехорошо: вамъ необходимы развлеченія.

— Нѣтъ охоты къ забавамъ.

— Да вы просто хандрите.

— Не мучьте меня! съ досадою произнесла Юлія.

— Julie, развѣ я могу, развѣ я способенъ мучить васъ? сказалъ Александръ.

— Да что-же вы дѣлаете теперь, какъ не мучаете меня?

Юлія встала и подошла къ китайскому столику, уставленному цвѣтами, она низко наклонилась надъ нимъ, какъ-будто нюхая цвѣты; Александру снова показалось, что у нея на глазахъ слезы.

„Страшно горда, подумалъ онъ, — не хочетъ унизиться и сдѣлать первый шагъ!“

— А знаете, кузина, вы сегодня не особенно любезны, небрежно замѣтилъ онъ; — вы, кажется, опять хотите отбросить меня на сто версть.

Она вдругъ выпрямилась и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Отбросить васъ...

И она нервно сорвала цвѣтокъ; слезы, дѣйствительно, подступили у ней къ горлу...

Александръ съ волненіемъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ; онъ уже позабылъ о своемъ намѣреніи нѣсколько помучить ее. Она нервно прошлаъ раза два по комнатѣ, присѣла на кушетку, снова встала, поправила волосы, мелькомъ взглянула на Александра и, уловивъ его пристальный взглядъ, вздрогнула. Наконецъ, она остановилась около него:

— Вы до сихъ поръ не догадываетесь, что я люблю васъ? едва слышно прошептала она и закрыла руками зардѣвшееся лицо.

— Julie, возможно-ли! говорилъ Александръ, отнимая ея руки и покрывая поцѣлуями ея лицо.

Она, недоступная и недосыгаемая Юлія, передъ которой преклонялись всѣ мужчины, — она умоляла Александра о любви. Могло-ли это не вскружить ему головы? Онъ забылъ и Машу и свою месть. Онъ помнилъ только, что въ его объятіяхъ та самая Юлія, о которой онъ такъ часто и страстно мечталъ.

Раздался стукъ подъѣзжавшей кареты.

— Александръ, это опъ! вырвалось у Юліи и на лицѣ ея выразился ужасъ.

Парадная дверь не успѣла еще захлопнуться, а Александръ

уже спокойно развалился въ креслѣ подлѣ окна; Юлія опустилась на кушетку.

— Я говорю вамъ, Александръ, что вы выводите меня изъ терпѣнія! воскликнула она, услышавъ шаги князя, — Костя, этотъ молодой человѣкъ, мой родственникъ, сидитъ у меня цѣлый часъ и нагло смѣется надо мною.

Князю вдругъ показалось, что волненіе Юліи слишкомъ сильно, а дрожащая нота въ голосѣ слишкомъ искусственна...

— Князь, обратился, въ свою очередь, Александръ, — я не узнаю больше Julie, она стала слишкомъ раздражительна и каждое слово принимаетъ за обиду...

Тутъ только Юлія вполне опомнилась и снова овладѣла собой.

— Простите меня, сказала она Александру, — я, кажется, дѣйствительно была сегодня раздражительна... Это ребячество, но я сбучаю, когда долго не вижу Костю...

Она положила свою руку на плечо князя и поцѣловала его въ голову. Александръ посидѣлъ минутъ десять для приличія и распрощался.

Юлія обратилась къ мужу.

— Наконецъ-то, ты опять со мной! долгая разлука портитъ мнѣ характеръ: но ты здѣсь, и вѣрно сообщишь мнѣ что-нибудь радостное?

Князь очень подробно рассказалъ Юліи о своихъ удачахъ и неудачахъ и былъ очень ласковъ съ женой, но все-таки изъ его головы не могла совершенно исчезнуть мысль объ опасной короткости Юліи съ ея кузеномъ.

— Милая Julie, сказалъ князь, нисколько не заподозрѣвая Юлію въ невѣрности, — прими отъ меня дружескій совѣтъ.

— Какой?

— Будь осторожнѣе съ Лопатинымъ.

— Ха, ха, Костя, ты опять ревнуешь?

— Нисколько!.. но ты такъ молода, такъ хороша... ты не знаешь насъ, мы всѣ легкомысленны...

— Неужели ты думаешь, что я кому-нибудь позволю сказать себѣ лишнее слово? Александръ — другъ моего дѣтства, и никогда не увлекался мною, короткость наша нисколько не опасна.

Все это Юлія проговорила небрежно и спокойно, улыбка не

сходила съ ея лица, а большіе, темные глаза упорно и нѣжно смотрѣли на князя.

— Нельзя отвѣчать за увлеченіе, другъ мой, настаивалъ князь,—если Александръ не увлекался тобой раньше, можетъ быть, онъ былъ занятъ другою. Но все-же общай мнѣ быть съ нимъ поосторожнѣе, не забывай, что мужчинамъ не нужно класть пальца въ ротъ.

— Александру не рискованно было-бы положить и всю руку! Не бойся, онъ не откуситъ! Онъ такой флегматичный и холодный. Впрочемъ, если тебѣ кажется, что и съ нимъ нужна осторожность, я приму твой совѣтъ. Онъ для меня нисколько не дороже другихъ мужчинъ.

Юлія сдѣлала жестъ рукой и презрительно подняла верхнюю губу.

Князь былъ доволенъ; онъ зналъ, что Юлія исполнить обѣщаніе; онъ вполне довѣрялъ ей.

Юліи снова загоревала. Она видѣла, что невозможно теперь принимать Александра у себя; къ нему ѣздить она тоже не можетъ; отказаться-же отъ него въ ту самую минуту, какъ на яву сбылись ея золотые сны,—она была не въ силахъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Выйдя изъ двери Горскихъ, Александръ посмотрѣлъ на часы; было больше четырехъ. Заняться дѣломъ—поздно, ѣхать обѣдать—рано. Съ этой новой интригой онъ запустилъ нужныя дѣла и рѣшилъ посвятить имъ весь слѣдующій день.

„Значитъ къ Машѣ опять не попаду; развѣ сейчасъ зайти?“

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился въ нерѣшимости.

„Что за ребячество, что за малодушіе! нужно-же будетъ когда-нибудь увидѣться съ нею“.

И онъ быстро зашагалъ по улицѣ. Все раздражало его: и сыррой холодъ, и сумерки, и грязные тротуары, и сѣрое небо. Онъ злился на то, что ему приходится идти пѣшкомъ, а извозчика онъ

почему-то не бралъ. На все онъ внутренно брюжжалъ, и не хотѣлъ признаться въ истинной причинѣ своего нерасположенія: ему было неприятно и тяжело видѣть Машу; внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ нехорошо, нечестно поступилъ съ ней. Но тутъ-же онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что рано или поздно это должно было случиться и что всѣ такъ дѣлають. Онъ опять досадовалъ на Машу, что она вбила себѣ въ голову всякую чепуху и не хочетъ составить себѣ трезваго понятія о человѣческихъ отношеніяхъ.

Онъ пришелъ къ Машѣ въ очень дурномъ расположеніи духа и холодно поздоровался съ нею. Онъ бросился въ кресло и провель рукой по лбу.

— Ухъ, усталъ! произнесъ онъ;—цѣлый день мнѣ не давали покоя. А что снятъ?

— Здоровъ и страшный буянь. Ты, значить, не заходилъ къ нему?

— Нѣтъ, я прямо прошелъ сюда. Ты рисуешь, Маша, мнѣ пріятно видѣть тебя за работой, тѣмъ болѣе, что я въ первый разъ вижу, какъ ты рисуешь съ гипса при лампѣ.

— Я и такъ рѣдко вижу тебя, успѣю еще поработать...

— Не зачѣмъ меня часто видѣть, я теперь злой, раздражительный...

— Ничего; не всегда-же можно быть веселымъ, сказала Маша, цѣлуя его.

— Ой, задушила! вскричалъ Александръ и въ тонѣ его голоса слышалось раздраженіе.—Рисуй, Маша, а я посижу, погляжу на тебя.

Маша сѣла за свой мольбертъ; ей почему-то стало грустно, ей показалось, что Александръ съ досадою принялъ ея ласку.

Александръ былъ недоволенъ собой, и чѣмъ больше онъ на себя досадовалъ, тѣмъ становился раздражительнѣе. Можетъ быть, въ первый разъ съ давнихъ поръ приходилось ему сознаваться передъ собой, что онъ затѣялъ неблаговидную игру. Чтобъ въ своихъ-же глазахъ найти извиненіе своей раздражительности, онъ обвинялъ во всемъ Машу.

„Тоска и однообразіе, думалъ онъ:—все только мажетъ и мажетъ! Когда-же я, наконецъ, избавлюсь отъ этого?.. И какое

у ней ребяческое выраженіе, точно она не женщина, а десяти-лѣтняя дѣвочка... безъ огня, безъ страсти“...

Огненные глаза Юліи мелькнули передъ нимъ и нѣжный взглядъ Маши показался ему телячьимъ.

— Когда ты, наконецъ, вончишь эту пачкотню и возьмешься за краски?

— Тебѣ ужъ надоѣло видѣть мое пачканье?

— Признаться откровенно—да, сорвалось у Александра, но онъ взглянулъ на Машу и ему стало жаль ее; онъ взялъ ея руку и привлекъ ее къ себѣ.—Я немножко ревную тебя къ рисованью; мнѣ кажется, что ты любишь его больше меня.

— Саша, мой дорогой, это неправда! воскликнула Маша и не поскупилась на слова, чтобъ увѣрить Александра, какъ горячо она его любитъ; но и это было ему несносно.

— Вѣрю, вѣрю, я только пошутилъ, а ты, и въ самомъ дѣлѣ, вообразила, что я усомнился въ твоей любви! Извини меня, я сегодня несносный, все какъ-будто не по мнѣ... я работалъ всю недѣлю надъ однимъ дѣломъ, а оно мнѣ не удалось... Пойдемъ внизъ, я взгляну на сына.

Они пошли; Александръ поигралъ какъ-то принужденно съ ребенкомъ и скоро оставилъ его и Машу.

— Прощай, Маша, не жди меня скоро: можетъ быть, я на этой недѣлѣ не успѣю заѣхать.

— Теперь только среда...

-- А-а, среда; ну такъ, можетъ быть, я заѣду на минутку, только самъ не знаю, когда.

Онъ вышелъ и почувствовалъ себя такъ хорошо, какъ будто грузъ свалился у него съ плечъ.

„Нѣтъ, сказалъ онъ себѣ,—ни за что не вернусь сюда до будущей недѣли“.

Послѣ его ухода Мамѣ взгрустнулось; какъ ни старалась она увѣрить себя, что она ошибается, но ей казалось, что онъ не такой уже, какимъ былъ прежде.

II.

Александръ исполнилъ свое намѣреніе и не былъ у Маши больше недѣли. Онъ былъ все въ томъ-же безпокойномъ, двойствен-

номъ настроеніи. Онъ продолжалъ увѣрять себя, что поведеніе его съ Машей вполне извинительно, что чувство его къ Юліи только пустой капризъ, который очень скоро пройдетъ. Если-бы Юлія сама не вызвала его, онъ-бы, конечно, и не подумалъ о ней. Впрочемъ, онъ не сдѣлалъ ей никакого признанія, она бросилась ему на шею, не могъ-же онъ оттолкнуть ее...

„Право, я, кажется, заразился отъ Маши сантиментальностью! Можетъ-ли серьезный человѣкъ постоянно думать объ одномъ и томъ-же? И хоть-бы это было что-нибудь выходящее изъ ряду вонъ, а то пустяки, сущіе, невообразимые пустяки!“

Однако, пустяки продолжали беспокоить его. Это крайне возмущало его и онъ хотѣлъ заставить себя скорѣй привыкнуть къ своему положенію.

„Привыкнуть къ своему положенію—опять чепуха! и положенія никакого нѣтъ. Что я, наконецъ, пересталъ корчить изъ себя аркадскаго пастушка—такъ это скорѣе счастье, чѣмъ горе. Прожить цѣлый годъ, какъ я прожилъ съ Машей, да вѣдь это курамъ на смѣхъ! Ха, ха, ха!“

И онъ сталъ насвистывать старинную пѣсенку „Я бѣдная пастушка“, а на сердцѣ все было неловко и не хватало духа ѣхать къ Машѣ.

Но прошло дней десять и его необычное отсутствіе могло подать ей поводъ къ сомнѣніямъ и подозрѣнію. Онъ свидѣлся съ нею и былъ очень ласковъ, но все-таки не такъ, какъ прежде.

Александръ мало-по-малу привыкъ къ своему двусмысленному положенію и оно даже перестало казаться ему ложнымъ; онъ болѣе не боролся и былъ въ хорошемъ расположеніи духа, когда навѣщалъ Машу. Его первое опьяненіе любовью Юліи скоро прошло и онъ нашель, что любовь этихъ двухъ женщинъ по-полняетъ одна другую, и, любя ихъ обѣихъ, онъ нисколько не насилуетъ своего сердца. Онъ былъ очень доволенъ, что не порвалъ связи съ Машей, поддавшись „ребяческому впечатлѣнію“; онъ также былъ доволенъ, что не отказался отъ Юліи и тѣмъ не лишилъ себя многихъ минутъ бурнаго блаженства.

Александръ былъ гораздо опытнѣе Юліи въ любовныхъ дѣлахъ и, совершенно согласившись съ нею, что видѣться имъ у нея въ домѣ опасно, нанялъ меблированную квартиру для какой-то вдовы вѣмки. Юлія пріѣзжала, оставляя карету на углу, и скрытая подъ

густымъ вуалемъ, приходила въ квартиру нѣмки. Кромѣ этихъ свиданій, они иногда встрѣчались въ Лѣтнемъ саду, иногда ѣздили за городъ въ каретѣ. Въ свѣтѣ они тоже встрѣчались нерѣдко, но князь не могъ больше попрекнуть Юлію за поощреніе любезностей кузена. Бѣ нимъ на домъ Александръ пріѣзжалъ рѣдко, и то больше тогда, когда былъ увѣренъ, что застанеть князя дома.

III.

Странное, мучительное чувство—любовь! Стоитъ только разъ за-
красться въ нее подозрѣнію—и она ужъ какъ-будто отравлена. Въ малѣйшихъ, ничего незначущихъ проявленіяхъ и порывахъ она видитъ что-то зловѣщее, что-то грозящее ей смертью. И какъ ни уговариваетъ ее разсудокъ, она не можетъ отдѣлаться отъ мучительныхъ сомнѣній.

Нѣчто подобное происходило въ сердцѣ Маши. Александръ былъ съ нею добрѣ, а она все мучилась мыслью: „Можетъ быть, ужъ онъ начинаетъ меньше любить меня?“ Она находила въ немъ что-то странное, какъ-будто не его. Она припомнила всѣ его слова и движенія, и безсознательно задавала себѣ вопросъ: „А что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, меня разлюбитъ?“ Нѣтъ, это невозможно! за что-же?.. Вѣдь онъ всегда такъ ласковъ съ нею, съ чего она взяла, что онъ можетъ разлюбить ее? Въ послѣднее свиданіе съ нею онъ строилъ планы о ея будущей поѣздкѣ за-границу; онъ былъ радъ, что повезетъ ее куда-нибудь въ Германію, гдѣ-бы она могла усовершенствоваться въ живописи. Онъ описывалъ ей, какъ онъ ее уютно устроитъ, говорилъ, какъ часто будетъ писать ей... Да, но зачѣмъ-же ему отправлять ее такъ скоро за-границу? она еще и здѣсь можетъ многому научиться... И онъ былъ веселъ, когда говорилъ о ея поѣздкѣ; неужели ему не было-бы жаль разстаться съ нею?.. Какъ-же можетъ она такъ думать! онъ столько разъ говорилъ ей, что любить ее; и большой грѣхъ съ ея стороны не вѣрить ему! Саша, милый, да развѣ онъ можетъ лгать? нѣтъ, онъ все такой-же, какъ и былъ; это она сама избаловалась и стала эгоисткой; она не довольствуется больше его любовью: ей еще нужно что-то, чего—она сама не знаетъ... А онъ все-таки не тотъ!

Разъ Маша вышла за покупками для ребенка. Переходя черезъ улицу, она услышала, какъ кучеръ крикнулъ: „берегись“! она остановилась. Мимо нея пролетѣла карета и мелькнули лица Александра и Юліи. Александръ какъ-то говорилъ Машѣ, что Юлія въ Петербургѣ, и Маша тотчасъ-же узнала ее. Она не положила ничего дурного, но сердце ея замерло, когда она подумала: „какая красавица Юлія Петровна!“ Александръ не пріѣхалъ къ ней ни въ тотъ день, ни на слѣдующій. Маша была печальна и много разъ промелькнуло у нея въ головѣ, когда она безпокойно смотрѣла на часы: „можетъ быть, онъ опять съ Юліей Петровной?“

~~Но онъ пріѣхалъ и ее перестали тревожить сомнѣнія.~~ Она сказала ему, что видѣла его съ Юліей, и онъ не отрекся.

— У меня съ княземъ важное дѣло; я у нихъ завтракалъ, а потомъ Юлія поѣхала навѣстить мою больную бабушку.

Объясненіе самое простое и Маша вполне повѣрила ему, но когда Александръ уѣхалъ, ее снова стали осаждать мучительные вопросы: „какія дѣла у Саши съ княземъ? Прежде онъ говорилъ мнѣ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, а теперь скажетъ „дѣла“ и конечно... И зачѣмъ онъ завтракаетъ съ Юліей Петровной, когда у него дѣла съ княземъ? Зачѣмъ Юлія Петровна поѣхала къ его бабушкѣ? Самъ-же онъ много разъ говорилъ мнѣ, что старуха никого не хочетъ видѣть... Можетъ быть, они совсѣмъ и не ѣздили къ бабушкѣ? Куда-же Саша могъ съ ней ѣздить? зачѣмъ ему съ ней ѣздить?.. Ахъ, право, можетъ быть, онъ меня ужъ не такъ любитъ, какъ прежде!..“

Она плакала. Ну, что она станетъ дѣлать, если онъ разлюбитъ ее? „Уйду отъ него, да, да, конечно, уйду! Какое право имѣю я жить на его деньги, братъ все, что онъ даетъ мнѣ, если онъ меня не любитъ?.. Боже мой, ужъ лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить безъ его любви!.. Мнѣ не нужно всей этой роскоши, этихъ удобствъ—нужно только его сердце... Зачѣмъ приходятъ въ голову эти мысли? Сегодня онъ увѣрялъ меня, что любитъ по-прежнему. Я должна ему вѣрить... А все-же я сейчасъ уйду, какъ только замѣчу, что онъ разлюбилъ меня“...

Вскорѣ она опять увидѣла Юлію съ Александромъ. Она вошла въ Исаакіевскій соборъ, чтобы, по совѣту учителя, разсмотрѣть образъ въ одной изъ нишъ. Въ соборѣ было очень мало

народу, человекъ пять, не больше. Проходя около лѣваго вѣнуса, Маша увидѣла женщину, стоявшую на колѣняхъ. Она узнала въ ней Юлію. Маша быстро прошла, чтобъ не быть ею замѣченной, и остановилась передъ образомъ. Черезъ нѣсколько секундъ слышались шаги, отдавашіеся глухимъ гуломъ подъ сводами собора. Маша повернула голову и увидѣла Александра. Онъ свернулъ налѣво. Въ соборѣ опять все замолкло. Машѣ казалось, что эта торжественная, могильная тишина длится цѣлую вѣчность, но вотъ снова загудѣли шаги и изъ ниши вышли Александръ и Юлія. Маша упала на колѣни, голова ея закружилась, слезы градомъ полились изъ глазъ.

Она долго простояла передъ образомъ, наконецъ, отправилась домой. Она сообщила матери о своихъ сомнѣніяхъ, но Дарья Осиповна не раздѣлила ея печальныхъ предчувствій.

— Родственники, сказала она, — ну и сговорились помолиться вмѣстѣ, можетъ быть, помянуть кого-нибудь изъ родни.

При свиданіи съ Александромъ Маша сказала ему, что видѣла его съ Юліей, и онъ объяснилъ это обстоятельство какой-то случайностью.

IV.

Наступила весна. но и она не принесла Машѣ утѣшенія. Александръ замѣчалъ, что она бываетъ часто печальна, но никогда не спрашивалъ о причинѣ ея грусти; онъ чувствовалъ, что прежней задушевности между ними нѣтъ и опасался непріятнаго объясненія. „Худой миръ лучше доброй ссоры“, говорилъ онъ себѣ.

Маша хотѣла откровенно признаться Александру въ своихъ сомнѣніяхъ, но все откладывала, надѣясь, что слѣдующее свиданіе принесетъ ей прежнее счастье. Наконецъ, она собралась съ духомъ и рѣшилась.

„Не обманъ-ли это, думала она, — тайно мучиться и молчать? Завтра-же признаюся ему во всемъ“.

Но завтра вмѣсто Александра пришла записочка съ обычной отговоркой — страшная вуча работы не позволяетъ ему быть у нея

до пятницы. Былъ вторникъ, — значитъ, нужно ждать еще три мучительныхъ дня!

Мама прилежно работала до четверга, но дольше выдержать не могла. Она одѣлась и вышла изъ дому, чтобы находиться до усталости; она надѣялась, что физическое утомленіе заставитъ ее крѣпко уснуть. Она своротила отъ Дворцоваго моста на набережную и машинально шла все впередъ и впередъ, глядя на игру солнца по легкой ряби волнъ, на скользящія по Невѣ ялики. Незамѣтно очутилась она противъ воротъ Лѣтняго сада. Мостки въ саду еще не были сняты; садъ былъ совершенно пустъ. Въ то время, какъ Мама уже прошла ворота, къ нимъ подъехала карета; Мама случайно обернулась — изъ кареты выходила Юлія.

Ливрейный лакей получилъ приказъ остаться при каретѣ, а Юлія медленно и важно пошла по мосткамъ. Ножемъ рѣзнуло Машу по сердцу! Сама не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, она свернула на Фонтанку и не спускала съ Юліи глазъ. Смутный страхъ не обманулъ ее: лишь только Юлія прошла дворецъ Петра Великаго, къ ней, почти бѣгомъ, подошелъ Александръ. Онъ предложилъ ей руку, она оперлась на нее и они вмѣстѣ продолжали путь. Мама остановилась въ отдаленіи; они все замедляли шаги и часто останавливались. Александръ осматрѣлся кругомъ; никого не замѣчая, онъ схватилъ руку Юліи, стащилъ съ нея перчатку и быстро поцѣловалъ. Юлія пошла скорѣе и что-то говорила ему, будто упрекала его, а онъ смѣялся, свѣта догналъ ее и они продолжали свою прогулку весело и счастливо.

„А тутъ стоишь ты, въ двухъ шагахъ, брошенная и обманутая... Безумная дѣвчока, какъ могла ты вообразить, что онъ полюбитъ тебя честно?..“ съ отчаяніемъ говорила себѣ Мама.

Счастливая пара гуляла долго, а потомъ простилась и Юлія опять одна пошла къ каретѣ, а Александръ посвистывая и размахивая щегольской палкой съ золотымъ наболдашникомъ, направился къ выходу у Цѣпнаго моста. Мама пошла по тому-же направленію; онъ прыгнулъ въ свою пролетку и быстро покатилъ вдоль Фонтанки.

Мама теперь почти не сомнѣвалась, что она обманута; вѣра ея въ Александра совершенно исчезла. Ей показалось, что онъ уже давно, очень давно обманываетъ ее.

„Такъ вотъ почему я мучилась: я предчувствовала, что это такъ будетъ. И онъ могъ обмануть меня!.. Боже мой! за что посылаешь ты мнѣ такое униженіе!.. Неужели совѣсть не мучила его, когда онъ игралъ моею любовью!.. Саша, мой Саша, и это ты!..“

Она съ трудомъ дошла до дому и въ страшномъ порывѣ горя бросилась на шею матери.

— Мама, мама, все кончено; уѣдемъ!

Много труда стоило Дарьѣ Осиповнѣ добиться отъ Маши, объясненія того, что случилось.

— Маша, изъ этого я еще не вижу, чтобъ Александръ Александровичъ обманулъ тебя! Эхъ ты, малодушная, нѣтъ у тебя ни одного доказательства, а ты приходишь въ отчаяніе. Такъ нельзя; нужно все уиѣть перенести, большое горе нужно безропотно понести, а ты вотъ ужъ и о смерти говоришь! Лягъ, Маша, ты устала и измучилась. Хочешь, книжку тебѣ подамъ или кончи сашинъ капотикъ.

Маша покачала головой.

„И въ самомъ дѣлѣ, заговорила въ ней ускользящая надежда,—можетъ быть, онъ меня и не обманывалъ?.. вѣдь онъ ни разу не отрекался, когда я говорила ему, что видѣла его съ Юліей Петровной? Но могъ-ли онъ отречься, если я говорила, гдѣ и когда ихъ видѣла вмѣстѣ... Да, попробую схитрить, не скажу, что видѣла его, и спрошу, гдѣ онъ былъ въ то время... Обманетъ или не обманетъ... да, да, схитрю... а потомъ покажусь и выскажу ему все“.

V.

На слѣдующее утро Маша поднялась въ мастерскую, но была разсѣяна за урокомъ. За обѣдомъ она почти не ѣла и опять поднялась на верхъ. Она мучилась и томилась ожиданіемъ; она начала колебаться... но раздался знакомый стукъ, Маша сдѣлала надъ собой отчаянное усиліе и поборола свое волненіе. Александръ былъ веселъ, онъ радушно поздоровался съ нею и сталъ шутить, схвативъ ее за талію. Маша рѣшилась.

„Теперь или никогда“, подумала она.

— Что ты дѣлалъ во вторникъ послѣ того, какъ послалъ мнѣ записку? спросила она глухимъ, тихимъ голосомъ.

Александръ отвѣтилъ.

— А въ среду?

Онъ опять отвѣтилъ.

— А вчера?—Маша сдѣлала видъ, что ищетъ кисть, чтобъ скрыть свое волненіе.

— Вчера я цѣлый день провелъ въ сенатѣ и только къ обѣду... Но что съ тобой?...

— Ты лжешь! вскричала Маша въ отчаяніи: — я видѣла тебя въ Лѣтнемъ саду; ты былъ съ Юліей Петровной, ты гулялъ съ нею цѣлый часъ, ты цѣловалъ ея руку... Зачѣмъ ты меня обманываешь?...

Кровь бросилась Александру въ голову и тотчасъ-же отхлынула; губы его задрожали и руки хрустнули.

— Ахъ ты шпионка! вырвалось у него сквозь стиснутые зубы.

Самолюбію Александра былъ нанесенъ сильный ударъ. Эта дѣвчонка смѣетъ подглядывать за нимъ и бросать ему въ лицо слово: лжешь!

Маша слышала слово, которымъ обозвалъ ее Александръ, и тяжело опустилась на стулъ. Она ничего не отвѣтила.

— Такъ вотъ какъ ты проводила время!... бѣгала по городу и подсматривала за мной... Ну, что-жь ты еще подсмотрѣла?

— Ничего больше...

— Жаль! можетъ быть, ты открыла-бы еще какіе-нибудь ужасы, ужаснѣе поцѣлуя руки... старался говорить Александръ съ ѣдкой ироніей и со смѣхомъ; но иронія его была натянута, смѣхъ — до пошлости золъ.

— Мнѣ больше ничего не нужно...

— А-а! такъ тебѣ довольно поцѣлуя руки...

— Обмана, рѣзко произнесла Маша и строго посмотрѣла на Александра.

— Обмана? повторилъ онъ за ней трагически; — чернаго коварства!

И онъ опять натянута засмѣялся.

— Тебѣ смѣшно, когда мнѣ такъ горько, сказала Маша.

Онъ вспыхнулъ и замолчалъ. Нѣтъ, съ Машей остричь и вы-

вертываться бесполезно. Она простая и искренняя дѣвушка. Стоит-ли изливать на нее злобу и сарказмъ, когда она сидитъ тутъ подъ ударомъ неожиданнаго горя и съ ея блѣдныхъ устъ не сорвется даже укора! А вѣдь это правда, обманъ есть, низкій обманъ... но какъ-же она смѣла подсматривать и шпионить?...

Опять взяло верхъ недоброе чувство.

— Александръ, сказала Маша, — видишь, я все узнала... Ну прощай... будь счастливъ...

Она протянула ему руку, изъ глазъ ея полились слезы.

— Что ты узнала? ты ничего не узнала!... тебѣ просто хочется быть героиней какой-нибудь романтической сцены! Ты фантазируешь, а я долженъ играть роль героя. Все это смѣшно и глупо.

— Я не понимаю...

— Ты очень хорошо понимаешь! ты, вѣрно, начиталась вчера какой-нибудь чепухи, а теперь разыгрываешь ее въ дѣйствительности.

Маша опять молчала. Александръ зналъ, что онъ неправъ, зналъ, что онъ клеветаетъ на Машу, что онъ взваливаетъ на нее вѣлѣныя обвиненія, но это сознание все болѣе и болѣе раздражало въ немъ злое чувство.

— Что ты на меня смотришь? ну-да, я говорю тебѣ, что не намѣренъ больше выносить твоихъ причудъ! Господи! вѣдь это каторга! претензіи и претензіи безъ конца! мало этого—надзоръ и обличеніе.

— Саша, я не понимаю твоихъ словъ, но я вижу, что ты хочешь сказать мнѣ что-то очень обидное... Я не заслуживаю отъ тебя обиды... отвѣть мнѣ прямо: любишь ты меня такъ, какъ любилъ прежде или нѣтъ?

— Люблю.

— Дай мнѣ свое слово.

— Ну вотъ, опять романтизмъ! давай клятвы, обѣты!.. Не прикажешь-ли встать на колѣни и продекламировать тираду изъ Демона? Когда ты бросишь свое фантазерство и станешь какъ всѣ люди?!

— Любишь меня, такъ дай слово, настаивала Маша.

— Нѣтъ, это невыносимо! вотъ бабья привычка долбить все

то-же и то-же. Вѣришь мнѣ, такъ вѣрь безъ честнаго слова, а нѣтъ—такъ и слова давать я не стану.

— Неужели это такъ трудно?.. ну, если мнѣ хочется...

— Это глупое желаніе.

— Ну, такъ отвѣтъ, зачѣмъ ты меня обманулъ, зачѣмъ ты утаилъ отъ меня, что былъ вчера съ Юліей Петровной на свиданіи?

— Вотъ мы, наконецъ, и дошли до супружескихъ сценъ! Я видѣлъ тебя, я зналъ, что ты за мною подсматриваешь, и хотѣлъ наказать тебя! А теперь прямо говорю тебѣ: я больше не допущу подобныхъ выходовъ съ твоей стороны. Можетъ быть, между кухарками принято подкарауливать любовниковъ, а въ нашемъ обществѣ этого не допускается...

Мама быстро встала, глаза ея засверкали.

— Александръ, сказала она,—напрасно ты унижаешь меня; ты знаешь, что ты все лжешь и въ меня-же выдаешь грязью. Въ сердцѣ моемъ начинаетъ шевелиться злое чувство...

Она бросилась ему на грудь.

— Прощай, Сама! Кончимъ... Простись со мною молча! прервала она, когда онъ хотѣлъ ей что-то сказать, — чтобъ не отравлять мнѣ еще больше воспоминаній...

Стиснувъ его голову руками, она поцѣловала его, а потомъ бросилась къ двери и опрометью сбѣжала съ лѣстницы.

Александръ остался съ опущенной головой.

„Зачѣмъ я обманулъ ея спросилъ онъ себя, но тотчасъ-же въ его головѣ промелькнула мысль: — нѣтъ, она втоптала меня въ грязь, а теперь пусть первая проситъ прощенья... Чтобъ она рѣшилась разстаться со мной!.. Эта дѣвчонка съ собачьей привязанностью!... Никогда!..“

Онъ взялъ шляпу и ушелъ, не простившись съ Машей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Мама прибѣжала внизъ, ей отворила Дарья Осиповна. Дочь ничего не сказала матери, да и не нужно было—мать слишкомъ хорошо знала свою дочь. Мама заперлась въ своей комнатѣ, сбро-

сила съ себя платье, которое казалось ей желѣзной сѣткой, сжимавшей ее, сѣла на постель и нѣсколько часовъ просидѣла неподвижно, точно окаменѣлая.

Только поздно вечеромъ, когда ребенокъ спалъ, Маша очнулась и окликнула Дарью Осиповну.

— Мама, скажи мнѣ, сколько у насъ *нашихъ* денегъ?

— Около четырехсотъ рублей.

— Такъ ты найми завтра квартирку и нашу старую мебель въ нее перевези, а я работы поищу.

— Ты рѣшила?

— Да, рѣшила.

— И не будешь раскаяваться?

— Нѣтъ, не буду.

— Ой, смотри, Маша, подумай. Теперь еще, можетъ быть, можно кое-какъ помириться, а потомъ, какъ переѣдемъ, не поправишь дѣла, вернуться будетъ стыдно.

— И не вернусь никогда. Мама, все, что ты говорила мнѣ; — все правда, но я не могла одолѣть себя, не могла стать выше себя и словамъ твоимъ не вѣрила. Больше года ты страдала одна, а теперь будемъ терпѣть все вмѣстѣ.

Дарья Осиповна заплакала.

— Онъ обманулъ меня, продолжала Маша, — а обманщика любить я не могу... нѣтъ, не могу, хоть ты меня убей!.. И простить его я тоже не могу; мнѣ все будетъ казаться, что онъ и въ другой разъ обманетъ меня. Вѣдь кто разъ обманулъ, тотъ ужъ не остановится и дальше...

Маша замолчала и сидѣла, опустивъ голову. Дарья Осиповна накинула ночную кофточку на ея обнаженные плечи, чтобы она не простудилась. Ночь наступала ясная, свѣтлая. Мѣсяцъ бросалъ свои лучи прямо на чистенькую, бѣлую кроватку Маши и обливалъ матовымъ свѣтомъ всю ея фигуру. А Маша ничего не замѣчала, ни о чемъ не вспоминала, ни о чемъ не жалѣла; она находилась въ томъ пассивномъ, безсознательномъ состояніи, когда не чувствуешь своего собственного существованія. Дарья Осиповна плакала, и когда плачь ея перешелъ въ громкое истерическое рыданіе, Маша подняла голову.

— Мама, что ты плачешь? Поди, милая, спать, ужъ вѣрно поздно, прощай.

Маша, не раздѣваясь, легла въ постель. Дарья Осиповна подошла и поцѣловала ее; Маша не шевельнулась. Дарья Осиповна перекрестила ее, вышла и тихо притворила дверь.

На слѣдующій день съ утра Дарья Осиповна отправилась искать квартиру, а Маша поднялась въ мастерскую и сложила въ папки свои рисунки. Она все убрала и вычистила, снесла папки внизъ и заперла мастерскую. Потомъ она пошла къ учителю сказать ему, чтобы онъ отложилъ на нѣсколько дней уроки. Возвратясь домой, она взяла на руки своего сына и долго просидѣла съ нимъ, качая его и лаская.

Когда онъ заснулъ, она стала убирать и укладывать свои вещи, отдѣляя ихъ отъ тѣхъ, которыя купилъ ей Александръ. Тонкое новое бѣлье, сдѣланное ей, она бережно сложила въ комодъ; всѣ хорошенькія бездѣлушки и вещицы заперла въ горку; всѣ платья повѣсила въ шкапъ. Она не плакала, не прощалась со всѣми этими воспоминаніями ея только-что разбитаго счастья: она прибирала и прятала ихъ, какъ прибирають и прячуть вещи, оставшіяся послѣ покойника.

Дарья Осиповна вернулась и позвала дочь, чтобы сообщить ей о результатѣ своихъ поисковъ. Самая подходящая квартира была въ Коломнѣ, въ одномъ изъ тѣхъ огромныхъ домовъ для *мелкихъ* жильцовъ, которые строятся кое-какъ и дѣлятся на множество небольшихъ квартиръ, съ разными перегородками и темными углами. Въ одномъ изъ такихъ домовъ, въ пятомъ этажѣ, во дворѣ, была квартира изъ двухъ маленькихъ комнатъ и крошечной, полутемной кухни. Единственное выгодное условіе, которое она представляла, была ея дешевизна.

— Лѣстница только ужасная: темная, грязная, крутая...

— Бери, мамочка, бери, что за дѣло до лѣстницы! Сашу я буду носить и за покупками я буду ходить, а мнѣ все равно, какая лѣстница. Ты-же по-прежнему займешься нашимъ маленькимъ хозяйствомъ. А теперь помоги мнѣ убраться.

До глубокой ночи мать и дочь молча возились въ комнатахъ. Свои рисунки Маша сняла и вынула изъ рамокъ; она подошла къ послѣднему. Рисунокъ изображалъ сумасшедшую Офелію, ходящую по полямъ. Александру особенно нравилась эта фигура и онъ повѣсилъ ее на видномъ мѣстѣ въ столовой. Маша вздрогнула, взглянувъ на собственное произведеніе свое, которое она такъ ча-

сто видѣла. Ей какъ-будто въ первый разъ бросился въ глаза страшный контрастъ между всей радостной обстановкой яркаго солнечнаго дня, цвѣтовъ и полей, и выраженіемъ тупого и безсознательнаго горя на лицѣ Офеліи. Маша протянула-было руку, чтобы снять ее, но не сняла.

„Пусть виситъ! подумала она.—Единственная память обо мнѣ... пусть виситъ...“

— Машенька, поди прилягъ, вѣдь ты устала...

— Хорошо; а завтра ты по-раньше встань и сейчасъ-же найми квартиру, чтобы мнѣ переѣхать...

— Какъ мнѣ, а я?

— И ты тоже, только я хочу уѣхать съ Сашей и съ кормилицей прежде... ты, мамочка, останься до перваго пріѣзда Александра, чтобы сдать ему все и сказать, что меня нѣтъ... писать ему я не буду и видѣть его не хочу.

— Хорошо, Маша, такъ-то оно будетъ лучше.

— Увидимъ! Но разъ погибшее счастье ужъ не приходитъ вновь...

И въ глазахъ оскорбленной матери блеснули не то слезы, не то огонекъ затаеннаго гнѣва.

II.

Дарья Осиповна наняла квартиру и Маша переехала въ нее съ сыномъ и съ кормилицей, а Дарья Осиповна осталась дожидаться пріѣзда Александра.

Александръ между тѣмъ не торопился къ оскорбившей его, по его мнѣнію, дѣвушкѣ. Онъ даже рѣшилъ не быть у нея нѣскольکو дней, чтобы помучить ее и потомъ заставить просить прощенія на такихъ условіяхъ, какія угодно будетъ ему предписать. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не сознавать полной справедливости и подавляющаго великодушія съ ея стороны, но это-то именно и бѣсило его; онъ раздражалъ самъ себя и старался софизмами подавить въ себѣ не совсѣмъ пріятное для него чувство. Кто наблюдалъ надъ собой и надъ другими, тотъ можетъ припомнить, что ему, можетъ быть, не разъ случалось уловить странную, противорѣчивую черту въ человѣческомъ сердцѣ. Сознаніе ошибки вмѣсто того, чтобы вести къ ея исправленію, часто ведетъ къ

какому-то упорному настаиванію на своей безусловной правотѣ. Человѣкъ самъ передъ собой является и обвинителемъ, и защитникомъ. Онъ *убѣжденъ* въ своемъ скверномъ поступкѣ, онъ вполне сознаетъ его грязную сторону, но никакъ не хочетъ въ этомъ сознаться. Такъ случилось и съ Александромъ. Онъ произнесъ надъ собой безапелляціонный приговоръ, онъ зналъ, что онъ виновенъ и что онъ одинъ долженъ-бы былъ за это заплатить, а между тѣмъ онъ всячески старался доказать себѣ, что виновникомъ ссоры былъ никто иной, какъ Маша.

Опять-таки мучительная душевная двойственность не давала Александру покоя. Онъ въ первый разъ отказался отъ свиданія съ Юліей. Онъ хотѣлъ работать, но работа не клеилась. Онъ ѣздилъ къ знакомымъ съ визитами, но ему дѣлалось еще невыносимѣе, чѣмъ у себя дома,—однимъ словомъ, несмотря на то, что Александръ всячески доказывалъ себѣ, что онъ совершенно правъ и чистъ, расположеніе его духа было такое отвратительное, что онъ не зналъ, куда дѣвать себя и что дѣлать съ своей особой. А характеръ онъ все-таки выдержалъ и отправился къ Машѣ только на пятый день послѣ ихъ послѣдняго свиданья. Онъ прямо взбѣжалъ наверхъ и тихо повернулъ ручку мастерской—дверь была заперта. Онъ постучалъ и постоялъ,—ему не отвѣтили.

„Ужъ не больна-ли она?“ подумалъ онъ и сбѣжалъ внизъ.

На его сильный звонокъ дверь отворилась и Дарья Осиповна впустила его.

— Гдѣ Маша?

— Съѣхала.

— Гдѣ? спросилъ онъ, проводя рукой по лбу.

— Съѣхала на свою квартиру, сухо отвѣтила старуха.

Александръ вошелъ въ залу и съ минуту помолчалъ.

— Дарья Осиповна, что вы мнѣ отвѣтили? Извините, я сегодня немножко разсѣянъ.

— Я говорю, что дочь моя больше не здѣсь, не въ этой квартирѣ, что она уѣхала и просила меня все сдать вамъ, какъ вы ей передали.

Ноги Александра задрожали, въ сердцѣ его шевельнулось что-то гадкое и онъ инстинктивно присѣлъ на стулъ.

— Не можетъ быть, произнесъ онъ.—Гдѣ письмо?

— Письма нѣтъ, она велѣла передать вамъ все на словахъ.

Опять оба замолчали. Александръ посидѣлъ немножко, потомъ всталъ и началъ ходить, но во всемъ, что онъ ни дѣлалъ, ясно проглядывало сильное раздраженіе, что-то похожее на борьбу съ самимъ собою, на растерянность передъ непредвидѣннымъ событіемъ. Онъ прошелъ по всѣмъ комнатамъ; ни въ одной не было ни пылинки, но всѣ были пусты.

— А сынъ мой гдѣ? спросилъ онъ.

— Нашъ ребенокъ у насъ, отвѣтила Дарья Осиповна.

Александръ сдѣлалось горько; онъ опять вошелъ въ спальню Маши.

— Дарья Осиповна, сдѣлайте одолженіе оставьте меня одного и закройте дверь.

Дарья Осиповна вышла и заперла дверь. Александръ остановился среди комнаты; глаза его переходили отъ предмета къ предмету и нашли въ ней все такъ, какъ было всегда. Даже любимый капотикъ Маши висѣлъ на обычномъ гвоздѣ и серизовыя, бархатныя туфельки выглядывали изъ-подъ кровати. На столѣ около дивана была ея рабочая корзинка и въ ней остался недошитый дѣтскій чепчикъ. Во всей комнатѣ не доставало только его портрета и самой Маши.

„Неужели она бросила меня?“ думалъ Александръ; наконецъ, онъ закрылъ лицо руками и Дарья Осиповна черезъ дверь слышала какъ онъ громко заплакалъ. Она даже вздрогнула.

„Господи, произнесла она и перекрестилась, — можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, онъ любилъ Машу?“

Да, съ Александромъ произошла внезапная пережѣна. Онъ сталъ упрекать себя, себя одного во всемъ, что случилось. Онъ понять не могъ, какъ онъ въ состояніи былъ обманывать Машу? съ чего онъ завелъ любовную интригу съ Юліей? Онъ вспоминалъ все счастье, которое дала ему Маша, ея полную преданность и безграничное терпѣніе. Теперь только, потерявъ ее, онъ могъ оцѣнить, чѣмъ она была для него. Онъ сознавалъ, что онъ легкомысленно разошелся съ женщиной, которая вполнѣ принадлежала ему: и душой, и помыслами, и чувствами — и разошелся для кого? для Юліи!

Какая иронія! Для Юліи! Чего ищетъ она въ немъ!.. Развѣ она отказалась для него отъ малѣйшей привычки своей, развѣ пожертвовала хоть однимъ выѣздомъ, гдѣ ей предстояло блистать?

И изъ-за этой-то бездушнѣйшей эгоистки весь внутренній міръ его разбить!

Александръ переходилъ изъ крайности въ крайность и опять обвинилъ не того, кого-бы слѣдовало. Точно такъ-же, какъ онъ старался чернить въ своихъ глазахъ Машу, точно такъ-же онъ чернилъ теперь Юлію.

„Нѣтъ, она не вернется, думалъ, горько плача, Александръ;— если она рѣшилась оставить меня, то навсегда. Удивительная дѣвушка: въ ней нѣтъ способности прощать“.

Онъ вспомнилъ, какъ онъ иногда въ шутку обижалъ ее, и потому просилъ прощенья. „Не шути со мной зло, я злыхъ шутокъ не понимаю“. „Прости меня!“ „Не шути въ другой разъ“. „Если простишь“. „Что мнѣ прощать! вѣдь боль-то все-же останется въ сердцѣ, пока сама собой не пройдетъ!“ — „Странная дѣвушка! никогда она меня не простила... не упоминала объ обидѣ, но и не простила...“

Александръ задумался о мелкихъ подробностяхъ ихъ взаимныхъ отношеній, и чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ труднѣе ему было примириться съ мыслью потерять Машу.

„Нѣтъ, это невозможно! такая любовь, какъ ея, не можетъ порваться разомъ. Она еще моя, я знаю, что она моя!..“

Онъ прошелся по комнатѣ и отворилъ горку. Онъ взялъ съ полки портфель и чернильницу и сталъ писать:

„Я пишу въ твоей комнатѣ, моя дорогая Маша; все въ этой комнатѣ дышетъ тобой и говоритъ о тебѣ, а тебя нѣтъ!..¹ Почему ты отъ меня ушла, зачѣмъ ты меня бросила?.. Я пишу и плачу, и мучительное сознаніе, что я былъ виноватъ передъ тобой, душитъ меня. Неужели ты больше не любишь меня? неужели не можешь простить мнѣ мальчишескаго каприза? Маша, вѣдь ты осудила меня безъ всякаго основанія; изъ одного поцѣлуя руки, ты заключила о моей преступности! Неужели сердце твое не говоритъ тебѣ, что вѣра твоя слишкомъ жестока, неужели тебѣ не жаль разбить все наше счастье изъ-за ложнаго подозрѣнія?“

„Я покаюсь предъ тобой, моя дорогая, я, дѣйствительно, свѣтски волочился за Юліей, но не больше. Я волочился за ней отчасти по дѣловымъ расчетамъ, отчасти потому, что она всюду преслѣдовала меня. Мнѣ было досадно, что ты это узнала, и еще досаднѣе, что ты можешь заподозрить меня въ невѣрности, и я

наговорилъ тебѣ злыхъ словъ. Вотъ вся моя исповѣдь... Вѣрь мнѣ, какъ въ тѣ счастливые дни, когда ты такъ безгранично вѣрила мнѣ, и постарайся забыть мою послѣднюю, скорѣй ребяческую, чѣмъ серьезно-неблаговидную выходку.

„Вернись ко мнѣ, моя Мама, ради нашего счастья, ради нашего сына! Онъ мой, а ты отняла его у меня; возврати мнѣ его, возврати мнѣ любовь твою... Жить безъ тебя я не хочу!.. Сердце мое замираетъ и кровь стучитъ въ голову... Нѣтъ, писать я больше не въ состояніи... ужасное чувство неизвѣстности не даетъ мнѣ покоя...

„До свиданія, моя милая; отвѣть мнѣ, отвѣть скорѣй.. не мучь меня!.. Я безумно люблю тебя, и если ты не вернешься, я не знаю, что станетъ со мной!.. Цѣлую горячо твои ручки, цѣлую эти граціозные пальчики, которые, къ чему ни прикоснутся, вкладуть на все отпечатокъ творчества!..

„А рисунковъ твоихъ больше нѣтъ и висятъ только пустыя рамки... Одна Офелія осталась въ столовой... Ты забыла ее или нарочно оставила мнѣ на память образъ несчастной дѣвушки, обезумѣвшей отъ горя?..“

Такъ писалъ Александръ и не могъ разстаться съ комнатою Маши. Ему казалось, что въ ней сосредоточены всѣ его честные и чистые помыслы и поступки, что въ ней только онъ переживаетъ свѣтлыя минуты, неотравленные ни ложью, ни холоднымъ расчетомъ, что въ ней онъ былъ *человкомъ* въ полномъ смыслѣ этого слова, съ способностью быть добрымъ и даже забывать свои честолюбивыя мечты для истиннаго чувства.

А Дарья Осиповна все сидѣла въ столовой и дожидалась, когда онъ, наконецъ, выйдетъ. Она терпѣливо сидѣла у окошка и не мѣшала ему.

„Пусть плачетъ, думала она,—это святая слезы и барину, можетъ быть, какой-нибудь разъ въ жизни придется такъ погоревать, да и то не всякому“...

Александръ, наконецъ, вышелъ. Его страдальческій видъ смутилъ Дарью Осиповну. Онъ подаль ей письмо.

— Отдайте это Машѣ, сказалъ онъ.

— Хорошо-съ. Сдѣлайте одолженіе выпустите меня и возьмите ключи.

— Нѣтъ, вы заприте за мной; на что мнѣ ключи? Вѣдь еще не все кончено... я еще надѣюсь...

Онъ посмотрѣлъ на Дарью Осиповну.

— Дарья Осиповна, что говорила она вамъ про меня?

— Ничего. Велѣла нанять квартиру, а эту мы вмѣстѣ убрали.

— А про меня что она сказала?

— Ничего не говорила, настаивала на своемъ Дарья Осиповна.

— Гдѣ она теперь живетъ?

Дарья Осиповна сказала.

— Благодарю васъ; прощайте. Принесите мнѣ отвѣтъ сами, на мою квартиру.

— Хорошо-съ.

Они простились и разошлись въ разныя стороны. Дарья Осиповна пошла къ Машѣ, Александръ вернулся домой. Вечеромъ онъ случайно встрѣтился съ Юліей; она была великолѣпна и, по обыкновенію, съ достоинствомъ принимала любезности цѣлой толпы поклонниковъ. Въ глазахъ ей блеснула радость, когда она увидѣла Александра, а онъ почти съ ненавистью посмотрѣлъ на нее. Она замѣтила его необыкновенную блѣдность и уловила-таки минутку, чтобы мимоходомъ шепнуть ему:

— Что съ вами?

— Я болѣвъ, отрывисто произнесъ онъ, повернулся и вышелъ въ другую комнату.

Юлія хотѣла бѣжать за нимъ, разспросить, чѣмъ онъ страдаетъ и что мучить его, но она была окружена цѣлой толпой великосвѣтскихъ друзей своихъ и должна была наградить каждого и каждую улыбкой или привѣтливимъ словомъ. Отъ этого зависѣла, по крайней мѣрѣ, половина ея успѣховъ, отъ этого зависѣла ея репутація, какъ женщины умной и любезной.

III.

Весь слѣдующій день Александръ тщетно ожидалъ отвѣта отъ Маши. Его мучило нетерпѣніе и раздражало ея молчаніе. Онъ надѣялся, что послѣ его письма Маша не будетъ въ состояніи разстаться съ нимъ навсегда и пережѣнить свое рѣшеніе. Ея мед-

ленность отвѣтить на его горячее посланіе заставляла его задумываться. Но недолго промучила Маша Александра: прошелъ день и на слѣдующее утро слуга подалъ ему конвертъ и свертокъ.

— Кто это привезъ? спросилъ Александръ.

— Какаѣ-то старушка.

— Она ушла?

— Точно такъ-съ.

— Хорошо; поди.

Слуга вышелъ. Александръ поспѣшно разорвалъ конвертъ и сталъ читать.

„Конечно, я отвѣчу тебѣ, Александръ, писала Маша,— и скажу всю правду, потому что не хочу, чтобъ ты мучился по-напрасну. Я ушла отъ тебя навсегда; я не могу больше жить съ тобой. Союзъ нашъ опирался только на взаимное довѣріе, другой опоры у насъ не было. Я любила тебя и *вѣрила* тебѣ; теперь я все еще люблю тебя, но больше *не вѣрю*. Зачѣмъ ты обманулъ меня? У меня въ сердцѣ вѣра въ тебя разомъ порвалась...

„Ты говоришь мнѣ, что не любишь Юлію Петровну; что мнѣ въ этомъ теперь? вѣдь это не вернетъ мнѣ моего счастья! Жить съ тобой я все-же не могу, коли въ сердцѣ моемъ постоянное сомнѣніе. Оно уже и такъ доставило мнѣ много мучительныхъ дней. Провѣрять тебя я тоже не имѣю возможности, потому что мы живемъ совершенно разной жизнью; я вижу тебя только тогда, когда ты со мной, и не знаю, что ты дѣлаешь за моей дверью. Было время, когда ты любилъ только меня—я это чувствовала,—и вдругъ я почувствовала, что прежняго больше не стало... Въ любви твоей ко мнѣ что-то утратилось, а въ моей любви къ тебѣ явилось новое мучительное чувство—*подозрѣніе*. Я знаю, что это чувство не дало-бы мнѣ ни минуты покоя. Вернуть мою прежнюю любовь, слѣпо довѣряясь тебѣ, я не могу; сердце мое уже надломлено.

„Саша, положеніе наше слишкомъ неравно; я поняла это только въ моемъ несчастіи. Если-бъ я вернулась къ тебѣ, меня замучила-бы совѣсть, мнѣ-бы все казалось, что я должна безропотно принять отъ тебя все, что ты захочешь предложить мнѣ. Мнѣ-бы казалось, что я должна выносить всякія униженія, какъ содержанка. Я отдалась тебѣ, любя тебя, и жила съ тобой, пока *вѣрила*,

что и ты любишь меня. Мнѣ не было унижительно принимать отъ тебя все, что ты давалъ мнѣ, а теперь не то: теперь рука моя не поднялась-бы взять отъ тебя что-бы то ни было. Да и не нужно мнѣ ничего; мое счастье шло рядомъ съ твоей любовью — ея нѣтъ теперь, нѣтъ...

„Прощай, мой Саша, съ твоей любовью погибли все мои мечты, моя молодость, моя радость; но все-же я благодарю тебя за то, что ты далъ мнѣ узнать, что люди называютъ счастьемъ. Ты далъ мнѣ много, много счастья, можетъ быть, слишкомъ много, чтобъ оно могло продлиться, и я всю жизнь буду вспоминать о любви твоей, какъ о самой свѣтлой порѣ моей жизни. Прости меня, если тебѣ будетъ тяжело читать эти строки, но я сама не могу любить на-половину и не могу покориться мысли, чтобы за все мое сердце мнѣ удѣляли только кусочекъ...

„Прощай-же, Саша; мы встрѣтились случайно, случайно полюбили другъ друга и были счастливы, а теперь... теперь приходится проститься...“

Александръ закинулъ голову на спинку кресла и опустилъ письмо на колѣни. Опять подвинулась въ немъ цѣлая буря. Сперва онъ страшно огорчился письмомъ Маши, но мало-по-малу сталъ раскаяваться, что звалъ ее къ себѣ обратно, и, наконецъ, сталъ бранить себя дуракомъ. Къ чему послужилъ ему добрый порывъ его сердца? Къ тому, чтобы она унизила его еще разъ.

Блѣдное лицо его сдѣлалось еще блѣднѣе, онъ точно изнемогалъ подъ бременемъ страшной боли.

Она говоритъ о своей утраченной вѣрѣ въ него и не хочетъ быть его содержанкой, да что-жъ такое она была, какъ не содержанка? Нищая дѣвочка, которую онъ вытащилъ изъ грязи! И онъ-же просилъ у ней прощенія, онъ-же умолялъ ее вернуться! Какое на него нашло ослѣпленіе, что онъ написалъ ей такую чепуху! Ушла, заблаговременно избавила отъ непріятности неизбежнаго рывка, — не могъ-же бы онъ вѣчно довольствоваться ея любовью, — ушла безъ цепей, безъ надоедливыхъ попрековъ, а онъ опять сталъ звать ее назадъ! Да гдѣ-жъ была его голова, гдѣ былъ его разумъ?

Александръ быстро всталъ и подошелъ къ столу; изъ бокового ящика онъ вынулъ пачку кредитныхъ билетовъ. Онъ вложилъ ихъ въ конвертъ и взялъ листокъ почтовой бумаги. Александръ

все дѣлалъ нервно, какъ-будто въ чаду, какъ-будто не желая дать себѣ времени опомниться. Недобрая улыбка изрѣдка кривила его красивое лицо. На листѣхъ онъ сталъ писать:

„Многоуважаемая Дарья Осиповна, съ прискорбіемъ прочелъ я приговоръ вашей дочери и произнесъ надъ нимъ: *аминь*. Такова ея воля — и я преклоняю голову. Но я всегда слылъ порядочныиъ человѣкомъ и, разставаясь съ дѣвушкой, которая дарила мнѣ свою любовь, не оставался у нея въ долгу. Посылаю вамъ пока бездѣлицу и покорнѣйше прошу обращаться ко мнѣ съ увѣренностью, что я всегда буду къ вашимъ услугамъ. Кромѣ того, я прошу васъ назначить мнѣ, сколько нужно для обезпеченія ребенка. Я не хочу, чтобъ онъ былъ для васъ бременемъ. Передайте мою глубокую благодарность вашей дочери.

Искренно преданный вамъ Александръ“.

Александръ успокоился только тогда, когда слуга его вышелъ изъ двери съ этимъ посланіемъ. Онъ сталъ одѣваться съ какой-то торопливой радостью и одѣлся особенно тщательно. Черезъ часъ онъ уже былъ вмѣстѣ съ Юліей въ ихъ квартиркѣ; передъ ними стоялъ изысканный завтракъ, въ бокалахъ пѣнилось шампанское. Юлія едва прикоснулась къ своему бокалу—она не любила никакихъ винъ,—а Александръ почти не ѣлъ и пилъ бокаль за бокаломъ. Онъ былъ шумно-веселъ, хохоталъ, обнималъ Юлію и влялся ей въ вѣчной любви, а потомъ вдругъ схватился за голову и заплакалъ.

Юлія въ недоумѣніи остановилась передъ нимъ.

— Александръ, ты слишкомъ много пилъ! неужели ты пьешь?

— Никогда! отвѣтилъ онъ.—Мнѣ дурно...

Юлія съ испугомъ подошла къ нему и хотѣла разстегнуть его жилетъ, но онъ оттолкнулъ ее.

— Оставь, оставь, произнесъ онъ нетерпѣливо,—это одна минута и пройдетъ...

Онъ тяжело опустился на стулъ, въ ухахъ его страшно шумѣло, но все-же онъ ясно слышалъ, какъ внутренній голосъ говорилъ ему: „подлецъ!“

„Сдѣланнаго не передѣлаешь!“, наконецъ, сказалъ онъ себѣ съ горечью, вскочилъ и простился съ Юліей.

Когда онъ вернулся домой, онъ нашелъ на столѣ посланный

Машѣ пакетъ. Въ немъ были и деньги, и его письмо, а сверху лежала еще бумажка; на ней было написано только двѣ строчки:

„Ни мнѣ, ни сыну моему ничего не нужно; благодарю“.

Александръ бросилъ пакетъ въ столъ.

„Ну и конецъ! сказалъ онъ себѣ. — Будетъ дурачиться!“

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Иванъ Николаевичъ Ветловъ ходилъ по своему кабинету. Только-что пробило три часа, т. е. тотъ часъ, когда его дверь запиралась для посѣтителей по дѣламъ журнала и онъ отдыхалъ передъ тѣмъ, какъ обыкновенно отправлялся въ редакцію. Въ этотъ день, какъ и во всѣ предыдущіе, у него было много разныхъ посѣтителей, хлопотавшихъ о помѣщеніи своихъ статей, предлагавшихъ свои услуги по разнымъ отдѣламъ журнала или просившихъ дать какую-бы-то ни было работу... Былъ господинъ уже преклонныхъ лѣтъ, недавно лишившійся мѣста и написавшій цѣлый безымянный протоколъ обличеній на всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Онъ клялся всѣми святыми, что онъ написалъ сущую правду и скорѣе сгладилъ, чѣмъ преувеличилъ всю „вопиющую неблаговидность поступковъ людей, съ которыми столько лѣтъ сидѣлъ за однимъ канцелярскимъ столомъ“. Ветлову стоило великихъ усилій, чтобы отдѣлаться отъ пострадавшаго господина и увѣрить его, что подобныя обличительныя статьи совсѣмъ не подходятъ къ духу журнала, въ которомъ онъ участвуетъ. Старичекъ не убѣдился и ушелъ съ обидой, отнявъ у Ветлова цѣлый часъ. — „Нѣтъ правды на землѣ, говорилъ онъ. — Даже въ печатномъ словѣ, и то фальшь!“

Одинъ за другимъ перебивало у Ветлова еще нѣсколько посѣтителей, съ которыми онъ не потратилъ много времени; наконецъ, черезъ порогъ его комнаты переступила дѣвушка. Дня три тому назадъ эта дѣвушка принесла ему рукопись и убѣдительно просила принять ее, если только въ ней найдется хоть что-нибудь годное. Она сказала, что ей очень нужно работать, что у нея на рукахъ мать и маленькая сестра. Ветловъ прочелъ рукопись, это былъ рассказъ, который оказался самымъ плохенькимъ.

Дѣвушка вошла, поклонилаь, стараясь улыбнуться, но улыбка не вышла у нея, и она, нѣсколько сконфуженная, сѣла на указанный ей стулъ.

— Не могу васъ ничѣмъ порадовать, началъ Ветловъ; — въ разсказѣ вашемъ совсѣмъ нѣтъ знанія жизни, наблюденія дѣйствительнаго быта и характеровъ; сцены скучны и валы, языкъ не хорошъ, о грамматическихкихъ ошибкахъ я ужь и не говорю: ихъ можно исправить въ корректурѣ.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы, но она превозмогла себя и едва слышно спросила:

— Такъ мнѣ нельзя надѣяться, что я въ состояніи буду работать въ литературѣ?

— Безъ подготовки—нѣтъ.

— Подготовиться я не могу, я не въ такомъ положеніи...

— Такъ поищите другого занятія.

— Ахъ, какое-же другое занятіе могу я найти! воскликнула она,—вѣдь я ничего не умѣю. Я забыла все, чему меня учили, пока папа былъ живъ. Но ужь годъ, какъ онъ умеръ, и намъ рѣшительно нечѣмъ жить.

Слезы опять показались на ея глазахъ.

— Попробуйте переводить; какой иностранный языкъ знаете вы лучше всего?

— Я знаю только французскій, да и то самыя обыкновенныя разговорныя фразы.

Она взяла свой разсказъ.

— Неужели его никуда не примутъ, даже въ плохой журналъ и очень дешево?

— Обнадежить васъ я не могу, но попробуйте...

— Что-жъ пробовать... только время тянуть... Извините, что обезпекнула васъ, прощайте, сказала она уныло.

Ея неподдѣльное горе было такъ явно, что тронуло Ветлова.

— Послушайте, сказалъ онъ, подходя къ ней:—простите меня за нескромное предложеніе: возьмите у меня взаймы нѣсколько рублей, вы отдадите мнѣ ихъ, когда найдете себѣ занятіе.

— Нѣтъ, это милостыня, а я прошу работы, произнесла она, покачавъ головой.

II.

Ветлову было двадцать восемь лѣтъ; день его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, всегда былъ занятъ съ утра до вечера, и все-же часто не хватало времени сдѣлать того, что онъ предполагалъ. Онъ трудился много и общество не оставило безъ вниманія его труды. Онъ имѣлъ отраду видѣть успѣхъ своихъ работъ, т. е. пользовался въ литературѣ славой хорошаго критика. Значить, жизнь его, повидимому, не сложилась такъ сѣро и безцвѣтно, какъ жизнь многихъ, не менѣе даровитыхъ, чѣмъ онъ. А все-же по-временамъ онъ чувствовалъ наплывъ ужасной пустоты и неудовлетворенности. Вѣчно кружиться въ колесѣ разжевыванья передъ публикой ея-же нелѣпости и глупости; вѣчно бередить больное мѣсто, вѣчно тянуть ту-же пѣсню и не видѣть передъ собой той свѣтлой перспективы, которая ободряетъ наши уставшія силы и ведетъ впередъ.

Свѣтлой стороны въ жизни Ветлова, кромѣ его литературныхъ успѣховъ, дѣйствительно, не было.

„Да и когда-жь она была?“ спросилъ онъ себя, и мысль его вернулась въ давно прошедшее. Ему представилась очень бѣдная комната съ ширмой, за которой стояла постель. Между прочей мебелью въ комнатѣ было старое кресло и жесткій, неудобный диванчикъ. На креслѣ постоянно сидѣла молчаливая, надутая старуха; около нея прыгали двѣ кошки и собачка, на окнѣ въ клѣткѣ то-и-дѣло порхала и чирикала птица. Жесткій диванчикъ служилъ ему ночлегомъ. Надутую старуху онъ долженъ былъ называть „тѣтей“ и слушаться во все, что она ему прикажетъ, а приказывала она ему неизмѣнно одно: сидѣть смирно и не баловать. Птица порхала въ клѣткѣ и чирикала, кошки прыгали и играли, собаченка дразнила ихъ и лаяла, а ребенокъ долженъ былъ смирно и неподвижно сидѣть въ своемъ углу. Комната выходила окнами во дворъ и со двора часто долетали веселые голоса ребятишекъ; сердце Ветлова содрагалось, когда мечталось ему, какъ должно быть хорошо бѣгать теперь по двору, и онъ съ тоскливой мольбой смотрѣлъ на старуху въ креслѣ, но старуха отвѣчала на его умоляющій взглядъ ледянымъ взглядомъ и чаще всего молчала; иногда только она говорила отрывистымъ,

кислымъ голосомъ: „Учись, Ваня, и не зѣвай по сторонамъ. Не-чего тебѣ зариться на баловниковъ“.

И опускалъ Ветловъ безпрекословно глаза на свою старую азбуку, въ которой каждое пятнышко было ему знакомо.

Въ девять лѣтъ пережился уголь его ночлега. вмѣсто жесткаго диванчика, онъ сталъ спать на хорошей жалѣзной кровати, какъ десятки другихъ мальчиковъ. Онъ могъ уже играть и шумѣть, ходить свободно по длиннымъ корридорамъ. Большое зданіе, въ которомъ онъ жилъ, т. е. гимназическій пансіонъ, принадлежало ему столько-же, сколько и всякому другому мальчику, и въ первое время онъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какииъ никогда не бывалъ. Но мало-по-малу многіе товарищи его стали рассказывать ему о вещахъ совершенно чуждыхъ ему. Слова *мать, отецъ, братъ, сестра* были для него пустыми звуками. А между тѣмъ онъ видѣлъ, съ какою радостью его товарищи ожидали воскресенья, чтобы отправиться „домой“. Всю недѣлю не было конца рассказамъ о томъ, что они дѣлали дома, какъ веселились, куда ходили. Часто приносили они съ собою лакомства, хорошенькія вещицы, книги, тетради, карандаши. Иногда, въ началѣ, Ветлова спрашивали: „А ты, Ветловъ, развѣ домой не пойдешь?“ „Мнѣ некуда идти, я сирота“, отвѣчалъ Ветловъ, только теперѣ понявъ истинное значеніе этого слова, которое такъ часто употребляла его старуха-тетка, говоря про него. Къ ней онъ тоже ходилъ всего только два послѣ поступленія въ гимназію; она расхворалась и въ тотъ-же годъ умерла.

Такъ онъ остался одинъ въ цѣломъ мірѣ, и еще ребенкомъ созналъ свое одиночество. Онъ былъ смиренъ, по привычкѣ, съ дѣтства, кротокъ и задумчивъ по тому внутреннему сознанію своей заброшенности, которое неотступно грызло его. Уже съ низшихъ классовъ гимназіи онъ понималъ свое положеніе. Ему часто хотѣлось шалить и рѣзвиться, но мысль, что его поймають на какой-нибудь шалости и, пожалуй, выгонять, останавливала его. Куда онъ пойдетъ? развѣ у него есть отецъ, мать, кто-нибудь, кто-бы пріютилъ его?

Размышляя такимъ образомъ, Ветловъ не шалилъ; онъ находилъ себѣ тихаго товарища и садился съ нимъ куда-нибудь въ сторонку. Сначала товарищи дразнили его и задирали, но по-

томъ привыкли, и только въ насмѣшку называли его *красной дѣвчонкой*. Кончилось тѣмъ, что за нимъ утвердилась репутація мальчика крайне сосредоточеннаго и не охотника до шума и дракъ. Съ нѣкоторыми изъ товарищей онъ сошелся довольно близко; его стали приглашать по воскресеньямъ въ чужія семьи.

Здѣсь очень рано сталъ онъ всматриваться въ людей и наблюдать другую жизнь, чѣмъ та, которую онъ зналъ въ стѣнахъ своего пансіона. Тутъ-же онъ познакомился и съ тѣмъ, что и въ семейной жизни болѣе счастливыхъ людей, чѣмъ его тетка, не все такъ весело и отрадно, какъ онъ думалъ объ этомъ въ своемъ одиночествѣ... При немъ-же какъ при ребенкѣ, и не стѣснялись, и отъ наблюдающихъ глазъ его не ускользнуло много черныхъ и безобразныхъ сторонъ. Иногда было явное несогласіе между всѣми членами семьи—большими и малыми; иногда подъ дружеской внѣшностью скрывались враждебныя чувства, которыя прошибали наружу сквозъ притворную ласковость. Вкусы и склонности сталкивались и слабѣйшій всегда долженъ былъ согнуть смиренно голову передъ сильнѣйшимъ.

Онъ сталъ еще сосредоточеннѣе и не пропускалъ ни малѣйшаго случая, не обсудивъ его и не взвѣсивъ.

Но подчасъ ему было томительно одиноко въ четырехъ стѣнахъ своего гимназическаго питомника; ничего въ мірѣ не могъ онъ назвать *своимъ*,—развѣ кровать, на которой онъ спалъ, да столъ за которымъ учился, да и то онъ былъ ихъ случайнымъ и кратковременнымъ обладателемъ. Впрочемъ, не вещи хотѣлось Ветлову назвать своими,—онъ искалъ человѣка, который принялъ-бы его *не любезно*, какъ принимали почти всѣ, а отъ души; который не задумался-бы открыть ему свою душу и спросилъ-бы, что дѣлается у него на душѣ; который былъ-бы предъ нимъ самимъ собой и не напелъ-бы смѣшнымъ или глупымъ, если-бы и Ветловъ былъ съ нимъ на распашку.

Но онъ долго не встрѣчалъ такого человѣка; юность его прошла одиноко. Онъ имѣлъ много знакомыхъ, много внѣшнихъ дружескихъ отношеній съ людьми, но друзей не имѣлъ. Съ годами, когда онъ привыкъ къ людямъ и сталъ развязнымъ, веселымъ юношей, его принимали любезно и радушно, но все-же дружба у него какъ-то ни съ кѣмъ не завязывалась, вплоть до его сближенія съ самонадѣяннымъ и заносчивымъ баричемъ Ло-

патинимъ, къ которому въ первые мѣсяцы ихъ общихъ занятій, онъ чувствовалъ непреодолимую антипатію.

Послѣ болѣе короткаго знакомства съ Лопатинимъ Ветловъ былъ удивленъ, замѣтивъ подъ наноснымъ хламомъ всевозможныхъ мелочныхъ недостатковъ глубокое стремленіе докапываться до истины и необыкновенно трудолюбивую усидчивость. Ветловъ не щадилъ Лопатина, не обходилъ мягко его недостатковъ, и все-же ихъ дружба росла, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самолюбиваго и заносчиваго юноши выработывался серьезный человѣкъ.

Ихъ дружба не порвалась съ годами. Видѣться и говорить столько-же о пустякахъ, сколько о серьезныхъ вещахъ, вошло въ одну изъ необходимыхъ потребностей какъ одного, такъ и другого. Но и эти теплыя и искреннія отношенія не могли замѣнить всего ни для того, ни для другого. Оба они сознавали, что въ жизни ихъ нѣтъ той яркой стороны, которая дѣлаетъ ее привлекательною. Въ послѣднее время Викторъ нашелъ себѣ отраду въ отношеніяхъ къ сестрѣ: сестра замѣнила для него очень многое и заставила на-время позабыть о потребности болѣе сильнаго и порывистаго счастья. Ветловъ это зналъ; Викторъ говорилъ ему, сближаясь съ Поленькой, что, несмотря на скептическія увѣренія друга, будто семейное счастье — рѣдкій идеаль, онъ нашелъ въ семьѣ своей *теплымъ уголокъ*, который содался для него изъ дружбы сестры и пріятливой ласки матери.

А у Ветлова не было даже и этого.

„Неужели жизнь такъ и пройдетъ, сѣренькая и гладенькая? думалась иногда ему.— Неужели не примѣшается къ ней ничего, выходящаго изъ ряда обычнаго теченія? Неужели сердце никогда не забьется отъ избытка любви и никогда это слово не сорвется съ устъ женщины, которая, въ самомъ дѣлѣ, будетъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ?..“

III.

Дверь отворилась и вошелъ Викторъ.

— Здравствуй, Ветловъ. Ба! да ты, кажется, скучаешь?

— Вся тварь разумная скучаетъ! отвѣтилъ съ улыбкой Ветловъ словами пушкинскаго Мефистофеля.— А ты, кажется, куда-то собрался?

— Да, въ Петергофѣ. Меня послала матушка сдѣлать на дачѣ нужныя распоряженія: охъ, скоро опять потянемся изъ города на дачу.

— Ты это говоришь, точно тебя заставляютъ совершать какой-то трудный подвигъ! разводя руками, говорилъ Ветловъ,—а въ сущности можетъ-ли быть что-нибудь пріятнѣе, какъ жить лѣтомъ на дачѣ съ огромнымъ паркомъ, да еще у взморья!.. Ахъ, васъ-бы нужно было хорошенько проучить, чтобъ вы цѣнили прекрасный солнечный день, чистый воздухъ, зелень и приволье природы вмѣсто этихъ навозныхъ кучъ, которыми мы дышемъ ровно семь мѣсяцевъ.

Викторъ расхохотался.

— Ты сегодня въ желчномъ настроеніи и обругалъ меня ни за что. Кто тебѣ говорить, что я не люблю дачную жизнь?

— Ты вообще человѣкъ неблагодарный судьбѣ, продолжалъ Ветловъ,—у тебя все подъ рукой—семья, удобства, а ты все ходишь зеленый и съ подергиваніемъ въ губахъ.

Викторъ расхохотался еще громче.

— Сдѣлай милость, раздѣли со мной *блага жизни*, пріѣзжай на лѣто ко мнѣ погостить. Стѣснить ты никого не можешь, комватъ у насъ много, а семья моя приметъ тебя очень радушно.

Ветловъ задумался надъ неожиданнымъ приглашеніемъ пріятеля.

— А знаешь, Лопатинъ, вѣдь это недурная мысль! Жить былемъ мнѣ по сихъ поръ надобло—(и онъ провелъ рукой по горлу);—хоть не моя семья, а все-же я погляжу, есть-ли хоть одинъ уголокъ на свѣтѣ, гдѣ люди разныхъ характеровъ могутъ дружно вмѣстѣ уживаться.

— Ну, вотъ и отлично; остальное предоставь мнѣ.

— Нѣтъ, постой, я хочу, чтобъ ты прежде спросилъ свою мать, сестру и кто еще у васъ тамъ есть, желаютъ-ли они, чтобъ я явился? Ты долженъ дать мнѣ откровенный отвѣтъ, а то вторгаться туда, куда меня вовсе не желаютъ впустить...

— Полно, это пустыя формальности!

— Все-же спроси и дай мнѣ знать. Если меня примутъ, я пріѣду къ вамъ мѣсяца на полтора. Вы когда перебираетесь?

— Мои въ половинѣ мая, я-же лично—попозже; мнѣ еще нужно покончить кое-какія дѣла по должности.

И Викторъ улыбулся той улыбкой, которую другъ его называлъ подергиваньемъ въ губахъ.

— Ого! значитъ, ужъ левъ откусилъ голову своему укротителю?

— Откусилъ, законически отвѣтилъ Викторъ и посмотрѣлъ на часы;—ужъ мнѣ пора, а то пропушу поѣздъ. Прощай, Ветловъ.

— Прощай; да, забылъ, у тебя въ семьѣ, кажется, есть больная старуха?

— Да, но она до тебя совершенно не будетъ касаться, крикнулъ Викторъ уже съ лѣстницы:—она будетъ жить во флигелѣ черезъ цвѣтникъ, а не въ большомъ домѣ.

— Ну, тѣмъ лучше: я не люблю старухъ, особенно такихъ, отъ которыхъ уже несетъ ладономъ.

IV.

По уходѣ Виктора Ветловъ тоже взялъ шляпу и пошелъ въ редакцію. По дорогѣ его мысли совсѣмъ не были похожи на прежнія, и даже фантазія его разыгралась до того, что онъ вообразилъ себя въ компаніи доброй старушки, подчующей его сластями, и молоденькой дѣвушки, неловко краснѣющей и боящейся выразить свое мнѣніе, чтобъ не сказать глупость. Эти двѣ женщины стараются занять его и сдѣлать ему жизнь въ ихъ домѣ какъ можно пріятнѣе. Каждая даетъ что можетъ: старушка старается какъ можно больше удовлетворить его желудокъ; дѣвушка, по инстинкту молодости, чувствуетъ, что это ему не очень забавно, и робкимъ голосомъ приглашаетъ его полюбоваться природой. „Не хотите-ли идти въ садъ?“ говорить ему сестра друга, та самая Поленька, которая при первой ихъ встрѣчѣ не знала куда дѣвать руки и все краснѣла.

Фантазируя такимъ образомъ, Ветловъ почувствовалъ къ этимъ двумъ женщинамъ искреннюю благодарность за то, что онѣ радужно приняли его и позаботились о его весельѣ...

Но въ жизни нашей то-и-дѣло радость смѣняется горемъ и пріятное впечатлѣніе непріятнымъ. Всю неопровержимость этой истины Ветловъ испыталъ въ это утро на себѣ. Лишь только онъ переступилъ порогъ редакторской, какъ на него посыпался цѣлый градъ упрековъ за его статью.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

I.

Софья Ивановна и Поленька сидѣли вдвоемъ на маленькомъ диванчикѣ въ спальнѣ Софьи Ивановны. Софья Ивановна была немножко разстроена, а когда она бывала разстроена, ее особенно тревожила участь дочери. Не безъ страха спрашивала она себя: что-то выйдетъ изъ Полины, чѣмъ разыграется ея видимое стремленіе жить не такъ, какъ жила она, ея родная мать.

Въ этотъ день бабушка особенно замучила все семейство Лопатинныхъ и каждый изъ нихъ, не желая роптать на старуху, старался найти уважительную причину для своего мрачнаго настроенія духа. Тетя Катя растрогалась до слезъ, припоминая свое давно-минувшее супружеское счастье, и ушла къ себѣ; Софью Ивановну-же занимала больше мысль о будущности дочери, чѣмъ воспоминанія объ ея печальномъ прошломъ, такъ-какъ мужъ ея походилъ нравомъ на свою мать, и при его жизни ее допекали съ двухъ сторонъ: и мужъ, и свекровь.

— Полина, другъ мой, сядь сюда, потолкуемъ, говорила Софья Ивановна.

Поленька сѣла.

— Ты знаешь, какъ я провела свою жизнь, какъ она была безцвѣтна и несчастна;—(Софья Ивановна отерла слезу,)—я отъ тебя этого не скрываю.

Поленька взяла руку матери и поцѣловала ее.

— Только ты одна—мое утѣшеніе; мальчиковъ я не считаю: какое имѣю я на нихъ право? Мальчики всегда живутъ своей головой, особенно когда у нихъ отца нѣтъ. Дочь-же другое дѣло: дочь принадлежитъ матери...

„О, Боже мой! зачѣмъ я не мальчикъ!“ почти съ отчаяніемъ подумала Поленька, тоже разстроенная капризами бабушки.

— Вѣдь ты любишь меня, моя милая, не правда-ли?

— Да, мамаша, вы такъ добры и я увѣрена, что всегда будете хотѣть, чтобы мнѣ...

Поленька хотѣла докончить свою обычную фразу: „чтобы мнѣ было хорошо“, но на этотъ разъ ей не удалось окончить своей фразы; Софья Ивановна перебила ее:

— Я очень рада, что ты цѣнишь мою любовь; но, Полина, любовь матери не всегда въ томъ заключается, чтобъ поддерживать въ дочери наклонности, которыя могутъ сдѣлать ее вполнѣ ствiи очень несчастною...

Софья Ивановна опять едва не прослезилась.

— А я вижу, что ты идешь ложной дорогой, идешь прямо на несчастiе.

— Мамаша, возразила Поленька, — увѣряю васъ, я очень счастлива. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили меня въ покоѣ и свѣтскiя развлеченiя не нарушаютъ моего мирнаго уединенiя...

— Но вѣдь въ этомъ-то и несчастiе твое.

— Что-же это за несчастiе? Я, право, очень, очень счастлива, настаивала Поленька;—вы меня любите, братъ мой тоже; я могу дѣлать, что мнѣ хочется. Какое-же мнѣ еще нужно счастье? Гдѣ его искать?

— Полина, ты говоришь, какъ-будто все это такъ и должно остаться на-всегда. Подумай, бабушка можетъ скоро умереть, трауръ нашъ кончится, тебѣ ужъ будетъ двадцать два или двадцать три года, молодость начнетъ уходить...

— Ну, и что-же?

— Ну, и ты сама меня попрекать станешь, что я не образумила тебя во-время, что я не позаботилась устроить твое будущее.

— Даю вамъ слово, что никогда ни въ чемъ не попрекну васъ; напротивъ, я буду вамъ благодарна на всю жизнь...

— Ахъ, Поля, Поля, не знаешь ты жизни, а тоже разсуждаешь, какъ большая и опытная женщина.

— Вѣдь ужъ мнѣ почти двадцать одинъ годъ, возразила Поленька.

— Что-жь, много-ли это?

— Все-таки я могу разсудить, что мнѣ нравится и что нѣтъ.

— Это еще ничего не доказываетъ.

— Нѣтъ, это доказываетъ, что у меня есть вкусы, есть наклонности, есть способность разсуждать.

— Вкусы-то, пожалуй, есть, перебила ее Софья Ивановна, — но что тебѣ лучше—того ты никакъ рѣшить не можешь.

— Кто-же можетъ?

— Какъ, кто? Старшiе; я, напримѣръ, могу. Я могу все

предусмотрѣть, потому что довольно пожила на свѣтѣ, много передумала и много знаю по опыту... Ты сама потомъ не рада будешь, что время ушло и ты осталась... осталась...

Софья Ивановна опять отерла глаза.

— Старой дѣвой, договорила Поленька и улыбнулась, а Софья Иаповна уже окончательно расплакалась, точно Поленька сказала что-нибудь ужасное.

— Съ красотой, съ богатствомъ, съ добрымъ именемъ и... и... между всхлипываніями произносила Софья Ивановна.

Изъ двухъ женщинъ, дочь можно было-бы принять за старшую. Ей смѣшны и дѣтски-наивны казались огорченія матери, и она опять готова была-бы улыбнуться, если-бы ей не жалъ было опечаленной старухи.

„Что дѣлать, подумала она, съ лаской взглянувъ на мать, — нельзя-же въ пятьдесятъ лѣтъ снова приниматься жить и передѣлывать свои убѣжденія!“

— Мама, сказала она кротко, — вы не огорчайтесь; вѣдь мнѣ еще остается, по крайней мѣрѣ, шесть-семь лѣтъ до того времени, когда меня назовутъ старой дѣвой; мало-ли что въ это время можетъ случиться! Кроме того вы говорите, что я богата; когда мы увидимъ, что я уже начинаю старѣться и когда меня разбереть злость, что я не замужемъ, я скорѣй за кого-нибудь и выйду. Вѣдь съ деньгами всѣхъ берутъ и не смотря, какія онѣ — молодья или старья. А теперь что-жъ намъ горевать? Изъ-за чего вамъ убиваться?

— Какъ изъ-за чего? неужели тебѣ пріятно будетъ, когда стануть говорить, что ты первому встрѣчному на шею кинулась, лишь-бы въ дѣвкахъ не засидѣться? вотъ, скажутъ, браковала, браковала, да за урода и вышла...

— Зачѣмъ-же вы берете крайности? я и тогда могу найти себѣ мужа въ порядочномъ человѣкѣ.

Но Софья Ивановна и этимъ не утѣшилась.

— Еще лучше! воскликнула она. — Сама будешь завядшая, желтая, вся въ морщинахъ, а выйдешь за молодого... Ужь это со-всѣмъ несбыточно или изъ тысячи случаевъ удастся одинъ.

— Нѣтъ, мама, начала шутить Поленька, — вы, просто, нарочно меня съ толку сбиваете; на васъ не угодишь, я ужъ не знаю, что и сказать.

— Потому, что и сказать тебѣ нечего; ты чувствуешь, что я права.

— Ну, хорошо, маменька, положимъ—я соглашаюсь, что вы правы, но что-же по-вашему мнѣ слѣдуетъ теперь дѣлать?

— Ахъ, Поля, сто разъ я тебѣ это говорила! Не создавай себѣ чего-то особеннаго, живи, какъ всѣ, люби, что всѣ любятъ и что въ твои годы нужно любить... Оригинальность придастъ значеніе мужчинѣ, но дѣвушку портить.

Софья Ивановна опять заплакала.

„Погибла, погибла, думала она, и печально покачала головой.— Привыкла-бы Полина къ свѣту и жила-бы какъ всѣ, если-бы не затѣи Виктора!.. И чего-же я, старая дура, смотрѣла! сказала-бы: не позволяю читать—да и только... Шутка-ли, полтора года сквозь пальцы на все смотрѣла... Ахъ я съумасшедшая! куда эту голова-то моя дѣвалась?..“

Если-бы Софья Ивановна была женщина съ характеромъ, она-бы и теперь повернула все по-своему и строго запретила-бы своей дочери дотронуться до какой-бы то ни было книги безъ ея позволенія; но Софья Ивановна была женщина слабая, рефлексивная, жившая впечатлѣніями дня или, вѣрнѣе, минуты. У нея хватило характера только на то, чтобы сломать и изуродовать себя по волѣ мужа; у ней было удивительное мужество отказываться отъ всѣхъ своихъ желаній, удивительная выносливость дѣлать то, что было ей совершенно не по душѣ.

— Полина, сказала мать,—въ сущности ты совсѣмъ не такая кроткая, какъ кажешься; помни, другъ мой, что Господь жестоко караетъ гордыхъ.

Поленька никакъ не ожидала такого оборота рѣчи.

— Я не вижу, чѣмъ я горда и съ чего мнѣ быть гордой?

— Ты, вѣрно, думаешь, что ты всѣхъ на свѣтѣ умнѣе... Богъ такихъ не любитъ... „Блаженны нищіе духомъ“, говоритъ намъ писаніе...

Когда Софья Ивановна принималась за цитаты изъ св. писанія, Поленька знала, что убѣждать ее напрасно, и потому рѣшилась и теперь молча выслушать материнское наставленіе.

Поленька теперь была уже далеко не тѣмъ робкимъ ребенкомъ, какимъ она была до своего сближенія съ Викторомъ.

II.

Интимная бесѣда матери и дочери была нарушена приходомъ Виктора. Онъ исполнилъ всѣ порученія Софьи Ивановны относительно дачи и пришелъ дать отчетъ, между прочимъ, сообщилъ матери и о своемъ разговорѣ съ Ветловымъ.

— Это очень деликатно со стороны твоего друга, что онъ обращается къ намъ за позволеніемъ. Передай ему, что мы всѣ, конечно, будемъ очень рады видѣть его у себя гостемъ.

— И ты, Поленька, ничего не имѣешь противъ этого? спросилъ Викторъ.

— Конечно, нѣтъ, отвѣтила Поленька, уже не удивясь, какъ прежде, вопросу брата.

— Такъ я ему завтра скажу, что моя семья съ удовольствіемъ пріютитъ его, и представлю его вамъ. Поленька, ты не зайдешь ко мнѣ?

— Нѣтъ; насъ съ мама сегодня пемножео затормошили и мы напьемся чаю и ляжемъ. Неправда-ли, мама?

— Я знаю, что ты добрая, сказала въ отвѣтъ Софья Ивановна.

— Такъ я переодѣнусь и тоже присоединюсь къ вамъ; вели и мнѣ поставить чашку.

Вечеръ провели втроемъ очень тихо и очень пріятно, и Софья Ивановна позабыла свои горести.

— Теперь у насъ на дачѣ будетъ гость, сказала Софья Ивановна, по уходѣ сына;—ты его ужь, кажется, видѣла?

— Да, я встрѣтила его раза три у Виктора.

— Теперь тебѣ ужь не будетъ такъ свободно...

— Въ какомъ отношеніи?

— Нельзя будетъ ходить въ комнаты брата.

— Почему-же нельзя?

— Неужели ты думала, что можно?

— Я совсѣмъ объ этомъ и не думала.

— Ты должна быть съ нимъ очень осторожна, мой другъ: c'est un jeune homme.

— Да, очень умный молодой человѣкъ, вотъ вы сами увидите.

— Тѣмъ болѣе, Полина, будь съ нимъ осторожна.

— Чего-же вы боитесь, мама?

— Ахъ, ты ничего не понимаешь... ты такой ребенокъ... мало-ли что можетъ случиться... ты сама говоришь, что онъ умный...

— Вы думаете, что я въ него влюблюсь? да?.. да?.. мучила Полина испуганную Софью Ивановну, которая именно это и думала, но ни за что на свѣтѣ не рѣшилась-бы назвать вещи по имени.

— Vous êtes folle, Pauline! произнесла она.—У меня этого и въ мысляхъ не было.

— Ну, такъ онъ въ меня влюбится?

— Еще меньше! Онъ, какъ умный человѣкъ, сразу пойметъ, что онъ тебѣ не пара.

— Ахъ, мама, вы, кажется, непременно хотите выдать меня за дурака! говорите: умный человѣкъ—и мнѣ не пара. Неужели мнѣ пара—дуракъ?

— Полина, отвяжись отъ меня! сказала Софья Ивановна, смѣясь, видя, что Поленька тоже хохочетъ отъ всего сердца.—Ну, поди спать, я знаю, что ты будешь умница.

Поленька ушла, но, какъ на зло, слова матери не оставляли ее въ покоѣ.

„Какъ умный человѣкъ, онъ пойметъ, что онъ тебѣ не пара, думалось ей.—Чѣмъ-же Ветловъ мнѣ не пара? Онъ образованъ, талантливъ, Викторъ цѣнить его и любить больше всѣхъ; въ литературѣ его имя пользуется общимъ уваженіемъ... Онъ мнѣ развѣ только потому не пара, что, конечно, никогда не полюбитъ меня. Такую-ли ему нужно!.. Но мама не то хотѣла сказать; онъ мнѣ не пара потому, что бѣденъ, что онъ—un Dieu sait qui... Да онъ, можетъ быть, самъ не захочетъ смотрѣть на меня... А вдругъ онъ меня полюбитъ?.. Ну, что тогда?.. что тогда?..“

III.

Въ первыхъ числахъ второй половины іюня Софья Ивановна отдала дворецкому приказъ ставить на столъ лишній приборъ, а Поленькѣ повторила:

— Смотри-же, Полина, не ходи больше въ комнаты брата.

Около четырех часовъ того-же дня она послала на пароходную пристань крытые дрожки, которые привезли Виктора и Ветлова.

Послѣ душныхъ петербургскихъ улицъ, Ветловъ не могъ любоваться на свѣжесть зелени, не могъ надышаться „морскимъ воздухомъ“. Всѣ жаловались въ тотъ день на страшный жаръ, но Ветлову этотъ жаръ казался какъ нельзя болѣе подходящимъ къ его настроенію духа. Онъ располагалъ къ отдыху, къ покою, даже къ лѣни, а Ветловъ имѣлъ возможность отдохнѣть, успокоиться, полѣниться. Онъ подкатилъ кресло къ окну, развалился въ немъ и сталъ безотчетно смотрѣть въ даль.

— Что это, Ветловъ, ты точно воть на солнцѣ грѣешься, замѣтилъ вошедшій Викторъ.

— Здѣсь такъ хорошо! спасибо, что привезъ меня сюда.

— Успѣешь еще наглядѣться! а теперь ты, вѣрно, голоденъ, пойдемъ обѣдать.

Въ столовой завязался общій разговоръ, нѣсколько натянутый, какъ всегда бываетъ, когда „свѣтскіе люди“ думаютъ, что должны занимать „умнаго“ человѣка. Но „умный человѣкъ“ не напускалъ на себя важности, не хмурилъ многозначительно бровей и не показывалъ вида, что попалъ не въ свои сани. Онъ охотно болталъ о пустякахъ, разсказалъ два-три послѣдніе ходячіе анекдота, обратилъ вниманіе на Лину и задалъ ей какую-то загадку, ѣлъ больше, чѣмъ умѣренно, къ большому огорченію Софьи Ивановны, которая любила, чтобы гости ея ѣли много.

Въ половинѣ обѣда явился Александръ и поздоровался съ Ветловымъ, какъ съ старымъ знакомымъ. Разговоръ сталъ еще оживленнѣе, и даже тетя Катя легонько посмѣивалась, закрывая ротъ батистовымъ платкомъ. Подъ конецъ она посмотрѣла на Софью Ивановну и одобрительно кивнула головой.

— Онъ, кажется, очень милый, сказала она Софьѣ Ивановнѣ, когда послѣ обѣда всѣ вышли на балконъ,—и, вѣроятно, нѣсколько оживить нашу затворническую жизнь.

— Да, мнѣ Викторъ говорилъ, что онъ очень милый, отвѣтила Софья Ивановна.

Тетю Катю пришли звать къ матери, и она безропотно оставила свое покойное кресло, на которомъ расположилась было отдохнуть; Александръ тоже скрылся тотчасъ-же послѣ обѣда. Лина

вертѣлась на площадкѣ около балкона и то-и-дѣло задирала другую дѣвочку, немножко постарше ея, которая не знала, куда ей дѣваться. Эта дѣвочка была Сашенька, воспитанница Софьи Ивановны, которая, какъ многія русскія барыни, имѣла страсть брать воспитанницъ. Что она хотѣла изъ нихъ дѣлать и какова будетъ ихъ участь — о томъ Софья Ивановна никогда не думала. Она сажала воспитанницу съ собою за столъ, протягивала ей утромъ и вечеромъ руку для поцѣлуя, сама цѣловала ее въ лобъ и одѣвала въ обноски своихъ платьевъ и платьевъ тети Кати. До настоящей воспитанницы у Софьи Ивановны было ихъ уже четыре. Три заплатили ей, за всѣ ея благодѣянія, самой черной неблагодарностью, а четвертая умерла, но эти неудачныя благодѣянія, конечно, не вылечили Софью Ивановну отъ страсти брать воспитанницъ.

— Лина, ведите себя прилично, не фиглярничайте! воскликнула Амалія Карловна, выведенная изъ терпѣнія шалостями Лины, и посмотрѣла на Софью Ивановну.

— Лина, поди, другъ мой, играй; не мѣшай большимъ.

Но Лина какъ-будто и не слышала этихъ словъ, она шептала что-то на ухо Сашенькѣ и плутовски по-матривала на Ветлова.

— Вы, кажется, хотите что-то сказать мнѣ? обратился къ ней Ветловъ.

— Да. Вы умѣете играть въ серсо?

— Лина! съ негодованіемъ воскликнула Амалія Карловна.

— Въ серсо?.. Какая-же это игра?.. Кажется, нужно бросать кольца?..

— А вотъ постойте, я вамъ сейчасъ объясню, это очень весело!

Съ быстротой молніи Лина скрылась и вернулась съ палками и колечками. Она объяснила Ветлову, въ чемъ состоитъ игра.

— Видите, какъ весело! хотите играть?

— Давайте.

Ветловъ всталъ.

— Только прошу надо мной не смѣяться: я всегда бросаю криво, замѣтила Лина.

Скоро все общество, не исключая даже Софьи Ивановны и дяди Никанора, играло въ серсо. Докторъ исторіи и извѣстный

литераторъ, не хуже любимыхъ школьниковъ, бросали и ловили кольца. Они бѣгали за ними и отнимали ихъ у десятилѣтней дѣвочки, и Богъ знаетъ кому изъ нихъ было веселѣе. Поленька тоже приняла въ игрѣ непослѣднее участіе. Она смѣялась и хлопала въ ладоши, когда дядя Никаноръ, съ важностью наморщивъ брови, пять разъ примѣрялъ, въ какую сторону бросить кольцо, и, несмотря на это, оно постоянно летѣло въ бокъ.

— Это отъ противнаго вѣтра, говорилъ онъ, хотя вѣтра не было ни малѣйшаго.

Никто изъ игравшихъ не могъ-бы сказать, сколько времени играли, когда явился лакей и доложилъ, что лошади готовы.

— Кто ѣдетъ сегодня на музыку? послышался вопросъ.

— Я, отозвался дядя Никаноръ.

— А вы, мамаша, остаетесь дома? спросилъ Викторъ.

— Да; я обѣщала тетѣ Катѣ придти къ бабушкѣ въ семь часовъ.

— А ты, Поленька?

— И я остаюсь.

Охотниковъ ѣхать на музыку больше не оказалось.

— Прикажете подавать?

— Подавай.

Къ подъѣзду подъѣхала четырехмѣстная коляска; въ нее сѣли дѣвочки, Амалія Барловна и дядя Никаноръ; лакей захлопнулъ дверцы и коляска умчалась. Софья Ивановна пошла черезъ цвѣтникъ во флигель.

— Поленька, ты не будешь на меня въ претензіи, если я навяжу тебѣ моего друга? Мнѣ необходимо сходить къ одному господину по дѣлу, тихо спросилъ Викторъ.

— Нисколько.

— Скажи прямо, съ нимъ ты не должна стѣсняться.

— Съ чего-же я буду стѣсняться! Онъ мнѣ очень нравится.

— Ну, тѣмъ лучше.

— Ты, кажется, тоже уходишь? спросилъ Ветловъ у Виктора.

— Ухожу не надолго.

— А вы, Полина Александровна, что въ это время дѣлаете?

— У меня нѣтъ опредѣленныхъ занятій. Напримѣръ, сегодня я-бы охотно погуляла по саду.

— И взяли-бы меня съ собой?

— Съ удовольствіемъ.

Итакъ, всѣ розовыя мечты Ветлова сбывались въ дѣйствительности. Добрая старушка заботилась о его матерьяльных удовольствіяхъ въ видѣ куриныхъ котлетъ и ароматнаго чаю, хорошенькая дѣвушка хотѣла доставить ему болѣе отвлеченное удовольствіе, въ видѣ наслажденія природой. Опять его какъ-будто погладило по душѣ и онъ весело пошелъ рядомъ съ молоденькой дѣвушкой.

— Что-жь вы не поѣхали на музыку? спросилъ онъ.

— Я рѣдко ѣзжу, слышался отвѣтъ.

— Значить, вы не любите музыки?

— Это вовсе не значить, что я не люблю музыки, отвѣтила она и засмѣялась.

Онъ взглянулъ на нее. Въ ея бархатныхъ, темныхъ глазахъ блеснуло нѣкоторое лукавство.

— Ага, понимаю! весело воскликнулъ онъ.— Вы не любите свѣтскихъ удовольствій...

— Вотъ опять ошиблись!.. я ничего не презираю, а просто люблю вотъ этотъ садъ потому, что могу гулять въ немъ совершенно свободно, и потому что въ немъ нѣтъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ очень скучно.

— А одной вамъ развѣ не скучно, особенно въ этомъ саду? Вы, вѣроятно, ужъ знаете въ немъ каждое деревцо.

— Съ тѣхъ поръ, какъ бабушка такъ больна, я часто оставалась въ немъ одна и до сихъ поръ еще никогда не скучала. Лѣтомъ здѣсь такъ хорошо! Нашъ садъ огромный и я въ немъ чувствую себя среди полного приволья и люблю гулять здѣсь.

— И мечтать, замѣтилъ онъ съ улыбкой и подумалъ: „Эта хорошенькая барышня, кажется, немножко сантиментальна“.

— Нѣтъ, не мечтать, поправила она его, — а думать.

• Снова въ ея глазахъ отразилось лукавство.

— Простите меня за отсталость, отозвался онъ съ такой искренней привѣтливостью въ голосѣ и въ манерахъ, что добродушная иронія его не обидѣла Полицку,—но я такъ рѣдко вижу дѣвушекъ, что не знаю, какими словомъ онѣ называютъ теперь свои... свои...

Онъ остановился.

— *Мечты?* подсказала она ему;—вѣдь вы опять хотѣли это

сказать? Но и я очень рѣдко вижу дѣвушекъ, — близкихъ по-другъ у меня нѣтъ, — и тоже не знаю, какимъ именемъ онѣ называютъ свои размышленія. Я-же характера немечтательнаго.

— Что-же вы называете мечтательностью? спросилъ Ветловъ и тутъ-же подумалъ: — „Да вѣдь ужь мы въ философію пустились! посмотримъ, барышня, какъ-то вы выпутаетесь!“

— Мечтать? повторила Поленька и слегка пожала плечами; — мнѣ кажется, что это значить рисовать себѣ какія-нибудь заманчивыя, несбыточныя картины или желать самой себѣ счастья, представлять себя въ какой-нибудь другой обстановкѣ, которая больше привлекаетъ, чѣмъ та, въ которой находишься. Я-же довольна своей обстановкой и самой себѣ ничего лучшаго не желаю.

— Значить, вы думаете о счастьи другихъ, вы любите все человѣчество?

— Ахъ, какъ это громко! воскликнула она и въ ухахъ Ветлова раздался свѣжій, молодой смѣхъ; — нѣтъ, мои размышленія не заносятся такъ высоко. Я просто люблю читать и думать о прочитанномъ. — Вотъ эта аллея ведетъ въ самую глубь сада, рѣзко пережѣнила она разговоръ, — и тамъ есть бесѣдка, въ которой днемъ очень пріятно и прохладно; но теперь пойдете къ морю.

— Куда хотите, здѣсь вездѣ хорошо. Что-же вы читаете?

— Все, что приглянется; у меня нѣтъ спеціального выбора...

— Вы, вѣрно, любите беллетристику?

— Н-нѣтъ, я читала очень мало романовъ; я надъ ними скучаю; описаніе наружности, взглядовъ, движеній людей, которыхъ я не знаю, надобѣдаетъ мнѣ.

Въ первый разъ Ветловъ ни съ того, ни съ сего задалъ себѣ вопросъ: „А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Полина хорошая дѣвушка?“

— Вы напрасно относитесь такъ небрежно къ роману, сказали онъ серьезно; — по роману талантливаго автора можно отчасти судить объ уровнѣ общественнаго развитія. Мысли и чувства, волнующія общество, всего лучше отражаются въ беллетристическомъ произведеніи, — но крайней мѣрѣ, гораздо полнѣе, чѣмъ въ другой литературной формѣ. И потому романъ важенъ, какъ отраженіе извѣстной эпохи.

Поленька ничего не отвѣтила на это; она шла, машинально глядя себѣ подъ ноги.

— Не знаю, наконецъ вышолвила она въ раздумьѣ, — можетъ быть, вы и правы.

Они сдѣлали еще нѣсколько шаговъ молча и очутились около ступенекъ колоннады въ греческомъ вкусѣ, обвитой вьющимися растеніями. Только съ сѣвера она была защищена стѣной, на которой были нарисованы разныя греческія богини. Потолокъ былъ тоже разрисованъ греческими фигурами. Главную красоту этой затѣливой бесѣдки составляли ея легкія и высокія колонны. По срединѣ рѣзко отдѣлялась на голубомъ фонѣ бѣлая мраморная фигура Психеи съ бабочкой на рукѣ.

— Вотъ это нашъ „Храмъ счастья“, замѣтила Поленька.

Ветловъ въ одинъ мигъ взбѣжалъ на ступеньки.

— Ахъ! только воскликнулъ онъ и облокотился на перила. Къ нему подошла Поленька и тоже облокотилась недалеко отъ него.

Они оба молчали и не указывали другъ другу на красоту всего окружающаго ихъ. Ветловъ глядѣлъ вокругъ себя и все казалось ему безукоризненно-прекраснымъ. Тихое взморье пропало вдали и по немъ быстро скользили лодки, оставляя за собой взволнованный слѣдъ. Солнце было уже на закатѣ и начало принимать тотъ теплый колоритъ, который на нѣсколько минутъ бросаетъ на всю природу точно розовое покрывало. На пескѣ слышался тихій плескъ неторопливо приливающей волны. Тамъ и сямъ въ водѣ разбросаны были большіе камни; на одномъ изъ нихъ живописно примостился мальчуганъ и съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, не потянетъ-ли рыба его поплавокъ. Роскошные сады окаймляли все взморье.

А тутъ, въ двухъ шагахъ, стояла дѣвушка. Ея стройный и нѣжный станъ былъ обрисованъ гладкимъ лифомъ; свѣтло-сѣренькое, баржевое платье, съ бѣлой шелковой ниткой, было точно соткано изъ серебра. Розовые переливы заходящаго солнца играли на ея блѣдныхъ щечкахъ, въ задумчивыхъ глазахъ виднѣлась глубина, даже, какъ показалось Ветлову, печаль; немного открытыя губы будто хотѣли сказать: „Да, очень, очень хорошо; но неужели это и все!..“

Ветловъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что поднялось въ его душѣ. Ему хотѣлось смѣяться и плакать; кровь его то сильно прилиwała къ вискамъ, то будто останавливалась въ сердцѣ; въ головѣ чувствовалась и шумная радость, и будто затаенная

боль. Онъ хотѣлъ отвернуться отъ всей этой непривычной, переполняющей душу картины, хотѣлъ закрыть лицо руками, чтобы не видѣть ее, — а между тѣмъ онъ смотрѣлъ на нее жадно, и сердце его дрожало отъ страха, что вотъ-вотъ еще минута — и все исчезнетъ.

А Поленька оставалась неподвижна; она не могла не замѣтить волненіе Ветлова и искала въ своей головѣ ему разгадки.

„Вотъ что значить свѣжій человекъ, думала она; — какъ на него все дѣйствуетъ. Я ужъ третій годъ подъ-рядъ смотрю на эту картину и привыкла къ ней... зачѣмъ я привела его сегодня сюда, лучше-бы въ ту бесѣдку пойти. О, нѣтъ, и я къ этому никогда не привыкну!.. Можно-ли промѣнять это на какую-нибудь музыку!.. Странно, что мама сюда не любитъ ходить... Боже мой, какой онъ блѣдный! Неужели онъ такъ глубоко чувствуетъ? Я-бы никакъ этому не повѣрила, — пишетъ такія вѣдья статьи, будто у него совсѣмъ нѣтъ сердца, а между тѣмъ...“

Поленька взглянула на Ветлова; глаза ихъ встрѣтились. Сердце ея — она сама не знала отчего — сильно забилося. Предостереженіе Софьи Ивановны вдругъ пришло ей на память и она какъ-будто обрадовалась, но вслѣдъ за тѣмъ все въ ней замолкло.

„Все это призраки!“ сказала она себѣ.

Солнце потонуло въ морѣ.

— Пойдите домой; солнце зашло и не на что больше смотрѣть, сказала Поленька; — къ тому-же, кажется, гудить мой тиранъ.

— Кто это?

— Развѣ вы не слышите, звонятъ? Это значить, уже подали самоваръ и я должна заняться полезнымъ и пріятнымъ дѣломъ.

Ветловъ еще разъ взглянулъ на „Храмъ счастья“, будто медлил проститься съ нимъ.

— Пойдемте-же, Иванъ Николаевичъ! скоро девять.

— Неужели мы гуляли цѣлый часъ?

— Вѣроятно, отвѣтила Поленька и быстро направилась къ дому.

Въ столовую одинъ за другимъ стали сходитья всѣ члены семейства и опять пошелъ общій говоръ и смѣхъ. За чайнымъ столомъ просидѣли долго; потомъ прошли въ ярко освѣщенную гостиную. Въ отворенную настежъ дверь балкона проникалъ про-

хладный и ароматный ночной воздух; тѣни высокихъ деревьевъ казались еще чернѣе отъ блага свѣта луны. Въ вѣковомъ саду было такъ покойно, такъ влекло въ его глубь и даль. Ветловъ вышелъ на балконъ.

— Спокойной ночи, Иванъ Николаевичъ! скоро окликнула его Софья Ивановна.

Ветловъ дружески пожалъ всѣмъ руки и кивнулъ головой Виктору, который тоже ушелъ вслѣдъ за Поленькой.

IV.

Ветлову хорошо жилось въ домѣ Лопатиныхъ; работалось ему легко; по окончаніи работы, онъ присоединялся къ своимъ друзьямъ, которые отъ завтрака до обѣда постоянно сидѣли вмѣстѣ.

Полина могла, безъ всякаго для себя стѣсненія, исполнить желаніе матери—не ходить въ комнаты брата. Лѣтомъ вездѣ хорошо и привольно и Поленька съ Викторомъ въ теплые дни гуляли въ чащѣ сада или сидѣли въ бесѣдкѣ, гдѣ, по словамъ Поленьки, во время жаровъ было очень пріятно и прохладно; въ дождливые-же или холодные дни они располагались въ бельведерѣ. Никто имъ не мѣшалъ; Софья Ивановна только изрѣдка заглядывала къ нимъ: она не любила „ходить въ такую глушь“ или „карабкаться на винтовую лѣстницу“, какъ она говорила. Тетя Катя очень часто находилась при матери, а когда вырвалась на свѣжій воздухъ, обыкновенно ѣздила кататься или навѣщать кого-нибудь изъ знакомыхъ. Она рѣдко звала съ собой Поленьку; не зачѣмъ было возить на показъ молчаливую, застѣчивую дѣвушку.

Ветловъ скоро освоился со всѣмъ складомъ жизни Лопатиныхъ и былъ доволенъ, что пріѣхалъ къ нимъ погостить. Его никто не стѣснялъ, никто не надобдалъ ему. Съ утра, пока солнце не пекло еще слишкомъ сильно, онъ отправлялся гулять, иногда одинъ, иногда съ Викторомъ. Послѣ завтрака къ нимъ присоединялась Поленька и они втроемъ сидѣли въ бесѣдкѣ или въ бельведерѣ.

Ветловъ видѣлъ Поленьку каждый день; онъ сталъ наблюдать за ней и всматриваться въ нее. Онъ скоро замѣтилъ, что она

совѣмъ не та робкая, краснѣющая дѣвушка, какою всегда представлялась ему. Подъ нѣжной внѣшностью скрывался серьезный и сосредоточенный умъ. Нѣсколько часовъ подъ-рядъ она могла просиживать надъ занятіями, которыя требовали большого вниманія. Она никогда не откладывала въ сторону трудную книгу, не понявъ ее; она съ усердіемъ предлагала свои услуги брату; Ветлову иногда казалось, что Викторъ злоупотребляетъ ея добротой и терпѣніемъ, отдавая ей всю черную работу своихъ трудовъ. Но Поленька не жаловалась; напротивъ, она была довольна, что можетъ быть полезна брату. Она всегда сидѣла спокойно, будто была одна въ комнатѣ. Однакожь, если-бы она иногда посматривала по сторонамъ, то она частенько встрѣчалась-бы съ взглядами Ветлова; онъ не разъ отрывался отъ своей рукописи, чтобы взглянуть на нее. Его поражала въ ней крайняя женственность и полное отсутствіе кокетства. Она была добра со всѣми, но она не была любезной ни съ вѣмъ, даже съ нимъ, котораго она немного отличала отъ прочихъ, какъ друга Виктора. Она говорила съ нимъ часто, но никогда не занимала его; она глядѣла на него всегда прямо, откровенно, но никогда не могъ онъ подмѣтить, чтобы она взглянула на него украдкой, уголкомъ глаза. Когда она встрѣчалась съ нимъ, она протягивала ему руку, но не улыбалась ему той ничего незначащей улыбкой, съ которою молодыя женщины часто встрѣчаютъ не очень хорошо знакомыхъ молодыхъ людей. Иногда, за полчаса до обѣда, она закрывала книгу и спрашивала, не хочетъ-ли ктонибудь изъ нихъ пройтись по саду? Иногда шли оба, иногда одинъ только Ветловъ или Викторъ. Поленька точно такъ-же спокойно брала свой зонтикъ, когда шелъ съ ней Ветловъ, какъ и тогда, если шелъ братъ, и въ тонѣ ея голоса во время разговора не было слышно ни одной нотки волненія или смущенія.

Да, Ветловъ теперь готовъ-бы былъ согласиться съ Викторомъ, что она не только очень хорошая дѣвушка, но что она и умная, и добрая, и трудолюбивая, и красивая!

V.

Время быстро летѣло; прошелъ почти мѣсяць.

— Какъ весело мы проводимъ это лѣто, не правда-ли, Вик-

торь! воскликнула Поленька, гуляя передъ обѣдомъ съ братомъ и Ветловымъ;—Иванъ Николаевичъ, знаете, мнѣ вѣжется, что я ужъ очень давно знакома съ вами!

Викторъ улыбнулся.

— Помнишь, ты все горевала, что Саша не съ нами? Пусть онъ тебѣ будетъ братомъ, вмѣсто Саши, указаль онъ на Ветлова.

Вотъ онъ, наконецъ, этотъ давно желанный взглядъ, который ожидался съ такимъ нетерпѣніемъ! Ветловъ только улыбнулся отъ избытка счастья. Поленька смотрѣла на него долго, вѣжно, потомъ опустила глаза и легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Она ничего не сказала; сперва она подумала: „и въ самомъ дѣлѣ, Ветловъ мнѣ точно братъ“, и хотѣла ему это сказать, но тотчасъ-же замѣтила что-то странное въ его улыбкѣ; ей показалась въ этой улыбкѣ насмѣшка, и она покраснѣла, подумавъ, что Викторъ сдѣлалъ такое неделикатное замѣчаніе.

— Полина Александровна, что-жъ вы ничего не отвѣтили Виктору? обратился къ ней Ветловъ.

— Братскія отношенія устанавливаются временемъ, серьезно отозвалась она,—а мы знакомы только мѣсяць. Но я надѣюсь, что и въ городѣ вы иногда будете навѣщать насъ.

— Конечно, произнесъ онъ, взглянувъ на нее и снова повторилъ:—конечно!

Поленька окончательно сбилась съ толку: насмѣшливая, или, по крайней мѣрѣ, натянутая улыбка и восклицаніе, произнесенное такимъ тономъ, будто ему хотѣлось назвать ее сестрой,—это какъ-то не вязалось вмѣстѣ. А все-же ей было пріятно, что онъ хотѣлъ назвать ее сестрой, и она даже подумала, что ей только показалось, что онъ натянуто улыбнулся.

И до этого разговора Поленька довольно часто думала о Ветловѣ. Она вспоминала его слова, его разногласіе съ Викторомъ, разбирала, кто болѣе правъ; иногда отдавала предпочтеніе мнѣнію одного, иногда мнѣнію другого, а теперь, подъ говоръ друзей, Поленька стала думать о самомъ Ветловѣ, о его жизни, о томъ, что ему, одинокому и неприютному, неизмѣющему подлѣ себя никого родного, должно быть, живется не весело. Ей припоминалось его поспѣшное: *конечно!* и она жалѣла, что не протянула ему руки и не сказала: „да, я хочу назвать васъ братомъ и быть для васъ тѣмъ, чѣмъ могла-бы быть для Алексан-

дра“. Зачѣмъ она этого не сдѣлала? А теперь уже неудобно снова возвращаться къ тому-же; для чего опять возобновлять разговоръ, о которомъ, вѣроятно, уже позабыли...

Въ этотъ день и во всѣ послѣдующіе Поленька часто думала о Ветловѣ, а когда она разъ вошла въ бесѣдку и ей показалось, что онъ грустенъ и какъ-будто разстроенъ, она быстро подошла къ нему, хотѣла положить свою руку на его плечо, какъ это часто дѣлала съ Викторомъ, и спросить его: „что съ вами?“, но только протянула ему руку и даже не смѣла взглянуть на него, потому что почувствовала, что краска ударила ей въ лицо.

А Ветловъ ужъ не былъ ни грустенъ, ни разстроенъ; никакими словами Поленька не могла-бы лучше утѣшить его!

Вмѣсто того, чтобы, по-всегдашнему, приняться за чтеніе, Поленька хотя и взяла книгу и склонилась надъ нею, но не думала о чтеніи; она досадовала на себя, что не умѣетъ держать себя, что краснѣетъ не кстати, что опять чувствуетъ передъ Ветловымъ, передъ человѣкомъ, котораго видѣла каждый день въ продолженіи мѣсяца, ту робость, которой давно уже ни передъ кѣмъ не чувствуетъ. А между тѣмъ она хотѣла взглянуть на него, всели онъ такъ грустенъ, какъ былъ, когда она вошла?

Ветловъ нарушилъ молчаніе; онъ спросилъ Виктора, что значить такое-то французское слово. Поленька обрадовалась,—она имѣла предлогъ отвести глаза отъ книги.

— Вы, вѣрно, удивляетесь моему невѣжеству? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нисколько; иногда мнѣ случается забывать самое простое, обыкновенное слово. Напротивъ, я всегда удивлялась, какое у васъ хорошее произношеніе и какъ вы свободно говорите по-французски.

— Не забывайте, что и мы были въ Парижѣ, сказали онъ шутливымъ тономъ, и въ бесѣдкѣ снова водворилось молчаніе.

„Мнѣ опять только показалось, что онъ грустенъ. Однакожь, стану лучше работать, а то я все о пустякахъ думаю...“

— Поленька, переведи мнѣ эти три странички, тогда до обѣда я кончу главу, обѣтился къ ней Викторъ.

Она обрадовалась; теперь она должна будетъ работать и некогда будетъ ей думать о пустякахъ.

Поленька перевела только двѣ страницы, когда Ветловъ всталъ и взялся за шляпу.

— Половина пятого, сказалъ онъ;— вы еще не кончили?

— Нѣтъ, отозвался Викторъ, и Поленька тоже тихо произнесла: „нѣтъ“. Она даже не взглянула на Ветлова, когда онъ выходилъ, но ей стало очень жаль, что она не можетъ погулять съ нимъ эти полчаса.

„Какъ странно, подумала она,—кажется, въ первый разъ я неохотно работаю“.

Наталья Алѣева.

(Продолженіе будетъ.)

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ.

I.

Въ Европѣ есть одна страна, которая почти такъ-же мало извѣстна европейскому обществу, которою почти такъ-же мало интересуются, которая почти такъ-же замкнута, какъ Японія былыхъ временъ. Еще менѣе интересуемся ею мы, хотя эта страна наша сосѣдка. Я говорю о скандинавскомъ полуостровѣ. О немъ очень мало пишутъ, о немъ большинство людей имѣеть самыя смутныя понятія, тогда какъ Франція, Пруссія, Австрія, Англія интересуютъ всѣхъ и каждого. Но, можетъ быть, эта страна и не заслуживаетъ того, чтобы ею интересовались? Правда, ея народъ можно скорѣе назвать бѣднымъ, чѣмъ богатымъ; въ политическомъ отношеніи она имѣеть очень слабое значеніе среди европейскихъ государствъ; въ области социальныхъ доктринъ она не сказала ничего, что было-бы особенно ново и достойно изученія; ея литература, по большей части, или раздражительная и служащая довольно блѣднымъ отраженіемъ другихъ западно-европейскихъ литературъ или чисто-національная въ такомъ узкомъ значеніи этого слова, что, несмотря на всѣ несомнѣнныя и яркія достоинства этой части литературы, она не можетъ имѣть сильнаго успѣха за предѣлами создававшей ее страны. Все это такъ, но и въ этой странѣ есть нѣчто такое, на что стоитъ обратить вниманіе и особенно намъ. Это нѣчто—развитіе народнаго образованія, развитіе сильное и основательное, несмотря на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, несмотря на естественныя препятствія въ родѣ долгихъ зимъ, разбросанности населенія, не-

удобнопроходимыхъ мѣстностей, несмотря, наконецъ, на неособенно самостоятельное политическое положеніе народа. На эту сторону жизни скандинавскаго полуострова, какъ и на всѣ другія стороны его жизни, у насъ до сихъ поръ не обращали вниманія, не обращали до такой степени, что, напримѣръ, втеченіи пятнадцати-двадцати лѣтъ даже въ отчетахъ журнала министерства народнаго просвѣщенія о ходѣ народнаго образованія въ другихъ государствахъ, вы не встрѣтите почти никакихъ свѣденій о развитіи народнаго образованія въ Швеціи и Норвегіи. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ-какъ и въ западно-европейскихъ литературахъ объ этомъ предметѣ имѣются двѣ-три неособенно подробныя статьи и нѣкоторые очень крупныя ученныя дѣятели имѣютъ о немъ весьма смутныя и отрывочныя понятія. А между тѣмъ народное образованіе на скандинавскомъ полуостровѣ таково, что даже американцы, какъ мы укажемъ ниже, считаютъ не лишнимъ поучиться у этой страны школьному дѣлу. Только въ послѣднее время въ нашихъ земствахъ и провинціальной прессѣ начали говорить объ этомъ предметѣ по поводу „подвижныхъ школъ“, но и эти толки, повидимому, возникли чисто-случайно, быть можетъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе появленія на русскомъ языкѣ книги Лавелэ, гдѣ есть кое-какія свѣденія объ успѣхахъ народнаго обученія на скандинавскомъ полуостровѣ.

Я считаю не лишнимъ передать читателю тѣ немногія свѣденія объ этомъ предметѣ, которыя мнѣ удалось собрать, считаю не лишнимъ уже потому, что вопросъ о подвижныхъ школахъ, повидимому, начинаетъ серьезно интересовать наши земства и въ обществѣ уже раздаются по этому поводу сужденія и про и contra. Но всѣ эти сужденія, большею частью, основываются, какъ видно, на личныхъ вкусахъ и отвлеченныхъ соображеніяхъ толкующихъ, а не на фактахъ, не на указаніяхъ опыта, такъ-какъ подъ рѣзами у нашего общества находятся только отдѣльныя чисто-статистическія данныя о развитіи „подвижныхъ школъ“ на скандинавскомъ полуостровѣ. Но этого слишкомъ мало. Чтобы правильно судить у насъ о возможности развитія „подвижныхъ школъ“ или ратовать противъ него, вовсе недостаточно запастись голыми цифрами объ успѣхѣ этого дѣла въ какой-нибудь странѣ: тутъ статистика и цифры имѣютъ очень мало значенія.

Многое, что имѣетъ успѣхъ гдѣ-нибудь во Франціи или въ Англіи, не можетъ имѣть успѣха у насъ и наоборотъ. Прежде всего нужно знать, при какихъ условіяхъ могло возникнуть известное дѣло, что помогло его успѣху, какимъ путемъ оно развивалось, и только тогда, взвѣсивъ всѣ благопріятныя и неблагопріятныя условія, которыя оно можетъ встрѣтить у насъ, можно, съ большею или меньшею увѣренностью, предположить объ успѣхѣ или неуспѣхѣ при перенесеніи его на нашу почву.

Я былъ-бы очень радъ, если-бы моя статья уяснила хотя отчасти этотъ вопросъ, о которомъ, какъ я сказалъ, имѣется очень мало данныхъ даже и въ западно-европейской педагогической литературѣ, которая начала толковать о шведской народной школѣ главнымъ образомъ послѣ вѣнской выставки, гдѣ всѣхъ поразилъ домъ шведской народной школы. Прежде-же многіе были убѣждены, подобно бельгійцу Герну, что въ Швеціи и Норвегіи очень мало первоначальныхъ школъ, и что о нихъ имѣются только смутныя представленія.

II.

Своеобразна природа скандинавскаго полуострова. Почти половина его территоріи занята горами. Незамѣтно и постепенно поднимающіяся съ восточной стороны полуострова, онѣ нерѣдко принимаютъ форму недосыгаемыхъ скалистыхъ стѣнъ въ двѣ тысячи футовъ и висятъ надъ моремъ на восточной сторонѣ полуострова, гдѣ сотни убѣгающихъ въ море утесистыхъ островковъ служатъ какъ-бы обломками и продолженіями этихъ угрюмыхъ горъ. Хотя скандинавскія возвышенности не достигаютъ даже вышины карпатскихъ горъ, но онѣ все-таки, вслѣдствіе своего сѣвернаго положенія, носятъ характеръ очень высокихъ горъ, представляя на своихъ вершинахъ большія залежи снѣга и безчисленное множество ледниковъ, превосходящихъ дикостью и суровостью альпійскія снѣжныя вершины. Сообразно съ измѣненіемъ характера горъ измѣняется и характеръ низменностей: тогда какъ западная и сѣверная стороны полуострова довольно бѣдны долинами, рѣками и озерами, — восточная и южная стороны его во всѣхъ направленіяхъ прорѣзаны долинами, гдѣ шумятъ горные потоки и

водопады, сливаясь въ быстрыя и извилистыя рѣки и прозрачныя озера. Повсюду вы встрѣчаете здѣсь обиліе лѣса, но чѣмъ дальше на сѣверъ удаляетесь вы съ юга, тѣмъ однообразнѣе, тѣмъ суровѣе выглядитъ этотъ лѣсъ: дубъ, липа, вязъ и букъ постепенно пропадаютъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, такъ, напримѣръ, за Кальмаромъ вы уже не встрѣтите въ Швеции бука и только одна береза какъ-бы спорить въ выносливости съ хвойными деревьями и не уступаетъ имъ, доходя до самыхъ сѣверныхъ окраинъ полуострова, гдѣ лѣсъ уже окончательно принимаетъ суровый и строгій видъ молчаливыхъ и неподвижныхъ сѣверныхъ лѣсовъ: ель, сосна, мохъ, темныя скалы, снѣга, все это производитъ впечатлѣніе мертвенной неподвижности и неподбѣдимой дикости.

Крайне разнообразенъ и климатъ полуострова: на западной сторонѣ, вслѣдствіе влажныхъ и теплыхъ западныхъ вѣтровъ и морскихъ теченій, господствуетъ морской климатъ; то-есть очень сырой съ относительно теплою зимою и прохладнымъ лѣтомъ; на восточной сторонѣ климатъ полуострова приближается къ нашему климату; онъ болѣе сухъ; лѣто здѣсь становится теплѣе, зима суровѣе. Приближаясь къ сѣверу, лѣто становится короче и, наконецъ, на самомъ сѣверѣ полуострова оно съ весною и осенью продолжается не болѣе 56 дней. Тогда какъ на западѣ полуострова выпадаетъ болѣе дождей, чѣмъ гдѣ-нибудь въ остальной Европѣ, — на восточной сторонѣ количество дождей вчетверо меньше и идутъ они только лѣтомъ, на западѣ-же ихъ количество одинаково во всѣ времена года. Не вездѣ можно здѣсь заниматься земледѣіемъ: овесъ растетъ здѣсь не далѣе 64° сѣверной широты, рожь не встрѣчается выше 66° сѣверной широты и только ячмень встрѣчается въ защищенныхъ мѣстахъ крайняго сѣвера, да все выносящій картофель до конца выдерживаетъ побѣдоносно борьбу съ неблагоприятными условіями климата и избавляетъ жителей сѣвера отъ необходимости по-прежнему ѣсть въ неурожайныя годы сосновую кору.

Характеръ окружающей природы яркими чертами отражается на характерахъ людей и чѣмъ своеобразнѣе характеръ этой природы, тѣмъ оригинальнѣе дѣлаются характеры людей. Какихъ-же людей должна была выработать природа скандинавскаго полуострова? Она сурова и дика, но въ то-же время далеко не безу-

словно враждебна въ отношеніи къ человѣку, не мертва, не однообразна. Это не песчаная убивающая всякую энергію, вѣчно бесплодная пустыня; это не топкое, необозримое болото, исключющее всякую возможность поселенія. Нѣтъ, среди этой природы человѣкъ встрѣчаетъ большое разнообразіе естественныхъ богатствъ, дающее возможность почти каждому выбрать именно тотъ трудъ, къ которому онъ наиболѣе способенъ. Эти моря, рѣки и озера изобилуютъ рыбами, здѣсь водится треска, сельдь, лосось, навага, макрель, краббы, ѳмары, устрицы, здѣсь можно добыть ворвань, икру, рыбное гуано. Эти горы богаты минералами; гнейсъ и и слюдяной сланецъ, порфиръ и сіенить, гранитъ и известъ, составляютъ эти горы, внутри которыхъ находятся въ достаточномъ изобилии желѣзо, серебро, кобальтъ, мѣдь, хромій. Эти лѣса, дающіе матеріалъ для построекъ, для топлива, наполнены зайцами, лисицами, медвѣдами, рысями, тетеревами, рябчиками, куропатками; вы найдете здѣсь лось и оленя, соболя и куницу, бобра и горностаю. Но природа не бросаетъ здѣсь своихъ даровъ подъ ноги первому встрѣчному, она не даетъ здѣсь ничего безъ труда,—безъ труда упорнаго, настойчиваго, постояннаго. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь приходится человѣку ѣсть свой хлѣбъ въ потѣ лица своего, но въ то-же время рѣдко приходится ему сознавать, что уже никакіе труды не дадутъ ему хлѣба. У него подъ рукой много рыбы, но чтобы добыть ее, онъ долженъ вести тяжелую неустанную борьбу съ бурнымъ моремъ; у него есть подъ рукой много горныхъ богатствъ, но чтобы добыть ихъ, онъ долженъ разбивать эти твердыя горы, прорываться въ ихъ глубь; у него подъ рукой много дичи и звѣрей, но чтобы добыть ихъ, нужно взбираться на скалистыя горы, нужно заходить въ непроходимыя лѣса, нужно переправляться черезъ безчисленные горныя потоки и рѣчки. Среди этой природы могутъ развиваться только твердые и сильные характеры, быть можетъ, нѣсколько дикіе, слишкомъ сосредоточенные, чрезмѣрно упрямые и настойчивые, но все-же привлекательные по своей цѣльности. Эти люди должны любить свою природу, а значить и свою родину: эта природа дорога имъ вдвойнѣ—съ одной стороны, она является хранительницей довольно обильныхъ богатствъ, она сокровищница этихъ людей; съ другой—каждый клочекъ этой земли полить кровью и потомъ цѣлыхъ поколѣній, разрабатывавшихъ эти богатства. Тутъ

не можетъ явиться тѣхъ отношеній къ природѣ, которыя встрѣчаются среди кочующихъ степняковъ: съѣли ихъ стада и табуны всю траву въ одномъ кочевьи, они безъ сожалѣнія отправляются въ другое, гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока опять ихъ стада и табуны не истребятъ всей травы. Тутъ, напротивъ, привязанность къ извѣстной природѣ, къ извѣстному мѣсту доходитъ иногда до какого-то мистическаго поклоненія, мы сказали-бы до сентиментальности, если-бы только этотъ эпитетъ не былъ слишкомъ слащавымъ, слащавость-же менѣе всего въ характерѣ жителей скандинавскаго полуострова. Эти люди чувствуютъ между собою и окружающею ихъ природою такую органическую связь, что оторвать ихъ отъ того мѣста, гдѣ прошло ихъ дѣтство, гдѣ пронеслась ихъ юность—это то-же, что отрѣзать отъ живого человѣка кусокъ мяса: можетъ быть, это мѣсто и заживетъ, залечится, но на немъ все-таки останется неизгладимый шрамъ, который до могилы будетъ напоминать о пережитой тяжелой минутѣ.

Стоитъ пробѣжать, напримѣръ, воспоминанія знаменитаго шведскаго историка, поэта и музыканта, Густава Гейера, чтобы вполне понять всю силу этой привязанности къ родинѣ или, лучше сказать, къ мѣсту рожденія. Гейеръ родился на рансетерскомъ желѣзномъ заводѣ, въ прекрасной долинѣ, прорѣзанной струями рѣвки Кларэльфъ и окруженной лѣсистыми возвышенностями. Рансетерская гора, покрытая лиственными и хвойными деревьями; пустынное лѣсное озеро, называемое Ранскимъ и изливающее черезъ небольшую извилистую рѣчку свои воды въ Кларэльфъ; деревня съ киркою у рѣвки; желѣзные заводы, — все это навсегда сохранилось въ памяти ученаго и вѣчно манило его къ себѣ. „Воспоминаніе о деревни озаряетъ мою душу какъ-бы солнечнымъ свѣтомъ, писалъ онъ. Оно святое убожище въ сокровеннѣйшей глубинѣ моей души, гдѣ мнѣ все еще какъ-бы слышится журчаніе источника юности. Вся упоительная прелесть весны, тишина и прохлада тѣнистыхъ лѣсовъ, свѣжесть прозрачной волны, ароматъ елей и цвѣтовъ, деревенскій воздухъ, утренній воздухъ— все это ясно, все это живо въ моемъ воспоминаніи; и городская жизнь, кабинетная жизнь, книги, книги и опять книги, вся пыль избитой ученой дороги, не могли изгладить это воспоминаніе. Оно, какъ ключъ въ пустынѣ, пробивается сквозь песокъ“. Не думай-

те, что это та безотчетная и, такъ-сказать, инстинктивная любовь только къ красотамъ и гармоніи природы, любовь, такъ часто живущая въ сердцахъ молодыхъ мечтателей и поэтовъ особенно изъ нѣмцевъ. Нѣтъ, Гейеръ любитъ родную природу именно за то вліяніе, которое она оказывала на людей, окружавшихъ его въ дѣтствѣ, онъ любитъ ее за то, что именно подъ ея вліяніемъ могла сложиться жизнь этихъ людей такъ, а не иначе. Это видно на каждой страницѣ его воспоминаній. „Теперь, когда я хорошо узналъ свѣтъ и людей, пишетъ онъ, я благословляю, вспоминая, наше деревенское общество, въ которомъ было столько высоко- нравственнаго, истинно-человѣческаго образованія“. „Тамъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, вспоминая о заводахъ,—зимою кипитъ жизнь и дѣятельность. Сѣверная зима—золотое время для желѣзныхъ заводовъ. Это ихъ прекрасное время года. Среди лѣта бѣдные сыны Вулкана, изнемогающіе отъ зноя у своихъ горныхъ, представляютъ самое печальное зрѣлище. Но зимою они и все окружающее является совсѣмъ въ другомъ видѣ; вы видите теперь прекрасную картину веселаго исполненія самыхъ тяжелыхъ работъ. Яркое пламя, прорывающееся изъ-подъ снѣга; вода, быстро текущая подъ своими ледяными сводами; стукъ тяжелыхъ ударовъ молота, далеко раздающійся по окрестности и доказывающій кипучую дѣятельность человѣка среди оледѣвшей, дремлющей природы; энергія и сила, проявляющіяся во всемъ; лица, пылающія яркимъ румянцемъ, и на которыхъ, несмотря на трескучій морозъ или вьюгу, крупными каплями выстучаетъ потъ; непрерывное движеніе, длинные ряды поѣздовъ съ углемъ и чугуномъ; ржаніе лошадей, у которыхъ изъ ноздрей клубами валитъ паръ; посеребренныя инеемъ бороды подводчиковъ; народъ, суетящійся, бѣгающій и хлопочащій,—вотъ картина, на которую никогда не наглядисься, въ которой всегда найдешь новую прелесть, новое очарованіе“ и которая, могъ-бы прибавить Гейеръ, наводитъ горячія молодыя головы на честныя мысли. Дѣйствительно, взгляните о чемъ мечтаетъ этотъ юноша подъ впечатлѣніемъ воспоминаній объ этой родной природѣ, объ этой жизни. „Меня необыкновенно занимаютъ плавильные заводы и рудники, пишетъ онъ на пятнадцатомъ году жизни, когда большинство людей очень легко смотритъ на жизнь, витаетъ въ области фантазій или вздыхаетъ о первомъ предметѣ своей любви.

Какъ жалелъ-бы я заняться науками, относящимися къ этому дѣлу: химією и минералогією. Сколько плановъ я придумываю для будущности! и всѣ они разрушаются сомнѣніемъ: то та, то другая карьера кажется мнѣ лучшею, и мнѣ такъ-бы хотѣлось учиться всему, знать все.—Въ одномъ только нѣтъ сомнѣнія, а именно: что я непремѣнно посвящу свою дѣятельность изученію чего-нибудь практическаго, и употреблю на это всѣ свои силы, всѣ свои способности. Чему-нибудь практическому, сказалъ я, то есть чему-нибудь такому, что могло-бы въ примѣненіи быть полезно для общественнаго блага. Конечно, всякому, любящему просвѣщеніе, пріятно и отрадно видѣть успѣхи человѣческаго ума на поприщѣ умозрительныхъ и отвлеченныхъ наукъ; но чтобы съ пользою заниматься этими науками, нужна гениальность, которая, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается. Люди съ такою гениальностью—исключеніе изъ правила, по которому всѣ прочіе обязаны посвящать свои способности занятіямъ, имѣющимъ если не большее, то, по крайней мѣрѣ, ближайшее вліяніе на общее благосостояніе“. Подобная бодрая трезвость взглядовъ на свою будущую роль въ жизни, трезвость, непохожая на жалкую узкость мысли преждевременно изсохшаго надъ книгою филистера или на отталкивающую прозальность выросшаго среди грошевыхъ расчетовъ „практика“,—встрѣчается нерѣдко среди молодого поколѣнія шведовъ и норвежцевъ, на которыхъ оставляетъ свою неизгладимую печать ихъ суровая, но ободряющая мать-природа.

Природа сильно повліяла на складъ будничной жизни этихъ людей: суровыя зимы, горы, лѣса, быстрыя и большею частью несудоходныя рѣки значительно затрудняютъ частыя путешествія этихъ людей и заставляютъ ихъ группироваться въ отдѣльные, почти замкнутые кружки, среди которыхъ идетъ самая простая семейная жизнь, довольствующаяся очень разнообразными, очень неприхотливыми удовольствіями—катаньемъ въ ясный морозный день, танцами въ праздникъ, чтеніемъ у семейнаго очага и т. п. Иначе устроиться было нельзя и потому пришлось только позаботиться о томъ, чтобы внутренняя жизнь этихъ кружковъ не сдѣлалась постояннымъ адомъ, вслѣдствіе распрей, сплетень и интригъ. И они достигли этого въ значительной степени: взаимная связь между членами этихъ кружковъ очень сильна и прочна. Этотъ образъ жизни идетъ на скандинавскомъ полуостровѣ съ незапамятныхъ

время, по крайней мѣрѣ, онъ заходитъ гораздо дальше того времени, о которомъ еще сохранилась память исторіи. Известно, что первоначально весь полуостровъ дробился на мелкія, отдѣльныя „провинціальные“ королевства, владѣнныя которыми хотя и признавали власть упсальскаго короля, но тѣмъ не менѣе долго отстаивали свою независимость, заставляя иногда своего верховнаго повелителя дорого платиться за попытку сдѣлаться единовластнымъ государемъ. Только въ концѣ IX вѣка удалось уничтожить эти мелкія владѣнія и соединить ихъ подъ одною властью. Но соединеніе было чисто-внѣшнее: долго продолжалась вражда „готовъ“ и „шведовъ“, еще дольше продолжали существовать совершенно отдѣльные законы для каждой провинціи, наконецъ, до нашего времени сохранилась нѣкоторая разнохарактерность въ правахъ и законахъ многихъ провинцій. Среди этой жизни должна была развиться значительная доля самостоятельности въ характерахъ этихъ людей, а такъ-же развилась и любовь къ своему родному гнѣзду, къ своему очагу, къ своему кружку.

III.

Та-же природа и географическое положеніе скандинавскаго полуострова обусловили ту особенную роль, которую онъ занялъ въ отношеніи къ другимъ государствамъ Европы. Помѣщаящийся на сѣверо-западной окраинѣ Европы, отдѣленный отъ нея съ трехъ сторонъ морями и примыкающій съ четвертой стороны къ Россіи, неигравшей въ старыя времена никакой роли среди европейскихъ государствъ, онъ долгое время стремился освободиться отъ чужеземныхъ вліяній или расширить свои владѣнія при помощи войны съ Данією, Польшею, Германією и Россією. Но эти войны, съ одной стороны, не могли быть удачными, когда дѣло шло о завоеваніяхъ, потому что полуострову приходилось посылать въ чужія земли свои войска, вести наступательную войну вдали отъ родины и, въ концѣ концовъ, не имѣть средствъ удерживать въ своихъ рукахъ завоеванныя мѣстности; съ другой стороны, войны не могли и окончателно погубить его и сдѣлать добычею враговъ, такъ-какъ эти враги довольствовались только тѣмъ, что прогоняли скандинавскихъ выходцевъ и не рѣшались

преслѣдовать ихъ въ глубинѣ ихъ собственной страны и по этой-же причинѣ полуостровъ каждый разъ выходитъ побѣдителемъ, когда ему приходилось бороться за освобожденіе отъ чужеземныхъ вліяній. Такимъ образомъ, скандинавскій полуостровъ и преимущественно Швеція стояли очень долго во враждебныхъ отношеніяхъ къ Европѣ, покуда, наконецъ, полтавскій бой не указалъ Швеціи окончательно на ея настоящую роль.

Во время войнъ Карла XII съ Петромъ I Швеція потеряла чуть не до милліона мужского народонаселенія и надолго утратила въ глазахъ Европы значеніе опаснаго врага. Правда, она еще дѣлала вплоть до 1814 года попытки расширить свои владѣнія и играть болѣе видную роль въ европейской политикѣ, но всѣ эти попытки были уже слабы, не внушали никому особеннаго страха и послѣ 1814 года полуостровъ былъ какъ-бы отрѣзанъ отъ Европы. Онъ понялъ, что его роль сыграна, что ему нужно только постараться устроить получше свои внутреннія дѣла и не мѣшаться въ европейскую политику, не стремиться раздвигать свои владѣнія въ Европѣ. Это сознаніе явилось на-столько сильнымъ, что Швеція не рѣшилась вѣшаться въ англо-французскую войну съ Россіей въ 1854 году, несмотря на всю свою довольно очевидную ненависть къ Россіи и на пробуждавшееся тогда желаніе шведскаго народа снова захватить Финляндію.

Европа не могла въ старыя времена сочувственно относиться къ этимъ скандинавскимъ выходцамъ: они тревожили ея миръ, врываясь въ нее съ своими войсками во время войнъ съ Россіей, Даніей и Польшей; кромѣ того они долго беспокоили ее въ качествѣ норвежскихъ морскихъ разбойниковъ. Къ несчастью, эти враждебныя отношенія не могли смягчиться ни при помощи торговыхъ сношеній, ни при помощи служащихъ для сближенія націй наукъ и искусствъ. Скандинавскій полуостровъ былъ не особенно нуженъ Европѣ, какъ сборный торговый пунктъ, и былъ неинтересенъ для Европы, какъ цвѣтушій разсадникъ наукъ и искусствъ.

Правда, на полуостровѣ было не мало естественныхъ богатствъ, но почти всѣ эти богатства онъ долженъ былъ вывозить большею частью въ сыромъ видѣ: втеченіи многихъ столѣтій на полуостровѣ не было открыто ни одной каменноугольной копи и потому онъ не могъ конкурировать, напримѣръ, съ Англіею въ дѣлѣ заводской промышленности и хотя его желѣзо было самымъ лучшимъ,

но обработка этого желѣза обходилась такъ дорого, что англійское желѣзо брало перевѣсъ на европейскихъ рынкахъ. Залежи же каменнаго угля были открыты только въ послѣднее время близъ Гёганеса (Höganäs). Имѣя хорошій торговый флотъ, скандинавскій полуостровъ болѣе вывозилъ сырье и привозилъ къ себѣ выдѣланныя произведенія на своихъ собственныхъ судахъ, чѣмъ принималъ у себя иностранныя суда и иностранныхъ купцовъ. Вообще въ дѣлѣ торговли онъ скорѣе игралъ роль нуждающейся въ чужихъ произведеніяхъ страны, чѣмъ роль страны, необходимой для другихъ государствъ. Онъ не могъ привлекать къ себѣ европейскихъ выходцевъ, такъ-какъ онъ и самъ нуждался во многомъ самомъ необходимомъ для удовлетворенія первыхъ житейскихъ потребностей. Такъ, Швеція ввозила въ 1832 году 580,000, въ 1857 году 11,800,000, въ 1865 году болѣе 17,000,000 куб. фут. каменнаго угля; Норвегія ввозила съ 1861 по 1865 годъ по 1,700,000 тоннъ зерноваго хлѣба; въ Швецію ввозилось въ 1865 году свиного сала и мяса 29,250,000, масла—22,387,000, сыру—12,219,900, сала—37,523,000, невыдѣланной кожи—51,142,000, выдубленной кожи—4,132,000, шерсти—32.957,000, рогу—292,000 шведскихъ фунтовъ; въ Норвегію ввозилось мяса и свиного сала 13,100, сала и свѣчей—2,170, масла—9,160, сыру—2,022, шерсти—2,365, невыдѣланной кожи—8,840, выдѣланной кожи—1,300 карабельныхъ фунтовъ, считая фунтъ въ 320 обыкновенныхъ нѣмецкихъ фунтовъ. Нечего и говорить, что еще болѣе нуждались Швеція и Норвегія въ полученіи такихъ предметовъ, какъ южные плоды, вина, шелковыя ткани и потому подобные продукты. Вообще въ 1861 году ввозъ товаровъ въ Швецію и въ Норвегію равнялся стоимости въ 227.000,000 франковъ, тогда какъ цѣнность вывозныхъ товаровъ не превышала 164.000,000 фр. Эта пропорція далеко не выгодна, если принять въ соображеніе, что:

во Франціи	вывозъ равнялся	2.243,000,000 фр.,	ввозъ-же	2.198,300,000 фр.
„ Австріи	„	772,700,000	„	675,200,000
„ Швейцаріи	„	374,200,000	„	349,000,000
„ Россіи	„	756,000,000	„	742,600,000
въ Молдавіи и Валахіи	„	61,700,000	„	36,800,000

Даже въ Бельгіи и въ Великобританіи, гдѣ цифра ввоза была значительно выше цифры вывоза, пропорція все-таки выходила

болѣе выгодная для страны, чѣмъ на скандинавскомъ полуостровѣ.

Не привлекая къ себѣ иностранцевъ, какъ богатый и удобный для торговыхъ оборотовъ международный рынокъ, скандинавскій полуостровъ не привлекалъ къ себѣ иностранцевъ и особенными удобствами жизни: небольшіе города, суровость климата, неудобство путешествія, отдаленность отъ центра Европы, отсутствіе какихъ-нибудь прославленныхъ дѣлительныхъ источниковъ, все это дѣлаетъ то, что сюда не стекаются люди со всѣхъ концовъ Европы, какъ во Францію, Швейцарію, Англію или Германію, И дѣйствительно, что привлекательнаго, какія удобства можетъ представить для избалованнаго европейца страна, гдѣ почти все населеніе состоитъ изъ жителей деревень? Въ Швеціи и Норвегіи, когда городское населеніе составляло 657,000 человѣкъ, сельское равнялось 4,810,000 человѣкъ. Самый большой городъ, Стокгольмъ, имѣлъ 116,972 чел. населенія, затѣмъ два города, Христианія и Готенбургъ, имѣли менѣе, чѣмъ по 50,000 чел. населенія; восемь городовъ имѣли менѣе, чѣмъ по 30,000 чел. населенія, остальные-же 145 городовъ и мѣстечекъ были еще незначительнѣе и имѣли, среднимъ числомъ, не болѣе 2,800 чел. жителей на каждый городъ. И какъ отдалены эти города и мѣстечки другъ отъ друга! Тогда какъ:

въ Вюртембергѣ	приходится	1	городъ	или	мѣстечко	на	1	кв. м.
„ Испаніи.	„	1	„	„	„	„	2, 1	„
„ Баваріи.	„	1	„	„	„	„	2, 25	„
„ Великобританіи.	„	1	„	„	„	„	2, 4	„
„ Бельгіи.	„	1	„	„	„	„	2, 7	„
„ Швейцаріи.	„	1	„	„	„	„	3, 85	„
„ Франціи.	„	1	„	„	„	„	3, 1	„
„ Россіи.	„	1	„	„	„	„	42	„

Въ Швеціи-же былъ 1 городъ или мѣстечко на 59 кв. миль, а въ Норвегіи 1 городъ или мѣстечко на 136 кв. миль. Даже число селъ въ Швеціи и Норвегіи очень неблагопріятно. Тогда какъ:

въ Саксенъ-Альтенбургѣ	было	19	селъ	на	1	кв. милію.
„ Швейцаріи.	„	16,8	„	„	1	„
„ Нассау.	„	9,5	„	„	1	„

„ Брауншвейгъ	„ 5,1	„ „ 1	„ „
„ Великобританіи	„ 2,6	„ „ 1	„ „

Въ Швеціи было 0,43 села на 1 квадратную милю, а въ Норвегіи 0.1 села на 1 кв. милю, то есть отношеніе болѣе невыгодное, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы. Но извѣстно, что удобства жизни дѣлаются тѣмъ больше, чѣмъ болѣе имѣется порядочно населенныхъ городовъ. Самыя маленькія мѣстечки—самыя неудобныя, немогущія удовлетворить разнообразныя потребности челоуѣка; въ Швеціи-же и Норвегіи къ незначительности и рѣдкости хорошо населенныхъ мѣстъ прибавляется неудобство почти исключительно деревянныхъ домовъ, то есть домовъ очень небольшихъ, въ которыхъ населеніе скучено болѣе, чѣмъ во Франціи, Англіи, Бельгіи, Вюртембергѣ и т. д. Въ этихъ государствахъ преобладаютъ каменные, то есть большіе дома, но въ нихъ приходится на одинъ домъ:

въ Австріи	6,75 жит.
„ Испаніи	6, 1 „
„ Вюртембергѣ	6 „
„ Бельгіи	5, 6 „
„ Нидерландахъ	5,45 „
„ Великобританіи	5, 4 „
„ Франціи	4, 6 „

Въ Швеціи-же при мелкихъ деревянныхъ домахъ на одинъ домъ приходилось 7 жителей, а въ Норвегіи—8,3.

Въ то-же время скандинавскій полуостровъ не можетъ завлечь къ себѣ путешественниковъ, какъ могучій разсадникъ наукъ и искусствъ. Литература, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и искусства скандинавскаго полуострова не имѣютъ по-большей части общечеловѣческаго значенія: онѣ носятъ чисто-мѣстный, узко-національный характеръ, за исключеніемъ тѣхъ произведеній, которыя являются чистѣйшими подражаніями произведеніямъ другихъ народовъ, и развѣ только въ области вѣчно космополитическихъ естественныхъ наукъ скандинавскіе ученые имѣли очень сильное общечеловѣческое значеніе въ лицѣ такихъ людей, какъ Цельзій, Берцеліусъ или Линней. Но Рафаэлей, Моцартовъ, Бетховеновъ, Дантовъ, Шекспировъ, Гёте, Гейне, Байроновъ, Гюго, Вольтеровъ, Бёклей. Спенсеровъ, Песталоцци, Ланкастеровъ ни Швеціи,

ни Норвегія не дали міру, — не дали не вслѣдствіе національной бездарности или пренебреженія къ умственной дѣятельности, а вслѣдствіе той печальной замкнутости полуострова, которая обусловливалась его природой, его географическимъ положеніемъ, его исторіей.

Въ даровитыхъ и даже очень даровитыхъ людяхъ здѣсь не было недостатка: историкъ, поэтъ и композиторъ Гейеръ, историки Фрикселль и Стрингольмъ, теозофъ Сведенборгъ, драматургъ Бернгардъ Бесковъ, поэты Тегнеръ, крайне разнообразный Альмквистъ, финляндецъ Рунебергъ, нѣсколько циничный Вильгельмъ Броунъ, тенденціозный романистъ Енгстрѣмъ, критикъ Пальмбладъ, композиторъ Линдбладъ и сотни другихъ — все это люди далеко не дюжинные. Если нельзя отрицать, что на скандинавскомъ полуостровѣ встрѣчаются во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности высокодаровитыя личности, то еще менѣе можно отрицать любовь его жителей къ литературѣ. Быть можетъ, эта любовь не была даже нигдѣ такъ сильна, какъ здѣсь. Конечно, долгіе зимніе вечера, чисто-семейная однообразная жизнь, маленькіе кружки, отсутствіе многочисленныхъ чисто-свѣтскихъ удовольствій, расположеніе къ мечтательности, къ размышленіямъ подъ вліяніемъ суровой природы, путешествія моряковъ и походы военныхъ людей въ далекія страны — все это должно было содѣйствовать сначала развитію устной чисто-народной литературы, а потомъ и развитію письменной и печатной литературы. Вслѣдствіе всего этого едва-ли можно гдѣ-нибудь встрѣтить такую массу чисто-народныхъ произведеній и такое количество писателей, какъ здѣсь.

Начало шведской литературы уже положено въ тѣхъ сѣверныхъ пѣсняхъ, которыя передаютъ преданія дохристіанской эпохи и возникли большею частью въ XIV и XV столѣтіяхъ, воспѣвая дѣянія славныхъ предковъ. Характеръ этихъ пѣсенъ дикъ и часто описываются въ нихъ самыя страшныя и грозныя дѣянія варварства. За ними слѣдуетъ циклъ другихъ пѣсенъ, уже смягченныхъ духомъ христіанства. Рядомъ съ этими народными пѣснями идутъ древніе памятники законодательства и исторіи, теологическія и библейскія произведенія, переводы иностранныхъ повѣстей. Уже въ 1476 году былъ основанъ uppsальскій университетъ и съ этой поры число писателей увеличивается довольно за-

мѣтно. Кромѣ духовенства, которое переводитъ библію, пишетъ хроники, сочиняетъ стихи, писателями являются и короли. Бо-

Швеція были нерѣдко писателями. Уже Густавъ I писалъ очень хорошо. Его старшій сынъ Эрихъ XIV былъ псалмистомъ и поэтомъ; его младшій сынъ Карлъ IX былъ лѣтописцемъ и теологомъ; его средній сынъ Иоганъ III былъ ученымъ. Многіе позднѣйшіе короли, напримѣръ, Густавъ III, Карлъ XV, Оскаръ были тоже писателями. Кромѣ того дикость нравовъ заставляла царствующихъ лицъ постоянно заботиться о развитіи литературы и просвѣщенія. Такъ, королевы Христина и Луиза Ульрика сильно заботились о поощреніи литературы, а Густавъ Ваза, Карлъ IX и Густавъ Адольфъ уже непосредственно заботились о развитіи народнаго образованія. Уже во время реформаціи ясно сказывается узко-національное направленіе шведской литературы. Такъ, напримѣръ, братья Олай и Лаврентій Петри пишутъ исторію Швеціи съ прямою цѣлью прославить отечество и потому вводятъ въ нее всѣ басни, способствующія возвеличенію отчизны. Королева Христина сдѣлала попытку ввести въ міросозерцаніе шведовъ болѣе широкія начала и выписала французскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ ученыхъ, между прочимъ, Декарта, но ихъ воззрѣнія были на-столько чуждыми общему направленію шведовъ, что ученымъ скоро пришлось удалиться изъ Швеціи, не оставивъ по себѣ почти никакого слѣда. Куда-бы мы ни взглянули въ Швецію, вездѣ мы встрѣчаемъ разработку почти исключительно мѣстныхъ вопросовъ; нигдѣ нѣтъ столько поэтовъ, не только описывающихъ чисто-народную жизнь, но и пишущихъ, главнымъ образомъ, такъ называемыя „стихотворенія на случай“, какъ это дѣлали, напримѣръ, Ларсъ Иогансонъ, Руній и т. п. Наконецъ, быть можетъ, только здѣсь можно встрѣтить такое явленіе, какъ случай съ изданіемъ Рудбека — „Atlantica“. Рудбекъ былъ знаменитый изслѣдователь древностей Сѣвера, писатель чисто національный и патріотическій и потому оспаривать положенія его произведеній считалось почти государственнымъ преступленіемъ противъ отечества и его противниковъ заставляли молчать при помощи „королевскихъ приказовъ“.

Но если успѣхъ литературныхъ произведеній на Скандинавскомъ полуостровѣ, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ большей или меньшей народности этихъ произведеній, то, конечно, писа-

тели должны были ради своихъ успѣховъ какъ можно ближе стоять къ народу, изучать его, путешествовать по странѣ, собирать народныя произведенія. Именно такъ и поступало большинство изъ нихъ: они изучаютъ народную жизнь, путешествуютъ по родной странѣ и собираютъ пѣсни, преданія и сказки, такъ, напримѣръ, Гейеръ и Афцеліусъ, Аттербомъ и Арвидсонъ, Кавалліусъ и Стефенсъ издають сборники народныхъ памятниковъ. Между литературой и народомъ является здѣсь такая органическая связь, какой мы не встрѣтимъ въ остальной Европѣ, за исключеніемъ развѣ только Венгрии и славянскихъ земель, и, конечно, представители этой литературы не могли не желать, чтобы народъ имѣлъ возможность, по крайней мѣрѣ, прочитатъ ихъ произведенія.

Такимъ образомъ, въ исторіи Швеціи замѣчается постоянное и сильное стремленіе правительства содѣйствовать просвѣщенію народа для смягченія его нравовъ, для полнаго слиянія нѣкогда враждебныхъ шведовъ и готовъ, для распространенія христіанства и уничтоженія сильно вкоренившихся чисто языческихъ воззрѣній, съ другой стороны, ярко высказывается стремленіе представителей литературы, великихъ патріотовъ, слиться въ одну плоть и кровь съ народомъ и вести его впередъ. Всѣ эти Гейеры, Афцеліусы, Тегнеры являются не просто кабинетными писателями, но дѣятельными просвѣтителями народа, идущими рука объ руку съ этимъ народомъ, живущими его жизнью.

Но если правители старались содѣйствовать развитію просвѣщенія и повровительствовать національной литературѣ, если писатели, сознавая свое чисто народное значеніе, должны были спѣшить образоватъ народъ, то каковъ-же былъ самъ этотъ народъ?

Не была-ли это та каменная почва, на которой должно погибнуть брошенное сѣмя, или, напротивъ, не была-ли это та плодородная нива, на которой каждое зерно должно дать обильный плодъ?

IV.

Народъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, какъ я уже сказала, долженъ побѣждать не малыя трудности, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Это сдѣлало его упорнымъ и настойчивымъ въ трудѣ,

умѣющимъ достигать своихъ цѣлей. Кромѣ того этотъ народъ никогда не находился въ такомъ порабоженіи, въ какомъ находились народы западной Европы въ средніе вѣка во времена феодализма, когда они выносили весь гнетъ тяжелой зависимости, и потому въ этомъ народѣ очень сильно и очень рано развилась способность къ самостоятельности, способность, окрѣпшая еще болѣе вслѣдствіе необходимости втеченіи многихъ вѣковъ бороться и съ внѣшними и внутренними врагами. Самостоятельность этого народа была всегда на-столько велика, что онъ не былъ никогда окончательно стѣсненъ даже въ такихъ мелочахъ, какъ право охоты, право порубки лѣса и т. п. Да и трудно было-бы стѣснять или контролировать на каждомъ шагу будничной жизни этихъ людей, разсѣянныхъ по странѣ мелкими группами, имѣвшими всегда возможность ускользнуть отъ мелочного надзора. Это обстоятельство еще болѣе привязывало народъ къ родной землѣ, въ которой онъ видѣлъ свою собственную землю и для блага которой, конечно, онъ былъ готовъ на всякія жертвы. Такъ-какъ поддерживать свое существованіе здѣсь можно было только при помощи самаго упорнаго труда, при помощи труда всѣхъ членовъ каждой семьи, то и женщины на скандинавскомъ полуостровѣ очень рано заняли положеніе такихъ-же точно работницъ, какъ ихъ мужья, и никогда не знали той замкнутой жизни, кабая выпала, напримѣръ, на долю азіатскихъ женщинъ. Каждаго посѣтившаго Швецію европейца невольно поразитъ то обстоятельство, что онъ встрѣтитъ женщинъ, занимающихся тѣми отраслями труда, которыя въ Европѣ находятся исключительно въ рукахъ мужчинъ, такъ, напримѣръ, женщины занимаются здѣсь перевозомъ на рѣкахъ. При сильномъ развитіи семейной жизни, развилось и уваженіе къ женщинамъ, какъ къ оберегательницамъ семейнаго очага. Здѣсь рѣже всего женщина, появляясь одна на улицѣ, можетъ быть оскорблена праздными гуляками. Всѣ эти условія были крайне благопріятны для развитія народа и это развитіе началось очень рано.

Только послѣ сожженія упсальскаго языческаго храма, въ началѣ XII вѣка христіанство начало брать замѣтный перевѣсъ на скандинавскомъ полуостровѣ надъ язычествомъ, хотя оно распространялось не вдругъ, не по всей странѣ. Христіанство распространялось здѣсь въ формѣ римскаго католичества и какъ-бы ни

была несовершенна эта форма христіанства, но оно все-таки смягчающимъ образомъ подѣйствовало на крайне дикія племена полуострова, хотя умственное и литературное развитіе его жителей продолжало стоять на довольно низкой степени, такъ-какъ тутъ не было еще ни книгъ, ни школъ, ни учителей. Но мало-по-малу мужскіе и женскіе монастыри стали дѣлаться чѣмъ-то въ родѣ учебныхъ заведеній для дѣтей обоихъ половъ, такъ-какъ только этимъ путемъ можно было побѣдить остатки язычества, приготовить новыхъ духовныхъ лицъ и распространить христіанство. Дѣти благородныхъ и простыхъ людей, жившихъ недалеко отъ монастырей, собирались въ монастыри и монахи учили мальчиковъ читать, писать, музыкѣ и катехизису, а монахини стремились развить въ дѣвочкахъ благочестіе и пріучить ихъ къ домашнимъ занятіямъ. Правда, ученики и ученицы запасались здѣсь только началами грамотности, но все-таки начало ея было положено. Нѣсколько позднѣе на полуостровѣ начали распространяться такъ-называемые „нищенствующіе монахи“. Эти-то люди и явились какъ-бы первыми предвѣстниками будущихъ странствующихъ учителей и подвижныхъ школъ. Они ходили по странѣ и обучали народъ первымъ правиламъ религіи, заповѣдямъ и молитвамъ, снискивая этимъ себѣ скудное пропитаніе. Этотъ родъ обученія мало-по-малу совершенно замѣнилъ монастырскія школы, пришедшія въ упадокъ, когда христіанство окончательно вытѣснило язычество, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Главною книгою, служившею пособіемъ при религіозномъ обученіи, былъ изданный Карломъ Великимъ такъ-называемый „саксонскій катехизисъ“. Не малый толчекъ образованію былъ данъ распространеніемъ книгопечатанія: въ 1482 году оно было уже введено въ Швецію и епископъ Гансъ Браскъ устроилъ здѣсь первую бумажную фабрику. Это дало возможность болѣе распространить священное писаніе и разныя поучительныя книги духовнаго содержанія.

Но серьезное начало народнаго образованія все-таки было положено въ то время, когда народу удалось освободиться отъ чужеземнаго вліянія и возвести на престолъ Густава Вазу.

Прежде чѣмъ Густавъ Ваза изгвалъ чужеземныхъ пришельцевъ изъ родной страны, ему пришлось долго скрываться среди народа отъ преслѣдованія этихъ враговъ: онъ долженъ былъ, переодѣв-

шись въ крестьянское платье, быть слугою у ютландскаго торговца быками, заниматься земледѣліемъ, служить въ копахъ. Здѣсь ему удалось близко узнать жизнь народа, его нужды и при помощи этого народа освободить отечество и взойти на престоль. Это былъ вполнѣ народный король. Прежде всего онъ успѣшилъ ослабить аристократію, давъ право среднему сословію и народу засѣдать въ государственномъ совѣтѣ, и замѣнить католичество реформаціей, которую ввелъ въ Швецію при помощи двухъ учениковъ Лютера, братьевъ Петри. Расширеніе правъ народа обусловливало необходимость большаго развитія; реформація тоже требовала здѣсь, какъ и вездѣ, чтобы народъ былъ грамотнымъ и могъ читать библію и священныя книги. Уже въ 1526 году былъ переведенъ на шведскій языкъ Новый Заветъ; тогда-же перевели катехизисъ Лютера; 1541 году появился переводъ Ветхаго Завета. Эти книги Густавъ распространилъ по всей странѣ. Въ 1531 году послѣдовало постановленіе новой церкви, приказывавшее священникамъ читать молитвы по-шведски и объяснять десять заповѣдей, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ. Монахи упраздненныхъ монастырей были обязаны обучать дѣтей чтенію. Но покуда народъ обучали только чисто-религіознымъ предметамъ, распространяя въ его средѣ догматы новой вѣры. Дѣло Густава Вазы не могло загдохнуть, потому что короли шведскіе очень ясно сознавали, съ одной стороны, необходимость смягчить при помощи образованія нравы, съ другой, они понимали, что народъ, имѣющій широкія права, долженъ имѣть хотя какое-нибудь образованіе. Но все-таки втеченіи XVI столѣтія, какъ кажется, было основано очень немного „постоянныхъ“ школъ, за исключеніемъ епископства Лунда, гдѣ во время введенія реформаціи въ Даніи, еще владѣвшей этою частью Швеціи, начали уже основываться ученныя и народныя школы. Въ остальной-же Швеціи, какъ надо полагать, образованіе распространялось по-прежнему, главнымъ образомъ, при помощи „подвижныхъ“ школъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что только въ 1617 году была основана первая постоянная школа въ Зигтунѣ. О Карлѣ IX рассказываютъ, что онъ, будучи еще герцогомъ вермландскимъ, устроилъ много народныхъ школъ въ своемъ герцогствѣ и дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ съ такимъ успѣхомъ, что „тамъ уже въ 1737 г. едва-ли можно было найти хотя одного крестьянскаго ребенка,

неумѣющаго читать и писать“. Густавъ Адольфъ, несмотря на свои войны, не забывалъ поощрять народное образованіе, хотя и не могъ посвятить этому дѣлу столькихъ усилій, какъ королева Христина, женщина, получившая блистательное образованіе и несмотря на всѣ свои ужасающіе недостатки, уважавшая науку. Она по совѣту своихъ многочисленныхъ развитыхъ друзей издала въ 1640 году, съ согласія государственнаго совѣта, постановление, чтобы въ каждомъ принадлежащемъ шведской коронѣ городѣ была основана школа, гдѣ дѣти могли-бы учиться писать, читать и считать. Эти школы, педагогіумы, были сначала чисто-народными школами, первые классы которыхъ занимались обученіемъ азбукъ; но потомъ эти школы превратились въ ученныя школы. Но число постоянныхъ народныхъ школъ было все-таки довольно ограничено: ихъ насчитываютъ въ половинѣ XVII столѣтія одни до 19, другіе до 21, и всѣ онѣ возникли при помощи такихъ магнатовъ, какъ Браге, де-ла-Гарди, Гилленгельмъ и т. д. Тоже къ половинѣ этого столѣтія относится первое изданіе шведской арифметики и первой географической карты Швеціи. Въ это время были уже сдѣланы четыре различныхъ изданія библіи и написано нѣсколько порядочныхъ библейскихъ исторій. Самый сильный толчекъ народному образованію былъ данъ въ это время Карломъ XI, этимъ королемъ-хозяиномъ, доведшимъ до цвѣтущаго состоянія финансы Швеціи. Онъ сильно покровительствовалъ просвѣщенію и любилъ науку и литературу. Въ 1686 году онъ предложилъ издать церковный законъ, который и былъ изданъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Законъ этотъ гласилъ, что „капелланы или кистеры должны заниматься обученіемъ дѣтей чтенію, тогда-какъ обученіе религіи должно производиться и соблюдаться пасторами при помощи проповѣдей, катехизаціи и ежегодныхъ публичныхъ испытаній“. Были назначены и штрафы для тѣхъ, которые будутъ уклоняться отъ испытаній. Духовенство должно было составлять отчеты о степени общаго образованія каждаго члена прихода. На епископовъ возлагалось наблюденіе за исполненіемъ этого закона. При этомъ законъ постановлялъ, что „никто не можетъ вступить въ бракъ, не зная наизусть краткаго катехизиса Лютера и не принявъ причастія“. Этотъ законъ произвелъ желанное дѣйствіе: крестьяне сами чрезъ своихъ депутатовъ стали просить у государственнаго совѣта основанія школъ во всей

странѣ на счетъ государства, при чемъ жалованье учителя должно было идти изъ общинной кассы. Къ сожалѣнію, прежде осуществленія желаній короля и народа настали для Швеціи трудныя времена: нѣсколько лѣтъ безумной войны съ Даніей, Россіей, Польшей, Пруссіей растроили финансы государства и унесли въ могилу до милліона людей; въ такомъ положеніи приходилось заботиться не о школахъ, а о спасеніи страны отъ крайней гибели. Но именно въ эту-то тяжелую эпоху и было видно, какъ силенъ и твердъ этотъ народъ: у него вырвали значительную часть населенія и все-таки онъ сумѣлъ выставить еще 70,000 человекъ войска; у него были истощены матеріальныя средства и все-таки онъ думалъ объ образованіи. Въ первый-же (1719) годъ реорганизаціи государства издается законъ, вслѣдствіи котораго въ каждомъ приходѣ долженъ былъ быть „способный“ учитель. Въ 1723 году былъ изданъ законъ, говорившій, что „каждый ребенокъ, не получающій никакого образованія въ родительскомъ домѣ, обязанъ ходить въ общинную школу. Каждое уклоненіе отъ школы будетъ наказываемо штрафомъ въ 2 серебряныя марки. Только безусловная нищета можетъ избавить отъ этого и священники и другіе члены общины должны наблюдать за строгимъ исполненіемъ этого закона“. Такимъ образомъ, уже въ это время въ Швеціи вводилась обязательность обученія. Синодальные акты 1735 и 1747 года постановили, чтобы каждый ребенокъ получалъ достаточное образованіе и что родители или лица, замѣняющія ихъ мѣсто, должны въ случаѣ непосыланія дѣтей на экзамень получить сначала три предостереженія, потомъ должны быть приводимы къ мѣстному судѣ, чтобы подвергнуться наказанію, сообразному съ ихъ виной. Въ 1762 году было строжайше приказано приходамъ запастись хорошими учителями, а пасторамъ поручалось наблюденіе за ними. Наконецъ, 19 февраля 1768 года были сдѣланы запросы какъ губернаторамъ провинцій, такъ и консисторіямъ насчетъ того, какъ лучше и полнѣе устроить на будущее время обученіе крестьянскихъ дѣтей; какъ содѣйствовать постройкѣ школьныхъ домовъ; какъ добыть средства для содержанія учителей; какъ, наконецъ, составить хорошіе законы веденія школъ для руководства народныхъ учителей. Такимъ образомъ, не было недостатка заботахъ о народной школѣ, но, къ сожалѣнію, это дѣло

было не такъ легко устроить: недостатокъ денегъ, трудность устройства школъ, недостатокъ учителей—все это являлось преградами для полнаго осуществленія добрыхъ намѣреній. Постоянныхъ народныхъ школъ, имѣвшихъ свои дома и свои земли, существовало не болѣе 165. Остальныя школы продолжали носить характеръ „подвижныхъ“ школъ, переходившихъ изъ села въ село.

Эти школы, какъ видѣлъ читатель, возникли въ Швеціи чисто-историческимъ или, лучше сказать, практическимъ путемъ: онѣ не были придуманы кѣмъ-нибудь, онѣ привились сами собою вслѣдствіи того, что нищенствующимъ католическимъ монахамъ приходилось питаться, переходя изъ села въ село, изъ дома въ домъ. Эти люди обучали дѣтей молитвамъ и догматамъ религіи. Но этотъ способъ обученія какъ нельзя болѣе былъ въ характерѣ страны, населеніе которой было разсѣяно по группамъ, не всегда могло сообщаться съ другими группами, принуждено было въ долгіе вечера зимнихъ мѣсяцевъ держать дѣтей дома. Мало-по-малу монаховъ смѣнили свѣтскіе учителя, иногда очень сомнительнаго свойства. Эти странствующие школы не имѣли особыхъ помѣщеній, ихъ учителя были нерѣдко люди малознающіе, иногда дурного поведенія, пьяницы; вслѣдствіи этого обученіе было крайне ограничено и недостаточно; о методѣ преподаванія почти не могло быть и рѣчи, такъ-какъ онъ заключался въ самыхъ примитивныхъ способахъ обученія; но содержаніе этихъ школъ было крайне дешево и доступно бѣдному народу; платилось на нѣмецкія деньги по 2, по 3 и по 4 крейцера въ недѣлю за ребенка, обучающагося читать, и отъ 6 до 8 крейцеровъ за ребенка, обучающагося писать и считать; обращеніе съ дѣтьми было суровое и наказанія походили на истязанія. Эти школы помѣщались въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ хозяева продолжали свои домашнія занятія во время классовъ. На концѣ длиннаго обѣденнаго стола усаживался „мастеръ“, т. е. учитель; рядомъ съ нимъ садились младшіе ученики или азбучники на скамьяхъ или табуретахъ безъ спинокъ; немного далѣе, смотря по знаніямъ, сидѣли остальные ученики съ книгами на колѣняхъ. Только пишущіе и считающіе сидѣли за столомъ, остальные-же не имѣли даже мѣста, куда положить книгу. Книги, по которымъ обучались, были: азбука съ обычнымъ изображеніемъ пѣтуха, два лютеранскіе катехизиса, краткій и пространный, и книга духовныхъ пѣ-

сень. Кто научался читать всё эти книги и зналъ наизусть катехизисъ, тотъ кончалъ ученье. Дѣти болѣе богатыхъ родителей или, вообще, одаренныя большими способностями, обучались потомъ письму и счету, причѣмъ не употреблялось ни прописей, ни задачникѡвъ. Эти школы пользовались большимъ успѣхомъ среди народа именно потому, что народъ сознавалъ необходимость грамотности, вслѣдствіе религіозныхъ воззрѣній и требованій закона. и въ то-же время понималъ матеріальную невозможность содержать постоянныя школы.

Изъ всѣхъ приведенныхъ мною выше законовъ читатель видѣлъ, что шведское правительство, большею частью, не задавалось никакими посторонними цѣлями, требуя, чтобы народъ былъ грамотнымъ: оно просто говорило, что онъ долженъ обучаться грамотѣ, не указывая ни направленія, ни духа этого обученія. Въ другихъ мѣстахъ, какъ я указывалъ въ своихъ очеркахъ образованія въ Пруссіи, Франціи, Швейцаріи, Англии, говорилось о развитіи патріотизма, о приготовленіи хорошихъ гражданъ, о развитіи послушанія, о внушеніи богобоязненности, здѣсь-же главнымъ образомъ хлопотали только о грамотности. Гдѣ, какъ и кѣмъ былъ обученъ ученикъ—это было покуда все равно, онъ долженъ былъ только выдержать экзаменъ. И это-то было главною причиною, сдѣлавшею возможнымъ существованіе подвижныхъ школъ, ускользавшихъ по самому характеру своего устройства отъ всякаго контроля. Шведское общество только радовалось, что хотя этимъ путемъ въ народѣ распространяется грамотность, и очень хорошо понимало, что учитель плохой патріотъ, учитель плохой христіанинъ едва-ли успѣетъ встать твердою ногою въ средѣ грубаго, но преданнаго отчизнѣ и религіи народа: учитель пьяница былъ-бы терпимъ этимъ народомъ, но учитель, измѣнившій традиціямъ страны, былъ-бы выгнанъ изъ первой избы, гдѣ онъ сталъ-бы проповѣдывать противныя народному духу идеи.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію шведскихъ школъ нынѣшняго столѣтія, нужно упомянуть о томъ, что въ 1771 году основалось частное общество, имѣвшее сильное вліяніе на страну. Это общество—*Pro fide et Christianismo*, Его цѣлью было поддержаніе христіанской религіи. Оно дѣлилось на двѣ секціи, на *пастырскую* и на *образовательную*. Это общество состояло изъ очень горячихъ патріотовъ и старалось при помощи многочислен-

ныхъ учрежденій распространить въ своемъ отечествѣ начала нравственности, религіи и просвѣщенія. Въ 1798 году оно издало адресъ, въ которомъ духовенство приглашалось распространять просвѣщеніе въ средѣ народа; въ то-же время былъ написанъ циркуляръ, въ которомъ общинамъ предлагался планъ организации народнаго образованія. „Въ каждомъ приходѣ, гдѣ нѣтъ школы, нужно основать школу, по преимуществу постоянную, говорилось въ этихъ адресахъ. Въ этихъ школахъ дѣти будутъ учиться читать по-шведски и по-латыни; они будутъ изучать латинскій стиль, правила религіи, четыре правила арифметики, коммерческіе счеты; исторію Швеціи, географію и науку о производствѣ и законахъ страны. Здѣсь будетъ внушаться имъ любовь къ родинѣ. Тѣлесныя наказанія запрещаются. Дѣтей будутъ исправлять кротостью и обученія будутъ чередоваться съ тѣлесными упражненіями и пѣніемъ. Фондъ, основанный на ежегодные сборы и пожертвованія, дастъ возможность раздавать награды. Учителя получаютъ приличныя помѣщенія“.

Таковы были предначертанія правительства съ одной стороны и частнаго общества съ другой, но эти предначертанія въ большинствѣ случаевъ все-таки оставались, какъ мы видѣли, мертвою буквою: постоянныхъ школъ было мало, и процвѣтали только подвижныя и то съ очень плохими учителями.

Почему-же?

Посмотримъ на дѣло по-ближе.

V.

Главныя причины, тормозившія въ Швеціи успѣшное исполненіе разныхъ плановъ народнаго образованія, заключались въ постоянныхъ внутреннихъ раздорахъ, истощеніи и безъ того не особенно большихъ матеріальныхъ средствъ страны и полнѣйшимъ безсиліемъ правительства, бывшаго очень долго игрушкою самыхъ разнообразныхъ партій.

Скандинавскій полуостровъ втеченіи многихъ вѣковъ былъ ареною постоянныхъ смутъ и волненій. Долго онъ страдалъ отъ племенной вражды „готовъ“ и „шведовъ“, долго онъ старался освободиться отъ чужеземнаго владычества, но и по окончаніи

этихъ тревожныхъ временъ спокойствіе не скоро водворилось въ его предѣлахъ.

При внутреннихъ неурядицахъ, при постоянномъ истощеніи средствъ, шведы, какъ мы видѣли, успѣли сдѣлать все-таки хотя что-нибудь въ пользу народнаго образованія. Это могло совершиться только благодаря энергіи и упорству этого народа и развитому въ обществѣ сознанію необходимости грамотности. Считаая школу необходимою, шведы заводили ее при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, при первой возможности. Есть одинъ любопытный фактъ, доказывающій, какъ умѣли эти люди создавать школы.

Послѣ русско-шведской войны, въ 1711 году большая часть плѣнныхъ шведовъ была отправлена въ Tobольскъ. Вдали отъ родины, не имѣя никакихъ средствъ, эти люди уже на третій годъ основали здѣсь школу. Одинъ изъ плѣнныхъ, капитанъ фонъ-Врехъ, взялся по просьбѣ одного изъ своихъ товарищей воспитывать его сына. Мальчикъ поступилъ къ нему въ сентябрѣ 1711 года. Фонъ-Врехъ жилъ въ одной комнатѣ съ товарищемъ, который принималъ живое участіе въ воспитаніи ребенка. Но фонъ-Врехъ скоро увидалъ, что его знанія крайне недостаточны и потому принялся самъ подготавливать себя къ роли воспитателя. Такъ какъ его занятія шли успѣшно, то другіе плѣнные стали просить его взять на воспитаніе и ихъ дѣтей; такимъ образомъ, въ 1714 году у фонъ-Вреха было уже 7 полныхъ пансіонеровъ и 5 полупансіонеровъ. Наставниковъ было 3. Въ это-же время былъ назначенъ инспекторомъ школы полковой пасторъ Лауреусъ, сдѣлавшій въ сентябрѣ 1714 года первый публичный экзаменъ воспитанникамъ. Фонъ-Врехъ имѣлъ свои взгляды на воспитаніе и думалъ, что дѣтей болѣе всего портятъ дурные примѣры взрослыхъ, а потому считалъ необходимымъ, чтобы заведеніе было закрытымъ. Вслѣдствіе этого онъ нанялъ большую комнату за 3 рубля на полгода и помѣстилъ здѣсь своихъ пансіонеровъ. Къ несчастію, хозяинъ продалъ домъ и школѣ грозила гибель. Тогда воспитатели дѣтей рѣшились купить домъ. Удобный домъ нашелся. Онъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ и былъ сторгованъ за 45 рублей, но когда пришлось вносить деньги, то ихъ не оказалось достаточнаго количества въ наличности и все предпріятіе кончилось-бы ничѣмъ, если-бы одинъ изъ друзей капитана фонъ-Вреха не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ и не до-

сталь-бы взаимы нужной суммы. Домъ былъ купленъ и школа помѣстилась здѣсь въ 1715 году. Но явилась новая опасность: капитанъ фонъ-Врехъ и его друзья были пѣтисты: они собирались три раза въ недѣлю и послѣ общей молитвы, пропѣвъ одинъ изъ псалмовъ, занимались чтеніемъ сочиненій Арендтса, Спенерса или Франке и бесѣдовали о религіозныхъ предметахъ. Это обратило на нихъ вниманіе ихъ-же собратьевъ и возбудило невыгодныя для школы подозрѣнія. Плѣнные шведы начали подозрѣвать, что фонъ-Врехъ проповѣдуетъ новую вѣру и хочетъ отдѣлиться отъ лютеранства. Но фонъ-Врехъ нашелся, какъ помочь горю: онъ назначилъ публичный экзаменъ и собралъ всѣхъ плѣнныхъ, чтобы они сами слышали, что знаютъ дѣти и чему ихъ учать. Кромѣ того получилось изъ Москвы письмо отъ придворнаго пастора Нордберга, писавшаго, что подобныя собранія не воспрещены и закономъ. Едва успокоился фонъ-Врехъ, какъ пожаръ, бывшій въ Тобольскѣ 12 мая 1715 года, истребилъ школу, на которую были убиты послѣднія средства. Фонъ-Врехъ, пятеро изъ его сотрудниковъ, старый унтеръ-офицеръ, исправлявшій должность писаря и три воспитанника переехали въ комнату одного ротмистра, остальные дѣти размѣстились на время у своихъ родителей. Не желая стѣснять ротмистра, фонъ-Врехъ уже къ первому юнью перевелъ школу на сѣнникъ, уступленный ему однимъ товарищемъ безъ платы. Правда, фонъ-Вреху представлялась возможность выйти изъ затруднительнаго положенія: дня черезъ два послѣ пожара онъ получилъ изъ Галле отъ Франке посылку, состоявшую изъ 48 библій, 100 евангелій, 50 молитвенниковъ и 500 разныхъ другихъ книгъ и брошюръ духовнаго содержанія; кромѣ того прислано было изъ Москвы 20 библій, множество книгъ и 500 рублей денегъ для раздачи бѣднѣйшимъ изъ плѣнныхъ въ Сибири. Изъ этихъ денегъ фонъ-Врехъ могъ взять часть заимообразно, но онъ долго не могъ рѣшиться на это. А сѣнникъ, между тѣмъ, былъ, какъ оказалось, неудобенъ для школьныхъ занятій: при малѣйшемъ дождѣ въ немъ нельзя было оставаться. Послѣ долгихъ совѣщаній, наконецъ, было рѣшено взять изъ присланныхъ денегъ столько, сколько нужно для уплаты долга, сдѣланнаго при покупкѣ сгорѣвшаго дома. Для постройки новаго предполагалось сдѣлать новый заемъ. Занявъ у кого 2, у кого 3

рубля, собрали 24 рубли; болѣе достать не могли, а зима была на дворѣ и надо было во что-бы то ни стало приобрести домъ или уничтожить школу. Рѣшили приобрести домъ въ деревнѣ и, разобравъ его, перевезти въ городъ. За это дѣло взялся капитанъ Таббертъ, взявшій собранные 24 рубли и 7 послѣднихъ рублей, бывшихъ еще у фонъ-Вреха. Прошли двѣ недѣли мучительной неизвѣстности, наконецъ, 29-го іюня Таббертъ на восьми плотахъ привезъ домъ и прочій необходимый строительный матеріалъ. Однако, испытаніе не кончилось: плоты ночью оторвало быстрымъ теченіемъ и унесло за полмилю отъ города. Пришлось заплатить нѣсколькимъ сибирякамъ десять рублей, чтобы притащить ихъ обратно. 15 іюля продали за 36 руб. 50 к. старое мѣсто и купили новое, а въ половинѣ августа домъ былъ уже готовъ. Онъ былъ слишкомъ тѣсенъ и потому изъ привезеннаго лѣса построили новый, для чего сдѣлали новый заемъ. 20-го сентября уже начались классы. Въ это время въ школѣ является новый учитель латинскаго языка Іогаъ Габерманъ, сынъ крестьянина, учившійся въ городской выборгской школѣ и некончившій по бѣдности курса. Онъ служилъ во время войны лакеемъ у одного изъ офицеровъ и попалъ съ нимъ въ плѣнъ. Къ 15 декабря были кончены всѣ постройки, стоявшія 240 р. и домъ былъ освященъ. Съ этой поры число учащихся стало быстро возрастать. Въ 1713 году у фонъ-Вреха было 7 учениковъ. Къ концу 1714 года школа, съ учителями и прислугой состояла изъ 18 человекъ, т. е. изъ 3 учителей, 11 воспитанниковъ, 1 эконома, 1 работника и 1 служанки. Въ 1715 году въ пей было уже 55 человекъ: директоръ и 6 учителей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ исправляли и должность гувернеровъ, и учили дѣтей закону Божію, чтенію, письму, арифметикѣ и латинскому языку, а въ рекреационные часы наблюдали за дѣтьми; для русскихъ мальчиковъ былъ еще особый гувернеръ, то-же плѣнный поручикъ; 1 надзирательница для дѣвочекъ; 4 русскіе мальчика; 18 мальчиковъ, сыновей плѣнныхъ; 12 дѣвочекъ, дочерей плѣнныхъ; 4 плѣнные работника, которые прислуживали дѣтямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учились; 1 экономъ, 2 помощника эконома, 3 работника для черной работы. Изъ нихъ 34 человека обѣдали въ школѣ, въ томъ числѣ 16 воспитанниковъ. Въ 1716 году школа состояла изъ 86 человекъ, изъ которыхъ 57 жили въ

школѣ. Въ 1717 году при школѣ была основана больница и богадѣльня для больныхъ и дряхлыхъ плѣнныхъ; въ школѣ-же было 96 человекъ народу, изъ которыхъ было 38 воспитанниковъ и 18 воспитанницъ, между прочимъ, 3 русскіе дворянскіе мальчика и маленькій монгольскій ребенокъ. Больница основалась очень просто: въ 1717 году къ фонъ-Вреху приведенъ былъ больной плѣнный солдатъ. Капитанъ принялъ его изъ человеколюбія. Вслѣдъ за тѣмъ было приведено ещё нѣсколько больныхъ, которыхъ помѣстили сначала въ банѣ. Когда число ихъ увеличилось, купили за 10 рублей небольшой домъ о двухъ комнатахъ и перевели туда больныхъ, приставивъ къ нимъ 2 работниковъ для услуги, а для леченія—фельдшера. Надзоръ за больницей поручили одному изъ друзей фонъ-Вреха. Въ 1718 году пришлось купить новый домъ для больницы, за который заплачено 30 рублей. Впродолженіи четырехъ лѣтъ въ ней лечилось бесплатно до 74 больныхъ, изъ которыхъ умерло 17. Въ 1718 году въ школѣ и въ больницѣ было уже 134 человека, а въ 1721 году—139 человекъ, въ томъ числѣ сынъ одного русскаго князя и одинъ тунгузъ. Въ 1721 году помѣщеніе школы состояло изъ 5 домовъ, въ томъ числѣ 3 двухъ-этажные. Днемъ комнаты служили классами, на ночь онѣ превращались въ спальни. Кромѣ того два небольшія зданія занимались больницею.

Чтобы поддерживать эту школу, несчастнымъ плѣннымъ приходилось переносить не малыя лишенія, но они мужественно выносили все, только-бы поддержать это благотѣльное учрежденіе. Здѣсь обучали чтенію, письму, арифметикѣ, нѣмецкому, шведскому, французскому и латинскому языкамъ, пѣнію, географіи, рисованію; здѣсь учились не одни дѣти, но и взрослые мужчины и женщины, добровольно бравшіе на себя обязанности слугъ, чтобы научиться читать, писать и священному писанію: здѣсь дѣти воспитывались не бѣлоручками: они сами чистили себѣ платье, башмаки, чинили чулки и одежду, вели опись своимъ вещамъ; здѣсь они очень близко видѣли нужду: сама школа нуждалась въ средствахъ и все-таки ежедневно за столомъ училища находили себѣ кусокъ хлѣба тѣ изъ плѣнныхъ, у которыхъ нечего было ѣсть.

Я счелъ не лишнимъ указать на эту школу, прежде чѣмъ перейдти къ описанію дальнѣйшаго хода народнаго образованія на скандинавскомъ полуостровѣ. Этотъ примѣръ ярко показываетъ,

какъ упорно стремились шведы къ образованію дѣтей и какъ мало нужно было имъ средствъ, чтобы создать школу. Едва-ли найдется другой подобный примѣръ учрежденія плѣнными, почти нищими, школы въ чужой землѣ, среди враждебныхъ обстоятельствъ, и потому эта черта не можетъ быть пропущена безъ вниманія. Только познакомившись съ подобными фактами, поймешь ясно, какъ могъ этотъ народъ, у котораго въ началѣ нынѣшняго столѣтія было только 165 народныхъ школъ, изумить на послѣдней всемірной выставкѣ даже американцевъ своими школьными домами и учебными пособиями.

А. Михайловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ.

I.

Наша современная литература, конечно, нѣсколько ушла отъ того времени, когда покойный Бѣлинскій, выступая съ своимъ первымъ годовымъ обзорѣемъ русской литературы, усомнился въ ея существованіи. Еще дальше ушла она отъ литературы двадцатыхъ годовъ. Но несомнѣнно и то, что между нею и ея предшественницами существуетъ не мало сходства, такъ-какъ многія внѣшнія обстоятельства, обуславливавшія то или другое положеніе литературы въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, продолжаютъ оказывать свое вліяніе и въ наше время. Въ виду этого небезполезно иногда прерывать старину и знакомиться съ прежними дѣятелями нашей косной, но все-же прогрессирующей мысли.

До появленія въ 1824 году въ журналистикѣ Н. А. Полевого, большинство журналистовъ „добраго стараго времени“ вели свое дѣло патріархально, чудодѣйствовали, относились къ читающей публикѣ крайне безцеремонно, что, впрочемъ, нисколько не оскорбляло ее; напротивъ, мелочность тогдашней литературы ее вполне удовлетворяла; она отъ души смѣялась, когда журналистъ паясничалъ передъ нею, строилъ гримасы, высовывалъ языкъ. Журналы съ подобнымъ содержаніемъ имѣли столько подписчиковъ, что могли существовать по-нѣсколько лѣтъ.

Однимъ изъ лучшихъ представителей патріархальной литературы двадцатыхъ годовъ былъ веселый, простодушный и чистосердечный Александръ Ефимовичъ Измайловъ, издававшій журналъ „Благонамѣренный“. Измайловъ извѣстенъ въ литературѣ своими

баснями и сказками въ стихахъ, но я буду говорить о немъ, какъ о „журналистѣ - шутникѣ“, какъ онъ самъ не разъ называлъ себя печатно. Измайловъ своими чудачествами и безцеремонными отношеніями къ читателямъ и сотрудникамъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей по журналистикѣ; свою халатную патриархальность онъ доводилъ почти до самодурства, какъ въ сношеніяхъ съ публикою, такъ и съ сотрудниками, конечно, безвозмездными, потому что литературный трудъ тогда не оплачивался. Притомъ Александръ Ефимовичъ въ этихъ сношеніяхъ дѣйствовалъ не всегда просто и безкорыстно. Такъ, онъ сплошь да рядомъ печаталъ въ своемъ журнальцѣ усницительно-высокопарныя, безтолковыя вирши графа Хвостова и въ то-же время подтрунивалъ надъ ихъ забавнымъ авторомъ - мономаномъ въ своихъ примѣчаніяхъ отъ издателя, такъ что графъ всегда оставался въ восхищеніи, между тѣмъ какъ мало-мальски догадливый и толковый читатель понималъ, что всѣ эти похвалы издателя рифмоплету ничто иное, какъ злая шутка, ядовитость которой замѣтна только ему, читателю, но не бѣдной и довѣрчивой жертвѣ этой шутки. Съ другой стороны, въ журнальцѣ Измайлова воздавались непомерныя похвалы еще другому тогдашнему бумагомарателю, страстно любившему печататься, самодуру-купцу Егору Федоровичу Ганину, имѣвшему на берегу Невы, противъ Охты, садъ, вмѣщавшій на своей крайне ограниченной площади, разумѣется, въ страшнѣйшей каррикатурѣ, все то, что составляло красоту царскосельскихъ, петергофскихъ и гатчинскихъ садовъ. Ганинъ, человекъ весьма состоятельный, печаталъ нелѣпнѣйшія трагедіи и драмы своей фабрикаціи. Измайловъ печаталъ въ своемъ журнальцѣ разборы этихъ литературныхъ невозможностей съ насмѣшливымъ восторгомъ, превознося талантъ ихъ автора и осмѣивая и дурача его такъ, что какъ смѣхъ, такъ и одурачиванья, — смѣхъ громкій и нахальный, а одурачиванья, заходившія за предѣлы всякой умѣренности, — доставляли, съ одной стороны, наслажденіе неразборчивому и малоразвитому читателю, а съ другой — пошлomu, каррикатурному и дошедшему до самаго наивнаго себя-обожанія автору, отличавшемуся еще притомъ и необыкновенною безграмотностью. Какъ мономанъ графъ Хвостовъ, такъ и эксцентрикъ Ганинъ приобрѣтали каждый свою долю окаррикатуренной на страницахъ „Благонамѣреннаго“ славы не безъ

нѣкотораго ущерба для своего кармана, потому что каждый изъ этихъ двухъ чудаковъ былъ „экстраординарнымъ“, какъ называлъ ихъ Хвостовъ, подписчикомъ „Благонамѣреннаго“; экстраординарность-же эта состояла въ томъ, что вмѣсто одного экземпляра жиденькихъ книжекъ журнала, каждый изъ нихъ подписывался на 50, въ видѣ субсидіи Измайлову. Графъ Хвостовъ имѣлъ обыкновеніе раздаривать направо и налево синія и розовыя книжки „Благонамѣреннаго“, Ганипъ-же находилъ болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе разумнымъ и деликатнѣйшимъ, какъ онъ выражался, хранить всѣ экземпляры журнала Измайлова, богато переплетенные, въ огромныхъ швапахъ своего дома.

Для болѣе яснаго знакомства съ журналомъ А. Е. Измайлова „Благонамѣренный“ приведу его программу, которая состояла изъ шести слѣдующихъ рубрикъ: I. *Изыщная Словесность*, т. е.: а) стихотворенія: оды, посланія, элегіи, идилліи, сказки, басни, романсы, стансы и стихотворные отрывки; в) проза: рѣчи, разговоры, *живописныя* (!!!) путешествія, повѣсти, отрывки изъ романовъ. Все это какъ оригинальное, такъ и переводное съ иностранныхъ языковъ. Каждая повѣсть обыкновенно разбивалась на нѣсколько номеровъ, въ особенности, если содержаніе ея было замысловато и могло щекотать, какъ въ объявленіяхъ своихъ выражался издатель, любопытство его читателей и охающихъ и ахающихъ его „милѣйшихъ“ читательницъ.—II. *Лит(т)ература, науки и художества*. Теорія словесности, наукъ и художествъ. Разсуженія о предметахъ по всѣмъ „симъ“ тремъ частямъ, невыходящимъ изъ сферы познанія всякаго образованнаго человѣка.—III. *Критика*. Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, относящихся непосредственно къ „изыщной“ словесности, и разныхъ небольшихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Замѣчанія на разные статьи современныхъ журналовъ и т. п.—IV. *Библиографія*. Извѣстія о всѣхъ вообще новыхъ русскихъ книгахъ, съ краткими на нѣкоторыя изъ оныхъ замѣчаніями, равно и объ иностранныхъ сочиненіяхъ, заслуживавшихъ особеннаго вниманія.—V. *Нравы современнаго общества*. (Moeurs de la société contemporaine). Описаніе нравовъ и обычаевъ разныхъ слоевъ общества. Картины домашней жизни. Характеры (à la Жуи).—VI. *Смѣсь*. Иностранныя и отечественныя анекдоты. Нравоучительныя мысли и разные замѣчанія. Сатирическія вѣдомости, безъ

всякихъ, однако, личностей. Разныя любопытныя новости и краткія выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ. Благотворительность. Вопросы и Отвѣты. NB. Весьма оригинальный способъ наполненія страницъ журнала всякою всячиною и дребеденью, посредствомъ множества разнообразныхъ, болѣе или менѣе замысловатыхъ, вопросовъ, на которые отъ наивныхъ подписчиковъ получались отвѣты, иногда довольно обширные и многословные, а подчасъ серьезные и даже остроумные. — Загадки, шарady, логгрифы, анаграммы и тому подобное. — Въ объявленіяхъ объ изданіи журнала А. Е. Измайловъ почти ко всякой рубрикѣ дѣлалъ оригинальныя примѣчанія, какъ, на примѣръ, къ стихотвореніямъ: „Стихотвореній будетъ весьма немного, ибо лучшія помѣщаются нынѣ въ альманахахъ, а посредственныхъ не для чего и печатать. Повторимъ сказанное прежде: „les vers passablement bons ne valent pas le diable“. Къ критикѣ: „Трудъ сей (т. е. критику нѣкоторыхъ новыхъ книгъ) предоставляетъ себѣ собственно издатель. Смѣло можетъ онъ увѣрить почтеннѣйшую публику, что въ отдѣленіи *Критики* читатели не найдутъ никакихъ „колючекъ“ и насмѣшекъ, ни приторныхъ и пристрастныхъ похвалъ, которыя для истиннаго таланта оскорбительнѣе самыхъ язвительныхъ порицаній, а только одни скромныя и благонамѣренныя замѣчанія, имѣющія цѣлью пользу отечественной словесности“. Упомянувъ, при исчисленіи предметовъ, входящихъ въ „смѣсь“, объ анекдотахъ, Измайловъ сдѣлалъ такую выноску: „Нѣсколько уже лѣтъ издатель „Благонамѣреннаго“, по совѣту знаменитаго нашего писателя и бывшаго министра юстиціи И. И. Дмитріева, собираетъ отечественныя анекдоты, преимущественно о русскихъ литераторахъ, и собралъ ихъ очень довольно. Стоитъ только написать, а вѣдь куда какъ весело писать анекдоты“. Заключеніе объявленія Измайлова обыкновенно состояло изъ заявленія, что въ трудахъ его дали обѣщаніе участвовать многіе извѣстные и даже отличные литераторы и что издатель употребитъ, съ своей стороны, всѣ зависящія отъ него способы сдѣлать журналъ свой сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе, избѣгая болѣе всего „сухости, пристрастія и нестерпимаго въ литературныхъ сужденіяхъ рѣшительнаго, наставническаго тона“. Къ объявленіямъ о подпискѣ прилагались и такія объясненія: „Кто знаетъ опытомъ, сколь трудно одному человѣку, имѣющему кромѣ

литературныхъ и другія занятія, какъ, напримѣръ, цѣлое отдѣленіе на рукахъ въ одноѣ изъ министерскихъ департаментовъ, да жена съ дѣтьми и много родныхъ и друзей,—издавать въ мѣсяць отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, тотъ, вѣрно, простить, если между многими дѣльными статьями найдетъ нѣсколько слабыхъ, помѣщенныхъ не для личнаго угожденія, но по необходимости“.

Не менѣе интересны печатныя объясненія Измайлова съ своими сотрудниками. Онъ объявлялъ, что съ удовольствіемъ помѣститъ всякую занимательную статью, оригинальную или переводную, если она изложена чистымъ русскимъ слогомъ, но ни за что не приметъ болѣе на себя несноснаго труда поправлять въ ученическомъ переводѣ галлицизмы, германизмы и солецизмы. Самоучекъ-же стихотворцевъ, молодыхъ и пожилыхъ, незнающихъ первыхъ правилъ русскаго стихосложенія и даже не всегда удачно прибирающихъ рифмы, „слезно проситъ не присылать къ нему ни *черезъ почту*, ни съ *ходоками*, усыпительныхъ стихшковъ своихъ, особливо убійственныхъ шарадъ, анаграммъ, омонимовъ и логогрифовъ“. Впрочемъ, какъ-бы спохватившись, прибавлялъ: „и сіи стихотворныя бездѣлки, *правильно* и *замысловато* написанныя, найдутъ мѣсто въ „Благонамѣренномъ“.

Дѣлая перечень рубрикъ программы „Благонамѣреннаго“, въ отдѣлѣ „смѣси“ я упомянулъ „*Благотворительность*“. Измайловъ умѣлъ на-столько краснорѣчиво убѣждать своихъ читателей, что пожертвованія въ пользу немущихъ, присылаемыя къ нему, достигали до четырехъ тысячъ въ годъ. Воззванія къ благотворительности Измайловъ дѣлалъ по большей части не въ прозѣ, а въ стихахъ, не высокопарныхъ, но, напротивъ, шутивныхъ и добродушныхъ, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Вотъ ужъ и праздники большіе наступаютъ.

Богатые себѣ обнови покупаютъ;

(О суета суеть)!

У магазиновъ тѣма каретъ.

А бѣдные межъ тѣмъ *говтють*;

Не только платья, но и пищи не имѣютъ.

Вотъ старецъ Худяковъ *) семидесяти лѣтъ.

*; Противъ каждой фамиліи въ выноскѣ выставленъ былъ адресъ мѣстожительства.

Совѣтникъ титулярный,
 Въ *сѣтлицѣ темной* и прокладной.
 То-есть нетопленной, лежитъ,
 Вздыхаетъ и дрожить;
 Все на діэтѣ онъ, хотъ есть и аппетитъ,
 Ослѣпъ давно совѣтъ, обремененъ семьею!—
 Есть и еще слѣпецъ одинъ:
 Андреевъ здѣшній мѣщанинъ,
 Осьмидесяти лѣтъ, съ женою,
 Старушкою больною.
 А двѣ несчастныя вдовы: Гринблатъ
 И Пряхина съ дѣтьми—дня по два не ѣдятъ.
 У нихъ есть сыновья большіе, но калѣки.
 О христіане—человѣки!
 Хотъ что-нибудь пришлите въ праздникъ имъ,
 А если можно, и другимъ,
 И вамъ сторицею воздастъ за то Создатель.
 Клянуса честію!—*Издатель.*

Оригинальнѣе другихъ воззваній Измайлова къ благотворительности было слѣдующее, напечатанное въ 1823 году:

Вотъ праздникъ на дворѣ: теперь ко мнѣ найдутъ
 Старушки-вдовушки. Куда отъ нихъ мнѣ дѣться?
 Но утру и пера взять въ руки не дадутъ.—
 «Что, матушка?»—«Да нечѣмъ разговѣться...»—
 „А я такъ, мой отецъ,
 Три дня и печки не топила;
 Ни кашицы, ни щецъ
 Три дня ужъ не варила:
 Хотъ-бы полѣно дровъ..“—„Съ дѣтьми семь душъ всѣхъ насъ;
 Сироточкамъ на хлѣбъ.. Я въ первый разъ;
 Вотъ и свидѣтельство!..“—Ну, что мнѣ дѣлать съ ними?
 Легко раздѣлаться съ ними;
 Другимъ нельзя не дать...
 Нельзя-ли къ празднику хотъ что-нибудь прислать
 Для бѣдныхъ истинно?—Изъ нихъ есть и такіе,
 Которые ко мнѣ не ходятъ, а сидятъ
 Безъ платья на дому, унылые, больные
 И хлѣба иногда дня по два не ѣдятъ!

Къ этимъ стихотворнымъ приглашеніямъ издатель присовокупялъ въ прозѣ, что многіе „изъ бѣдныхъ истинно“ и не придутъ къ нему: чѣмъ кто бѣднѣе, тѣмъ скромнѣе; „но, говорилъ

Измайловъ, издатель не полѣнится самъ, при всей толщинѣ своей, взбираться по худымъ лѣстницамъ къ бѣднымъ на чердаки и не поскучаетъ простоять съ полчаса, согнувшись, въ какомъ-нибудь душномъ подземельѣ. Это самый пріятный и полезный моціонъ. Издатель, пріобрѣвшій втеченіи восьми лѣтъ нѣкоторую опытность по филантропической части, смѣло можетъ увѣрить почтеннѣйшихъ своихъ читателей и читательницъ, что присылаемыя къ нему для бѣдныхъ деньги не будутъ имъ употреблены ни на табакъ, ни на спиртовое.“

Въ такомъ благодушно откровенномъ тонѣ Александръ Ефимовичъ обращался къ своимъ подписчикамъ, и результаты этихъ обращеній были не безуспѣшные—ему удалось втеченіи своего девяти-лѣтняго издательства, получить отъ подписчиковъ болѣе 25,000 рублей.

Отношенія Измайлова къ своимъ подписчикамъ были чисто-патріархальныя, „халатныя“, если можно такъ выразиться. Книжки своего журнала онъ высылалъ имъ какъ случилось или, по его собственному выраженію, „какъ Богъ сподоблялъ“. Иногда подписчики въ концѣ года имѣли у себя всего только 35 или 40 книжекъ, вмѣсто полныхъ 50, и тогда остальные 10 или 15 высылались уже въ слѣдующемъ году по два, по три нумера въ одной книжкѣ, вмѣстѣ съ новыми нумерами. Издатель извинялся въ такой неисправности то тѣмъ, что подошли праздники масляницы, то наводненіемъ 7 ноября 1824 г., то множествомъ служебныхъ занятій издателя по департаменту государственнаго казначейства, то сильной болѣзью, отъ которой вылечилъ его докторъ-другъ, фамилія котораго, съ чинами и орденами, тутъ-же прописывалась. Иногда Измайловъ ссылался и на свои семейныя обстоятельства: то дочку надо было отдавать въ институтъ, то провожать добрыхъ родственниковъ на житье-бытье въ далекую губернію, то, напротивъ, водворять въ Петербургъ провинціальную семью друзей многолѣтнихъ. Подписчики за все это нисколько не сердились; они находились въ тѣсной, патріархальной солидарности со всѣмъ обиходомъ почтеннаго журналиста, рассказывавшаго имъ нерѣдко о всѣхъ своихъ „домашествахъ“ въ стихахъ и прозѣ. Такъ въ 1822 г. онъ приподнесъ имъ рассказъ: „Рыжій конь“, въ которомъ сообщаетъ читателямъ свое горе: его любимый рыжій конь, нѣсколько лѣтъ въ ряду возившій его тучную фигуру,

паль, а этотъ конь былъ подаренъ ему его лучшимъ другомъ... и т. п.

Въ журналѣ Измайлова принимали участіе своими произведеніями нѣкоторые изъ лучшихъ тогдашнихъ писателей, напримѣръ, А. С. Пушкинъ, который, еще лицеистомъ и тотчасъ по выходѣ изъ царскосельскаго лицея, помѣщалъ свои стихотворенія въ „Благонамѣренномъ“. Въ то-же время и позднѣе печатались здѣсь свои стихи А. А. Дельвигъ. Партизанъ-поэтъ Ден. Вас. Давыдовъ въ журналѣ Измайлова напечаталъ свое извѣстное стихотвореніе: „Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?“ и пр. На страницахъ „Благонамѣреннаго“ за разные годы встрѣчаются имена: Евг. Баратынскаго, М. Н. Загоскина, Мих. Вас. Яковлева, Н. И. Хмѣльницкаго, В. А. Берга (морского историка), В. И. Туманскаго, Милонова (даровитаго, но спившагося съ круга стихотворца), П. П. Свиньина, В. Б. Броневскаго, всѣхъ Князевичей (Дмитрія, Александра, Владислава и Николая Максимовичей), Ф. Н. Глинки (стихотворенія и путевыя записки), Вл. Ив. Панаева (идилліи), Аркад. Родзянко, О. М. Сомова, Ник. Вас. Сушкова, профессора Перевощикова, Ив. Ерм. Великопольскаго, профессора Бередникова, профессора Бутырскаго, Платона Ободовскаго, М. А. Бестужева-Рюмина (впослѣдствіи, въ 30-хъ годахъ, издателя „Сѣвернаго Меркурія“), князя Цертелева (одного изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ Измайлова), Алек. Дем. Илличевскаго, Вл. Филимонова (автора „Дурацкаго колпака“ въ 1827 г.), Вас. Олина, Пав. Ал. Межакова, Анастасевича, Александра Бестужева, являвшагося подъ своимъ псевдонимомъ Марлинскаго, — онъ печаталъ въ „Благонамѣренномъ“ свою „литературную кусткамеру“; кромѣ того тутъ-же явились: А. Н. Очкинъ, Б. М. Федоровъ, Вѣтринскій, Алек. и Сем. Висковатовы, Валеріанъ Никоновъ, Егоръ Аладьянъ, кн. П. И. Шаликовъ (много шарадъ, энигмъ и логогрифовъ въ стихахъ). Въ 1820 году было напечатано очень нѣжное посланіе къ И. Е. Великопольскому, написанное Ник. Ник. Анненковымъ, бывшимъ тогда молодымъ капитаномъ гвардіи, который въ недавнее время былъ государственнымъ контролеромъ и потомъ генераль-губернаторомъ ю. з. края, умеръ въ 1866 г. Въ „Благонамѣренномъ“ — же появились въ первый разъ вирши „крестьянина“ Михаила Суханова — стихотворное посланіе его къ славившемуся въ то время крестьянину-стихотворцу Федору Никифоро-

вичу Слѣпушкину, имѣвшему свою мелочную лавку, свой лабазъ и небольшой кирпичный заводъ въ извѣстномъ промышленномъ селѣ Рыбацкомъ, на берегу Невы, за Александровской мануфактурой. Въ ту пору, съ легкой руки Слѣпушкина, награжденнаго россійскою академіею и дешевыми меценатами за свои стихи почетнымъ кафтаномъ и медалью, — явилось не мало крестьянъ-рифмоплетовъ, изъ числа которыхъ Сухановъ и Алипановъ считались корифеями своего рода. Къ счастью, мода на эти безграмотныя стихотворныя словоизверженія скоро прошла, какъ искусственно поддержанная нѣкоторое время ошибочнымъ и безтолковымъ патриотизмомъ такихъ журналистовъ, какъ П. П. Свиньинъ, А. Ф. Воейковъ и отчасти А. Е. Измайловъ, при покровительствѣ и содѣйствіи тогдашняго президента россійской академіи А. С. Шишкова и непремѣннаго секретаря ея П. И. Соколова. Независимо отъ именъ, оставившихъ за собою прочный и не безполезный слѣдъ въ исторіи нашей литературы, страницы „Благонамѣреннаго“ были покрыты безчисленнымъ множествомъ именъ и фамилій его различныхъ корреспондентовъ, страстно любившихъ видѣть свои „статеечки“, какъ они выражались въ своихъ искачительно-почтительныхъ письмахъ къ издателю, напечатанными въ журналѣ, читаемомъ ихъ друзьями, родственниками, знакомыми, а главное, начальниками. Къ числу такихъ, имъ-же имя легионъ, принадлежалъ, и въ особенности ярко выдавался нѣкто Лузановъ, орловскій средней руки помѣщикъ, который съ 1818 г., кажется, втеченіи лѣтъ шести-семи рьяно подвизался въ „Благонамѣренномъ“, и въ прозѣ, и въ стихахъ, и въ переводахъ, и въ оригинальныхъ сочиненіяхъ. Не выходило ни одной книжки безъ того, чтобы на страницахъ этого журнальца не было хоть подъ одною статьею напечатано его имя.

— Человѣкъ онъ драгоцѣнный для журнала, говорилъ о немъ Измайловъ: — дать ему Цшокке повѣсть или Жбуи разсказецъ перевести, — глядь, на другой, много на третій день несетъ, сердечный. И переводить онъ правильно; одного требуетъ, чтобы его фамилія непремѣнно красовалась въ концѣ каждой статьи, даже переведенной. Я оплачивалъ ему его переводы тѣмъ, что печаталъ нѣкоторыя его стихотворенія, басни, триолеты, сонеты, романсики и пр., и пр., также, конечно, всегда съ подписью полного его

имени и фамиліи. Мнѣ это было не безвыгодно, а ему ужь совершенно по душѣ.

Однакожь, обстоятельства заставили Лузанова разстаться съ „Благонамѣреннымъ“.

— Женился онъ, говорилъ Измайловъ, — и вздумалось ему хлопотать о переводѣ на службу. Въ министерствѣ юстиціи отыскалась для Лузанова рука сильная. Эта-то „рука“ и посадила моего разлюбезнаго сотрудника въ качествѣ совѣтника орловской гражданской палаты, однакожь, съ однимъ горькимъ для него и для меня условіемъ: чтобъ далъ новый совѣтникъ подписку не только не печататься нигдѣ въ журналахъ съ своимъ именемъ, но даже и безъ имени. „Если-же до его сіятельства дойдетъ слухъ, что гдѣ-нибудь въ журналахъ твое писанье, говорила министерская „рука“, — то, другъ любезный, не прогнѣвайся: тотчасъ съ мѣста долой, да и безъ прошенія. Но мнѣ князь во всемъ, ты знаешь, до-нельзя милостивъ, но если узнаетъ, что опредѣленный имъ, по моему ходатайству, чиновникъ стихи, что-ли, или романы какіе пописываетъ, да еще ихъ печатаетъ въ журналахъ, смерть какъ на меня прогнѣвится. И то я съ трудомъ уломалъ его сіятельство опредѣлить тебя въ наше министерство: старикъ нашъ видѣлъ не разъ твою подпись подъ многими статьями въ „Благонамѣренномъ“ гдѣ-то у своихъ знакомыхъ, получающихъ этотъ журналъ, и сказалъ про тебя: „Шалопутъ, должно быть: строчить въ журналахъ!“ — Съ этихъ поръ я отъ него ни полстрочки не получалъ. Чудаекъ, боится даже корреспондировать со мною, чтобъ на почтѣ не увидѣли его писемъ съ моимъ контрабанднымъ адресомъ.

II.

Расскажу теперь о моемъ личномъ знакомствѣ съ Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ. Въ первый разъ я увидѣлся съ нимъ въ его квартирѣ въ 1826 году, въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ одно изъ воскресеній я вмѣстѣ съ моимъ дядей отправился къ Измайлову, жившему въ то время на Лиговкѣ, противъ бассейна или пруда, служащаго резервуаромъ каналу, въ трехъ-этажномъ домѣ вуцца Модилова. Домъ этотъ, давно уже прина-

лежащій другому владѣльцу, значительно его перестроившему,— находится на берегу Лиговки, т. е. въ той части, которая прежде принадлежала къ Пескамъ, а теперь составляетъ набережную противъ Песковъ. Александръ Ефимовичъ занималъ квартиру во второмъ этажѣ, куда надобно было взбираться по очень невзрачной лѣстницѣ, свойственной петербургскимъ домамъ, строеннымъ прежними русскими купцами, кажется, безъ всякаго участія дѣльнаго и образованнаго архитектора, почему лѣстница обанчивалась какою-то безобразною стеклянною галлереей. Стекла этой галлерей были зеленовато-мутнаго цвѣта, никогда, повидимому, не мылись, а плитный полъ ея былъ обильно испещренъ голубинимъ пометомъ. Не зная дороги, мы направились къ двери, обитой сильно оборванной, ветхою клеенкою, на которой видѣлась налѣпленная темно-розовая обертка, присущая всѣмъ веленевымъ или „любскимъ“ экземплярамъ журнала „Благонамѣренный“ (невеленевые были въ свѣтлосиней). Очевидно, эта журнальная обертка, вмѣсто мѣдной или форфоровой дощечки, служила указаніемъ; что за эту дверь—квартира издателя и съ тѣмъ вмѣстѣ редакціонная камера и издательская контора. Вдругъ дверь эта настежь отворилась, и мы услышали громогласное восклицаніе: „Гуль! гуль! гуль!“ и тотчасъ въ отвѣтъ на этотъ зовъ со всѣхъ верхнихъ угловъ и съ штукатурныхъ, полуобвалившихся карнизомъ, шума крыльями, полетѣли различныхъ мастей и породъ голуби: бѣлые, сизые съ блестящимъ металлическимъ отливомъ, палево-красноватые и, наконецъ, крапчатые или чубарые и вѣгіе. Высокій, широкоплечій мужчина въ засаленномъ халатѣ съ добродушнымъ видомъ обильно сыпалъ имъ пшено, забирая его пригоршнями съ огромнаго деревяннаго блюда.

— А! милые гости, милости просимъ! привѣтствовалъ насъ великанъ.— Войдите въ комнаты, я сейчасъ къ вашимъ услугамъ: только накормлю моихъ пернатыхъ домохадцевъ. Самъ сію минуту только-что покончилъ съ раннимъ воскреснымъ обѣдомъ, въ одиночествѣ, противъ обыкновенія: жены нѣтъ дома, поѣхала на званый обѣдъ къ роднымъ, у которыхъ завелось бонтонство. Я врагъ всѣхъ этихъ стѣсеній: у меня „щей горшокъ, да самъ большой“, а жеманереи эти, ну ихъ къ чорту!.. Двоюродный братъ, Каменевъ-Любавскій, обѣдаетъ у купца Харичкова... Гуль, гуль, гуль! Да что-же, господа, вы не войдете въ комнаты?

— Продолжайте ваше занятіе, почтеннѣйшій Александръ Ефимовичъ, сказалъ, улыбаясь, мой дядя. — Когда-же вы опорожните все блюдо и сами войдете въ комнату, то мы послѣдуемъ за вами.

— Ахъ! да и впрямь, усмѣхнулся Измайловъ, — приглашаю васъ войти, а мнѣ и не вдомежъ, что я моимъ горолоподобнымъ туловищемъ загораживаю вамъ дверь. Я невольнительно разсѣянь, и если чѣмъ другимъ я не похожъ на французскаго фавулиста, то по разсѣянности я истый русскій Лафонтень.

— Повидимому, замѣтилъ дядя, — это стереотипное свойство хорошихъ баснописцевъ: о разсѣянности Ивана Андреевича Крылова по городу ходитъ такъ много анекдотовъ, что, право, иногда кажется, ужь не напускаеть-ли онъ на себя всѣ эти странности.

— Ни мало, ни мало, говорилъ гобойнымъ, густымъ басомъ Измайловъ, вводя насъ въ свою полутемную прихожую, гдѣ, сколько я могъ замѣтить, царилъ изрядный хаосъ и гдѣ съ тарелокъ, разставленныхъ на связкахъ экземпляровъ „Благонамѣреннаго“, три собаки доѣдали остатки обѣда. Изъ прихожей хозяинъ ввелъ насъ въ желтую трехъ-оконную комнату, служившую залой и столовой; въ этой комнатѣ, на плетеныхъ стульяхъ и подъ стульями, равно какъ на подоконникахъ, валялись связки экземпляровъ журнала. Остановясь здѣсь, Измайловъ продолжалъ:

— Кто знаетъ Ивана Андреевича, какъ знаю его я, тотъ никогда не согласится, что онъ способенъ напускать на себя странности.

— Въ прошломъ году, говорилъ дядя, — Иванъ Андреевичъ презабавно напроказилъ въ павловскомъ розовомъ павильонѣ, обѣдая у вдовствующей императрицы Маріи Федоровны. Онъ явился въ повомъ синемъ фракѣ съ золочеными пуговицами...

— Съ которыхъ, подхватилъ Измайловъ, — забылъ снять бу-мажки, въ какія обернулъ ихъ, по обыкновенію, портной. Знаю, знаю этотъ казусъ! Иванъ Андреевичъ самъ мнѣ его рассказывалъ. Однако, войдите, прошу, въ мой маленькій кабинетъ; я люблю эту горенку съ ея пестрою кафельною печью и съ прелюбезною лежанкою, на которой зимою въ тридцатиградусные морозы сладостно душу отводить, распивая чай до седьмого пота. Ха, ха, ха! Прошу садиться, гдѣ попало: гости будете, какъ говорится.

Кабинетъ освѣщался огромнымъ, во всю стѣну, итальянскимъ окномъ, которое выходило на стеклянную галлерею. У самаго окна стоялъ письменный столъ, уродливо широкій, съ различными шкапчиками и выдвижными ящиками; онъ былъ изъ карельской березы, яркожелтой съ буроватыми крапинками; крытъ онъ былъ черною кожею, очень побурѣвшею и мѣстами оторванною. Множество бумагъ, книгъ, тетрадей и свертковъ лежали на немъ въ хаотическомъ беспорядкѣ. Посреди стола возвышалась бронзовая чернильница съ песочницею, съ облаточнымъ ящичкомъ, съ колокольчикомъ и пр.; но она была пуста; роль же чернильницы исполняла старая помадная банка съ золотыми цвѣточками, роль песочницы играла форфоровая голубая чашка съ отбитою ручкою и съ трещиною. Въ кабинетъ стояли всего два кресла и два стула, всѣ различнаго дерева, т. е. краснаго, орѣховаго, дубоваго, а то кресло, на которомъ возсѣдалъ хозяинъ, было, какъ и столъ, карельской березы. Къ окну были прикрѣплены проволочныя вѣтки съ канарейками, на лежанкѣ же лежала старая грязная замшевая подушка, и на подушкѣ этой, сопя и хрипя, покоилась старая, курносая, брыластая моська, по имени „*Венерка номеръ второй*“, такъ-какъ „*Венерка номеръ первый*“ скончалась тогда еще, когда Александру Ефимовичу было не болѣе пятнадцати лѣтъ.

Обозрѣвъ внимательно комнату, въ которой мы тогда сидѣли и вполне усвоивъ въ моей памяти всѣ ея подробности, я сталъ разсматривать хозяина. Дядя мой въ то время былъ красивый, высокаго роста мужчина, который, по сравненію съ большей частью нашихъ знакомыхъ, всегда казался мнѣ и выше, и саповитѣе другихъ, между тѣмъ теперь, сидя въ креслахъ передъ колоссальнымъ Измайловымъ, онъ мнѣ показался какъ-то несравненно меньше ростомъ, почти маленькимъ: громадность и тяжеловѣсность какъ-бы изъ булыжника выточенныхъ массивныхъ формъ великана Измайлова словно подавляла собою всю внѣшность моего дяди. Въ эту пору Измайлову было лѣтъ около шестидесяти; черные коротко-выстриженные на затылкѣ и на вискахъ волосы, съ довольно, однако, высокимъ кокомъ или тупеешъ, слегка взбитымъ надъ широкимъ лбомъ, сильно серебрились сѣдиною и походили на камчатскій бобровый воротникъ; толстое, широкое, круглое лицо его было изжелта блѣднаго цвѣта, присущаго петербургскимъ чиновникамъ, обладающимъ, какъ одною изъ непремѣнныхъ способностей,

геморроемъ; бакенбарды онъ не носилъ и брился очень гладко, а надъ широкимъ, здоровеннымъ и неуклюжимъ круглымъ носомъ лежали огромные очки въ весьма не тонкой черепаховой оправѣ. Черезъ блестящія стекла этихъ очковъ весело и спокойно, но безъ особенной живости, смотрѣла пара карихъ глазъ, осѣненныхъ длинными вѣками и черезчуръ широкими, въ видѣ бархатныхъ полосокъ, бровями, вскидывавшимися къ верху, когда маловыразительная фізіономія толстяка-гиганта выражала удивленіе или настойчивый вопросъ. При чтеніи, поднося книгу или бумагу близко къ своимъ глазамъ, Измайловъ не снималъ очковъ, какъ-то дѣлаютъ почти всегда сильно близорукіе, а всегда поднималъ ихъ на лобъ. Въ этомъ-то положеніи, съ очками на лбу, его частенько заставляли знакомые, и тогда, по свойственной ему разсѣянности, какою, кажется, онъ даже щеголялъ, Измайловъ суетился, отыскивая свои очки и жалуясь, что онъ потерялъ ихъ. Исторія эта съ очками повторялась очень часто. На улицѣ Измайловъ являлся всегда въ цилиндрической черной шляпѣ, въ длиннополомъ, необыкновенно широкомъ синемъ скюртукѣ съ карманами, оттопыренными книжками, журналами, брошюрами, газетами, рукописями разнаго рода. Этотъ синій скюртукъ Измайловъ носилъ поверхъ форменнаго фрака съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ и съ золочеными гербовыми пуговицами. Широкая красная лента авненскаго ордена видѣлась по краймъ высокаго атласнаго галстуха, поддерживавшаго крѣпко накрахмаленные воротнички рубашки. Теперь-же Измайловъ былъ въ термалановомъ старомъ халатѣ, подвязанномъ какимъ-то гаруснымъ канатомъ съ кистями. Галстухъ былъ снятъ, но алая орденская лента струилась кругомъ шеи, такъ-какъ, по разсѣянности, онъ вмѣстѣ съ галстухомъ забылъ снять свой орденъ. Громадныя ноги его были обуты въ теплые торжковскіе сафьянные сапога.

Вдругъ, во время бесѣды, Измайловъ захопалъ въ ладоши, что у него служило призывомъ прислуги, и вскорѣ явился его любимый слуга, Лукьянъ, до-нельзя растрепанный и пасмурный.

— Принеси-ка, Лукьянушка, промычалъ Александръ Ефимовичъ, — сюда троечку апельсинчиковъ съ тарелочками и ножами, а также кувшинъ квасу и три стакана.

Александръ Ефимовичъ тотчасъ принялся съ какою-то особенною любовью объяснять гигиенически-санитарныя качества своего до-

машняго кваса, приготавлиаемаго стряпухою Февлою подъ личнымъ надзоромъ его супруги, домовитой Катерины Ивановны, увѣряя, что онъ уже раза два на страницахъ своего журнала упоминалъ о достоинствахъ этого кваса и о полезности его употребленія. Разсказъ этотъ былъ прерванъ вторичнымъ появленіемъ Лукьяна, принесшаго потребованные апельсины и квась. Мы съ дядей взяли по апельсину, а амфитріонъ нашъ занялся квасомъ, съ особеннымъ увлеченіемъ, причмокивая и приговаривая: „Что за квась! Нектаръ Олимпъ врядъ-ли-бы съ нимъ сравнялся!..“

Разговоръ отъ кваса перешелъ постепенно на нѣмцевъ, причемъ дядя мой спросилъ, не извѣстны-ли Александру Ефимовичу послѣдніе стихи графа Хвостова насчетъ нѣмцевъ, о которыхъ говорили въ городѣ.

— Графъ написалъ, отвѣчалъ Измайловъ,—на нѣмецкій людъ въ общности и на нѣкоторыхъ нашихъ „фоновъ“ въ частности небольшую сатиру, и, знаете-ли?—шутки въ сторону:—совсѣмъ не омерзительно, какъ большая часть другихъ его твореній, которыя, скрѣпя сердце, я печатаю у себя старику въ утѣху и въ видѣ моего спасибо ему за 50 экземпляровъ моего „Благонамѣреннаго“, на которые онъ подписывается ежегодно, въ видѣ благодарности. Своими деньгами онъ оказываетъ мнѣ нешуточную помощь, потому что хотя бумажная фабрика моей роденьки, Лизаветы Николаевны Кайдановой, ко мнѣ до-нельзя снисходительна, а все-таки графская помощь выходитъ далеко по лишнею. Я вамъ сейчасъ прочту эту сатиру графа Дмитрія Ивановича.

Онъ, дѣйствительно, прочелъ эти 10—15 стишковъ, настолько бойкихъ и острыхъ, что въ нихъ рѣшительно нельзя было узнать творца „Кубры“ съ его мучительными виршами.

— Графъ Дмитрій Ивановичъ шипегъ эпиграммы на всю нѣмечину, съ хохотомъ говорилъ своимъ зычнымъ голосомъ Измайловъ,—а вотъ на него самого у меня есть теперь недурныя эпиграммы. Я ихъ отослалъ Ивану Ивановичу Дмитріеву, который остался ими очень доволенъ: „Изволили смѣяться!..“

— Пожалуйста, прочтите, сказалъ дядя.

— Извольте, усмѣхнулся Измайловъ и наизусть продекламировалъ:

Господь послалъ на Питеръ воду,
А графъ сейчасъ скроналъ и оду.

Пословица не даромъ говорить:

«Бѣда бѣду родить.»

— Или вотъ нумерокъ секунда—спрѣчь второй:

Въ Хвостова притчахъ мы читаемъ, что пѣтухъ,
Въ навозѣ роясь, нашель большой жемчугъ.
Но клада не найдешь такова,
Всѣ притчи перерывъ Хвостова.

— И та, и другая весьма недурны, замѣтилъ дядя. —Бстати, мнѣ Дмитрій Максимовичъ или Александръ Максимовичъ (Бняжевичи) говорилъ, что у васъ, Александръ Ефимовичъ, есть какой-то красный портфель подъ названіемъ „Хвостовіада“, гдѣ хранятся разнаго рода стихотворныя и прозаическія статейки, служащія къ изображенію смѣхотворныхъ дѣяній этого добрыйшаго, правда, но и смѣшнѣйшаго рифмоплета, русскаго Трессотина и Вадіуса.

— Вамъ передали сущую правду, сказалъ Измайловъ, вынимая изъ своего письменнаго стола красный сафьянный портфель, въ видѣ книги in folio, съ золотомъ надписью на политурѣ: „Хвостовіада“. —Здѣсь все, что было печатано о Хвостовѣ или что осталось въ рукописяхъ. Перечитывать все это некогда, возьмемъ что-нибудь на удачу. Вотъ объявленіе, напечатанное въ „Благонамѣренномъ“:

„Потребенъ для отъѣзда въ деревню съ однимъ изъ плодовиѣйшихъ здѣшнихъ стихотворцевъ слушатель лимфатическаго, терпѣливаго нрава и самаго крѣпкаго сложенія. Явиться въ которую-либо изъ книжныхъ лавокъ, гдѣ можно узнать мѣсто жительства стихотворца, дающаго на комиссію во всѣ книжныя лавки свои никѣмъ непокупаемыя снотворныя стихотворенія, которыя потомъ онъ самъ, чрезъ агентовъ своихъ, скупаетъ повсемѣстно и предаетъ огню, чтобы имѣть право начинать новое изданіе“.

— Съ этою шуткою, улыбался Измайловъ, —вышла прекомическая исторія: у плута Матюшки Зайкина, книгопродавца, имѣется меньшей братъ, Мишутка, прозванный „Красноносъ“. Онъ паренъ неглухой, затѣшливый и подчасъ остроумный, только любить черезчуръ съ ромцомъ да съ коньячкомъ чай распивать, почему всегда на какомъ-нибудь взводѣ. Пришло ему въ башку съ этимъ моимъ объявленіемъ послать какого-то приказнаго прощальгу, выпаннаго изъ канцеляріи надворнаго суда, къ Хво-

стову. Эксъ-приказный затеса лся прямо къ графу въ пріемную залу и предлагаетъ свои услуги для слушанія и чтенія стиховъ его сіятельства, не зная, что уже по этой части на всемъ готовомъ содержаніи у графа состоитъ давно бывшій ветеринаръ, семинаристъ Георгіевскій, человекъ, одаренный отъ природы такою силою, что можетъ выдерживать оды графа стиховъ въ тысячу и болѣе. Разумѣется, Георгіевскій постарался отстранить этого приказнаго. Но тотъ не отставалъ и кончилось тѣмъ, что графъ принялъ его къ себѣ; но только онъ недолго блаженствовалъ въ домѣ графа въ Сергіевской: онъ забрался, по оплошности графскаго мундшенка, въ его винный погребъ и упился тамъ изъ боченка, имъ просверленнаго, данцигскою водкою до того, что мундшенекъ нашелъ его тамъ мертвымъ. Когда происшествіе это было доведено до свѣденія графа, онъ выдалъ деньги на приличное для провинціального секретаря погребеніе и, сказавъ: „De mortuis aut bene, aut nihil“, взялся за перо и написалъ что-то въ родѣ элегіи или идилліи на сюжетъ: „Послѣдствія невоздержанія“. Это стихотвореніе, конечно, войдетъ въ новое ежегодное изданіе графскихъ твореній, печатаемымъ книгопродавцемъ Иваномъ Васильевичемъ Сленинымъ, съ похвальными предисловіями таланту графа Дмитрія Ивановича, на деньги, отпускаемыя графскою конторою по аптекарскимъ счетамъ quasi-издателя Сленина, преисправно набивающаго себѣ при этомъ карманъ. Процессъ этого курьезнаго и безцеремоннаго карманонабиванія Сленинымъ очень простъ: во-первыхъ, онъ черпаетъ изъ домовой графской конторы денегъ на потребности изданія гораздо больше, чѣмъ сколько дѣйствительно издерживается на изданіе, а во-вторыхъ, ему-же, Сленину, поручается скупать на счетъ графа всѣ оставшіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры, при чемъ за трудъ ему отходить порядочный кушъ; Сленинъ, конечно, не сжигаетъ эти книги, что было-бы не по-комерчески, а по весьма недорогой цѣнѣ съ пуда продаетъ на оклейку стѣнъ обоими малярныхъ дѣлъ мастерамъ. Ей-богу, я предвижу въ недалекомъ будущемъ тотъ день, когда ловкій Иванъ Сленинъ купитъ на графскія деньги домъ аптекаря Имзена, въ которомъ онъ теперь красиво отдѣлалъ свой книжный магазинъ, посѣщаемый всею литературною братіей.

— Говорятъ, ввернулъ мой дядя, — графъ очень добрый и мягкосердечный человѣкъ.

— Въ доказательство, какъ графъ добръ, пояснилъ Измаиловъ, — скажу вамъ, что въ 1819 году я написалъ-было на него сатирическую сказку: „Смерть и Стихотворецъ“, очень удачную, но не напечаталъ ее по слѣдующему обстоятельству: въ это самое время я получилъ изъ Сибирска отъ Маздорфа, приславшаго мнѣ съ конца 1817 года бездну стишковъ и вучу прозы, часто недурныхъ, письмо съ увѣдомленіемъ, что онъ живетъ безъ мѣста, оставшись за штатомъ, болѣнъ, имѣетъ жену и малютку дочь, едва не умирающихъ съ голоду, да еще погорѣлъ при этомъ. Маздорфъ, зная, что я въ журналѣ моемъ имѣю особую рубрику „Благотворительность“, просилъ, чтобы я оповѣстилъ объ его положеніи, скрывъ его имя. Прежде всего о положеніи Маздорфа я извѣстилъ графа Дмитрія Ивановича; въ это время онъ самъ былъ не при деньгахъ, но тотчасъ-же поѣхалъ въ сенатъ, взялъ въ счетъ своего сенаторскаго жалованья 100 р. и прислалъ ихъ мнѣ съ надписью: „Брату по Христу и Апполону“. Надобно сказать вамъ, что Маздорфа графъ никогда не видалъ. Но вернемся къ своей Хвостовиадѣ.

И Александръ Ефимовичъ снова принялся за чтеніе и прочиталъ нѣсколько рассказовъ, которые тогда же были мною записаны въ сокращенномъ видѣ. Въ рассказахъ этихъ затрогиваются нѣкоторыя извѣстныя лица того времени и выражается характеристика эпохи 20-хъ годовъ въ Петербургѣ. Передамъ изъ нихъ нѣкоторыя, болѣе курьезныя.

I. Въ 1820 году зимою проживалъ въ Петербургѣ вологодскій помѣщикъ и поэтъ тогдашняго закала съ обращеніями къ лунѣ, къ лазоревымъ очамъ, къ утраченнымъ наслажденіямъ и пр., Павелъ Александровичъ Межаковъ. Онъ давалъ обѣды, вечера и ужины всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ корифеямъ столицы, которые у него ѣли, пили и читали свои произведенія. На эти „межаковскіе литературные вечера“, въ числѣ прочихъ, являлся и графъ Д. И. Хвостовъ съ пукомъ стиховъ и обыкновенно съ двумя или тремя своими чтецами, премьеромъ которыхъ, конечно, былъ его любезный Георгіевскій. Разъ, въ то время, когда все обществошло къ ужину, явился славившійся въ то время, а теперь почти совершенно забытый стихотворецъ Мило-

новъ, отличавшійся крайнею невоздержностью къ спиртнымъ напиткамъ. Къ горю чопорнаго хозяина-амфитріона, этотъ пійть явился въ опьяненномъ и сильно экзальтированномъ состояніи. Онъ требуетъ себѣ стаканъ воды, но вмѣсто воды выпиваетъ залпомъ двѣ рюмки кюмеля, дѣлая видъ, что принимаетъ хмѣльной напитокъ за невскую воду. Онъ за столомъ поиѣщается противъ графа и начинаетъ неумѣренно восхвалять добродѣтели сіятельнаго стихотворца, сравнивая его, по сердечнымъ свойствамъ, съ добродѣтельнѣйшими людьми древняго міра. При этомъ Милоновъ, водя глазами вокругъ, заявляетъ, что онъ готовъ стрѣляться съ каждымъ, кто дерзнулъ-бы не раздѣлить это мнѣніе. Тогда графъ съ сконфуженнымъ видомъ говоритъ черезъ столъ Милонову, что онъ заставляетъ его краснѣть и что вообще онъ не любитъ похвалъ себѣ. — „Ну, такъ я удовлетворю скромности вашего сіятельства, восклицаетъ пьяный стихотворецъ, — и заставлю васъ поблѣднѣть!“ И въ самомъ дѣлѣ, графъ скоро сдѣлался ни живъ, ни мертвъ, страшно поблѣднѣлъ, чуть не упалъ въ обморокъ, потому что Милоновъ принялся на чемъ свѣтъ стоитъ поносить всѣ его стихотворенія, изъ которыхъ; владѣя необыкновенною памятью, наизусть приводилъ цитаты и ѣдко ихъ осмѣивалъ съ прибавкою множества совершенно непечатныхъ выраженій. Хозяинъ не зналъ, куда ему дѣться, былъ въ отчаяніи и остался очень доволенъ тѣмъ, что графъ, ссылаясь на позднюю пору и головную боль, уѣхалъ до окончанія ужина, не дождавшійся въ ту пору обычнаго пирожнаго, которое сверху пылало синимъ пламенемъ, содержа въ себѣ ванильное мороженое, и называлось „Везувій на Монбланѣ“. Милоновъ дождался „Везувія“, не коснувшись „Монблана“, захватилъ ложкою пылавшаго араку и затѣмъ свалился подъ столъ. Этотъ случай заставилъ Межакова прекратить свои „парнасскія вечеринки“ въ столицѣ и уѣхать домой.

II. Лѣтомъ 1822 года И. А. Крыловъ съ тогдашнимъ закадычнымъ пріателемъ своимъ М. С. Щулепниковымъ (печатавшимъ бездну стиховъ, довольно остроумныхъ, подъ псевдонимомъ „Усольца“), нанималъ дачу на петергофской или нарвской дорогѣ, очень не далеко отъ городской черты. Къ нимъ почти каждый вечеръ собирались литераторы, большею частью масоны разныхъ ложъ, кажется, въ то время еще существовавшихъ открыто. Распоряди-

телемъ этихъ собраній, гдѣ угощеніе совершалось въ складчину всѣми гостями-братьями, былъ И. А. Крыловъ, прозванный друзьями „Соловьемъ“. Графъ Дмитрій Ивановичъ, пронюхавъ объ этихъ сборищахъ, члены которыхъ читали свои произведенія, настрочилъ огромную оду подъ заглавіемъ: „Пѣвцу-Соловью“ и поѣхалъ на дачу; въ этотъ день тамъ былъ между прочими гостями и В. А. Жуковскій. Графъ былъ впущенъ въ залу собранія послѣ того, какъ онъ формально объявилъ о своемъ желаніи быть членомъ общества и внесъ, въ качествѣ члена, на общественныя издержки 25 руб. Затѣмъ графъ просилъ позволенія прочесть оду свою „Пѣвцу-Соловью“. — „Сколько строфъ или вѣплетовъ?“ спросили его. — „Двадцать“, отвѣчалъ онъ и сталъ читать. Только-что окончилъ онъ первую строфу, какъ раздались рукоплесканія. Онъ хотѣлъ начать вторую, но ему не дали читать и продолжали аплодировать. Графъ сконфузился. Одинъ изъ членовъ объяснилъ ему, что если при чтеніи аплодируютъ, то читающій долженъ, по уставу, купить бутылку шампанскаго (которое продавалось тогда не дешевле 10 р. асс. за бутылку). Такимъ образомъ, эта „поэтическая экскурсія“ обошлась графу въ какихъ-нибудь 200 р. асс., и онъ закаялся ѣздить на дачу петергофской дороги, гдѣ хозяйничалъ „Пѣвецъ-Соловей“, — „разбойникъ“, какъ тихомолкомъ впослѣдствіи онъ называлъ этого хозяина, такъ негостепріимно обратившагося съ своимъ воспѣвателемъ.

III. Въ 1822 году Булгаринъ издавалъ свой „Сѣверный Архивъ“ и въ это самое время, познакомившись съ графомъ Хвостовымъ и имѣя дѣло, производившееся въ сенатѣ, просилъ графа замолвить слово, съ передачею записки, какому-то вліятельному сенатору. Графъ исполнилъ желаніе Булгарина и сказалъ ему, что онъ радъ все для него сдѣлать. „Пожалуйста, прибавилъ онъ, вы по этому поводу не стѣсняйтесь и не церемоньтесь со мною. Если пришлютъ къ вамъ какія-нибудь на меня критики, — печатайте; я не буду въ претензіи“. — „А похвалы, ваше сіятельство, дозволите также печатать?“ спросилъ вкрадчиво Булгаринъ. — „Лишь-бы справедливыя“, замѣтилъ графъ. Булгаринъ въ этотъ день возвратился къ себѣ на квартиру почти ночью, — онъ обѣдалъ въ гостяхъ и провелъ вечеръ въ театрѣ. Ему подають пакетъ, онъ распечатываетъ и находитъ панегирикъ произведені-

яшъ графа Хвостова въ самой бурсацкой прозѣ съ собственно-ручными поправками его сіятельства.

IV. Графъ Хвостовъ пожертвовалъ нѣсколько сотъ экземпляровъ своей поэмы на наводненіе, подъ названіемъ: „Потопъ Петрополя, 7 ноября 1824 года“, въ пользу американской компаніи. Всѣ эти экземпляры были правленіемъ компаніи отосланы на островъ Ситху „для дѣланія патроновъ“.

— До нынѣшняго года, говорилъ Измайловъ, — или, лучше, до кончины графа Милорадовича въ концѣ прошлаго года, графъ Дмитрій Ивановичъ очень косился на меня за то, что я свою эпиграмму на покойнаго устроителя Екаторингофа, старался всѣмъ выдавать за будто-бы написанную графомъ Хвостовымъ. Эпиграмма ему нравилась, но онъ побаивался графа Милорадовича и вовсе не желалъ быть въ непріятныхъ отношеніяхъ съ генераль-губернаторомъ столицы. Когда Милорадовича не стало, то графъ Дмитрій Ивановичъ сталъ посмѣлѣе и на ухо направо и налѣво читалъ мою эпиграмму за свою.

— Я что-то не слышалъ этой эпиграммы, Александръ Ефимовичъ; прочтите-ка ее, сказалъ мой дядя.

Измайловъ прочелъ на память:

Строителя забавъ не любятъ, видно, музы;
Его несчастливы съ Харитами союзы:
Что онъ ни затѣвалъ,
То все вода снесла или огонь пожралъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ Измайловъ, — до разоренія Екаторингофа наводненіемъ графъ Дмитрій Ивановичъ въ стихахъ высокопарно привѣтствовалъ графа Милорадовича. Онъ пѣлъ, между прочимъ:

Герой въ чертогахъ Мнемозины,
Носитель мирнаго вѣнца
Петровой у подножья славы,
Онъ здѣсь устроилъ намъ забавы
И всѣхъ обрадовалъ сердца.

— Какова громкая чепуха! Однакожь, кто-то изъ театраль-ныхъ льстецовъ графа Милорадовича положилъ эту рифмованную ерунду на ноты, и бѣдныя воспитанницы театральной школы должны были распѣвать ее на сценѣ учебнаго театра въ присутствіи своего сіятельнаго попечителя, пригласившаго на этотъ вечеръ и Хвостова. Кстати изъ моей Хвостовіады я вамъ не представилъ еще самой

лучшей ягоды. Слушайте. Въ 1822 г. *первое апрѣля* было какъ-разъ на страстной недѣлѣ. Въ пятницу, т. е. 30 марта, зашелъ ко мнѣ третій Княжевичъ, Владиславъ, мой сослуживецъ, превеселый малый, заставшій меня за чтеніемъ новыхъ стиховъ графа Хвостова и помиравшаго со смѣха отъ сочетанія невозможныхъ рифмъ издѣлія графа Дмитрія Ивановича. — „Вы можете умереть отъ такого смѣха, и на душѣ графа будетъ ваша смерть“, сказалъ мнѣ Владиславъ Максимовичъ. Это дало намъ обоимъ идею устроить *первое апрѣля* его сіятельству, и вотъ мы тотчасъ достали въ бумажной лавочкѣ траурный бланкъ похороннаго билета съ эмблемами смерти и погребенія и при помощи маленькой ручной типографіи, бывшей въ распоряженіи Княжевича, напечатали билетъ надлежащаго похороннаго содержанія отъ имени моей жены Катерины Ивановны, приглашавшей *первоапрѣля* его сіятельство графа Дмитрія Ивановича на выносъ тѣла и погребеніе супруга ея Александра Ефимовича Измайлова. Билетъ этотъ, въ конвертѣ, за черною печатью, былъ отвезенъ на домъ къ графу въ 6 ч. утра въ субботу. Извѣстіе это чрезвычайно огорчило графа. Онъ тотчасъ отправилъ ко мнѣ на домъ нарочнаго, чтобъ узнать, въ которомъ часу выносъ, такъ-какъ въ билетѣ упущенъ почему-то часъ. Разумѣется, посланный вернулся къ графу съ извѣстіемъ, что А. Е. Измайловъ живъ и самъ велѣлъ сказать графу, что выноса его не будетъ сегодня, потому что онъ совершаетъ выходъ въ Гостиный дворъ для покупки тамъ гостинцевъ на праздникъ своимъ дѣткамъ. Часа черезъ два или три послѣ этого Хвостовъ прислалъ мнѣ съ „паквильнымъ“ похороннымъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ, билетомъ дружеское посланіе, славу-богу, не въ стихахъ, а въ прозѣ, въ которомъ и не подозрѣвалъ, что этотъ билетъ принадлежалъ моему изобрѣтенію.

III.

Черезъ нѣсколько дней Александръ Ефимовичъ обѣдалъ у дяди, гдѣ жилъ и я; вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ у насъ Николай Ивановичъ Стрѣвъ (отецъ извѣстнаго композитора). Стрѣвъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, хотя это не помѣшало ему въ 60-хъ годахъ умереть на

петербургской мостовой отъ запыя и нищеты. Николой Ивановичъ Сѣровъ былъ знакомъ чуть-ли не совсѣмъ Петербургомъ, и хотя Александръ Ефимовичъ Измайловъ жилъ очень замкнуто, онъ и его зналъ нѣсколько. Въ этотъ день, какъ теперь помню, мы обѣдали на терасѣ дядиной дачи, обращенной къ довольно роскошному цвѣтнику и окруженной сиренями бѣлыми и лиловыми, бывшими тогда въ цвѣту. Когда Измайловъ, утомленный ѣздой на тряскихъ извозничьихъ дрожжахъ, вполне отдохнулъ, удовлетворивъ своему аппетиту, голоду, жаждѣ и вкусу ботвиньей съ лососиною и разными другими яствами, запитыми нѣсколькими рюмками вина, онъ сдѣлался разговорчивѣе и, между прочимъ, сказалъ, обращаясь къ моему дядѣ:

— Когда вы были у меня, мы почти всю нашу бесѣду посвятили толкамъ о графѣ Хвостовѣ, которому, я думаю, икалось въ этотъ день такъ, что съ старичкомъ могъ-бы и обморокъ причиниться. Но, однако, я вспомнилъ, что изъ всей „Хвостовіады“ мы не вынули одной надписи къ будущему моему надгробному памятнику, какую онъ нашелъ нужнымъ прислать мнѣ вслѣдъ за первоапрѣльской шуткою съ моимъ погребеніемъ. Вотъ это надгробіе:

Подъ камнемъ сямъ лежитъ Измайловъ журналистъ
И фабулистъ!

Писалъ стишки онъ въ часъ досуга;
Оставилъ басенокъ довольно, эпиграммъ,
Но музою себѣ найти не могъ онъ друга
И былъ писатель не для дамъ.

— Последнюю строку графъ заимствовалъ у А. Ф. Воейкова изъ его „Дома сумасшедшихъ“.

— Припоминается мнѣ, замѣтилъ Сѣровъ, составлявшій маленькимъ ростомъ и подвижностью своей фигуры рѣзкую противоположность съ колоссальнымъ Измайловымъ, — что, кажется, въ томъ-же 1822 году графъ Дмитрій Ивановичъ далъ въ вашъ журналъ нѣсколько „Надписей къ портретамъ“, объяснивъ въ письмѣ, тутъ-же вами напечатанномъ, что онъ намѣренъ издать еще томъ своихъ сочиненій, составивъ его изъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя, какъ онъ забавно выразился, „и нынче кажутся нѣсколько затѣйливыми“. Вы, Александръ Ефимовичъ, не замедлили воспользоваться откровенностью графа и тутъ-же заявили

съ ироніей, понятной мало-мальски догадливому читателю, что съ этихъ поръ вы станете помѣщать въ своемъ журналѣ эти стихотворенія извѣстнаго стихотворца, который самъ находитъ ихъ *затѣливыми*, чѣмъ надѣетесь привлечь особенное вниманіе публики къ своему журналу, что, въ свою очередь, сильно разовьетъ подписку на него, деньги въ вамъ посыпятся и вы купите тотъ каменный домъ купца Модина, въ которомъ теперь жительствоете.

— Ха-ха-ха! грохоталъ Измайловъ, — какая удивительная память у этого крошки Сѣрова! Правда: малъ золотникъ, да дорогъ!

— Забавнѣе всего, вставилъ мой дядя, — что чудакъ графъ не появлъ насмѣшки, воля ваша, шитой бѣлыми нитками; онъ самъ говорилъ мнѣ, что будетъ очень счастливъ, если Александръ Ефимовичъ сдѣлается богачемъ и домовладѣльцемъ съ легкой руки его стихотвореній.

— Да, мастеръ Александръ Ефимовичъ, замѣтилъ Сѣровъ, — мистифицировать этого напудренного старика-метрмана! Я какъ сейчасъ помню его неподражаемую критику на „Басни графа Хвостова“, въ которой онъ, подъ видомъ высокихъ совершенствъ, выписываетъ изъ басенъ самыя нелѣпыя мѣста и съ восторгомъ распространяется, какъ о высокомъ совершенствѣ, разумѣется, съ цѣлью посмѣшить читателя...

— Пора намъ, господа, докторально забасилъ Измайловъ, — оставить въ покоѣ добрѣйшаго графа Дмитрія Ивановича и позаняться, наприимѣръ, почтеннымъ Фаддеемъ Венедиктовичемъ Булгариннымъ, сплетникомъ первѣйшаго разряда.

— Да, если желаете, чтобы узналъ весь городъ, скажите только Булгарину — вездѣ разблаговѣститъ, замѣтилъ Сѣровъ. — Я только-что слышалъ новую эпиграмму на него барона Дельвига. Вотъ она:

Фаддей французовъ билъ, какъ коренной русакъ,
А на испанцевъ шелъ онъ въ арміи французской,
Ругаль онъ русскихъ, какъ полякъ,
А поляковъ ругаль, какъ русскій.

— Ну, пробасилъ Измайловъ, — эта эпиграмма не изъ новѣйшихъ: я давно послалъ ее въ копіи И. И. Дмитріеву, которому вчера послалъ уже другую, болѣе современную эпиграмму барона Дельвига:

Ех nihilo nihil Фаддей,
 И судить и рядить людей,
 Онъ логикой храмлетъ, въ граматикѣ бродитъ,
 Бросая журнальную пыль,
 И все, что напишетъ, выходитъ
 Ех nihilo — гель!..

— Еще мѣтче, продолжалъ Измайловъ, удалось стрѣльнуть въ Булгарина малюткѣ Борису Федорову, который пишетъ иногда недурные стихи, хотя Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и сказалъ, что „эпиграммы Борьки сладки, мадригалы горьки, а вообще стихи гадки“. — Я помню наизусть эту эпиграмму:

Фаддей здѣсь издаетъ «Листки»,
 Въ Варшавѣ издавалъ «Свистокъ».
 Его свистокъ пустой листокъ,
 Его листки ему свистки!

— Bravo! bravo! въ одинъ голосъ сказали мой дядя и Сѣровъ, который прибавлялъ:—кто-бы могъ заподозрить такую прыть въ „Карликовѣ Борькѣ“, какъ прозвалъ его Александръ Сергѣевичъ.

— Изъ всѣхъ вашихъ эпиграммъ и сатирическихъ сказокъ, почтенный Александръ Ефимовичъ, по моему мнѣнію, заговорилъ мой дядя, обращаясь къ Измайлову, — лучше всѣхъ сказка ваша, направленная на моего хорошаго знакомаго и даже пріятеля. Павла Петровича Свиньина, подъ заглавіемъ: „Павлушка, мѣдный лобъ“. Онъ человѣкъ добрый и честный, но его „квасной“ патриотизмъ, какъ справедливо называетъ этотъ патриотизмъ Полевой, заходитъ за всѣ предѣлы. Напримѣръ, наводненіе само по себѣ надѣлало не мало чудесъ, но Свиньину ихъ показалось мало, и онъ постарался ихъ „прикрасить“, и въ описаніи его, напечатанномъ въ 11 книжкѣ его „Отечественныхъ Записокъ“ 1824 года, вода на крышу одной *хижины* на курьихъ ножкахъ поставила цѣлый гальотъ, а между тѣмъ та-же вода въ самой хижинѣ не *дошла на поolverшка до печи*; изъ печи-же выплылъ горшокъ съ картофелемъ, вышелъ въ окно и пошелъ странствовать по всей Невѣ.

— Мало-ли, широко улыбался Измайловъ, — „миленькій“ (такъ Свиньинъ любитъ звать всѣхъ своихъ короткихъ знакомыхъ) Павелъ Петровичъ въ своей жизни нагаль, но лжетъ онъ благодушно и безвредно. А вотъ не терплю я ядовитости

этого, Полевого, недавно явившагося въ литературѣ на общее горе и бѣду. Умень, шельма, и золь, какъ змѣя лютая!.. Недавно онъ дьявольски отработалъ въ своемъ „Телеграфѣ“ или въ „Бомбайской Каланчѣ“, какъ называется этотъ журналъ князь Шаликовъ, изданный мною съ Владиміромъ Ивановичемъ Измайловымъ, моимъ однофамильцемъ, альманахъ „Календарь Музъ“. И за что-бы вы думали? За то, что тамъ напечатана статья: „Вблизи и издали“, гдѣ, между прочимъ, говорится объ издателѣ статистическаго и археологическаго журнала. Авторъ статьи имѣлъ въ виду Булгарина и его „Сѣверный Архивъ“, а Полевой воображилъ, что эта статья направлена противъ него. Не будь-же этого, все-бы обстояло благополучно и нашъ альманахъ не былъ-бы обруганъ „Телеграфомъ“.

— Гдѣ люди, тамъ и зло! наставительно-карикатурно возгласилъ крошка-Сѣровъ.—А все-таки нельзя не сказать, что „Телеграфъ“ лучшій у насъ журналъ, какого еще не бывало у насъ на Руси... Кстати, перемѣнивъ разговоръ, сказалъ Сѣровъ, зная, какъ не любить Александръ Ефимовичъ похвалъ Полевому. — Недавно у Дорогомыжскихъ мнѣ рассказывали, что какъ-то зимою въ прошломъ, кажется, году вы, Александръ Ефимовичъ, явились преинтересною маскою, въ видѣ „Полярной Звѣзды“, у нихъ на вечерѣ. Не расскажете-ли вы намъ подробности этого вечера?

— Охотно расскажу этотъ юмористично-маскараднй эпизодъ изъ моей жизни, отозвался весело Александръ Ефимовичъ.—Дѣло въ томъ, что зимою 1824 года за обѣдомъ у издателей „Полярной Звѣзды“ я далъ торжественное слово Булгарину сдѣлать его безсмертнымъ. Но прежде, чѣмъ совершить казнь, я хотѣлъ заставить Фаддея съ братією вытерпѣть рядъ разнообразныхъ юмористическихъ пытокъ, въ упованіи, что когда дойдетъ до послѣдняго удара сѣкиры, всѣ эти господа волею-неволею отрекутся отъ своего, брошеннаго ими на вѣтеръ, мнѣнія, что „Благонамѣренный“ забавенъ только для своего круга. Для этого я не пренебрегалъ никакими случаями, чтобъ Фаддея съ Орестомъ Сомовымъ, бывшимъ моимъ сотрудникомъ, а теперь критиканомъ „Литературныхъ Обозрѣній“ въ „Полярной Звѣздѣ“, представить въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Однимъ изъ такихъ случаевъ былъ въ Москвѣ маскарадъ на святкахъ въ домѣ моихъ друзей и кумовъ,

Дорогомыжскихъ, куда каждый изъ гостей долженъ былъ явиться въ какомъ-нибудь характерномъ костюмѣ. Я избралъ своимъ костюмомъ „Полярную Звѣзду“. Я надѣлъ на себя пестрое арлекинское платье, само собою разумѣется, нарочно по моему словесному росту шитое театральнымъ костюмеромъ Натѣе. На грудь и на спину я прицѣпилъ себѣ двѣ громадныя звѣзды изъ серебряной бумаги, по крайней мѣрѣ, по аршину въ діаметрѣ каждую. На арлекинской шапочкѣ торчала у меня маленькая серебряная звѣздочка. Къ поясу прикрѣпленъ былъ *фонарь критики*—дѣтскій игрушечный барабанъ съ яркою надписью:

«Ахъ! лучше барабанъ поэта,
Чѣмъ сильный критика свистокъ!»

— Это стихи Туманскаго, напечатанныя имъ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года. Войдя въ залу, я забилъ въ барабанъ и потомъ сказалъ экспромтомъ краткую рѣчь, въ которой всѣ выраженія были заимствованы изъ сомовскаго обзора русской словесности. Ко мнѣ присталъ какой-то гномъ съ громаднымъ букетомъ цвѣтовъ въ портбукетѣ изъ сахарной бумаги съ надписью сусальнымъ золотомъ: „Сѣверные Цвѣты“. Этотъ гномъ заговорилъ со мною языкомъ нашихъ модныхъ романтиковъ. Я подхватилъ его фразы и давай толковать и верить и вкось о литературѣ, превознося въ самомъ каррикатурномъ видѣ нѣкоторыхъ современныхъ знаменитостей и въ томъ числѣ лающего критика-юмориста, въ которомъ, безъ упоминанія имени, всѣ узнали издателя „Волшебнаго Фонаря“, „Листковъ“ и нынѣшняго сотовариша Греча по изданію „Сѣверной Пчелы“. Гномъ постоянно ловко и удачно отвѣчалъ мнѣ. Всѣ думали, что мы сговорились, но я только черезъ недѣлю узналъ, кто былъ этотъ гномъ, такъ мастерски подававшій мнѣ реплику. Это былъ молодой поэтъ и одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, Чеславскій, переводившій Федру послѣ Лобанова и не въ примѣръ лучше его. Описаніе этого маскарада я находилъ неудобнымъ напечатать въ „Благонамѣренномъ“ и послалъ очень подробную статью о немъ въ „Вѣстникъ Европы“. Издатель, Михаилъ Трофимовичъ Кочановскій, отвѣчалъ мнѣ необыкновенно любезнымъ письмомъ, но статьи не напечаталъ. Булгарина, видите-ли, трогать ему не приходилось по пословицѣ: „воронъ ворону глаза не выклюнетъ“; очень ужъ они симпатизи-

ровали другъ другу и если случались иногда журнальные выстрѣлы одного по другому, то холодные, только для видимости.

— Чтобъ не забыть, любезнѣйшій Александръ Ефимовичъ, сказалъ мой дядя, — вчера я ѣздилъ въ садъ Ганина вмѣстѣ съ племянникомъ и мы вынесли оттуда презабавныя впечатлѣнія. Вы, Николай Ивановичъ, обратился онъ къ Сѣрову, — можетъ быть, не видѣли этого петербургскаго чудища, созданнаго полусумасшедшимъ Егоромъ Федоровичемъ Ганинымъ съ непремѣнною цѣлью на весьма небольшомъ пространствѣ соединить всѣ прелести царскосельскаго, гатчинскаго и петергофскаго садовъ, что онъ и воспроизвелъ, но въ такой карриатурѣ, которая превосходитъ всякое воображеніе. Довольно сказать, что живыхъ звѣрей гатчинскаго и царскосельскаго звѣринцевъ этотъ эксцентрикъ замѣнилъ коллекцію деревянныхъ, почти въ натуральный ростъ, куколъ. Умора!

— Какъ-же истому петербуржцу, отвѣтилъ Сѣровъ, — не видать ганинскаго сада. Самъ Ганинъ съ своимъ эксцентричнымъ садомъ и драмами сдѣлался какою-то забавною необходимостью для читателей „Благонамѣреннаго“. Признаюсь, сперва я было-думалъ: „ну, не одобровать Александру Ефимовичу съ этими каррикатурными расхваливаніями какъ сада, такъ и литературныхъ изліяній купца Ганина. Мнѣ сдавалось, что публикѣ опротивѣетъ смѣяться надъ этимъ самодурствомъ, достойнымъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ смѣха. Но я ошибся: російская публика находитъ усладу въ глумленіи надъ такимъ мономаномъ, какъ Ганинъ, котораго Александръ Ефимовичъ, посредствомъ вымышленныхъ писемъ, сочиненныхъ въ домѣ Модина на Пескахъ и будто-бы присланныхъ кѣмъ-то изъ Парижа, могъ увѣрить, что его глупыя драмы переведены на французскій языкъ и играютъ въ окрестностяхъ Парижа у вымышленной маркизы де-Буланжъ, гдѣ на сценѣ поется въ честь его слѣдующій куплетъ, сочиненный какииъ-то де-Сент-Анжемъ:

„Vive, monsieur Ganin!
 Qui possede un beau jardin!
 Enfin
 Nous avons son drame Lubin.
 Qu'il est beau! Qu'il est beau!
 Et d'un genre tout nouveau!“

— И неужели чудакъ этому повѣрить? спрашивалъ я себя, когда прочелъ всю эту исторію въ „Благонамѣренномъ“, сказалъ дядя. — Но вчера, познакомясь лично съ этимъ замѣчательнымъ самодуромъ, я убѣдился, что онъ до такой степени самоувѣренъ и влюбленъ въ себя, до какой, вѣроятно, не доходилъ еще ни одинъ самый нелѣпый человѣкъ. Онъ самъ сталъ рассказывать мнѣ о парижскихъ успѣхахъ, созданныхъ воображеніемъ Александра Ефимовича и продекламировалъ приведенный вами куплетъ, произнося французскія слова совершенно по-русски. Впрочемъ, есть печатное доказательство, что Ганинъ вполне вѣритъ всѣмъ издѣваніямъ надъ нимъ Александра Ефимовича, это—статья его подъ заглавіемъ „Гласъ справедливости“, напечатанная въ „Благонамѣренномъ“ въ 1820 году, гдѣ онъ поретъ страшнѣйшую, образцовую дичь и приводитъ въ примѣръ своихъ достоинствъ. какъ переводы своихъ драмъ на французскій языкъ, такъ и этотъ куплетецъ, составленный въ кабинетъ Александра Ефимовича такимъ-же, какъ и онъ, шутникомъ, бывшимъ его сотрудникомъ, а нынѣшнимъ какъ-бы врагомъ, Орестомъ Михайловичемъ Сомовымъ.

— Все это, заявилъ Измайловъ съ напускною серьезностью, — совершенно справедливо или, какъ выражается непремѣнный секретарь нашей „россійской“ академіи, Петръ Ивановичъ Соколовъ, „доскональная истина“. Но все-ли вы видѣли въ ганинскомъ, конечно, небольшомъ, но заключающемъ все на свѣтѣ саду? Тамъ есть деревья разныхъ родовъ, цвѣты живые и искусственные, болъшею частью съ вербъ Гостиного двора, овощи (лукъ, огурцы, картофель, капуста и пр.), дорожки, скамейки, гроты, пещеры, бесѣдки, кіоски, павильоны (особенно замѣчательнъ тотъ, на дверяхъ котораго надпись: „незачѣмъ далеко, и здѣсь хорошо“), фонтаны, бюстіе не ниже аршина, пруды не меньше двухъ-трехъ саженой въ квадратъ, корабли съ вооруженіемъ, мосты, горы, попугаи, кролики, канарейки, золотыя рыбки въ вазахъ, качели десяти родовъ, кегли, памятники, крѣпость съ пушками и солдатами и казематами, изъ которыхъ въ одномъ сидитъ Лютеръ, въ другомъ ворожея, подземелье съ львами, бюсты и статуи алебастровыя, чугуныя и мраморныя, изображающія разныхъ языческихъ боговъ и великихъ мужей и женъ древности. Добрый

хозяинъ позволяетъ всѣмъ гулять въ своемъ саду, на заднихъ воротахъ котораго замѣтили-ли вы надпись?

— Какъ не замѣтить, смѣясь, отвѣчалъ дядя.—Надпись эта гласить: „Для добрыхъ и честныхъ и безъ собакъ“.

— А я, добавилъ Сѣровъ, — видѣлъ и другую надпись на огромной зеленой доскѣ противъ оконъ дома и терасы, на которой такъ много канареекъ. Мнѣ говорили, что надпись эту сочинилъ главный чтець и слушатель графа Хвостова—Георгіевскій. Къ сожалѣнію, я позабылъ ее.

— Я такъ счастливѣе васъ, замѣтилъ Измайловъ,—я помню ее хорошо, я напечаталъ ее въ моемъ журналѣ; вотъ она:

Армидины сады позтамъ лишь извѣстны,
И только видимъ мы у Тасса ихъ въ стихахъ;
Но садикъ Ганина, по истинѣ, чудесный,
У насъ не въ басняхъ: онъ у každого въ глазахъ.

Эта надпись возбудила и во мнѣ чувство соревнованія, почему и я настрочилъ четверостишіе:

О, чудный въ свѣтѣ вертоградъ!
Похвалъ достойный Ганинъ садъ!
О! драма русская «Любимъ»,
Гордися авторомъ своимъ.

— И эту надпись, сказалъ мой дядя, — Егоръ Федоровичъ изобразилъ на огромной алой доскѣ серебряными буквами, а подъ нею написалъ: „Сочинялъ фабулистъ-журналистъ, статскій совѣтникъ и двухъ орденовъ російскихъ кавалеръ, Александръ, Ефимовъ сынъ, Измайловъ“.

— Вотъ оно что! замычалъ Александръ Ефимовичъ,—почтенный творецъ Любима, Джэна или Ивана, Эльвиры или Розы, Валерьяна и пр. и пр., опубликовалъ и меня. Спасибо, что сказали: завтра-же пошлю парочнаго съ письмомъ къ Егору Федоровичу и попрошу приписку ту замазать немедленно суриковомъ или кинноварью.

— А скажите, Александръ Ефимовичъ, спросилъ Сѣровъ,—кто подъ псевдонимомъ „Любителя изящнаго“ описалъ въ вашемъ журналѣ садъ Ганина? По-моему, это въ своемъ родѣ мастерское произведеніе, если авторъ имѣлъ цѣлью представить садъ этотъ въ карикатурѣ.

— Авторъ, отвѣчалъ Измайловъ,—цѣли этой вовсе не имѣлъ

и имѣть не могъ, по весьма простой причинѣ, такъ-какъ сочинилъ это стихотворное описаніе самъ владѣлецъ сада Ганинъ и, конечно, никто кромѣ его, даже при всемъ желаніи написать какъ можно каррикатуриѣе, не употребилъ-бы тѣхъ выраженій, какими изобилуетъ это произведеніе. Кто-бы могъ придумать такія фразы: „Когда я вступилъ въ садъ ногою, тогда уже были послѣдніе лучи солнца“ и пр., или—„алебастровая дѣвушка съ жалкимъ видомъ и съ слезою на щекѣ“, или „двѣнадцать большихъ оконъ дѣлаютъ великій свѣтъ“, или „оставляя все *вышеознаменованное*“, или „половинчатый свѣтлый гротикъ съ половинчатымъ куполомъ“, и пр., и пр., и пр. Нѣтъ, господа, какъ ни усиливайтесь, а, комизма ради, не придумаете такихъ прелестей! Самъ-же Ганинъ прописалъ все это отъ души и, заставивъ всѣхъ васъ хохотать до слезъ, остается въ полномъ убѣжденіи, что онъ не насмѣшилъ васъ, а привлекъ къ своему саду ваше любопытство и удивленіе. И овцы цѣлы, и волки сыты. Ха, ха, ха!

— Вамъ, господа, продолжалъ Измайловъ,—конечно, извѣстны всѣ прелести драматическихъ произведеній Ганина. Они послужили на пользу нашего маленькаго „Общества любителей наукъ и словесности“, которое каждый разъ избираетъ меня президентомъ своихъ собраний, когда почему-либо Дмитрій Максимовичъ Бняжевичъ не занимаетъ тамъ своего президентскаго кресла. Дѣло въ томъ, что Ганинъ, упоенный восторгомъ отъ своихъ литературныхъ невозможностей, присталъ ко мнѣ съ просьбою сдѣлать его членомъ нашего общества. Я объявилъ ему, что если онъ дастъ формальную подписку въ томъ, что ежегодно будетъ вносить по 1,000 р. асс. въ годъ, то непременно будетъ назначенъ „экстраординарнымъ“ (какихъ, впрочемъ, у насъ никогда не бывало) членомъ. И что-же? Ганинъ съ восторгомъ согласился и вносить ежегодно въ кассу нашего общества по 1,000 р., что, разумѣется, значительно увеличиваетъ наши небольшія средства; къ тому-же вкладъ этотъ онъ вноситъ отъ имени „неизвѣстнаго“. Я увѣрилъ его, что иначе наше общество будетъ лишено высокаго наслажденія со временемъ возложить на его голову лавровый вѣнокъ, какъ воздаяніе заслугамъ. Конечно, онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ наступленія этого времени и въ ожиданіи исправно вноситъ деньги. Благодаря этимъ деньгамъ, общество

можетъ больше выдавать пособій немнущимъ писателямъ, ученымъ, учителямъ и прочимъ труженикамъ умственного труда. Съ 1818 года мы роздали болѣе 30,000 рублей.

— Однако, Александръ Ефимовичъ, сказалъ дядя, — Ганинъ можетъ, пожалуй, надѣлать вамъ не мало хлопотъ, если захочетъ публично читать свои драматическія и инныя произведенія въ собранія вашего общества!

— Противъ такого казуса, широко улыбаясь, отвѣчалъ Измайловъ, — мною придуманы должныя мѣры предосторожности: я увѣрилъ довѣрчиваго Ганина, что публичное чтеніе его драмъ въ собраніяхъ нашего общества можетъ значительно умалить успѣхъ ихъ въ публикѣ, потому что члены непремѣнно запишутъ въ свои памятные книжки эти творенія, конечно, съ довольно грубыми ошибками, и затѣмъ въ такомъ уродливомъ видѣ распространять ихъ по городу. Ганинъ и этому повѣрилъ и благодарилъ меня за предостереженіе, приговаривая: „Вотъ дурака нашли! Нѣтъ, меда не проведутъ. Ни за что не стану читать. Тамъ у васъ на пять членовъ два непремѣнно моихъ завистника, которымъ какъ нельзя больше съ руки всякій вредъ мнѣ и моимъ произведеніямъ: они мнѣ напаостятъ! Пусть они лучше читаютъ мои сочиненія въ моихъ изданіяхъ вмѣстѣ со всею публикою, которая мнѣ рукоплещетъ вслѣдъ за нашими журналистами, отъ души меня уважающими, и отлично раскупаетъ мои книжки одна за другою“¹⁾.

Вообще Ганинъ служилъ постоянной цѣлью насмѣшекъ Измайлова; его личность и его произведенія давали богатый матеріалъ для смѣхотворныхъ статей, которыми наполнялъ свой журналъ Александръ Ефимовичъ для утѣхи своей невзыскательной публики, которая зачитывалась этими статейками, такъ-что имя Ганина, дѣйствительно, сдѣлалось популярнымъ.

Въ 1820 году Ганинъ (неподозрѣвавшій вовсе смѣшной и нелѣпо-карикатурной стороны своей литературной дѣятельности) явился съ своимъ первымъ драматическимъ „чудищемъ“ подъ названіемъ: „Любимъ“, драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Измайловъ обрадовался, прочитавъ это нелѣпѣйшее твореніе, и поспѣшилъ по-

¹⁾ Ганинъ говорилъ правду: его сочиненія покупались смѣха ради и этотъ успѣхъ досаждалъ графу Хвостову.

знакомить съ нимъ своихъ читателей тайною статьею, которая передавала въ самомъ каррикатурномъ видѣ всѣ невѣроятныя уродства этой драмы и съ тѣмъ вмѣстѣ преподносила автору рядъ переселенныхъ похвалъ. Ганинъ былъ въ восторгѣ отъ этой статьи; онъ поспѣшилъ написать благодарность рецензенту, а Измайловъ, ободренный успѣхомъ своей шутки, сталъ продолжать свои публичные издѣванія надъ Ганинымъ, печатая вымышленныя письма изъ Парижа объ успѣшномъ исполненіи произведеній Ганина на сценѣ домашняго театра несуществующей маркизы де-Куланжъ. Въ 1821 году Ганинъ выпустилъ опять новый томикъ, озаглавленный: „Эльвира или Роза, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ великолѣпнѣйшимъ спектаклемъ, искусно приуроченнымъ какъ для придворныхъ, такъ и для частныхъ или вольныхъ театровъ“. Невозможности этого новаго чада болѣзненной фантазіи Ганина снова заставили Измайлова привлечь къ нимъ вниманіе „своей“ публики, напечатавъ объясненіе этой „драмы съ великолѣпнымъ спектаклемъ“; затѣмъ почти въ каждомъ номерѣ, ради потѣхи читателей, онъ сталъ печатать отрывки изъ „Эльвиры“ съ своими комментаріями. Вотъ, наприимѣръ, отрывокъ изъ статьи объ этой Эльвирѣ: „Театръ представляетъ въ первомъ дѣйствіи молодую турчанку на колѣняхъ, со взорами, устремленными къ небу, и ея внука, въ углу пристально забывшагося, а далье кругомъ стѣны города Очакова и пр. Во второмъ: Половину Людомира (генераль-маіора и очаковского коменданта), ночь, мѣсяцъ и пр. Наконецъ, въ третьемъ: Домъ главнокомандующаго съ приличнымъ украшеніемъ. Драма сія не мало не уступаетъ прежнимъ *Любиму* и *Валерьяну*, но во многомъ даже ихъ превосходитъ, особенно въ нѣжности чувствованій и въ ужасѣ театральныхъ положеній, доходящихъ до того, что морозъ подираетъ зрителя по кожѣ, какъ-бы жарко въ залѣ ни было отъ множества переполнившихъ ее зрителей, страстно любящихъ театральныя зрѣлища пера г. Ганина“.

Далѣе, Измайловъ самъ писалъ въ честь Ганина вирши и печаталъ ихъ у себя, подъ видомъ будто-бы присланныхъ ему изъ разныхъ мѣстъ. Рельефнѣе всѣхъ этихъ похвалъ былъ акростихъ съ именемъ, отечествомъ и фамиліею Ганина, начинавшійся такъ:

Етна пламень извергаетъ;
Громъ грохочетъ по горахъ,

Ось земли онъ содрагаетъ,
Ревъ и свистъ я слышу тамъ!

И еще 14 рифмованныхъ безсвязныхъ фразъ, оканчивающихся такою любезностью:

И тобой Парижъ плѣнился!
Намъ къ утѣхамъ ты родился.

Но изъ всѣхъ чудовищностей, созданныхъ Ганинымъ, пальма первенства принадлежитъ его драмѣ „Джонсъ или добродѣтельный Иванъ“, изданная имъ въ 1823 г. Въ этой драмѣ „дѣйствіе происходитъ на Антильскихъ островахъ, неподалеку отъ морского берега, близъ возвышенной горы, на степи Сары, а театръ представляетъ лужайку, а за ней каменную, ничѣмъ необросшую гору съ уступомъ. Вправо и влѣво густой лѣсъ, на лужайкѣ логовище изъ сучьевъ и древесныхъ листьевъ, у логовища двухъ лѣтъ сидитъ младенецъ и львица предъ нимъ валяется“. — Далѣе особенно картинно въ первомъ явленіи перваго дѣйствія представляется герой драмы, этотъ „Джонъ или Иванъ, непомнящій родства“. „Онъ выходитъ на средину лужайки и устремляетъ свои собственные глаза прямо на гору и на верхи деревьевъ, искавъ поразить въ жертву своего апетитнаго желанія перватыхъ или горныхъ дикихъ козъ, какъ вдругъ услышалъ страшный ревъ и увидѣлъ возстающую львицу. Онъ содрогнулся, ружье изъ рукъ выпало, закричалъ и стремглавъ убѣгаетъ, а львица, обошедъ кругомъ ружья, нюхаетъ оно и поворачиваетъ, и, зацѣпя за курокъ, ружье выстрѣлило, львица отскочила, смотритъ на него и потомъ идетъ къ младенцу“. Въ этой чудовищной драмѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является львица и совершаетъ много проказъ: она „мычитъ на человѣческой ладъ“, бросается стрѣлой, вырываетъ изъ-подъ ногъ лѣстницы, озирается во всѣ стороны съ „свирѣпою выразительностью“, бѣгаетъ съ малымъ ревомъ, таская младенца, „нибѣющаго по метрикамъ“ два года, а потомъ съ большимъ ревомъ скачетъ, рыкаетъ и, наконецъ, убѣгаетъ въ дремучій лѣсъ со стономъ. — Рецензентъ „Благонамѣреннаго“ сказалъ, что „роль львицы изъ самыхъ труднѣйшихъ, почему осталось желать, чтобъ, для вящаго удовольствія публики, *г. Ганинъ собою представилъ эту новую актрису*“. — Послѣ всѣхъ нелѣпостей, совершенныхъ Ганинымъ, можно повѣрить Измайлову, что этотъ сумасшедшій принялъ за серьезный совѣтъ самому взяться за исполненіе роли льви-

цы; Измайловъ рассказываетъ, что Ганинъ для этой цѣли хотѣлъ заказать себѣ изъ оранжеваго плюша костюмъ и картонную маску головы львицы, а также пробовалъ ходить и даже прыгать по-львиному на четверенькахъ:

— Надо, восклицалъ онъ, — быть ко всему готовымъ: ну, какъ да потребуютъ меня, чего добраго, для этой роли въ эрмитажъ Зимняго дворца!..

Обо всѣхъ этихъ чудачествахъ полупомѣшаннаго Ганина Измайловъ тотчасъ-же сообщалъ въ своемъ журнальцѣ съ смѣхотворными комментаріями. Это зубоскальство, это фиглярничанье забавляли публику и она охотно подписывалась на журнальчикъ Александра Ефимовича, стоившій по тому времени не дешево: тридцать рублей ассигнаціями. Мало того, она раскупала драмы Ганина, издававшего ихъ отдѣльными книжками, и Ганинъ былъ совершенно правъ, приписывая свой успѣхъ Измайлову, къ которому онъ по этому случаю писалъ массу благодарственныхъ писемъ, присовокупляя иногда болѣе или менѣе вещественныя доказательства своей благодарности, въ видѣ цѣнныхъ подарковъ, какъ, на примѣръ, громадной чернильницы, и т. п.

IV.

„Le style — c'est l'homme“, сказалъ Бюффонъ. Справедливость этого афоризма доказана многими неопровержимыми фактами. Такъ и во время Измайлова въ нашихъ журналахъ вполне, какъ въ зеркалѣ, отражался характеръ ихъ издателей. Но особенно типично и рельефно выразилась личность Измайлова въ его „Благонамѣренномъ“, гдѣ его простодушная наивность не только просачивалась, какъ нравственныя свойства другихъ его собратьевъ-журналистовъ просачивались болѣе или менѣе въ ихъ изданіяхъ, а вполне выступала во всемъ объемѣ. Возьмите, на примѣръ, письмо его отъ 5 октября 1822 года къ Каченовскому, издателю „Вѣстника Европы“. Письмо это, напечатанное потомъ въ „Благонамѣренномъ“, было написано на другой день послѣ юбилейнаго пира, даннаго Гречемъ по случаю десятилѣтняго существованія его журнала „Сынъ Отечества“.

„Пиръ былъ не на шутку, пишетъ Измайловъ. — Всѣхъ гостей,

по самому вѣрному счету, оказалось 105 человекъ. Его пр-во А. Н. Оленинъ, котораго издатель „С. О.“ справедливо считаетъ первѣйшимъ изъ своихъ покровителей и благодѣтелей, сдѣлалъ хозяину честь своимъ посвѣщеніемъ. Были тутъ еще военные и статскіе генералы, штабъ и оберъ-офицеры, разныхъ орденовъ кавалеры, ученые, литераторы, артисты, книгопродавецъ (Шлавильщиковъ) и бумажный продавецъ (Завѣтновъ). Въ числѣ литераторовъ было *шесть* издателей и редакторовъ журналовъ, *двенадцать* записныхъ стихотворцевъ, столько-же почти прозаиковъ, нѣсколько критиковъ, политиковъ, географовъ и пр. А сколько было всѣхъ дамъ — не знаю навѣрное, только много, очень много! И много прекрасныхъ!

«На дамъ почти я не глядѣлъ,
Да и глядѣть на нихъ опасно;
Я все съ мужчинами сидѣлъ
И спорилъ съ ними громогласно».

Далѣе изъ письма видно, что всѣ присутствующіе на пиру литераторы поднесли въ подарокъ молодому, десятилѣтнему журналу по прозаической или стихотворной статьѣ. Измайловъ подарилъ небольшую сказку въ стихахъ: *Приказные Синонимы*, при слѣдующемъ рифмованномъ привѣтствіи:

Съ новорожденнымъ поздравляю!
Да здравствуетъ *Отечества Сынокъ!*
Сто лѣтъ еще прожить ему желаю,
И на зубокъ
Стишки свои я представляю;
Стишки, по чести, хороши!
По крайней мѣрѣ, я дарю ихъ отъ души.

И здѣсь Измайловъ проявилъ свой юморъ: подарокъ этотъ онъ поднесъ съ полнымъ титуломъ издателя „С. О.“, не забывъ упомянуть о его чинѣ, ордѣнѣ, о всѣхъ ученыхъ обществахъ, въ которыхъ состоялъ онъ членомъ, и заключилъ словами: „*собственной своей типографіи главному директору*“, въ подражаніе какому-то бывшихъ временъ переводчику съ древнихъ языковъ Кондратовичу, который всѣ свои переводы посвящалъ сильнымъ міра сего, и одинъ изъ нихъ посвятилъ извѣстному тогдашнему заводчику А. И. Яковлеву съ такою дедикаціею: „Его благородію такому-то (имя, отчество и фамилія) собственныхъ своихъ мѣдиплавлененныхъ заводовъ главному директору“.

Въ числѣ гостей въ этотъ вечеръ у Греча были: баснописецъ И. А. Крыловъ, знаменитый мореплаватель Вас. Мих. Головинъ, освобожденный изъ японскаго плѣна П. И. Рикордоъ, тутъ-же находившимся.

Измайловъ въ своемъ письмѣ очень наивно восхищался тѣмъ, что пѣвчіе, приглашенные Гречемъ вмѣстѣ съ ихъ начальникомъ, знаменитымъ Бортианскимъ, послѣ кантаты: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ“ и нѣсколькихъ другихъ серьезныхъ псень, запѣли куплеты сочиненія Измайлова, заимствованные изъ французскаго водевиля: *Les dangers de l'eau*.

„По окончаніи пѣнія (пишетъ Измайловъ) раздались рукоплесканія, закричали: *автора! автора!* Сердце у меня билось, сильно билось! Не знаю, что говорить, кланяюсь. Ахъ! какъ весело слушать рукоплесканія словамъ своимъ! Ахъ! какъ счастливы драматическіе авторы! Такъ и быть—ночи не посплю, а напишу комедію—и какую-же комедію!—*Журналистъ и Фабулистъ*. Славная будетъ комедія! Планъ у меня давно уже готовъ—характеры самыя оригинальныя, взятые съ натуры, и все любители литературы!“

Далѣе Измайловъ поясняетъ, что „изъ всѣхъ 105 гостей Греча не участвовали въ танцахъ, даже въ польскомъ, по причинѣ громадной толщины своей, только трое: Иванъ Андреевичъ Крыловъ, Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ и онъ, Александръ Ефимовичъ Измайловъ, которые, однако, въ одномъ очень дружескомъ обществѣ вздумали костюмироваться и маскироваться поженски, изображая собою „трехъ грацій“.

Письмо свое Измайловъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Когда исполнится *десять лѣтъ „Благонамъренному“*, когда число подписчиковъ увеличится, когда куплю фортепіано, то и я сдѣлаю пиръ. Милости просимъ, Михаилъ Трофимовичъ, тогда къ намъ на праздниекъ.

„А *„Вѣстнику Европы“* уже двадцать лѣтъ! Дай Богъ, чтобы онъ продолжался еще столько, полстолько и четверть столько, а вамъ во все это время быть главнымъ редакторомъ сего перваго, по всѣмъ отношеніямъ, изъ нашихъ журналовъ“.

Конечно, для характеристики журнальной дѣятельности Измайлова достаточно уже приведенныхъ примѣровъ глумленія его

надъ Ганинымъ и гримась мниаго восхищенія, строиныхъ ицъ другому чудаку, графу Хвостову. Но полагаю, что для болѣе точной характеристики этой дѣятельности необходимо привести нѣсколько выписокъ изъ „Благонамѣреннаго“ за всѣ годы его существованія. Беру ихъ на удачу:

I. *Лакоическая переписка съ издателемъ „Благонамѣреннаго“.* 1) Почему переѣнили вы въ моемъ сочиненіи нѣкоторыя выраженія и даже въ иныхъ мѣстахъ самыя мысли?—*Отв.* Потому, что первыя противны были русской грамматикѣ, а послѣднія здравому смыслу, благопристойности, слѣдовательно и уставу о цензурѣ.—2) Помилуйте: до сихъ поръ не печатаете ни шарадъ моихъ, ни анаграммъ, ни омонимовъ, ни логогрифовъ! Если вамъ что-нибудь въ нихъ не нравится, то можете поправить.—*Отв.* Прошу отъ этого труда меня избавить.—3) Я слышалъ, что вы платите инымъ за статьи, помѣщаемыя вами въ „Благонамѣренномъ“, а моихъ сочиненій и переводовъ и даромъ не печатаете! Сдѣлайте милость, помѣстите хоть нѣкоторыя изъ нихъ; если угодно, то я вамъ за это заплачу.—*Отв.* Нѣтъ, и за деньги не хочу! Впрочемъ, если угодно, помѣщу которыя-нибудь изъ этихъ *безцѣнныхъ* сочиненій на внутренней сторонѣ обертки; за прозу можно взять со страницы *въ пользу бѣдныхъ* 5 р., а за стихи нельзя менѣе 25 рублей.—4) Поспѣшите, Бога ради, напечатаніемъ всего присланнаго мною вамъ изъ Костромы, только, пожалуйста, ничего не переѣняйте.—*Отв.* Не переѣваю ни слова и не напечатаю. Развѣ только г. переводчикъ пришлетъ что-нибудь для раздачи бѣднымъ. Полагая самый легкій штрафъ, за каждую ошибку противъ русскаго языка по 10 к., слѣдуетъ получить съ этого перевода пени въ пользу бѣдныхъ, по самому вѣрному исчисленію, 18 р. 30 к.—5) Почему не печатаете вы въ своемъ журналѣ моихъ эпиграммъ и моего романа?—*Отв.* Потому, что эпиграммы плоски, а въ романѣ стихи жестки.

Такихъ лаконическихкихъ корреспонденцій въ каждомъ номерѣ было нѣсколько, и, какъ завѣрялъ меня Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ, большая часть этихъ писемъ была не вымышленная, а подлинная.

II. *Патріархальная безцеремонность съ подписчиками.* „Шестая книжка „Благонамѣреннаго“ въ нынѣшнемъ (1820) году,

точно такъ, какъ и седьмая въ прошедшемъ 1819 году, выходить по причинѣ праздниковъ позже надлежащаго срока. Опять виновать издатель:

Какъ русскій человекъ, на праздникахъ гулялъ;
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ!“

Подобныхъ объясненій въ журналѣ Измайлова было множество и всѣ почти въ этой наивной формѣ.

III. На вопросъ, будто-бы присланный изъ провинціи: „что всего нужнѣе для журналиста?“—издателемъ былъ данъ такой отвѣтъ: „Нечего и спрашивать: разумѣется, подписчики. Нѣкоторые думаютъ, что журналисту должно имѣть *характеръ*, что онъ ничего не долженъ писать противъ совѣсти; но журналисты, право, могутъ обойтись и безъ этого достоинства, только ужъ никакъ не могутъ обойтись безъ подписчиковъ“.

IV. *Шуточка въ рецензіи*. Подобными шутками переполненъ журналъ. Давая рецензію о книгѣ: „О распознаваніи и леченіи гемороя“, Измайловъ въ концѣ говоритъ: „Не смѣю судить о достоинствѣ сей книги, но мнѣ чрезвычайно не нравится въ ней то, что сочинитель совѣтуетъ всѣмъ, одержимымъ гемороидалными припадками (а ихъ-же въ Петроградѣ нѣсть числа!), воздерживаться отъ употребленія горячихъ или спиртуозныхъ напитковъ.

И даже отъ винограднаго вина!

Да лучше пусть болитъ моя спина!»

V. *Отвѣты публики на вопросы „Благонамъреннаго“*. Измайловъ вздумалъ печатать рядъ различныхъ вопросовъ, вызывая на нихъ отвѣты читателей журнала. Это доставляло ему обильный матеріалъ для печати. Множество получаемыхъ отвѣтовъ печаталось и почти всегда сопровождалось замѣтками самого издателя. Привожу нѣсколько примѣровъ этой „журнальной игры“, какъ называлъ эту рубрику самъ Александръ Ефимовичъ:

1) „Что дѣлать отъ скуки?“

„Взять книгу въ руки,
Или табакъ курить,
А лучше всего—пить!“

2) „Съ какимъ человекомъ всего неспособнѣе жить?“ — „Съ самолюбивымъ стихотворцемъ. За грѣхи мои послалъ мнѣ Богъ товарища по квартирѣ—стихотворца, и какого-же? Самого неуго-

моннаго! Взглянуть, кажется, не на что: едва дышетъ, а все бушагу мараеть. Но это-бы еще не бѣда:

Пускай-бы только онъ писалъ,

А то стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ!

„Безпрестанно читаетъ вслухъ свои стихи, даже во снѣ ими бредить. Недавно пошелъ ему 21 годъ, а онъ собирается издать свои стихотворенія въ трехъ толстыхъ томахъ съ виньеткою и съ своимъ портретомъ въ плафрокѣ. Сколько-же онъ напишетъ стиховъ и изведетъ бумаги, если доживетъ до 60 лѣтъ?“

3) „Какое лучшее средство къ отвращенію дуэлей?“ — „Запрещеніе подъ условіемъ наказанія унижительнаго, постыднаго“. — Въ этому издатель сдѣлалъ отъ себя такое примѣчаніе: „Напримѣръ, лишеніе правъ гражданства и отдача подъ опеку, какъ то дѣлается въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ. Это для совершеннолѣтнихъ, а для мальчиковъ всего лучше, по моему мнѣнію, *розги*.“

Что если-бы велѣли

Мальчишекъ розгами за поединки сѣчь?

„Впрочемъ, это средство можно иногда употреблять съ большою пользою и надъ взрослыми. Я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что офицеры одного полка, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, сдѣлали эту шутку надъ однимъ своимъ товарищемъ, природнымъ французомъ, который, умѣя превосходно фехтовать, ссорился почти со всѣми и вызывалъ имъ-же обиженныхъ товарищей биться съ собою на шпагахъ. Товарищи однополчане, потерявъ терпѣніе, однажды знатно выпороли этого бретера-дуэлиста, который подъ розгами далъ клятву не выходить болѣе никогда на поединокъ, и, какъ честный человекъ, сдержалъ свое слово“.

VI. Въ 1819 году въ журналѣ Измайлова напечатана переводная повѣсть подъ названіемъ: „Безразсудное признаніе“, гдѣ жена передъ смертію признается мужу, что одно изъ ихъ дѣтей не ему принадлежитъ. Муж восклицаетъ: „Жестокая!“ и пр., и пр., извѣстное словоизверженіе упрековъ; а Измайловъ дѣлаетъ къ слову „жестокая“ слѣдующую выноску: „Не жестокая, а дура, дурница, дурнда, свинья!“

VII. *Разыѣрка литературныхъ произведеній*. Въ 1823 г. въ рубрикѣ „Сатирической Газеты“ Измайловъ напечаталъ слѣдующее объявленіе: „Нѣкто, упражняющійся уже нѣсколько лѣтъ

съ изряднымъ и одобрительнымъ успѣхомъ въ російскомъ стихотворствѣ, предлагаетъ почтеннѣйшей отечественной публикѣ услуги свои въ сочиненіи эпитафій и другихъ случаями вызываемыхъ (на свадьбы, рожденія, именины, полученія высочайшихъ наградъ и пр.) стихотворныхъ, но не снотворныхъ сочиненій за самую сходную цѣну, а именно:

„За каждый трехстопный стихъ, хороническій или ямбическій, ассигнаціями или мѣдью	10 к.
За четырехстопный	15 „
„ пятистопный	20 „
„ шестистопный	25 „
„ Гекзаметръ	5 „

„Если-же, до сочиненія эпитафіи, сочинитель приглашенъ будетъ на похоронный или на поминальный обѣдъ, въ такомъ случаѣ, сообразно значительности, сытности и пьяности, дѣляется болѣе или менѣе значительная уступка или скидочка.

„При заказѣ эпитафіи необходимо нужно доставить мѣрку съ надгробнаго камня и копію съ послужнаго списка или краткій некрологъ покойнаго.

„Желающіе заказывать эпитафіи, или и другіе какіе стихи на вышеупомянутые случаи болѣе радостныхъ волненій жизни, благоволятъ адресоваться въ домъ гробового мастера Подколодина, что близъ Волковскаго кладбища. Спросить просто „стихотворца“ въ свѣтельѣ, надъ конюшнею похоронныхъ лошадей, состоящихъ постоянными кандидатами для татарской бойни“.

Измайловъ былъ твердо увѣренъ въ неподражаемомъ остроуміи этого рода измышленій; впрочемъ, увѣренность свою онъ основывалъ на томъ, что получалъ за нихъ отъ подписчиковъ благодарственные адреса, постоянно печатаемые имъ въ „Благонамѣренномъ“.

VIII. Одинъ изъ рецензентовъ, разбирая переводъ расиновой „Федры“, сдѣланный Лобановымъ, между прочимъ, говоритъ: „На *пескахъ*, вмѣсто на *пескѣ*, неправильно потому, что *песками* называется какое-нибудь цѣлое пространство — мѣсто, наполненное пескомъ, какъ, напримѣръ, Пески подъ Кіевомъ, Пески подъ Шлисельбургомъ, „Пески“ здѣсь въ Петербургѣ“: — Къ послѣднимъ словамъ издатель „Благонамѣреннаго“ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „гдѣ живетъ толетный, растолстый „журналистъ-фабулистъ“,

мѣсто злачно и роскошно орошаемое Лиговкою, рѣкою далеко не кристальною“, и пр. и пр.

IX. *Пожеланія А. Е. Измайлову въ день его рожденія.*
Кто-то 14 апрѣля 1823 года, въ день рожденія Измайлова, настрочилъ ему посланіе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Дай Богъ подписчиковъ тебѣ (*)

Сотрудниковъ и вдохновенье (**);

Дай Богъ, чтобъ нажилъ ты себѣ

Трудами славу и имѣнье (***)!

Трудись и наживай добра:

Ура! Измайловъ нашъ, ура!“

(*) „Дай Господи! Молю тя, Господи, усердно! *Изд.*

(**) „Сотрудники при подписчикахъ всегда будутъ изъ чести работать въ изданіи многочитаемомъ, а вдохновенье возрождается также отъ умноженія подписчиковъ и ихъ 30-ти-рублевыхъ взносов. *Издатель-безсребренникъ.*

(***) „Хоть-бы имѣнія только, а ужъ слава-то при имѣніи—ну, Богъ съ нею: лишнія хлопоты.“

X. *Лекарства издателя „Благонамѣреннаго“.* Въ 1823 году Измайловъ печатно объявлялъ, что отъ *подагры* онъ избавляется тѣмъ, что вездѣ таскаетъ ее съ собою:

„И въ департаментъ нашъ, въ цензурный комитетъ,

И въ типографію, ко всѣмъ книгопродавцамъ,

Въ учены общества, къ друзьямъ, къ заимодавцамъ;

Приду съ ней и къ тебѣ, безжалостный поэтъ!

И попрошу, ей въ наказанье,

Прочестъ предлинное твое ко мнѣ посланье.“

„Отъ *водяной* знаю какъ себя предохранить: воды меньше пить!

Друзья! Не станемъ пить воды:

Отъ ней великія бѣды!

„Однакожь, я самъ пью воду каждое утро натощаясь. Пива и портера не позволяютъ мнѣ пить гг. медики и жена моя, Катерина Ивановна, которая, взявъ этихъ горячительныхъ напитковъ, варитъ мнѣ превосходный квасъ, любимый мой напитокъ. Совѣтую и вамъ, гг. мои подписчики, его кушать: это и питье, и лекарство для русскаго человѣка, особенно съ солью и мятой. Преполезное средство отъ гемороя.

„Отъ *чахотки* я не знаю лучшаго лекарства, какъ жениться,

что я испыталъ на самомъ себѣ: до женитьбы я былъ худъ и сухъ, а теперь словно бочка сороковая.

„Отъ *бессонницы* многіе совѣтуютъ читать дурные стихи; но хотя, благодаря добродетельнымъ дателямъ, у меня этого добра гибель, я, однако, ихъ съ такою цѣлью не читаю, а отъ бессонницы, извольте видѣть, самъ пишу стихи, дурные и хорошіе, какъ Богъ приведетъ“.

XI. Измайловъ иногда критически относится къ своимъ соотрудникамъ. Такъ, на 150 стр., 2 ч., 1818 г., О. М. Сомовъ напечаталъ свою басню (крайне ничтожную) *Мартышка-оборотень*, гдѣ авторъ говоритъ, что мартышка, чтобъ смотрѣться въ зеркало, унесла его въ лѣсъ. Измайловъ въ выносѣ замѣчаетъ: „Мартышка знала употребленіе зеркала, слѣдовательно, она могла въ него посмотрѣться дома и тотчасъ увидѣть свое безобразіе, а не для чего ей было для этого бѣжать съ нимъ въ лѣсъ. Тутъ, кажется, ошибка противъ правдоподобія. Бъ тому-же мартышка эта или Потапка, какъ ее звали, или какъ называлъ ее, по фантазіи своей, авторъ, говоритъ слишкомъ неучтиво съ Юпитеромъ; но, впрочемъ, и то сказать, Потапка виѣсть и шутъ, и дуракъ, а эти люди не оказываютъ никогда высшимъ должнаго уваженія и обходятся съ ними за панибрата.“

XII. *Фамиллярно-семейная безцеремонность съ подписчиками*, какую проявлялъ Измайловъ почти въ каждой книжкѣ своего журнала, дошла до крайней степени въ 1826 году, т. е. въ послѣднемъ году изданія „Благонамѣреннаго“. Въ этомъ году у него напечатаны: *Куплеты на день рожденія жены моей*, съ примѣчаніями издателя, въ которыхъ онъ пренаивно рассказываетъ о всѣхъ привычкахъ своей „благовѣрной половины“, Катерины Ивановны, нетерпящей принимать лекарства, при чемъ подписался: *Мужъ-авторъ стиховъ и издатель* „Благонамѣреннаго“.—Затѣмъ другое: *Посланіе двѣнадцати-лѣтней именинницы*, какой-то родственницѣ Измайлова, Пашеточкѣ-смугляночкѣ, которой онъ желаетъ со временемъ такого мужа, каковъ ея папаша или каковъ онъ самъ, Александръ Ефимовичъ. Затѣмъ въ прозѣ со стихами: *Веселое путешествіе*, въ видѣ письма къ дочери, Настенькѣ, съ рассказомъ о поѣздѣ Измайлова съ одною родственною сѣмьею и съ своею супругою въ Александровскую ма-
„Дѣло“, № 4.

нуфактуру. Еще: *Въ день рожденія (6 мая) кумы-стихотворицы, и, наконецъ: Ответъ г-жи Дорогомыжской куму-стихотворицу „журналисту-фабулисту“, въ день его рожденія“* (13 мая 1826 г.).

Этимъ ограничиваю я мои выписки изъ „Благонамѣреннаго“ за всѣ 9 лѣтъ его существованія, и полагаю, что читатель можетъ по нимъ составить понятіе объ этомъ журналѣ.

Послѣ вышеописаннаго свиданія съ Измайловымъ я долго ничего не слышалъ о немъ, пока, въ бытность мою въ Орлѣ, дядя, съ которымъ я жилъ, получилъ отъ него письмо. Александръ Ефимовичъ, по его словамъ, въ это время „блаженствовалъ“ въ Твери, вице-губернаторствуя тамъ и продолжая пописывать отъ времени до времени стихи, которые, съ подписью А. И., печатались въ „Сѣверной Пчелѣ“. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, было сказано: „Прилагаю при семъ копію съ той *застольной пѣсни*, которая была у меня въ Петербургѣ, 8 декабря 1826 года, снѣта наканунѣ моего выѣзда сюда, въ Тверь. Refrain этой пѣсни—*день, день, день, день, день, день*, т. е. подражаніе звуку почтового колокольчика, требуетъ аккомпанимента стукомъ ножей по бокаламъ и рюжкамъ, что нѣсколько походитъ на гармонику. Независимо отъ этихъ „застольныхъ“ стиховъ, копіи съ которыхъ распространились по всей Твери и по всей тверской губерніи, въ пику надзирателямъ и виннымъ приставамъ,—вотъ вамъ еще другіе: „Посланіе прокурору съ приглашеніемъ на обѣдъ“.

Вотъ эта „Застольная пѣсня“:

Собираюся теперь
Въ городъ древній, славный, Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И какъ вихорь полечу;
А журналъ, стихи хотъ кинь?
Ѣду, Ѣду—день, день, день
День, день, день, день, день, день, день.

Полно думать о стихахъ;
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и музъ, и дамъ,
Помнить только вакховъ храмъ.
Корректурѣ ужъ аминь!
Не до ней,—день, день, день, день
День, день, день, день, день, день, день.

А когда прїѣду въ Тверь,
 То какъ страшный, лютый звѣрь
 Встрѣчу винныхъ приставовъ,
 Надзирателей плутовъ.
 Чуть не такъ что—тотчасъ вынь
 И положи—день, день, день, день
 День, день, день, день, день, день, день.

Подниму въ Твери я ность,
 Буду лаять, какъ барбось;
 А гдѣ нужно, тамъ согнусь
 И въ лилицу превращусь.
 Совѣсть! Ты меня лишь кинь!
 Слышь? Чу? Звенить—день, день, день!
 День, день, день, день, день, день, день.

О, любезные друзья!
 Разстаюся съ вами я.
 Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
 Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
 Ради всѣхъ боговъ, богинь,
 Прїѣзжайте! День, день, день!
 День, день, день, день, день, день, день.

А вотъ еще и *Приглашеніе прокурора на обѣдъ* (8 апрѣля 1827 года).

Приди, любезный прокуроръ!
 Къ вице-губернатору откушать,
 Преосвященнаго послушать,
 Который, молвить не въ укоръ,
 Умнѣе даже Филарета,
 Краснорѣчивѣе его.
 Приди-же, одолжи поэта.
 Столъ постный будетъ у него.
 Но не красна изба углами,
 Ни винами, ни пирогами—
 Красна лишь добрыми друзьями.
 Теперь-же праздники—гуляй!
 И если можно, прїѣзжай
 Съ почтенною своею подругой,
 Картолюбивою супругой.
 Я такъ твою «Любовь» люблю,
 Такъ уважаю, почитаю,

Что самъ хоть въ карты не играю,
А карты для нея куплю.“

Послѣднее свиданіе моего дяди съ Измайловымъ, при которомъ и я присутствовалъ, имѣло мѣсто 15 сентября 1828 года въ кондитерской Лареды. Войдя въ боковую комнату кондитерской, мы застали тамъ толстаго до неимовѣрности господина въ очкахъ, въ форменномъ фракѣ министерства финансовъ и съ анненскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ, сидя къ намъ спиною, внимательно читалъ какую-то газету. Оказалось, что то былъ А. Е. Измайловъ, читавшій въ „*Съверной Пчелѣ*“ свою новенькую сатирическую побасенку, въ которой иносказательно разрисовывалъ по-своему большинство тверскаго общества. Оказалось изъ его бесѣды съ моимъ дядей, что эвъсъ-„журналистъ-фабулистъ“, жившій очень спокойно въ петербургскомъ водоворотѣ, не сумѣлъ ужиться съ провинціальною публикою, которую до того раздражилъ своими сатирическими стихами, что къ министру посыпались на Александра Ефимовича жалобы за жалобами, какъ отъ губернатора, такъ и отъ губернскаго предводителя дворянства, и Егоръ Францовичъ Канкринъ, какъ ни крѣпко стоялъ за Измайлова, долженъ былъ переимѣнить архангельскаго вице-губернатора въ Тверь, а Измайлова перевелъ въ Архангельскъ, сказавъ ходатайствовавшему за него Дм. М. Княжевичу: „Тамъ, патюшна, климатъ холодный, и тридцатиградусные морозы не дадутъ такъ сильно разыгрываться его фантази и сатирѣ, да и общество тамъ другого калибра: европейцы, а не монголы“.

— У васъ, въ Твери, сказалъ смѣясь мой дядя,—я слышалъ, происходили презабавныя баталіи, особенно съ бабами? Ходили слухи о вашихъ столкновеніяхъ съ какою-то „дворянкою-буянкою“, какъ вы прозвали одну изъ тверскихъ важныхъ барынь. Что это за исторія, Александръ Ефимовичъ?

— Исторія самая простая, объяснилъ Измайловъ.— Осмотрѣвшись нѣсколько въ Твери и покончивъ съ необходимыми распоряженіями по новой должности, я, не проводя, подобно всѣмъ, вечеро́въ за картами, сталъ снова читать книги, журналы и газеты и отъ времени до времени пописывать для Николая Ивановича Греча, которому передъ отъѣздомъ изъ столицы далъ слово присылать легонькія статеечки въ стихахъ. Одну изъ такихъ, назначенную мною въ № 1 „*Благодатьреннаго*“ 1827

года, если-бы онъ не прекратился въ 1826 году, я отдалъ издателямъ „Сѣверной Пчелы“ наванути моего отъѣзда въ Тверь; пьеска эта была басня: „Бабушка и Внука...“

— Очень милая басня, перебилъ мой дядя,—я прочелъ ее съ удовольствіемъ.

— Ну, вотъ, подите-же! Вы читали басню эту съ удовольствіемъ, а нѣкая важная тверская вѣдьма (онъ назвалъ ее фамилію) прочесть изволила ту-же басню съ неудовольствіемъ и даже съ гнѣвомъ, принявъ ее на свой счетъ, и наняла какого-то рифмача-семинариста, племянника своего сельскаго попа, написать на меня грязный пасквиль, въ которомъ я сравненъ съ бегемотомъ (ну, это ужь куда-бы ни шло), да еще названъ воромъ, казнокрадомъ, пьяницей, озорникомъ, влятвопреступникомъ, душегубцемъ, отродіемъ сатаны и исчадіемъ антихристовымъ. Я отвѣчалъ...

— Ай, ай, ай, воскликнулъ мой дядя,—любезнѣйшій Александръ Ефимовичъ, какъ можно было вамъ ронять себя, поднявъ такую омерзительную перчатку!

— Да, да, забасилъ, протирая свои очки, Измаиловъ,—легко вамъ, господа, кричать: „фи! фи! фи!“ Вы словно сговорились съ Княжевичами и даже съ нашимъ министромъ! Его высокопревосходительство также раскричался на меня до того, что свою любимую форфоровую трубку шаркнулъ объ паркетъ. А надо знать, отцы мои, обстоятельства. Вы помните, что я въ моей „застольной пѣснѣ“ обозвалъ ворами и мошенниками всѣхъ моихъ виновныхъ надзирателей и приставовъ... Всѣ эти-то обруганные мною чиновники и пристали ко мнѣ съ настоятельнымъ убѣжденіемъ дать отпоръ пасквилянту. Всѣ мои надзиратели и пристава съ совѣтникомъ питейнаго отдѣленія во главѣ били мнѣ объ этомъ челомъ. Вотъ я и грянулъ ужь не басню, а сказку „Дворянка-буянка“, надѣлавшую страшнѣйшаго шума во всей губерніи, гдѣ она рукописно расплодилась, почитай, не меньше, какъ знаменитое грибоѣдовское „Горе отъ ума“. Я торжествовалъ, а всѣ, сколько ни есть—а имъ-же имя легионъ—„дворянки-буянки“ принялись усыкать на меня своихъ стихоплетовъ изъ бурсы, разумѣется, за сиенныя бумажки. Я пожаловался на эти продѣлки преосвященному, и владыка положилъ конецъ грязнымъ сатирамъ бурсы тверской епархіи; по тогда, какъ я узналъ объ этомъ по-

слѣ, поэзія замѣнилась прозой: сотни доносовъ, сочиненныхъ мон-ми надзирателями и приставами, которымъ не было дня, чтобы я не стригъ ногтей и не мылъ голову, полетѣли во всѣ мѣста и перессорили меня съ губернаторомъ и предводителемъ дворянства. И вотъ вы видите меня въ Петербургѣ проѣздомъ въ Архангельскѣ, гдѣ общество, какъ сказалъ министръ, европейское, а не монгольское...

Послѣ этого дядя дружески простился съ Измайловымъ и уже болѣе съ нимъ никогда не встрѣчался. Мнѣ-же привелось увидѣть его еще разъ въ Петербургѣ въ 1830 году, не задолго до его печальнаго конца. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ крайней бѣдности, вѣ службѣ, бывши подъ судомъ по вліянію губернатора, вице-адмирала Миницаго, съ которымъ разсорился на первыхъ же порахъ своей службѣ въ Архангельскѣ. При содѣйствіи Якова Ивановича Ростовцева, адъютанта великаго князя Михаила Павловича, Измайлову былъ данъ кусокъ хлѣба—мѣсто преподавателя русской словесности въ камеръ-пажескомъ классѣ, да еще знакомые журналисты давали ему кой-какіе рубли за его побасенки, дѣлавшіяся со дня-на-день все менѣе и менѣе удовлетворительными, такъ что ихъ никто уже не печаталъ. Наканунѣ своей кончины онъ послалъ по пьескѣ во всѣ редакціи газетъ и журналовъ съ убѣдительною просьбою прислать ему хоть сколько-нибудь денегъ. На другой день всѣ узнали о смерти бѣднаго Александра Ефимовича, во всѣхъ газетахъ явились краткіе его некрологи съ черною каймою, и погребеніе его, очень приличное, было совершено на деньги, доставленныя его домашнимъ всѣми петербургскими журналистами чрезъ бывшего его сотрудника, Михаила Алексѣевича Яковлева, который отъ себя собственно (онъ былъ сынъ довольно богатаго торговца въ серебряномъ ряду) приложилъ 100 рублей ассигнаціями. Гробъ Измайлова несли всѣ наличные петербургскіе литераторы.

ПОЭТЪ НА ЧУЖБИНѢ.

(Отрывокъ изъ Фрейлиграта).

Срубилъ я ель—притонъ орловъ любимый.
Къ моимъ ногамъ, стяхнувъ покровъ свой свѣжнй,
Она легла. Въ глуши непроходимой,
Вдали отъ всѣхъ мой трудъ идетъ прилежно.

Мое чело нигдѣ не отдыхало,
Нигдѣ не зналъ я очага родного:
Мой первый домъ рукой моею усталой
Создастся здѣсь, у моря мнѣ чужого.

Онъ будетъ простъ: траву я собираю
Съ высокихъ скалъ и конопачу щели;
Кору и мохъ съ стропиль я не срываю
И топоромъ гремлю среди ущелій.

Въ сухой травѣ чуть слышенъ шорохъ странный —
О, духъ лѣсовъ, храни мой домъ пустынный,
Чтобъ не снесли его ни ураганы,
Ни молніи, ни свѣжныя лавины,

Чтобъ онъ стоялъ, весь солнцемъ озаренный,
Чтобъ онъ не палъ отъ вражьихъ нападений
И не исчезъ, какъ свѣгомъ занесенный,
Слѣдъ отъ копытъ промчавшихся оленей.

Да, хороша такая мастерская!
Кусты блестятъ, на вѣтвяхъ брилліанты,
Весь лѣсъ горитъ, въ лучахъ зари сверка,
И каждая въ немъ ель—копье гигапта.

Касаются небесъ лазурныхъ горы;
Живутъ въ своемъ безмолвіи долины;
Тамъ у рѣки спѣшить достроить норы
Работникъ-бобръ у свѣговой плотины.

Въ густыхъ вѣтвяхъ мелькаетъ рогъ красивый;
 Чтобъ снѣгъ лизнуть, бизонъ сгибаетъ спину;
 Кричитъ косачъ и слышно, какъ пугливо
 Идетъ олень, хрустя, черезъ лощину.

Выходитъ рысь отважно для охоты,
 Несется лось... Какъ грудь свободно дышетъ!
 И въ глубинѣ души, среди работы,
 Созрѣла пѣснь,—но кто-жь ее услышитъ?

Въ лѣса, въ лѣса! Повѣяло весною,
 Сбѣгаетъ снѣгъ растаявшій ручьями
 И крокодилъ съ чешуйчатой спиною
 Спитъ на пескѣ подъ теплыми лучами.

И всплески рыбъ, и птичье щебетанье!
 Весь въ почкахъ лѣсъ; травой онъ проростаеть,
 И съ высоты, гдѣ слышно ворванье,
 Листки цвѣтовъ къ погамъ моимъ роняеть.

За самкою олень идетъ полями,
 Глухарь въ вѣтвяхъ свой гребень прочищаетъ
 И дикихъ пчелъ царица надъ кустами
 Со свитою своей перелетаеть.

Не капнетъ-ли и мнѣ хоть капля меда?
 Скорѣе въ лѣсъ! Среди благоуханій
 Вольнѣй дышать... И я къ тебѣ, природа,
 Иду, какъ царь, со свитою мечтаний.

По вечерамъ я направляюсь въ горы:
 Въ душѣ любви и ненависти муки,
 У ногъ лежатъ гигантскія озера —
 И льются съ устъ невольно пѣсень звуки.

Минувшихъ дней напѣвы дорогіе,
 Въ кругу друзей звучавшіе, бывало,
 Я васъ занесъ сюда, въ лѣса чужіе,
 Гдѣ наша рѣчь покоя не смущала.

Проснулся горъ незыблемыя кручи,
 Откликнулась въ ущельяхъ скалъ природа,
 Зашелестѣлъ верхами лѣсъ дремучій
 Въ отвѣтъ на пѣснь любимую народа.

Приподняли рога свои олени,
 Когда до нихъ дошли съ скалы высокой
 Мелодіи могучихъ вдохновеній,
 Мелодіи пѣвцовъ страны далекой.
 Въ чужомъ краю родимыхъ пѣсенъ пѣнье
 Терзало грудь,—но пѣлъ я, полный муки,
 Второй Орфей,—и если не каменья,
 То дикихъ змѣй будили эти звуки.

Сегодня въ ночь я видѣлъ въ сновидѣннѣхъ
 Родимый край и все, что сердцу свято;
 Я вновь бродилъ въ лѣсу подь тою тѣнью,
 Гдѣ я хотѣлъ и умереть когда-то.

.
 Меня будилъ мой спутникъ по охотѣ:
 „Ты крѣпко спалъ! Бизоновъ мы травили
 Среди лѣсовъ. Вставай скорѣй къ работѣ!
 За Виннипегъ отъ насъ они ушли!“

Чуть брежжиль день; туманами покрыта
 Была рѣка, когда, начавъ охоту,
 Мы мчались въ путь и конскія копыта
 Будили лѣсъ, спугнувъ его дремоту.

Промчалась лось, за нею вслѣдъ пугливо
 Въ густыхъ кустахъ другія замелькали,—
 Мы лошадей сдержали торопливо
 И двадцать пуль по лѣсу просвистали.

Но ни одинъ вѣтвистый рогъ предъ нами
 Не задрожалъ подь пулею постылой:
 Враги смѣлѣй трягнули головами
 И ринулись впередъ съ двойною силой.

Они, какъ вихрь, мгновенно прошумѣли,
 Но говорилъ намъ ясно слѣдъ кровавый,
 Что хоть одна изъ пуль достигла цѣли,
 Что не уйдетъ отъ рукъ нашъ врагъ лукавый.

Слѣды звѣрей насъ завели далеко
 И разошлись внезапно передъ нами:
 Одинъ изъ нихъ безъ крови велъ къ потоку,
 Другой, въ крови, терялся за кустами.

Вожакъ нашъ всталъ и обратился къ свитѣ:
 „Здѣсь лось одна метнулась прочь отъ стада,
 Вы вслѣдъ за нимъ въ „долину змѣй“ спѣшите,
 Мнѣ съ „бѣлымъ“ здѣсь искать добычу надо“.

Своихъ коней мы шпорили сердито,
 Скорѣе въ глушь проникнуть мы хотѣли:
 На сучьяхъ кровь, клочки травы изрытой
 Намъ помогли найдти дорогу къ цѣли.

Мнѣ говорилъ мой спутникъ: „Если ранатъ
 Смертельно лось и смерть къ ней подступаетъ, —
 Отъ табуна сейчасъ она отпрянетъ,
 Несется въ глушь одна и издыхаетъ.“

„Въ тѣни деревъ съ широкими вѣтвями,
 Въ ущельяхъ скалъ, на ихъ у ихъ подножій,
 Гдѣ никогда не блещетъ день лучами,
 Предсмертное она находитъ ложе.“

„Взгляни наверхъ: надъ елью коршунъ рѣшетъ.
 Онъ привлеченъ добычею желанной
 И прежде насъ добратся онъ успѣетъ
 Туда, гдѣ лось упала бездыханной“.

Дикарь былъ правъ: врагъ былъ смертельно раненъ,
 Погасъ огонь его живого взгляда
 И трупъ его костистый бездыханенъ
 Лежалъ вдали отъ дружескаго стада.

Въ лѣсную глушь, которая не знала
 Ни топора, ни солнца, въ запусѣнье
 Укрылся звѣрь—и эта глушь внимала
 Одна его предсмертному хрипѣнью.

.

ВЪ ОЖИДАНИИ ЗЕМНЫХЪ БЛАГЪ.

РОМАНЪ

ГРЕНВИЛЯ МОРРЕЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Герцогъ Куртопъ.

Это былъ чистокровный великобританскій аристократъ, обладатель громадныхъ богатствъ и всевозможныхъ титуловъ, считавшійся чуть не великимъ человѣкомъ до парламентской реформы 1830 года. Онъ посылалъ одиннадцать депутатовъ въ палату общинъ; во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія можно было найти людей, которые были обязаны своимъ положеніемъ его высокому покровительству. Однажды онъ принялъ мѣсто вице-короля Ирландіи, снисходя на личную просьбу принца-регента, любившаго ставить блестящихъ представителей своей власти; онъ также былъ нѣкоторое время членомъ одного изъ придворныхъ министерствъ, завѣдывавшихъ доходами, расходами и особенно долгами принца; но онъ былъ слишкомъ гордъ и высокопоставленъ, чтобъ придавать какую-нибудь цѣну министерскому портфелю. Онъ былъ главою той могучей партіи, которая руководила многими, слѣдовавшими одно за другимъ, министерствами, и ни одинъ предводитель партіи не рѣшался составить кабинетъ, не заручившись сначала его согласіемъ и поддержкой. Онъ позволялъ своимъ клиентамъ въ палатѣ общинъ подавать голоса, какъ имъ было угодно, по лич-

нымъ касавшимся до нихъ дѣламъ, но какъ только выступалъ на очередь вопросъ, разрѣшеніе котораго могло угрожать привилегіямъ аристократіи, герцогъ и дюжина или двѣ его друзей отдавали немедленно приказъ о правильномъ его разрѣшеніи, согласно ихъ интересамъ, и отправлялись могущественнымъ легиономъ въ Вестминстеръ для личнаго наблюденія за дѣйствіями своихъ кліентовъ.

Герцогъ великолѣпно жилъ въ своихъ родовыхъ замкахъ, въѣзжалъ въ блестящихъ экипажахъ и изумлялъ толпу своей необыкновенной роскошью. Онъ требовалъ отъ всѣхъ благоговѣйнаго уваженія, но дѣлалъ это такъ просто, такъ естественно, что каждый считалъ это поклоненіе его особѣ необходимымъ, какъ-бы установленнымъ самой природой; и самъ герцогъ принималъ его за такое-же обыкновенное явленіе, какъ подаваніе бифтекса—его любимаго кушанья—на золотомъ блюдѣ ливрейнымъ лакеемъ. Всѣ охотно и безусловно платившіе герцогу эту законную дань уваженія могли смѣло рассчитывать на его вниманіе и подачку. Для древняго рода герцога не было ничего невозможнаго; доходныя мѣста, пенсіоны, епископскія митры, чины въ арміи и флотѣ, громадныя судебныя синеюры и всевозможныя казенныя должности—все это онъ могъ доставить по одному его мановенію, все это могло посыпаться на человѣка, находившагося подъ его покровительствомъ.

Герцогъ Куртопъ, жившій въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія, испыталъ всѣ удовольствія и непріятности велико-свѣтской жизни того времени. Говорятъ, что юность его протекала въ суйныхъ оргіяхъ и что онъ вообще легкомысленно пользовался своимъ богатствомъ и аристократическимъ титуломъ. Мистеръ Мортмэнъ, старый стряпчій фамиліи Вильдвилей,—однимъ изъ огрысковъ которой былъ герцогъ Куртопъ,—наморщивалъ брови лѣтъ двадцать спустя, какъ только заходила рѣчь о юношескихъ похиженіяхъ молодого Куртопа; кромѣ того, упорно поддерживался слухъ о шотландскомъ бракѣ герцога и о таинственно исчезнувшей дочери, которая могла впоследствии сдѣлаться законной наслѣдницей большей части помѣстій герцога, приписанной къ шотландскому графству Вингидъ, полученному имъ отъ матери. Но мало-по-малу этотъ слухъ замеръ и герцогъ былъ уже давно обвинчанъ прелатомъ, которому онъ доставилъ епископскую митру,

съ леди Мери Оверло, единственной наслѣдницей и представительницей другого герцога, за потомствомъ котораго было признано завѣщаніемъ Генриха VІІІ право на англійскій престолъ. Въ аристократическихъ кружкахъ поговаривали, что у нихъ былъ одинъ сынъ, красивый молодой человѣкъ съ наслѣдственной склонностью къ разгулу, и что герцогиня умерла, не оставивъ другихъ дѣтей. Но люди, быть можетъ, болѣе свѣдущіе, увѣряли, что она никогда не имѣла дѣтей; впрочемъ, этотъ темный вопросъ вове не былъ такъ важенъ, чтобы стоило имъ долго заниматься. Въ списокѣ перовъ было отмѣчено, что существуетъ герцогъ Куртопъ, перъ Ирландіи, и порядочное общество довольствовалось этимъ. Герцогъ не очень близко принялъ къ сердцу и смерть своей жены; быть можетъ, онъ былъ тогда занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, и, дѣйствительно, на рукахъ у него было много хлопотъ, которыя отвлекали его вниманіе. Онъ принималъ Людовика XVІІІ и его многочисленную свиту съ такимъ великолѣпіемъ, что долги, впоследствии такъ назойливо беспокоившіе герцога, съ этого времени рѣшительно подавили его. Онъ также поддерживалъ избирательную борьбу противъ сторонниковъ Гонта и Коббета въ родовыхъ его мѣстечкахъ, гдѣ зарождались стремленія къ независимости. Особенно шотландскій купецъ, по имени Браунъ, нажившій огромное состояніе въ Индіи, противодѣйствовалъ кліенту герцога въ одномъ избирательномъ округѣ, зависѣвшемъ вполнѣ отъ семейства Вильдвилей, и выказывалъ при этомъ страшное упорство, точно онъ дѣйствовалъ изъ личной ненависти къ герцогу. Подобныя поступки Брауна, впоследствии осмѣливагося даже купить участокъ земли по сосѣдству съ помѣстьями герцога, были доведены до свѣденія послѣдняго избирательнымъ агентомъ, но герцогъ отклонилъ дальнѣйшій разговоръ объ этомъ предметѣ. Однако, борьба была ведена съ обѣихъ сторонъ съ такимъ упрямствомъ, что миистеръ Браунъ потерялъ половину своего состоянія и принужденъ былъ снова отправиться въ Индію для поправленія своихъ финансовъ. Узнавъ объ его отъѣздѣ, герцогъ улыбнулся своей сухой, надменной улыбкой, но никогда болѣе не посѣщалъ этого мѣстечка, хотя всѣ тамошніе купцы умоляли его поддержать своимъ пріѣздомъ и вліяніемъ упавшую торговлю.

Послѣдніе годы его жизни протекли въ полномъ уединеніи; онъ былъ старъ, страдалъ подагрой и былъ почти бѣденъ. Онъ

никогда не могъ примириться съ политическимъ переворотомъ 31—32 годовъ и говорилъ съ величайшей горечью о лордѣ Грѣ, который „просто ограбилъ его“. Новой силой, ворочавшей государственнымъ механизмомъ, сдѣлались деньги, а въ деньгахъ у него чувствовался большой недостатокъ. Мистеръ Браунъ возвратился въ Англію и одержалъ побѣду на парламентскихъ выборахъ въ городѣ Скайпортъ, находившемся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ герцогскаго парка и постояннымъ представителемъ котораго былъ до тѣхъ поръ родственникъ герцога лордъ Рупертъ Вильдвиль. Всего-же хуже было то, что онъ не могъ болѣе указывать своихъ арендаторовъ, такъ какъ обширныя владѣнія его находились подъ опекой и всѣ его ренты были конфискованы на удовлетвореніе кредиторовъ. Прошлое, еще столь недавнее, когда онъ былъ всемогущъ, казалось ему какимъ-то невѣроятнымъ сномъ и онъ часто спрашивалъ себя, былъ-ли онъ дѣйствительно нѣкогда великой особой, — онъ, теперь всѣми забытый, — между тѣмъ какъ во всѣхъ устахъ гремѣло имя какого-то темнаго ирландца О’Коннея, а французскій графъ Д’Орсе, которому онъ когда-то добродушно кривовилствовалъ, былъ царемъ моды въ Лондонѣ. *Sic transit gloria mundi!* часто повторялъ герцогъ Куртошъ въ своемъ опустѣломъ замкѣ, подъ сводами котораго еще такъ недавно праздновались сарданапаловскіе пиры въ присутствіи многочисленной толпы его друзей и клиентовъ. Теперь-же, въ эти тяжелыя времена, единственнымъ развлеченіемъ герцога были уединенныя прогулки по темнымъ аллеямъ парка; кромѣ того, онъ любилъ чистить фарфоровый фарфоръ, высоко цѣнимый любителями, и кормить фазановъ, которые, вѣроятно, сочувствовали ему, такъ-какъ они такъ же были удалены отъ двора, гдѣ болѣе не появлялись на торжественныхъ банкетахъ короля-моряка. Однажды посѣтивъ Лондонъ на нѣсколько дней, онъ встрѣтился съ какимъ-то банкиромъ, который осмѣялся заговорить съ нимъ, герцогомъ Куртошъ, перомъ и кавалеромъ ордена Подвязки. Онъ взглянулъ на банкира съ патетическимъ изумленіемъ, но на миллионера этотъ холодный и презрительный взглядъ вовсе не подѣйствовалъ. Вслѣдствіе-ли подобной неслыханной дерзости, подагры или расстройства желудка отъ роскошныхъ обѣдовъ въ Карльтонъ-Гаузъ и Павильонъ, но вскорѣ послѣ этого въ Times’ѣ появилась статья, извѣщавшая публику о преждевременной и печальной кончинѣ

герцога Куртопа. Въ некрологѣ говорилось, что „всѣ доблести и добродѣтели умерли вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ достойно почтить память послѣдняго изъ Великихъ столповъ старой Англіи.“

II.

Вэвфильдъ-и-а-волотъ.

Въ мирной, сонной деревушкѣ на границѣ Оксфордшира находилась небольшая гостинница, извѣстная всѣмъ проѣзжающимъ извозчикамъ своимъ хорошимъ пивомъ и душистымъ сѣномъ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ по большимъ дорогамъ Англіи тянулось много возовъ и „Шашечница“, какъ значилось на громадной вывѣскѣ, титуловавшей эту гостинницу, могла-бы приносить хорошій доходъ; но хозяинъ ея, Джонъ Джайльсъ, постоянно пьянствовалъ съ посѣтителями и неисправно велъ свои счета. Это былъ тупой и добродушный, но совершенно безвредный человѣкъ; при жизни жены онъ также напивался, но украдкой и никогда въ пьяномъ видѣ не являлся передъ посѣтителями; схоронивъ-же ее, онъ запилъ горькую и сильно опустился. Если обѣдъ былъ готовъ въ часъ и кружка пива находилась постоянно у него подъ рукою, то онъ былъ стоически равнодушенъ ко всему остальному. Молодая дѣвушка, какъ говорили, племянница его жены, вела все хозяйство, которое — надо отдать ей справедливость—было въ полномъ порядкѣ. Кромѣ нея, въ гостинницѣ находился еще только одинъ слуга, исполнившій свои обязанности добросовѣстно, хотя и мѣшеотно, и притомъ не открывая рта иначе, какъ въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Его мѣшеватость отчасти объяснялась тѣмъ, что онъ никогда не спускалъ глазъ съ молодой дѣвушки, а когда ея не было въ гостинницѣ, то онъ искалъ ее взглядомъ, полнымъ глубокой тоски, которую, очевидно, онъ не могъ выразить словами. Его звали Томъ Браунъ и онъ также былъ родственникомъ покойной хозяйки, которая, не имѣя сама дѣтей, заботилась о томъ, чтобъ въ гостинницѣ были люди близкіе и вѣрные. Онъ родомъ былъ изъ Нортумберланда и отличался сѣверной смекалкой, хотя по наружности выглядывалъ чистымъ пентюхомъ и дуравомъ.

Молодую дѣвушку всѣ звали Маджи Джайльсъ и только пасторъ называлъ ее миссъ Маргарита, что возбуждало ея веселый

смѣхъ, но втайнѣ доставляло ей удовольствіе; каждый разъ, когда онъ проходилъ мимо гостинницы, она лукаво выбѣгала къ нему на встрѣчу и краснѣла отъ счастья, что хоть кто-нибудь относится къ ней съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Объ ея прошломъ извѣстно было только одно, что девятнадцать лѣтъ тому назадъ ея мать въ самомъ несчастномъ, нищенскомъ положеніи явилась въ гостинницу и, родивъ маленькую Маджи, вслѣдъ за тѣмъ умерла. Подобные случаи бывають часто, и хотя, быть можетъ, деревенскія вумушки выводилъ изъ этого происшествія скандальныя сплетни, тѣмъ не менѣе Джайльсъ и его жена были слишкомъ приличные люди, чтобъ на нихъ пало какое-нибудь подозрѣніе, а потому они преспокойно оставили у себя безпріютную Маджи. Когда она выросла, то стала управлять всѣмъ домою, и Джонъ Джайльсъ, почти никогда пенаходившійся въ трезвомъ состояніи, наконецъ, началъ сомнѣваться, не дѣйствительно-ли она его дочь, хотя онъ и не помнилъ, какъ и когда его жена могла произвести ее на свѣтъ. Маджи называла его отцомъ и все въ гостинницѣ шло, какъ по маслу. Красота этой молодой дѣвушки была столько-же замѣчательна, какъ ея невѣжество; это былъ типъ физическаго совершенства, неодушевленнаго ни одной искрой какой-бы то ни было мысли; она, какъ большинство англійскихъ поселянокъ, не имѣла никакой памяти, никакихъ ясныхъ понятій о чемъ-бы то ни было. Она могла вспомнить, что въ прошедшее Рождество за обѣдомъ былъ пудингъ и что она ребенкомъ упала въ каминъ, но забывала все, что ей говорили наканунѣ, если это не касалось ея собственной личности. Она не умѣла ни читать, ни писать, съ грѣхомъ считала до двадцати и не знала дороги до ближайшаго города, хотя телѣги и экипажи проѣзжали мимо гостинницы ежедневно туда и обратно. Ей невозможно было объяснить самыхъ простыхъ вещей и она даже не могла правильно произнести имени своего друга-пастора, а называла его просто *папой*, тогда-какъ въ спискахъ духовенства онъ именовался достопочтеннымъ Мармодюкомъ Моледи. Однимъ словомъ, это былъ прелестный звѣрекъ, смѣющійся, поющій, умѣющій стряпать и шить, такъ-что, когда мистеръ Моледи думалъ о ней, — а это случалось нерѣдко, — онъ спрашивалъ себя, рождается-ли человекъ прямо съ душой или душа развивается впоследствии религіей, мыслями и страданіями.

Въ холодный октябрьскій вечеръ, когда земля усѣяна золотистой листвою полуобнаженныхъ деревьевъ, передъ гостинницей „Шашечница“ на деревянныхъ скамьяхъ сидѣло пѣсколько поселянъ. Они пили пиво и закусывали хлѣбомъ съ ветчиной. Отъ времени до времени они перебрасывались отрывочными словами или хохотали надъ какой-нибудь шуткой, но вообще это былъ народъ не словоохотливый и не очень веселый. Покончивъ ужинъ, они разошлись одинъ за однимъ и потянулись съ своими возами въ дальнѣйшій путь. Наконецъ, остались только двое посѣтителей—кузнецъ Гарри Джинксъ и могильщикъ мистеръ Джойсъ, которые вѣжствъ съ хозяиномъ гостинницы отличались способностью пить безъ устали и когда угодно. Между тѣмъ ночь, вообще приносящая человѣку облегченіе, но иногда посылающая горе и страданія, медленно опустилась на землю. Сгада уже возвратились съ пастбища и въ окнахъ хижинъ засвѣтились огоньки. Солнце, весь день скрывавшееся за облаками, часъ тому назадъ вышло на минуту и, закатившись на горизонтъ, зажгло небо огненнымъ заревомъ. Черныя тучи подвигались съ запада и крупныя, тяжелыя капли дождя, падавшія время отъ времени, предвѣщали грозу.

Могильщикъ, мистеръ Джойсъ, маленькій, худощавый человѣчекъ, чрезвычайно почтенный и серьезный на взглядъ, собрался также въ путь и сталъ шарить по карманамъ, отыскивая деньги. Однако, всѣ его поиски были напрасны и, наконецъ онъ снялъ шляпу, какъ-бы предполагая въ ней пайти что-нибудь; дѣйствительно, тамъ оказалось нѣчто, но не деньги, а желтый носовой платокъ.

— А, произнесъ задумчиво мистеръ Джойсъ,—понимаю. Моя старуха опять обобрала у меня деньги и спрятала ихъ въ свой чулокъ. Отвѣтъ мѣлкому, Маджи, три кружки. Я заплачу послѣ первыхъ похоропъ.

— Всего будетъ девять кружекъ за вами, я ужъ отвѣтила, отвѣчала Маджи, которая всегда зорко слѣдила за счетами.

— Да, да, девять кружекъ! воскликнулъ кузнецъ:—красавица говорить правду.

— Нѣтъ, возразилъ могильщикъ:—я выпилъ болѣе трехъ, но тѣ не въ счетъ, я пилъ для компаніи съ Джономъ Джайльсомъ. Не такъ-ли, Джонъ?

Хозяинъ, вызванный такимъ образомъ на прямой отвѣтъ, ста-

рался-было понять, въ чемъ дѣло, но убѣдившись, — что это невозможно, такъ-какъ голова его кружилась вихремъ, произнесъ отрывисто: „До-о-вольно“.

— Джонъ Джайльсъ не любитъ терять словъ, замѣтилъ мистеръ Джойсъ, обращаясь къ кузнецу, — но онъ всегда говоритъ дѣло.

Совершенно напрасно думаютъ, что лестъ — удѣлъ высокихъ особъ; Джонъ Джайльсъ любилъ, чтобъ ему льстили, не менѣе любого изъ сильныхъ міра сего; и мистеръ Джойсъ, удовлетворивъ этой слабости, отправился домой съ такой-же самодовольной улыбкой, какъ придворный принца Монакского, которому удалось ловкой лестью выпросить себѣ доходное мѣсто. Стоило-ли унижаться изъ-за нѣсколькихъ кружекъ пива — трудно сказать, такъ-какъ это зависитъ отъ того уваженія, которое человѣкъ питаетъ къ пиву.

Кузнецъ всталъ, зѣвнулъ, потянулся и допивъ свою кружку до послѣдней капли, хотѣлъ послѣдовать за могильщикомъ, но вдругъ замѣтилъ что-то необыкновенное на дорогѣ недалеко отъ гостинницы. Прежде всего за деревьями показалось что-то красное, а потомъ какая-то большая фигура, прихрамывая, слѣдовала за краснымъ призракомъ. У кузнеца было отличное зрѣніе и черезъ нѣсколько минутъ напряженнаго наблюденія онъ замѣтилъ Тому Брауну, который, убирая на ночь ведра, какъ всегда отыскивалъ глазами Маджи:

— Этотъ господинъ въ красной, охотничьей курткѣ — Томъ; а ведетъ онъ хромуя лошадь. Вѣроятно, ее надо подковать; пойду-ка разведу огонь въ кузницѣ. Заработать копейку теперь очень кстати.

Сказавъ это, кузнецъ громко захохоталъ и поспѣшно удалился.

Дѣйствительно, человѣкъ въ красной курткѣ, держа въ поводу лошадь, медленно ковылявшую за нимъ, прошелъ мимо безмолвной мельницы, пасторского дома, необитаемаго уже съ давнихъ поръ (ректоръ того прихода, къ которому онъ принадлежалъ, находился въ тюрьмѣ и на домъ былъ наложенъ секвестръ), мимо церкви, находившейся по близости, и остановился передъ дверью гостинницы. Въ эту минуту вывѣска „Шашечница“ жалобно заскрипѣла отъ порыва вѣтра и дождь пошелъ сильнѣе, слово устранены были преграды, удерживавшія его дотолѣ.

— Эй, слуга! сказалъ охотникъ пріятнымъ, но повелительнымъ тономъ:—убери лошадь, да посмотри за нею хорошенько: у нея повреждена нога. А вы, хозяинъ, дайте мнѣ стаканъ самаго лучшаго пива и велите запретъ таратайку; меня надо отвезти въ Дровингтонъ.

Хозяинъ гостиницы повторилъ слова таратайка такимъ страннымъ голосомъ, точно говорилъ: — хорошо тебѣ толковать о таратайкѣ, а гдѣ-же я ее возьму?

Между тѣмъ дождь все усиливался и охотникъ вошелъ въ домъ, съ хлыстомъ въ рукѣ. Онъ невольно поражалъ своей красотой и благородной осанкой. Высокаго роста, стройный, онъ имѣлъ правильныя черты, свѣжей цвѣтъ лица и черные, вьющіеся на вискахъ волосы. Приблизившись къ огню въ кухнѣ, онъ опустился въ деревянныя кресла и затанулъ какую-то-пѣсію сильнѣмъ, пріятнымъ голосомъ. Когда-же Маргарита подала ему пиво, то онъ прежде взглянулъ на нее, потомъ выпилъ залпомъ весь стаканъ, потому-что его мучила жажда послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на охотѣ, и снова вскинулъ свой довольный взглядъ на молодую дѣвушку.

— Какъ васъ зовутъ, Мэри? спросилъ онъ.

— Маджи, въ вашѣмъ услугамъ, сэръ, отвѣчала она, краснѣя:— а не Мэри, на-сколько мнѣ извѣстно.

— Маджи—очень хорошенькое имя, замѣтилъ охотникъ смѣясь и показывая рядъ прекрасныхъ зубовъ.

Но въ эту минуту въ дверь вошелъ Томъ Браунъ и прервалъ разговоръ.

— Хозяинъ говоритъ, что вамъ нужна таратайка, сэръ, сказалъ онъ, обращаясь къ охотнику, появленіе котораго, повидимому, ему не было очень пріятно.

— А! отвѣчалъ незнакомецъ добродушно и, очевидно, вспоминая что-то забытое.—Да, мнѣ нужна таратайка, заложите поскорѣй.

— У насъ нѣтъ таратайки, отвѣчалъ Томъ съ видимымъ неудовольствіемъ;—но отсюда недавно уѣхала телѣга и возница навѣрное теперь остановился въ „Стогъ Сѣна“, въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ отсюда. Вы можете ее догнать, сэръ, если попытаетесь.

— Благодарю, отвѣчалъ охотникъ, зѣвая и откидываясь на

спинку кресла;—я пѣшкомъ не пойду за телѣгой; вы можете ее привести на плечахъ, а Маджи устроить мѣ въ ней постель.

Сказавъ это, онъ засмѣялся, и его смѣхъ былъ такой веселый, что Маджи также захохотала, а Томъ ирочно улыбнулся, удивляясь, чему они смѣются. Онъ не понималъ, какъ это могла залѣзть въ голову человѣка мысль спать въ телѣгѣ, когда въ дождь былъ прекрасный сѣнникъ, но онъ ничего не сказалъ, ибо, по непривычкѣ, слова съ трудомъ выходили изъ его устъ.

Видя, что Томъ не двигается съ мѣста и вытаращилъ глаза на него и Маджи, охотникъ подошелъ къ окну и, насвистывая, поглядѣлъ на дорогу. Было совершенно темно и гроза свирѣпствовала со всюю силою равноденственной бури. За нимъ въ комнатѣ пылалъ огонь и Маджи поспѣшно готовила ужинъ хозяину. Этотъ ужинъ наполнялъ кухню соблазнительнымъ запахомъ и голодный охотникъ съ удовольствіемъ сталъ думать о немъ. Черезъ минуту онъ обернулся, бросилъ нетерпѣливый взглядъ на Тома, пробарабанилъ что-то на стеклѣ окна и неожиданно спросилъ у Маджи, можетъ-ли онъ получить отдѣльную комнату, поужинать и почевать.

Молодая дѣвушка, совершенно безсознательно, даже не подумавъ, отвѣчала: *да*. Но едва произнесла она это слово, какъ сама испугалась. Никогда путешественники не требовали въ этой деревенской гостинницѣ ужина и спальни; однако, дождь былъ большой и въ немъ было нѣсколько незанятыхъ комнатъ; она могла затопить каминъ въ одной изъ нихъ, а въ другой постлать постель, такъ-какъ бѣлья у нея было достаточно. Трудъ этотъ былъ небольшой, а на другое утро незнакомецъ уѣдетъ. Что касается ужина, то онъ ей представлялся не иначе, какъ сочетаніемъ яицъ, свинины, картофеля и жареныхъ угрей, которыми изобиловалъ околודокъ, а всего этого въ гостинницѣ было вдоволь. Такимъ образомъ, черезъ часъ незнакомецъ, подкрѣпившись этимъ неприхотливымъ, но сытнымъ ужиномъ, заснулъ крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ передъ пылающимъ огнемъ въ отведенной для него комнатѣ.

III.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГОСТИНИЦА.

Кузнецъ потребовалъ еще кружку пива и сѣлъ за ужинъ вмѣстѣ съ Джономъ Джайльсомъ, главнымъ образомъ для того, чтобы поговорить о незнакомцѣ и его лошади.

— Я слышалъ, сказалъ онъ почтительнымъ тономъ, — что такія лошади стоятъ цѣлаго состоянія.

— Это зависитъ отъ того, что называютъ состояніемъ, отвѣчалъ Джонъ Джайльсъ, который смутно помнилъ, что кто-то оцѣнялъ свою пивоварню въ 100,000 фунт.; — лошадь не можетъ стоить цѣлаго состоянія, Гарри.

— Нѣтъ, можетъ, упрямо отвѣчалъ Джинксъ: — мой братъ слышалъ отъ одного человѣка, жившаго въ Лейстерширѣ, что сэръ Фрэнсисъ Бурдетъ заплатилъ 700 фунт. за лошадь, посившую имя Самсонъ, а она не могла быть лучше этого кола, прибавилъ кузнецъ, ударяя кулакомъ по столу.

Въ тѣ времена всѣ въ Англіи говорили о сэрѣ Фрэнсисѣ Бурдетѣ и его имя было почти легендарнымъ.

— Да однѣ подковы, продолжалъ кузнецъ послѣ минутнаго молчанія, — съ сѣдломъ и уздечкой стоятъ болѣе моего полугодичнаго жалованья.

— Ваше полугодичное жалованье — круглая сумма, отвѣчалъ хозяинъ, не совсемъ ясно соображая, о чемъ онъ говорилъ: — а кусокъ желѣза и кусокъ кожи не могутъ дорого стоять.

— Подковы стальные, а сѣдло индѣйское, замѣтилъ кузнецъ, желая выставить во всемъ блескѣ открытую имъ диковину.

Маджи сидѣла въ углу кухни и жадно слухала слова кузнеца, который, сознавая магнетическое вліяніе, производимое сочувствіемъ слушателя на оратора, вѣроятно, никогда не кончилъ-бы своихъ похвалъ незнакомцу и его лошади, но въ это время хозьяинъ громко захрапѣлъ и кузнецъ умолкъ. Свѣча уже почти догорѣла, что было вѣрнымъ признакомъ поздняго часа, и, пожелавъ молодой дѣвушкѣ доброй ночи, онъ отправился домой. Черезъ нѣсколько минутъ Джонъ Джайльсъ проснулся отъ неожиданнаго шума.

давно воцарившейся тишины и, въ просонкахъ протерѣвъ глаза, промолвилъ: „девять часовъ“, и также пошелъ спать.

Маджи осталась одна передъ каминомъ, погруженная въ глубокую думу. О чемъ она думала, — сама не знала, и только много лѣтъ спустя отдала себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя впервые возбудили ея дремлющее воображеніе въ эту памятную ночь, когда она, сидя въ кухнѣ, пристально смотрѣла на догоравшіе угли, изъ груды которыхъ возставали передъ нею какіе-то странные, невѣдомые образы. Работа выпала изъ ея рукъ и прошло болѣе часа прежде, чѣмъ она очнулась отъ этого забытья. Наконецъ, Томъ Браунъ появился въ дверяхъ съ фонаремъ въ рукѣ; но молодая дѣвушка не обратила на него вниманія. Что сдѣлалось съ нею? Она, казалось, теперь была далеко отъ него; во всей ея фигурѣ замѣчалось что-то странное, точно она принадлежала къ другому, высшему классу созданій, и честный Томъ впервые понялъ, какъ неизмѣримо онъ ниже Маджи. Однако, осторожно подойдя къ ней, чтобъ не нарушить ея глубокаго спокойствія, онъ придалъ такое нѣжное выраженіе своему лицу, что его грубые черты преобразились и неловкія движенія стали почти граціозны; когда-же онъ заговорилъ, голосъ его, несмотря на незначительность сказанныхъ имъ словъ, звучалъ сердечной добротой и твердостью покровителя, который защититъ ее отъ всякой опасности, хотя-бы это стоило ему жизни.

— Я отправляюсь съ письмомъ въ городъ, сказалъ Томъ.

— Да? произнесла Маджи, не сводя глазъ съ огня.

— Письмо отъ господина, что теперь наверху, продолжалъ Томъ, указывая пальцемъ на потолокъ: — я не вернусь раньше утра; путь не близкій: двѣнадцать миль въ одинъ конецъ.

— Не болѣе, произнесла молодая дѣвушка прежнимъ безразнательнымъ тономъ.

— Вы не боитесь, Маджи? сказалъ Томъ, ставя фонарь на столъ; — если вы боитесь, я останусь. Скажите только слово — и я останусь.

— Чего-же мнѣ бояться? замѣтила сердито Маджи.

— Я не знаю... отвѣчалъ Томъ и, почесавъ въ затылкѣ, вышелъ изъ кухни.

Черезъ нѣсколько минутъ его тяжелые шаги замерли и снова

воцарилась тишина, прерываемая только мѣрнымъ стукомъ стѣнныхъ часовъ да чирканьемъ сверчка за печкой.

Вдругъ Маджи вспомнила, что она не убрала стола въ комнатѣ путешественника, и, послѣшно отправившись наверхъ, нашла его спящимъ въ большомъ креслѣ, въ которомъ никто не сидѣлъ со времени смерти хозяйки гостиницы. Уголья тлѣли въ каминѣ, а почти догорѣвшія свѣчи слабо мерцали въ подсвѣчникахъ. Маджи не хотѣла разбудить незнакомца и нѣсколько минутъ стояла неподвижно, колеблясь, остаться-ли ей или уйти. Блестящія принадлежности моднаго франта прошлаго поколѣнія небрежно валялись по всей комнатѣ. Массивная ручка его охотничьяго хлыста была чистаго золота, а самый хлыстъ, лежавшій на дубовомъ полу, былъ бѣлый, какъ снѣгъ. Незнакомецъ обрѣзалъ голенища своихъ ботфортовъ и бросилъ ихъ съ серебряными шпорами въ совокъ; головки-же безъ задковъ служили ему вмѣсто туфель. На каминѣ лежали золотыя часы съ брилліантовымъ вензелемъ и гербомъ. Въ первую минуту брилліанты показались Маджи каплями воды и она протянула руку, чтобъ обтереть часы. Но, почувствовавъ подъ пальцами камень, она вспомнила, что ей рассказывали о брилліантахъ и объ ихъ громадной цѣнности; она теперь съ женскимъ любопытствомъ стала ихъ разсматривать, обращая ихъ къ свѣту и любясь ихъ удивительной игрой. Она стояла подлѣ самого незнакомца, но онъ не проснулся. Одна его нога покоилась на рѣшеткѣ каминна, а другая была перекинута черезъ ручку кресла, и упавшая съ нея туфля лежала подлѣ на полу. Маджи никогда не видала такихъ маленькихъ ногъ и съ чисто-женскимъ чутьемъ замѣтила, что чулки у него были бѣлые шелковые. Онъ все продолжалъ спать, а она становилась мало-по-малу смѣлѣе, подошла къ столу, чтобы посмотрѣть, много-ли онъ съѣлъ, и увидѣла, къ своему крайнему удивленію, что онъ не тронулъ жареной свинины и ѣлъ угри, вѣрно, вилокъ, такъ-какъ всѣ ножи были неприкосновенно-чисты. Потому она снова взглянула на спящаго охотника, думая, не проснулся-ли онъ; но охотникъ спалъ, и чѣмъ болѣе она смотрѣла на него, тѣмъ сильнѣе приковывался ея взглядъ къ этому еще невиданному зрѣлищу. Незнакомецъ былъ чрезвычайно красивъ въ своей красной курткѣ, сѣромъ жилетѣ и полуразвязавшемся голубомъ шелковомъ галстухѣ. Его длинныя, черныя, какъ крыло ворона, волосы окаймляли модными въ то время куд-

рями бѣлый, точно изъ слоновой кости, лобъ; на рюкахъ у него играли кольца словно живымъ свѣтомъ. Молодая дѣвушка стояла неподвижно, какъ очарованная; ея сердце тревожно билось и она боялась остаться, но боялась и уйти.

Однако, если-бъ въ этой комнатѣ деревенской гостинницы находился тонкій фізіономистъ, изучавшій теорію расъ, то онъ былъ-бы удивленъ тѣмъ страннымъ сходствомъ, которое существовало между юной крестьянкой и молодымъ охотникомъ. Правда, онъ былъ брюнетъ, а она блондинка, но въ ихъ чертахъ было много общаго; та-же маленькая верхняя губа, тотъ-же разрѣзъ глазъ, тотъ-же большой, прекрасно очерченный ротъ, тѣ-же выдающіяся щеки и таже ямочка на подбородкѣ. Даже тонъ голоса и пѣкоторыя движенія были у нихъ одинаковы. У обоихъ была та-же маленькая, гордо закинутаая назадъ голова, тѣ-же миниатюрныя, красивыя ноги и руки. Въ совершеннѣйшихъ видахъ животныхъ встрѣчаются подобныя сходства, почему-же не быть такому сходству и между людьми? И, однако, этотъ юноша и молодая дѣвушка, которыхъ художникъ принялъ-бы за совершенно сходственныя идеальныя типы, были перъ Англіи и бѣдная поселянка.

Наконецъ, незнакомецъ потянулся въ своемъ креслѣ и открылъ глаза.

— Что, моя красавица, промолвилъ онъ, — который часъ? Я боюсь, что задержалъ васъ очень долго. Ого! ужъ полнечъ. Принесите мнѣ свѣчку, милая.

Она не поняла, что онъ ей говорилъ. Она сознавала только, что ей надо было бѣжать, и, дрожа всемъ тѣломъ, Маджи бросилась къ дверямъ. Но онъ послѣдовалъ за нею и схватилъ ее за руку.

— Маджи, Маджи! сказалъ онъ, — что съ вами?

И впервые незнакомецъ взглянулъ на Маджи тѣмъ спускательнымъ взглядомъ, которымъ турецкіе султаны смотрятъ на красавицъ своего гарема и который былъ довольно успѣшно усвоенъ юными аристократами прошлаго поколѣнія, когда они имѣли дѣло съ хорошенькими горничными.

Маджи отвернулась отъ него и едва не заплакала. Онъ выпустилъ ея руку и ей стало досадно.

— Принесите мнѣ другую свѣчку, милая, сказалъ онъ хо-

лодно, — и проводите меня въ спальню. Мнѣ надо завтра рано оставить васъ.

Она ни разу не подумала объ этомъ. Она скорѣе пробѣжала-бы килю босикомъ въ грозу, чѣмъ возвратиться къ нему, но при мысли объ его отъѣздѣ сердце ея болѣзненно сжалось.

Незнакомецъ это замѣтилъ, ибо имѣлъ вѣрный взглядъ на все, что касалось слабости женскаго пола. Онъ улыбнулся, столько же польщенный побѣдой надъ трактирной служанкой, сколько и любовью знатной аристократки. Онъ спокойно притянулъ ее къ себѣ и, обнявъ за талию, пѣжно сказалъ:

— Какая вы хорошенькая, Маджи! Вы большой кладъ для гостиницы. Клянусь честью, если-бъ я былъ простой работникъ, то круглый день пилъ-бы ввизу пиво, такъ что вы не успѣвали-бы подавать мнѣ кружку за кружкой.

Онъ засмѣялся такъ любезно, что очаровалъ-бы любую герцогиню; потомъ взялъ за подбородокъ молодую дѣвушку и поцѣловалъ ея пухлую щечку. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и, вырвавшись отъ него, съ глухимъ воплемъ выбѣжала изъ комнаты.

IV.

Сонъ и дѣйствительность.

Бѣдная Маджи! Она, какъ и многія молодыя дѣвушки, думала, что можетъ одна прожить на свѣтѣ, безъ всякаго покровительства, и сама сохранить себя отъ всякихъ опасностей. Чѣмъ прогнѣвила она судьбу, которая въ одну роковую ночь такъ безжалостно разбила ея юную жизнь? Но къ чему этотъ вопросъ? Чѣмъ прогнѣвила природу дикая роза, желавшая для своего полного счастья только каплю росы и солнечнаго луча и, въ замѣнъ того, безжалостно оторванная отъ стебля весенней грозой и смѣшанная съ грязью въ сосѣдней лужѣ? Маджи смутно сознавала, что добро и что зло, то-есть на-столько сознавала, на-сколько можетъ сознать существо никогда ничему неучившееся, никогда ни о чемъ не размышлявшее. Она съумѣла-бы защитить себя отъ грубыхъ преслѣдованій поселянъ или двусмысленныхъ шутокъ пьяныхъ возницъ, но кто училъ ее противостать человѣку, ко-

торый такъ-же походилъ на другихъ знакомыхъ ей людей, какъ день на ночь,—человѣку, который ослѣпилъ ее, какъ молнія, парализировалъ все ея существо, уничтожилъ всякую мысль о добрѣ и злѣ, подкосилъ всякую возможность сопротивленія? Его голосъ былъ мягче и слаще всякаго слышаннаго ею женскаго голоса; глаза его опутали сердце молодой дѣвушки невѣдомыми чарами; его нѣжная, вкрадчивая рѣчь возбуждала въ ея умѣ мечты и образы, болѣе опьяняющіе, чѣмъ опиумъ. Въ подобной борьбѣ условія боя были неравны. Что можетъ сдѣлать невѣжество противъ образованія, простота противъ хитрости, слабость противъ силы?

Въ эту мрачную ночь, когда всѣ въ гостинницѣ спали, Маджи тихо, въ темнотѣ пробралась въ кухню и опустилась, какъ спопъ, у самой рѣшетки потухшаго камина. Вѣтеръ жалобно вылъ извнѣ, оконныя рамы какъ-бы судорожно дрожали, крупныя капли дождя непрерывно, монотонно стучали въ стекла, но Маджи не слышала ничего, что дѣлалось вокругъ нея, она находилась въ какомъ-то забытій, въ полусознательной дремотѣ. Почему теперь впервые она вспомнила о матери и старалась вызвать изъ окружающаго мрака ея образъ? Она знала, что на деревенскомъ кладбищѣ были могилы, усаженные полевыми цвѣтами, и пасторъ говорилъ, что въ этихъ мирныхъ убѣжищахъ покоились и страждущіе, и несчастные до той минуты, когда по трубному гласу, они перейдутъ въ ту блаженную страну, гдѣ нѣтъ ни труда, ни печали. Она теперь спрашивала себя, была-ли ея мать небеснымъ ангеломъ, въ бѣлоснѣжной одеждѣ съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, говорила-ли она съ другими ангелами о ней, о ея Маджи. Ей захотѣлось хотя на мгновеніе увидать эту мать, ласкъ которой она никогда не испытывала. Она сказала-бы ей шопотомъ, что на ея сердце навалился камень, тяжелый, мучительный. Одному Богу извѣстно, какъ она жестоко страдаетъ; Богъ, конечно, услышитъ молитву ея матери и освободитъ ея бѣдное сердце отъ этого страшнаго гнета. Она старалась припомнить молитвы, внутренняго смысла которыхъ она прежде никогда не понимала; потомъ вскочила на ноги, жалобно протерла руки и съ дикимъ воплемъ воскликнула: „Матушка, матушка! скажи Ему, что я не виновата; Онъ знаетъ, что я не виновата!“ И, упавъ на полъ, она громко, истерически зарыдала...

Часы шли за часами, а Маджи безчувственно лежала подлѣ камина; она дрожала всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, голова ея пылала, но черныя тучи, заволакивавшія ея юное сердце, какъ-бы разсѣялись. Она видѣла передъ собою теплое, лѣтнее, голубое небо, слышала веселое чирikanье птицъ, чувствовала нѣжное благоуханіе розъ. Вотъ раздался колокольный звонъ, несмѣтная толпа спѣшитъ въ церковь, но это не толпа смертныхъ, а изъ могилъ возстали ихъ призранные обитатели и, какъ ангелы небесные, въ лучезарныхъ одеждахъ, съ дѣтской улыбкой на губахъ, манили ее за собою. Церковь сіяла тысячами огней, таинственное, мелодичное пѣніе раздавалось подъ древними сводами; ея путь былъ устланъ бѣлоснѣжными лиліями; невидимая рука подвела ее къ алтарю, передъ которымъ она видѣла вѣчнаго стодѣтихъ влюбленныхъ. У подножія алтаря ждалъ ее съ нѣжной улыбкой тотъ, кто зажегъ въ ея бѣдномъ сердцѣ искру любви... Она хотѣла броситься къ нему на шею, но что-то ее удержало; они оба встали на колѣни—она дала клятву быть ему на вѣки вѣрной и покорной; онъ поклялся любить, уважать и лелѣять ее во всю свою жизнь. Колокола весело гудѣли, пѣніе херувимовъ возносилось къ небу и, взглянувъ на себя, она увидѣла, что на ней была такая-же бѣлоснѣжная одежда, какъ на окружающихъ ее ангелахъ. Богъ въ своемъ неизрѣченномъ милосердіи облекъ ее въ лучезарный покровъ чистоты и непорочности...

Какъ долго находилась она въ этомъ безчувственномъ состояніи, которое было для нея и жизнью, и смертью, она не могла точно опредѣлить. Когда она очнулась, уже свѣтало, вѣтеръ стихъ и дождь пересталъ идти. Большая кошка, сторожившая мышь у щели въ полу, съ испугомъ отскочила при первомъ движеніи Маджи и бросилась въ уголь. Молодая дѣвушка вскрикнула, но никто не отозвался на ея крикъ; она медленно провела рукою по лбу, стараясь припомнить, гдѣ она и почему здѣсь очутилась. Она чувствовала глухой стукъ въ вискахъ и томительную боль во всемъ тѣлѣ. Машинально поправила она свои растрепавшіеся волосы и стала полусознательно повторять про себя свой недавній сонъ, стараясь отдѣлать его отъ дѣйствительно случившагося въ эту ненастную ночь; но такой трудъ былъ не по силамъ ея юному уму, непривыкшему къ размышленію. Ея лицо приняло какое-то

дикое, тупое выраженіе; оцувтившись на скамью, она съ трепетомъ прислушивалась къ каждому долетавшему до нея звуку. Наконецъ, на дорогѣ послышался стукъ телѣги и возница, остановившись передъ гостиницей, громко потребовалъ кружку пива. Было около шести часовъ и осеннее, сѣрое утро освѣщало мирную деревушку; возница поздоровался съ Маджи, похваливъ ее, что она такъ рано принялась за хозяйство.

V.

МИСТЕРЪ ШАРПЪ.

Часа черезъ два въ Вэкфильдѣ-на-болотѣ случилось необыкновенное событіе. Все селеніе переполошилось неожиданнымъ прибытіемъ блестящаго экипажа четверней; такой экипажъ рѣдко появлялся въ этой уединенной мѣстности. Экипажъ былъ закрытый, съ наружными мѣстами на возлахъ и запяткахъ; кузовъ его былъ темно-синій, почти черный, а колеса красныя. Запряженная въ него четверня состояла изъ трехъ кровныхъ, рыжихъ лошадей и одной сѣрой, немного сѣвшей на переднія ноги, но чрезвычайно красивой. Гривы ихъ были заплетены и разукрашены разноцвѣтными лентами, блестящая сбруя весело побрякивала; онѣ гордо бѣжали, громко фыркая и высоко поднимая ноги, почти до самой морды. Этими благородными животными правилъ плотный, коренастый человекъ, лѣтъ тридцати-пяти, съ хитрымъ, смѣтливымъ выраженіемъ лица; одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ, исключая краснаго жилета и бѣлаго галстуха съ большой золотой булавкой на подобіе копыта.

За каретой сидѣли два грума, казавшіеся, хотя и безъ ливрей, лакеями аристократическаго дома. На нихъ были короткіе, черные сюртуки, лосины, высокіе сапоги, бѣлые галстухи и шляпы съ кокардами, которыя въ то время дозволялось имѣть только лицамъ, занимавшимъ правительственныя должности. На переднемъ сидѣннѣ, за кучеромъ, помѣщался мальчикъ въ каштановой курткѣ и такихъ-же шароварахъ. На головѣ у него была маленькая шотландская шапочка, а въ рукахъ онъ держалъ попоу съ

герцогской короной и вензелемъ Б. Р. Опъ сѣбло глазѣлъ по сторонамъ и корчилъ гримасы.

На козлахъ подлѣ кучера сидѣлъ толстый, жирный господинъ въ чрезвычайно пестрой, какъ съ иголки, новой одеждѣ. Опъ весь сиялъ и лоснился. Волосы его были густо напомажены, лакированные сапоги блестяли, бѣлая шляпа виднѣлась издали. На немъ были бѣлыя, узкія перчатки, свѣтлое, разстегнутое пальто, синій фракъ съ бронзовыми пуговицами; громадный, атласный галстухъ съ двумя чудовищными булавками и цѣлая выставка золотыхъ цѣпочекъ. Въ рукахъ опъ держалъ палку съ большимъ агатомъ, окруженнымъ гранатами.

Кучерь, ловко правившій лошадыи, остановился передъ самой дверью гостиницы и одицъ изъ лакеевъ, свѣдѣвшихъ на запяткахъ, быстро соскочилъ на землю и, по привычкѣ, приложивъ руку къ шляпѣ, хотя никого не было на дорогѣ, воскликнулъ:

— Здѣсь герц...

— Довольно, Биль, сказалъ кучерь, который собственно занималъ должность старшаго конюха въ аристократическомъ домѣ:— его свѣтлость здѣсь. Вонъ между гусями и утками стоитъ его гнѣдая лошадь. Эй, красотея, подай намъ молока и рому. Что это, она скорѣе походитъ на призракъ, чѣмъ на живого человека.

Эти слова относились къ Маджи, которая, вытаращивъ глаза отъ изумленія, смотрѣла на блестящій экипажъ съ непонятнымъ для нея самой тревожнымъ чувствомъ.

Толстякъ въ бѣломъ пальто медленно спустился съ козелъ и, тяжело отдуваясь, вошелъ въ столовую гостиницы, но, не найдя тамъ никого, вышелъ снова, глубокомысленно утынувъ въ ротъ наблюдатникъ палки.

— Гдѣ же гер... началъ было опъ торжественнымъ топомъ, но кучерь перебилъ его, провизнеся вполголоса:

— Его свѣтлость смотреть на васъ изъ окна, м-ръ Шарпъ.

Толстякъ какъ-бы мгновенно присѣлъ къ землѣ и лицо его приняло самое смѣренное, раболѣпное выраженіе. Опъ снялъ свою блестящую, бѣлую шляпу и почтительно поклонился чуть не до земли.

— Эй, Шарпъ! воскликнулъ изъ окна охотникъ, проведеншій ночь въ гостиницѣ, и въ голосъ его слышались удивленіе, не-

удовольствіе и безпокойство:— я думалъ, что вы уже въ Данкастерѣ. Я вѣдь просилъ васъ ѣхать еще вчера.

— Птицу спугнули, ваша свѣтлость. Типстеръ скосилъ траву подъ моими ногами.

— Чортъ возьми! Что-жь они косою работали? Я опять по вашей милости теряю 30,000. Вильямъ, пошлите Лефлора наверхъ съ платьемъ и проѣздите лошадей. Черезъ часъ я выйду.

— Хорошо, ваша свѣтлость, отвѣчалъ кучеръ, прикладывая руку къ шляпѣ;— м-ръ Шарпъ, разбудите г. Лефлора и прикажите ему поскорѣе отнести платье наверхъ, а то, пожалуй, въ насъ съ вами пустятъ чѣмъ-нибудь изъ окна.

М-ръ Шарпъ послѣшно подошелъ къ дверцѣ кареты и громко закричалъ нѣсколько разъ: „мусье Лефлоръ!“ прежде, чѣмъ французъ-камердинеръ высунулъ голову. Черезъ минуту онъ вышелъ изъ кареты, неся сак-воажъ, дорожный несесеръ и складную резиновую ванну. На взглядъ онъ былъ чрезвычайно торжественный джентльменъ и держалъ себя съ достоинствомъ.

— Знаете что, м-ръ Шарпъ, сказалъ кучеръ въ пол-голоса:— ужъ неслишкомъ-ли мы круто продернули герцога въ Данкастерѣ?

— Держите языкъ за зубами, Вильямъ, произнесъ толстякъ, помѣстившись на переднемъ сидѣннѣ за кучеромъ и закуривая сигару.

— Насъ никто не слышитъ, м-ръ Шарпъ, продолжалъ кучеръ;— но я думаю, что въ Эпсомѣ было слишкомъ много публики, и, пожалуй, можетъ что-нибудь выйти?

— Не безпокойтесь, Вильямъ. Дѣло обойдется. У васъ хорошее мѣсто, чего-жь вамъ жаловаться?

— Я не жалуюсь, м-ръ Шарпъ, хотя герцогъ не заплатилъ мнѣ жалованья уже за полтора года. Если-бъ не поставщикъ овса и седлѣнникъ, то мнѣ не съ чѣмъ было-бы поиграть на дербійской скачкѣ. А вотъ каретникъ не хочетъ мнѣ дать ни гроша прежде, чѣмъ ему уплатятъ счетъ.

— Проклятый, замѣтилъ м-ръ Шарпъ.— Возьмите другого каретника, моего пріятеля Ривети; онъ будетъ давать экипажи и вамъ за рекомендацію, пока я не скажу: „довольно“!

— Хорошо, м-съ Шарпъ, я попробую. Впрочемъ, герцога провѣсти нетрудно: онъ вѣритъ мнѣ на слово. Только съ сѣрой кобылой, м-ръ Шарпъ, дѣло пеладно.

— А что, спросилъ сквозь зубы толстякъ,—развѣ Куперъ не заплатилъ вамъ процента?

— Конечно, я получилъ свое и большое вамъ за то спасибо, м-ръ Шарпъ. Но, лордъ Джорджъ сказалъ его свѣтлости на-дняхъ, что кобыла годится только на бойню.

— А что-же отвѣчалъ его свѣтлость?

— Его свѣтлость сказалъ, что ему это извѣстно, но что старый чортъ ничего даромъ не дѣлаетъ и ему подсунулъ такую дрянъ за довольно значительную сумму. Это онъ васъ называлъ старымъ чортомъ, м-ръ Шарпъ. Вы мнѣ доставили это мѣсто, и я по совѣсти обязанъ вамъ обо всемъ докладывать.

— Ничего, Вильямъ, держи ея ноги въ теплѣ, отвѣчалъ м-ръ Шарпъ,—и ее хватить на-время, а тамъ, когда герцогу понадобится новая лошадь, Куперъ заплатитъ по пяти фунтовъ съ ноги. Ладно?

— Еще-бы не ладно, м-ръ Шарпъ; но я боюсь, что она, проклятая, насъ когда-нибудь опрокинетъ. Ужъ очень она бочить и брыкается, особливо съ мѣста, а когда герцогъ станетъ ее стегать, то просто бѣда, того и гляди, всѣхъ вывалить.

— Ничего, Вильямъ, отпусти наружную возжу, а внутреннюю переставь на щеку, да не давай бича герцогу, когда трогаетъ лошадей съ мѣста, вотъ и все.

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ, пока снова не открылось окно въ гостинницѣ и Лефлоръ не крикнулъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, чтобы подавали экипажъ, такъ-какъ его свѣтлость сходить съ лѣстницы.

Во все это время Маджи ходила по дому въ какомъ-то омяненіи. Она не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что произошло въ послѣдніе двѣнадцать часовъ, и не знала навѣрное, видитъ-ли она блестящій экипажъ, стоявшій передъ гостинницей, во снѣ или на яву. М-ръ Шарпъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ нею съ грубой фамильярностью, но она не обращала на него никакого вниманія, точно не слыхала его двусмысленныхъ шутовъ.

Бѣдная Маджи, однако, не переставала работать, хотя колѣни у нея дрожали и въ глазахъ рябило. Ей надо было развести огонь въ кухнѣ, приготовить завтракъ Джону Джайльсу, убрать комнаты, накормить домашнюю птицу; всѣ эти обязанности она исполняла, какъ всегда, въ свое время, но ея сердце болѣзненно билось, словно хотѣло выскочить.

Ей пришло на мысль, что если бы она еще разъ увидѣла его, съ ея сердца спала-бы мучительная тяжесть, давящая его. Но какимъ образомъ могло это случиться? Съ той минуты, какъ французскій камердинеръ вошелъ въ его комнату, Маджи была отрѣзана отъ него, точно между ними было нѣсколько миль разстоянія. Грумы въ высокихъ сапогахъ постоянно бѣгали вверхъ и внизъ,нося то холодную воду для ванной, то горячую для бритья, то саногы, то щетки, потомъ стали сносить въ экипажъ различныя вещи, такъ что на лѣстницѣ ни на минуту не прекращалось суетливое движеніе.

Наконецъ, въ девять часовъ дверь его комнаты съ шумомъ отворилась и по ступенямъ послышались легкіе, быстрые шаги. Должно быть, это былъ онъ, — онъ, похитившій ея сердце. Она подняла свои красныя, горѣвшія вѣки, все это время постоянно опущенныя, и боязливо выглянула изъ кухонной двери. Онъ разговаривалъ съ м-ромъ Шарпомъ, повернувшись къ ней спиной; онъ такъ измѣвился, что трудно было его узвать. На немъ былъ сипій фракъ, застегнутый до верху, желтые панталоны и высокая бѣлая шляпа. Она видала прежде охотничій костюмъ, въ которомъ онъ наканунѣ предсталъ передъ ея изумленными глазами, но такой франтовской одежды ей видѣть не приходилось. Сердце ея содрогнулось при мысли, что онъ уѣдетъ не простившись съ нею; но, обернувшись, онъ замѣтилъ ее и привѣтливо ей улыбнулся. Она бросила на него умоляющій, жалобный взглядъ, страшный по своему патетическому выраженію; она была блѣдна, какъ полотно, ея губы судорожно дрожали и нижняя полуотвисшая губа была такъ схожа съ нижней губой молодого человѣка, что м-ръ Шарпъ взглянулъ на нихъ обоихъ съ удивленіемъ и, отвернувшись, засвистѣлъ вполголоса.

Но дикій, отчаянный, полный горя и страданія взглядъ Маджи не произвелъ никакого впечатлѣнія на герцога. Онъ подошелъ къ ней, весело потрепалъ ее по щекамъ и небрежно сказалъ:

— Маджи, моя красотка, дай мнѣ цвѣтокъ на память.

Въ небольшомъ саду при гостиницѣ еще цвѣли послѣднія мѣсячныя розы. Маджи сорвала полураспустившійся цвѣтокъ и подала его незнакомцу дрожащей, плачущей рукой. Въ это время онъ взялъ уже въ одну руку возжи и когда другой старался воткнуть розанъ въ петлицу своего фрака, лошади дернули и цвѣ-

токъ упалъ на землю. Онъ сунуль что-то въ руку Маджи и черезъ минуту сидѣлъ на козлахъ.

— Пустите, ребята, воскликнулъ онъ, и группы, державшіе лошадей, отскочили въ сторону.

Сърая кобыла начала бочить и брыкаться. М-ръ Шарпъ тревожно ухватился за сидѣнье.

— Гдѣ бичъ, Вильямъ? крикнулъ герцогъ съ нетерпѣніемъ.

— Онъ у васъ за спиной, ваша свѣтлость, или, можетъ быть, соскользнулъ на землю, сказалъ Вильямъ, который нарочно уронилъ его на землю. — Томъ, достаньте бичъ его свѣтлости, живѣй!

Одинъ изъ грумовъ, только-что помѣстившійся на заднемъ сидѣньѣ, подмигнувъ своему товарищу и быстро соскочилъ на землю. Вильямъ не вдругъ взялъ бичъ изъ его рукъ, точно не могъ достать его, и награждалъ пи въ чемъ неповиннаго грума самыми отборными ругательствами, принятыми между конюхами, что вызвало улыбку на лицѣ герцога. Въ эту минуту вся четверка дружно взяла съ мѣста и блестящій экипажъ съ неимоверной быстротою понесся по дорогѣ.

Маджи не сводила глазъ съ экипажа, пока онъ не исчезъ вдаль; потомъ она медленно пошла въ свою комнату, заперлась на ключъ и долго рыдала.

VI.

Побитутая.

Маджи сошла внизъ только къ вечеру, когда гостинница приняла свой обычный видъ. Честный Томъ Браунъ, удивлявшійся цѣлый день ея отсутствію и его прямому слѣдствію—холодному обѣду безъ обыкновеннаго горячаго картофеля, былъ убѣжденъ, что случилось что-нибудь необыкновенное. Онъ былъ не словоохотливъ, даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ напиивался; и теперь, не вступая въ разговоръ съ Джономъ Джайльсомъ, онъ послѣ обѣда завалился на сѣнникъ; онъ чувствовалъ сильную усталость отъ своей ночной прогулки въ Дронингтонъ, отстоявшій отъ гостинницы въ двѣнадцать миляхъ. Подкрѣпившись сномъ, онъ вернулся въ кухню и засталъ тамъ Маджи. Глаза ея были заплаканы, она молчала; ему хотѣлось спросить о ея горѣ,

но еще со вчерашняго вечера онъ не находилъ въ себѣ храбрости заговорить съ нею. Онъ молча, мрачно ходилъ взадъ и впередъ изъ кухни въ конюшню и обратно, утѣшая себя тѣмъ, что все перемелется, мука будетъ — известное утѣшеніе въ горестныхъ обстоятельствахъ людей невѣжественныхъ, лишенныхъ способности анализа.

Въ конюшнѣ стояла большая гнѣдая лошадь; маленький грумъ въ каштановой курткѣ цѣлый день ухаживалъ за нею, перевязывая ея вывихнутую ногу. Вечеромъ, надѣвъ на нее попону и выпивъ нѣсколько кружекъ крѣпкаго эля, маленький грумъ рѣшилъ отправиться въ путь съ больной лошадейю.

— Она хромаетъ по-прежнему, чертовка, сказалъ онъ, обращаясь къ Тому Брауну, — но я обѣщалъ старухѣ вернуться къ ужину, такъ чертовка можетъ оправиться и послѣ.

— Неужели вы такъ дерзко отзываетесь о своей матери? замѣтилъ честный Томъ Браунъ.

— Я говорю не о своей матери, глупая ты башка, презрительно отвѣчалъ грумъ, — а о своей любовницѣ.

— Да тебѣ, парнюга, всего лѣтъ десять; гдѣ-жь тебѣ имѣть любовницу? произнесъ Томъ Браунъ съ удивленіемъ.

— Вотъ и совралъ, мнѣ уже минуло шестнадцать, отвѣчалъ мальчижъ.

Томъ Браунъ замолчалъ, хотя этотъ отвѣтъ нисколько не измѣнилъ его внутренняго убѣжденія; что-же касается до лѣтъ моднаго грума, то, по его внѣшности, ему можно было дать отъ десяти до пятидесяти.

— А кто вашъ хозяинъ и гдѣ живетъ? спросилъ Томъ Браунъ, когда мальчуганъ вывелъ лошадь изъ конюшни и сталъ дружески съ нимъ прощаться.

— Герцогъ, на большой улицѣ, шути отвѣтилъ грумъ и пошелъ по дорогѣ, посвистывая и безжалостно таща за собою бѣдное, хромое животное.

Впродолженіи многихъ дней въ Вэкфильдѣ-на-болотѣ не случилось ничего замѣчательнаго. Это селеніе находилось въ уединенной мѣстности, вдали отъ ближайшаго торговаго города; окрестная земля не особенно плодородная, принадлежала двумъ или тремъ крупнымъ землевладѣльцамъ, агенты которыхъ жили въ Дорринтонѣ. Гостиница была лучшимъ зданіемъ во всей деревнѣ,

въ которой только одинъ пасторъ, м-ръ Моледи, получалъ газету и читалъ книги. Этотъ пасторъ былъ только виваріемъ приходскаго ректора, который давно уже не видалъ своей паствы и за долги, а также за неприличное для духовнаго лица поведеніе находился нѣсколько лѣтъ подъ судомъ, а его доходы были секвестрованы. Такимъ образомъ, м-ръ Моледи занималъ духовную должность, приносящую большой доходъ, а получалъ только 60 фунтовъ въ годъ. Въ первое время своего поселенія въ Вэкфильдъ-на-болотѣ онъ хотѣлъ обратить вниманіе на нравственное и умственное развитіе поселянъ, о которыхъ ректоръ никогда не заботился. Въ этомъ уединенномъ селеніи не встрѣчалось вовсе нищеты, которая составляетъ нерѣдкое явленіе въ многочисленныхъ городахъ, здѣсь люди ежедневно вдоволь ѣли и пили. Они каждую недѣлю посылали на рынокъ въ сосѣдній городъ масло, яйца, утокъ и гусей. Большая часть здѣшнихъ семействъ имѣла коровъ и свиней, а тѣ, у которыхъ ничего этого не было, спокойно и добродушно работали на достаточныхъ сосѣдяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи немного было мѣстъ, гдѣ жители отличались такимъ-же невѣжествомъ и отсутствіемъ грамотныхъ людей. М-ръ Моледи устроилъ было школу, но кузнецъ, отецъ м-ра Джинкса и колесникъ, стоявшіе во главѣ общины, не желали отвлекать дѣтей отъ дѣла для пустой грамоты; Джонъ Джайльсъ также не пустилъ маленькую Маджи учиться всякому вздору. Такимъ образомъ, пастору пришлось отказаться отъ всякихъ честолюбивыхъ мыслей, отъ всякаго желанія развитъ заглохшія умственные силы своихъ прихожанъ, и онъ предоставилъ имъ прозябать въ спокойномъ невозмутимомъ невѣжествѣ, которое царило съ незапамятныхъ временъ въ Вэкфильдѣ-на-болотѣ.

Въ послѣднее время онъ уѣзжалъ на нѣсколько недѣль на сѣверъ Англіи и возвратился еще болѣе несчастнымъ, убитымъ, потому что въ его отсутствіе умеръ его единственный братъ, бывшій пасторомъ въ Нортумберландѣ. Онъ по-прежнему проповѣдывалъ каждое воскресенье утромъ и вечеромъ и каждую среду вечеромъ своей грубой, невнимательной паствѣ; въ числѣ его немногочисленныхъ слушателей теперь постоянно стала появляться Маджи, которая очень похудѣла и поблѣднѣла.

Вскорѣ онъ обратилъ вниманіе на эту молодую дѣвушку, усердно слушавшую его проповѣди, хотя она, повидимому, плохо пони-

мала ихъ. Сердце его невольно было тронато и онъ сталъ относиться къ ней съ полнымъ сочувствіемъ. Онъ получалъ жалованье не болѣе простаго работника, не имѣлъ никакой надежды на повышение въ будущемъ, потерялъ даже увѣренность въ свои силы; находясь подъ давленіемъ нищеты, онъ, конечно, не могъ рассчитывать на бракъ съ дѣвушкой, равной ему по образованію. Но Маджи онъ могъ предложить раздѣлить съ нимъ его скромную судьбу. Она была трудолюбивая хозяйка; его скудная, бѣдная обстановка не могла поразить ее—она сама привыкла къ подобному существованію. Въ ней онъ находилъ себѣ полезную помощницу въ трудѣ; онъ можетъ горячо полюбить ее, она способна придать спокойный и счастливый видъ его одинокому жилищу. Она обладала хорошими умственными способностями, ее еще можно было образовывать. Онъ зналъ, что у нея былъ прекрасный характеръ, но забылъ, что ему было сорокъ девять лѣтъ, а ей двѣнадцать.

Въ одинъ холодный ноябрьскій вечеръ ему представился случай говорить съ нею. Ему показалось, что она дожидалась его при выходѣ изъ церкви и дружески смотрѣла на него своими большими, мягкими глазами; но, конечно, это была только игра воображенія, возбужденнаго постояннымъ одиночествомъ. Земля была покрыта инеемъ и видъ, отерывавшійся съ того мѣста, гдѣ они встрѣтились, былъ мрачный, пустынный. Уединенная тропинка вела черезъ поле къ его маленькой хижинѣ, которая въ счастливыя времена процвѣтанія ректорства была построена для садовника. Онъ молча пошелъ рядомъ съ Маджи по этой тропинкѣ и она первая заговорила своимъ мягкимъ, серьезнымъ голосомъ; она попросила его написать для нея письмо.

М-ръ Моледи хотя и былъ удивленъ подобною просьбою, но обѣщалъ исполнить ее, полагая, что дѣло, вѣроятно, шло о какомъ-нибудь неоплаченномъ счетѣ торговца крѣпкими напитками. Потому онъ снова замолчалъ. Онъ былъ способный и ученый человѣкъ, отлично кончилъ университетскій курсъ и могъ-бы сдѣлать прекрасную карьеру, если-бъ обладалъ большей энергіей. Но онъ пропускалъ одинъ случай за другимъ проложить себѣ дорогу въ свѣтъ, и кончилось тѣмъ, что этотъ образованный джентльменъ не рѣшался заговорить съ простой поселянкой. Если-бъ онъ встрѣтилъ такую женщину въ молодости, или даже если-бъ

теперь она могла почувствовать къ нему искру любви, то онъ вырвался-бы изъ тяжелаго положенія, которое такъ давно его тяготило. Одно слово, одинъ взглядъ могли его совершенно преобразить и чаша его нѣжныхъ чувствъ переполнилась-бы. Но большинство женщинъ жестокосерды въ отношеніи тѣхъ, къ кому онѣ равнодушны. Ихъ глаза видятъ и ихъ уши слышатъ только то, что касается лицъ дорогихъ ихъ сердцу. Такъ и Маджи, передавъ пастору свою просьбу, не сказала болѣе ни слова и даже не взглянула на него, а молча продолжала идти, рядомъ съ нимъ, безсознательно прислушиваясь къ чириканью птицъ.

Они разстались въ томъ мѣстѣ, гдѣ уединенная тропинка выходила на большую дорогу. Только-что взошедшая луна блѣдно свѣтила сквозь засохшія вѣтви старинныхъ вязы. Вдали, на горѣ, слышался стукъ проѣзжавшей телѣги, а на сосѣдней фермѣ лаяла собака.

— Покойной ночи, миссъ Маргарита, сказалъ пасторъ дрожащимъ голосомъ.

— Прощайте, сэръ, отвѣчала молодая дѣвушка—и еще одинъ счастливый случай прошелъ мимо бѣднаго, добраго пастора.

VII.

Женская хитрость.

Въ этотъ вечеръ, послѣ того, какъ Джонъ Джайльсъ ушелъ спать, Маджи принялась за шитье, тихо напѣвая какую-то пѣсню; увидавъ Тома Брауна, зашедшаго на кухню съ фонаремъ въ рукахъ, чтобъ убѣдиться, все-ли исправно въ гостинницѣ, она любезно заговорила съ нимъ и предложила ему выпить кружку пива, какъ всегда это бывало и прежде.

Она сама выпила немного пива и немедленно согласилась на просьбу Тома слѣть его любимую пѣсню; ея пѣніе было такъ мягко, мелодично, что его грубая натура совершенно растаяла. Потомъ она навела разговоръ на маленькаго груга въ каштановой курткѣ и на хромую лошадь, оставленную въ гостинницѣ незнакомымъ охотникомъ, о которомъ не было ни слуху, ни духу

въ Вэкфильдъ-на-болотѣ со времени его торжественнаго отъѣзда отсюда двѣ недѣли тому назадъ. Она не говорила ни слова о самомъ охотникѣ, чисто-женскимъ инстинктомъ понимая, что такой предметъ разговора будетъ непріятенъ Тому, которому она хотѣла угодить, что, конечно, ей совершенно удалось. Онъ съ полной готовностью разсказалъ ей все, что зналъ, о маленькомъ грумѣ и объ его дерзкихъ выходкахъ; при этомъ она заставила его произнести нѣсколько разъ имя и мѣсто жительства незнакомца и сама со смѣхомъ повторяла ихъ, спрашивая Тома, вѣрно-ли она выговариваетъ.

— Да, да, говорилъ Томъ десятки разъ: — м-ръ Герцогъ въ Большой улицѣ.

Твердо заучивъ эти пять словъ, Маджи замолчала; когда-же Томъ, уходящій въ кладовую за новой кружкой пива, возвратился въ кухню, молодой дѣвушки тамъ уже не было.

На слѣдующее утро, во время отсутствія Джона Джайльса и Тома, Маджи завала проходившаго мимо разнощика и любезно предложила ему кусокъ хлѣба съ сыромъ. Разнощикъ съ удовольствіемъ послѣдовалъ за нею въ кухню, при чемъ замѣтилъ, что торговля идетъ очень плохо и что онъ въ этотъ день не выручилъ ни гроша.

— Вы ничего не заплатите, сэръ, съ улыбкою замѣтила молодая дѣвушка. — Вы умѣете писать?

Разнощикъ отвѣчалъ, что можетъ написать все, что угодно, и подумалъ про себя: вѣрно, дѣвчонка хочетъ написать любовное посланіе. Маджи любезно помогла ему снять съ плечъ ящикъ съ товаромъ и такъ-какъ перо, чернила, бумага и конвертъ были приготовлены на столѣ, онъ въ одну минуту, хотя и съ странными ужимками, написалъ нѣсколько словъ, продиктованныхъ молодой дѣвушкой. Словъ этихъ было немного и на содержаніе ихъ онъ не обратилъ особеннаго вниманія. Окончивъ свое дѣло, онъ съ улыбкою спросилъ, какой адресъ слѣдуетъ выставить на конвертъ, но Маджи быстро взяла письмо и, сунувъ въ конвертъ, спрятала въ карманъ. Разнощикъ нѣсколько обидѣлся заявленнымъ недовѣріемъ, но видя, что Маджи болѣе не желаетъ съ нимъ говорить, пожалъ плечами и отправился въ дальнѣйшій путь.

Въ сумерки, пока Джонъ Джайльсъ распивалъ пиво съ по-

сѣтителами, а Томъ ходилъ за мукой на мельницу, — Маджи вышла изъ гостинницы и, никѣмъ не замѣченная, направилась быстрыми шагами къ скромному жилищу м-ра Моледи. Пасторъ самъ отворилъ ей дверь, такъ-какъ онъ жилъ совершенно одинъ; прислуживавшая ему женщина не ночевала въ домѣ, а приходила только на день, что было хорошо извѣстно Маджи. Войдя въ комнату, она съ низкимъ поклономъ подала пастору конвертъ и просила отъ имени отца написать адресъ.

Смущенный ея появленіемъ, м-ръ Моледи молча сѣлъ за столъ, надѣлъ свои лучшіе очки и смиренно спросилъ, кому адресовать письмо.

— Мистеру Герцогу, отвѣчала молодая дѣвушка.

— А имя? Лучше выставить имя, чтобъ не вышло ошибки, замѣтилъ пасторъ, желая, быть можетъ, продлить посѣщеніе Маджи.

Она отрицательно покачала головой.

— Я хочу сказать, продолжалъ м-ръ Моледи, боявшійся, что онъ не довольно ясно выразился:—какъ его имя, а не фамилія, вы понимаете, какимъ именемъ его крестили. Вотъ васъ зовутъ Маргарита, а меня Мармодюкъ, прибавилъ Моледи, покраснѣвъ.

Маджи слышала, что м-ръ Шарпъ и кучеръ блестящаго экипажа называли охотника гер...., а потому она сказала:

— Его. должно быть, зовутъ Гер....

— Гербертъ, перебилъ ее пасторъ;—славное имя.

Потомъ, узнавъ отъ Маджи все, что ей было извѣстно о мѣстопробываніи незнакомца, и прибавивъ къ этимъ свѣденіямъ свои собственныя географическія знанія, а также личныя соображенія, онъ составилъ слѣдующій адресъ, нелишенный интереса:

„Мистеру Герберту Герцогу,
Торговцу крѣпкими напитками,
Ислингтонъ, Большая улица,
близъ Лондона“.

Письмо съ этимъ адресомъ было въ ту-же ночь опущено въ почтовый ящикъ. На другое утро жена почтмейстера м-съ Дженкъсъ увидала это письмо, узнала почеркъ пастора и тотчасъ распространяла слухъ о томъ, что достопочтенный м-ръ Моледи держитъ для собственнаго употребленія нѣсколько бутылокъ водки.

Объ этомъ она разсказала и Маджи, которая только отвѣтила „неужели“? нисколько не подозрѣвая, изъ какого источника вышла этотъ слухъ. Впрочемъ, кто можетъ сказать, гдѣ беретъ начало мрачный, всепожирающій демонъ, называемый сплетней, и какъ онъ распространяется? Слухъ этотъ дошелъ и до доктора Портеуса, ректора прихода Вэкфильда-на-болотѣ, сидѣвшаго въ лондонской тюрьмѣ; узналъ о томъ и епископъ мѣстной епархіи, которому шепнула на ухо жена дронингтонскаго пастора. Члены уголовного суда въ слѣдующую сессію много смѣялись надъ секретными бутылочками пастора Моледи, и одинъ изъ нихъ, веселый малый, сложилъ объ этомъ забавную пѣсню. Одинъ только м-ръ Моледи не зналъ о существованіи всѣмъ извѣстнаго, всѣми повторяемаго слуха, такъ-какъ обыкновенно всякіе слухи и сплетни избѣгаютъ именно тѣхъ лицъ, которыя могутъ ихъ опровергнуть.

VIII.

Утопленница.

День проходилъ за днемъ, а почтальонъ не приносилъ письма въ деревенскую гостиницу. Каждое утро Маджи выходила къ нему на-встрѣчу, когда онъ проѣзжалъ мимо въ своей таратайкѣ, и даже однажды протянула къ нему руку, когда ей показалось, что онъ посмотрѣлъ на нее, но онъ, бросивъ взглядъ удивленія проѣхалъ дальше.

Впродолженіи этого времени молодая дѣвушка совершенно поблекла и видимо чахла не по днямъ, а по часамъ. Возвращаясь домой изъ церкви, пасторъ тщетно поджидалъ ее въ полѣ, на той самой тропинкѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ ее; точно также тщетно приготовилъ онъ краснорѣчивую проповѣдь на текстъ, какъ нельзя болѣе подходившій къ его чувствамъ, надѣясь по выраженію ея лица узнать свою судьбу, но она не слыхала этой проповѣди, потому что ея не было въ церкви. Когда Томъ Браунъ приходилъ по вечерамъ въ кухню гостиницы, онъ не заставлялъ тамъ Маджи. Она молча готовила обѣдъ и ужинъ для Джона Джайлса, накрывала столъ и дѣлала все, что нужно, по хозяйству, но сама она ничего не ѣла и уже никогда не пѣла пѣсней,

какъ бывало прежде. Большую часть дня она проводила въ своей комнатѣ, запершись на ключъ, но никто, кромѣ Тома Брауна, не обращалъ на это вниманія. Джонъ Джайльсъ, какъ всегда, въ опредѣленное время обѣдалъ и ужиналъ, выпивая пива сколько хватало силъ, и ничто, кромѣ развѣ землетрясенія, не могло нарушить его спокойствія. Даже это колебаніе земной коры застало-бы его, конечно, съ кружкой пива въ рукахъ и произвело-бы на него на-столько впечатлѣнія, что онъ поставилъ-бы на столъ кружку и взялъ-бы ее снова, когда на земной поверхности все пришло-бы въ прежній порядокъ. Кузнецъ, уже давно рѣшившій въ своемъ умѣ, что онъ женится на Маджи, теперь, сидя за кружкой пива, поглядывалъ иногда по сторонамъ съ удивленіемъ, какъ-бы отыскивая чего-то, но и онъ молчалъ, находя, что нечего торопиться съ осуществленіемъ брачныхъ плановъ.

Одинъ Томъ Браунъ понималъ, что съ Маджи случилось что-то недоброе и старался, хотя въ грубой формѣ, услужить ей и утѣшить ее. Сойдя внизъ послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ въ слезахъ въ своей комнатѣ, она находила, что самая тяжелая часть ея работы уже исполнена. Онъ разводилъ огонь, чистилъ каминъ, носилъ воду, заваривалъ чай, которымъ теперь только и питалась молодая дѣвушка. Когда ее спрашивалъ кто-нибудь изъ старыхъ носѣтителей гостинницы, онъ находилъ всегда предлогъ, хотя и не совсѣмъ ловкій, для объясненія ея отсутствія. Однажды онъ принесъ ей яблоковъ, до которыхъ она была большая охотница, а въ другой разъ нарочно сходилъ въ Дронингтонъ и купилъ тамъ ей апельсинъ; и то и другое она нашла на столѣ за чаемъ подлѣ своей чашки, но не дотронулась до нихъ. Дневной свѣтъ ей былъ, повидимому, невносимъ и она никогда не выходила на дорогу, какъ въ былыя времена. Цѣлыми часами она стояла, повернувшись къ окну и опершись рукою на каминъ; когда-же къ ней обращались съ вопросомъ, она отвѣчала машинально, не двигаясь съ мѣста. Она страшно похудѣла и платья висѣли на ней, какъ на вѣшалкѣ. Она вздрагивала отъ малѣйшаго шума, и когда разъ Томъ Браунъ, неожиданно подойдя къ ней сзади, взглянулъ ей прямо въ лицо, она съ ужасомъ отъ него отшатнулась и съ той минуты еще болѣе избѣгала его, боясь, чтобы онъ снова не поймалъ ее въ расплохъ.

Запершись въ своей комнатѣ, она, по нѣскольку разъ въ день,

открывала большой дубовый рабочій ящикъ, принадлежавшій нѣкогда ея матери, вынимала оттуда голенища ботфортовъ, засохшія розанъ и измятую бумажку и подолгу ихъ разсматривала. Она никогда не уставала любоваться этими драгоценными для нея предметами и горько плакала надъ ними. Если въ это время раздавались на лѣстницѣ голоса или шаги, она поспѣшно прятала свои сокровища и съ ужасомъ озиралась по сторонамъ, боясь, чтобъ кто-нибудь не подсмотрѣлъ, что она дѣлала.

На десятый день послѣ отправленія письма, оставшагося безъ отвѣта, въ молодой дѣвушкѣ произошла большая переменѣна. Она встала рано утромъ и цѣлый день работала безъ устали. Она убрала всѣ шкафы и комоды, перемыла всю посуду и вообще привела въ порядокъ все хозяйство, запущенное въ послѣднее время. Прежде, чѣмъ она легла спать, она вычистила рѣшетку камина, положила дровъ для слѣдующаго утра, наврыла столъ для завтрака и намазала масломъ нѣсколько кусковъ хлѣба для Джона Джайльса, привыкшаго всегда закусывать, какъ только встанетъ. Она любовно простилась съ Томомъ Брауномъ, налила ему кружку пива и заперла за нимъ дверь, когда онъ ушелъ спать на сѣнникъ. Потомъ, приведя все въ порядокъ, она ушла къ себѣ въ комнату и, по обыкновенію, открыла свой рабочій ящикъ. Но теперь она не плакала надъ нимъ; въ ея глазахъ свѣтилась грустная, но твердая рѣшимость; около часа она пристально разсматривала свои сокровища, потомъ, отворивъ окно, посмотрѣла на дорогу. Полная луна мирно освѣщала дремавшій Вэкфильдъ-на-болотѣ; ничто не нарушало тишины, царившей на нѣсколько миль вокругъ деревенской гостинницы; не слышалось ни лая собаки, ни оклика варяульныхъ, нигдѣ не видно было огня и только дикій крикъ совы въ развалинахъ пасторскаго дома и полетъ летучей мыши по временамъ раздавались въ гробовомъ безмолвіи. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она тревожно смотрѣла въ окно и, убѣдясь, что никто не могъ видѣть ее, она накинута на голову шаль и тихо, неслышно сошла съ лѣстницы. Она подумала обо всемъ заранѣе; наружная дверь отворилась безмолвно, ибо она въ то утро смазала масломъ петли и засовы; ея босыя ноги ступали неслышно по замерзлой землѣ. Она пошла скорыми, большими шагами къ водяной мельницѣ и остановилась у того мѣста, гдѣ ручей былъ глубже и вода бѣжала быстрѣе. Опустившись на ко-

тѣни, она сотворила краткую молитву и боязливо оглянулась во сѣ стороны, точно серна, преслѣдуемая охотникомъ. Ее испугали плескъ рыбы въ ручьѣ и отдаленный стукъ проѣзжавшей въ Цронингтонъ телѣги. Теперь, когда замерли послѣдніе звуки колесъ, ни одинъ человѣкъ не могъ услышать ея крика о помощи. Она подошла къ берегу, сняла съ головы шаль, туго обвязала ею свое платье, такъ, чтобъ нельзя было двинуть ногой, и бросилась въ воду. Раздался громкій плескъ, надъ водою показались на минуту ея руки, инстинктивно старавшіяся поддержать тѣло на поверхности,—и все было кончено. Бѣдную молодую дѣвушку быстро понесло по теченію.

IX.

Ночной рыболовъ.

У достопочтеннаго м-ра Моледи было только одно утѣшеніе въ жизни—рыбная ловля. Не легко было примирить эту жестокую забаву съ его мягкимъ сердцемъ, но онъ всегда оправдывалъ себя тѣмъ, что многіе изъ благочестивѣйшихъ людей не только дозволяли себѣ это развлеченіе, но нѣкоторые изъ нихъ даже добывали себѣ средства къ жизни рыболовствомъ. При этомъ онъ, какъ добрый, сострадательный человѣкъ, удиль рыбу самымъ милосерднымъ способомъ, нанося ей какъ можно менѣе страданій; онъ ловилъ угрей, которыхъ предпочиталъ всякой другой рыбѣ, не на крючекъ, а съ помощью многочисленныхъ узловъ на снуркѣ, привязанномъ къ лесѣ, которые запутывались въ зубахъ угрей, когда тѣ разѣвали рты, преслѣдуя улитокъ и другихъ бѣдныхъ, беспомощныхъ водяныхъ созданій. Съ тѣмъ вмѣстѣ м-ръ Моледи утѣшалъ себя мыслью, что онъ въ этой ловлѣ кровожадныхъ истребителей мелкихъ обитателей подводнаго царства являлся какъ-бы защитникомъ невинныхъ и угнетенныхъ. Конечно, при этомъ онъ долженъ былъ жертвовать другими, мелкими, живыми существами — червями, прикрѣпляя ихъ для приманки на узлы снурка, но и тутъ та-же казуистика выводила его изъ затрудненія. Червь представляетъ собой видъ змѣи, и потому не было грѣшно уничтожать проклятаго гада, врага человѣческаго рода,

подтачивающаго всѣ труды рукъ человѣческихъ, поѣдающаго не только пищу физическую и умственную человѣка, но и его самого. Такимъ образомъ, находя уважительныя причины къ оправданію своего любимаго времяпрепровожденія, м-ръ Моледи, кончивъ свои дневныя заботы о благѣ ввѣренной ему паствы, съ спокойнымъ сердцемъ проводилъ время, иногда до пол-ночи, въ рыбной ловлѣ.

Въ холодную, ноябрьскую ночь, когда Маджи тайно скрылась изъ гостинницы, м-ръ Моледи сидѣлъ на берегу ручья, закинувъ свои удочки и размышляя, вѣроятно, о томъ, какое прекрасное блюдо угрей онъ пошлетъ на слѣдующій день бѣдной молодой дѣвушкѣ, страдавшей отъ недуга. Любимое мѣсто, гдѣ онъ разставлялъ свои удочки, находилось за мельницей, въ глубокой, иррациональной заводѣ, безмятежное спокойствіе которой не нарушалось быстрымъ теченіемъ ручья; находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ мельникомъ, м-ръ Моледи распорядился здѣсь, какъ полный хозяинъ. Эта ночь была холодна; онъ продрогъ и ранѣе обыкновеннаго сталъ собираться домой, тѣмъ болѣе, что на другое утро онъ долженъ былъ отправиться къ нѣкоторымъ изъ своихъ прихожанъ, жившихъ довольно далеко. Распутать шнуры и намотать ихъ на лесы было не легко для его полузамерзшихъ пальцевъ. Наконецъ, ему удалось кончить съ этимъ дѣломъ и онъ уже всталъ съ мѣста, какъ вдругъ услышалъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ выше мельницы какая-то тяжесть упала съ плескомъ въ воду. Черезъ мгновеніе быстрое теченіе пронесло мимо него человѣческое тѣло. Полная луна ярко освѣщала воду; пасторъ съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца узналъ въ утопленницѣ блѣдныя черты и золотистые волосы той, которая была ему дороже всего на свѣтѣ. Онъ бросился стремглавъ въ воду и быстро поплылъ къ тому мѣсту, гдѣ тѣло то показывалось на поверхности, то снова погружалось. Еще въ винчестерской школѣ и оксфордскомъ университетѣ онъ славился, какъ искусный пловецъ, и всегда впоследствии любилъ воду. Теперь это умѣнье оказало ему великую услугу. Остановясь подлѣ того мѣста, гдѣ въ послѣдній разъ тѣло погрузилось въ воду, онъ подождалъ, пока оно снова показалось на поверхности, смѣло нырнулъ въ самую глубь и, схвативъ утопленницу, вытащилъ ее на ближайшій берегъ.

Скромный, невѣдомый міру пасторъ понималъ кое-что въ ме-

дицинѣ; онъ зналъ, что человекъ, очутившійся подъ водою, погибаетъ не отъ того, что вода проникаетъ въ легкія, но отъ недостатка воздуха; слѣдовательно, если можно вызвать дыханіе въ утопленницѣ, она будетъ спасена, тѣмъ болѣе, что она находилась подъ водою двѣ или три минуты. Конечно, у него не было подъ рукою необходимыхъ средствъ для возвращенія къ жизни утопленника, но дверь мельницы была отворена и угли еще тлѣлись въ печи, благодаря любезному вниманію къ нему мельника. Моледи отнесъ туда молодую дѣвушку, покрылъ ее своимъ толстымъ пальто и употребилъ все, что было возможно, для привзденія ея въ чувство. Мало-по-малу къ ней возвратилось дыханіе, она открыла глаза и съ изумленіемъ стала озираться по сторонамъ. Черезъ полчаса она совершенно оправилась и была уже въ силахъ возвратиться домой.

Добрый пасторъ съ врожденнымъ рыцарскимъ благородствомъ удержался отъ всякихъ вопросовъ, а когда она сама хотѣла объяснить ему все, онъ остановилъ ее и старался мягкими, нѣжными словами утѣшенія успокоить ее, примирить съ жизнью и возбудить въ ней чувство самоуваженія. Онъ говорилъ просто, съ теплымъ сочувствіемъ и глубокимъ уваженіемъ къ страдающей человѣческой душѣ. Когда ея блѣдныя щеки покрылись румянцемъ и она, придя въ себя, нѣсколько успокоилась, онъ всталъ подлѣ нея на колѣни и произнесъ пламенную, благодарственную молитву. Потомъ, считая, что его услуги болѣе не нужны, онъ молча вышелъ изъ мельницы и только позволилъ себѣ издали слѣдить за нею, когда она тихо пошла домой: онъ опасался, какъ-бы на дорогѣ она не упала въ обморокъ. Черезъ два часа послѣ ея бѣгства изъ гостиницы она благополучно возвратилась въ нее и прошла незамѣтно въ свою комнату, дверь которой оставалась по-прежнему отворенной.

Х.

ЧЕГО НА СВѢТѢ НЕ БЫВАЕТЪ.

М-ръ Моледи пролежалъ въ лихорадкѣ нѣсколько дней; спасеніе Маджи не обошлось ему даромъ: на этомъ свѣтѣ за геройскій подвигъ часто приходится дорого платить самому герою и добродѣтель находить награду только сама въ себѣ.

Между тѣмъ въ сельской гостинницѣ все пошло по-старому, точно ничего не случилось. Маджи не была такъ весела, какъ въ былое время, но работала по-прежнему и находила удовольствіе въ физическомъ трудѣ. Вообще она казалась очень спокойной и только въ такомъ случаѣ выражала грубое сопротивление, если кто-нибудь вмѣшивался въ ея дѣла. Нѣсколько разъ она выказала такую неожиданную и рѣшительную независимость, что Джонъ Джайльсъ пришелъ въ совершенное смущеніе. Она напомнила ему, что онъ не ея отецъ, что ихъ не связывало между собою ничего кромѣ дружбы и что она желаетъ жить своимъ трудомъ и повидать свѣтъ. Она выразила при этомъ желаніе отправиться въ Лондонъ, и въ первый разъ, какъ привезли въ гостинницу пиво, она спросила у возницы, не знаетъ-ли онъ мѣста для работающей дѣвушки—все равно, въ какомъ городѣ или мѣстечкѣ. Онъ отвѣчалъ, что не слыхалъ о подобномъ мѣстѣ и что вообще очень трудно находить мѣста; потомъ, по наущенію Джона Джайльса, онъ прибавилъ, что она напрасно хочетъ отойти отъ мѣста, гдѣ ей жилось такъ хорошо. Тогда она обратилась къ Тому Брауну и, со слезами на глазахъ, приказала ему найти ей мѣсто, не теряя ни минуты.

Бѣдный Томъ схватился за голову при одной мысли, что онъ потеряетъ ее, и просилъ сказать ему причину ея неожиданнаго желанія покинуть Вэкфильдъ-на-болотѣ, предлагая жестоко проучить сосѣдей, если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлился ее оскорбить. Она ничего не отвѣчала, но съ этой минуты отказалась отъ своего плана, убѣдясь, что сама осуществить его не въ силахъ, а другіе не хотятъ помочь ей, и какъ-бы поборилась своей грустной судьбѣ. Она старалась положить конецъ терзавшимъ ее страданіямъ смертью, а потомъ удаленіемъ изъ этого мѣста; то и другое ей не удалось; теперь, какъ птица, пойманная въ сѣти, она перестала биться, отказалась отъ всякой борьбы и покорно, безсознательно покорилась злой судьбѣ.

Когда Томъ Браунъ въ этотъ-же день поздно вечеромъ вошелъ въ кухню, она неподвижно сидѣла, голова ея была опущена на грудь. Ея честныя, работающія руки праздно висѣли, какъ плети; она не была больна, но чувствовала какую-то странную слабость, апатію, и въ головѣ ея было такъ пусто, что она бессознательно спрашивала себя, долго-ли она будетъ походить на

сумасшедшую дѣвушку, бродившую по полямъ въ прошлое лѣто съ соломой въ волосахъ. Она не обратила никакого вниманія на Тома Брауна, но позволила ему сѣсть рядомъ съ собою и говорить все, что ему было угодно. Теперь онъ казался вѣрной караульной собакой, сторожившей бѣдную, молодую дѣвушку, и его грубая, добродушная рѣчь, походившая на ворчаніе бульдога, исходила прямо изъ пламенно-любящаго сердца, готоваго для нея на всякую жертву.

— Маджи! воскликнулъ онъ, наконецъ, и въ его простыхъ, безыскусственныхъ словахъ звучало отчаяніе, — я не могу долѣе терпѣть, я пойду въ солдаты. А я былъ-бы вамъ честнымъ, преданнымъ мужемъ. Да ужь, вѣрно, такова моя судьба. Мнѣ теперь ничего не нужно; возьмите двадцать фунтовъ, которые я отложилъ на нашу свадьбу.

Бѣдный Томъ произнесъ эти слова, дрожа всѣмъ тѣломъ; взявъ фонарь, онъ хотѣлъ уйти, чтобъ никогда болѣе не возвращаться, но она его остановила и, бросивъ на него изумленный, безсознательный взглядъ, спросила, чего онъ отъ нея хочетъ; нѣсколько разъ повторялъ онъ одно и то-же, прежде, чѣмъ она поняла, въ чемъ дѣло, и тогда горько зарыдала, ломая себѣ руки.

Онъ тихо подошелъ къ ней и сталъ мягкимъ, сердечнымъ тономъ напоминать ей о давно прошедшихъ дняхъ дѣтства, проведеннаго ими вмѣстѣ, о томъ, какъ часто онъ носилъ ее на рукахъ, когда ее едва было видно отъ земли; мало-по-малу она стала улыбаться, забывая настоящее подъ вліяніемъ обманчивой памяти, а потомъ сквозь рыданія отрывисто отвѣтила, что на такомъ ничтожномъ созданіи, какъ она, могъ жениться всякій, кто хотѣлъ, — пасторъ, кузнецъ, или онъ, Томъ Браунъ. Всѣ они для нея одинаковы; она нуждалась въ кускѣ хлѣба, могла его заработать и ни къ кому не желала идти въ неволю. Ея голосъ при этомъ то звучалъ гнѣвными, дикими нотами, то выражалъ смиренную, жалобную мольбу. Она почти не сознавала, что говорила, и безъ всякой связи переходила отъ одного предмета къ другому. Она сказала ему, что не любитъ его и никогда не полюбитъ, что ей все равно, что-бы съ нимъ или съ нею самой ни случилось; потомъ, крѣпко схвативъ его за руку, истерически зарыдала.

Когда она пришла въ себя, то потеряла всякую энергію и

была слаба, какъ ребенокъ. Онъ снова предложилъ ей свою руку и сердце; тогда она пассивно, апатично согласилась на все,—и прежде, чѣмъ они разстались въ этотъ вечеръ, было рѣшено, что въ слѣдующее воскресенье ихъ будутъ окривать въ церкви. Она созналась ему, что хотѣла наложить на себя руку, но постарается быть ему вѣрной женой, если онъ ее проститъ; ей казалось, что она все ему сказала, а онъ ничего не подозрѣвалъ. Они были простые, невѣжественные поселяне, а какъ часто подобныя роковыя недомолвки случаются и между образованными людьми. Кто можетъ разглядѣть сокровенныя тайны сердца чрезъ мутное, закопченное стекло человѣческаго слова!

Чась тому назадъ она отчаянно боролась съ преслѣдовавшей ее судьбой; теперь борьба миновала; она сложила оружіе и сдалась безусловно на добро или на зло. Она согрѣла пиво Тому Брауну и положила въ него мускатнаго орѣха и печеное яблоко, какъ всегда это дѣлала въ праздники до появленія въ Вэкфильдѣ-на-болотѣ молодого охотника. Когда онъ уходилъ, она зажгла фонарь, проводила его до двери и, поцѣловавъ, пожелала доброй ночи. Потомъ она тихо, медленно пошла въ свою комнату, легла спать, не проронивъ ни одной слезинки, и вскорѣ крѣпко заснула отъ полнѣйшаго истощенія силъ.

На слѣдующее утро Томъ Браунъ надѣлъ свое лучшее праздничное платье, короткіе штаны, пестрый жилетъ и длинный, широкій скотчукъ, взялъ въ руку букетъ и медленными, торжественными шагами направился къ пастору. За нимъ послѣдовалъ и Джонъ Джайльсъ, подозрѣвавшій, въ чемъ дѣло, и давно съ удовольствіемъ помышлявшій объ этомъ бракѣ, благодаря которому онъ могъ сохранить въ гостинницѣ поддерживавшіе ее столбы. Всю дорогу они шли молча, и только передъ калиткою пасторскаго дома Джонъ дружески ударилъ Тома по животу и промолвилъ сквозь зубы:

— Эге, кольцо-то у тебя готово, Томъ.

— Да, круглое, отвѣчалъ Томъ, краснѣя и тупо улыбаясь.

Въ эту минуту м-ръ Моледи отворилъ калитку; удивившись ихъ неожиданному посѣщенію, онъ спросилъ: все-ли благополучно въ гостинницѣ. Они отвѣчали утвердительно и Джонъ прибавилъ, что погода была прекрасная, холодная, а Томъ замѣтилъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ шелъ дождь. Пасторъ улыбнулся и, зная на

опытъ, что отъ поселянъ ничего скоро не добьешься, сталъ молча ждать, пока они не объяснятся. Ему пришлось долго ждать прежде, чѣмъ Томъ Браунъ пересталъ смотрѣть въ потолокъ, а Джонъ Джайльсъ кашлять. Наконецъ, собравшись съ силами, Джонъ разрѣшился важной новостью, что въ будущее воскресенье надо окликать Тома Брауна и Маджи.

Эти слова, какъ громомъ, поразили добраго пастора. Онъ закрылъ глаза рукой, отвернулся отъ свѣта и отошелъ къ шкафу, въ которомъ хранились приходскія книги и его рукописныя проповѣди. Нѣсколько минутъ онъ былъ погруженъ въ безмолвную, пламенную молитву, и когда заговорилъ, голосъ его былъ спокойный, твердый, а лицо, покрывшееся смертельною блѣдностью, сіяло какимъ-то особеннымъ свѣтомъ.

Онъ поздравилъ своихъ прихожанъ съ такимъ счастливымъ событіемъ, пожелалъ имъ всякаго благополучія, напомнилъ жениху о святости и неразрывности тѣхъ узъ, которыя онъ желалъ заключить, и съ нѣжнымъ участіемъ спросилъ о здоровьѣ миссъ Маргариты. Потомъ онъ записалъ въ книгу имя Томаса Брауна, при чемъ рука его не дрогнула, и спросилъ метрическое свидѣтельство Маджи, чтобы выписать оттуда ея года и имена ея родителей.

— Я давно-бы сдѣлалъ объ этомъ справку, сказалъ пасторъ, нервно откашливаясь, — но метрическія книги здѣшняго прихода часть, а за нѣкоторые года и совершенно, съѣдены крысами.

Джонъ Джайльсъ отвѣчалъ, что онъ поищетъ этотъ документъ въ бумагахъ покойной жены, и удалился вмѣстѣ съ Томомъ, громко благодаря пастора за его добрый пріемъ. М-ръ Моледи проводилъ ихъ до калитки и любезно съ ними простился. Но, возвратясь въ свою комнату, онъ опустился въ кресла, какъ спопъ, и, схвативъ себя за голову, горько зарыдалъ.

Послѣдній лучъ надежды исчезъ изъ его мрачной, одинокой жизни.

ХІ.

ДОКТОРЪ ПОРТЕУСЪ.

Нелегко было найти метрическое свидѣтельство Маджи; послѣ покойной хозяйки гостиницы осталось только нѣсколько платьевъ

и немного бѣлья, а если между ними и находилась какая-нибудь бумага, то ее, вѣрно, выбросили, какъ ненужную. Поэтому, послѣ долгихъ неудачныхъ поисковъ, Джонъ Джайльсъ объявилъ истору, что документъ пропалъ. Размышляя о томъ, какъ устроитъ это дѣло, м-ръ Моледи сталъ припоминать, что онъ когда-то слышалъ отъ ректора, доктора Портеуса, интересный рассказъ о появленіи Маджи въ Вэксфильдѣ-на-болотѣ. На слѣдующій-же день онъ отправился въ Лондонъ, чтобъ выяснитъ этотъ таинственный вопросъ.

Вэксфильдское ректорство представляло въ то время страннѣйшее явленіе, примѣры котораго, впрочемъ, встрѣчаются и до сих поръ, хотя, конечно, несравненно рѣже. Оно приносило четыре тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода, обезпеченнаго землей, которая втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ сильно увеличилась въ цѣнѣ отъ усовершенствованной обработки. Но въ то-же время народонаселеніе этого прихода уменьшилось въ обратной пропорціи и дошло до нѣсколькихъ десятковъ. Вэксфильдъ въ старину славился луками и стрѣлами, позже сукномъ; но мало-по-малу всякое промышленное производство перешло въ сосѣдніе города и отъ теперъ велъ торговлю, и то самую незначительную, только яйцами и живностью. Нѣкогда въ немъ существовалъ богатый монастырь, превращенный впослѣдствіи въ роскошное мѣстопребываніе богатаго лавочника, возведеннаго Питтомъ въ пэры, но уже давно это великолѣпное зданіе обратилось въ развалины, такъ-какъ богатство лавочника-пэра ушло при его наслѣдникахъ къ ростовщикамъ. Послѣднимъ ректоромъ этого прихода былъ докторъ Портеусъ, джентльменъ хорошаго происхожденія, но совершенно разорившійся; доходы его духовнаго мѣста были секвестрованы и онъ не появлялся въ Вэксфильдѣ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ. Поселяне о немъ позабыли, но иногда говорили еще о его братѣ сэръ Ричардѣ, который нѣкогда владѣлъ половиной графства и былъ собственникомъ клаудесдальской своры; но онъ также исчезъ изъ вида; одни говорили, что онъ жилъ въ Булонѣ, а другіе—въ Флоренціи. Такимъ образомъ, единственнымъ представителемъ богатаго духовнаго лица и его патрона былъ бѣдный сельскій исторъ м-ръ Моледи.

Со времени вступленія его въ этотъ приходъ, онъ видѣлъ только два раза доктора Портеуса: въ клубѣ на Пельмельсѣ

улицѣ, при заключеніи съ нимъ условія, и потомъ въ конторѣ стряпчаго, когда однажды онъ задержалъ слѣдующее Моледи содержаніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ докторъ Портеусъ объявилъ очень любезно, извиняясь, что онъ по ошибкѣ получилъ деньги пастора, и предложилъ заключить новое условіе, на что Моледи согласился, такъ-какъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ. Въ его памяти докторъ богословія сохранился въ образѣ статнаго, хорошо одѣтаго пастора, обращавшагося съ нимъ очень любезно и заставившаго его заплатить за потребованный имъ завтракъ; съ тѣхъ поръ м-ръ Моледи не видалъ своего ректора, и такъ-какъ онъ до сихъ поръ не получилъ взятыхъ по ошибкѣ докторомъ Портеусомъ денегъ, то онъ совѣстился явиться передъ нимъ въ качествѣ навязчиваго кредитора; но долгъ повелѣвалъ ему объясниться съ ректоромъ и онъ поѣхалъ въ Лондонъ.

Докторъ Портеусъ жилъ въ одномъ приходѣ съ епископомъ Квентерберійскимъ, но не по своему личному выбору, а по необходимости; его мѣстопробываніе „Мелина-Плесь, Ламбетъ“ находилось подъ сѣнью тюрьмы Королевской Скамьи. М-ръ Моледи очень легко нашелъ это жилище, хорошо извѣстное всѣмъ извозчикамъ, и очень удивился, что такая важная особа, какъ докторъ богословія, удостоилъ своимъ пребываніемъ столь скромный уголокъ. Дѣйствительно, домъ, въ которомъ онъ обиталъ, былъ небольшой, очень некрасивый и заброшенный.

Пасторъ скромно, нерѣшительно постучалъ въ дверь и черезъ минуту ее отворила неряшливая служанка. За нею шелъ пожилой господинъ, очевидно, отправлявшійся гулять. Онъ былъ довольно плохо одѣтъ, въ грязномъ черномъ сюртукѣ, поношенныхъ черныхъ панталонахъ, такихъ-же штиблетахъ, бѣломъ галстухѣ и большой съ широкими полями потертой шляпѣ. Лицо его казалось съ перваго взгляда краснымъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи оно оказывалось пурпуровымъ; глаза были налиты кровью, носъ, чрезвычайно толстый, былъ весь въ буграхъ, подобно тутовому дереву. Онъ былъ довольно толстъ и нетвердъ на ногахъ; но, несмотря на свою непривлекательную внѣшность, онъ держалъ себя съ достоинствомъ и въ немъ нельзя было не узнать джентльмена, хотя и въ очень несчастномъ положеніи.

Онъ взглянулъ на м-ра Моледи съ тѣмъ испуганнымъ видомъ,

который присущъ всякому живому существу, затравленному охотниками или судьбою, но успокоился, потому-что тотчасъ-же узналъ его.

— Это вы! сказалъ онъ торжественнымъ, густымъ басомъ,— мой добрый, достойный товарищъ и другъ. Позвольте мнѣ называть васъ другомъ. Какъ ваше здоровье, достопочтенный сэръ; какъ вы поживаете?

Докторъ Портеусъ любезно поклонился гостю и поспѣшилъ провести его въ пустынный садъ, обыкновенно окружавшій подобныя дома въ предмѣстьяхъ Лондона, тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Слѣдя за нимъ, м-ръ Моledi слышалъ вдали сердитый, визгливый женскій голосъ. Очутившись внѣ предѣловъ власти этого грознаго голоса, докторъ Портеусъ тотчасъ измѣнилъ свой тонъ и съ простою, безыскусственной любезностію настоящаго джентльмена спросилъ своего викарія, какому счастливому случаю онъ обязанъ его пріятнымъ посѣщеніемъ.

— Я полагаю, сэръ, сказалъ м-ръ Моledi, на котораго сильно подѣйствовало все, что онъ видѣлъ,— что вы имѣете кое-какія частныя свѣденія объ одной молодой дѣвушкѣ вашего прихода, известной подъ именемъ Маджи или Маргариты Джайльсъ, но крещенной подъ другой фамиліей.

— Да, отвѣчалъ докторъ, принимая на себя прежній торжественный видъ,— мнѣ хорошо извѣстны тѣ обстоятельства, о которыхъ вы упоминаете, м-ръ Моledi. Какъ служитель англиканской церкви, я вполне сознаю всю отвѣтственность моихъ священныхъ обязанностей, и могу васъ увѣрить, м-ръ Моledi, что никогда объ нихъ не забываю.

М-ръ Моledi пріѣхалъ въ Лондонъ не для того, чтобъ слушать подобныя фразы, и далъ это почувствовать ректору, хотя въ почтительныхъ выраженіяхъ.

— Пообѣдаемте вмѣстѣ, сказалъ докторъ богословія:— теперь пять часовъ. Вы членъ какого клуба: оксфордскаго, или кембриджскаго, или университетскаго? За столомъ мы поговоримъ подробно о предметѣ, который, какъ я вижу, васъ очень интересуетъ. Молодыя женщины, естественно, возбуждаютъ въ себѣ сочувствіе и я полагаю, что никакое призваніе, какъ-бы священно оно ни было, не должно отвлекать насъ отъ вліянія, возвышающаго сердце и умъ.

Пасторъ грустно вздохнулъ и коротко отвѣтилъ, что онъ не былъ членомъ ни одного изъ лондонскихъ клубовъ. Доктору Портеусу это было очень хорошо извѣстно, и если-бъ даже м-ръ Моледи былъ членомъ названныхъ имъ клубовъ, то онъ не могъ-бы отправиться туда съ нимъ, такъ-какъ онъ не имѣлъ права удалиться изъ-подъ сѣни тюрьмы, въ которой онъ официально содержался за долги, хотя купилъ свою ограниченную свободу отъ смотрителя тюрьмы, имѣвшаго привилегію продавать небольшое количество свѣта и воздуха по десяти гиней за штуку.

— Въ такомъ случаѣ, достопочтенный сэръ, любезно сказалъ докторъ, — вы позволите угостить васъ обѣдомъ. Я увѣренъ, вы не откажетесь отъ скромнаго угощенія. Прошу васъ съ подобающимъ духовному лицу смиреніемъ послѣдовать за мною въ трактиръ, гдѣ очень порядочно жарятъ бифстекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ небольшой, опрятно содержимой гостинницѣ, гдѣ, повидимому, докторъ Портеусъ былъ постояннымъ посѣтителемъ. Онъ заказалъ хорошей обѣды и бутылку портвейна. Съ перваго-же блюда, политаго добрымъ виномъ, сердце его растаяло и онъ пустился въ нескончаемые разговоры.

— Ахъ! достопочтенный сэръ, говорилъ онъ, — было время, жогда мой погребъ былъ всегда полонъ старымъ, рѣдкимъ виномъ, и я-бы васъ попотчивалъ отиѣнной бараниной и бутылкой мадеры, дважды совершившей путешествіе въ Индію и вполне достойной вашего изысканнаго вкуса. Да, я не всегда былъ такимъ несчастнымъ, каковымъ вы меня видите теперь. Я помню, однажды за обѣдомъ мой братъ Ричардъ, выпивъ нѣсколько бутылокъ бургонскаго, сказалъ мнѣ: „Не бойся, Нэдъ, ты не умрешь съ голоду, хотя все отцовское состояніе, мое и твое, пошло къ чорту. Ты получишь ректорство прежде, чѣмъ нахлынуть кредиторы, но, конечно, сдѣлаешь небольшой заемъ, чтобъ заплатить мой долгъ чести герцогу Куртопу, и назначишь пенсіонъ маленькой Зефиринѣ (Зефирина, м-ръ Моледи, была тогда лучшая танцовщица; она впоследствии вышла замужъ за польскаго графа), а остальное, — твое. Впрочемъ, время отъ времени ты будешь высылать мнѣ кое-что, Нэдъ, если мнѣ не повезетъ за границей“. Я на все согласился, но потомъ оказалось, что я имѣлъ не четыре тысячи фунтовъ годового дохода, какъ-бы слѣдовало, а только шесть сотъ, ибо

все остальное забиралъ кровожадный ростовщикъ Шарпъ, отецъ нынѣшняго стряпчаго.

Окончивъ этотъ разсказъ, онъ принялся за второй, потомъ за третій и такъ далѣе; наконецъ, м-ръ Моледи, взглянувъ на часы и замѣтивъ, что было уже поздно, ловко навелъ разговоръ на Маджи.

— Ахъ, да, сказалъ докторъ, принимаясь за третью бутылку портвейна.—Я хорошо помню, что она была крещена подъ именемъ Маргариты Вильдвиль. Спусти нѣсколько дней послѣ того я обѣдалъ у герцога Куртопа, который былъ закадычнымъ другомъ моего брата, и объяснилъ ему, что имѣлъ честь окрестить родственницу его знаменитаго рода. „Чортъ-бы васъ побралъ, пасторъ! воскликнулъ герцогъ, который, я долженъ сказать, выражался за обѣдомъ очень неприлично:—если какая-нибудь.... шотландка смѣетъ злоупотреблять моимъ именемъ, то вы, кажется, должны положить этому конецъ, а не то.... я скажу епископу и вы..... вылетите съ вашего мѣста“. Я зналъ, что его свѣтлость могъ исполнить свое слово, такъ-какъ три члена верхней палаты были обязаны своими мѣстами вліянію Вильдвильей и, конечно, съ тѣхъ поръ я держалъ языкъ за зубами. Но будьте увѣрены, что или самъ герцогъ или лордъ Джорджъ..... ну, да нечего выводить скандальныя сплетни. Во всякомъ случаѣ, ее зовутъ Маргаритой Вильдвиль, то-есть, Вальвиль, какъ, вы знаете, слѣдуетъ произносить это имя.

М-ръ Моледи откровенно замѣтилъ, что онъ этого не зналъ и докторъ пустился въ длинныя, любопытныя объясненія о прихотливомъ произношеніи англійскихъ аристократическихъ фамилій. Вѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщался прислать своему викарію засвидѣтельствованную копію съ метрическаго свидѣтельства Маргариты Вильдвиль.

Получивъ необходимыя свѣденія, за которыми онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, пасторъ всталъ изъ-за стола; докторъ богословія потребовалъ счетъ и небрежно попросилъ м-ра Моледи заплатить; когда-же слуга принесъ сдачу съ пяти фунтовой ассигнаціи, докторъ, какъ-бы по расхвѣянности, положилъ деньги къ себѣ въ карманъ, говоря, что уплатить по приходѣ домой. Такимъ образомъ, м-ръ Моледи былъ вынужденъ проводить своего патрона до его скромнаго жилища; но какъ только они подошли къ дверямъ, въ

одною изъ оконъ показалась женская голова въ ночномъ чепцѣ и на доктора Портеуса посыпался дождь самыхъ отборныхъ ругательствъ. Доброму пастору стало жаль его и онъ отошелъ въ сторону, чтобъ обождать бурю, но черезъ нѣсколько минутъ дверь съ шумомъ отворилась и какая-то невидимая рука втащила ректора въ домъ словно чудови щими клещами. Тогда м-ръ Моледи слегка вздохнулъ, пожалѣлъ свои тяжелымъ трудомъ нажитыя деньги, а еще болѣе несчастнаго доктора Портеуса, и благополучно возвратился въ Векфильдъ-на-болотѣ.

ХІІ.

СВАДЬБА.

Получивъ отъ доктора Портеуса копию съ метрическаго свидѣтельства Маджи, пасторъ пошелъ въ гостинницу и показалъ документъ Джону Джайльсу. Увидавъ его, хозяинъ „Пашечницы“ почесалъ въ затылкѣ и объявилъ, что точно такая бумага находится въ тулѣ его шляпы. Она ему попала въ руку, когда онъ зачѣмъ-то пошелъ въ ящикъ жены послѣ ея смерти, и положилъ ее въ шляпу, которая была ему велика. Обѣ бумаги теперь были сравнены и оказались совершенно одинаковыми.

Въ слѣдующія три воскресенья въ приходской церкви окликали Томаса Брауна и Маргариту Вильдвиль, а такъ-какъ никто не предъявилъ законныхъ препятствій къ ихъ бракосочетанію, то они и были обвѣнчаны. Колокола весело гудѣли, когда они возвращались домой черезъ поля, сопровождаемые всѣми сосѣдями, которыхъ ожидалъ въ гостинницѣ веселый, шумный пиръ. Вскорѣ послѣ этого счастливаго дня Джонъ Джайльсъ совершенно передалъ молодымъ свое заведеніе, радуясь, что могъ теперь по чистой совѣсти сидѣть цѣлый день за кружкой пива. Но, по наружности, въ гостинницѣ не произошло никакой перемѣны. Томъ Браунъ по-прежнему исполнялъ всѣ обязанности слуги, которыя, впрочемъ, не были тягостны. Проѣзжавшіе мимо поселяне обыкновенно имѣли съ собою запасъ сѣна и торбы съ овсомъ, такъ что Тому приходилось только наливать каждое утро воду въ колоду, а вечеромъ всполаскивать ее. Молодая чета вела спокойную, тихую

жизнь. Гостинница имѣла свой опредѣленный кругъ посѣтителей, которые являлись въ опредѣленное время. Платимыя ими деньги складывались въ кухонный шкафъ, и когда пивной заводчикъ присылалъ счетъ, ему платили мѣдными пенсами. Доходъ „Шашечницы“ былъ достаточенъ для жизни ея хозяевъ и для уплаты мельнику, въ мелочную лавку и винокуру; но они ничего не откладывали на черный день. У нихъ были своя домашняя птица, яйца, молоко, свинина и огородныя овощи. Вообще жители Вэкфильдана-болотѣ мало нуждались въ деньгахъ, и если-бъ непріятельская армія когда-нибудь вторглась въ Англію, то съ этого селенія ей было-бы чрезвычайно трудно собрать реквизицію даже въ 50 шиллинговъ, а если-бъ и нашлась такая сумма, то она вся состояла-бы изъ мѣдныхъ пенсовъ и полу-пенсовъ.

Маджи, повидимому, примирилась съ своей судьбою, если она когда-нибудь считала себя въ правѣ быть ею недовольною; впрочемъ, впоследствии она никогда не жалѣла, что вышла замужъ за Тома Брауна. Онъ былъ тупой, тяжелый человекъ, но добрый, готовый на все, чтобъ только сдѣлать ей пріятное, и она управляла неограниченно всѣмъ домою. Препрежнее здоровье къ ней возвратилось и ея хорошенькая фигура приняла такъ скоро округленную форму, что сосѣди стали выхвалять ея энергичный, рѣшительный характеръ.

— Ты не долго думала, Маджи Браунъ, сказала ей м-съ Джинкесъ, мать кузнеца, черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы; — помни мое слово и ребенокъ не долго прокопается въ пути.

Въ эту минуту Маджи было необходимо пойти развѣснить бѣлье, и она не отвѣтила ни слова на эту рѣчь. Послѣ того м-съ Джинкесъ не разъ заговаривала съ нею объ этомъ предметѣ, но Маджи всегда отмалчивалась, запятая какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ, хотя она очень любила м-съ Джинкесъ.

— Во всякомъ случаѣ, Маджи, говорила старуха, — ты тотчасъ пришли за мною, какъ почувствуешь потуги. Я всегда на кузницѣ съ Гарри, и Тому стоитъ только высунуть голову въ окно и крикнуть, я сейчасъ и приду.

Маджи обѣщала послать за нею, какъ наступитъ надобность, а Томъ Браунъ подговорилъ доктора въ Дронингтонѣ; но ни старуха, ни докторъ, не присутствовали при счастливомъ событіи; оно случилось совершенно неожиданно, свидѣтельствуя тѣмъ о

пророческихъ способностяхъ м-съ Джинксъ, которая, услыхавъ, что у Тома Брауна родился сынъ, побѣжала ко всѣмъ сосѣдямъ и торжественно объявила, что она предвидѣла эти ранніе, семи-мѣсячные роды.

Весь Вэкфильдъ-на-болотѣ былъ занятъ важнымъ вопросомъ, какъ назвать этого необыкновеннаго ребенка; одни предлагали назвать его Веніаминомъ, другіе—Гарри, третьи, и въ томъ числѣ м-съ Джинксъ, — Джономъ, въ честь Джайльса. Томъ Браунъ, съ которымъ никто не совѣтовался объ этомъ предметѣ, торжественно заявилъ, что надо было прежде всего спросить мать, и заговорилъ съ нею объ этомъ предметѣ такимъ спокойнымъ, добродушнымъ тономъ.

— Мы сдѣлаемъ важные выводы изъ этого, сказалъ онъ, подходя къ постели жены.

М-съ Браунъ, еще очень блѣдная и слабая, слегка улыбнулась, но ничего не отвѣчала и только крѣпко прижала къ груди своего ребенка.

— Хорошенькій, промолвилъ Томъ Браунъ, смотря на сына, и лицо его сіяло гордой радостью.

— Томасъ, произнесла черезъ нѣсколько минутъ почти шопотомъ Маджи, — скажи, я тебѣ была вѣрной женой?

— Конечно; кто-же въ этомъ можетъ сомнѣваться?

— Томасъ, произнесла снова молодая женщина.

— Что, Маджи? спросилъ онъ нѣжно.

— Ты вѣришь въ призраковъ? спросила она, полузакрывъ глаза.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Томъ, качая головой, и тотчасъ прибавилъ: — то-есть, если ты не вѣришь, Маджи.

— Я видѣла призракъ, Томасъ, въ ту ночь, когда ты носилъ письмо въ Дронингтонъ.

— Неужели? произнесъ ей мужъ такимъ тономъ, которымъ отвѣчаютъ дѣтямъ, когда они говорятъ глупости.

— Да, это былъ призракъ; теперь я знаю, что это былъ призракъ, повторила Маджи, и лицо ея просіяло, словно она освободилась отъ тяжелаго гнета, давившаго ея сердце.

— Дай мнѣ ребенка, Маджи, сказалъ ей мужъ, и неловко, но съ любовью открылъ свои объятія.

Маджи положила къ нему на руки свое сокровище, но все-же придерживала его, боясь разстаться съ нимъ. Если-бъ ребенокъ

заплакалъ или сдѣлалъ-бы какое-нибудь движеніе, она немедленно выхватила-бы его и спрятала на своей груди; но ему, вѣрно, понравилось лежать въ мощныхъ, но нѣжныхъ объятіяхъ отца, и на его маленькомъ личикѣ показалась улыбка. Въ эту минуту мать, отецъ и сынъ были связаны новыми узами любви и довѣрія, болѣе сильными, чѣмъ узы природы.

— А какъ мы назовемъ ребенка, Маджи? спросилъ шепотомъ Томъ Браунъ;—м-съ Джинксъ говоритъ, что его слѣдуетъ назвать Джономъ.

Маджи задумалась; лицо ея приняло мечтательное, восторженное выраженіе и она прошептала съ нѣжно:

— Онъ Вильямъ, ~~мыслась~~ *Уильямъ*, и нѣтъ ему другого имени.

Ея невѣжественный умъ, руководимый только материнской любовью, таинственно прозрѣлъ въ невѣдомое для нея прошедшее. Леди Амабилъ Вильдвиль написала въ XVI столѣтіи прелестный романсъ „Милый Вильямъ“, который до сихъ поръ остается народной пѣснью. Это было странное, любопытное совпаденіе.

Черезъ нѣсколько дней м-ръ Моледа окрестилъ ребенка и далъ ему имя Вильямъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Черезъ нѣсколько лѣтъ.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ гостинницѣ „Шашечница“ ночевалъ неизвѣстный молодой охотникъ, и воспоминаніе о немъ совершенно изгладилось изъ памяти обитателей Вэсфильда-на-болотѣ.

Томасъ Браунъ и его жена жили счастливо и, кромѣ старшаго сына Вильяма, имѣли много дѣтей. Уже вскорѣ послѣ свадьбы, Маджи потеряла свой прежній здоровый видъ, а въ слѣдующую зиму стала кашлять. Слѣдующія за тѣмъ весна и лѣто не принесли съ собою для нея никакого облегченія, а въ

змиѣ ей стало еще хуже. Между тѣмъ у нея ничего не болѣло; ей не грозила никакая близкая опасность, но она чувствовала, что въ ея жизни чего-то недоставало, она сознавала, хотя не вполне ясно, что она лишилась чего-то невозвратимаго. Какъ растеніе, пересаженное на чуждую ему почву, черствеетъ развиваться и чахнетъ, такъ и она видимо блекла, хотя и продолжала жить. Дронингтонскій врачъ, веселый старикъ, посѣтилъ ее, но не могъ опредѣлить ея недуга и посовѣтовалъ ей пить портвейнъ, его любимый напитокъ; потомъ онъ послалъ изучить ея болѣзнь своего помощника, поразившаго Маджи черными перчатками и золотыми очками съ синими стеклами, черезъ которые онъ не могъ ничего видѣть. Онъ былъ сынъ лондонскаго купца и отличался гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ прописалъ ей микстуру, въ которой различные кислоты и спирты были смѣшаны въ такой странной пропорціи, что пробка выскочила изъ стьянки на дорогѣ изъ города и эта стьянка, съ надписью на сигнатурѣ „три раза въ день по столовой ложкѣ“, пришла пустая. Врачъ заинтересовался болѣзнью Маджи и самъ привезъ ей пилюли, показавшіяся ей дробью; по словамъ ученаго медика, въ нихъ заключалось желѣзо, но оно, вѣрно, заржавѣло отъ долгаго неупотребленія и потеряло всякую силу. Слѣдуетъ, однако, признаться, что лекарства, прописанныя Маджи, не сдѣлали ей никакого вреда: она ихъ не принимала; быть можетъ, по той-же причинѣ, они не принесли ей и никакой пользы. Маджи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе худѣла и въ тридцать лѣтъ казалась почти старухой.

Въ то время, какъ юное поколѣніе Брауна увеличивалось такъ быстро, какъ только позволяла природа, дѣла въ гостинницѣ шли довольно плохо. Между Лондономъ и Дронингтономъ была проведена желѣзная дорога, а въ трехъ миляхъ отъ Вэкфильда устроена станція. Это событіе въ первое время, казалось, не произвело никакой перемѣны; невѣжественные фермеры поклялись, что пока на свѣтѣ существуютъ лошади, они никогда не поѣдутъ на котлѣ; но только два или три мѣсяца ихъ воза продолжали по-прежнему тянуться по большимъ дорогамъ, но потомъ мало-по-малу они освоились съ котломъ и стали возить свои сельскія произведенія въ городъ на базаръ не на лошадахъ, а по желѣзной дорогѣ.

Число посѣтителей Джона Джайльса быстро уменьшилось до нѣсколькихъ завсегдатаевъ и если-бъ гостинница не находилась у него въ наслѣдственной арендѣ за очень незначительную плату землевладѣльцу, то онъ былъ-бы принужденъ переселиться въ другое мѣсто. Теперь-же хозяева „Шашечницы“ жили безъ особенной нужды, хотя бѣдно; ихъ бѣдность служила темой для разговора между агентами землевладѣльцевъ, пріѣзжавшими въ Вэкфильдъ для сбора рентъ; эти агенты не могли понять, какъ люди, владѣвшіе вблизи желѣзной дороги садомъ въ двѣнадцать акровъ и хорошимъ лугомъ, жили бѣдно. Но ни Джайльсъ, ни Томъ Браунъ не понимали, что можно было съ большой выгодой посылать въ Лондонъ молоко и сливки, масло и яйца, даже картофель и капусту. Джонъ Джайльсъ и умеръ въ такомъ невѣденіи; однажды послѣ обѣда онъ отказался отъ обычной кружки пива и черезъ часъ спустя его нашли мертвымъ.

Не успѣли еще похоронить хозяина гостинницы, какъ явился сюда землевладѣлецъ въ лицѣ м-ра Шарпа, лондонскаго стряпчачаго, котораго Маджи гдѣ-то видѣла прежде, но гдѣ именно—не могла припомнить. М-ръ Шарпъ потребовалъ платежа такъ-называемаго Heriot или Heer-geld, то-есть военнаго налога, который уплачивался въ средніе вѣка владѣльцу замка при вступленіи его на войну. Этотъ налогъ платился натурою, военными снарядами, лошадьми или оружіемъ, какъ слѣдовало по 69 гл. Статута Канута, который доселѣ сохранилъ силу въ Англіи, владѣльцы замковъ не предпринимаютъ болѣе походовъ другъ на друга (развѣ только судебнымъ путемъ черезъ стряпчихъ) и, слѣдовательно, не нуждаются въ этомъ военномъ налогѣ. Въ силу стариннаго обычая, и м-ръ Шарпъ, дѣйствуя отъ имени опекуновъ надъ сэромъ Ричардомъ Портеусомъ, владѣльцемъ Вэкфильдскаго замка, явился въ гостинницу тотчасъ послѣ смерти ея хозяина и потребовалъ лучшую лошадь или корову изъ имущества покойнаго. Онъ также имѣлъ право, на основаніи этого средневѣкового обычая, забрать лучшій и болѣе цѣнный предметъ изъ вещей, принадлежавшихъ умершему. Случалось, что владѣлецъ замка забиралъ скаковую лошадь или драгоценные камни, которые стоили болѣе всей арендной суммы; это возбуждало безконечные процессы. М-ръ Шарпъ нашелъ въ гостинницѣ изъ домашняго скота только слѣбую лошадь и старую корову; онъ

выбралъ послѣднюю, говоря, что она годится хоть на что-нибудь; изъ домашняго скарба самымъ драгоценнымъ предметомъ оказался рабочій ящикъ Маджи. Этотъ дубовый ящикъ отличался красивой рѣзбой и вензелемъ К. Р. подъ герцогской короной. Маджи разсталась съ нимъ неохотно и переложила всѣ лежавшія въ немъ вещи въ верхній ящикъ своего камода, при чемъ въ ея головѣ невольно проснулись давно дремавшія воспоминанія. Между этии вещами находилась бумажка, врученная ей незнакомымъ охотникомъ; теперь, благодаря своей большей опытности, она убѣдилась, что это была десяти-фунтовая ассигнація. Долго и мрачно смотрѣла она на нее, но потомъ лицо ея просіяло, какъ во время разговора съ мужемъ на другой день послѣ рожденія Вильяма. Она заботливо завернула деньги въ чулокъ, на счастье, и заперла въ комодъ; но впослѣдствіи часто о нихъ думала. Такой большой суммы она никогда не имѣла разомъ въ своихъ рукахъ и потому считала ее цѣлымъ состояніемъ. „Эти деньги Вильяма, думала она,—я сберегу ихъ для него“.

II.

Юный Браунъ.

Дѣти Маджи Браунъ были здоровенные, коренастые, шумные ребята, кровь съ молокомъ, съ розовыми щеками и голубыми глазами. Эти вѣрные представители юнаго поколѣнія англійскихъ поселянъ, словно молодые бычьи, орали во все горло, требуя чего-нибудь съѣстнаго, или выражая радость и горе. Они ѣли много, долго, безмолвно, торжественно жуя нишу, точно совершая какой-нибудь религиозный обрядъ, и запивая каждый кусокъ хлѣба съ масломъ кружкой снятого молока.

— А гдѣ нашъ Виль, мама? спросилъ однажды передъ ужиномъ бѣлобрысый мальчуганъ.

Порція Вильяма Брауна была всегда самая большая, самая вкусная; его кусокъ хлѣба былъ всего гуще намазанъ масломъ, его кружка всегда наполнена до краевъ парнымъ молокомъ, подѣлъ предлогомъ, что снятое все вышло, хотя въ кладовой было его достаточное количество.

— Я знаю, гдѣ онъ, воскликнула маленькая дѣвочка, открывавшая широко ротъ и скаля зубы.

— Гдѣ-же онъ, Маджи? спросила мать, завязывая ребенку передникъ.

— Виль разоряетъ гнѣзда, а дѣсники говорятъ, что въ члѣ подѣлано много капкановъ, произнесъ шестилѣтній мальчуганъ.

— Мама, мама, воскликнула крошечная Маджи, — вотъ и шлѣ Виль; онъ только-что перескочилъ черезъ ограду и сбилъ съ дерева два абрикоса.

— Сплетница, сплетница, воскликнули всѣ дѣти хоромъ; и бѣдная Маджи заплакала.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ Вильямъ Браунъ, держа въ рукахъ три форели, завернутыя въ траву, и два абрикоса. Онъ былъ чрезвычайно красивый мальчикъ и нисколько не походилъ на своихъ братьевъ и сестеръ. Они были грубые, толстые, деревенскіе ребята, а онъ статный, прямой, граціозный юноша. Прекрасно сложенный, онъ имѣлъ грудь скорѣе высокую, чѣмъ широкою; вполне соразимѣрная голова его гордо возвышалась надъ мощными плечами, мускулы, неповртые излишнимъ жиромъ, выказались желѣзными, поступь была благородная, эластичная. Онъ бѣгалъ скорѣе, прыгалъ дальше всѣхъ своихъ товарищей. Ему было теперь только семнадцать лѣтъ, но, какъ всѣ брэнеты, онъ казался гораздо старше. Черты лица онъ наследовалъ отъ матери и отличался ея гордыми, тонкими ноздрями, большими синими глазами, прекрасно очерченнымъ ртомъ съ полу-отвисшею губою, отличительнымъ признакомъ всѣхъ Вильдвилей; но волосы не были черны, какъ вороново крыло, и не было ни малѣйшаго сходства между нимъ и честнымъ Томомъ Брауномъ, который съ покойнымъ самодовольствіемъ сидѣлъ въ углу кухни и молча добывался своимъ потомствомъ.

— Вотъ, папа, сказала Вильямъ звучнымъ, рѣшительнымъ голосомъ и смѣло смотря передъ собою безстрашнымъ взглядомъ юнаго орла, — я принесъ вамъ три форели къ ужину; пусть вы ихъ изжарить. Я ловилъ рыбу въ ручьѣ у мельницы, съ м-ромъ Мелли.

Дѣйствительно, юный Браунъ почти каждый вечеръ удилъ рыбу съ пасторомъ, который чрезвычайно любилъ его и научилъ его читать и писать; тайную, старательно скрываемую причину

привязанности къ молодому человѣку понимала только одна Маджи Браунъ.

— Дѣлай, что хочешь съ пасторомъ, Вильямъ, замѣтилъ Томъ Браунъ, — ты съ нимъ въ бѣду не попадешь; но остерегайся лѣсниковъ сэра Ричарда. Говорять, м-ръ Шарпъ, угнавшій напу корову, пересчиталъ всѣхъ зайцевъ и продаетъ ихъ въ Лондонѣ. Смотри, не тронь ихъ, мальчикъ.

— Я застрѣдилъ одного вчера, изъ стараго ружья Моды, но отдалъ помощнику лѣсничаго Нэду Риву; мы съ нимъ отправимся наднахъ охотиться за кроликами съ моимъ хорькомъ.

— Я тебѣ этого не запрещаю, Вильямъ, отвѣчалъ отецъ, почесывая въ затылкѣ, — но берегись Шарпа, онъ гадкій человѣкъ; помни, однако, я нисколько не мѣшаю твоимъ забавамъ.

Въ обращеніи Тома Брауна съ старшимъ сыномъ замѣчалось какое-то странное, вѣроятно, безсознательное чувство уваженія. Дѣйствительно, въ родительской любви честнаго Тома примѣшалась значительная доля изумленія, что онъ родилъ такого сына; онъ также часто удивлялся, что семимѣсячный ребенокъ вышелъ такимъ рослымъ и сильнымъ юношей. Онъ всегда слышалъ, что преждевременно родившіяся дѣти обыкновенно бываютъ слабыя и болѣзненные, а Вильямъ могъ перепрыгнуть черезъ заборъ въ пять досокъ и косить траву безъ усталы, словно его рука была такая-же стальная, какъ самая коса. Онъ могъ справиться съ лучшей кровной лошадыю и цѣлыми часами скакалъ, какъ птица, по полямъ и лугамъ; поэтому дронингтонскій барышникъ, Нэдъ Ніоверъ, всегда заручался его помощью при продажѣ лошадей, такъ-какъ никто лучше его не могъ выказать товара лицомъ. Съ другой стороны, Гарри Джинксъ никогда не чувствовалъ себя спокойнымъ въ кузницѣ безъ Вильяма, который проводилъ большую часть своего времени въ его семействѣ, причину чего мы объяснимъ впоследствии. Не меньшее искусство выказывалъ онъ въ единоборствѣ и очень ловко дѣйствовалъ кулаками; при малѣйшемъ проявленіи непослушанія или дерзости со стороны его младшихъ братьевъ онъ однимъ прикосновеніемъ своей мощной руки валилъ ихъ на землю, какъ кегли; онъ недавно избилъ палкой громаднаго, рослаго возницу. Вообще юный Браунъ былъ смѣль, рѣшительнъ и энергиченъ, какъ молодой левенокъ, что изумляло его апатичнаго отца и наполняло его сердце полу-комич-

нымъ, полу-трогательнымъ уваженіемъ къ этому замѣчательному семилѣтнему ребенку, который несомнѣнно былъ его сыномъ.

Вильямъ обѣщалъ послѣдовать совѣту отца и все семейство принялось съ религіознымъ вниманіемъ за рыбу, которую Маджи между тѣмъ изжарила. Послѣ ужина дѣти выбѣжали въ поле, естественно группируясь вокругъ Вильяма, составлявшаго главную, центральную фигуру. Любимымъ мѣстомъ ихъ игръ былъ берегъ небольшого пруда, окаймленнаго старинными дубами и вязами; тутъ, подъ тѣнью густой, зеленой листвы и при веселомъ щебетаньи птицъ, такъ-какъ оставалось еще добрыхъ два часа до захода солнца, каждый изъ нихъ принялся за свою любимую игру: кто удилъ рыбу, кто каталъ шарики, кто бѣгалъ въ запуски. А Вильямъ Браунъ, прислонившись къ большому, древнему дубу и вынувъ изъ кармана перочинный ножикъ, подаренный ему пасторомъ, задумчиво сталъ вырѣзывать на корѣ какое-то имя.

III.

Идиллія.

Двое братьевъ Вильяма, Джэкъ и Джайльсъ, качались подлѣ него на калитѣ.

— Какъ жаль, что сегодня не воскресенье, сказалъ Джэкъ.

— Отчего? отвѣтилъ Джайльсъ.

— Въ воскресенье пудингъ, лаконически произнесъ Джэкъ, почувствовавшей уже возвращеніе аппетита, хотя на его подбородкѣ виднѣлись еще остатки масла.

— Не всегда, замѣтилъ Джайльсъ:— разъ въ воскресенье намъ не дали пудинга, а фруктовый супъ.

— Виль, воскликнулъ Джэкъ, торжественно перенося апелляцію въ высшую инстанцію:— въ воскресенье всегда бываетъ пудингъ?

— Онъ не знаетъ, онъ не любитъ пудинга, возразилъ Джайльсъ, продолжая качаться на калитѣ.

— Что-жь ты любишь, Вильямъ? спросилъ лукаво Джэкъ.

— Мать, отвѣчалъ Вильямъ, — и лошадь мельника, ксторую онъ купилъ у насъ въ прошломъ году.

— Такъ зачѣмъ-же ты всегда вырѣзаешь на деревьяхъ имя

Салли Джинксъ? замѣтилъ Джайльсъ съ еще болѣе хитрой улыбкой;—ты ужь испортилъ шесть деревьевъ.

— Ой, воскликнулъ Джакъ, падая на землю отъ слишкомъ быстрого взмаха калитки,—не смѣй такъ дѣлать, не то я тебя отколочу.

— Не смѣешь, отвѣчалъ Джайльсъ,—я мамѣ скажу.

— Я васъ обоихъ спущу въ прудъ, если вы не замолчите, произнесъ Вильямъ, и шумно за минуту передъ тѣмъ ребята-при-смирѣли и загорланили только тогда, какъ дали тягу.

Оставшись одинъ, Вильямъ закрылъ свой ножикъ, спряталъ его въ карманъ и началъ насвистывать старинную англійскую пѣсню „Свистни, мой милый, и я прибѣгу“. Послѣ первыхъ-же нотъ надъ сосѣдней изгородью показалось розовое маленькое личико, точно цвѣтокъ, и черезъ минуту къ Виллю подбѣжала толстенъкая дѣвочка, съ пухлыми щечками, блестящими глазами и бѣлыми зубами.

— Отчего ты сегодня опоздала, Салли? спросилъ юноша, въ голосѣ котораго слышался нѣжный упрекъ.

— Мама послала меня къ твоей матери съ яйцами, отвѣчала дѣвочка, едва переводя духъ.

Она поставила свою корзинку подъ дерево и оба они сѣли подъ тѣнью густой листвы, крѣпко обнявшись, какъ настоящія дѣти. Нѣжно прижавшись къ Вильяму, молоденькая Салли стала дѣлать ему выговоръ съ прелестнымъ въ такой юной особѣ сознаніемъ женскихъ правъ собственности надъ своимъ поклонникомъ. Она серьезно говорила ему, что онъ не долженъ ходить въ загороженный мѣста парка сэра Ричарда, даже чтобъ набрать ей букетъ, и вообще обязанъ быть добрымъ, послушнымъ мальчикомъ. Онъ обѣщалъ ей, что постарается быть совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, если она обѣщается всегда жить съ нимъ и не покидать его ни подъ какимъ предлогомъ, хотя-бы на одинъ день во всю ихъ жизнь. Этотъ разговоръ молодыхъ людей былъ прелестнымъ, невиннымъ воркованьемъ, и ичела, олицетвореніе честнаго, мирнаго труда, летая вокругъ близъ стоявшаго улья, одобрительно прислушивалась къ ихъ лепету. Наговорившись досыта, Салли попросила Вильяма спѣть ея любимую пѣсню, которой онъ научился отъ стараго матроса, проходившаго мимо ихъ селенія въ

прошломъ году. Онъ немедленно затянулъ простую, народную пѣсню, въ которой воспѣвалась любовь молодого матроса къ деревенской красоткѣ, и дѣвочка стала ему вторить; ихъ свѣжіе голоса, звучный теноръ и чистое сопрано, мелодично раздавались въ воздухѣ. Они были такъ поглощены другъ другомъ и своей пѣсней, что не замѣтили, какъ къ нимъ подошелъ отецъ Салли, Гарри Джинксъ, который уже нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ черезъ изгородь. Взглядъ его былъ задумчивый и нѣсколько безпокойный, по совершенно дружелюбный, ибо онъ вполнѣ былъ увѣренъ, какъ въ своей дочери, такъ и въ юномъ Брауиѣ.

— Нѣтъ, Виль, сказалъ онъ, наконецъ, — это негодится. Ты не имѣешь ни гроша и слишкомъ юнъ, чтобъ ухаживать за молодыми дѣвушками. А ты, Салли, ступай домой.

Такимъ образомъ, трезвая дѣйствительность нарушила романтическія мечты юности; а жаль, по истинѣ жаль, что романтической стороной жизни никогда не дозволяютъ развиться на свободѣ. Англійскіе родители, въ особенности-же въ сельскомъ классѣ, почему-то считаютъ любовь дурнымъ дѣломъ и полагаютъ своей обязанностью, зорко слѣдя за дѣтьми, ставить всевозможныя преграды къ появленію въ нихъ этого чувства, а въ случаѣ его возникновенія — къ упичтоженію его съ корнемъ. Это величайшее заблужденіе. На свѣтѣ было-бы гораздо болѣе мирнаго, спокойнаго счастья, если-бъ юнымъ сердцамъ дозволяли развиваться естественнымъ путемъ, не стыдась и не скрываясь. Сколько молодыхъ дѣвушекъ становятся хитрыми, коварными, никуда негодными созданіями только потому, что ихъ заставляютъ скрывать свои чувства! Сколько юношей пропадаетъ по той-же причинѣ. Молодымъ людямъ такъ-же невозможно воспретить любить, какъ цвѣтамъ цвѣсти или деревьямъ зеленѣть. Конечно, можно отрѣзывать бутоны, какъ только они появятся, оставляя лишь уродливый стебель; саранча можетъ поѣсть молодые листья, но вѣдь это истребленіе, а не ищѣленіе.

Вообще рѣдко случается, чтобъ родительская или какая-бы то ни было власть обезпечивала насильственными мѣрами, хотя-бы предпринятыми съ доброю цѣлью, счастье подчиненныхъ ей лицъ. Результаты подобнаго вмѣшательства обыкновенно бываютъ очень грустные. Такъ если-бъ честный Гарри Джинксъ, нежелавшій, конечно, зла своей дочери, не разлучилъ молодыхъ людей, они

спокойно потяпули-бы обычную капитель юной любви и черезъ годъ или два мирно поженились-бы, что принесло-бы счастье не только имъ, но и самому Гарри Джинксу. Салли была хорошенькая, добрая, работающая дѣвушка и, конечно, современемъ сдѣлалась-бы хорошей женой и прекрасной хозяйкой, а Вильямъ Браунъ, хотя онъ началъ-бы свое существованіе въ скромномъ Вэ-фильдѣ-на-болотѣ, непремѣнно проложилъ-бы себѣ дорогу въ свѣтъ, какъ энергичный, способный юноша. Теперь-же судьба, по милости стараго Джинкса, распорядилась совершенно иначе.

Прошло двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ Вильямъ Браунъ снова встрѣтился съ своей первой любовью. Она тогда была прачкой въ одномъ приморскомъ городкѣ и, выйдя замужъ по совѣту отца за развратнаго пьяницу, осталась тридцати лѣтъ вдовою съ восьмью дѣтьми.

IV.

Съ отчаянія.

Вильямъ Браунъ, разлученный съ предметомъ своей любви, поддался отчаянію, какъ и всѣ молодые люди въ его положеніи. Нѣкогда работающій и дѣятельный юноша, онъ сталъ теперь лѣниться, всякая работа валилась у него изъ рукъ. Цѣль его жизни исчезла, все для него поблекло, ничего не возбуждало въ немъ интереса—ни дѣло, ни удовольствіе. Нѣсколько дней тому назадъ все, за что-бы онъ ни взялся, имѣло прямое или косвенное отношеніе къ той, которая была для него дороже всего на свѣтѣ. Если онъ работалъ въ саду, то спѣшилъ кончить свой урокъ, чтобъ имѣть свободную минуту сбѣгать къ м-съ Джинксъ и поболтать съ Салли. Если онъ находилъ очень большую ягоду, махровый цвѣтокъ или выкапывалъ древнюю монету (садъ гостиницы находился на старинномъ полѣ битвы временъ Алой и Бѣлой Розы), онъ заботливо отгадывалъ ихъ, чтобъ показать ей вечеромъ. Читая съ м-ромъ Моледи, онъ запоминалъ каждый интересный разговоръ, чтобъ передать его Салли, и научилъ ее немного грамотѣ. Теперь все это прошло невозвратно. Работа въ саду казалась ему бесполезнымъ, тяжелымъ трудомъ, чтеніе пустымъ препровожденіемъ времени. Его любимымъ занятіемъ теперь

было лежать подъ деревомъ на спинѣ, закрывъ лицо руками, и цѣлыми часами думать о Салли. По ночамъ онъ почти не спалъ, а на разсвѣтѣ бѣгалъ къ хижинѣ кузнеца, чтобъ издали увидать Салли, которая шла доить коровъ. Но и этого удовольствія онъ вскорѣ лишился: черезъ нѣсколько дней онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что коровъ отправился доить самъ кузнецъ Гарри. Наканунѣ вечеромъ бѣдную Салли послали съ знакомымъ поселянномъ въ Дронингтонъ къ старой теткѣ, содержавшей мелочную лавку, и юный Браунъ не видалъ ее болѣе въ Вэкфильдѣ.

Мало-по-малу его характеръ сталъ портиться, онъ выражалъ неповиновеніе къ старшимъ, сталъ водить дружбу съ людьми, которымъ приходилось имѣть дѣло съ полиціей, и, наконецъ, мельникъ объяснилъ своему другу м-ру Моледи, что старшій лѣсникъ сэра Ричарда точить зубъ на Вильяма. Въ тѣ времена браконьерство было сильно развито. Юный Браунъ случайно попалъ въ общество браконьеровъ, и такъ-какъ они были очень веселые, предприимчивые ребята, то прилились ему по сердцу. Однажды, за обѣдомъ, онъ изумилъ своего отца, начавъ разсуждать о „правахъ народа“, конечно, не понимая, о чемъ онъ говорилъ, и только повторяя громкія фразы, бывшія въ большомъ ходу въ Англіи въ ту эпоху.

Пасторъ горевалъ, замѣчая, что Вильямъ все больше и больше сходится съ своими новыми знакомыми; м-ръ Моледи искренно любилъ юношу, который въ его глазахъ долженъ былъ и могъ-бы быть его сыномъ, если-бъ обстоятельства сложились иначе. Онъ вполне понималъ причину неожиданной перемены въ характерѣ и поведеніи скромнаго молодого человѣка, о воспитаніи котораго онъ такъ много заботился, потому что безмолвный и застѣнчивый со всѣми другими, когда дѣло касалось его привязанности, Вильямъ Браунъ былъ откровененъ съ пасторомъ и разсказалъ ему свою тайну. М-ръ Моледи даже посѣтилъ нарочно кузнеца съ цѣлю добиться хоть какой-нибудь надежды для своего юнаго друга, но былъ принятъ очень сурово и всѣ его усилія остались тщетными.

Возвращаясь домой послѣ этой неудачной попытки, онъ встрѣтилъ м-ра Шарпа идущаго со станціи желѣзной дороги.

М-ръ Шарпъ управлялъ теперь всѣми дѣлами сэра Ричарда Портеуса и его брата. Онъ получалъ ренты съ арендаторовъ,

безжалостно рубилъ деревья и платилъ пастору его жалованье правильнѣе, чѣмъ онъ получалъ прежде, хотя вычиталъ изъ этой суммы подоходный налогъ, что вовсе не слѣдовало, и цѣнность гербовой марки, которую онъ никогда не приклеивалъ къ квитанціи пастора. Несмотря на это, м-ръ Моледи предпочиталъ имѣть дѣло съ этимъ практичнымъ, акуратнымъ стряпчимъ, чѣмъ съ любезнымъ докторомъ Портеусомъ, который никогда не унижался до вычетовъ, а просто удерживалъ всю сумму, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ. Такимъ образомъ, между этими столь противоположными людьми установились порядочныя отношенія, казавшіяся издали даже дружественными. Оба они желали другъ другу добра, потому что пасторъ никому никогда не желалъ зла, а м-ръ Шарпъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы ссориться безъ всякой причины и еще съ человѣкомъ, дружба котораго могла быть ему прекрасной рекомендаціей. При этомъ надо замѣтить, что м-ръ Моледи нисколько не ошибался насчетъ стряпчаго; ему было извѣстно, что стряпчій плутуетъ съ нимъ и каждую треть утягиваетъ у него пять шиллинговъ, но онъ былъ слишкомъ добросердеченъ и легко извинялъ подобныя поступки, въ особенности, когда они касались его самого. М-ръ Шарпъ, съ своей стороны, иногда подозрѣвалъ, что пасторъ видитъ его игру, и поэтому старался прикрывать свое періодическое пользованіе чужими деньгами громкими любезными фразами.

— Какъ вы поживаете, достопочтенный сэръ, какъ вы поживаете? сказалъ м-ръ Шарпъ, повидимому, съ искреннимъ сочувствіемъ, но въ сущности съ нѣкоторымъ смущеніемъ, такъ-какъ онъ всегда чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ въ обществѣ порядочнаго человѣка.

М-ръ Моледи поздоровался съ нимъ съ обычной учтивостью, но на его губахъ показалась едва замѣтная улыбка, которая, впрочемъ, тотчасъ исчезла.

— Завтра день платежа, сказалъ м-ръ Шарпъ, который инстинктивно заговорилъ о деньгахъ—главной цѣли всей его жизни;—вы знаете, достопочтенный сэръ, что подоходный налогъ увеличенъ на пенсъ съ фунта, что уменьшить слѣдующую вамъ сумму на шиллингъ и три пенса.

— Конечно, считая пенсъ съ фунта, на пятнадцать фунтовъ придется пятнадцать пенсовъ, отвѣчалъ пасторъ, насупивъ брови,

не столько отъ неудовольствія, сколько отъ сожалѣнія, что человекъ можетъ такъ низко пасть.

— Повѣрьте, достопочтенный сэръ, продолжалъ м-ръ Шарпъ, стараясь свалить вину на другого, — если-бъ я могъ, то, конечно, не высчитывалъ-бы у васъ процента подоходнаго налога; я не разъ говорилъ доктору Портеусу, что ему стыдно такъ поступать съ вами. Но докторъ въ очень плохихъ обстоятельствахъ и всегда мнѣ отвѣчаетъ, отчасти основательно, что такъ-какъ доходъ съ занимаемаго вами духовнаго мѣста превышаетъ сумму, съ которой не берется налога, то вы обязаны вести на себѣ его тяжесть.

— Я никогда не отказывался и не протестовалъ.

— Конечно, нѣтъ, сэръ, но я вижу иногда по вашему лицу, что вы могли-бы сказать многое противъ такого обложенія, если-бъ захотѣли. Я самъ могъ-бы тоже протестовать, но, повѣрьте, не дѣлаю этого потому, что у доктора Портеуса всѣ карманы пусты.

— Я объ немъ и не упоминалъ, отвѣчалъ пасторъ, нелюбившій, чтобъ при немъ отзывались нехорошо объ его патронѣ.

Успокоившись на счетъ прибавки одного шиллинга и трехъ пенсовъ, м-ръ Шарпъ весело перемѣнилъ разговоръ.

— Я пріѣхалъ въ Вэкфильдъ сегодня, сказалъ онъ, — хотя слѣдовало мнѣ прибыть только завтра, потому, что желалъ подышать чистымъ воздухомъ и мнѣ нужно взять у мирового судьи исполнительный листъ на задержаніе юнаго Брауна за незаконную охоту и кражу фазановъ.

— Исполнительный листъ! произнесъ м-ръ Моледи, поблѣднѣвъ: — быть не можетъ. Этотъ мальчикъ ничего не сдѣлаетъ дурного. Онъ только отъ неудачной любви предался праздной жизни, но его родители честные люди и не допустятъ его до дурного поступка; да онъ и самъ не имѣлъ дурныхъ наклонностей.

— Гмъ, замѣтилъ м-ръ Шарпъ, — его видѣли въ обществѣ шопенниковъ, которые ловятъ силками фазановъ, разставляютъ капканы зайцамъ и другими путями истребляютъ дичь. Такое поведеніе не похвально, достопочтенный сэръ.

— Я долженъ согласиться, сэръ, отвѣчалъ пасторъ съ едва скрытымъ безпокойствомъ, — что его поведеніе въ послѣднее время не было таково, какъ я ожидалъ, но я сочту за личное для себя одолженіе, если вы окажете ему на этотъ разъ списхожденіе; а

что онъ болѣе никогда не провинится, въ этомъ я вамъ даю слово.

— Хорошо, достопочтенный сэръ, я всегда готовъ вамъ услужить, но фазаны продаются въ Лондонѣ по три шиллинга шесть пенса за штуку, а дѣла сэра Ричарда чрезвычайно запутаны. Въ тому-же мы должны извлекать изъ этого помѣстья всевозможную пользу, пока онъ живъ, такъ-какъ послѣ его смерти мы не получимъ ни пенса. Поэтому я пересчиталъ всѣхъ фазановъ и въ выпѣшнюю недѣлю ихъ исчезло двадцать шесть.

— Если плата за нѣсколькихъ пропавшихъ птицъ можетъ расположить васъ въ пользу Браупа, сказалъ пасторъ товою мольбы, — то позвольте мнѣ предложить вамъ вычесть эти деньги изъ слѣдующей мнѣ завтра суммы.

— Хорошо, достопочтенный сэръ, отвѣчалъ Шарпъ, — по если я спущу ему на этотъ разъ, онъ, пожалуй, попадетъ въ другой и тогда, вы понимаете, если вы не заплатите за убытки, мнѣ придется уплатить изъ своего кармана.

— Нѣтъ, возразилъ пасторъ, — я приду жѣры, чтобъ Вильямъ Браунъ не посягалъ болѣе на собственность сэра Ричарда. Я заставлю его дать мнѣ слово болѣе не нарушать закона, если онъ когда-нибудь его нарушалъ, а на его слово я могу положиться.

— Двадцать шесть фазановъ, по три шиллинга и шесть пенса — составитъ четыре фунта одиннадцать шиллинговъ, замѣтилъ Шарпъ; — прикажете еще прибавить для круглага счета фунтъ и девять шиллинговъ за неизвѣстное количество исчезнувшихъ яицъ?

— Всего будетъ шесть фунтовъ, сказалъ пасторъ.

— Такъ что мнѣ придется отдавать, достопочтенный сэръ, девять совереновъ, исключая процента подоходнаго налога, произнесъ поспѣшво м-ръ Шарпъ.

Послѣ этого они шли молча нѣсколько минутъ; наконецъ, Шарпъ сказалъ добродушно:

— Вы, кажется, достопочтенный сэръ, очень интересуетесь вѣннѣмъ Брауномъ?

— Да, отвѣчалъ пасторъ. — Онъ мой ученикъ и подаетъ большія надежды. Такой честный, прямой, умный, мужественный и рѣшительный юноша непремѣнно проложитъ себѣ дорогу въ свѣтъ.

— Гмъ, произнесъ Шарпъ, посвятившая, и потомъ многозначи-

тельно прибавилъ: — примите, достопочтенный сэръ, мой совѣтъ: предохраните этого молодого человѣка отъ всякой бѣды. Я не желаю сдѣлать ему какую-нибудь непріятность; быть можетъ, придетъ время, когда я, въ моихъ собственныхъ интересахъ, окажу ему большую услугу. Но могутъ быть (понимаете, я не утверждаю, а только предполагаю) люди, которѣмъ выгодно удалить его съ своего пути и не только его, но и все его семейство.

— Вы меня удивляете, замѣтилъ пасторъ. — Я живу здѣсь много лѣтъ, и никогда не слыхалъ, чтобъ Брауны сдѣлали кому-нибудь зло.

— Вообще вѣрю, продолжалъ м-ръ Шарпъ;—но, къ слову, достопочтенный сэръ, вы видали здѣсь приближенныхъ лицъ или агентовъ герцога Куртопа?

— Нѣтъ, отвѣчалъ пасторъ, не понимая намека Шарпа, —но я помню, докторъ Портеусъ говорилъ мнѣ, что герцогъ имѣетъ обязательство на имѣнія сэра Ричарда.

— Нѣтъ, отвѣчалъ м-ръ Шарпъ;—я скупилъ всѣ дома сэра Ричарда, обезпеченные землею или доходами.

V.

Р Е К Р У Т Ъ.

Разставшись съ м-ромъ Шарпомъ, который обѣщалъ прекратить всякое дальнѣйшее преслѣдованіе Вильяма Брауна, м-ръ Моледи пошелъ въ сосѣдній приходъ, гдѣ его товарищъ-пасторъ занемогъ и потому ему предстояло въ слѣдующее воскресенье говорить проповѣдь не въ одной, а въ двухъ церквяхъ. Путь былъ не маленкій и во время его м-ръ Моледи думалъ болѣе о свѣтскихъ, чѣмъ о духовныхъ предметахъ. Онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ знатнымъ, важнымъ особамъ обижать такихъ скромныхъ, бѣдныхъ людей, какъ Брауны, хотя, зная достаточно свѣтъ, онъ былъ увѣренъ, что такой практическій лондонскій страпцій, какъ м-ръ Шарпъ, не сталъ-бы безъ уважительной причины его предупредить. Поэтому онъ рѣшился изъ любви къ юному Брауну серьезно переговорить съ его отцомъ и даже съ самой Маджи, съ которой онъ никогда не рѣшался промолвить двухъ словъ на-

сидѣлъ съ того памятнаго зимняго вечера, когда она просила его написать письмо къ неизвѣстному лицу; но теперь онъ видѣлъ необходимость объясниться съ нею; у него была смутная надежда, что, можетъ быть, она отыщетъ ключъ къ этой тайнѣ.

Углубленный въ эти мысли, онъ незамѣтно приблизился къ деревенскому кабачку, передъ которымъ стоялъ красивый, высокаго роста, мужчина въ военномъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ пестрыми эполетами на киверѣ и блестящими пуговицами и шпорами. Подлѣ него стояли три молодыхъ поселенца, также съ пестрыми лентами на шляпахъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи сидѣлъ на лавкѣ юноша, акрывъ лицо руками. Эти четверо молодыхъ людей были, очевидно, только-что завербованные рекруты. Въ то время для набора рекрутовъ въ военную службу Англія была раздѣлена на округа; въ каждомъ изъ нихъ дѣйствовалъ специально назначенный для этой цѣли офицеръ-вербовщикъ; рекрутовъ по деревнямъ набирали подчиненные ему унтер-офицеры-вербовщики. Принятіе шилинга за подобнаго вербовщика въ качествѣ задатка считалось законнымъ обязательствомъ со стороны рекрута поступить въ военную службу; вербованіе, естественно, чаще всего происходило въ деревенскихъ трактирахъ и кабакахъ. Сущность вербовочной системы заключалась въ томъ, чтобъ заманить и обмануть молодого человека съ помощью лести и вѣрныхъ напитковъ, а потомъ всевозможными лживыми увѣреніями удержать его отъ побѣга. Вербовщики получали извѣстную плату за каждого рекрута и потому, хотя имъ было извѣстно о существованіи парламентскихъ актовъ, воспрещавшихъ подобное вербованіе обманомъ, вербовщики искусно обходили законъ, сочиняли самыя удивительныя, чудовищныя сказки и всевозможными хитрыми уловками доводили обманутыхъ ими молодыхъ людей до полковыхъ штабовъ, гдѣ они почти безсознательно превращались въ солдатовъ.

М-ръ Моледи съ перваго взгляда понялъ, въ чемъ дѣло. Юноша, сидѣвшій на скамьѣ, поникнувъ головою, былъ Вильямъ Браунъ. Пасторъ прямо подошелъ къ нему, а вербовщикъ, узнавъ его духовное званіе по длинному, черному сюртуку и бѣлому галстуху, почтительно поклонился, приложивъ руку къ киверу.

— Вильямъ, сказалъ пасторъ твердымъ, но нѣжнымъ голосомъ, — это я, м-ръ Моледи, вашъ другъ. Поднимите голову и скажите, что случилось?

Юноша ничего не отвѣчалъ и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ его плечи судорожно двигались, точно онъ рыдалъ, потомъ онъ медленно опустилъ руки и совершенно сухими, хотя нѣсколько красными глазами пристально взглянулъ на пастора; его губы дрожали, но онъ смотрѣлъ смѣло, рѣшительно, какъ человѣкъ, который не зналъ за собою никакой вины.

— Вы въ какомъ полку служите, сержантъ? спросилъ пасторъ.

— Въ первомъ уланскомъ, сэръ, отвѣчалъ сержантъ, снова инстинктивно прикладывая руку къ киверу.

— Очень радъ слышать, произнесъ пасторъ;—прошу помнить, что я знаю вашего полковника и вы строго отвѣтите мнѣ за этого юношу. Вамъ извѣстно, что его поступленіе на службу недѣйствительно до истеченія двадцати-четыреохъ часовъ со времени его заврбованія?

— Вполнѣ извѣстно, сэръ.

— Вашъ полкъ стоитъ въ Дронингтонѣ?

— Да, сэръ.

— Благодарю васъ, продолжалъ м-ръ Моледи и, обратившись къ юному Брауну, прибавилъ нѣжно:—Вильямъ, мы еще увидимся съ вами сегодня.

VI.

Десять фунтовъ стерлинговъ.

М-ръ Моледи былъ-бы глубоко огорченъ, если-бъ поступленіе въ солдаты умнаго, энергичнаго молодого человѣка, на воспитаніе котораго, онъ посвятилъ такъ много заботъ, случилось нѣсколькими недѣлями ранѣе. Даже теперь этотъ фактъ его изумилъ и, быть можетъ, возбудилъ въ немъ неудовольствіе, хотя онъ былъ патриотъ и, въ случаѣ появленія на берегахъ Англіи непріятельской арміи или какихъ-нибудь общественныхъ безпорядковъ, онъ выказалъ-бы себя достойнымъ членомъ воинствующей церкви. Дѣйствительно, хотя офицеры всегда производили большой эффектъ на провинціальныхъ балахъ, но военная карьера никогда не была популярна въ Англіи, крожъ той минуты, когда

Наполеонъ Бонапартъ стоялъ лагеремъ въ Булони, противъ англійскихъ береговъ. Обыкновенно самые почтенные англичане громко высказывали свое несочувствіе къ военной службѣ. М-ръ Моледи вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ своихъ современниковъ и полагалъ, что совсѣмъ ужь не приходится молодому человѣку съ свѣтлымъ умомъ и хорошимъ характеромъ идти въ солдаты.

Однако, обстоятельства часто измѣняютъ взглядъ человѣка на тотъ или другой предметъ. Вильямъ Браунъ, тихій, примѣрный молодой человѣкъ, который велъ себя хорошо, зналъ грамоту и энергично исполнялъ свои обязанности, не имѣлъ ничего общаго съ Вильямомъ Брауномъ, товарищемъ сомнительныхъ личностей, обвиняемымъ въ незаконной охотѣ и въ похищеніи чужого имущества. М-ръ Моледи не считалъ своего друга виновнымъ и онъ въ дѣйствительности не былъ виновенъ, но все-же мировой судья, вполнѣ уважающій законы объ охотѣ, могъ человѣка, на котораго взведено подобное обвиненіе, посадить въ тюрьму. Въ жизни молодого человѣка наступила критическая минута; его разлучили съ предметомъ его любви и онъ могъ съ отчаянія сдѣлать какую-нибудь глупость, за которой уже открывался широкій путь къ гибели. Поэтому для него не бесполезно на нѣсколько лѣтъ подпасть подъ вліяніе строгой дисциплины; во всякомъ случаѣ, вреда отъ этого произойти не могло. Къ тому-же командиромъ перваго уланскаго полка былъ полковникъ Оксъ, одинъ изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ офицеровъ англійской арміи и университетскій товарищъ м-ра Моледи, который зналъ, что его письмо доставитъ молодому человѣку прекрасный пріемъ въ полку, и, быть можетъ, эта неожиданная перемена положенія принесетъ ему счастье.

Обдумавъ все это и покончивъ свое дѣло въ сосѣднемъ приходѣ, пасторъ, не теряя ни минуты, возвратился въ Вэкфильдъ и прямо пошелъ къ Маджи Браунъ, которую онъ засталъ дома одну, такъ-какъ мужъ ея былъ занятъ въ полѣ. Впервые послѣ семнадцати лѣтъ онъ стоялъ съ-глазу-на-глазъ съ своей прежней любовью, до сихъ поръ сохранившей въ его сердцѣ первое мѣсто, и очень осторожно, деликатно объяснилъ ей, въ чемъ дѣло. Она выслушала его молча и крупная слеза тихо покатила по ея щекамъ; но она не выразила никакого сопротивленія, и пастору показалось, что она въ глубинѣ своего сердца гордилась такой мужественной рѣшимостью своего сына. Всѣ женщины одарены боль-

шей или меньшей романтичностью; онъ инстинктивно восторгаются храбрыми подвигами; такъ и м-съ Браунъ нашла, что поступленіе въ военную службу было вполне достойнымъ окончаніемъ неудачи въ любви. Она готова была убить кузнеца за причиненное ей сыну горе, она сердилась на Салли Джинксъ, что та не умѣла благоразумно скрыть своей любви, но, во всякомъ случаѣ, не могла видѣть своего сына несчастнымъ, забракованнымъ. Она съ удовольствіемъ думала теперь, что онъ надѣнетъ красный мундиръ и будетъ ухаживать за другими молодыми дѣвушками. Съ какою радостью она приготовлялась объявить кузнецу, когда онъ приплетъ за Вильямомъ, чтобы тотъ помогъ ему при ковѣхъ лошадей, что ее сынъ поступилъ въ военную службу.

Узнавъ о случившемся, Томъ Браунъ выразилъ неудовольствіе. Сѣно надо было убрать, картофель вырыть, ягоды въ саду собрать; Вильямъ былъ его правою рукой и его первая мысль была, что онъ не обойдется безъ его помощи. Потомъ, странно сказать, онъ подумалъ, что, вѣрно, чѣмъ-нибудь обидѣлъ Вильяма, иначе ему не было причины бѣжать изъ дома. Но и Томъ также не протестовалъ противъ совершившагося факта.

На слѣдующее утро Маджи Браунъ занялась приведеніемъ въ порядокъ вещей Вильяма, которыя пасторъ обѣщаль переслать въ цюльзъ. Много надо было перечинить и исправить въ одеждѣ сына, а потому она отложила для немедленной отправки только его лучшее бѣлье, чтобы онъ не ударилъ лицомъ въ грязь передъ своими товарищами. Покончивъ это дѣло и уложивъ все въ чемоданъ, она открыла комодъ и вынула десяти-фунтовую ассигнацію, которую ей сунулъ въ руку неизвѣстный охотникъ, уѣзжая на вѣки отъ нея. Листья розы, такъ долго хранившейся въ этой бумажкѣ, оставили на ней значительные слѣды, стерли нѣкоторыя изъ цифръ и вообще придали ей грязный, измятый видъ; но Маджи знала теперь ее настоящую цѣну. Она считала, что эти деньги принадлежать ее сыну Вильяму, и такъ-какъ онъ теперь выступилъ на арену жизни, то она рѣшила на половину ихъ купить ему необходимыя вещи, а остальную сумму переслать ему съ пасторомъ. Однако, она не знала, какъ объяснить мужу и сосѣдямъ обладаніе такой значительной суммой. Она не могла разиѣнять бумажку въ Вэкфильдѣ, а отправиться для этого въ Дронингтонъ—значило возбудить безковечные толки и слетни. Рас-

правивъ ассигнацію и положивъ ее на столъ передъ собою, Маджи долго думала, какъ ей поступить. Десять фунтовъ, по ея мнѣнію, была такая большая сумма, что она не хотѣла послать ее цѣликомъ сыну; она боялась, что онъ можетъ закутить или, еще хуже, подвергнется подозрѣнію въ неправильномъ пріобрѣтеніи этихъ денегъ. Съ другой стороны, какъ могла она объяснить ему происхожденіе этихъ денегъ? По очень понятной причинѣ она не хотѣла сказать ему всей правды. Единственнымъ способомъ выдти изъ затруднительнаго положенія было отправиться въ Лондонъ, гдѣ она, судя по рассказамъ, могла размѣнять ассигнацію никѣмъ незамѣченная и купить необходимыя ей вещи лучше и дешевле, чѣмъ въ Дронингтонѣ. Къ тому-же она была очень взволнована отъѣздомъ сына; первымъ важнымъ событіемъ со времени ея свадьбы, и небольшое путешествіе могло успокоить ее. Ей часто говорили, что можно съѣздить въ Лондонъ въ два часа; на переходъ до станціи желѣзной дороги потребовался-бы часъ и столько-же для размѣна ассигнаціи и покупокъ въ Лондонѣ,—слѣдовательно, на все путешествіе пошло-бы не болѣе семи часовъ. На слѣдующій день ея мужъ отправлялся въ Дронингтонъ продавать теленка и она могла незамѣтно уѣхать и возвратиться. Поэтому она рѣшилась привести въ исполненіе свое намѣреніе и объявила всѣмъ въ домѣ, что отправляется завтра на цѣлый день въ замокъ къ старой, больной ключницѣ.

VI.

Маджа арестована.

М-съ Браунъ отправилась въ Лондонъ и благополучно вышла изъ вагона на Поддингтонской станціи. Она была одѣта очень скромно, въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ, въ длинной мантильѣ, въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ и старомодной шляпкѣ. Въ одной рукѣ она держала большой каленкоровый зонтикъ, а въ другой корзину, съ какой обыкновенно кухарки ходятъ на рынокъ за провизіей. Войдя въ Эджворскую улицу, она была оглушена тысячами различныхъ звуковъ, но Лондонъ не показался ей очень большимъ городомъ, такъ-какъ она полагала, что онъ весь заключался въ этой улицѣ, оканчивавшейся зеленымъ выгономъ и въ примы-

кающихъ къ ней узкихъ переулкахъ. Зѣ то ее изумили и привели въ восторгъ разнообразныя, великолѣпныя лавки. Если бъ у нея были свои деньги, то она непременно купила-бы для своей старшей дочери одно изъ дешевыхъ прелестныхъ платьевъ, красовавшихся на окнахъ, или, по крайней мѣрѣ, яркую, пеструю ленту. Но бывшіе съ нею десять фунтовъ принадлежали ея сыну, а потому она только любовалась этими платьями и изучила фасовъ, намѣреваясь шить такое платье сама. Она довольно долго стояла передъ окномъ этой лавки. Замѣтивъ это, одинъ изъ прикащиковъ, предугадывая въ ней провинціалку, вышелъ на улицу и заговорилъ съ нею.

— Войдите, сударыня, произнесъ этотъ ловкій, любезный юноша, — мы продаемъ съ громадной уступкой, въ чистый убытокъ. Дамскія платья по послѣдней парижской модѣ стоятъ только девять шилинговъ, девять пенсовъ; для васъ уступимъ за девять шилинговъ.

— Мнѣ не нужно платья, сэръ, отвѣчала м-съ Браунъ краснѣя;—я желаю купить шерстяные носки для сына.

— Носки—сударыня? пожалуйста. Самые лучшіе мужскіе носки, шилингъ и девять пенсовъ. Пожалуйста, пожалуйста, нигдѣ не найдете такого богатаго выбора шерстяныхъ товаровъ.

М-съ Браунъ вошла въ лавку, но такъ-какъ она знала толкъ въ этомъ товарѣ, то увидѣла, что предлагаемые ей съ удивительною любезностью носки были полшерстяные, полубумажные и разлѣзлись-бы при первой стиркѣ. Она хотѣла выдти изъ лавки, но прикащики и прикащицы были такъ предупредительны, что она совѣстилась ничего не купить, а потому спросила катушку нитокъ и бумажку иголокъ, надѣясь, что на этомъ товарѣ ее не обманутъ. Одна изъ прикащицъ ловко завернула требуемыя вещи въ розовую бумагу и величественно подала Маджи, которая бросила на нее взглядъ полный достоинства, не хуже иной герцогини, и подала ей десяти-фунтовую бумажку.

— Шестъ съ половиною пенсовъ, сдачи на десять фунтовъ! крикнулъ прикащикъ, подходя къ кассѣ.

Кассиръ пристально взглянулъ на ассигнацію, посмотрѣлъ на нее противъ свѣта, повернулъ ее во всѣ стороны, и, наконецъ, лизнулъ языкомъ. Ему было очень хорошо извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ десяти-фунтовыя ассигнаціи разнѣиваются въ

англійскою банкѣ не позже трехъ мѣсяцевъ послѣ ихъ выпуска, а бумажкѣ, которую предъявила м-съ Браунъ, было уже восемнадцать лѣтъ. Отъ долгаго времени и сырости она порыжѣла и Большое пятно скрывало двѣ цифры въ номерѣ. Лизпувъ языкомъ ассигнацію, кассиръ покачалъ головою и снова лизнулъ ее, точно вся премудрость его ремесла заключалась въ языкѣ.

— Фальшивая, м-ръ Коджеръ? спросилъ прикащикъ вполголоса, просовывая голову въ рѣшотку, отдѣлявшую конторку кассира.

— Навѣрное сказать не могу, отвѣчалъ м-ръ Коджеръ, снова разсматривая ассигнацію на свѣтъ, — только она очень старая, восемнадцать лѣтъ. Кто ее представилъ?

— Подозрительная личность, провинціалка, нѣчто въ родѣ фермерши, отвѣтилъ прикащикъ; — эта женщина съ перваго взгляда показалась мнѣ какой-то странной. Что-же дѣлать?

М-ръ Коджеръ медленно спустился съ своего высокаго стула и, выйдя изъ-за рѣшотки, подошелъ къ м-съ Браунъ.

— Это очень старая ассигнація, сударыня, сказалъ онъ.

— Неужели, сэръ? отвѣчала Маджи, краснѣя, но не понимая какой смыслъ имѣла давность въ денежныхъ знакахъ.

— Не угодно-ли вамъ написать на лѣвой сторонѣ бумажки ваше имя и адресъ, сударыня, продолжалъ м-ръ Коджеръ очень холоднымъ офиціальнымъ тономъ.

М-съ Браунъ покраснѣла еще болѣе и лицо ея побагровѣло, словно только что вышедшій изъ печи кирпичъ.

— Я неграмотна, сэръ, отвѣчала она въ большомъ смущеніи и прибавила, въ свою очередь, подозрительно взглянувъ на кассира: — зачѣмъ мнѣ писать? Дайте мнѣ скорѣе сдачу, сэръ, мнѣ пора домой.

М-ръ Коджеръ, принявъ движеніе ея руки за желаніе вырвать у него подозрительную бумажку, поспѣшно вернулся къ своей конторкѣ и незамѣтно мигнулъ сторожу, стоявшему у дверей, чтобы онъ не выпускалъ Маджи изъ лавки.

— Бумажка фальшивая, сказалъ онъ вполголоса прикащику, передавая ему ассигнацію; — если-же она и настоящая, то, вѣрно, краденая и мошенники старались передѣлать цифры, но неудачно. Снесите ее м-ру Слопгуду.

Прикащикъ отворилъ стеклянную дверь, на которой золотыми

буквами было написано „кабинетъ“, и вошелъ въ сосѣднюю съ лавкой комнату, гдѣ главный товарищъ фирмы глубокомысленно читалъ газету. М-ръ Слоргудъ, глава торговаго дома Слоргудъ и Фримзей, велъ чрезвычайно выгодную торговлю готовыми платьями, лентами и прочими дамскими товарами, искусно спуская всякую дрянъ за сравнительно дорогую цѣну, и потому, естественно, былъ хорошии судья фальшивой ассигнаціи. Онъ взялъ изъ рукъ прикащика бумажку, панюхалъ ее, лизнулъ и подвергнулъ основательному разсмотрѣнію чрезъ двѣ пары очковъ. Потомъ торжественно произнесъ приговоръ, что бумажка фальшивая или краденная.

Послѣ такого приговора, онъ попросилъ м-съ Браунъ войти въ кабинетъ для полученія сдачи, гдѣ растерявшаяся провинціалка была представлена полисмену, который въ эту минуту вошелъ въ дверь, держа въ рукахъ свою лакированную шляпу.

— Ну, старуха, въ чемъ дѣло? сказалъ онъ сурово, обращаясь къ м-съ Браунъ, и взглянулъ на нее такъ строго, какъ будто она была уже признана виновной въ тяжкомъ преступленіи.

— Отдайте мнѣ деньги, произнесла Маджи дрожащимъ голосомъ, не понимая, что ее подозрѣваютъ въ совершеніи тяжкаго преступленія, а, напротивъ, полагая, что ее хотятъ ограбить. — Мнѣ пора домой. Вы, сэръ, въ золотыхъ пуговицахъ, прикажите имъ отдать мнѣ сдачу.

Эти послѣднія слова относились къ полисмену. Маджи никогда не видала полисменовъ въ полной формѣ, а золотыя пуговицы въ ея умѣ соединялись съ понятіемъ о военныхъ, которые, она полагала, должны всегда оказывать покровительство безпомощнымъ.

— Ну, ну, отвѣчалъ полисменъ примирительнымъ тономъ; — мы не хотимъ вамъ дѣлать зла, только скажите, откуда получили вы эту бумажку; м-ръ Слоргудъ полагаетъ, что она краденная. Если вы честная женщина, то вы можете сказать, отъ кого вы ее получили, и оставите намъ свой адресъ. Вамъ нечего бояться, если вы не сдѣлали ничего дурного.

— Я честная женщина, отвѣчала Маджи глухимъ, хриплымъ голосомъ.

Сердце ея теперь затрепетало, ноздри раздулись и она стала гнѣвно требовать свои деньги, преграждая дорогу къ двери полисмену, который, она боялась, уйдетъ, не оказавъ ей защиты.

Потомъ, увидавъ, что онъ взялъ изъ рукъ м-ра Слоггуда ассигнацію и рассматриваетъ ее, она неожиданно бросилась къ нему, желая выхватить бумажку.

— Нѣтъ, шалишь! воскликнулъ полицменъ, хлопнувъ ее по рукѣ,—это не годится.

— Скрутите ее, полицменъ, хорошенько скрутите! воскликнула въ одинъ голосъ м-ръ Слоггудъ, его прикащики и прикащицы, смотрѣвшіе издали на эту сцену.

Подстрекаемый ими и разсерженный сопротивленіемъ Маджи, полицменъ вынулъ изъ кармана пару ручныхъ колодокъ и старался схватить ее за руки. Но она быстро выхватила изъ его рукъ колодки и прислонилась къ стѣнѣ въ оборонительной позѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ гнѣва и стыда. Въ первый разъ въ жизни на нее осмѣливались поднимать руку; слишкомъ взволнованная, чтобы кричать, она, какъ дикая кошка, смотрѣла на своего врага сверкающими глазами и съ пѣною у рта. Вслѣдъ за этимъ произошла грустная сцена. Полицменъ № 1,000, честный, но упрямый, былъ взбѣшенъ сопротивленіемъ женщины и, видя, что общество въ лицѣ м-ра Слоггуда и его прикащиковъ и прикащицъ смотритъ на него, рѣшительно подступилъ къ Маджи, схватилъ ее за руку и повернулъ съ такою силой, что едва не вывихнулъ ей плечо. Но онъ имѣлъ дѣло съ сильной женщиной; Маджи, ловко вывернувшись, ударила его въ лицо колодками изо всей силы. Кровь брызнула изъ его ноздрей и съ крикомъ: „карауль!“ онъ сталъ шарить въ карманахъ, отыскивая вистень. Это движеніе послужило къ его гибели: онъ получилъ второй ударъ, третій, четвертый и, наконецъ, грохнулся на полъ, увлекая за собою столъ, за который онъ хотѣлъ удержаться. Все, что было на столѣ, полетѣло вмѣстѣ съ нимъ: бутылка вина, графинъ воды, чернильница, тарелка съ бисевитами, газета, конторская книга и объявленіе, напечатанное на желтой бумагѣ крупными буквами:

„Слоггудъ, Фримзей и Комп.

РАСПРОДАЖА ВЪ УБЫТОКЪ.

М-ръ Слоггудъ, его прикащики и прикащицы обратились въ ѳвгство; каждый изъ нихъ искалъ своего спасенія, толкая дру-
«Дѣло», № 4.

тихъ, роняя товаръ съ прилавковъ и оглашая воздухъ криками: „Держите этого чорта!“ Одинъ только сторожъ у двери на минуту сохранилъ свою позицію, но и тотъ, увидавъ бѣжавшую къ нему растрепанную женщину съ зонтикомъ въ рукахъ, который онъ съ испуга принялъ за пистолеть, выскочилъ на улицу и сталъ кричать изо всей силы: „Полисменъ, полисменъ!“ Черезъ мгновеніе къ нему присоединилась Маджи, оглашавшая воздухъ жалобными восклицаніями, что ее ограбили и избили. Во всѣхъ окнахъ сосѣднихъ домовъ показались испуганныя лица, на тротуарахъ столпились прохожіе и даже проѣзжавшій омнибусъ остановился. Впрочемъ, Маджи кричала не долго; сторожъ, поощряемый многочисленными зрителями, схватилъ ее за руку съ крикомъ: „Убійца“. Маджи не сопротивлялась, а неожиданно грохнулась на землю. У нея лопнула жила.

Спустя часъ послѣ этого происшествія Маджи лежала въ одной изъ палатъ ближайшей больницы, отведенной для несчастныхъ случаевъ, и у дверей сидѣлъ полисменъ. Между тѣмъ все дѣло было подробно объяснено полицейскому инспектору и-ромъ Слупгудомъ, который великодушно принялъ на свой счетъ излеченіе раненаго полисмана № 1,000. Немедленно былъ отправленъ полицейскій чиновникъ въ англійскій банкъ, чтобъ справиться, какія десяти-фунтовыя ассигнаціи были изъяты изъ обращенія втеченіи послѣднихъ восемнадцати лѣтъ; оказалось, что ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ, десяти-фунтовая ассигнація №^А/₂ 00012345, по просьбѣ инструментальнаго мастера Джидльдобина, была объявлена украденной. Такъ-какъ десяти-фунтовая ассигнація, взятая у м-съ Браунъ, была №^А/₂ 000123 и послѣдующія двѣ цифры стерты, то каждому, даже и не проницательному полицейскому стало ясно, что эти двѣ цифры представляли 45, и, слѣдовательно, Маджи или уврала эту бумажку восемнадцать лѣтъ тому назадъ, или приняла ее, зная, что она краденая. Поэтому въ мѣстномъ полицейскомъ депо было внесено въ книгу: „Неизвѣстная женщина, взята съ краденой ассигнаціей, полученіе которой она не могла удовлетворительно объяснить, и за побой, нанесенные ею полисмену № 1,000, съ преднамѣренной цѣлью нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ, что причинило неурядицу, скандалъ и страданіе вышеозначенному полисмену № 1,000“. Утѣшительно прибавить, что эти слова были напи-

саны прекраснымъ почеркомъ и что, отерѣвъ перо о полу своего мундира, полицейскій инспекторъ послалъ полицмена отыскать м-ра Джидльдобина, инструментальнаго мастера, и попросить его въ контору для полученія украденной у него собственности. М-ру Джидльдобину оставалось затѣмъ радоваться, что онъ родился въ такой странѣ, гдѣ полиція не только не спитъ, но даже и не дремлетъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЭДГАРЪ ПО.

I.

Есть люди, подобныя деньгамъ, на которыхъ чеканится одно и то-же изображеніе; другіе похожи на медали, выбиваемыя для частнаго случая. Въ подобнымъ людямъ принадлежалъ Гофманъ, сказавшій эти слова, и американецъ Эдгаръ По.

Если въ Гофманѣ выразилась Германія и нѣмецкая душа, то въ Эдгарѣ По, напротивъ, выразился антиподъ янки, превратившаго время, небо и землю въ деньги и аршинъ. Эдгаръ По какъ-бы хотѣлъ выскочить изъ тѣхъ условныхъ формъ жизни, которыя налагаетъ на всякаго американца расчетливый, промышленный духъ его отечества; Эдгару По было тѣсно и узко въ условной, расчетливой Америкѣ, привязывавшей его къ землѣ слишкомъ тонкой веревочкой. Но только потому и рвался онъ въ небо, что хотѣлъ такой свободы, какой ему американское общество дать не могло. Жизнь требовала отъ него положительнаго, и онъ, изъ противорѣчія, ушелъ въ міръ фантазій, видѣній и призраковъ. Америкѣ, гордившейся своей положительностью, По какъ-бы хотѣлъ сказать, что ея душа лишена тонкаго чувства и такого-же тонкаго ума. И американцы, конечно, были правы, когда смотрѣли на По съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на погубившаго себя пьяницу. Любезность за любезность...

Эдгаръ По былъ натура въ высшей степени подвижная, чувствительная и впечатлительная. Не найдя себѣ мѣста ни въ Новомъ, ни въ Старомъ свѣтѣ, онъ кончилъ жизнь въ кабакѣ. И тутъ между нимъ и Гофманомъ повторяется такое-же различіе въ сходствѣ. Гофманъ пилъ регулярно, систематически, какъ истый

сынъ Германіи. „Отъ восьми до десяти часовъ сижу я съ добрыми людьми и пью чай съ ромомъ, пишетъ Гофманъ; отъ десяти до двѣнадцати—также съ добрыми людьми и пью ромъ съ чаемъ“. Послѣ двѣнадцати Гофманъ отправлялся въ винный погребокъ и оставался въ немъ до утра, конечно, продолжая пить *crescendo*. И такъ поступалъ Гофманъ каждый день. Но По, въ качествѣ представителя свободнаго человѣческаго духа свободной Америки, пилъ безъ всякой системы. Это, конечно, еще больше скандализировало американцевъ, тѣмъ болѣе, что когда По умеръ, у него—37-ми-лѣтняго человѣка и въ странѣ, гдѣ въ 37 лѣтъ у каждаго уже должно быть обезпеченное положеніе—не оказалось въ карманѣ ни копейки. Такой необычайной вещи американцы были не въ состояніи простить По.

Отецъ Эдгара По, сынъ извѣстнаго генерала, сражавшагося въ войну за независимость и друга Лафайета, женился самымъ романтическимъ образомъ на извѣстной американской актрисѣ и красавицѣ Елизаветѣ Арнольдъ. Чтобы тѣснѣе связать свою судьбу съ судьбою жены, Давидъ По сдѣлался актеромъ и игралъ на различныхъ театрахъ главныхъ городовъ Союза. Счастливые супруги жили, однако, недолго, и послѣ нихъ осталось трое дѣтей, въ числѣ которыхъ былъ и Эдгаръ. Сироту усыновилъ богатый ричмондскій негодіантъ Алланъ, наслѣдникомъ имени и богатствъ котораго долженъ былъ сдѣлаться Эдгаръ.

Дѣтство Эдгара прошло въ довольствѣ. Если-бы судьба Эдгара По не измѣнилась, то, конечно, его характеръ сложился-бы иначе,—бѣдность и нищета, съ ея раздражающею беспорядочностью, не погубили-бы этой нѣжной, чувствительной и вѣчно искавшей чего-то лучшаго натуры. Случилось, однако, иначе; наслѣдственная романтическая подвижность встрѣтила въ обстоятельствахъ жизни По необыкновенно благопріятную почву для своего развитія, и изстрадавшійся По погибъ жертвой собственнаго протеста.

Пріемные родители По, задумавъ сдѣлать путешествіе по Европѣ, взяли его съ собою, и, объѣхавъ Англію, Ирландію и Шотландію, прежде чѣмъ воротиться въ Америку, оставили Эдгара у доктора Брэнсби, содержавшаго большую школу въ Стокь-Невингтонѣ, близъ Лондона. Въ „Вильямъ Вильсонъ“ Эдгаръ По оставилъ описаніе этого своеобразнаго дома, построеннаго въ

стиль Елизаветы, и того воспитанія, которое онъ въ немъ получилъ.

„Я, говоритъ Эдгаръ По, — потомокъ рода, всегда отличавшагося нылкимъ воображеніемъ и раздражительнымъ характеромъ, и съ самаго ранняго своего дѣтства я доказалъ, что вполне унаслѣдовалъ эту фамиліную черту. Съ годами моя фамиліная особенность стала выясняться рѣзче и, по многимъ причинамъ, стала беспокоить и моихъ друзей, и меня самого. Я сталъ своенравенъ и не боролся съ дурными страстями. Родители мои, люди слабаго характера, ничего не могли сдѣлать, чтобы остановить развитіе моихъ дурныхъ наклонностей. Ихъ слабыя попытки обуздать меня не удались и обратились къ полнѣйшему моему торжеству. Съ этого времени я сталъ дома законодателемъ и господиномъ своихъ дѣйствій въ такіе года, когда другія дѣти едва выходятъ изъ пеленокъ.

„Первыя впечатлѣнія моей школьной жизни связаны съ воспоминаніемъ о большомъ и причудливомъ домѣ въ стилѣ Елизаветы, въ мрачной англійской деревушкѣ, заросшей громадными деревьями, и съ очень старыми домами. При воспоминаніи о нашихъ мрачныхъ аллеяхъ меня до сихъ поръ прорываеъ дрожь и я до сихъ поръ съ невыразимымъ наслажденіемъ вспоминаю низкій, глухой звонъ колокола, внезапными и угрюмыми ударами нарушающій спокойствіе туманной дали, гдѣ углублялась и дремала готическая прозрачная колокольня.

„Домъ, о которомъ я рассказываю, былъ старъ и неправиленъ. При немъ было очень большое мѣсто, окруженное высокой кирпичной стѣной, сверху обсыпанной битыми стеклами. Эта стѣна, годная даже для тюрьмы, и служила границей нашихъ владѣній. Мы выходили за ея предѣлы только три раза въ недѣлю, — разъ по субботамъ, вечеромъ, когда, въ сопровожденіи двухъ учителей, намъ дозволялось дѣлать небольшія прогулки по окрестностямъ, и два раза по воскресеньямъ, когда мы съ военною точностью ходили въ церковь къ вечернѣ и къ обѣднѣ. Директоръ нашей школы былъ пасторомъ единственной деревенской церкви. Съ какимъ глубокимъ чувствомъ восхищенія глядѣлъ я

обыкновенно на него, когда онъ торжественнымъ и медленнымъ шагомъ поднимался на кафедру! Эта особа съ скромнымъ и благочестивымъ лицомъ, въ парадномъ и чистомъ облаченіи, въ парикѣ тщательно напудренномъ и убранномъ, могла-ли быть тѣмъ-же самымъ человѣкомъ, который только-что съ злобнымъ лицомъ, въ платьѣ, засыпанномъ табакомъ, съ линейкою въ рукахъ приводилъ въ исполненіе драгунскіе школьные законы?.

„Въ углу нашей каменной стѣны мрачно виднѣлась массивная калитка, крѣпко-на-крѣпко запертая желѣзными запорами. Какое чувство глубокаго страха внушала она! Она отворялась только для трехъ нашихъ постоянныхъ выходовъ, и тогда въ каждомъ поскрипываніи ея громадныхъ петель намъ слышалось что-то таинственное, — цѣлый міръ торжественныхъ наблюденій и еще болѣе торжественныхъ размышленій.

„Громадное мѣсто при нашемъ домѣ имѣло форму чрезвычайно неправильную и было раздѣлено на нѣсколько отдѣленій. Два или три изъ нихъ составляли рекреационный дворъ. На рекреационномъ дворѣ, усыпанномъ пескомъ весьма скудно, не было ни деревьевъ, ни скамеекъ. Конечно, дворъ былъ съ задней стороны зданія. Передъ фасадомъ располагался небольшой цвѣтникъ, черезъ который, какъ черезъ священный оазисъ, мы переходили весьма рѣдко, а именно, когда поступали въ школу или когда выходили изъ нея, или когда за нами пріѣзжали знакомые или родные и брали насъ къ себѣ на праздники.

„А домъ — что это было за странное старинное зданіе! Мнѣ онъ казался чистымъ сказочнымъ замкомъ! Конца не было его изворотамъ и его невообразимымъ закоулкамъ. Трудно, бывало, сказать вдругъ, въ какомъ находишься этажѣ — въ первомъ или во второмъ. Изъ каждой комнаты въ сосѣдную приходилось или подниматься, или спускаться ступеньки на три. Наконецъ, комнаты раздѣлялись такъ неправильно и причудливо, что наше общее представленіе обо всемъ зданіи граничило весьма близко съ понятіемъ о безконечномъ. Втеченіи моей пятилѣтней жизни въ школѣ я никогда не могъ точно опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ находился маленькій дортуаръ, назначенный мнѣ вмѣстѣ съ восемнадцатью или двадцатью товарищами.

„Классная зала была самой большой изъ всего дома — и даже цѣлаго міра; по крайпей мѣрѣ, мнѣ это такъ казалось. Она была

очень длинна, узка и мрачна, съ стрѣльчатыми окнами и съ дубовымъ потолкомъ. Въ отдаленномъ углу отгороженное мѣсто въ восемь или десять квадратныхъ футовъ служило священнымъ убѣжищемъ для нашего директора, преподобнаго доктора Брэнсби. Загородка была прочная, съ массивной дверцей, и мы всё предпочли-бы умереть на пытьѣ, чѣмъ отворить ее въ отсутствіе директора. Въ двухъ другихъ углахъ находились подобныя-же загородки, — предметы уже гораздо меньшаго почтенія, правда, но все-таки достаточнаго страха; одно было мѣсто учителя словесности, а другое — учителя англійскаго языка и математики. По всему залу стояли скамейки и пюпитры, страшно нагруженные книгами, измазанными пальцами. Скамейки и пюпитры тянулись въ безконечномъ беспорядкѣ, — черные, старые, изрытые временемъ и украшенные такъ сильно первоначальными буквами, цѣлыми именами, смѣшными фигурами и другими различными вырѣзными украшеніями, что совершенно потеряли свой первоначальный видъ. Въ одномъ концѣ залы стояло громадное ведро съ водою, а въ другомъ часы страшныхъ размѣровъ.

„Замкнутый въ стѣнахъ этой почтенной школы, я, однакожь, провелъ безъ скуки и безъ отвращенія свои юношескіе года. Плодовитый дѣтскій мозгъ не нуждается во внѣшнемъ мірѣ, чтобы найти себѣ занятіе, и кажущаяся мрачная однообразность школы возбуждала меня гораздо болѣе, чѣмъ впоследствии возбуждали меня, юношу, наслажденія. Но все-таки мнѣ кажется, что мое первое умственное развитіе было по-преимуществу необыкновенное и даже неправильное...“

И, дѣйствительно, эта неправильность, вмѣстѣ съ нравственными органическими условіями Эдгара По, наложила на всю послѣдующую его жизнь и дѣятельность какое-то особое клеймо мрачнаго проклятія.

Воротившись въ 1822 г. въ Ричмондъ, девятилѣтній Эдгаръ По продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ лучшихъ ричмондскихъ учителей, а въ 1825 году онъ поступилъ въ шарлотесвилльскій университетъ. Повидимому, невѣроятный возрастъ для ученика высшаго заведенія! Но въ этомъ отношеніи По обнаружилъ зрѣлость болѣе, чѣмъ американскую. Онъ поражалъ своими необыкновенными способностями и страстностью, имѣвшей какой-то мрачный характеръ. Въ то-же время, онъ выказывалъ необычно-

венно сильное влеченіе къ физическимъ и математическимъ знаніямъ. Впослѣдствіи эти познанія пригодились ему, какъ матеріалъ и средство для его фантастическихъ разсказовъ, и онъ умѣлъ пользоваться ими съ необыкновеннымъ искусствомъ, хотя въ то-же время своему логическому жонглерству не приписывалъ особенной важности.

Нужно думать, что Эдгаръ По рано познакомился съ жизнью. По крайней мѣрѣ, очень молодымъ онъ уже успѣлъ надѣлать карточныхъ долговъ, которые и были причиной его первой ссоры съ приемнымъ отцомъ. Ссора эта подѣйствовала на него такъ сильно, что онъ задумалъ отправиться въ Грецію, чтобы сражаться за ея освобожденіе. Гдѣ онъ пропадалъ, что онъ дѣлалъ, дрались онъ съ турками — ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что По былъ, между прочимъ, въ Петербургѣ, замѣшался въ какую-то скомпрометировавшую его исторію, и, чтобы избѣгнуть уголовнаго преслѣдованія и воротиться домой, долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію американскаго посланника. Описаніе жизни Эдгара По, его молодости, походовъ въ Россіи и изданіе его корреспонденціи было нѣсколько разъ обѣщано американскими журналами, но до сихъ поръ не исполнено.

По возвращеніи По въ Америку, въ усыновившей его семьѣ совершилось событіе, имѣвшее роковыя послѣдствія на всю его жизнь. Г-жа Алланъ, которую Эдгаръ любилъ какъ родную мать, умерла и г. Алланъ женился вновь. Тутъ совершилось что-то несовсѣмъ ясное, и Эдгаръ По оставилъ семейство Аллапа, у котораго отъ второго брака явились дѣти, наслѣдовавшія его состояніе.

Вскорѣ послѣ этого По издалъ первый томъ своихъ стихотвореній. Въ нихъ выразился весь его поэтический порывъ къ какой-то заоблачной дали, чарующее меланхолическое спокойствіе, мягкая торжественность и въ то-же время какая-то преждевременная зрѣлость. Но нужда заставила Эдгара По промѣнять лиру на мечъ и онъ поступилъ въ солдаты. Нужно думать, что По избралъ солдатскій досугъ въ гарнизонѣ, какъ обезпечивающее его положеніе, для подготовки новыхъ литературныхъ матеріаловъ. Въ душѣ Эдгаръ По давно уже избралъ своимъ путемъ литературное поприще.

Эдгаръ По участвовалъ въ очень многихъ американскихъ жур-

налахъ. Перваго его разсказа было совершенно достаточно, чтобы выдвинуть журналъ и обратить на него вниманіе читателей. Хотя По и зарабатывалъ кое-какія деньги, но частью этихъ денегъ было для него недостаточно, особенно когда онъ женился, а частью, какъ и большинство литераторовъ, онъ мечталъ о томъ, чтобы завести свой собственный журналъ. Чтобы добыть денегъ, По задумалъ читать публичныя лекціи. Онъ посѣтилъ главные города Виргиніи и явился въ Ричмондъ, который зналъ его только молодымъ и бѣднымъ. Лекціи По посѣщались цѣлыми толпами слушателей; онъ читалъ о принципѣ поэзіи и необыкновенно ловко развивалъ свою мысль, доказывая, что истинный поэтъ не долженъ выходить изъ чисто-поэтической и идеальной сферы. По надѣялся возбудить этимъ въ своихъ расчетливыхъ соотечественникахъ болѣе возвышенныя воззрѣнія на жизнь и оторвать ихъ нѣсколько отъ аршина и конторы. Но, конечно, это ему не удалось.

Восторженный пріемъ, сдѣланный Эдгару По, подѣйствовало такъ живительно на подъемъ его духа, что онъ задумалъ окончательно поселиться въ Ричмондъ и въ этомъ дорогомъ для него по воспоминаніямъ молодости мѣстѣ кончить свою жизнь. Но между тѣмъ какое-то дѣло призывало его въ Нью-Йоркъ, и онъ отправился туда. Пріѣхавъ вечеромъ въ Балтиморъ, онъ приказалъ отнести свой багажъ на станцію филадельфійской желѣзной дороги и зашелъ въ таверну, чтобы закусить. Тамъ, къ несчастію, онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ старыхъ знакомыхъ и остался до утра. На другое утро на улицѣ былъ поднятъ трупъ—нѣтъ, еще не трупъ, но живое тѣло, на которое смерть наложила уже свою руку. У умирающаго незнакомца не нашли ни бумагъ, ни денегъ и его отнесли въ госпиталь. Въ тотъ-же день вечеромъ, это было въ воскресенье, 7 октября 1849 года, По умеръ, отъ бѣлой горячки, которой онъ страдалъ уже раньше. „Такъ исчезъ изъ этого міра одинъ изъ величайшихъ литературныхъ представителей Америки, человѣкъ гениальныхъ способностей, сдѣлавшій въ „Черной кошкѣ“ роковое признаніе: какая болѣзнь сравнится съ пьянствомъ!“ говоритъ его биографъ.

Смерть Эдгара По—почти самоубійство,—самоубійство, подготовляемое имъ долго, — произвела между добродѣтельными американцами великій скандалъ, и американскіе филистеры не упу-

стили этого благоприятнаго случая, чтобы не высказать своего негодованія. Смерть Эдгара По послужила даже матеріаломъ для френологіи нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ и еще болѣе бездарныхъ американскихъ журналистовъ.

Жизнь Эдгара По, его характеръ, его привычки, его организмъ и вся его личность представляются чѣмъ-то мрачнымъ и вѣстѣ съ тѣмъ блестящимъ. Это была странная, привлекательная личность, проникнутая, какъ и всѣ сочиненія По, какой-то грустью. Вообще, онъ былъ щедро одаренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ юности онъ выказалъ рѣдкія способности къ физическимъ упражненіямъ; маленькій, съ женскими, миниатюрными ногами и руками, онъ былъ вѣрнопоезъ и замѣчательно силепъ и, юношей, выигралъ разъ пари въ плаваніи, почти превосходящемъ вѣроятіе возможнаго.

Мнѣнія объ Эдгарѣ По не всегда, однако, расходятся. Напримѣръ, и его друзья, и его враги согласны относительно его врожденной порядочности, его краснорѣчія и красоты, которой онъ нѣсколько даже тщеславился. У него были манеры высокомѣрныя и въ то-же самое время необыкновенно мягкія. Выраженіе лица, походка, жесты, покачиваніе головы—все придавало ему видъ избранной личности. Все въ немъ дышало проникающей торжественностью. Даже противникъ его Гризвольдъ признается, что, отправившись къ По отдать ему визитъ и, найдя его больнымъ и разстроеннымъ смертью его жены, онъ былъ пораженъ не только изысканностью его манеръ, но и его аристократическимъ видомъ, и раздушенной атмосферой его комнатъ, весьма скромно меблированныхъ.

Сохранилось письмо госпожи Франциски Освудъ, одной изъ пріятельницъ По, которая сообщаетъ нѣкоторыя подробности о личности и домашней жизни По. Эта женщина, сама довольно замѣчательный литераторъ, твердо отрицаетъ всѣ пороки и недостатки, въ которыхъ упрекаютъ поэта. „Съ мужчинами, пишетъ она Гризвольду,—можетъ быть, онъ и былъ такимъ, какимъ вы его описываете, и, какъ мужчина, вы, можетъ быть, правы. Но я утверждаю, что съ женщинами онъ былъ иной и что ни одна женщина, знавшая его, не могла оставаться къ нему равнодушной. Онъ мнѣ всегда казался образцомъ изящества и великодушія...

„Мы увидались въ первый разъ съ По въ Асторъ-Гаузѣ. За обѣдомъ Уиллисъ мнѣ передалъ „Ворона“, сказавъ, что авторъ желалъ-бы знать о немъ мое мнѣніе. Тайственная и сверхестественная музыка этой странной поэмы такъ глубоко потрясла меня, что когда я услышала, что По жаждетъ быть мнѣ представленнымъ, то почувствовала что-то въ родѣ страха. Мнѣ представилась его прелестная и гордая голова, съ темными глазами, горящими огнемъ чувства и мысли, представился онъ самъ съ высокочѣрнымъ и вмѣстѣ съ ласковыми манерами, — онъ раскланялся спокойно и почти холодно, но подъ этой холодностью видѣлась такая замѣтная симпатія, что я была глубоко тронута. Съ той минуты и до самой его смерти мы были друзьями...“

Разговоръ Эдгара По всегда бывалъ замѣчательнъ, хотя По нельзя было назвать говорунимъ; какъ въ разговорѣ, такъ и въ писаннѣ, онъ не терпѣлъ обыденности. Обширныя познанія въ языкахъ и наукахъ и свѣденія, собранныя имъ о различныхъ странахъ, дѣлали разговоръ его всегда поучительнымъ. Онъ умѣлъ плѣнить, заставить думать, мечтать, умѣлъ оторвать отъ рутинны. Говорятъ, однако, что иногда поэтъ озадачивалъ друзей своихъ какой-нибудь цинической выходкой и внезапно разрушалъ очарованіе своей бесѣды. Можетъ быть, это оттого, что онъ былъ неразборчивъ въ выборѣ своихъ слушателей, и потому превращалъ свою бесѣду въ монологъ.

Воротимся, однако, еще разъ къ пьянству По, за которое его упрекаютъ такъ, что можно подумать, будто всѣ писатели Соединенныхъ Штатовъ, кромѣ, конечно, Эдгара По, ангелы воздержанія. Прежде всего нужно замѣтить, что По надо было очень немного вина, чтобы совершенно придти въ ненормальное состояніе. Весьма естественно, что человѣкъ замкнутый и глубоко несчастливый, брошенный ребенкомъ на произволъ судьбы, человѣкъ съ головою, занятою постоянной мозговой работой, искалъ иногда наслажденія и забвенія въ винѣ. По бѣжалъ въ мракъ пьянства отъ литературныхъ неудачъ, отъ семейнаго горя, отъ оскорбленій бѣдности; По пилъ, не наслаждаясь, а какъ варваръ, поспѣшно сберегая время, совершенно по-американски, точно онъ совершалъ какое-то убійство, точно ему надо было что-то заглушить въ себѣ.

Тотъ самый „Southern Literary“, который По поставилъ

на ноги, говорить, что никогда чистота и изящество его слога, никогда ясность мысли, никогда любовь къ труду не уменьшались отъ его страшной привычки; что сочиненію лучшихъ его статей всегда или предшествовалъ, или слѣдовалъ извѣстный кризисъ. Послѣ изданія „Еврики“ По отчаянно предался своей страсти, и въ Нью-Йоркѣ, въ то самое утро, когда вышелъ „Воронъ“ и имя поэта переходило изъ устъ въ уста, литературная знаменитость переходила Бродвей, позорно шатаясь изъ стороны въ сторону. Слова „предшествовалъ“ и „слѣдовалъ“ доказываютъ, что вино служило для По и возбуждательнымъ средствомъ, и отдыхомъ.

Въ пьянствѣ, подобно быстрымъ и поражающимъ насъ впечатлѣніямъ, тѣмъ болѣе поразительнымъ, чѣмъ они мимолетнѣе, какъ при воспоминаніяхъ, возбуждаемыхъ въ насъ звукомъ колокола или какой-нибудь мелодіей, или подобно страннымъ снамъ, — въ пьянствѣ, говоримъ мы, существуютъ не только сцѣпленія мечтаній, но и цѣлыя серіи размышленій, для возрожденія которыхъ нужна среда, давшая имъ начало. Во многихъ случаяхъ — конечно, не во всѣхъ — пьянство По было мнемоническое, оно служило методомъ работы, методомъ энергическимъ и смертельнымъ, но вполне пригоднымъ для его страстной натуры. Поэтъ выучился пить, какъ аккуратный литераторъ приучается вести свои записныя тетради. По не имѣлъ силъ устоять противъ желанія снова предаться страннымъ или страшнымъ мечтаніямъ и остроумному мышленію, которыя онъ испытывалъ ранѣе, и, чтобы снова свидѣться съ ними, снова пережить ихъ въ себѣ, онъ выбиралъ опасный, но за то самый прямой путь...

Изъ пяти прозаическихъ томовъ Эдгара По, мы дадимъ читателю только тѣ рассказы, въ которыхъ обрисовываются полнѣе личныя особенности этого своеобразнаго и своенравнаго таланта, его внутренній міръ и его социальныя воззрѣнія. Мы начнемъ съ рассказовъ, которые по жонглерству мысли (можно-бы назвать юридическими). Но, конечно, юриспруденція тутъ не при чемъ и не ее имѣлъ въ виду Эдгаръ По.

II.

Двойное убійство въ улицѣ Моргъ.

Аналитическія способности человѣка сами по себѣ весьма мало

подходить подь анализъ. Мы цѣнимъ ихъ только по ихъ выводамъ. Мы знаемъ о нихъ только то, что они доставляютъ чловѣку громадный источникъ самыхъ истинныхъ наслажденій. Сильный чловѣкъ наслаждается своею физической мощью, любитъ упражненія, въ которыхъ играютъ роль его мускулы, а аналитикъ предпочитаетъ мозговую дѣятельность, дающую ему возможность изслѣдованія. Ему доставляютъ удовольствіе даже самые обыкновенные случаи, представляющіе возможность примѣнить свои способности, даже загадки, ребусы, гіероглифы.

Способность *разгадыванія* или разслѣдованія зависитъ много отъ математическихъ знаній, но высшую математику называютъ несправедливо анализомъ, потому что не всякій расчетъ можно назвать этимъ именемъ. Игрокъ въ шашки, напримѣръ, очень удачно рассчитываетъ, не прибѣгая къ анализу.

Оставляя въ сторонѣ абстракціи, обратимся къ примѣру и возьмемъ игру въ шашки, когда дѣйствуютъ только четыре дамки, т. е. слѣдовательно, нельзя предполагать недостатка вниманія. Очевидно, что побѣда можетъ остаться только на сторонѣ того, — мы беремъ противниковъ равныхъ, — чья тактика ловчѣе или у кого сильнѣе мышленіе. За недостаткомъ обыкновенныхъ средствъ, аналитикъ анатомируетъ мысли своего противника и часто внезапно находитъ единственное средство — иногда до глупости простое — втянуть его въ ошибку или невѣрный расчетъ.

Вистъ давно приводится въ примѣръ игры, дѣйствующей на способности расчета; люди весьма высокаго развитія находятъ въ этой игрѣ невыразимое удовольствіе и считаютъ игру въ шахматы игрой пустой. Дѣйствительно, вистъ болѣе другихъ игръ заставляетъ работать аналитическія способности. Хорошій игрокъ въ шахматы только и можетъ быть хорошимъ шахматнымъ игрокомъ; игрокъ, искусный въ вистѣ, выиграетъ во всемъ, гдѣ мысль борется противъ другой мысли.

Способность къ анализу не слѣдуетъ смѣшивать съ обыкновенными умственными способностями, хотя аналитикъ непрѣнно долженъ быть умнымъ чловѣкомъ, но умный чловѣкъ бываетъ совершенно лишенъ способности къ анализу.

Въ подтвержденіе этой мысли привожу слѣдующій рассказъ.

Я жилъ въ Парижѣ всю весну и часть лѣта 18.. г., и тамъ я познакомился съ нѣкимъ Огюстомъ Дюпенемъ. Этотъ молодой

человѣкъ, изъ хорошей и даже знаменитой фамиліи, вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, былъ доведенъ до такой бѣдности, что пересталъ показываться въ свѣтъ и даже не пытался возстановить свое положеніе. Благодаря снисходительности кредиторовъ, у него оставалась, однако, часть его наслѣдственного имѣнія и доходами съ него онъ могъ, хотя очень скудно, удовлетворять главнымъ потребностямъ жизни. Его единственной роскошью были книги. а въ Парижѣ онѣ пріобрѣтаются легко.

Наше первое знакомство началось въ маленькомъ, неизвѣстномъ кабинетѣ для чтенія въ улицѣ Монмартръ. Первымъ поводомъ къ нему послужило то, что мы искали одну и ту-же книгу, очень замѣчательную и очень рѣдкую; этотъ случай сблизилъ насъ. Мы видѣлись все чаще и чаще. Я былъ глубоко заинтересованъ его семейной исторіей, которую онъ мнѣ подробно разсказалъ съ скромностью и непринужденностью, свойственными французу, когда онъ говоритъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Я былъ чрезвычайно удивленъ обширностью всего прочитаннаго имъ и восхищался въ особенности странной пылкостью и возбуждающей свѣжестью его воображенія. Отыскивая въ Парижѣ нѣкоторые предметы, необходимые мнѣ для изученія, я увидѣлъ, что общество подобнаго человѣка будетъ для меня неопѣненнымъ, и съ тѣхъ поръ искренно привязался къ нему. Мы рѣшили, наконецъ, жить вмѣстѣ, и такъ-какъ мои дѣла не были такъ разстроены, какъ его, то я и взялъ на себя наемъ и меблировку дома, подходящаго къ нашимъ причудливымъ, меланхолическимъ характерамъ. Я нанялъ старый, странный домикъ, въ которомъ не жилъ никто вслѣдствіе какихъ-то предразсудковъ, для насъ, конечно, неизвѣстныхъ смысла, — въ самой отдаленной и пустой части Сен-Жерменскаго предмѣстья.

Если-бы нашъ образъ жизни сталъ извѣстенъ, насъ сочли-бы за помѣшанныхъ. Уединеніе наше было полное, къ намъ не ходилъ никто изъ знакомыхъ. Мѣсто нашего жительства никому не было извѣстно, потому что мы тщательно хранили его въ тайнѣ, и жили съ глазу на глазъ.

У друга моего были нѣкоторыя странности, напримѣръ, онъ любилъ ночь изъ любви къ ночи, — ночь была его страстью. Я самъ мало-по-малу вошелъ во вкусъ этой странности, какъ и во многія другія, ему свойственныя. Такъ-какъ мразь не могъ быть

постояннымъ, то мы производили искусственную ночь. Мы закрывали плотно ставни, зажигали лампы, ароматическія свѣчи и занимались или бесѣдовали до тѣхъ поръ, пока часы не давали знать, что дѣйствительная ночь наступила. Тогда мы отправлялись на улицу и, гуляя подъ-руку до разсвѣта, продолжали наши бесѣды.

Поселившись вмѣстѣ съ Дюпенемъ, я не могъ не замѣтить и не восхищаться его аналитическими способностями. Онъ находилъ истинное наслажденіе примѣнять къ дѣлу свою способность и признавался, какое удовольствіе это ему доставляетъ. Онъ съ улыбкою говаривалъ мнѣ, что у многихъ людей для него открыто окошко въ томъ мѣстѣ, гдѣ у нихъ сердце. Свои слова онъ обыкновенно сопровождалъ немедленными доказательствами, поражая меня доводами глубокаго знанія моей собственной особы.

Въ такіе моменты манеры его были холодны и онъ казался разсѣяннымъ; взоръ смотрѣлъ куда-то въ даль, а голосъ,—обыкновенно густой теноръ,—возвышался до фальцета. Я наблюдалъ за нимъ въ такія минуты и думалъ о двойной душѣ старой философіи...

Изъ того, что я сказалъ, не слѣдуетъ воображать, что я разоблачу какую-нибудь ужасную тайну или напишу романъ. Въ моемъ странномъ другѣ я замѣтилъ только разстроенное, а можетъ быть, и болѣзненное мышленіе. Приведу примѣръ, который дастъ болѣе ясное понятіе о свойствахъ его ума.

Разъ вечеромъ мы шли по длинной, грязной улицѣ, недалеко отъ Пале-Рояля. Оба мы, повидимому, углубились въ свои собственные мысли и съ четверть часа не проронили ни словечка. Вдругъ Дюпень проговорилъ слѣдующее:

— Дѣйствительно, онъ слишкомъ малъ ростомъ и былъ-бы болѣе у мѣста въ театрѣ Варьете.

— Это не подлежитъ сомнѣнію, отвѣчалъ я, не думая и не замѣчая сначала, что товарищъ мой вслухъ продолжалъ мою мысль. Черезъ минуту я опомнился.

— Дюпень, серьезно сказалъ я,—это выше моего пониманія. Признаюсь, что я пораженъ и едва вѣрю своимъ ушамъ. Какъ могло случиться, что вы угадали, что я думаю о...

Я остановился, чтобы убѣдиться, что онъ точно угадалъ, о комъ я думалъ.

— О Шантильи, сказалъ онъ; — зачѣмъ остановились? Вы мысленно замѣчали, что онъ по-своему маленькому росту не годится для трагедіи.

Я, дѣйствительно, объ этомъ думалъ. Шантильи былъ когда-то башмачникомъ въ улицѣ Сен-Дени и, страстно любя театръ, принялъ роль Ксеркса въ трагедіи Кребильона; претензіи его были выше средствъ, и надъ нимъ потѣшались.

— Скажите мнѣ, ради Бога, методъ, — если только онъ у васъ есть, — какъ вы проникли въ мою душу въ настоящемъ случаѣ?

Дѣйствительно, я былъ болѣе удивленъ, чѣмъ могъ выразить.

— Васъ, отвѣчалъ мой другъ, — довелъ до заключенія, что чеботарь не годится по фигурѣ для роли Ксеркса и вообще для ролей этого рода, зеленщикъ.

— Зеленщикъ? Вы удивляете меня! Я не знаю никакого зеленщика.

— Человѣкъ, который натолкнулся на васъ, когда мы входили въ эту улицу, можетъ быть, съ четверть часа тому назадъ.

Тутъ я вспомнилъ дѣйствительно, что зеленщикъ съ огромной корзиной на головѣ чуть не сбилъ меня съ ногъ, когда мы входили въ ту улицу, по которой теперь шли. Но какое отношеніе имѣло это съ Шантильи? Я не могъ никакъ сообразить.

Въ другѣ моемъ Дюпенѣ не было и тѣни шарлатанства.

— Я вамъ объясню это, сказалъ онъ, — а чтобы вы легче поняли, мы прослѣдимъ всю нить размышленій вашихъ отъ настоящей минуты до встрѣчи вашей съ зеленщикомъ. Главныя звенья вашей цѣпи слѣдуютъ другъ за другомъ такъ: *Шантильи, Орионъ, докторъ Никольсъ, Эпикуръ, стереотомія, мостовая, зеленщикъ.*

Очень немногимъ случается прослѣживать обратный ходъ своихъ мыслей и доискиваться, какимъ путемъ мысль ихъ дошла до извѣстнаго вывода. Часто занятіе это представляетъ интересъ, и человѣкъ, дѣлающій пробу въ первый разъ, удивляется несвязности и громадному, повидимому, разстоянію отъ точки отправленія до точки вывода.

Судите-же о моемъ удивленіи, когда я услыхалъ объясненія француза и долженъ былъ сознаться, что онъ сказалъ сущую правду.

«Дѣло», № 4.

Онъ продолжалъ:

— Если не ошибаюсь, мы говорили о лошадяхъ, когда вошли въ эту улицу. Это было послѣдней темой нашего разговора. Когда мы вошли въ улицу, зеленщикъ съ громадной корзиной на головѣ быстро прошелъ мимо насъ и столкнулъ васъ на грудь камней, приготовленныхъ для исправленія мостовой. Вы ступили на одинъ изъ качающихся камней, оступились, ушибли ногу и разсердились. Вы проворчали что-то, потомъ обернулись, чтобы взглянуть на грудь, потомъ молча пошли далѣе. Я не вполне внимательно наблюдалъ за вами, но для меня наблюдательное положеніе давно уже сдѣлалось необходимою.

— Взоръ вашъ былъ устремленъ на мостовую, и вы съ досадою смотрѣли на ямы и неровности ея (такъ что я видѣлъ, что вы все еще думаете о камняхъ) до тѣхъ поръ, пока мы не дошли до маленькаго прохода подъ названіемъ пассажа Ламартина, гдѣ дѣлается проба деревянной мостовой по системѣ гладкихъ брусевъ, твердо скрѣпленныхъ между собою. Тутъ выраженіе лица вашего прояснилось, я видѣлъ, какъ губы ваши зашевелились, и я тотчасъ-же догадался, что вы шепчете слово *стереотомія* — терминъ, которыхъ называютъ эту мостовую. Я зналъ, что вы не могли сказать стереотомія, не подумавъ объ атомахъ и не перейдя къ Эпикуру. А такъ-какъ въ разговорѣ, который мы вели недавно съ вами, я вамъ сообщилъ, что предположенія знаменитаго грека странно подтвердились послѣдними теоріями о туманныхъ пятнахъ и послѣдними космогоническими открытіями, то я чувствовалъ, что вы непременно должны были обратить ваши взоры на созвѣздіе Оріонъ. Вы не обманули моихъ ожиданій, и я тогда-же увѣрился, что ухватилъ нить вашихъ мыслей. Во вчерашнемъ отзывѣ о Шантильи критикъ „Музея“, дѣлая нелюбезные намски на башмачника, обувавшаго котурны, цитировалъ латинскій стихъ, о которомъ мы часто говорили:

Perdidit antiquum littera prima sonum.

— Я вамъ говорилъ, что онъ имѣлъ отношеніе къ Оріону, который писался первоначально Уріономъ, а такъ-какъ въ этомъ разговорѣ вы очень горячились, то я былъ увѣренъ, что вы не забыли его. Мнѣ было ясно, что вы должны были соединить мысль объ Оріонѣ и Шантильи. Эту ассоціацію идей я угадалъ по ва-

шей улыбкѣ. Вы думали о паденіи бѣднаго башмачника. До тѣхъ поръ вы шли сгорбившись, но тутъ вдругъ выпрямились во весь ростъ. Я былъ твердо увѣренъ, что въ эту минуту вы думали о маленькомъ ростѣ Шантильи. Въ эту-то минуту я и прервалъ ваши размышленія замѣчаніемъ, что, дѣйствительно, этотъ маленькій недоростокъ Шантильи былъ-бы гораздо болѣе у мѣста въ театрѣ Варьете.

Вскорѣ послѣ этого разговора мы читали вечернюю газету Gazette de tribunaux и слѣдующія слова привлекли наше вниманіе.

„*Странное двойное убійство.* Сегодня утромъ, часовъ около трехъ, обитатели квартала Сенъ-Рокъ были встревожены страшными криками, повидимому изъ четвертаго этажа одного изъ домовъ въ улицѣ Моргъ, запятаго нѣкоей госпожей Эпене и ея дочерью дѣвицей Камиллой Эпене. Послѣ бесполезныхъ усилій отворить дверь, ее пришлось выломать и восемь или десять сосѣдей вошли въ домъ въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ.

„Между тѣмъ крики прекратились. Въ ту минуту, какъ народъ въ беспорядкѣ поднимался въ первый этажъ, сверху слышалось два голоса или, можетъ быть, даже болѣе, сердито спорившіе. На площадкѣ второго этажа голосовъ не стало уже слышно и все затихло. Сосѣди разсыпались по комнатамъ. Войдя въ большую комнату, ознами во дворъ, въ четвертомъ этажѣ дома, въ которую тоже пришлось выломать дверь, замкнутую изнутри на ключъ, присутствующіе были поражены ужасомъ и удивленіемъ.

„Комната оказалась въ страшномъ беспорядкѣ, — мебель разбита и разбросана; матрацъ съ кровати стаянъ и брошенъ посреди комнаты. На стулѣ лежала бритва, запачканная въ крови, на очагѣ найдены длинныя пряди сѣдыхъ волосъ, повидимому, силою вырванныхъ изъ головы. На полу валялись два золотыхъ, серьга съ топазомъ, три большія серебряныя ложки, три маленькія ложки накладного серебра и два мѣшка, въ которыхъ оказалось около четырехъ тысячъ золотомъ. Ящики комода были открыты и, вѣроятно, ограблены, хотя многія вещи оказались нетронутыми. Подъ нижнимъ тюфякомъ па кровати найдена маленькая желѣзная шкатулка. Она была открыта торчавшимъ въ

ней ключикомъ и въ ней лежали старыя письма и другія ничего незначащія бумаги.

„Г-жи Эпене не оказывалось и слѣдовъ; но на очагѣ было замѣчено необыкновенное количество золы, и когда стали осматривать трубу—страшно сказать!—вытащили тѣло дочери, которое было силою втиснуто въ трубу, головою внизъ, на значительную высоту. Тѣло было еще теплое. При осмотрѣ нашли на немъ множество поврежденій, причиненныхъ, вѣроятно, усиліями, съ какими его впахивали въ трубу и съ какими вытаскивали. На лицѣ виднѣлись большія царапины и глубокіе слѣды отъ ногтей, какъ будто-бы смерть произошла отъ удушенія.

„Послѣ тщательнаго осмотра всего дома, неприведшаго ни къ какому новому открытію, сосѣди пошли на маленькій вымощенный дворъ сзади дома. Тамъ лежало тѣло старухи, горло которой было перерѣзано такъ сильно, что когда тѣло начали поднимать, голова отдѣлилась отъ туловища. Тѣло и голова были страшно изуродованы, и едва имѣли образъ человѣческій.

„Все это дѣло остается страшной тайной, и до сихъ поръ еще не найдено, сколько намъ извѣстно, никакой руководящей нити къ его раскрытію“.

Въ слѣдующемъ номерѣ мы прочли добавочныя подробности.

„*Драма въ улицѣ Моръ.* Множество свидѣтелей было спрошено, но ничего не открылось, что-бы бросало хотя малѣйшій свѣтъ на это дѣло. Мы сообщимъ, что узнали:

„Полина Дюбуръ, прачка, показала, что она знала объ жертвы въ продолженіи трехъ лѣтъ и что все это время стирала на нихъ. Старуха и ея дочь, казалось, находились въ хорошихъ отношеніяхъ, и были очень привязаны другъ къ другу. Онѣ были хорошія плательщицы. Объ ихъ образѣ жизни и средствахъ существованія она ничего сказать не можетъ, но полагаетъ, что г-жа Эпене, чтобы имѣть средства къ жизни, занималась гаданьемъ. Про нее говорили, что она имѣетъ деньги. Прачка никогда никого не встрѣчала въ домѣ, когда приносила бѣлье или приходила за нимъ. Она увѣрена, что убитыя не держали прислуги. Ей казалось, что домъ былъ безъ мебели, за исключеніемъ четвертаго этажа.

„Пьеръ Моро, табачный торговецъ, показалъ, что онъ обыкновенно поставлялъ табакъ г-жѣ Эпене, въ небольшомъ количе-

ствѣ и тогда растертый въ порошокъ. Онъ родился въ этомъ кварталѣ и постоянно жилъ въ немъ. Покойница и дочь ея болѣе шести лѣтъ живутъ въ домѣ, гдѣ нашли ихъ трупы. Но ранѣе домъ занималъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и отдавалъ верхніе этажи въ наемъ различнымъ жильцамъ. Домъ принадлежалъ г-жѣ Эпене. Она оказалась очень недовольной жильцами за неопрятность и переехала въ домъ сама. Старуха уже впадала въ дѣтство. Свидѣтель видѣлъ дочь разъ пять-шесть впродолженіи этихъ шести лѣтъ. Обѣ онѣ вели чрезвычайно уединенную жизнь и считались обезпеченными. Онъ слышалъ отъ сосѣдей, будто г-жа Эпене занимается гаданьемъ, но не вѣритъ этому. Свидѣтель никогда не видѣлъ никого, кто-бы входилъ въ домъ, за исключеніемъ старухи и ея дочери, разъ или два посыльнаго и разъ восемь или десять доктора.

„Остальные свидѣтели показали то-же самое. Никто не видѣлъ, входилъ-ли кто-нибудь въ домъ или нѣтъ, и никто не зналъ, были-ли родственники у старухи и ея дочери. Ставни переднихъ оконъ дома открывались весьма рѣдко. Ставни заднихъ оконъ тоже всегда были закрыты, за исключеніемъ большой комнаты четвертаго этажа. Домъ былъ хорошо выстроенъ и не очень старъ.

„Изидоръ Мюзе, полицейскій, показалъ, что, идя обходомъ около трехъ часовъ утра, онъ увидѣлъ у дверей дома двадцать или тридцать человѣкъ, старавшихся проникнуть въ домъ. Открыть дверь было нетрудно, такъ-какъ она была двухстворчатая, и не была заперта на задвижку ни вверху, ни внизу. Крики продолжались до тѣхъ поръ, пока не выломали дверей; потомъ внезапно прекратились. Можно было подумать, что кричало нѣсколько человѣкъ отъ страшной боли; крики были очень громкіе и протяжны. Свидѣтель поднялся по лѣстницѣ. Войдя на первую площадку, онъ услышалъ два голоса, громко и злобно кричавшіе; одинъ голосъ очень грубый, другой—рѣзкій и чрезвычайно странный. Свидѣтель разобралъ нѣсколько словъ перваго голоса, очевидно, француза. Но то былъ голосъ не женскій. Свидѣтель слышалъ слова: *чортъ* и *дьяволъ*. Рѣзкій-же голосъ принадлежалъ иностранцу, но былъ-ли то голосъ мужчины или женщины, онъ не знаетъ. Словъ разобрать онъ тоже не могъ, но думаетъ, что они говорили по-испански. О состояніи комнаты свидѣтель показалъ то-же, что и предъидущіе.

„Генрихъ Дюваль, сосѣдъ, серебрянникъ, показалъ, что онъ былъ въ числѣ людей, вошедшихъ первыми въ домъ. Вообще, онъ подтверждаетъ показанія Мюзе. Только-что они вошли, они тотчасъ-же заперли за собою дверь, чтобы не пускать толпу, которая пачала набираться. Рѣзкій голосъ, по мнѣнію свидѣтеля, принадлежалъ итальянцу; достовѣрно, что это не былъ голосъ француза. Свидѣтель не знаетъ навѣрное, женскій-ли это голосъ или мужской; можетъ быть, и женскій. Свидѣтель не знаетъ итальянскаго языка; онъ не могъ различить словъ, но увѣренъ, что говорившій говорилъ по-итальянски. Свидѣтель зналъ г-жу Эпене и ея дочь и часто говорилъ съ ними; онъ увѣренъ, что рѣзкій голосъ не былъ голосомъ которой-нибудь изъ нихъ.

„Оденгеймеръ, трактирщикъ, явился безъ вызова. Онъ не говоритъ по-французски и показывалъ черезъ переводчика. Свидѣтель родился въ Амстердамѣ. Онъ проходилъ мимо дома во время криковъ; крики длились нѣсколько минутъ, можетъ быть, десять. То были продолжительные, очень громкіе, страшные крики, — крики, раздражающіе душу. Оденгеймеръ былъ въ числѣ свидѣтелей, вошедшихъ въ домъ. Онъ подтверждаетъ предъидущія показанія, за исключеніемъ одного. Онъ увѣренъ, что рѣзкій голосъ былъ голосъ француза. Словъ разобрать онъ не могъ. Говорили громко и скоро, не ровнымъ тономъ, выражавшимъ и страхъ, и гнѣвъ. Голосъ былъ скорѣе хриплый, чѣмъ рѣзкій. Грубый-же голосъ нѣсколько разъ повторялъ: *chortz*, — *дьяволъ*, а разъ сказалъ: *Gospodi!*

„Жюль Миньо, банкиръ „дома Миньо и сына“, въ улицѣ Делорепъ, — старшій изъ фамиліи Миньо. У г-жи Эпене было состояніе. Весною, восемь лѣтъ тому назадъ, онъ взялъ на себя ея дѣла. Она часто вкладывала къ нему небольшія суммы денегъ и вынула отъ него въ первый разъ сумму въ четыре тысячи, за которой являлась сама. Сумма эта была выплачена ей золотомъ, и отнести деньги было поручено прикащику.

„Адольфъ Лебопъ, прикащикъ у „Миньо и сына“, показалъ, что въ указанный день, около полудня, онъ провожалъ г-жу Эпене домой съ четырьмя тысячами франковъ въ двухъ мѣшкахъ. Когда ихъ отворили двери, явилась мадемуазель Эпене и взяла отъ него одинъ мѣшокъ, а другой взяла мать. Онъ раскланялся и ушелъ. На улицѣ никого не было. Улица кривая, совсѣмъ глухая.

„Уильямъ Бёрдъ, портной, показалъ, что онъ былъ въ числѣ вошедшихъ въ домъ. Онъ англичанинъ. Два года онъ живетъ уже въ Парижѣ. Онъ поднялся по лѣстницѣ однимъ изъ первыхъ и слышалъ, какъ кто-то бранился. Грубый голосъ былъ голосъ француза. Онъ разслышалъ нѣсколько словъ, но не помнить, какихъ. Ясно, однако, слышалъ: *чортъ* и *дьяволъ*. Шумъ былъ такой, какъ-будто дрались нѣсколько человѣкъ. Рѣзкій голосъ былъ гораздо громче грубаго голоса. Свидѣтель увѣренъ, что это не былъ голосъ англичанина. Скорѣе это былъ голосъ нѣмца, или женщины. Свидѣтель не говоритъ по-нѣмецки.

„Четверо упомянутыхъ свидѣтелей были вызваны снова и показали, что дверь комнаты, гдѣ было найдено тѣло мадемуазель Эпене, была замкнута изнутри. Все было совершенно тихо; не слышалось ни стоновъ и ничего другого. Выломавъ двери, они никого не видали.

„Окна въ задней комнатѣ и въ передней были закрыты и тщательно задвинуты изнутри. Внутренняя дверь была затворена. Дверь изъ передней комнаты въ корридоръ была заперта на ключъ, и ключъ былъ изнутри; маленькая комната на лицевой сторонѣ дома въ четвертомъ этажѣ, при входѣ въ корридоръ, была отворена почти настежь; въ этой комнатѣ были свалены старые чемоданы, кровати и т. д. Всѣ эти вещи были тщательно осмотрѣны. Въ домѣ все было тщательно изслѣдовано. Трубочисты лазили въ трубы. Домъ въ четыре этажа и съ мансардами. Слуховое окно, ведущее на крышу, оказалось задѣланнымъ и плотно заколоченнымъ гвоздями; повидимому, его не отворяли уже много лѣтъ. Показанія расходились только въ продолжительности времени съ той минуты; когда слышались бранившіеся голоса, до тѣхъ поръ, пока выломали дверь комнаты. Нѣкоторые свидѣтели опредѣляютъ его въ двѣ или три минуты, другіе въ пять. Дверь отворили съ большимъ трудомъ.

„Альфонсъ Гарціо, гробовщикъ, показалъ, что онъ вошелъ въ домъ однимъ изъ первыхъ. Онъ живетъ въ улицѣ Моргъ, а родился въ Испаніи. Онъ не поднялся на лѣстницу, такъ-какъ у него слишкомъ слабы нервы и онъ боится всякаго сильнаго потрясенія. Кричавшіе голоса онъ слышалъ. Грубый голосъ былъ голосъ француза. Что онъ говорилъ, онъ различить не могъ.

Рѣзкій голосъ былъ голосъ англичанина, въ этомъ онъ увѣренъ. Свидѣтель не знаетъ по-англійски, по судить по интонаціи.

„Альберто Монтани, кондитеръ, показалъ, что онъ однимъ изъ первыхъ вошелъ на лѣстницу. Онъ слышалъ голоса. Грубымъ голосомъ говорилъ французъ. Свидѣтель разобралъ нѣсколько словъ. Говорившій, казалось, дѣлалъ упреки. Онъ не могъ разобрать, что говорилъ рѣзкій голосъ, но это были звуки быстрые и отрывистые. Свидѣтель принялъ ихъ за говоръ русскаго. Вообще, онъ подтверждаетъ предъидущія показанія. Самъ онъ итальянецъ и никогда не говорилъ съ русскими.

„Нѣкоторые изъ свидѣтелей, вызванные снова, показали, что трубы во всѣхъ комнатахъ четвертаго этажа слишкомъ узки, чтобы въ нихъ могъ пролѣзть человекъ, и, слѣдовательно, ни въ одну изъ нихъ, въ то время, какъ свидѣтели поднимались по лѣстницѣ, убійца выскочить не могъ. Тѣло дѣвицы Эпене было такъ втиснуто въ трубу, что четверо или пятеро изъ свидѣтелей едва вытащили его оттуда.

„Поль Дюма, докторъ, показалъ, что на разсвѣтъ его призвали осмотрѣть тѣло. Оба тѣла лежали на постели въ той комнатѣ, гдѣ была найдена дѣвица Эпене. Тѣло молодой особы было страшно избито и обезображено. Поврежденія объясняются усиленъ, съ какимъ оно было втиснуто въ трубу. Горло было все испарано. Подъ подбородкомъ виднѣлось нѣсколько знаковъ и цѣлый рядъ синихъ пятенъ, очевидно, отъ давленія пальцевъ. Лицо было страшно отекшее и глаза совершенно выкатились. Языкъ разрѣзанъ пополамъ. Около желудка шелъ широкій знакъ, очевидно, происшедшій отъ натиска колѣномъ. По мнѣнію Дюма, дѣвица Эпене была задушена однимъ или нѣсколькими преступниками.

„Тѣло матери было страшно изуродовано. Всѣ кости лѣвой ноги и руки болѣе или менѣе раздроблены; лѣвая голень разбита въ дребезги, также какъ и ребра той-же стороны. Все тѣло страшно изувѣчено и обезображено. Трудно сказать, чѣмъ могли наноситься подобные удары. Только тяжелая деревянная плаха или широкая желѣзная полоса, или какое-нибудь страшно тяжелое орудіе могли-бы произвести такія поврежденія, да и то въ рукахъ необыкновенно-сильнаго человека. Никакая женщина, ка-
квизъ-бы то ни было орудіемъ, не могла-бы нанести подобныхъ

ударовъ. Когда свидѣтель осматривалъ тѣло, голова совершенно была отдѣлена отъ туловища и, подобно всему остальному, страшно изуродована. Горло, по всей вѣроятности, было перерѣзано какимъ-нибудь страшно острымъ орудіемъ, должно быть бритвой.

„Александръ Этьенъ, хирургъ, призванный въ то-же самое время. какъ и г. Дюна, подтвердилъ всѣ его показанія.

„Полиція совершенно растерялась, —случай слишкомъ необыкновенный, и для раскрытія дѣла нельзя отыскать никакой нити.“

Вечерній номеръ подтверждалъ, что въ кварталѣ Сень-Рокъ не переставало царствовать сильное волненіе, что на мѣстѣ преступленія былъ произведенъ второй осмотръ, свидѣтели опрошены еще разъ, и все-таки безъ малѣйшихъ результатовъ. Въ концѣ статьи говорилось, что Адольфъ Лебонъ, прикащикъ банкового дома, былъ арестованъ и заключенъ, хотя ничто не даетъ повода обвинять его.

Дюпенъ казался необыкновенно заинтересованнымъ этимъ дѣломъ, но ничего не говорилъ. Только послѣ арестованія Лебона онъ спросилъ, какого я мнѣнія объ этомъ двойномъ убійствѣ.

Я долженъ былъ признаться ему, что, подобно всему Парижу, считалъ убійство неразрѣшимую тайной. Я не видѣлъ возможности отыскать слѣды убійцы.

— Намъ и не надо думать о возможныхъ средствахъ, сказалъ Дюпенъ, —особенно при такомъ поверхностномъ слѣдствіи. Парижскую полицію хвалятъ за ея проникательность; правда, она очень хитра, и только. Но развѣ у нея есть какой-нибудь методъ? Впрочемъ, прежде, чѣмъ высказывать свое мнѣніе, нужно осмотрѣть все самимъ. Мы отправимся на мѣсто и собственными глазами осмотримъ все. Я знаю Г.... префекта полиціи, и мы безъ труда получимъ нужное дозволеніе.

Дозволеніе было получено и мы отправились въ улицу Моргъ. Это одинъ изъ жалкихъ парижскихъ переулковъ, соединяющихъ улицу Ришелье съ улицей Сень-Рокъ. Мы очень скоро нашли домъ, потому что толпа зѣвакъ съ глупымъ любопытствомъ смотрѣла на его закрытые ставни. То былъ домъ, какъ всѣ дома Парижа, съ входной дверью и съ углубленіемъ въ сѣняхъ для помѣщенія привратника. Прежде чѣмъ войти въ домъ, мы прошли по улицѣ, повернули въ боковой переулокъ и прошли зада-

ни домовъ. Дюпенъ осматривалъ домъ и все, что его окружало, съ необыкновеннымъ вниманіемъ, котораго я понять не могъ.

Мы вернулись снова къ лицевой сторонѣ дома; позвонили, показали дозволеніе и вошли. Въ домѣ сохранялось все въ томъ же безпорядкѣ, въ какомъ было найдено при актѣ осмотра. Дюпенъ тщательно изслѣдовалъ даже тѣла убитыхъ. Обойдя комнаты, мы спустились во дворъ, — конечно, въ сопровожденіи полицейскаго. Нашъ осмотръ тянулся очень долго и мы вышли изъ дома уже ночью. На возвратномъ пути Дюпенъ зашелъ на нѣсколько минутъ въ контору одной ежедневной газеты.

Я уже говорилъ, что у друга моего были всевозможныя странности и что я снисходилъ къ нимъ. Теперь ему пришла фантазія до слѣдующаго дня не говорить ничего объ убійствѣ. И только на слѣдующій день онъ вдругъ спросилъ меня, не замѣтили ли я чего-нибудь *особеннаго* на мѣстѣ преступленія?

Въ интонаціи его голоса, когда онъ произнесъ *особеннаго*, было что-то такое, отчего я вздрогнулъ.

— Нѣтъ, ничего особеннаго, отвѣтилъ я, — по крайней мѣрѣ, ничего такого, чего-бы мы не читали вмѣстѣ въ газетахъ.

— Газеты, продолжалъ онъ, — кажется, и не поняли всю наглость этого дѣла. Впрочемъ, что намъ за дѣло до глупыхъ сужденій печати. Мнѣ кажется, что тайну эту считают непроницаемой именно по тѣмъ причинамъ, по какимъ слѣдовало-бы считать ее легко провицаемой: я говорю о характерѣ преступленія. Полиція смущена не видимымъ отсутствіемъ причинъ убійства, а его жестокостію. Кромѣ того, ее сбиваетъ невозможность представить себѣ кричавшіе голоса въ такой комнатѣ, откуда нельзя было выйти, не встрѣтившись на лѣстницѣ съ народомъ, шедшимъ наверхъ. Странный беспорядокъ въ комнатѣ, тѣло, засунутое въ трубу впизъ голову, страшное изуродованіе тѣла старухи, — все это совершенно парализовало полицію и сбilo ее съ толку. А между тѣмъ въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, нужно доискиваться не того, какимъ образомъ совершилось преступленіе, а надо изучить, чѣмъ оно отличается отъ всего, что бывало до сихъ поръ. Я добрался до разгадки тайны именно тѣмъ, что дѣлало ее неразрѣшаемой въ глазахъ полиціи.

Въ пѣжомъ удивленіи смотрѣлъ я на своего друга.

— Я жду теперь, продолжалъ онъ, взглянувъ на дверь, че-

человѣка, который хотя и не былъ дѣйствующимъ лицомъ въ страшной драмѣ, но тѣмъ не менѣе долженъ быть причастенъ къ ней. Очень можетъ быть, что онъ не виноватъ въ преступленіи. Я надѣюсь, что не ошибаюсь въ своемъ предположеніи, такъ-какъ на немъ я основываю свою надежду разгадать всю загадку. Я жду этого человѣка къ себѣ съ минуты на минуту. Конечно, онъ можетъ и не придти; но есть вѣроятіе, что онъ явится. Если онъ придетъ, надо смотрѣть за нимъ. Вотъ пистолеты. Вы и я знаемъ, что съ ними дѣлать, когда того потребуетъ необходимость.

Я взялъ пистолеты, самъ не зная хорошенько, что дѣлаю, и едва вѣря своимъ ушамъ; Дюпенъ между тѣмъ продолжалъ:

— Голоса, кричавшіе наверху въ то время, какъ свидѣтели поднимались на лѣстницу, были не голоса несчастныхъ женщинъ, — это уже доказано и насъ это избавляетъ отъ попытки дознать, не убила-ли старуха свою дочь и потомъ убила-ся сама. Я говорю это больше такъ, потому что у г-жи Элене не достало-бы силы всунуть тѣло дочери въ трубу. Поврежденія-же на ея собственномъ тѣлѣ опровергаютъ предположеніе о самоубійствѣ. Слѣдовательно, убійство совершено третьими лицами, голоса которыхъ и слышались сверху. Теперь позвольте обратить ваше вниманіе на нѣчто *особенное* въ показаніяхъ, касающихся голосовъ. Что вы замѣтили?

Я замѣтилъ, что всѣ признавали единогласно грубый голосъ за голосъ француза, а относительно рѣзкаго голоса или хриплаго, какъ опредѣлилъ его одинъ свидѣтель, мнѣнія расходились.

— Это подтверждаетъ только очевидность, замѣтилъ Дюпенъ, — но не особенность очевидности. Вы ничего не замѣтили особеннаго, а между тѣмъ можно было *кое-что* замѣтить. Всѣ свидѣтели согласны относительно грубаго голоса и всѣ разногласятъ относительно рѣзкаго; но дѣло не въ разногласіи, а въ особенностяхи этого разногласія. Вы замѣтили, что итальянецъ, англичанинъ, испанецъ и голландецъ говорятъ, что слышали голосъ *иностранца*, но не соотечественника. Всякій говоритъ о національности ему совершенно неизвѣстной. Французъ говоритъ, что слышалъ голосъ испанца, но что испанскій языкъ ему незнакомъ. Голландецъ, незнающій французскаго языка, говоритъ, что слышалъ голосъ француза. Англичанинъ — что это голосъ нѣмца, но прибавляетъ, что

онъ не знаетъ по-нѣмецки, и т. д. Всѣ основываются на интонаціи. Страненъ-же долженъ быть голосъ, о которомъ дѣлаются подобныя показанія и въ которомъ представители пяти европейскихкихъ народовъ не находятъ знакомыхъ звуковъ. Теперь я обращаю ваше вниманіе на слѣдующіе три различія. Одинъ свидѣтель описываетъ голосъ такъ: „скорѣе *хриплый*, чѣмъ *рѣзкій*“, другой говоритъ *отрывистый* и *быстрый*. Свидѣтели не разобрали словъ, ни даже звука, похожаго на слово.

— Сопоставленіе этихъ показаній совершенно достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе и указать путь, по какому надо идти въ открытію тайны.

— Подозрѣніе, явившееся вслѣдствіе показанія о голосахъ, заставило меня дѣлать осмотръ комнаты уже съ извѣстной мыслью.

— Теперь перенесемся въ эту комнату. Прежде всего надо узнать, какииъ образомъ убійцы могли уйти. Двери найдены затворенными, труба оказалась слишкомъ узкою наверху, полиція поднимала полъ, осматривала стѣны, потолокъ и не нашла тайнаго выхода.

— Въ комнатѣ два окна. Одно изъ нихъ не заставлено мебелью и совершенно видно. Нижняя сторона другого заставлена изголовьемъ кровати, очень массивной, приставленной къ самому окну. Осмотръ говоритъ, что первое окно было плотно закрыто изнутри. Оно устояло противъ усилій свидѣтелей, желавшихъ отворить его. Въ раму его съ лѣвой стороны провертѣли большую дыру буровомъ и нашли большой гвоздь, вбитый чуть не до шляпки. Осмотрѣвъ другое окно, нашли вбитымъ такой-же гвоздь; а отворить раму оказалось также невозможнымъ, какъ и съ другой стороны. Полиція увѣрилась, что въ окна нельзя было уйти, и потому не выдергивала гвоздей и не пробовала отворять оконъ.

— Мой осмотръ былъ тщательнѣе: надо было доказать, что невозможность была только кажущаяся.

— Я соображалъ такъ: убійцы убѣжали черезъ одно изъ оконъ, и, слѣдовательно, не могли заперѣть его изнутри, какъ оно было найдено во время осмотра. Окна были хорошо закрыты. Значитъ, они закрывались сами собою. Другого ничего нельзя было вывести. Я былъ увѣренъ, что найду какую-нибудь пружинку, и не ошибся: я ее нашель; придавилъ — и, довольный своимъ открытіемъ, не сталъ открывать окна.

— Я вложилъ гвоздь на мѣсто и внимательно осмотрѣлъ его. Если человѣкъ, вылѣзая изъ окна захлопнулъ-бы его, защелка защелкнулась-бы и гвоздь не могъ-бы оказаться на своемъ мѣстѣ. Это соображеніе было ясно и облегчало мои изслѣдованія. Убійцы должны были выйти въ другое окно. Предполагая, что защелки обоихъ оконъ одинаковы, надо было найти разницу въ гвоздяхъ или въ способѣ ихъ укрѣпленія. Я влѣзъ на изголовье кровати и сверху тщательно осмотрѣлъ другое окно. Пропустивъ руку, я нашелъ пружинку защелки, придавилъ ее и увидѣлъ, что она такъ-же, какъ и въ другомъ окнѣ. Тогда я началъ осматривать гвоздь. Онъ былъ такой-же большой и точно также вбитъ до самой шляпки.

— Вы, можетъ быть, думаете, что меня смутило мое открытіе? Напротивъ, я не сдѣлалъ ни одного промаха, ни на минуту не выпустилъ изъ виду слѣда, не потерялъ ни одного звена моей логической цѣпи. Я прослѣдилъ секретъ до его послѣдняго момента, и этимъ моментомъ былъ гвоздь. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ походилъ на своего товарища въ другомъ окнѣ; но этотъ фактъ становился ничтожнымъ въ виду главной мысли, что на этомъ гвоздѣ окачивается путеводная нить. Въ гвоздѣ должно быть что-нибудь испорчено. Я сталъ его трогать, и шляпка, съ кусочкомъ гвоздя, осталась у меня въ рукахъ, конецъ-же гвоздя остался въ отверстіи. Этотъ переломъ былъ старый, такъ-какъ края были заржавлены, и переломился онъ, очевидно, отъ удара молотка, вдавившаго шляпку въ раму. Я тщательно вложилъ на старое мѣсто шляпку съ кусочкомъ гвоздя, снова принявшаго видъ цѣльнаго. Я подавилъ пружинку, тихонько открылъ окошко; головка гвоздя подвинулась вмѣстѣ съ рамой; тогда я заперъ окошко и гвоздь вошелъ опять въ свое мѣсто и казался цѣльнымъ.

— Загадка была разгадана: убійца убѣжалъ черезъ окно, примыкающее къ постели. Захлопнулось-ли окно само за убійцей или было заперто, во всякомъ случаѣ, оно задерживалось защелкой, а полиція приписала это гвоздю, и дальнѣйшіе розыски считала лишними.

— Теперь надо рѣшить, какимъ образомъ убійца спустился изъ окна. Я соображалъ это, когда мы обходили зданіе. Футовъ за пять съ половиною отъ окна идетъ громоотводъ; но немъ трудно

было-бы кому-бы то ни было добратся до окна, а тѣмъ болѣе влѣзть въ окно.

— Ставни четвертаго этажа совершенно особенныя, вышедшія изъ моды; такія ставни можно видѣть только еще въ Ліонѣ и въ Бордо. Ихъ дѣлаютъ какъ обыкновенную одностворчатую дверь; нижняя часть прозрачная, рѣшетчатая, и за рѣшетины можно ухватиться руками. Ставни шириною фута въ три съ половиною. Когда мы осматривали ихъ, онѣ были открыты на половину, т. е. образовывали прямой уголъ со стѣной. Вѣроятно, полиція, осматривая домъ съ задней стороны, не обратила вниманія на ширину ставней или считала это неважнымъ. Когда было рѣшено, что бѣгство изъ оконъ невозможно, полиція стала осматривать спуска рукава.

— Мнѣ тотчасъ бросилось въ глаза, что ставень окна у изголовья кровати, откинутый плотно къ стѣнѣ, пришелся-бы фута за два отъ громоваго отвода. Для меня было ясно, что, при безумной энергіи и отвагѣ, можно было при помощи отвода влѣзть въ окно, предполагая ставень совершенно открытымъ, и упираясь ногою въ его рѣшетку. Удѣпившись хорошенько за ставень, преступникъ могъ прыгнуть въ комнату, если только окно было отворено, и отхлопнуть снова ставень.

— Замѣтите, что я говорю о необыкновенной энергіи, необходимой для такого труднаго и отважнаго предпріятія. Я хочу вамъ доказать прежде всего, что бѣгство возможно, а главное—хочу обратить ваше вниманіе на то, что при этомъ требовалось проворство необыкновенное и почти сверхъестественное. Ясно, что преступникъ вошелъ и вышелъ одною и тою-же дорогой. Теперь вернемся въ комнату. Говорятъ, что ящики комода частью были ограблены, а между тѣмъ платья найдены нетронутыми. Это только предположеніе, и предположеніе весьма глупое. Почему мы знаемъ, что вещи, найденныя въ ящикахъ, не всѣ на лицо? Если-бы въ комнатѣ былъ воръ, зачѣмъ-бы онъ оставилъ четыре тысячи франковъ золотомъ и унесъ-бы узелъ съ бѣльемъ? Слѣдовательно, мысли о воровствѣ не было.

— Теперь обратите вниманіе на слѣдующее: странный голосъ, невысказанная ловкость и отсутствіе корыстныхъ видовъ при такомъ жестокомъ убійствѣ. Сообразимъ самое убійство. Вотъ женщина, задушенная руками и втиснутая внизъ головою въ трубу. Обык-

новенные убійцы не совершаютъ такихъ убійствъ и не прячутъ такъ своихъ жертвъ. Вы согласитесь, что засунуть подобнымъ образомъ тѣло слишкомъ необыкновенно и несомѣстно съ людскими поступками, хотя-бы преступники были самые испорченные злодѣи. И какая-же требовалась для того сила, если нѣсколько человѣкъ едва могли вытащить трупъ изъ трубы.

— Обратимъ вниманіе еще и на другія доказательства этой необыкновенной силы. На очагѣ нашли пряди волосъ, очень густыхъ сѣдыхъ волосъ; волосы оказались вырванными съ корнями. Вамъ извѣстно, какую силу нужно имѣть, чтобы вырвать изъ головы двадцать-тридцать волосъ сразу? А эти пряди вырваны съ тѣломъ!..

— Горло старухи не только было надрѣзано, но голова совершенно отдѣлена отъ туловища простой бритвой. Забудьте и эту *жизоотную* жестокость. Я уже не говорю о поврежденіяхъ на тѣлѣ г-жи Эпене, которыя могли произойти отъ паденія изъ четвертаго этажа, на что не обратила вниманія полиція, считавшая, что окна оставались закрытыми.

— Какое впечатлѣніе выносите вы изъ фактовъ: необыкновенной ловкости, животнаго хищничества, безпричинной кровожадности, страннаго голоса, незнакомаго представителямъ пяти націй и немѣющаго никакихъ вѣданныхъ словъ?

— Совершилъ убійство какой-нибудь бѣшеный, убѣжавшій изъ сумасшедшаго дома, сказалъ я.

— Недурно, отвѣтилъ Дюпень;—мысль ваша почти вѣрна. Но голосъ сумасшедшаго, даже во время припадковъ безумія, не можетъ сравниться съ тѣмъ, что говорили объ этомъ голосѣ. Кромѣ того, волосы сумасшедшаго не походятъ на то, что теперь у меня въ рукѣ. Я вынулъ этотъ комокъ изъ сжатой руки г-жи Эпене. Что вы объ нихъ думаете?

— Дюпень! сказалъ я, совершенно ошеломленный,—эти волосы необыкновенные; это не человѣческіе волосы!

— Я и не говорю, что они человѣческіе, но прежде, чѣмъ рѣшить, чьи они, взгляните на рисунокъ, который я снялъ на бумажку. Эти слѣды, очевидно, сдѣланы пальцами.

— Вотъ посмотрите, продолжалъ мой другъ, раскладывая рисунокъ,—не правда-ли, что рука сильная, и незамѣтно, чтобы пальцы скользили; каждый, какъ видно, оставался на своемъ мѣстѣ, пока жертва не умерла. Попробуйте наложить ваши пальцы на рисунокъ

Я попробоваль, но не могъ растянуть на-столько своихъ пальцевъ.

— Можетъ быть, продолжалъ Дюпенъ, — мы не такъ дѣлаемъ опытъ. Бумага разложена на плоской поверхности, а горло имѣеть цилиндрическую форму. Вотъ круглое полѣно, почти одинаковой толщины съ горломъ. Оберните его рисункомъ и повторите свой опытъ.

Я повиновался, но трудность стала еще очевиднѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Это, сказалъ я, — слѣдъ не человѣческой руки.

— Теперь, сказалъ Дюпенъ, — прочтите это мѣсто у Кювье.

То было описаніе большого orang-утанга. Я сразу понялъ все.

— Описаніе пальцевъ, сказалъ я, прочитавъ, — вполне подходитъ подъ вашъ рисунокъ. Никакое животное, за исключеніемъ orang-утанга, и именно индѣйскаго, не могло-бы сдѣлать такихъ знаковъ, какіе вы нарисовали. Клокъ темной шерсти тоже подходитъ подъ описаніе Кювье. Но я не могу хорошенько объяснить себѣ подробностей убійства. Вѣдь свидѣтели слышали два голоса и одинъ изъ нихъ былъ несомнѣнно голосъ француза.

— Справедливо; и вы, конечно, помните, что почти все свидѣтели единогласно приписывали грубому голосу восклицаніе: „Господи!“ Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что это слово было произнесено съ упрекомъ и досадой. На этомъ-то словѣ я и основывалъ надежду совершенно распутать дѣло. Какой-нибудь французъ зналъ объ убійствѣ. Очень можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ неповиненъ въ участіи. Orang-утангъ ушелъ отъ него. Очень можетъ быть, что онъ прослѣдилъ за нимъ до самой комнаты, но не могъ схватить его при совершившихся страшныхъ обстоятельствахъ. Все это только предположенія и ничего болѣе. Если этотъ французъ не принималъ, какъ я предполагаю, участія въ дѣлѣ, то объявленіе, которое я занесъ вчера, когда мы возвращались домой, въ контору газеты „Свѣтъ“, — газеты морской и очень распространенной между моряками, — привлечетъ его сюда.

Онъ подаль мнѣ газету и я прочелъ:

Объявленіе. — *Утромъ на... число* (день убійства) въ Булонскомъ лѣсу былъ найденъ огромный orang-утангъ съ острова Борнео. Хозяинъ его — сколько извѣстно, морякъ съ мальтійскаго корабля — можетъ получить животное, представивъ доказательства

и заплативъ за его поимку и содержаніе. Адресоваться въ улицу... №... Сен-Жерменскаго предмѣстья, въ третій этажъ“.

— Почемъ-же вы знаете, что французъ—морякъ, и даже съ мальтійскаго корабля?

— Я и не знаю, сказалъ онъ, —и вовсе не увѣренъ въ этомъ. Но вотъ небольшой кусочекъ тесемки, который по своему сальному виду, должно быть, служилъ для завязыванія волосъ на головѣ. Такіе узелки дѣлаютъ только одни мальтійскіе моряки. Я напелъ тесемочку у громоваго отвода. Не можетъ быть, чтобы она принадлежала которой-нибудь изъ убитыхъ. Во всякомъ случаѣ, если я ошибся, думая по тесемкѣ, что французъ — морякъ съ мальтійскаго корабля, то я своимъ объявленіемъ не повредилъ никому. Если-же я не ошибся, то многое выигралъ. Французъ, знающій объ убійствѣ, хотя и неповинный въ немъ, конечно, поколеблется отвѣтить на объявленіе—потребовать своего оранг-утанга. Онъ будетъ разсуждать такъ: „Я невиненъ; я бѣденъ; а мой оранг-утангъ имѣетъ большую цѣну — это почти цѣлое состояніе при моемъ положеніи; къ чему мнѣ потерять его изъ-за какихъ-то глупыхъ опасеній? Обезьяну нашли въ Вулонскомъ лѣсу, —далеко отъ мѣста преступленія. Развѣ кто-нибудь станеть подозрѣвать, чтобы безмысленное животное могло надѣлать что-нибудь подобное? Полиція растерялась и не могла напасть ни на какой слѣдъ. Хотя-бы животное и подозрѣвалось, то кто можетъ доказать, что я зналъ объ убійствѣ, или обвинить меня за то, что я зналъ. Если-же я не откликнусь на вызовъ, то скорѣе навлеку на себя подозрѣніе, —ergo, лучше пойду и возьму своего звѣря“.

Въ эту минуту послышались поспѣшные шаги человѣка, поднимавшагося по лѣстницѣ.

— Приготовьтесь, сказалъ Дюпень, —возьмите пистолеты, но не употребляйте ихъ въ дѣло; не показывайте ихъ до тѣхъ поръ, пока я вамъ не скажу.

Входная дверь была отворенной, посѣтитель вошелъ, не позволивъ, и поднялся на нѣсколько ступенекъ, но тутъ онъ точно заколебался и мы услышали, какъ онъ началъ спускаться. Дюпень бросился къ двери; посѣтитель снова сталъ подниматься. На этотъ разъ онъ постучалъ къ намъ.

— Войдите, весело и добродушно сказалъ Дюпень.

Вошелъ человѣкъ, очевидно, морякъ, — сильный, крѣпкій и „дѣло“, № 4.

мускулистый, съ смѣлымъ и пріятнымъ лицомъ, но почти совершенно закрытымъ усами и бакенбардами. При немъ была только толстая палка. Онъ неловко поклонился намъ и сказалъ привѣтствіе престопаоднымъ нарѣчіемъ, указывавшимъ, однако, на его парижское происхожденіе.

— Садитесь, почтеннѣйшій, сказалъ Дюпенъ;—я полагаю, что вы пришли поговорить насчетъ вашего оранг-утанга. Я завидую вамъ, онъ замѣчательно хорошъ и, вѣроятно, дорогъ. Сколько ему лѣтъ?

Матросъ глубоко вздохнулъ, съ видомъ человѣка, у котораго свалилась тяжесть съ плечъ, и твердо сказалъ:

— Навѣрное не знаю, но думаю, что ему года четыре или лѣтъ пять... Онъ у васъ здѣсь?

— Конечно, нѣтъ. У насъ нѣтъ удобнаго мѣста и онъ запертъ въ манежной конюшнѣ въ улицѣ Дюбуръ. Вы можете получить его завтра утромъ. Можете вы доказать свои права?

— Да, сударь, конечно.

— Мнѣ, право, жаль разстаться съ нимъ, сказалъ Дюпенъ.

— Я понимаю, сказалъ матросъ,—что вы не даромъ трудились. Я съ удовольствіемъ дамъ вознагражденіе человѣку, поймавшему его, но, конечно, небольшое вознагражденіе.

— Хорошо, отвѣчалъ Дюпенъ,—все это совершенно справедливо. Но что-же вы дадите? А знаете-ли, какую награду я попрошу у васъ? — расскажите мнѣ все, что вы знаете объ убійствахъ въ улицѣ Моргъ.

Дюпенъ произнесъ послѣднія слова тихимъ и спокойнымъ голосомъ. Съ тѣмъ-же спокойствіемъ онъ отправился къ двери, заперъ ее и положилъ ключъ въ карманъ, досталъ изъ-подъ сюртука пистолеть и тамъ-же спокойно положилъ его на столъ.

Лицо матроса побагровѣло, какъ-будто онъ готовъ былъ тотчасъ-же задохнуться. Онъ вскочилъ и схватилъ палку, но черезъ секунду снова опустился на стулъ, сильно дрожа и поблѣднѣвъ, какъ полотно. Онъ не могъ произнести ни слова. Мнѣ стало его жаль.

— Другъ мой, сказалъ Дюпенъ самымъ ласковымъ голосомъ,—вы безпокоитесь напрасно. Мы не желаемъ вамъ зла и честию клянусь, что мы не имѣемъ на васъ никакихъ злыхъ видовъ. Я знаю, что вы невиновны въ убійствѣ въ улицѣ Моргъ. Но это

все-таки не значить, что вы вовсе не причастны къ дѣлу. Изъ того, что я сказалъ, вы можете судить, что я имѣлъ возможность кое-что узнать. Теперь для насъ все ясно. Вы ничего не могли сдѣлать для избѣжанія преступленія и ни въ чемъ невиноваты. Вамъ нечего скрывать и нѣтъ никакой причины скрываться. Съ другой стороны, вы, какъ честный человѣкъ, обязаны рассказать все, что вы знаете. Въ настоящее время невинный человѣкъ заключенъ въ тюрьму и обвиненъ въ преступленіи, вамъ извѣстномъ.

Пока Дюпенъ говорилъ, матросъ почти совершенно пришелъ въ себя; но вся его первоначальная отвага исчезла.

— Господь да поможетъ мнѣ! сказалъ онъ, помолчавъ немного, — я расскажу вамъ все, что знаю; но не надѣюсь, чтобы вы и въ половину повѣрили мнѣ, да и глупо было-бы надѣяться! А между тѣмъ я невиненъ; я расскажу все, хотя-бы мнѣ это стоило жизни.

Вотъ сущность того, что намъ рассказалъ матросъ. Онъ недавно ѣздилъ на Индѣйскій архипелагъ. Нѣсколько матросовъ, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, высадились въ Борнео и пошли во внутрь страны на экскурсію. Онъ съ однимъ изъ товарищей поймалъ оранг-утанга; товарищъ умеръ и онъ одинъ остался владѣтелемъ животнаго. Послѣ многихъ хлопотъ при переѣздѣ, матросъ, наконецъ, перевезъ оранг-утанга въ Парижъ въ свою собственную квартиру и, чтобы не привлекать назойливаго любопытства сосѣдей, тщательно заперъ животное, пока не вылечилъ его отъ раны на ногѣ, которую онъ нанесъ себѣ на кораблѣ. Матросъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, продать своего звѣря.

Разъ ночью или, лучше сказать, утромъ, — въ утро убійства, — возвратившись съ попойки, матросъ нашелъ оранг-утанга въ своей спальнѣ, вмѣсто сосѣдней комнаты, гдѣ онъ считалъ его плотно запертымъ. Съ бритвою въ рукѣ и весь вымазанный мыломъ, оранг-утангъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и собирался бриться, потому что, вѣроятно, видѣлъ когда-нибудь за такимъ занятіемъ въ замочную скважину своего хозяина. Въ ужасѣ при видѣ такого страшнаго оружія въ рукахъ животнаго, способнаго употребить его въ дѣло, матросъ въ первыя минуты не зналъ, на что рѣшиться. Обыкновенно онъ умиралъ обезьяну въ минуты ея самаго сильнаго раздраженія ударами плети, потому и на этотъ разъ хотѣлъ прибѣгнуть къ тому-же средству. Но на этотъ разъ оранг-утангъ

прыгнувъ въ дверь, побѣжалъ по лѣстницѣ и выпрыгнувъ черезъ окно на улицу.

Французъ въ отчаяніи бросился за нимъ. Оранг-утангъ, держа бритву, останавливался отъ времени до времени, обертывался, дѣлалъ гримасы бѣжавшему за нимъ хозяину, и когда видѣлъ, что тотъ догоняетъ его, снова убѣгалъ. Эта охота длилась довольно долго. На улицахъ было совершенно пусто. Наконецъ, вниманіе оранг-утанга было привлечено свѣтомъ въ открытомъ окнѣ четвертаго этажа. Онъ бросился къ стѣнѣ, увидѣлъ громовой отводъ, съ невообразимой ловкостью влѣзъ наверхъ, уцѣпился за ставень, совершенно отворенную, и, упираясь въ него, прыгнувъ въ комнату прямо на кровать.

Все это совершилось быстрѣе, нежели въ минуту. Прыгнувъ, оранг-утангъ отвиннулъ ставень опять къ стѣнѣ.

Матросъ и обрадовался, и испугался: онъ надѣялся поймать звѣря и испугался, что животное можетъ надѣлать какихъ-нибудь бѣдъ. Эта послѣдняя мысль заставила матроса пуститься за своимъ бѣглецомъ. Матросу оказалось нетруднымъ взобраться по отводу, но когда онъ добрался до четвертаго этажа, окно котораго оказалось довольно высоко, онъ затруднился. Онъ могъ только приподняться и взглянуть, что дѣлается въ комнатѣ, и — чуть не упалъ отъ ужаса, взглянувъ въ окно... Въ это-то самое время и начались крики, разбудившіе жителей улицы Моргъ.

Г-жа Эпене и дочь ея, неодѣтыя, вѣроятно, разбирали бумаги въ шкатулкѣ. Шкатулка была отворена и бумаги разбросаны по полу. Женщины сидѣли спиной къ окну и, судя по времени, которое прошло отъ той минуты, какъ оранг-утангъ вскочилъ въ комнату, и до первыхъ криковъ, онѣ, конечно, не замѣтили обезьяны. Хлопанье ставни онѣ, вѣроятно, приписали вѣтру.

Въ то время, какъ матросъ взглянулъ въ комнату, страшный звѣрь ухватилъ за волосы г-жу Эпене, вѣроятно, чесавшуюся, и махалъ бритвой передъ ея лицомъ, подражая движеніямъ цирюльника. Дочь лежала неподвижно на полу; она была въ обморокѣ. Крики и усилія старухи, во время которыхъ оранг-утангъ вырвалъ ей волосы, привели въ ярость его, по всей вѣроятности, сначала кроткія намѣренія. Быстрымъ ударомъ онъ почти отдѣлилъ голову отъ туловища и видъ крови привелъ его въ остервененіе. Скрежеща зубами и сверкая глазами, оранг-утангъ бро-

сился на тѣло молодой дѣвушки, втиснулъ ей въ шею когти и оставилъ ее только тогда, когда задушилъ. Въ эту минуту орангутангъ увидѣлъ искаженное ужасомъ лицо своего хозяина.

Ярость животнаго, хорошо знавшаго страшную плеть, тотчасъ же перешла въ страхъ. Зная, что оно заслужило наказаніе, оно, повидимому, хотѣло скрыть кровавые слѣды своего преступленія и, прыгая по комнатамъ въ нервномъ волненіи, опрокидывало мебель и раскидывало вещи. Наконецъ, животное схватило тѣло дѣвушки и засунуло его въ трубу, а тѣло старухи выбросило въ окно.

Когда обезьяна приближалась къ окну съ своей изуродованной жертвой, испуганный матросъ наклонился и спустился скорѣе по отводу, боясь послѣдствій этой страшной рѣзни. Слышанные голоса и были его возгласы ужаса и яростное отвѣтное рычанье обезьяны.

Мнѣ нечего болѣе прибавлять. Орангутангъ спустился изъ комнаты по отводу раньше, чѣмъ выломали дверь. Пролѣзая черезъ окно, онъ, вѣроятно, затворилъ его. Впослѣдствіи онъ былъ пойманъ самимъ хозяиномъ и дорого проданъ въ Ботаническій садъ.

Мы сообщили подробности дѣла префекту полиціи, и Лебона выпустили.

Золотой жуукъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я сблизился съ Вильямомъ Леграномъ. Онъ происходилъ изъ старинной протестантской фамиліи, когда-то очень богатой, но потомъ обѣднѣвшей. Нужда и непріятности заставили Леграна покинуть Новый Орлеанъ и поселиться на островѣ Сулливанъ, въ Южной Каролинѣ.

Наше знакомство обратилось скоро въ дружбу. Легранъ получилъ хорошее образованіе, и хотя имѣлъ много книгъ, но не читалъ ихъ. Обыкновенно, онъ ходилъ на охоту, занимался рыбной ловлей и собиралъ раковины по морскому берегу. Энтомологическое собраніе Леграна могло-бы возбудить зависть даже въ Сваммердамъ. Постояннымъ спутникомъ Леграна въ его экскурсіяхъ былъ старикъ негръ по имени Юпитеръ. Юпитеръ хотя и былъ свободенъ, но не хотѣлъ покинуть своего массу Вилы. Очень

можетъ быть, что и родители Леграна вліяли въ этомъ случаѣ на старика, потому что они считали юношу немного тронутымъ и боялись оставить его безъ присмотра.

Хотя зима на островѣ Сулливанѣ бываетъ рѣдко суровой, но въ половинѣ октября 18.. стояли дни замѣчательно холодные. Однажды, передъ закатомъ солнца, я отправился къ моему другу; постучавшись и не дождавшись отвѣта, я сталъ искать ключа; зная, куда его прячутъ, я отворилъ дверь и вошелъ. На очагѣ весело пылалъ огонь. Это былъ для меня очень пріятный сюрпризъ. Я снялъ пальто, пододвинулъ къ огню кресло, сѣлъ и сталъ терпѣливо ждать хозяевъ.

Они воротились вскорѣ послѣ заката солнца и очень мнѣ обрадовались. Юпитеръ улыбался, растягивая ротъ до ушей, и хлопоталъ надъ приготовленіемъ ужина, а Легранъ сіялъ отъ удовольствія, что поймалъ какого-то необыкновеннаго золотого жука, котораго онъ хотѣлъ показать мнѣ на слѣдующее утро.

— Почему-же не сегодня вечеромъ? спросилъ я, потирая руки передъ огнемъ и въ душѣ посылая къ чертямъ всѣхъ жуковъ.

Оказалось, что Легранъ отдалъ своего жука посмотрѣть какому-то знакомому, котораго встрѣтилъ, возвращаясь домой.

— Жукъ чистѣйшаго золотого цвѣта, необыкновенно красивый, сказалъ Легранъ;—хотите я нарисую вамъ его?

Доставъ изъ кармана какой-то грязный обрывокъ бумаги, Легранъ сталъ рисовать перомъ и, кончивъ рисунокъ, подаль мнѣ его.

— Это совершенно новый для меня жукъ, сказалъ я; — онъ похожъ на человѣческій черепъ.

— Черепъ! повторилъ Легранъ, — да вѣдь рисунокъ овальный...

— Ну такъ вы, вѣроятно, плохой рисовальщикъ, отвѣтилъ я.

— Не понимаю, что вы говорите, сказалъ Легранъ, видимо задѣтый.

— Или вы шутите, сказалъ я;—положительно черепъ, можно даже сказать—очень хорошій черепъ. Да, странный вашъ жукъ; вы могли-бы назвать его „*Scarabeus caput hominis*“.

Не желая сердить своего друга, я возвратилъ ему бумажку. Онъ взялъ ее, хотѣлъ смять и, вѣроятно, бросить въ огонь, но взглядъ его остановился на рисунокѣ, и вдругъ лицо его сдѣлалось багрово-краснымъ и затѣмъ покрылось смертельной блѣдностью. Нѣсколько минутъ Легранъ внимательно осматривалъ бу-

бумажку, потомъ всталъ, взялъ свѣчу со стола и сѣлъ на сундукъ, стоявшій въ другомъ концѣ комнаты. Тамъ онъ снова началъ внимательно осматривать бумажку со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, вложилъ въ него рисунокъ и заперъ бумажникъ въ письменный столъ. Я ушелъ домой.

Черезъ мѣсяцъ ко мнѣ въ Чарльстонъ пришелъ Юпитеръ. Онъ былъ такъ разстроенъ, что я даже испугался.

— Какъ здоровье твоего хозяина? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Ахъ, говоря по правдѣ, онъ не такъ здоровъ, какъ-бы слѣдовало, отвѣтилъ печально негръ.

— Право? На что-же онъ жалуется?

— Что за вопросъ! Онъ никогда не жалуется... Тѣмъ не менѣе, онъ очень болѣнъ, я очень безпокоюсь за бѣднаго массу Виля. Онъ все ходитъ, думаетъ, и все пишетъ цифры и разные странные знаки. Недавно онъ ушелъ отъ меня до заката солнца и я хотѣлъ даже побить его палкой.

— Нѣтъ, Юпитеръ, это не дѣло, будь къ нему снисходительнѣе... Что-же съ нимъ случилось и съ какихъ поръ?

— Да случилось съ тѣхъ поръ, какъ вы были у насъ.

— Не понимаю, о чемъ ты говоришь!

— Я говорю о жуку. Я увѣренъ, что масса Виль былъ укушенъ въ голову золотымъ жукомъ. Я видѣлъ, какъ онъ его поймалъ и потомъ бросилъ, а я взялъ кусочекъ бумажки, бумажкой схватилъ жука и въ нее завернулъ его.

— И ты думаешь, что господинъ твой укушенъ золотымъ жукомъ?

— Я не думаю, а увѣренъ въ этомъ. Иначе почему-бы онъ только и бредилъ, что золотомъ; онъ и во снѣ-то все говоритъ о немъ. Вотъ вамъ письмо отъ массы.

Юпитеръ подаль мнѣ записку и я прочелъ:

„Что это васъ такъ давно не видно, мой милый другъ? Неужели вы обидѣлись? Не можетъ быть! Всѣ эти дни я былъ не совсѣмъ здоровъ, и старикъ Юпитеръ страшно надоѣдалъ мнѣ своею внимательностью. Повѣрите-ли, что онъ хотѣлъ меня побить за то, что я ушелъ отъ него одинъ и провелъ день на материкѣ. Мнѣ кажется, что только мой разстроенный видъ спасъ меня отъ побоевъ.“

„Приходите вмѣстѣ съ Юпитеромъ, если вамъ можно; *приходите, приходите!* Мнѣ необходимо видѣть васъ сегодня-же вечеромъ по очень важному дѣлу, — важному, очень важному.

Вашъ Вильямъ Легранъ“.

Тонъ записки болѣзненно отозвался въ моемъ сердцѣ, и я сейчас-же пошелъ съ Юпитеромъ. На днѣ лодки лежали коса и три заступа, которые масса Виль велѣлъ Юпитеру купить въ городѣ. Легранъ ждалъ насъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Онъ нервно сжалъ мнѣ руку, что еще болѣе утвердило меня въ моихъ подозрѣніяхъ насчетъ его умственного расстройства. Не зная съ чего начать, я спросилъ его, возвратили-ли ему золотого жука?

— Да, возвратили, отвѣчалъ Легранъ, сильно покраснѣвъ, — я взялъ его на слѣдующее-же утро и ни за что въ мірѣ не останусь съ нимъ... Ему предназначено судьбою составить мое состояніе... Чего вы смотрите съ удивленіемъ?.. Если судьбѣ угодно было вручить его мнѣ, то мнѣ остается только сдумѣть воспользоваться моимъ счастіемъ... Юпитеръ, принеси жука.

— Жука-то, масса! Да я не хочу и дотрогиваться до него; возьмите его сами.

Легранъ принесъ насѣкомое, дѣйствительно, замѣчательное по красотѣ и формѣ.

— Я пригласилъ васъ, сказалъ Легранъ, — чтобы посовѣтоваться съ вами насчетъ моей судьбы и жука...

— Милый Легранъ, прервалъ я его, — вы, право, нездоровы... Лягте лучше въ постель; я останусь у васъ, пока вы не поправитесь. У васъ жаръ...

— Попробуйте пульсъ, сказалъ онъ.

Я попробовалъ и не нашелъ никакихъ признаковъ лихорадки.

— Но вы можете быть больнымъ и безъ лихорадки; позвольте мнѣ хоть разъ въ жизни быть вашимъ докторомъ. Ради Бога, лягте теперь-же въ постель, а потомъ...

— Вы ошибаетесь, прервалъ Легранъ, — я на-столько здоровъ, на-сколько могу быть при моемъ возбужденномъ состояніи. Если вы, дѣйствительно, желаете мнѣ добра, то лучше успокойте мое возбужденіе.

— Что-же нужно сдѣлать?..

— Очень немногое. Мы съ Юпитеромъ отправляемся на холмы, па материкъ, и намъ нужна помощь человѣка, на котораго

мы могли-бы вполне положиться. Удастся-ли мое предпріятіе или не удастся, возбужденіе мое, во всякомъ случаѣ, пройдетъ.

— Я готовъ охотно служить вамъ, отвѣчалъ я, — но неужели этотъ проклятый жукъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ вашей экспедиціи?

— Конечно!

— Въ такомъ случаѣ, Легранъ, я не могу участвовать въ вашемъ бессмысленномъ предпріятіи.

— Очень жаль, очень жаль, — намъ придется сдѣлать все однимъ.

— Однимъ? Да вы съума сошли!.. Долго-ли продолжится ваше отсутствіе?

— Вѣроятно, всю ночь. Мы отправляемся сейчасъ и, во всякомъ случаѣ, будемъ дома къ восходу солнца.

— Дадите-ли мнѣ честное слово, что, удовлетворивъ свой капризъ, вы возвратитесь домой и станете слушаться меня и доктора?

— Да, обещаю.

Мы взяли заступы, косу и два фонаря и пошли за Леграномъ, который несъ жука, привязаннаго на длинной веревочкѣ. Мы шли часа два и при закатѣ солнца вошли въ чрезвычайно густой лѣсъ. Продолжая свое путешествіе, мы дошли до громаднаго тильнановаго дерева, стоявшаго вмѣстѣ съ десяткомъ дубовъ на высокому холмѣ. Тутъ Легранъ спросилъ Юпитера, можетъ-ли онъ влѣзть на это дерево.

— Да, масса, отвѣчалъ нѣсколько удивленный старикъ, — нѣтъ такого дерева, на которое-бы Юпъ не могъ влѣзть.

— Ну, такъ влѣзай, да скорѣй, а то смеркается и мы ничего не увидимъ.

— Какъ-же высоко лѣзть? спросилъ Юпитеръ.

— Сначала влѣзай по стволу, а потомъ я тебѣ скажу, куда лѣзть. Постой, постой, возьми съ собою жука.

— Жука, масса, золотого жука! вскричалъ негръ, отступая съ ужасомъ. — Да къ чему-же мнѣ тащить съ собою этого жука? Провались я сквозь землю, если возьму его съ собой!

— Юпъ, ты, старикъ, боишься маленькаго жука! Ну, возьми его за веревочку, а если ты этого не сдѣлаешь, я разобью тебѣ заступомъ голову.

— Ну, хорошо, хорошо, отвѣтилъ Юпъ; — вамъ-бы все только сориться съ старикомъ! Вѣдь я пошутилъ...

Юпитеръ взялъ за кончикъ веревки и полѣзъ.

— Куда теперь, масса Виль? спросилъ старикъ, добравшись до сучковъ.

— Подѣзай до седьмого сука... Теперь стой! закричалъ Легранъ, въ страшномъ волненіи;—подвигайся по сучку какъ можно дальше... Если увидишь что-нибудь странное, скажи мнѣ.

Съ этой минуты я уже не сомнѣвался въ разстройствѣ умственныхъ способностей моего друга...

— Я боюсь двигаться по сучку, онъ почти весь сгнилъ, раздался сверху голосъ Юпитера.

— Сгнилъ?!. отвѣтилъ Легранъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія.

— Сгнилъ, какъ тряпка, совсѣмъ сухой.

— Что тутъ дѣлать? спросилъ Легранъ почти въ отчаяніи.

— Что дѣлать? конечно, идти домой, отвѣтилъ я.

— Юпитеръ, крикнулъ Легранъ, не обращая вниманія на мои слова,—слышишь ты меня?

— Да, масса Виль, совсѣмъ хорошо.

— Попробуй дерево ножомъ и скажи мнѣ, точно-ли оно совсѣмъ сгнило.

— Гнило, масса, порядочно гнило, отвѣчалъ негръ,— но не настолько, чтобы никуда не годилось. Я попробую взлѣзть на сучекъ, но только одинъ.

— Какъ одинъ? что ты хочешь сказать?

— Я говорю о жука. Онъ очень тяжелъ. Если я его брошу, тогда сучекъ сдержитъ меня...

— Проклятый плутъ! вскричалъ Легранъ, видимо успокоенный, — что ты городишь тамъ?.. Если ты бросишь жука, я тебѣ сверну шею. Слышишь?

— Слышу, масса; напрасно только вы обращаетесь такъ съ бѣднымъ негромъ... Вотъ я и на самомъ концѣ... Господи, спаси насъ! что это? черепъ человѣческой!..

— Черепъ? Отлично! Какъ онъ прикрѣпленъ въ дереву? Что его держитъ?

— Онъ держится крѣпко... надо посмотрѣть... Черепъ прибить большимъ гвоздемъ.

— Хорошо! теперь, Юпитеръ, дѣлай въ точности все, что я тебѣ скажу. Найди лѣвый глазъ.

— Лѣвый глазъ? да у него нѣтъ лѣваго глаза.

— Экой глупецъ! Умѣешь-ли ты отличить лѣвую руку отъ правой?

— Умѣю, умѣю, я колю дрова лѣвой рукой.

— Лѣвый глазъ съ той-же стороны, какъ и лѣвая рука...

Пропусти черезъ лѣвый глазъ черепа веревочку съ жукомъ, но не выпускай ее изъ рукъ.

— Сдѣлалъ; видите, какъ жукъ спускается?

Жукъ спустился у нашихъ ногъ. Легранъ взялъ косу и обвелъ кругъ въ три или четыре аршина въ діаметрѣ. Потомъ велѣлъ Юпитеру бросить веревочку и слѣзть.

Легранъ тщательно вбилъ въ землю колышекъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда опустился жукъ. Онъ вынулъ изъ кармана тесьму, привязалъ ее за стволъ, развернулъ ее на пятьдесятъ футовъ, вколотилъ новый колышекъ, и обвелъ еще кругъ въ четыре аршина въ діаметрѣ; потомъ роздалъ намъ заступы и велѣлъ копать.

Мы зажгли фонари и начали работу; но прошло два часа и мы ни до чего не докопались. Тогда Легранъ выскочилъ изъ ямы, надѣлъ сюртукъ, приказалъ Юпитеру собрать инструменты и мы двинулись въ путь. Не прошли мы и двѣнадцати шаговъ, какъ Легранъ бросился на негра, схватилъ его за горло и хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Злодѣй, покажи, который у тебя лѣвый глазъ?

— Вотъ, вотъ, масса, вотъ лѣвый глазъ, отвѣтилъ негръ, указывая на правый глазъ.

— Ну, надо начинать снова.

Жукъ упалъ на новое мѣсто, и Легранъ, такъ-же, какъ въ первый разъ отмѣтилъ новый центръ на пятьдесятъ футовъ и мы снова принялись за работу. Часа черезъ полтора собака стала безпокойно визжать и лаять, прыгнула въ яму и начала рыть. Вскорѣ показались человѣческія кости. Тогда мы усилили энергію и отрыли два полныхъ скелета нѣсколько металлическихъ пуговицъ, и клочки сгнившей шерсти, и наконецъ, показалось нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ.^а

При видѣ денегъ Юпитеръ едва могъ удержать свой восторгъ, но лицо Леграна выражало полное разочарованіе. Тѣмъ не менѣе онъ просилъ насъ продолжать работу, и лишь только онъ проговорилъ это, какъ я зацѣпилъ носкомъ за какое-то кольцо и упалъ.

Никогда я не переживалъ подобнаго волненія... Мы открыли деревянный продолговатый сундукъ, въ три съ половиною фута длины, три фута ширины и два съ половиною въ глубину. Сундукъ былъ обитъ желѣзомъ. Мы съ нашей силой едва могли сдвинуть его съ мѣста. Къ счастью, крышка была заперта только задвижкой; дрожа и задыхаясь отъ ожиданія, мы открыли сундукъ и взорамъ нашимъ представился неоцѣнимый кладъ—золото, серебро, брилліанты и другіе драгоценные камни, по нашей оцѣнкѣ на полтора милліона долларовъ...

Прошло нѣсколько дней.

— Помните, говорить мнѣ разъ Легранъ,—тотъ вечеръ, когда я подаль вамъ рисунокъ золотого жука? Я нѣсколько озадачился вашимъ замѣчаніемъ, и когда вы подали мнѣ пергаментъ, я хотѣлъ измять и бросить его.

— То-есть бумажку, сказалъ я.

— Нѣтъ, не бумажку; сначала и я думалъ, что это бумажка, но когда сталъ рисовать, я увидѣлъ, что это очень тонкій пергаментъ, и очень грязный, если вы помните. Взглянувъ на пергаментъ, я увидѣлъ черепъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я припомнилъ, что въ ту минуту, какъ хотѣлъ нарисовать вамъ жука, на пергаментѣ не было ничего... Очевидно, тутъ было что-то и я задумалъ разгадать тайну.

— Прежде всего мнѣ надо было узнать, какимъ образомъ попалъ ко мнѣ пергаментъ. Я помню, что когда я взялъ жука, онъ меня ущипнулъ и я бросилъ его. Юпитеръ-же, съ свойственной ему осторожностью, началъ искать листикъ и мы въ одно время замѣтили пергаментъ, который я принялъ тогда за бумажку. Пергаментъ торчалъ изъ песка однимъ уголкомъ. Въ этомъ-же мѣстѣ виднѣлись слѣды очень давно выброшеннаго судна.

— Въ моихъ рукахъ явилось, такимъ образомъ, два звена логической цѣпи—судно, разбившееся на берегу, и недалеко отъ него—не бумага, а пергаментъ съ изображеніемъ черепа. Вы, можетъ быть, спросите, гдѣ-же тутъ связь? Я вамъ скажу, что черепъ, какъ мертвая голова, есть извѣстная эмблема пиратовъ. Во всѣхъ стычкахъ они поднимаютъ флагъ съ изображеніемъ мертвой головы.

— Но вы говорите, что на пергаментѣ не было черепа, когда вы рисовали жука, сказалъ я.

— Тутъ-то и вся тайна, хотя разгадка ея далась мнѣ безъ

труда... Я разсуждалъ такъ: когда я рисовалъ жука, на пергаментѣ не было и слѣда черепа. Слѣдовательно, нарисовали его не я и не вы, а кто-нибудь другой.

— Въ ту самую минуту, какъ я подалъ вамъ пергаментъ, вбѣжала моя собака и бросилась къ вамъ на шею. Вы ласкали ее лѣвой рукой, а правую, въ которой былъ пергаментъ, держали на колѣняхъ около огня. Мнѣ даже казалось, что бумажка вспыхнетъ, и я хотѣлъ предостеречь васъ, но вы скоро передвинули руку и стали разсматривать рисунокъ. Сообразивъ все это, я не сомнѣвался болѣе, что рисунокъ явился отъ жару.

— Я очень тщательно изслѣдовалъ пергаментъ и нашелъ, что края рисунка были гораздо виднѣе, чѣмъ его середина,—слѣдовательно, дѣйствіе жара было неравномѣрно. Я тотчасъ-же развелъ огонь и нагрѣлъ ровно каждую часть пергамента. Сначала жаръ вызвалъ болѣе ясное очертаніе черепа, но потомъ выступилъ рисунокъ, напоминающій козу. При болѣе точномъ изслѣдованіи я убѣдился, что это изображеніе козленка.

— Какое-же отношеніе къ пиратамъ имѣетъ коза?

— Вы, можетъ быть, слышали объ извѣстномъ капитанѣ Киддѣ? Кидъ (Kid) значитъ козленокъ...

— Вы знаете, сколько исторій рассказываютъ о Киддѣ и сокровищахъ, зарытыхъ имъ и его товарищами; вѣдь было-же какое-нибудь основаніе этимъ слухамъ! Извѣстно, что капитанъ Киддъ былъ страшно богатъ и что богатства его не были найдены. Надежда моя скоро стала увѣренностью. Я снова началъ нагрѣвать пергаментъ, но ничего не вышло. Сообразивъ, что слой грязи, насѣвшій на него, мѣшаетъ дѣйствию жара, я вымылъ пергаментъ горячей водой, потомъ взялъ жестяную кострюльку, поставилъ ее на жаровню и положилъ въ нее пергаментъ вверху рисункомъ. Черезъ нѣсколько минутъ кострюлька совершенно нагрѣлась; вынувъ пергаментъ, я увидѣлъ, что онъ испещренъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ знаками, похожими на ряды цифръ.

Тутъ Легранъ снова нагрѣлъ пергаментъ и показалъ его мнѣ. Между черепомъ и козленкомъ показались грубыя красныя цифры. 55 † + 305)6*;4826)4 † .) † 4 †);806*;48+8!60))85;1 † (: : † *8+83(88)5*†;46(;88*96*†;8)* † (:485);5*+2.* † (:495 6*2(5*—4)8!8*;4060285);6†8)4 † † ;1(† 9;48081;8:8 † 1

1;48+85;4)4S5+528806*91(± 9;58;(88;4(± ?34;49)4 ± ;16
1;:188: ± ?;

— Никакія сокровища, сказалъ я, — не заставили-бы меня разгадать эту загадку.

— А между тѣмъ, продолжалъ Легранъ, — разгадка не такъ трудна, какъ кажется съ перваго взгляда. Самое трудное — добраться, на какомъ языкѣ написано письмо. Но такъ-какъ подпись козленка (Кед) могла быть только по-англійски, то главная задача была для меня рѣшена.

— Замѣтьте, что между словами нѣтъ промежутковъ. Будь тутъ промежутки, задача была-бы гораздо легче. Теперь-же мнѣ надо было найти цифры, которыя встрѣчались всего чаще и всего рѣже. Я сосчиталъ всѣ и составилъ слѣдующую таблицу:

Знакъ	8	встрѣтился	33	раза
"	;	"	26	"
"	4	"	19	"
"	± и)	"	16	"
"	*	"	13	"
"	5	"	12	"
"	6	"	11	"
"	+ и 1	"	8	"
"	0	"	6	"
"	9 и 2	"	5	"
"	: и 3	"	4	"
"	?	"	3	"
"	!	"	2	"
"	— и .	"	7	"

— Въ англійскомъ языкѣ всего чаще встрѣчается буква *e*. Другія буквы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: *a, o, i, d, h, n, r, s, t, u, c, f, g, l, m, w, b, k, p, q, x, z*. *E* до такой степени преобладаетъ, что очень рѣдко можно встрѣтить фразу нѣсколько длинную, гдѣ-бы эта буква не встрѣчалась чаще другихъ.

— Такимъ образомъ, съ самаго начала у насъ есть основаніе, болѣе опредѣленное, чѣмъ простое предположеніе. Такъ-какъ преобладающій знакъ 8, то мы принимаемъ его за *e*. Чтобы провѣрить это, надо посмотрѣть, встрѣчается-ли цифра 8 двойной, такъ-какъ

двойное *e* очень часто по-английски, напримѣръ, въ словахъ: meet, fleet, speed, seen, been, agree, и т. д.

— Ясно, что цифра 8 значить *e*. Теперь дальше. Такъ-какъ членъ *the* есть самый употребительный, то нужно было узнать, не повторяются-ли три знака подъ-рядъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ чтобы третьимъ стояла цифра 8. Провѣривъ, мы находимъ въ 7 мѣстахъ три знака—48. Можно предположить, что ; значить *t*, 4 значить *h*, а 8 значить *e*.

— Мы опредѣлили только одно слово, но это слово даетъ намъ возможность отыскивать тѣ-же буквы въ другихъ словахъ. Напримѣръ, мы находимъ

t ee

мы пробуемъ ставить въ серединѣ *t*, получаемъ новую букву подъ знакомъ (и читаемъ:

the tree (дерево)

вслѣдъ за этимъ мы находимъ слѣдующее слово:

the tree thr... h the

само собою разумѣется, что слово съ пробѣломъ должно обозначать *through* (черезъ) и оно даетъ мнѣ три новыя буквы: *o*, *u* и *g*. Такъ, мало-по-малу, я добрался до всего документа, который и могу прочесть вамъ:

A good glass in the bishop's hotel in the devil's seat-forty-one degrees and thirteen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out.

(Хорошее стекло въ епископскомъ домѣ въ чортовомъ стулѣ сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ сѣверо-востокъ къ сѣверу главный стволъ седьмой сукъ восточной стороны спустите изъ лѣваго глаза мертвой головы прямую линію чрезъ пулю пятьдесятъ футовъ далѣе.)

— Несмотря на ваше объясненіе, я ничего не понимаю.

— Я тоже втеченіи нѣсколькихъ дней ничего не понималъ, возразилъ Легранъ.—Въ эти дни я много разспрашивалъ въ окрестностяхъ острова Сулливана о зданіи, называвшемся епископскимъ домомъ. Не находя ничего, я уже хотѣлъ начать другого рода розысканія, какъ вдругъ мнѣ пришла мысль, что слово епископъ можетъ быть смѣшано съ фамиліей, похожей по звуку на это

слово. Я отправился по плантаціямъ и сталъ разспрашивать самыхъ старыхъ негровъ. Наконецъ, одна старуха сообщила мнѣ, что знаетъ мѣсто, которое называется епископскимъ замкомъ, и можетъ проводить меня туда, но что это не зданіе и не харчевня, а просто большой утесъ.

— Замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ утесовъ и острыхъ скалъ; одинъ изъ утесовъ былъ замѣчательнъ по своей величинѣ. Я взобрался на него и недалеко отъ себя замѣтилъ углубленіе, совершенно похожее на сидѣнье со спинкой, въ родѣ старинныхъ стульевъ. Я не сомнѣвался, что это-то и былъ „чортовъ стулъ“.

— „Хорошее стекло“ должно было обозначать подзорную трубу, потому что наши матросы зовутъ телескопъ просто „стекломъ“. Я тотчасъ-же понялъ, что надо сѣсть въ „стулъ“ и направить телескопъ по обозначенному въ запискѣ градусу. Такъ я все и сдѣлалъ...

— Послѣ долгихъ и терпѣливыхъ поисковъ я нашелъ, наконецъ, въ зелени тюльпановаго дерева просвѣтъ и въ немъ разсмотрѣлъ черепъ.

— Вы поймете, что рукопись становилась для меня совершенно ясною...

— И для меня теперь все ясно, но къ чему эта торжественность съ жукомъ? Я считалъ васъ положительно сумасшедшимъ. Наконецъ, зачѣмъ вы хотѣли спустить изъ черепа вмѣсто пули непременно жука?..

— Сознаюсь: я былъ раздосадованъ вашими намеками на мое сумасшествіе и хотѣлъ наказать васъ мистификаціей, таинственными приемами.

— Понимаю... А что-же вы скажете о костяхъ, найденныхъ въ ямѣ?

— На этотъ вопросъ я могу отвѣтить не лучше васъ...

Н. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЭКОНЪ.

Его жизнь и историческое значеніе.

Бэконъ. Собраніе сочиненій. Со статьей Рю, профессора ренскаго университета, о жизни Бэкона и о значеніи баконовской философіи. Перевелъ П. А. Вибиковъ. Два тома. Спб. 1874 г.

I.

„Есть люди, которые подобны въ наукѣ ангеламъ парящимъ, своими же страстями — виѣямъ, просмыкающимся по землѣ“.

Бэконъ.

Въ имѣніяхъ аббатства Бюри былъ нѣкогда работникъ, служившій въ качествѣ пастуха овецъ. Это былъ дѣдъ знаменитаго впоследствии философа и государственнаго дѣятеля, Франциска Бэкона. Отецъ послѣдняго, Николай Бэконъ, вышелъ, что называется, въ люди, сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ политиковъ старой Англіи и болѣе двадцати лѣтъ былъ канцлеромъ. Онъ принадлежалъ, по выраженію Маколея, къ тѣмъ дѣятелямъ, которые „составляли первое поколѣніе государственныхъ людей по профессіи. До нихъ общественными дѣлами, за весьма немногими исключеніями, управляли въ Англіи военные и духовные. Буйная отвага воиновъ не была сдерживаема наукой и смягчаема гуманностью; ученость и дарованія англійскаго духовенства обыкновенно были крайне односторонни и вели къ лицемерію. Но увеличеніе богатства, успѣхи наукъ и религіозная

реформа произвели великую перемену. Явились новые замѣчательные государственные люди. Они не были членами аристократіи. Всѣ они были членами одного университета (кэмбриджскаго). Всѣ они были протестанты, но въ религиозныхъ вопросахъ вели себя скромно: во все время царствованія Маріи ни одинъ изъ нихъ не рисковалъ своей личностью; ни одинъ изъ нихъ не принималъ участія въ несчастномъ заговорѣ Нортумберланда, ни въ отчаянныхъ сборищахъ Уайта. Они показывали видъ, что заняты дѣлами на континентѣ, а если оставались въ Англіи, то благоприсойно слушали литургію и соблюдали посты. Но когда эти смутныя и опасныя времена миновались и корона перешла на другую голову, они стали руководителями церковной реформы. Ихъ дѣятельность отличалась спокойной рѣшимостью дипломата, а не жаромъ тогдашнихъ теологовъ... Они имѣли въ виду состояніе Англіи и континента и, удостовѣрившись въ характерѣ общественнаго мнѣнія, заняли свои мѣста во главѣ европейскихъ протестантовъ. Нельзя отрицать, что имъ принадлежать такія дѣла, которыя навлекли-бы на государственнаго человѣка нашего времени множество серьезныхъ упрековъ. Но если примемъ въ соображеніе состояніе нравственности того времени, то должны будемъ сознаться, что имена ихъ недаромъ прославляются до сихъ поръ соотечественниками... Они заботливо клали фундаментъ своей власти и не думали возводить великолѣпныхъ, но непрочныхъ стѣнъ. Ни одинъ изъ нихъ не мечталъ о преобладаніи, не возбуждалъ въ другихъ зависти ни богатствомъ, ни вліяніемъ, не старался превзойти древнюю аристократію государства. Они были чужды привязанности къ титуламъ, которая характеризуетъ ловкихъ придворныхъ сановниковъ предыдущихъ и послѣдующихъ царствованій. Къ этому нужно присоединить ихъ безкорыстіе, которое и въ наше время могло-бы сдѣлать честь государственному дѣятелю. Никто не могъ-бы превзойти ихъ въ вѣрности къ государству даже въ частной жизни они были скромны и безукоризненны“.

Таковъ былъ и Николай Бэконъ, этотъ способный человѣкъ *средины*, взявшій своимъ девизомъ слова „*mediocritas firma*“. Обладая большими практическими способностями, замѣчательнымъ разсудкомъ и знаніемъ людей, онъ былъ чуждъ какого-бы то ни было энтузіазма, какихъ-бы то ни было увлеченій, какъ въ

хорошую, такъ и въ худую сторону. Вторая жена его, Анна, дочь замѣчательнаго ученаго Бука, получила блестящее классическое воспитаніе, славилась своей огромной эрудиціей, писала хорошіе латинскіе гекзаметры и пентаметры, переписывалась съ учеными теологами, издавала богословскіе трактаты. Дѣятельная и трудолюбивая, она неутомимо работала то въ своемъ ученомъ кабинетѣ, то въ своей домашней хозяйственной сферѣ. 22 января 1561 г. она родила Франциска, который наследовалъ характеръ отца и ученыя наклонности матери. Слабый, нѣжный ребенокъ, Францискъ мало шалилъ и рѣзвился, былъ тихимъ, задумчивымъ, серьезнымъ мальчикомъ, склоннымъ въ усидчивымъ занятіямъ и отличавшимся присутствіемъ духа. Королева Елисавета называла его своимъ маленькимъ лордомъ-хранителемъ. Онъ оставлялъ игры товарищей, чтобы разузнать причины эха ихъ голосовъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ разсуждалъ о томъ, какъ можетъ фокусникъ узнать задуманную карту; сначала онъ приписывалъ это сдѣлкѣ фокусника съ прислугою, пока, наконецъ, не открылъ, въ чемъ состоитъ фокусъ. Съ ранняго дѣтства, такимъ образомъ, его умъ развивался преимущественно надъ чувствомъ. Неучаствуя въ играхъ товарищей, удаляясь отъ нихъ для размышленій и занятій, ласкаемый взрослыми за свою степенность, Францискъ не развилъ въ себѣ тѣхъ душевныхъ способностей, которыя могли-бы сформировать въ немъ характеръ, равный по достоинству его умственнымъ дарованіямъ. Ни общественная обстановка его дѣтства, ни разсудочный, практическій отецъ, ни погруженная въ многоученныя занятія мать,—ничто не могло возбуждать въ немъ тѣхъ естественныхъ чувствованій, которыя, будучи присущи каждому человѣку, при благоприятныхъ условіяхъ развитія становятся возвышенными нравственными свойствами характера, безъ которыхъ правила морали остаются недѣйствительными. На тринадцатомъ году Вэконъ поступилъ въ троицеую коллегію камбриджскаго университета. Университетская наука находилась въ это время въ самомъ жалкомъ состояніи. Она не развивала, а только опутывала умъ сѣтями схоластики и доходила до идолопоклонства передъ искаженнымъ ею Аристотелемъ. Философія послѣднаго была возведена въ догматъ. Когда Рамусъ ходатайствовалъ у Безы о дозволеніи учить въ Женевѣ, то получилъ отвѣтъ, что „женевцы опредѣлили разъ навсегда не отступать ни

въ логикѣ, ни въ какой другой отрасли знанія отъ мнѣній Аристотеля“. Олинъ ученый, открывъ пятна на солнцѣ, сообщилъ объ этомъ нѣкоему начитанному католическому попу. „Сынъ мой, отвѣчалъ ему служитель церкви,—я читалъ Аристотеля много разъ и увѣряю тебя, что у него нѣтъ ничего подобнаго. Ступай съ миромъ и бѣрь, что пятна, которыя ты видишь, существуютъ только въ твоёмъ воображеніи, а не на солнцѣ“. Въ 1624 году парижскій парламентъ издалъ декретъ, которымъ изгонялись всѣ, публично поддерживавшіе тезисы противъ Аристотеля, а черезъ четыре года, по настоянію Сорбонны, постановилъ, что противорѣчить принципамъ Аристотеля—значить идти противъ догматовъ апостолической церкви. Свободный, пытливый умъ Бэкона не могъ подчиниться такой убійственной дисциплинѣ, которая, вмѣстѣ съ деспотизмомъ ректора коллегіи, ничтожнаго Уитгафта, глубоко возмущала его. Бэконъ оставилъ Кэмбриджъ съ презрѣніемъ къ этому идолопоклонству и даже съ неуваженіемъ къ самому Аристотелю. На шестнадцатомъ году, подъ надзоромъ англійскаго посланника Поллета, одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени, Бэконъ отправился во Францію. Здѣсь онъ пробылъ около трехъ лѣтъ, посвятивъ все это время научнымъ занятіямъ, преимущественно статистикой, дипломатикой и искусствомъ шифрованнаго письма. Здѣсь-же онъ написалъ свое первое сочиненіе „О положеніи Европы“ и изобрѣлъ чрезвычайно искусные шифры, помѣщенные имъ впоследствии въ одной изъ его книгъ. Въ 1580 г., получивъ извѣстіе о смерти отца, онъ долженъ былъ вернуться въ Лондонъ и позаботиться объ устройствѣ своего положенія. Онъ желалъ, обезпечивъ себя въ матеріальномъ отношеніи, заняться исключительно литературой и политикой и надѣялся, что ему поможетъ въ этомъ дѣлѣ дядя его, лордъ Бурлей. Но Бурлей старался вывести въ люди своего собственнаго сына и поэтому не только не помогалъ Бэкону, но даже вредилъ ему, какъ слишкомъ опасному сопернику сына. Нѣсколько лѣтъ хлопоталъ Бэконъ, чтобы преклонить на милость сердце своего вельможнаго родственника; онъ писалъ къ нему самыя жалобныя и даже унижительныя письма, раболѣпствовалъ, льстилъ, получалъ оскорбительные отказы, признавалъ себя виноватымъ и просилъ прощенія,—но ничто не помогало. Бэконъ занялся адвокатурой. Онъ превосходно изучилъ законы и обна-

ружилъ замѣчательный ораторскій талантъ. „Его рѣчи, — говоритъ Бенъ-Джонсонъ, — были полны содержанія. Вездѣ, гдѣ онъ могъ избѣгнуть насмѣшки, его языкъ отличался благородствомъ, даже въ порицаніи. Никто не говорилъ такъ чисто, такъ убѣдительно, какъ онъ; въ его рѣчахъ не было ни общихъ мѣстъ, ни пустословія; каждая часть дышала своей особой прелестью. Онъ господствовалъ тамъ, гдѣ говорилъ; онъ вполне овладѣвалъ чувствами своихъ слушателей; судьи были довольны или недовольны, смотря по его желанію. Они боялись кашлять, смотрѣть въ сторону“. Но адвокатская карьера все-таки не давалась Бэкону. Королева Елисавета, предубѣжденная, вѣроятно, Бурлеемъ, выразилась о немъ: „Бэконъ человѣкъ великаго ума и учености, но въ юриспруденціи его знанія не глубоки“. Бэконъ, впрочемъ, не очень-то увлекался юриспруденціей, а занимался преимущественно изслѣдованіями въ области естественной философіи, политики, исторіи и литературы. Вооруженный обширными энциклопедическими знаніями, онъ, будучи двадцати пяти лѣтъ отъ роду, уже дошелъ до идеи, которую развилъ впоследствии подробно и тѣмъ совершилъ громадный переворотъ въ исторіи умственнаго развитія Англіи и всей Европы. Съ увлеченіемъ самаго страстнаго энтузіазма онъ составилъ и издалъ недошедшій до насъ очеркъ: „Величайшее произведеніе современной эпохи“. „Сумасшедшій не смогъ-бы, а мудрецъ не рѣшился-бы написать подобное сочиненіе“, выразился по поводу этой книги одинъ ученый джентльменъ. Бэконъ въ это время, говоритъ его биографъ, являлся „человѣкомъ не только вполне поглощеннымъ своимъ предметомъ, но какъ-бы опыянѣвшимъ отъ него“. Произвести радикальный переворотъ въ наукѣ сдѣлалось цѣлью его жизни, самымъ страстнымъ его желаніемъ. Но это была не единственная страсть его глубоко-сосредоточенной натуры. Заботясь о своемъ матеріальномъ обезпеченіи, Бэконъ имѣлъ въ виду не одно только то, чтобы получить средства для научныхъ занятій, ненарушаемыхъ работой изъ-за куска хлѣба. Нѣтъ, его прельщали богатство, роскошь, онъ жаждалъ титуловъ, важныхъ должностей, милостей двора и государственной роли. Въ научной области онъ былъ героемъ, отважнымъ бойцомъ, безстрашнымъ новаторомъ, гордымъ, непреклоннымъ, энергическимъ. Но какъ-будто истощая въ этой сферѣ всѣ силы своей страсти и характера, пе-

реходя на почву практической жизни, онъ дѣлался суетнымъ искателемъ фортуны, робкимъ, льстивымъ, готовымъ подвергаться всякимъ униженіямъ. За напыщенное похвальное слово Елисаветъ онъ былъ, наконецъ, назначенъ короннымъ адвокатомъ, но безъ жалованья, и поэтому продолжалъ вымаливать милости у своихъ родственниковъ, терпѣливо снося ихъ насмѣшки и оскорбленія. На одну изъ его просьбъ старый Бурлей отвѣчалъ ему язвительнымъ наставленіемъ о тщеславіи. Бэконъ не только не оскорбился, но даже благодарилъ лорда за увѣщаніе и общался исправиться. Прошло нѣсколько времени и онъ снова писалъ дядѣ: „милордъ, я становлюсь уже не молодымъ челоувѣкомъ; въ тридцать одинъ годъ много уже воды утекло. Моимъ всегдашнимъ желаніемъ было получить какое-нибудь скромное мѣсто у ея величества, но не потому, чтобы меня мучила жажда власти и почестей; вся жизнь моя протекаетъ подъ вліяніемъ созерцательной планеты; мое честолюбіе, главнымъ образомъ, состоитъ въ освобожденіи науки отъ двоякаго рода разбойниковъ, опустошающихъ ея область, а именно—отъ пустыхъ преній, отъ грубыхъ и нелѣпныхъ доводовъ, ошибочныхъ наблюденій и традиционныхъ предразсудковъ, и въ замѣщеніи этого печальнаго хлама точными наблюденіями, строго доказанными истинами и плодотворными открытіями... Я желаю, поэтому, мѣста, которое-бы доставило мнѣ досугъ для осуществленія моего честолюбія и дало-бы мнѣ возможность быть хоть простымъ піонеромъ при отысканіи истины, столь глубокой и столь плодотворной“. Бурлей очень хорошо зналъ, что его родственникъ стремится не къ одной ученой славѣ, но, наконецъ, смиловался и далъ ему мѣсто регистратора звѣздной палаты съ доходомъ въ 1,600 ф. ст. Но милость оказалась въ родѣ насмѣшки: Бэконъ могъ воспользоваться этимъ жалованьемъ не раньше, какъ черезъ двадцать лѣтъ!.. Около этого-же времени Бэконъ былъ избранъ въ палату общинъ представителемъ Мидльсекса. Когда въ палатѣ начались пренія по поводу требованія правительствомъ большой денежной суммы, Бэконъ увлекся и произнесъ вполнѣ искреннюю рѣчь. „Для того, чтобы удовлетворить этому требованію, говорилъ онъ,—дворяне должны продать свою серебряную посуду, а фермеры—мѣдные горшки. Что же до насъ касается, то мы собраны здѣсь не затѣмъ, чтобы скрывать язвы общества, но чтобы обнаруживать ихъ. Притомъ

должно обратить вниманіе на два важныя обстоятельства. Во-первыхъ, этой мѣрой мы возбудимъ общественное неудовольствіе и уменьшимъ безопасность ея величества, которая основывается на любви народа, а не на его богатствѣ. Во-вторыхъ, это будетъ дурнымъ примѣромъ въ настоящемъ и въ будущемъ, между тѣмъ какъ исторія говоритъ, что англійская нація не можетъ быть порабощена, унижена и обложена незаконными налогами*. Рѣчь произвела сильное впечатлѣніе, и Бэконъ, испугавшись до послѣдней крайности за свою карьеру, готовъ былъ ползать у ногъ министровъ, чтобы вымолить прощеніе. Онъ унижался до самоуби- тоженія и писалъ приторно-плаксивыя письма, чтобы только за- гладить свою вину. Это былъ единственный случай, когда онъ дозволилъ своему общественному чувству высказаться съ полной искренностью, но таково было его эгоистическое малодушіе, что и этотъ единственный подвигъ послужилъ только къ большому без- славію его вѣка въ нравственномъ отношеніи.

Не добившись въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ никакихъ суще- ственныхъ милостей отъ своего дяди, Бэконъ рѣшился бросить его и искать другихъ покровителей. Въ это время быстро воз- вышался новый любимецъ королевы, графъ Эссексъ, молодой, умный, краснорѣчивый, рыцарски благородный. Онъ искренно по- любилъ Бэкона, не какъ меценатъ, но какъ другъ. Бэконъ тоже, повидимому, привязался къ нему и поднесъ графу только-что изобрѣтенный имъ термометръ. Когда открылось мѣсто генераль- атторнея, Эссексъ хотѣлъ отдать его Бэкону. Но Бурлей прочилъ на него своего сына, Роберта Сесиля. Послѣдній въ бесѣдѣ съ Эссексомъ вооружился противъ назначенія Бэкона. Графъ, пла- менно преданный своему другу, вышелъ изъ себя. „Все это вздоръ, сэръ Робертъ, отвѣчалъ онъ Сесилю; — Бэконъ получить мѣсто генераль-атторнея; объявляю вамъ, что я употреблю всѣ силы, всю власть, весь авторитетъ и буду стоять за него противъ всѣхъ. Всякій, кто вырветъ это мѣсто изъ моихъ рукъ, дорого запла- тится за то, — въ этомъ можете быть увѣрены, сэръ Робертъ. Что-же касается меня, то я не могу надивиться лорду-хранителю и вамъ, что вы предпочитаете чужихъ такому близкому родствен- нику, между тѣмъ какъ его способности превзойдутъ способности всѣхъ его соперниковъ, взятыхъ вмѣстѣ“. Но Эссексу не удалось дать своему другу важную должность, до которой онъ могъ воз-

выситься только путемъ самыхъ возмутительныхъ низостей. Эссексъ далъ ему имѣніе, принесившее 1,000 ф. ст. въ годъ. Около этого времени Бэконъ издалъ свои „Опыты“; книга разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ и, будучи переведена на языки латинскій, французскій и итальянскій, упрочила за авторомъ европейскую славу. Но авторъ страдалъ. Будучи однимъ изъ тѣхъ людей, которые, по его собственному выраженію, „въ наукѣ подобны ангеламъ парящимъ, своими-же страстями—змѣямъ, пресмыкающимся по землѣ“, Бэконъ не удовлетворялся страстнымъ стремленіемъ къ перевороту въ области знанія и убѣжденіемъ, что онъ, дѣйствительно, совершаетъ этотъ громадный подвигъ; ему нужны были еще деньги, и много денегъ, нужны были титулы, власть, вѣнчанный блескъ и государственная роль. Эссексъ обезпечилъ его, но Бэконъ не переставалъ жаловаться на бѣдность. „Сознаюсь вашему превосходительству, писалъ онъ хранителю большой печати, — что имѣніе мое ничтожно и обременено долгами, — вотъ причина, заставляющая меня обратиться къ посторонней помощи. Отецъ мой, хотя я имѣю основаніе думать, что онъ любилъ меня болѣе другихъ своихъ дѣтей, счелъ, однако, нужнымъ поступить со мной, какъ съ чужимъ. Самъ я хлопоталъ болѣе о томъ, чтобы быть честнымъ, чѣмъ богатымъ человѣкомъ, и у меня достаточно благоразумія, чтобы раскаяваться въ этомъ. Но бѣдность, которая, какъ говоритъ Соломонъ, подходитъ къ намъ сначала, какъ мирный путешественникъ, вскорѣ, какъ вооруженный воинъ, хватаетъ и одолеваетъ насъ. Не могу скрыть, она подошла ко мнѣ въ первомъ видѣ, и я уже чувствую, что она назойливо преслѣдуетъ меня. Она, впрочемъ, не стоитъ и, надѣюсь, никогда не будетъ стоять предо мной въ видѣ вооруженнаго воина, которому нечѣмъ ей противиться; ибо Провидѣніе, на которое я возлагаю мои упованія, все-таки открыло мнѣ три пути для избѣжанія бѣдности: во-первыхъ, мои занятія, во-вторыхъ, право на повышение, основанное на моихъ заслугахъ предъ королевой, и, наконецъ, надежда на обѣщанное мнѣ мѣсто, которое, по-истинѣ, точно нива сосѣда, очаровываетъ своимъ видомъ, но не наполняетъ моей житницы“. Эта „житница сосѣда“ очень прельщала Бэкона, прельщала тѣмъ болѣе, что, благодаря мотовству, онъ окончательно разстроилъ свои дѣла, вошелъ въ неоплатные долги, запутался, наконецъ, до того, что по иску какого-то золотыхъ дѣлъ мастера былъ аре-

ставанъ на улицѣ и отведенъ въ долговую тюрьму. Эссексъ заплатилъ за него и освободилъ его изъ заточенія.хлопоты о житницѣ пошли своимъ чередомъ. Потерпѣвъ столько неудачъ на служебномъ поприщѣ, Бэконъ задумалъ разбогатѣть инымъ способомъ. „Житница“ на этотъ разъ представилась ему въ образѣ злой и сварливой, но страшно богатой вдовы, лэди Геттонъ. Эссексъ съ своей обычной горячностью взялся устроить это дѣло. „Если-бы она, писалъ онъ къ матери лэди Геттонъ,—была моя дочь или сестра, я-бы всѣми силами содѣйствовалъ этому союзу... Я-бы выдалъ ее скорѣе за Бэкона, чѣмъ за какого-нибудь знатнаго богача“. Но сватовство не удалось. Лэди отказала Бэкону и вышла за одного его личного врага. Скоро обстоятельства приняли такой оборотъ, благодаря которому Бэконъ долженъ былъ сдѣлать свою карьеру посредствомъ самой возмутительной низости. Счастье Эссекса начало измѣняться ему. Многочисленные враги его не дремали и ловко подготовили его паденіе. Эссексъ попалъ въ немилость у королевы, и какъ человѣкъ, и какъ государственный дѣятель. Бэконъ пытался было примирить Елисавету съ своимъ другомъ, но скоро увидѣлъ, что его хлопоты напрасны, что, защищая Эссекса, онъ можетъ повредить своей собственной карьерѣ. Эссексъ бросился въ безумный заговоръ. Бэконъ тогда струсилъ обончательно; онъ сталъ противъ друга, соединился съ его врагами и пустилъ въ ходъ всѣ силы своего ума, чтобы погубить, очернить, обезславить Эссекса. Графъ былъ приговоренъ къ смерти, но Бэконъ поусердствовалъ такъ, что, не довольствуясь этимъ судебнымъ приговоромъ, постарался звести на Эссекса такія обвиненія, которыя окончательно вооружили противъ него королеву и устранили всякую возможность помилованія. Мало этого. Когда Эссексъ былъ казненъ, Бэконъ получилъ предложеніе очернить его память и написалъ „Обличеніе графа Роберта Эссекса въ измѣнѣ“. Дѣйствительное объясненіе его поведенія слишкомъ очевидно, говоритъ Маколей.—Бэконъ не обладалъ высокими нравственными достоинствами. Мы не можемъ сказать, чтобы онъ былъ злымъ человѣкомъ, безчувственнымъ тираномъ. Съ мягкостью характера онъ соединялъ нѣкоторыя гражданскія добродѣтели, поддерживаемыя въ немъ величіемъ ума. Его трудно было вызвать на наглый или малодушный поступокъ; никто искуснѣе его не могъ обезоружить противника однимъ смиреннымъ отвѣтомъ; никогда

не обвиняли его въ увлеченіи страсти. Его недостатки состояли — трудно сказать — въ низости души и холодности сердца. Онъ во все былъ неспособенъ сильно любить, смѣло стоять предъ лицомъ опасности, приносить жертвы. Его желанія всегда устремлялись къ предметамъ матеріальнымъ. Деньги, титулы, почести, знаки власти, обширные дома, прекрасные сады, богатая помыстья, массивныя серебряныя блюда, кабинеты рѣдкостей имѣли для него болѣе привлекательности, чѣмъ для кого-либо изъ придворныхъ, которые при появленіи Елисаветы падали среди грязи на колѣни, а потомъ бѣжали домой и доносили королю шотландскому, что Елисавета, кажется, уже близка къ смерти. Для благъ земныхъ онъ былъ готовъ навлечь на себя и перенести всякую обиду; онъ искалъ ихъ самымъ униженнымъ образомъ, и когда его грубо отталкивали, онъ благодарилъ — и снова принимался искать. И всегда у него была одна цѣль; для этой цѣли онъ соединился съ Эссексомъ и потомъ отрекся отъ него. Онъ защищалъ его до тѣхъ поръ, пока защита могла быть для него полезна; онъ даже пошелъ далѣе — онъ защищалъ своего друга до тѣхъ поръ, пока защита была для него безвредна. Но увидѣвъ, что Эссексу грозитъ неминуемая гибель, онъ сталъ дрожать за себя. Но то, чего боялся Бэконъ, не могло-бы поколебать человѣка съ болѣе возвышенной душой. Онъ не могъ ожидать ни смерти, ни тюремнаго заключенія; онъ могъ только сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ на поприщѣ службы и почестей и найти досугъ для окончанія начатаго сочиненія: „*Instauratio Magna*.“

Исторія съ Эссексомъ окончательно подорвала репутацію Бэкона, какъ честнаго человѣка. Современники открыто укоряли его въ подлости; но эти справедливые укоры не оскорбляли его; его повергали въ печаль не эти укоры, а новыя неудачи. Королева не награждала его за его ревностное содѣйствіе гибели Эссекса. Елисавета умерла. На престолъ вступилъ Яковъ, который былъ всегда расположенъ къ Эссексу и теперь сталъ оказывать милости вѣмъ сторонникамъ послѣдняго. Въ обществѣ имя Эссекса было тоже чрезвычайно популярно и смерть его возбуждала чувства глубочайшаго сожалѣнія. Какъ только умерла Елисавета, эти симпатіи высказались вполнѣ и обратились главнымъ образомъ на личность лорда Соутгамптона, который вмѣстѣ съ Эссексомъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ

и заключенъ въ тюрьму, гдѣ онъ и узналъ о смерти королевы. Жители Лондона толпами стекались къ нему, чтобы засвидѣтельствовать свое уваженіе и поздравить съ свободой. Общественное мнѣніе было рѣшительно противъ Бэкона: онъ рѣшился оправдать себя, началъ писать къ Соутгемпτονу самыя унизительныя письма, выставляя свои дѣйствія въ возможно благопріятномъ свѣтѣ, клялся въ безграничной преданности и т. д. Около этого-же времени онъ напечаталъ въ свою защиту письма къ графу Девопскому, но публика справедливо приняла ихъ только какъ малодушную уловку. Что-же касается Якова, то Бэконъ скоро заслужилъ его милость. Какъ ученый и писатель, Яковъ уважалъ геній Бэкона; какъ король, онъ былъ вполне подъ обаяніемъ бэконовской лести. А лести эта была вкрадчива, искусна и безгранична. И на словахъ, и на бумагѣ, и въ глаза, и за глаза Бэконъ называлъ короля великимъ геніемъ, мудрѣйшимъ государемъ, первостепеннымъ ученымъ. Онъ усердствовалъ до того, что прославлялъ даже его плодовитость. „Королева Елисавета, писалъ онъ,— по причинѣ безбрачія, въ которомъ она провела свою жизнь, была скорѣе чуждой этому міру, чѣмъ его жительницей; она прославила, правда, свой вѣкъ и во многихъ отношеніяхъ оказала услуги своимъ современникамъ. Вашему-же величеству, котораго наградило божественное милосердіе столь многочисленнымъ потомствомъ, безспорно достойнымъ продлиться на вѣчныя времена, которому возрастъ полный силы и плодовитое ложе обѣщаютъ новыхъ потомковъ, вашему величеству,—говорю я, приличествуетъ, по всевозможнымъ соображеніямъ, не только блистать надъ своимъ вѣкомъ, но и простирать свою заботливость на предметы, которые навсегда остались-бы въ памяти людей, и сосредоточить на себѣ вниманіе самой вѣчности“. Не менѣе усердно ухаживалъ Бэконъ за временщикомъ Бокингемомъ, которому онъ былъ очень полезенъ своими совѣтами. Милостиво принятый при дворѣ, Бэконъ пожелалъ присоединить къ своей фамиліи *сэрз*, такъ-какъ въ это время онъ нашелъ „хорошенькую дѣвушку, дочь альдермена, которая приходилась ему по сердцу“. Онъ обратилъ къ Роберту Сесилю съ покорнѣйшей просьбой „принять милостивое участіе въ его интересахъ, если это не будетъ противно высокородному лорду“. Просьба была уважена, Бэконъ сдѣлался *сэрмомъ Бэкономъ* и женился. Въ 1604 г. его сдѣлали

королевскимъ совѣтникомъ, въ 1607 году генераль-солиситеромъ, въ 1612 г. генераль-атторнеемъ, въ 1617 г. хранителемъ большой печати.

Служебныя дѣла и придворная жизнь отнимали очень много времени у Бэкона, но онъ все-таки находилъ возможность энергически продолжать свои научныя занятія. Въ этой сферѣ онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, чѣмъ въ практической жизни. „Въ своемъ кабинетѣ, говоритъ его краснорѣчивый биографъ, — всѣ силы духа онъ подчинялъ благороднѣйшимъ побужденіямъ, челоуѣколюбію и истинному уваженію къ правдѣ. Тутъ никакое искушеніе не могло совратить его съ прямого пути. Фома Аквинать не могъ подкупить его, Джемсъ Скотъ не могъ подарить ему перства“. Здѣсь онъ былъ гордымъ безъ всякой надменности и, читая его сочиненія, чувствуешь, что когда онъ занимался своими научными трудами, то его душа, дѣйствительно, была исполнена „стремленій и ревности къ счастью рода челоуѣческаго“ (Соч., т. I, стр. 57). Проектъ преобразованія наукъ все болѣе и болѣе становился предметомъ его размышленій и трудовъ, результатомъ которыхъ были многія сочиненія, отрывочно воспроизводившія идеи, изложенныя впоследствии съ такой силой и оригинальностью въ книгѣ „Великое возрожденіе наукъ“. Въ 1605 г. Бэконъ издалъ двѣ книги „О прогрессѣ наукъ“, обратившія послѣ передѣлки въ 1623 г. въ трактатъ „О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ“. Затѣмъ вышли „Нить изъ лабиринта“, бывшая какъ-бы пробнымъ опытомъ его главнаго сочиненія, „Мысли и взгляды на толкованіе природы“; въ 1610 г. „О мудрости древнихъ“, „Описаніе интеллектуальнаго міра“. „Система неба“, „О принципахъ и началахъ“ и др. Репутація Бэкона стояла высоко; даже люди, несогласные съ его взглядами, признавали въ немъ великій умъ; онъ становился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Великобританіи и чувствовалъ, что уже не далеко тотъ часъ, когда ему удастся выполнить главную задачу своей жизни. Но сознавая свое превосходство въ научной сферѣ, Бэконъ не могъ не видѣть, что въ практической жизни онъ — нравственное ничтожество, что, увлекаясь пошлыми интересами этой жизни, онъ сильно вредитъ успѣхамъ своей возвышенной миссіи. При послыскѣ своей книги „О преуспѣяніи наукъ“ Фомѣ Бодлею онъ рисуетъ состояніе своей души, находившейся въ по-

стоянной борьбѣ съ двойственной судьбой, роковымъ образомъ тяготѣвшей надъ нимъ; онъ чувствовалъ цѣпи, но не имѣлъ мужества разорвать ихъ. „Никто болѣе меня, говоритъ онъ, — не имѣеть, какъ я думаю, права воскликнуть вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *душа моя была невѣдома мнѣ*. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ я знаю себя, душа моя не принимала никакого участія въ моихъ должностныхъ занятіяхъ, что было причиной многихъ сдѣланныхъ мною ошибокъ, въ чемъ я охотно сознаюсь; но главнѣйшее мое заблужденіе состоитъ въ томъ, что, чувствуя себя болѣе способнымъ къ сочиненію книгъ, чѣмъ къ практической дѣятельности, я тѣмъ не менѣе посвятилъ всю свою жизнь гражданскимъ тяжбамъ, для которыхъ я вовсе негоденъ и къ которымъ направленіе моихъ мыслей дѣлаетъ меня еще болѣе неспособнымъ“. Какъ ни холодно было сердцу Бэкона, но все-таки онъ не могъ не чувствовать нѣкоторой горечи отъ того, что унижался въ жизни до самыхъ недостойныхъ поступковъ. Его раболѣпство, его занскиванія, его лицебѣрная и гнусная роль въ дѣлѣ Эссекса показывали ему, что обстоятельства въ состояніи довести его до крайняго униженія. И они доводили его до низости не одинъ разъ. Въ періодъ его жизни, о которомъ мы говоримъ, одинъ престарѣлый священникъ, Пичамъ, былъ подвергнутъ преслѣдованію за нѣкоторыя еретическія мѣста въ его проповѣди, рукопись которой была найдена въ его кабинетѣ. Было доказано, что онъ не произносилъ этой проповѣди, и ничто не доказывало даже, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе произнести ее. Самые придирчивые юристы соглашались, что Пичама не за что преслѣдовать. Поручили дѣло Бэкону, какъ коронному адвокату. Онъ началъ, вопреки укоренившемуся обычаю, тайно подговаривать судей противъ Пичама. Трое судей скоро согласились съ нимъ, но упрямый Кокъ былъ за подсудимаго и даже заявлялъ, что такіе секретные переговоры обвинителя съ судьями преступны, „имѣютъ вредныя цѣли, совершенно новы и несогласны съ принципами правленія“. Но ловкій Бэконъ зналъ, чѣмъ подѣйствовать на Кока. „Я не теряю надежды, писалъ онъ, — что милордъ Кокъ не захочетъ остаться одинъ послѣ того, какъ я потихоньку напомнилъ ему, что его можетъ ожидать“. Милордъ Кокъ, наконецъ, согласился съ своими товарищами. Оставалось добыть факты для осужденія, которыхъ не было, и вынудить у Пичама сознаніе. Пытка въ

это время уже вышла изъ употребленія; ее отвергали юристы, ее запрещалъ формальный законъ, ею гнушалось общество. Но Бэконъ не задумался попытать несчастнаго Пичама; палачъ истязалъ его, а великій философъ допрашивалъ, но не могъ добиться никакого признанія и жаловался, что въ Пичама вселился злой духъ нѣмоты. Судъ присудилъ старика къ смерти; но приговоръ былъ такъ неправиленъ, что его не рѣшились выполнить, а бросили Пичама въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Для чего-же такъ усердствовалъ сэръ Францискъ Бэконъ? Для той-же цѣли, ради которой онъ содѣйствовалъ гибели Эссекса и казни знаменитаго Вальтера Ралея, т. е. изъ самаго гнуснаго холопства. Въ началѣ 1617 г. Яковъ отправился въ Шотландію и оставилъ Бэкона правителемъ государства съ титуломъ лорда-протектора королевства. У Бэкона до того закружилась голова отъ этого кратковременнаго величія, что онъ чуть-было окончательно не погубилъ своей карьеры. Будучи калифомъ на часъ, онъ прожилъ этотъ часъ съ величайшею, чисто-царскою пышностью и великолѣпіемъ, и тѣмъ далъ сильное оружіе въ руки своихъ враговъ. Кромѣ того, онъ неосмотрительно поступилъ въ одномъ дѣлѣ, касавшемся Бокингама, который въ это время путешествовалъ съ королемъ по Шотландіи. Братъ Бокингама, Вильерсъ, искалъ богатой невѣсты и обратилъ свое вниманіе на дочь Кока, личнаго врага Бэкона, бывшаго въ неимности у правительства. Кокъ настаивалъ на этомъ бракѣ, жена же его была противъ; они поссорились, и Бэконъ вздумалъ вмѣшаться въ эту семейную исторію. Онъ объявилъ себя за леди Кокъ, приказалъ предать Кока суду за его прежніе поступки и написалъ королю и Бокингаму письмо, въ которомъ высказался противъ предполагаемаго брака. Бокингамъ былъ взбѣшенъ его вмѣшательствомъ и вооружилъ противъ Бэкона короля. Бэконъ струсилъ, остановилъ процессъ Кока и явился къ Бокингаму съ повинной головой. Два дня сряду являлся онъ въ домѣ королевскаго любимца, ожидая приема въ его передней, на деревянномъ ларѣ, между лакеями и курьерами; когда Бокингамъ принялъ его, онъ бросился на колѣни, началъ цѣловать ноги его и объявилъ, что не встанетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ прощень. Его простили и фаворитъ, и король. Вскорѣ наступила минута Бэконова торжества. Въ мартѣ 1617 г. король сдѣлалъ его лордомъ великимъ канцлеромъ. 7 мая, Бэконъ, торжественно сопро-

воздаемый толпою министровъ и пэровъ, вошелъ въ Вестминстеръ для принятія должности. Онъ былъ въ восторгѣ. Но успѣхъ карьеры не затмѣвалъ его научныхъ стремленій и въ самый моментъ торжества, въ своей рѣчи, по случаю вступленія въ должность, Бэконъ говорилъ: „во время трехъ длинныхъ вакацій я-бы хотѣлъ предоставить себѣ нѣкоторую свободу отъ служебныхъ обязанностей и посвятить ее наукѣ и искусству, къ которымъ я чувствую природную склонность“. Въ 1618 г. онъ былъ провозглашенъ барономъ Верулампъ, а вскорѣ послѣ этого графомъ Сентъ-Альбанъ. За эти милости онъ не остался въ долгу и въ 1620 г. поднесъ королю свои два главныя сочиненія, „Новый Органъ“ и „Великое возстановленіе наукъ“. „Авторъ, писалъ онъ въ предисловіи,—рѣшился опубликовать, какъ можно скорѣе, то, что ему удалось обработать въ этомъ родѣ. Къ такой поспѣшности побуждаетъ его отнюдь не честолюбіе, а опасеніе, чтобы на случай какой-нибудь неожиданности, которой подчиненъ каждый человѣкъ, оставить хоть какія-нибудь указанія на предпріятіе, охватившее его мысль, и хоть какой-нибудь памятникъ его похвальныхъ стремленій и ревности къ счастью человѣческаго рода“. Этотъ памятникъ произвелъ рѣшительный переворотъ въ наукѣ. Бэконъ очутился на верху своей ученой славы и вмѣстѣ съ тѣмъ на верху политическихъ почестей. Но на общественную высоту онъ поднялся лишь за тѣмъ, чтобы ниже пасть. Время его канцлерства было одною изъ самыхъ позорныхъ эпохъ въ англійской исторіи. Злоупотребленія были ужасны и лордъ-канцлеръ не только не мѣшалъ имъ, но помогалъ, наживался отъ нихъ и смотрѣлъ сквозь пальцы на другихъ, какъ они наживаются ими. Главнымъ зломъ были монополіи, въ особенности патенты на производство золотыхъ и серебряныхъ вещей. Металлъ поддѣлывался монополистами и покупатели терпѣли огромный убытокъ. Монополисты, преслѣдуя контрабанду, вламывались въ частныя дома, грабили, насилывали женщинъ. Зло достигло громадныхъ размѣровъ и Бэконъ обратилъ на него серьезное вниманіе. „Много размышлялъ я о дѣлѣ торговли серебромъ и золотомъ, доносилъ онъ королю,—и пашелъ необходимымъ покончить его скорѣе, ибо оно можетъ принести его величеству огромныя выгоды“. Чтобы предоставить родственникамъ Бокингама участіе въ этомъ незаконномъ предпріятіи, Бэконъ сталъ всеми мѣрами поддерживать монополистовъ и наполнять

тюрьмы ихъ несчастными жертвами. Въ то-же время онъ нерѣдко давалъ судебные приговоры подъ диктовку Бокингама и бралъ взятки отъ лицъ, имѣвшихъ дѣла въ его канцеляріи. Утверждали, что онъ набралъ такимъ образомъ до 100,000 фунтовъ стерлинговъ, — сумму, громадную для того времени. Зная нравственные недостатки Бэкона, нечего, конечно, удивляться его взяточничеству, но стоитъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Бэконъ чрезвычайно дорожилъ своей карьерой и принималъ всяческія мѣры, чтобы гарантировать себя отъ паденія, но въ то-же время своимъ взяточничествомъ и нѣкоторыми другими поступками давалъ своимъ врагамъ сильное оружіе, которымъ рано или поздно они должны были воспользоваться на пагубу ему. Въ этомъ отношеніи онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ и показалъ, что принадлежитъ къ тому разряду людей, умъ которыхъ силенъ въ теоріи, но слабъ въ дѣлахъ обыденной жизни. Такихъ людей очень много; мы видимъ среди нихъ и гениальныхъ мыслителей, и талантливыхъ писателей, и обыкновенныхъ смертныхъ, обыкновенныхъ умныхъ людей. Умъ ихъ, освоившись совершенно въ теоретической сферѣ, дѣйствуетъ въ ней ловко и свободно, но въ житейскихъ дѣлахъ такіе люди большею частью путаются, теряются и падаютъ. Одни изъ нихъ вполне сознаютъ это и благоразумно удаляются отъ практики; другіе-же, чувствуя свои умственные силы въ своей специальной сферѣ, воображаютъ, что они съ такимъ-же успѣхомъ могутъ дѣйствовать и въ практической жизни, и только какая-нибудь катастрофа можетъ ихъ отрезвить отъ этого заблужденія. Бэконъ принадлежалъ къ такимъ именно людямъ. Пустившись въ политическую жизнь, онъ думалъ, что пойдетъ въ ней такъ-же побѣдоносно, какъ и въ сферѣ науки. Но что-же вышло? Большую часть своей жизни онъ провелъ въ напрасныхъ хлопотахъ объ устройствѣ своей карьеры; для этой цѣли онъ жертвовалъ всѣмъ, готовъ былъ на все, но все-таки не сумѣлъ возвыситься такъ быстро, какъ возвышались передъ его глазами сотни людей самыхъ посредственныхъ. Наконецъ, онъ достигъ своей цѣли, но съ перваго-же шага вооружилъ противъ себя и короля, и Бокингама. Онъ вымолилъ прощеніе, исправился, но не переставалъ въ другихъ отношеніяхъ собственными руками готовить себѣ катастрофу и накапливать матеріалы для серьезныхъ обвиненій. Онъ не видѣлъ опасности и

упивался величіемъ и роскошью своего положенія. Свободное отъ службы время онъ проводилъ въ Горсѣмбѣри, гдѣ онъ построилъ домъ, стоившій 10,000 фунтовъ стерлинговъ, занимался „чистѣйшимъ человѣческимъ удовольствіемъ“ — садоводствомъ, предавался научнымъ трудамъ и не принималъ никого, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые учились около него и между которыми находился Томасъ Гоббсъ. Въ Лондонѣ онъ занималъ свой наслѣдственный домъ и жилъ съ княжескимъ великолѣпіемъ. „Все улыбалось въ этомъ старомъ домѣ, говорятъ напыщенные стихи Бенъ Джонсона, — огонь, вино, люди. Ровную нить жизни великаго англійскаго канцлера судьбы вытвали кругло и полно, изъ самой лучшей и самой бѣлой шерсти“. Но эта ликующая жизнь продолжалась недолго. У правительства не было денегъ и оно, послѣ шестилѣтней отсрочки, рѣшилось собрать парламентъ, даже не подозрѣвая о томъ положеніи, въ какомъ находилось общественное мнѣніе. Нижняя палата энергически принялась за изслѣдованіе злоупотребленій, главнымъ виновникомъ и покровителемъ которыхъ былъ Бокингамъ и которыя поддерживалъ Бэконъ. Бокингамъ увидѣлъ опасность и принялъ вмѣстѣ съ королемъ мѣры. Брата временщика, одного изъ главныхъ виновниковъ, отправили за границу, а чтобы спасти Бокингама, рѣшились принести въ жертву нѣсколькихъ второстепенныхъ участниковъ въ монополіяхъ, въ томъ числѣ и Бэкона. Первыми пали два монополиста, Мампесонъ и Мичель. Разсмотрѣвъ дѣла монополій, палата приступила къ ревизіи судебного управленія, и назначенная для этого коммиссія донесла парламенту объ открытіи важныхъ злоупотребленій. „Лицо, противъ котораго говорятъ факты, сказала довлдичьез коммисіи, — есть никто другой, какъ лордъ-канцлеръ, человѣкъ одаренный великими талантами, котораго я не могу восхвалить достойнымъ образомъ, ибо онъ выше всѣхъ похвалъ“. Парламентское слѣдствіе открыло очень грязныя дѣлишки. Нѣкто Обрей имѣлъ дѣла у канцлера; судейскія проволочки и издержки совершенно разорили его; наконецъ, ему прямо сказали въ канцеляріи, что онъ долженъ дать канцлеру 100 фунтовъ. Обрей занялъ ихъ подъ огромные проценты и вручилъ Бэкону. Но дѣло все еще тянулось долго и кончилось „убійственнымъ декретомъ“ для Обрея. Другой проситель, Эджертонъ, приподнесъ Бэкону 400 фунтовъ и проигралъ дѣло. Бэконъ бралъ и натурой, какъ по-

казываетъ мебель, взятая у Джона Кеннеди. Факты были очевидны. Король просилъ о снисхожденіи канцлеру, но нижняя палата вмѣстѣ съ палатой лордовъ повели дѣло энергично. Начался судъ. Бэконъ былъ разстроенъ въ высшей степени, убитъ нравственно; нѣсколько дней онъ провелъ въ постели, никого не хотѣлъ видѣть, просилъ окружающихъ не называть его по имени, забыть, что онъ жилъ въ этомъ мірѣ. Король убѣждалъ его отказаться отъ защиты, безпрекословно подчиниться судебному приговору и общалъ за это помилованіе. Бэконъ оживился надеждой и отвѣчалъ Якову слѣдующимъ письмомъ: „По волѣ вашего величества, прошло то время, когда я въ защиту постороннихъ утруждалъ ухо моего государя кроткимъ заступничествомъ; въ настоящее время голосъ мой раздастся въ защиту меня самого. Съ тѣмъ-же кроткимъ смиреніемъ я прибѣгаю къ нему; втеченіи истекающей недѣли была минута, когда я думалъ, что мнѣ придется искать еще высшаго заступничества, а между тѣмъ, разбирая свои поступки, я не вижу въ нихъ ничего, что могло-бы навлечь на меня такую грозу. Вашему величеству извѣстно лучше, чѣмъ кому другому, что я никогда не давалъ вамъ совѣтовъ прибѣгать къ насилію и что я всегда былъ сторонникомъ самыхъ кроткихъ мѣръ. Былъ-ли я когда алчнымъ притѣснителемъ народа? Можно-ли обвинить меня въ заносчивости, недоступности? Заслужилъ-ли я ненависть оскорбительнымъ обращеніемъ и рѣчами? Отецъ мой не завѣщалъ мнѣ никакой злобы; я родился хорошимъ гражданиномъ. Что-же за причина этой бури? Что касается палаты общинъ, то въ ней возникло мое общественное значеніе, а теперь хотятъ, чтобы оно нашло въ ней свою могилу. Однакожь, этотъ самый парламентъ, когда дѣло шло о религіозномъ порученіи, выразилъ по-прежнему свое расположеніе ко мнѣ и призналъ, что я былъ все тѣмъ-же человекомъ, только окруженнымъ почестями, которыми вы наградили меня за мои заслуги. Что касается верхней палаты, то за нѣсколько дней до этой бури ея члены съ виду носили меня на рукахъ за то чистосердечіе, которое они находили во мнѣ, которое, говорили они, составляетъ отличительную черту души благородной, незнающей ни лукавства, ни изворотовъ. Что касается приношеній и подарковъ, за которые меня обвиняютъ въ продажности, то я надѣюсь, что въ день, когда открыты будутъ сердца всѣхъ лю-

дей, мое сердце не окажется родникомъ, зараженнымъ преступнымъ обычаемъ продавать правосудіе, хотя я и признаю слабость моей природы и далекъ отъ притязанія считать себя свободнымъ отъ пороковъ моего времени. Я твердо рѣшился, поэтому, когда придется мнѣ держать отвѣтъ, не прикрываться лицемѣрной невинностью и, какъ я уже писалъ лордамъ, не прибѣгать ни къ хитростямъ, ни къ уверткамъ. Я буду говорить имъ словами, продиктованными внутреннимъ голосомъ моей совѣсти, оправдываясь и приводя смягчающія обстоятельства въ пользу моихъ поступковъ или признаваясь въ нихъ. Но я не хочу долѣе наскучать вашему величеству моимъ горемъ. Единственная вещь, которой я страстно желаю, подобно томимому жаждой оленю, стремящемуся къ свѣтлому ручью, состоитъ въ томъ, чтобы узнать черезъ посредство великодушнаго друга, который передастъ вамъ это письмо, какія чувства ко мнѣ наполняютъ сердце вашего величества, который весь—одна только благость, тогда какъ я—одно только ничтожество. На службѣ вамъ я всегда смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, только пользующагося дарованными ему милостями, а на васъ, какъ на единственнаго владыку моей личности; вы не станете поэтому удивляться, что въ настоящую минуту я приношу себя въ жертву и позволяю распорядиться собой такъ, какъ того потребуетъ слава вашего правосудія и милосердія или ваша польза. Согласный быть кускомъ глины въ милостивыхъ рукахъ вашего величества, *Францискъ Сентъ-Альбанъ, канцлеръ*“.

Бэконъ говоритъ, что онъ не виновенъ въ какихъ-нибудь жестокостяхъ. А пытка Пичама, а участіе въ неистовствахъ монополистовъ? Онъ говоритъ, что не торговалъ правосудіемъ и, принимая подарки, увлекался только общимъ порокомъ времени. Но своими взятками онъ разорялъ людей и ничѣмъ не вознаграждалъ ихъ; онъ, дѣйствительно, не продавалъ правосудія, но наживался, обманывая, будто-бы онъ готовъ продавать его. Да собственно говоря, поблажая Бокингаму и Комп. изъ личныхъ выгодъ, онъ торговалъ и своею совѣстью. А это притворное непониманіе того, въ силу какихъ побужденій преслѣдуетъ его парламентъ!.. А эта неопредѣленность выраженій, вслѣдствіе которой выходитъ, что Бэконъ какъ-будто признаетъ себя виновнымъ, то какъ-будто не признаетъ. Если предположить, что онъ, дѣйствительно, не считалъ себя виновнымъ, то, отказываясь отъ за-

щиты и заранѣе подчиняясь приговору, по желанію короля, онъ жертвовалъ своею честью, своимъ человѣческимъ достоинствомъ требованію патрона, отъ котораго онъ ожидалъ возобновленія милостей. Послѣ письма къ королю онъ написалъ письмо къ лордамъ, въ которомъ самымъ неопредѣленнымъ тономъ, въ общихъ выраженіяхъ, и сознавался въ винѣ, и въ то-же время оправдывался. Палата лордовъ послала ему обвинительный актъ и потребовала категорическаго отвѣта. Тогда Вэкопъ, умоляя о милосердіи, отвѣчалъ: „призвавъ свою совѣсть и память, я строго размыслилъ обо всемъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Искренно признаю себя совершенно виновнымъ и отказываюсь отъ защиты“. Нужно было удостовѣриться въ подлинности этого письменнаго заявленія, и депутація лордовъ отправилась къ Вэкону. Онъ лежалъ больной и унылый. Его спросили о подлинности бумаги, и онъ, крайне взволнованный, отвѣчалъ: „милръды, это мои дѣла, моя рука, мое сердце. Умоляю васъ, будьте милосерды“. На завтра экзекуторъ палаты долженъ былъ привести въ все Вэкопа для выслушанія приговора, но онъ не могъ подняться съ постели, и приговоръ объявили засѣчно. Вэкопа приговорили къ уплатѣ 40,000 фунтовъ, къ пожизненному удаленію отъ всякихъ должностей и къ тюремному заключенію, „пока будетъ угодно королю“. Его отвели въ Тоуеръ, но вслѣдъ за тѣмъ выпустили на свободу.

Уѣхавъ въ Горембери, Вэкопъ началъ хлопотать о возвращеніи того, что онъ потерялъ, жаловался на несправедливость парламента и умолялъ короля о милостяхъ. „Если мои ошибки, писалъ онъ, — не оскорбили вашего величества, какъ оскорбили-бы другія ошибки, то и паденіе мое не есть дѣло, подобное другимъ вашего правосудія. Я говорю это не съ цѣлью какого-нибудь намека, а единственно, чтобы смиренно вызвать въ вашей памяти мою честную и безупречную службу. Не ради возвращенія вашего королевскаго благоволенія, всемилостивѣйшій государь, напоминаю я о своей службѣ, хотя выраженное въ такой формѣ прошеніе и могло-бы быть привилегіей несчастія. — Для привлеченія состраданія вашего величества я больше расчитываю на настоящее мое несчастіе, чѣмъ на прошедшія мои заслуги. Въ сущности, если ваше величество позволите мнѣ высказаться, уже одно мое бѣдственное подожженіе заслуживаетъ такого состраданія, что

незачѣмъ и нечего прибавлять къ нему еще что-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря особенной и незаслуженной милости вашего величества, нѣкогда я былъ первымъ саповникомъ королевства... Впродолженіи девятнадцати лѣтъ я не получилъ ни одного выговора отъ вашего величества и нерѣдко получалъ живыя выраженія удовольствія, простиравшіяся до того, что вы высказали мнѣ, что я столь-же хорошій администраторъ для васъ, сколько плохой хозяинъ для самого себя, что мнѣ всегда удавалось извлекать васъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, самими кроткими мѣрами, болѣе всего сходными съ внушеніями вашего сердца... Въ настоящую минуту вотъ мое положеніе: уже полтора года, какъ я нахожусь въ немилости. Средства мои, весьма ограниченные, еще болѣе разстроены моимъ неблагоразуміемъ. Все пожалованное мнѣ вашимъ величествомъ или отнято у меня, или растрчено. Титулы мои свидѣтельствуютъ, правда, о томъ благоволеніи, какимъ я пользовался, но при настоящемъ моемъ положеніи представляются однимъ только бременемъ. Что касается обломковъ бывшего моего богатства, состоящихъ въ посудѣ и драгоценныхъ вещахъ, то я роздалъ ихъ тѣмъ несчастнымъ, которымъ я былъ долженъ, едва оставивъ себѣ самое необходимое. Однимъ словомъ, я вынужденъ раскрыть передъ вашимъ величествомъ мое отчаянное положеніе и сказать, что если вы покинете меня, я погибну. Я имѣю поводъ думать, что обѣ палаты парламента тѣмъ болѣе будутъ довольны своимъ правосудіемъ, что оно не разоритъ меня, ибо я часто слышалъ отъ многихъ лордовъ, желавшихъ оправдать свой строгій приговоръ относительно меня, что имъ хорошо извѣстно, въ какія снисходительныя руки они передаютъ меня... Заключаю словами, внушаемыми мнѣ необходимостью: помогите мнѣ, дорогой государь, мой владыка и господицъ, выкажите мнѣ на-столько состраданія, чтобы не допустить меня, бывшего хранителя печатей, идти на старости лѣтъ просить милостыню". Положеніе Бэкона не было, однакожь, такимъ, какимъ онъ рисуетъ его въ своихъ „просительныхъ“ письмахъ. Опредѣленную судомъ пеню за него заплатилъ король; годичный доходъ его составлялъ не менѣе 2,500 фунтовъ. Но ему необходима была роскошь. Онъ ѣздилъ въ такомъ великолѣпномъ экипажѣ и съ такой огромной свитой, что принцъ Карлъ, встрѣтившись съ нимъ, былъ пораженъ удивленіемъ. На роскошную

обстановку Бэконъ проматывалъ всё свои средства и запуталъ дѣла до того, что, наконецъ, былъ принужденъ продать свой домъ. Въ этииъ неприяітностяхъ присоединилось еще другое, сильно огорчавшее его обстоятельство, — поведеніе жены. Хотя ему дозволено было являться при дворѣ и даже занять свое мѣсто въ палатѣ лордовъ, но прежняго значенія возвратить уже было невозможно. Несмотря на всё эти огорченія, Бэконъ работалъ неутрунимо, и, одряхлѣвши физически, онъ сохранялъ юношескую бодрость ума. Въ это время онъ издалъ латинскій переводъ своего главнаго сочиненія и написалъ „Исторію Генриха VII“, „Исторію вѣтровъ“, „Исторію жизни и смерти“, „Исторію сгущенія и разрѣженія“, „Введеніе въ исторію тяжести и легкости“, „Введеніе въ исторію симпатіи и антипатіи вещей“ и „Введеніе въ исторію сѣрни, ртути и соли“. Раннею весною 1625 г., на дорогѣ изъ Лондона въ Горембѣри, ему пришла мысль испытать, долго-ли снѣгъ можетъ предохранить отъ гніенія животный организмъ. Онъ купилъ курицу и, выйдя изъ экипажа, собственноручно набилъ ее снѣгомъ. При этомъ у него началась дрожь и рвота. Онъ не могъ уже добраться домой и заѣхалъ въ близъ стоящій домъ графа Арэндела, своего хорошаго знакомаго. Лежа здѣсь при смерти цѣлую недѣлю, Бэконъ съ изумительнымъ спокоеітвіемъ духа занимался, на-сколько могъ, всегда интересовавшими его предметами. Онъ бесѣдовалъ о курицѣ, „опытъ съ которой удался отлично хорошо“, писалъ одному лорду о необходимости открыть въ Кембриджѣ и Оксфордѣ кафедры экспериментальной философіи, писалъ монаху Фульгенсу о своихъ сочиненіяхъ. Послѣ семидневныхъ страданій, 9 апрѣля 1626 г., 74 лѣтъ отъ роду, Бэконъ умеръ, сказавъ въ своемъ завѣщаніи: „мое доброе имя и память обо мнѣ оставляю милосердію людей, чуждымъ народамъ и будущимъ вѣкамъ“.

„Вліяніе Бэкона чувствуетъ и долго еще будетъ чувствовать весь образованный міръ, говоритъ Маколей. — Современники судили его снисходительно, потомство судить еще снисходительнѣе. Куда-бы мы ни взглянули, всюду видимъ его могущественный геній въ полной силѣ: мы судимъ Манлія въ виду Капитолія“. Дѣйствительно, при всѣхъ нравственныхъ недостаткахъ и страшныхъ ошибкахъ Бэкона, его искренняя любовь къ наукѣ, его самоотверженіе въ этой сферѣ, отвага его ума и величіе его подвига невольнo внушаютъ сим-

патію въ его личности. Но эта симпатія никогда не можетъ быть цѣлостной у тѣхъ, кто знакомъ съ жизнью Бэкона и съ его моральнымъ ничтожествомъ въ дѣйствительной жизни. Въ Бэконѣ собственно было двѣ натуры, противоположныя одна другой. Оправдывать Бэкона или обвинять его нечего. Его характеръ — историческій фактъ; этотъ фактъ существовалъ и до Бэкона, существовалъ и послѣ него; съ подобными явленіями мы встрѣчаемся на каждомъ шагу; Бэконъ былъ только самымъ типическимъ проявленіемъ этого рода фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите въ исторію, посмотрите на современную жизнь, и вы увидите во множествѣ самыхъ разнообразныхъ формъ это печальное раздвоеніе мысли и чувства. Большинство людей имѣетъ двойную мораль: одну теоретическую, которою оно восхищается нерѣдко даже вполне искренно, другую обывденную, по которой оно живетъ и дѣйствуетъ. Первая увлекаетъ людей своимъ величіемъ, но увлекаетъ совершенно платонически, такъ-какъ она навязана имъ извнѣ, уже въ то время, когда ихъ чувства и ихъ желанія получили совершенно противоположное ей направленіе. Эти правила сроднились съ ихъ умомъ, но не съ чувствомъ, они не претворились въ ихъ плоть и кровь, не развились въ нихъ органически; они привиты къ нимъ, но чтобы они дали плодъ, необходимъ искусный, систематическій уходъ за ними. Нечего и говорить о тѣхъ пустыхъ фразерахъ, которые изъ тщеславія или по другому расчету рисуются возвышенными чувствами, которыхъ нѣтъ у нихъ, и благородными принципами, которые постоянно нарушаются и подрываются ими. Есть множество людей, которые вполне искренно увлекаются „всѣмъ истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ“, и въ то же время не имѣютъ силъ на осуществленіе идеаловъ, которые восприняты ими отъ другихъ или даже выработаны ими самими, но выработаны одной головой, безъ участія соотвѣтственныхъ чувствъ. Какъ скоро дѣло коснется практики, чувства удерживаютъ ихъ свѣтлые теоретическіе порывы или даже увлекаютъ этихъ людей къ поступкамъ, которыхъ они никакъ не могутъ одобрить въ теоріи. Но есть другія натуры, у которыхъ чувство и мысль тоже разъединяются, но подъ вліяніемъ другихъ условій, и находятся въ обратномъ, чѣмъ у первыхъ, отношеніи. У первыхъ умъ опережаетъ чувство, у вторыхъ чувство уходитъ далеко впередъ ума. Вторые презираютъ пошлость жизни и ложь ея; но разсуждая

хладнокровно, основательно, научно объ этой пошлости и этой лжи, они приходятъ къ неутѣшительнымъ для своего возвышеннаго чувства результатамъ; чувство требуетъ удовлетворенія, а жизнь не можетъ пока дать его, а разумокъ говорить, что это удовлетвореніе можетъ получиться какъ результатъ медленнаго, прочнаго, органическаго процесса. На этомъ моментѣ чувство дѣлаетъ окончательный разрывъ съ мыслью и въ состояніи экстаза стремится впередъ. Люди перваго сорта лучше думаютъ и говорятъ, чѣмъ чувствуютъ и дѣйствуютъ, люди втораго сорта лучше чувствуютъ и поступаютъ, чѣмъ мыслятъ. Но тѣ и другіе одинаково несчастны, глубоко несчастны, хотя, можетъ быть, и не одинаково полезны дѣлу человѣческаго развитія. У первыхъ постоянный разладъ между словомъ и дѣломъ, между теоретическимъ увлеченіемъ и практическимъ выполненіемъ, сомнѣніе въ своихъ силахъ, недостатокъ самоуваженія, горькое сознаніе бесплодно проживасмой жизни. Вторые могутъ быть счастливы лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ мысль и вѣра находятся въ гармоніи между собой; но это продолжается недолго; дѣйствительность приводитъ къ сомнѣнію; чувство увлекаетъ, но вѣра въ успѣхъ падаетъ; а жизнь между гѣмъ вся настроена, вся проникнута этимъ чувствомъ, которое, наконецъ, рвется впередъ безъ убѣжденія въ плодотворности дѣйствій и губитъ жизнь. Если послѣдніе люди возбуждаютъ симпатію въ каждомъ искреннемъ сердцѣ, то первые, къ которымъ принадлежалъ Бэкопъ, тоже достойны и симпатіи, и сожалѣнія. Мы видѣли, какъ былъ жалокъ Бэкопъ въ общественной жизни; въ слѣдующей статьѣ мы постараемся показать, какъ онъ былъ великъ и симпатиченъ въ сферѣ умственной дѣятельности, въ сферѣ, въ которой онъ не только превосходно мыслилъ, но и въ высшей степени человѣчно чувствовалъ и благородно дѣйствовалъ.

С. Ставринъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Biographische Skizzen und Kulturhistorische Aufsätze von Dr. Johannes Huber, Leipzig, 1873.—Miniaturbilder aus dem Gebiete der Wirthschaft von Emanuel Herrmann, Halle, 1872.

„Биографическіе очерки и культурно-историческіе этюды“ мюнхенскаго профессора философіи Іоганна Губера, извѣстнаго въ ученомъ мирѣ Германіи множествомъ философскихъ брошюръ и трактатовъ, замѣчательны по разнообразію своего содержанія и объективному отношенію автора къ лицамъ, жизнь которыхъ онъ описываетъ. Между прочимъ Губеръ представилъ ясную и отчетливо-вѣрную картину жизни и дѣятельности Ламенэ, Якова Бѣме и Спинозы. Онъ познакомилъ какъ съ характеромъ этихъ замѣчательныхъ людей, такъ и съ ихъ учено-литературными произведеніями. Но насъ собственно интересуютъ не биографическіе очерки Губера, а его этюды, изъ которыхъ одинъ, „Темныя стороны Лондона“, замѣчательнѣе тѣмъ болѣе, что онъ есть плодъ личныхъ наблюденій автора, хотя и провѣренныхъ по сочиненіямъ многихъ писателей и публицистовъ, занимавшихся тѣмъ-же предметомъ. Собственно говоря, большая часть фактовъ, сообщаемыхъ Губеромъ, не отличается новизной, но эти факты дополнены массой характеристическихъ мелочей, которыя представляютъ въ яркомъ и живомъ свѣтѣ картину экономическихъ контрастовъ общественной жизни Лондона. Описавъ въ довольно сжатой формѣ бытъ лондонскихъ биржевыхъ рабочихъ, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на той темной части населенія, которая, не составляя исключительной принадлежности Лондона, разрослась, однако, въ немъ до наиболѣе чудовищныхъ раз-

мѣровъ. Это — лондонскіе воры, нищіе, бродяги и проститутки. Всмотриваясь въ образъ жизни этого вѣчно-подвижного, кочевого и отверженнаго населенія, изумляешься не столько глубокому паденію, человѣческой личности, сколько необыкновенной организаціи, связывающей этихъ людей въ плотную и цѣльную группу, составляющую особый міръ среди лондонскаго общества, — міръ совершенно своеобразный, обладающій такими средствами борьбы, передъ которыми безсильны всѣ полицейскія и самыя разнообразныя юридическія мѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что такая организація могла быть только продуктомъ сильной умственной работы и необыкновенной энергіи со стороны организаторовъ. Въ этомъ темномъ и подпольномъ мірѣ все предусмотрено, все рассчитано, все взвѣшено съ такой дальновидностью, которой нельзя не удивляться. Какъ только рука полицейскаго агента прикоснется къ одному изъ членовъ этой группы, всѣ другіе чувствуютъ на себѣ это прикосновеніе, и на всѣхъ разстояніяхъ, по всѣмъ угламъ громаднаго города и даже всей Англіи, точно по электрическому звонку, становятся въ положеніе самообороны и сопротивленія. Тутъ, въ этомъ неистощимомъ разсадникѣ мелкаго и крупнаго плутовства, грязныхъ и поразительно-смѣлыхъ преступленій, вы часто встрѣтитесь съ отвратительными чертами испорченнаго характера.

Англійскіе публицисты, недѣлающіе ни одного шага безъ цифръ, ухитрились какимъ-то образомъ исчислить всѣхъ лондонскихъ воровъ. Какъ состоялась эта перепись — трудно понять, но десять лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ считалось до 15,000 завѣдомыхъ воровъ, не говоря о тѣхъ 50,000, за которыми полиція всегда слѣдитъ, считая ихъ подозрительными. Всего имущества украдено было этимъ легіономъ мелкихъ и крупныхъ мошенниковъ на сумму 60,000 фун. стерл., и то лишь благодаря бдительности лондонской полиціи. Съ тѣхъ поръ, съ приращеніемъ народонаселенія, число воровъ и количество украденнаго имущества возрасли соотвѣтственно истекшему времени. Лондонскіе воры составляютъ государство въ государствѣ; это особое племя, особая нація, живущая въ непримиримой войнѣ со всѣми остальными группами общества. Въ „Cathill Magazine“ напечатанъ разсказъ одного англійскаго пастора, который былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лондонскими ворами въ видахъ спасенія ихъ души. По словамъ этого пастора, организація лондон-

скихъ воровъ вполне цѣлесообразна; они живутъ въ особыхъ жилищахъ и занимаютъ подъ-рядъ отъ 3—4 улицы. Они платятъ исправно за квартиру и выручаютъ другъ друга изъ затруднительнаго положенія. Жилища ихъ вовсе не такъ грязны и запущенны, какъ это представляется заглазно. Въ своихъ домахъ они ведутъ спокойную и приличную жизнь, находя невыгоднымъ обращать на себя вниманіе полиціи и общества. Часто цѣлая колонія воровъ поселяется среди честныхъ гражданъ, которые не знаютъ своихъ сосѣдей, пока полиція не откроетъ ихъ логовища. Они посѣщаютъ свои трактиры, покупаютъ въ своихъ лавкахъ и продаютъ украденныя вещи своимъ торговцамъ; у нихъ есть даже свой статутъ, въ силу котораго они дѣлятся на низшіе и высшіе классы. Говорятъ они на своемъ собственномъ языкѣ и никогда не называютъ преступленіе настоящимъ именемъ, но даютъ ему самое невинное названіе, такъ что со стороны можетъ показаться, что и сами они не находятъ въ своихъ поступкахъ ничего предосудительнаго. Для новичковъ, которыхъ они посвящаютъ въ тайны своего ремесла, существуетъ особая литература, гдѣ прославляются подвиги замѣчательныхъ воровъ и мошенниковъ. Далѣе, у нихъ есть свои жесты и особые знаки для письма, понятные только имъ однимъ. Для прохожаго жесты эти кажутся пустыми и неимѣющими смысла, но онъ ужаснулся-бы, если-бы понялъ ихъ значеніе. Благодаря этимъ жестамъ, они свободно переходятъ изъ одной мѣстности въ другую и встрѣчаютъ со стороны своихъ собратьевъ радушный пріемъ даже въ незнакомомъ имъ городѣ. Иногда съ эшафота они еще подаютъ многозначительные знаки своимъ соучастникамъ. Между ними господствуетъ полная солидарность и пріязнь: какъ только кто-нибудь изъ нихъ выйдетъ изъ тюрьмы, къ нему спѣшатъ на помощь товарищи и помогаютъ ему снова встать на ноги“. Тюрьма рѣдко исправляетъ ихъ; они говорятъ обыкновенно, что не стоитъ работать изъ-за нѣсколькихъ шиллинговъ въ недѣлю, когда посредствомъ воровства можно достать ежедневно не менѣе 5 фунтовъ. Если кто-нибудь изъ нихъ заболѣетъ, они лечатъ его на общій счетъ, хоронятъ своихъ умершихъ и берутъ на свое попеченіе оставшихся дѣтей и женъ. У нихъ есть свой кодексъ чести, за который они при случаѣ готовы разстаться съ жизнью. Примѣры взаимной привязанности и самопожертвованія между ними не-

рѣдки. Ихъ жизнь проходитъ среди непрестанныхъ тревогъ и волненій; ни одной минуты не чувствуютъ они себя въ безопасности, и потому постоянно мѣняютъ свои квартиры. Въ свободное время они играютъ въ карты или кости, курятъ, пьянствуютъ или занимаются разсказами о своихъ приключеніяхъ. Но воровы по профессіи рѣдко напиваются, зная, что ихъ ремесло требуетъ величайшей осмотрительности и полного самообладанія. Большая часть воровъ — жертвы обстоятельствъ, и только немногіе вступаютъ на эту дорогу по собственному выбору. Обыкновенно еще съ дѣтства приучаются они къ этому ремеслу. Оставленные родителями, они попадаютъ въ руки особаго рода промышленниковъ, которые сначала содержатъ ихъ, обучаютъ воровству, а затѣмъ высылаютъ на добычу. Иногда сами родители заставляютъ своихъ дѣтей воровать; они выгоняютъ ихъ на улицу и не пускаютъ домой, если они возвращаются съ пустыми руками. Обученіе воровству первоначально производится на кулахъ опытными ворами, которые затѣмъ замѣняютъ куклу своей особой, а впоследствии дѣтей высылаютъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, на улицу, гдѣ, однако, за ними наблюдаетъ учитель, получающій за это львиную часть добычи. Въ Лондонѣ нѣкогда славилась одна воровская школа, которую содержалъ извѣстный въ свое время всѣмъ обитателямъ Лондона Вильямъ Гаррисъ. Его школу ежедневно посѣщало множество лицъ обоего пола, жаждавшихъ постигнуть тайну воровскаго ремесла. Гаррисъ посѣщалъ съ своими учениками театры и другія общественныя мѣста, гдѣ они практиковались подъ его руководствомъ. „Такъ растутъ, говоритъ Губеръ, — многія дѣти среди преступлений, порочныхъ наклонностей и нравственнаго разврата, какъ будущій матеріалъ для тюремъ и эшафота. Всѣ чувства ихъ ожесточаются; священникъ, который желаетъ принять участіе въ ихъ судьбѣ, въ глазахъ ихъ не болѣе, какъ ицежѣръ; во всякомъ порядочномъ человѣкѣ они видятъ злѣйшаго врага. Этотъ печальный скептицизмъ, это отсутствіе вѣры въ правдивость и честность людей составляютъ неискоренимую особенность нравственнаго существа вора“. Но замѣчательно, однако, что если какое-либо духовное лицо приобрѣтетъ довѣріе и любовь этихъ несчастныхъ, или оно приметъ теплое и искреннее участіе въ ихъ печальной долѣ, то они никогда не дѣлаютъ ему зла. „Никогда, разсказываетъ одинъ англійскій

пасторъ,—я не слышалъ отъ вора, даже пьянаго, бранныхъ или неприличныхъ словъ. Напротивъ, когда мнѣ случалось ночью проходить по улицамъ, гдѣ живутъ воры, я чувствовалъ себя въ совершенной безопасности и со всѣхъ сторонъ слышалъ восклицанія: „Вотъ идетъ нашъ другъ, служитель Бога, нашъ пасторъ, да благословить его Господь!“ И когда незнакомый мнѣ воръ обкрадывалъ меня, то остальные тотчасъ-же возвращали мнѣ мои вещи“.

Организація лондонскихъ воровъ довольно любопытна, какъ примѣръ строгаго примѣненія принципа раздѣленія труда и самой прочной солидарности. Это-то и дѣлаетъ лондонскихъ воровъ непобѣдимыми врагами полиціи. Однажды фракція воровскаго товарищества, извѣстная подъ именемъ гароттеровъ, навела на весь Лондонъ паническій страхъ и считалась какииъ-то всеобщимъ народнымъ бѣдствіемъ. „Morning Post“ по поводу нападеній гароттеровъ, между прочимъ, писалъ: „Объявляемъ во всеобщее свѣденіе, что на всѣхъ сголичныхъ фабрикахъ изготовляются для защиты отъ гароттеровъ особые ножи и палки, а въ домахъ проводятся звонки, чтобы въ случаѣ нападенія тотчасъ дать знать объ этомъ“. Далѣе эта газета говоритъ, что въ окрестностяхъ Лондона каждая деревня готовится къ отпору противъ гароттеровъ, „но они устроили себѣ притонъ даже среди лучшихъ нашихъ улицъ. Тѣ, которые испытали на себѣ ловкость этихъ злодѣевъ, продолжаетъ та-же газета,—намѣрены выходить на улицу не иначе, какъ въ желѣзныхъ ошейникахъ съ острыми гвоздями и принять инныя мѣры предосторожности. Положеніе дѣлъ дошло до того, что законъ не въ силахъ насъ охранять и потому онъ долженъ уступить мѣсто праву личной защиты. На основаніи самыхъ точныхъ данныхъ извѣстно, что эти злодѣи занимаются своимъ ремесломъ съ такою-же правильностью, какъ портные и мясники“. Последнее совершенно справедливо и, быть можетъ, наиболѣе грустно. Очевидно, воровство сростается органически съ общественной жизнью Лондона, это болѣзненный наростъ, противъ котораго общественная патологія не находитъ никакихъ средствъ. Условія, среди которыхъ развилось и окрѣпло это зло, такъ многочисленны, что они едва поддаются анализу, но, конечно, здѣсь дѣло не въ одной нравственной загроублости вора, противъ которой такъ энергично борются англійскіе филан-

тропы и священники. Въ 60-хъ годахъ эти моралисты съ особеннымъ усердіемъ трудились надъ спасеніемъ души лондонскихъ воровъ, однако, многіе изъ нихъ, въ крайнему своему изумленію, убѣдились, что не смотря ни на какіе убѣжденія и исправленія, число ихъ въ Лондонѣ не уменьшалось. Несправедливо также объяснять воровство исключительно вліяніемъ той обстановки, среди которой воспитывается большинство воровъ, по крайней мѣрѣ, лондонскихъ. Обстановка—обстановкой, но куда могли дѣться первоначальныя причины, вызвавшія это грустное явленіе современной цивилизаціи, и почему онѣ должны были дѣйствовать только на отцовъ, оставляя въ покоѣ дѣтей? Впрочемъ и между дѣтьми находится много вполне дисциплинированныхъ воровъ, но это большею частію невольныя жертвы, увлекаемыя насиліемъ отцовъ или подкупомъ опытныхъ воровъ; пока они не вполне вошли въ свою роль, исправленіе ихъ возможно. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Мэгью,—личности, энергической и почтенной въ исторіи Англійской филантропіи. Онъ устроилъ спеціальныи митингъ для воровъ. Онъ нанялъ для этой цѣли огромный залъ и роздалъ билеты для входа всѣмъ молодымъ ворами и бродягамъ не старѣе 20 лѣтъ. Всѣхъ ихъ собралось около 150 человекъ за часъ до назначеннаго срока. „Трудно было, говоритъ Мэгью, соединить въ одно мѣсто больше грязи, жалкихъ рублищъ и нищеты. Между ними были, по большей части, уже возмужалые юноши, но попадались и дѣти 6 лѣтъ отъ роду. Наружный видъ ихъ былъ чрезвычайно разнообразенъ. У однихъ были здоровыя, свѣжія лица и приличная наружность, но лица другихъ были до крайности жалки и отражали на себѣ слѣды порочныхъ наклонностей. Сначала они вели себя безпорядочно. Дикіе крики, проклятія, кошачій пискъ и собачій лай,—словомъ, зала оглашалась всевозможными звуками... Изъ разспросовъ оказалось, что у 19 присутствующихъ еще живы родители, 39 человекъ имѣли только отца, а 80 были круглыя сироты. Когда изъ разспросовъ выяснилось, что большинство присутствующихъ были воры, въ залѣ раздались неистовыя рукоплесканія. Многіе уже сидѣли въ тюрьмѣ, и иногда по многу разъ; такъ пятеро двадцать разъ попадали въ тюрьму, 6 человекъ 24 раза, а одинъ 29 разъ. Притомъ кто чаще сидѣлъ въ тюрьмѣ, встрѣчалъ болѣе аплодисментовъ. Когда 19-лѣтній юноша объявилъ,

что онъ 29 разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, собраніе выразило ему живѣйшее одобреніе и въ залѣ раздались оглушительныя рукоплесканія, сопровождаемыя мяуканьемъ. Многіе сознались, что ихъ довели до настоящаго положенія родители, а ближайшимъ поводомъ къ воровству были ночлежные дома. 63 человекъ умѣли читать и писать, и эти-то всѣ были ворами. 50 человекъ заявили, что они читали простонародные рассказы о ворахъ и календарь Ньюгата, и большинство изъ нихъ увѣрили, что они совращены были на путь порока чтеніемъ этихъ книгъ. Когда ихъ спросили, что они думаютъ объ извѣстномъ разбойникѣ Джеккѣ Шеннардѣ и могутъ-ли они сравняться съ нимъ, то они отвѣчали: „да, если-бъ теперь были тѣ-же времена, что и прежде“. На дальнѣйшій вопросъ, производить-ли на нихъ зрѣлище казни устрашающее дѣйствіе, они отвѣчали, что только въ первый разъ, а затѣмъ они совершенно привыкаютъ къ этому зрѣлищу. Нѣкоторые воры всходили на трибуну и рассказывали исторію своей жизни. Когда рассказъ касался случаевъ воровства, собраніе восклицало: „славно, очень хорошо!“ Но если кто-нибудь признавался, что всѣ его несчастія начались съ тѣхъ поръ, какъ онъ разъ переступилъ порогъ ночлежнаго дома, то въ залѣ раздавался ропотъ и оратора приглашали замолчать. Всѣ называли свое положеніе тягостнымъ и невыносимымъ. Поэтому Мэгью спросилъ ихъ, согласны-ли они оставить свой образъ жизни. „Да“, единодушно отвѣчало собраніе. И когда онъ, подводя итогъ ихъ рассказамъ, заявилъ, что ночлежные дома служили первымъ толчкомъ на пути къ преступленіямъ, то всѣ согласились съ нимъ. Затѣмъ начались совѣщанія, какъ помочь ихъ положенію, но, къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ объ этихъ совѣщаніяхъ, между тѣмъ какъ они-то и составляли, безъ сомнѣнія, самый интересный эпизодъ въ этомъ оригинальномъ митингѣ. Подъ конецъ митинга, Мэгью, желая убѣдиться, насколько упорна въ нихъ наклонность къ воровству, сдѣлалъ слѣдующій, курьезный опытъ. Онъ рассказалъ собранію, что онъ часто принималъ у себя дома закоренѣлыхъ и извѣстныхъ воровъ и у него никогда не пропадало ни одного пенса. „Однажды, говорилъ онъ своимъ слушателямъ, — я поручилъ одному вору развѣнять 1 ф. ст. и онъ исполнилъ мою просьбу и возвратилъ мнѣ деньги. Поступите-ли и вы такъ-же? Нѣкоторые отвѣчали „да“, дру-

гіе „нѣтъ“, а третьи заявили, что они готовы сдѣлать это только для него, но не для другого. Затѣмъ Мэгью далъ 1 ф. стр. молодцу самой подозрительной наружности, который сидѣлъ въ тюрьмѣ 26 разъ, и попросилъ его развѣнять деньги, замѣтивъ при этомъ, что если онъ вздумаетъ скрыться съ ними, то ему не сдѣлають никакого зла. Едва прошло нѣсколько минутъ послѣ ухода этого молодца, какъ уже всѣ обратили свои взоры къ дверямъ, боязливо ожидая, вернется-ли ихъ товарищъ и оправдаются-ли онъ оказанное ему довѣріе. „Всѣ чувствовали, говорить Мэгью, — что ихъ честь поставлена на карту, и нѣкоторые нетерпѣливо восклицали, что они убьютъ „негодяя если онъ не вернется въ залу“. Прошло еще нѣсколько минутъ мучительной тревоги, многими начинало уже овладѣвать сомнѣніе, когда, наконецъ, дверь отворилась и явился ожидаемый субъектъ. Въ порывахъ безрѣдѣльнаго восторга собраніе увлекло своего торжествующаго товарища на эстраду“. Эпизодъ этотъ замѣчательнъ только въ томъ отношеніи, что гуманное отношеніе къ самому закоренѣлому вору можетъ обезоружить его. Но это не болѣе какъ чистая случайность. Нѣтъ сомнѣнія, что воръ можетъ увлечься извѣстнымъ порывомъ, но по прошествіи нѣкотораго времени, онъ непремѣнно расклется въ немъ! Интересно было-бы знать, какое-бы мнѣніе вынесъ о ворахъ Мэгью, если-бъ молодецъ не вернулъся съ деньгами. Убѣдился-ли бы онъ въ неисправимой порочности воровъ или просто не придалъ-бы этому исключительному факту никакого значенія? Какъ-бы онъ ни поступилъ, опытъ его не теряетъ своего случайнаго характера.

Не менѣе важной по своему постоянству представляется другая темная сторона лондонской жизни — профессиональное нищенство. Нищенство развито въ Лондонѣ до ужасающихъ размѣровъ; въ большихъ городахъ Англіи и Валліса всѣхъ нищихъ считается до 110,000 обоюго пола; ими запружены цѣлыя кварталы и улицы и въ жилищахъ ихъ хранятся гнѣзды всевозможныхъ заразительныхъ болѣзней. Впрочемъ, многіе изъ нихъ не имѣютъ постоянныхъ жилищъ. Днемъ они собирають милостыню, а ночь проводятъ въ рабочихъ домахъ, куда ихъ начинаютъ впускать съ 6 до 10 часовъ вечера, и тѣ изъ нихъ, которые успѣвають попасть туда до 9 часовъ, получаютъ ужинъ, состоящій изъ куска хлѣба и тарелки молочнаго супа. На утро имъ дается завт-

рактъ, если они согласны отработать 3 часа. Замѣчено, что между нищими преобладаютъ ирландцы и сельскіе рабочіе Англїи. Многіе изъ такъ называемыхъ странствующихъ нищихъ одѣваются весьма прилично и облакаются въ свои рубища, которыя они носятъ съ собой въ видѣ багажа, лишь тогда, когда они подходятъ къ мѣстности, гдѣ они намѣрены нищенствовать. Они повсюду разузнаютъ о зажиточныхъ людяхъ, справляются объ ихъ привычкахъ, наклонностяхъ, а также о родственникахъ этихъ людей, чтобы явиться къ нимъ въ качествѣ друзей послѣднихъ и выманить такимъ путемъ подачку. На дверяхъ квартиры, гдѣ они выпрашиваютъ милостыню, они пишутъ непонятныя для непосвященныхъ гіероглифы, въ которыхъ сообщаютъ своимъ товарищамъ, какаго рода дѣло можно здѣсь обдѣлать. Подобно ворами, нищіе также образуютъ собою кооперацію, основанную на принципѣ раздѣленія труда. Каждая категория нищихъ занимается опредѣленной отраслью ремесла. Есть нищіе, которые выдаютъ себя за отставныхъ солдатъ, за бѣдныхъ фабричныхъ рабочихъ, за раззорившихся купцовъ; есть нищіе стыдливыя, которые не являются сами за милостыней, но рассылаютъ просьбы. Есть особый классъ нищихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *lucifer-droppers*; они занимаются тѣмъ, что на углу людныхъ улицъ ставятъ нѣсколько коробочекъ спичекъ такимъ образомъ, что прохожій неминуемо долженъ натѣнуться на эти коробки и опрокинуть ихъ, а затѣмъ они поднимаютъ страшный вой. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, имъ бросаютъ двойную или тройную цѣну этихъ спичекъ, послѣ чего они собираютъ ихъ и снова принимаются за свои продѣлки. Затѣмъ есть нищіе съ дѣйствительными или искусственными уродствами, эпилептики, безрукіе, хромыя, глухіе, слѣпые, нѣмые, съ перевязанной головой и пр. Нѣкоторые нищіе изображаютъ специально умирающихъ съ голода; они лежатъ на улицахъ и трогательнымъ голосомъ повторяютъ предъ прохожими, что они умираютъ съ голода, или держатъ предъ собой листъ бумаги, на которомъ написано, что отъ истощенія силъ они не могутъ говорить. Нищенство принадлежитъ къ числу самыхъ прибыльныхъ профессій; искусственныя нищіе зарабатываютъ значительныя суммы, живутъ весьма прилично и даже откладываютъ деньги на черный день. Они выработали себѣ прочный методъ и заботятся даже объ усовершенствованіяхъ въ

сферѣ своего ремесла. Не такъ давно въ Лондонѣ читались лекціи „объ искусствѣ нищенствовать“. Какой-то „профессоръ Лазаръ Руней“ публично объявилъ, что онъ открылъ школу, гдѣ преподается теорія и практика нищенства въ его приличныхъ формахъ. „Каждый мало-мальски смысленный человѣкъ, гласило объявленіе этого профессора,—внучивается въ шесть уроковъ жить на счетъ публики и не попадаться при этомъ въ руки полицейскихъ агентовъ“. Профессоръ предлагаетъ самыя выгодныя условія. За умѣренную цѣну онъ принимаетъ также на воспитаніе дѣтей. Если его попеченію будутъ ввѣрены дѣти нѣжнаго возраста, то онъ научитъ ихъ придавать своему тѣлу какую угодно форму и видъ безъ всякаго вреда для ихъ здоровья. За извѣстную плату указываются также лучшія улицы въ благотворительныхъ кварталахъ Лондона. Профессоръ Руней, сообщаетъ далѣе въ объявленіи, имѣетъ запасъ удостовѣреній о бѣдности, сломанныхъ членовъ, ранъ, произведенныхъ ружейными пулями и прочихъ издѣлій безукоризненной отдѣлки и вѣрныхъ природѣ. Благоразумныя и дѣятельныя женщины за умѣренную ежедневную плату могутъ пользоваться для уличныхъ услугъ специально приспособленной для этой цѣли парой близнецовъ; профессоръ также принимаетъ на себя поставку собакъ для слѣпыхъ, костьюлей и пластырей,—словомъ, всего, что требуется для этой профессіи. Порученія гг. иногороднихъ исполняются безъ промедленія и съ соблюденіемъ тайны. 21, Princess-Street, St-Giles“. Какъ противъ воровства, такъ и противъ нищенства Лондонъ оказывается безсильнымъ. Онъ борется съ этимъ зломъ слишкомъ три столѣтія, а между тѣмъ оно постоянно растетъ, крѣпнетъ и, наконецъ, выработало себѣ ту удивительную организацію, въ которой мы его видимъ въ настоящее время. Англійское общество могло лишь противопоставить нищенству рабочіе дома, полицію или собственное воздержаніе отъ подачи милостыни. Опытъ большихъ городовъ показываетъ, что полиція всегда оказывалась несостоятельной въ дѣлѣ искорененія нищенства, и это, конечно, понятно, такъ-какъ нѣтъ физической возможности воспрепятствовать прохожему протянуть во всякую минуту свою руку. Рабочіе-же дома, при тѣхъ порядкахъ, которые въ нихъ господствуютъ, скорѣе облегчаютъ нищему его профессію, чѣмъ уничтожаютъ ее. Нищія являются туда только на ночлегъ, а день проводятъ на улицахъ въ соби-

рани милостыни. Наконецъ, третье средство противъ нищенства, воздержаніе отъ подачи милостыни, не выдерживаетъ, конечно, самой поверхностной критики, хотя близорукой части англійскаго общества оно всегда казалось самымъ дѣйствительнымъ и цѣлесообразнымъ. Люди, которые придерживаются этого принципа, прежде всего обнаруживаютъ крайнюю непослѣдовательность. Они жертвуютъ большія суммы денегъ на различныя благотворительныя учрежденія, вносятъ ежегодно спеціальную подать для бѣдныхъ, устраиваютъ рабочіе дома—и отказываются подать грошъ нищему. Почему, спрашивается? Если тутъ является соображеніе, что этотъ грошъ будетъ пропитъ, то это только догадка; милостыня является лишь необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ фондамъ, которые жертвуются на бѣдныхъ. Вполнѣ естественно отказаться отъ подачи милостыни вслѣдствіе собственной бѣдности, но неразумно, чтобъ не сказать болѣе, мотивировать свое воздержаніе какими-то экономическими соображеніями, за которыми часто скрывается лишь личный эгоизмъ и равнодушіе къ общественнымъ недугамъ.

Въ ряду остальныхъ статей Иоганна Губера наиболѣе живая и интересная по содержанію: „Жизнь нѣмецкихъ студентовъ“. Авторъ прослѣдилъ судьбу нѣмецкихъ университетовъ отъ момента ихъ возникновенія до нашихъ временъ и въ сжатомъ очеркѣ касается, между прочимъ, общаго состоянія умовъ въ Германіи въ періодъ реформаціи, какъ наиболѣе важной, критической эпохи въ жизни нѣмецкаго народа. Иоганнъ Губеръ относится безъ національнаго самохвалства къ этому періоду нѣмецкой исторіи и считаетъ его скорѣе вреднымъ, чѣмъ спасительнымъ для умственнаго развитія Германіи. Но историческая роль германскихъ университетовъ начинается собственно съ періода реформаціи, когда, ставъ во главѣ религіознаго движенія, они измѣнили внутренній и вѣншній строй своей жизни и сообщили до тѣхъ поръ безцвѣтной наукѣ опредѣленную, хотя въ высшей степени узкую теологическую рамбу. Но въ умственной жизни студенческой молодежи реформація не произвела существенныхъ перемѣнъ къ лучшему, ибо если прежде молодежь прозябала въ полномъ бездѣйствіи всѣхъ духовныхъ силъ и искала имъ исхода въ дикой распущенности, развратѣ и пьянствѣ, то въ эпоху реформаціи доступъ новыхъ идей въ нѣмецкіе университеты насиль-

ственно преграждался усердными охранителями лютеровской реформы. Самъ Лютеръ питалъ презрѣніе ко всѣмъ наукамъ, за исключеніемъ теологіи; онъ ненавидѣлъ естествознаніе, въ особенности аристотелевскую философію. Въ письмѣ къ Іоганну Ленцу онъ называетъ Аристотеля „безстыднѣйшимъ клеветникомъ, комедіантомъ, протеемъ, коварнымъ обманщикомъ“ и признается, что онъ счелъ-бы его за дьявола, если-бы не было извѣстно, что Аристотель былъ надѣленъ плотью. „Никогда не казался мнѣ столь тяжкимъ крестъ моей жизни, говоритъ онъ въ томъ-же письмѣ, — какъ тогда, когда я вижу, что превосходные умы, созданные для лучшихъ занятій, возятся съ нимъ (съ Аристотелемъ) всю свою жизнь“. А съ своей кафедры онъ училъ, что все, что въ теологіи можетъ быть истиннымъ, то въ философіи можетъ быть ложнымъ, и называлъ разумъ безуміемъ и змѣей, которая можетъ когда-нибудь задуть вѣрующаго. По отзыву нѣмецкихъ писателей, университетская наука во время реформаціи пришла въ совершенный упадокъ. Увлекаемые бурнымъ потокомъ реформаціоннаго движенія, студенты забывали о научныхъ занятіяхъ и охотнѣе искали духовной пищи на площадяхъ, чѣмъ въ аудиторіяхъ и книгахъ. Они всегда были ревностными участниками всѣхъ религіозныхъ движеній и, быть можетъ, наиболѣе содѣйствовали успѣху и славѣ Лютера. Уже во время гусситскихъ войнъ пражскіе студенты принимали дѣятельное участіе въ волненіяхъ того времени. Такъ они поддерживали Іеронима Пражскаго въ извѣстномъ скандалѣ, устроенномъ имъ по поводу папской буллы, которую онъ, для вящаго позора, прикрѣпилъ къ обнаженной груди двухъ проститутокъ, ѣхавшихъ по городу на огромныхъ дрогахъ къ ауто-дафе, приготовленному для сожженія буллы. Виттенбергскіе студенты были дѣятельными сподвижниками Лютера. Когда Тецель желалъ прибить на дверяхъ Виттенбергскаго собора нѣсколько возраженій противъ Лютера, то на него напали студенты, издѣвались надъ нимъ, били его и, наконецъ, сожгли его возраженія на университетской площади. Они сопровождали также Лютера въ его поѣздкѣ въ Лейпцигъ для диспута съ д-ромъ Экомъ и поддерживали своего профессора одобреніемъ и шумными аплодисментами. При участіи-же студентовъ Лютеръ сжегъ въ Виттенбергѣ папскую буллу вмѣстѣ съ каноническимъ правомъ.

Любопытно взглянуть на внутренніе порядки университетской жизни въ періодъ реформаціи. Статуты тюбингенскаго университета даютъ въ этомъ отношеніи весьма характеристическій матеріалъ. Свобода, которою повѣяло во всей Германіи въ началѣ реформаціи, подѣйствовала опьяняющимъ образомъ на университеты и превратила ихъ въ притоны необузданнаго разгула. Молодежь тяготилась суровой дисциплиной стараго университетскаго устава, обходила его на каждомъ шагу, не посѣщала лекцій, пьянствовала и нарушала днемъ и ночью спокойствіе мирныхъ гражданъ. Однако, какъ ни суровъ былъ старыи уставъ, но университетскія власти рѣшились прибѣгнуть къ мѣрамъ еще болѣе строгимъ для обузданія распушенности студентовъ. Каждый шагъ ихъ былъ предусмотрѣнъ академическимъ начальствомъ и за все положено было особое наказаніе. Пунктуальность этой регламентаціи такъ забавна, что мы приведемъ для ея характеристики нѣсколько примѣровъ. Вотъ буквальный переводъ нѣкоторыхъ статей университетскаго устава за 1518 годъ. „Воспрещается студентамъ посѣщеніе гостинницъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они отправляются туда отыскивать кого-нибудь, но не иначе, какъ въ сопровожденіи наставника или родственника. Студентъ не долженъ посѣщать свадебъ, подѣ опасеніемъ штрафа въ 15 крестеровъ; за посѣщеніе пивныхъ онъ наказывается на первый разъ штрафомъ въ 20-ть крестеровъ, а затѣмъ заключаетсѣ въ карцеръ“. Далѣе въ уставѣ предписывается носить одежду извѣстнаго покроя, и въ особенности падѣвать плащи въ рукава. Протоколы университетскаго суда переполнены описаніями различныхъ провинностей студентовъ, съ изложеніемъ судебныхъ приговоровъ. Изъ этихъ протоколовъ видно, до какихъ мелочей простирался надзоръ университетскаго начальства за чистотой религіозныхъ вѣрованій студентовъ. Такъ студентъ Вольфскель изъ Шпейера былъ посаженъ ректоромъ въ карцеръ за „жестокое оскорбленіе религіи“, которое сосостояло въ томъ, что этотъ студентъ произнесъ въ видѣ клятвы двѣ совершенно безсмысленныя фразы: „Hunderttausend Donner-Sacrament“ („сто тысячъ молній“,—въ самомъ вольномъ переводѣ) и „Das Feuer soll von Himmel fallen“ („да упадетъ огонь съ неба“). Преступленіе это не искупилось карцеромъ, такъ-какъ Вольфскель былъ приглашенъ затѣмъ въ сенатъ, гдѣ ему объявили, что хотя есть всѣ

основанія, чтобы поступить съ нимъ со всевозможной строгостью, но, изъ свисхожденія къ его молодости, онъ исключается изъ университета и высылается изъ города. Въ одномъ изъ протоколовъ находится курьезное описаніе слѣдствія надъ студентомъ Лейпцигеромъ, который обвинялся въ томъ, что онъ продалъ себя дьяволу за извѣстную сумму денегъ. Судъ рѣшилъ передать Лейпцигера на испытаніе теологовъ и въ особенности допросить его, давно-ли онъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ и сколько разъ онъ получалъ отъ него деньги, какія выгоды онъ съ своей стороны предложилъ дьяволу и пр. На эти вопросы Лейпцигеръ отвѣчалъ: что онъ въ первый разъ рѣшился вступить въ сношенія съ дьяволомъ, но еще не получалъ отъ него никакихъ денегъ; что онъ былъ вынужденъ къ тому долгами, которыхъ у него набралось болѣе 200 флориновъ. Далѣе Лейпцигеръ показалъ, что онъ заключилъ условіе только на два года, но если-бъ онъ умеръ втеченіи этого времени, то прежде онъ отказалъ-бы дьяволу и объявилъ-бы ему, что у него есть другой покровитель. Сенатъ опредѣлилъ: заключить Лейпцигера въ карцеръ на мѣсяць, а затѣмъ подвергнуть его домашнему аресту на полгода.

Но каково было въ то время само университетское начальство, можно судить по нѣкоторымъ тогдашнимъ обычаямъ, которые соблюдались при зачисленіи каждаго новичка въ число студентовъ. Этотъ нелѣпый обычай извѣстенъ подъ именемъ пеннализма и депозиціи и исчезъ только въ XVIII столѣтіи, вслѣдствіе энергическаго вмѣшательства правительства. Онъ состоялъ въ томъ, что на университетскомъ актѣ деканъ прежде всего держалъ рѣчь предъ вновь поступающими студентами; затѣмъ передавалъ имъ соль и бокаль вина, какъ символы остроты ума и бодрости духа. Послѣ этого деканъ приступалъ къ краткому экзамену и при этомъ задавалъ имъ такого рода вопросы. Прежде всего, „для возбужденія остроумія“, какъ серьезно говорится въ одномъ изъ протоколовъ, деканъ отвѣшиваетъ пощечину новичку и спрашиваетъ: имѣлъ-ли ты мать? „Да“, отвѣчаетъ новичокъ; деканъ даетъ ему пощечину и говоритъ: „нѣтъ, бестія, она тебя имѣла“. Слѣдуетъ вопросъ: какъ является горохъ на свѣтъ? Новичокъ отвѣчаетъ, что онъ не знаетъ этого; слѣдуетъ новая пощечина и объясненіе декана: знай, бестія, что горохъ являет-

ся на свѣтъ *крулымъ*. „Скажи мнѣ, продолжаетъ деканъ, — сколько блохъ войдетъ въ 1 гарпецъ?“ и пр.

Пьянство въ особенности сильно распространено было между нѣмецкими студентами, какъ и во всей Германіи того времени. Оно составляло родъ особаго искусства или ремесла, которое практиковалось по такъ-называемому „пивному праву“ и „пивному уставу“. Уставъ этотъ начинается слѣдующимъ разсужденіемъ: „Форма, манера и способъ питія познаются на практикѣ. Должно, однако, различать два modi или два способа: *totalis* и *partialis*. Первый способъ, *modus bibendi totalis*, состоитъ въ томъ, что содержимое сосуда, т. е. вино или пиво, осушается до дна, причеиъ и здѣсь должно различать питье *continue*, т. е. не переводя духа, или *discontinue*, съ разстановками. Питье *continue* ведетъ къ подраздѣленію студентовъ на *florigos* и *hausticos* и т. д. Пьянство сопровождалось непомѣрнымъ куреніемъ табаку. Тотъ, кто во время попойки могъ выкурить 50 трубокъ, получалъ званіе магистра, 80 трубокъ давали право на званіе лиценціата, а 100 названіе доктора. Естественно, что при такихъ условіяхъ студенты и не думали о серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, и германскіе университеты въ средніе вѣка, несмотря на ихъ обиліе, не производили ученыхъ изслѣдователей. Срокъ университетскаго курса опредѣленъ былъ въ 4—6 лѣтъ, но начальство не препятствовало оставаться въ университетѣ и дольше. Были студенты, которые такъ увлекались „пивнымъ уставомъ“, что засиживались въ университетѣ по 10 и 20 лѣтъ. Въ Виттенбергѣ сынъ профессора Шетгена учился 40 лѣтъ. Въ 1638 году въ Лейпцигѣ умеръ студентъ по имени Генрихъ Эль, которому было 100 лѣтъ. Онъ началъ учиться въ серединѣ XVI столѣтія, но все-таки не дошелъ до конца курса. Самое преподаваніе было далеко не привлекательно: студенты работали на лекціяхъ больше механически, чѣмъ умственно, такъ-какъ они должны были писать подъ диктовку профессора. Къ тому-же многіе профессора растягивали свои лекціи до необыкновенныхъ размѣровъ и, разумѣется, при этомъ были нестерпимо скучны. Въ этомъ отношеніи прославился вѣнскій теологъ Гассельбахъ, который, по словамъ извѣстнаго средневѣковаго писателя Энея Сильвія (впослѣдствіи папы Пія II), его современника, излагалъ 22 года первую главу изъ пророка Исаи

и умеръ, не успѣвъ окончить ее. Его достойнымъ преемникомъ былъ профессоръ Прешперъ, который началъ свое чтеніе о Давидѣ 27 марта 1620 года и окончилъ его втеченіи 312 лекцій 23 августа 1624 года. Въ этотъ же день онъ перешелъ къ пророку Исаи и о немъ прочелъ 1,509 лекцій втеченіи 25 лѣтъ. Окончивъ эти лекціи 1 іюля 1649 года, онъ перешелъ въ тотъ-же день къ Іереміи и читалъ о немъ до 10 апрѣля 1656 года, „въ каковой день мирно почилъ на 80 году отъ роду“, какъ значится въ университетскихъ актахъ. Даже на медицинскомъ факультетѣ нѣкто Фридрихъ Кроціусъ, *medicinae et linguarum orientalium professor*, а впоследствии придворный врачъ, вздумалъ объяснять псалмы и употребилъ на толкованіе ихъ 13 лѣтъ. Филологъ Аммианъ въ Цюрихѣ 7 лѣтъ занимался коментированіемъ Квинтиліана и за это въ шутку названъ былъ студентами Септиліаномъ. Охотнѣе всего студенты посѣщали диспуты, которые были сильно распространены въ то время. Диспуты происходили на латинскомъ, греческомъ и даже еврейскомъ языкахъ; объ одномъ профессоръ рассказывали, что онъ однажды устроилъ самаритянскій диспутъ. Во время этихъ діалектическихъ турнировъ почтенные ученые нерѣдко сбѣгали съ своихъ кафедръ и рѣшали спорные вопросы рукопашной схваткой; съ обѣихъ сторонъ возраженія пересыпались самой грубой бранью. Тюбингенскій теологъ Герлахъ писалъ въ 1581 году папѣ: „нашъ капелланъ возвратился 23 января изъ Виттенберга; онъ рассказываетъ мнѣ слѣдующее о происходившемъ тамъ диспутѣ: д-ръ Винсгеймъ, школьный директоръ, возражая на тезисъ *de majestate Christi et coeae Domini*, началъ такъ: „вы защищаете еретическое ученіе и желаете оправдать Лютера; вы совращаете нашу школу“. Собравшіеся студенты уже готовы были произвести скандалъ, когда Винсгеймъ подаль знакъ рукой усѣсться на мѣста, а затѣмъ прочелъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій Лютера. Капелланъ возразилъ, что это именно тѣ основанія, которыя приводятся іезуитами и кальвинистами. Онъ прочиталъ, въ свою очередь, нѣсколько цитатъ изъ лютеровскихъ произведеній *et cum tarda et gravi pronuntiatione* обратился къ ректору съ слѣдующими словами: „слышишь-ли ты, собака, ты, глупецъ, или, какъ тебя тамъ, ты, грубый осель“, закрылъ книгу и спросилъ ректора, что онъ имѣетъ на это возразить.

Ректоръ замѣтилъ, что онъ удовлетворенъ. Со стороны студентовъ послѣдовалъ взрывъ хохота и диспутъ закрылся среди шума и гама“. На другомъ диспутѣ одинъ бакалавръ былъ до того раздраженъ своимъ оппонентомъ, что пустилъ въ него книгой, а потомъ сошелъ съ кафедры и вытолкалъ его изъ аудиторіи. Обыкновенно предметомъ диспута служили самыя нелѣпыя темы; спорили, напр., о виноградѣ, росшемъ въ Канѣ Галилейской, о звѣриной шкурѣ Адама или о томъ, можетъ-ли верблюдъ пройти черезъ игольное ушко. Впослѣдствіи диспуты постепенно стали терять свое значеніе и обратились въ посмѣшище. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I имѣлъ обыкновеніе созывать для своего увеселенія профессоровъ и заставлялъ ихъ дебатировать съ своимъ придворнымъ шутомъ о глупости, при чемъ шутъ, къ крайнему удовольствію короля, оставался побѣдителемъ. Самыя профессора относились весьма небрежно къ своимъ занятіямъ и нерѣдко втеченіи 16 и 20 недѣль не читали ни одной лекціи, приводя для этого самыя ничтожныя отговорки. На самомъ-же дѣлѣ, они предавались пьянству и участвовали въ студенческихъ попойкахъ, даже буйствовали вмѣстѣ съ ними, врывались въ чужіе дома и пр. Къ выбору новыхъ профессоровъ университеты относились спустя рукава и рѣдко принимали въ расчетъ знанія. Въ одномъ университетскомъ отчетѣ о выборѣ новаго профессора записаны дебаты факультета о различныхъ претендентахъ на какую-то кафедру. Каждый профессоръ мотивировалъ свое мнѣніе собственными соображеніями, которыя вносились въ журналъ. Въ такой журналъ внесено, между прочимъ, мнѣніе одного теолога, „совѣтовавшаго собранію выбирать саксонцевъ, которые хотя *in doctrina* не вполне тверды и чисты, но за то имѣютъ славныхъ и вѣрныхъ женъ“. Таковы характеристическія черты изъ исторіи нѣмецкихъ университетовъ въ средніе вѣка. Въ послѣдующую эпоху бытъ студентовъ измѣнялся медленно, чаще въ дурную, чѣмъ въ хорошую сторону. Слишкомъ извѣстно постоянно возрастающее стремленіе студентовъ къ образованію изъ себя корпорацій, гдѣ поддерживались нелѣпыя обычаи, отчужденіе отъ науки и какихъ-бы то ни было общественныхъ интересовъ. Въ XVIII столѣтіи эти корпораціи были особенно многочисленны и грубость нравовъ дошла до послѣдней степени. Уличныя скандалы были предметомъ спеціальной регла-

ментации въ уставахъ нѣкоторыхъ студенческихъ корпораціи: такъ за 100 скандаловъ, которые всѣ вносились въ особую книгу для счета, студентъ награждался всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Втеченіи одного семестра происходило по 600 и 700 дуэлей. Уставъ о дуэляхъ былъ самымъ важнымъ кодексомъ студенческихъ корпорацій. Въ уставѣ лейпцигскихъ студентовъ перечислены всѣ поводы, которые обязываютъ студентовъ выходить на дуэль. Уставъ дѣлитъ эти поводы на оскорбленіе словомъ и оскорбленіе дѣйствіемъ. Къ оскорбленіяжъ перваго рода относятся, напр., слова: „странный, взблмошный, нелѣпный, вздорный, простодушный (einfältig), дерзкій, невѣжливый, глупый неотесанный и въ особенности съ присоединеніемъ существительнаго: глупый малый. Эти выраженія, говорится въ уставѣ, заключаютъ въ себѣ поводъ къ дуэли, если только не будутъ взяты назадъ. Само собою разумѣется, что оскорбленіе дѣйствіемъ, какъ, напр., пощечина или ударъ палкой, не можетъ быть взято назадъ. Правительство пыталось положить предѣлъ дуэлямъ различнаго рода угрожающими мѣрами, которыя иногда были такъ строги, что ихъ нельзя было принять къ дѣлу. Въ Геттингенѣ за фехтованіе студенты заключались въ карцеръ на цѣлый годъ. Только въ концѣ XVIII столѣтія въ средѣ самихъ студентовъ стала возникать оппозиція дуэлямъ и другимъ корпоративнымъ обычаямъ. Въ университетахъ повѣяло новымъ духомъ; молодежь считавшая прежде за особаго рода удалство маневрированіе лекціями, толпами стекалась въ аудиторіи Канта и Фихте. Фихте по-преимуществу трудился надъ уничтоженіемъ студенческихъ корпорацій; молодежь уступала его пламеннымъ рѣчамъ и жадно вслушивалась въ его лекціи, въ которыхъ знаменитый философъ развивалъ новыя идеалы общественной жизни. Къ сожалѣнію, Фихте встрѣтилъ оппозицію въ своей полезной дѣятельности со стороны многихъ студентовъ, крѣпко державшихся за свои кружковыя традиціи. Оппозиція дошла до того, что Фихте не могъ почти читать лекцій, вслѣдствіе грубыхъ оскорбленій, которыми осыпали его студенты-обскуранты. Они тревожили его не только на лекціяхъ, но и дома, бросали въ его окна камнями и однажды буквально напали въ его домъ. что подало поводъ Гёте, неблаговолившему къ Фихте, съострить, что это самый непріятный для человѣка способъ убѣдиться въ существованіи наружнаго міра. Однако, пропаганда Фихте в

прошла безслѣдно. Іенскіе студенты первые отказались слѣдовать старымъ обычаямъ и не безуспѣшно старались замѣнить дуэли судами чести. Эти-же суды были введены и въ берлинскомъ университетѣ, благодаря опять усиліямъ Фихте. Когда въ 1813 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III обратился къ прусскому и нѣмецкому народу съ воззваніемъ взяться за оружіе и спасти отечество отъ ига Наполеона, университетская молодежь первая откликнулась на этотъ призывъ. Университеты опустѣли, студенты взялись за оружіе и организовали изъ себя военные отряды, которые, по единогласному отзыву современниковъ той эпохи, склонили побѣду на сторону Германіи. По окончаніи этой борьбы нѣмецкая молодежь возвратилась переродившейся и возмужавшей; она смотрѣла уже серьезно на жизнь и науку, ее занимали не узкіе интересы кружка, а свобода Европы, судьба отечества, его потребности и цѣли.

Переходя затѣмъ къ „Очеркамъ промышленности“ Германа, мы можемъ отмѣтить въ нихъ немного интереснаго. Авторъ обнаруживаетъ больше претензій на широту взглядовъ, чѣмъ говорить о дѣлѣ. Взгляды его, однако, мало продуманы, выражены не ясно, а чаще всего совѣмъ скрыты за грудой фактическаго матеріала. Изъ цѣлаго ряда его очерковъ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія очеркъ объ изобрѣтеніи открытыхъ писемъ и социальнo-историческій этюдъ о роскоши. Въ первомъ очеркѣ авторъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ, которыя навели на изобрѣтеніе открытаго письма, — изобрѣтеніе, которое, будучи столь-же простымъ, какъ яйцо Колумба, оказалось очень важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Письменные сношенія составляютъ одну изъ существенныхъ потребностей цивилизованнаго общества, и все, что облегчаетъ удовлетвореніе этой потребности, должно считаться величайшимъ благомъ. Почтовая статистика всѣхъ странъ показываетъ, что количество писемъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Такъ въ 1840 г. въ Австріи было разслано всѣхъ писемъ 24,200,000, а въ 1863 году это число возрасло до 86,990,000; слѣдовательно, въ 23 года число писемъ возрасло на 259%. Въ 1866 году число отправленныхъ писемъ дошло уже до 96,412,417 и теперь, конечно, оно еще болѣе увеличилось. Потребность письменныхъ сношеній различна для различныхъ слоевъ общества и

націй, для жителей городовъ и деревень. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, число писемъ на каждаго человѣка приходилось:

1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.
25	27 ³ / ₅	30	32 ² / ₅	36

Но въ нижней Австріи, за исключеніемъ Вѣны, доходило:

1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.
2 ⁴ / ₅	3 ¹ / ₁₅	3 ¹ / ₈	3 ² / ₅	4

Въ верхней Австріи каждый человѣкъ среднимъ числомъ написалъ въ 1863 г. 3 письма, въ Каринтіи въ томъ-же году 2⁹/₁₀, въ Моравіи и Силезіи — 2⁶/₁₀, въ Штиріи—2⁵/₁₀, въ Далмаціи—2, въ Венгріи—1⁶⁵/₁₀₀, въ Галиціи—1²⁵/₁₀₀, въ Кроаціи и Военной Границѣ—1¹¹/₁₀₀ и, наконецъ, въ Седмиградіи всего лишь ⁷/₁₀. Но стоитъ сравнить эти цифры съ статистикой другихъ, болѣе образованныхъ государствъ, чтобы убѣдиться, какую важную роль играютъ письма въ общественной жизни націй. Уже въ Вестфалии и рейнскихъ провинціяхъ на человѣка ежегодно приходится 7⁷/₁₀ и 7 писемъ, въ прусской Силезіи—5⁸/₁₀, въ Ломбардіи—4⁸/₁₀, а въ главныхъ центрахъ промышленности, какъ, напр., въ Бирмингамѣ, каждый пишетъ среднимъ числомъ 31 письмо ежегодно, въ Бристолѣ—36, Ливерпульѣ—37, Манчестерѣ—39, Дублинѣ — 40, Эдинбургѣ и Парижѣ—42 и въ Лондонѣ — 51. Такимъ образомъ, письма могутъ служить болѣе рѣзкимъ признакомъ промышленнаго развитія, чѣмъ потребленіе мыла или желѣза, какъ думалъ Либихъ. Письма служатъ не только слѣдствіемъ, но и одною изъ причинъ развитія цивилизаціи; они въ нѣкоторомъ родѣ дополненіе желѣзныхъ дорогъ, потому что устраняютъ необходимость личныхъ сношеній и берегутъ время, неговоря о могущественномъ вліяніи ихъ на умственное общеніе. Поэтому, чрезвычайно важно облегчить всѣмъ классамъ населенія возможность пользоваться письменными сношеніями и довести необходимыя для нихъ матеріальныя затраты до крайняго минимума. Безъ сомнѣнія, эти затраты были главной причиной того, что письменныя сношенія до сихъ поръ вообще были ограничены и въ нихъ не принимало почти никакого участія бѣднѣйшее большинство. Изобрѣтатель „открытыхъ писемъ“, австрійскій почтъ-директоръ, сообразилъ до мельчайшихъ подробностей всѣ обстоятельства, которыя безъ особенной нужды увеличиваютъ цѣнность письма и

его отправки; онъ нашелъ, что эта бесполезная цѣнность простирается почти до 12,6 крейцеровъ на 20 крейцеровъ вѣловой стоимости письма. Такимъ образомъ, цѣнность письма можно было сократить болѣе, чѣмъ на половину, т. е. на 63⁰/₀, какъ это и было сдѣлано на самомъ дѣлѣ въ Австріи. Въ первый моментъ появленія открытыхъ писемъ въ Австріи публика съ жадностью набросилась на нихъ подъ вліяніемъ интереса новизны, но затѣмъ этотъ интересъ постепенно остывалъ, недоувѣріе къ изобрѣтенію или, лучше сказать, прежняя рутина и инерція еще не были побѣждены, пока, наконецъ, не взяло перевѣса прочное и сознательное убѣжденіе въ практичности открытыхъ писемъ,—словомъ, здѣсь повторилось въ миниатюрѣ то-же, что и съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ.

Этюдъ о роскоши съ соціально-исторической стороны могъ бы быть весьма интересенъ, если-бъ авторъ точнѣе выяснилъ свою теоретическую точку зрѣнія. Къ сожалѣнію, онъ не даетъ даже яснаго опредѣленія, что понимаетъ онъ подъ роскошью, и, по-видимому, смѣшиваетъ ее съ комфортомъ и усовершенствованіями. Не все то роскошь, безъ чего можно обойтись или безъ чего обходились наши отцы. Роскошь есть результатъ неувимой прихоти индивида, его каприза или болѣзненнаго настроенія нервной системы; она по своему существенному характеру индивидуальна и всегда почти идетъ въ разрѣзъ съ общественными потребностями. Наоборотъ, комфортъ основанъ на идеѣ пользы,—идеѣ, до которой человѣчество доходитъ ошупью, путемъ развитія знаній или собственнаго опыта. Упустивъ это коренное различіе между роскошью и комфортомъ, авторъ принялся за невозможную—по крайней мѣрѣ, въ наше время—задачу отыскать законы роскоши и прослѣдить ея развитіе исторически, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ роскошь едва-ли можетъ имѣть какіе-либо законы или послѣдовательную исторію. Онъ различаетъ въ исторіи роскоши три періода: начало цивилизаціи, когда самый богатый человѣкъ можетъ считаться самымъ бѣднымъ, вслѣдствіе всякаго отсутствія комфорта, во второмъ періодѣ сравнительнаго благосостоянія на поприщѣ роскоши вмѣстѣ съ знатью начинается конкурировать среднее сословіе, и, наконецъ, въ третьемъ, новѣйшемъ періодѣ существованія человѣческихъ обществъ, роскошь знати и средняго сословія затмѣвается роскошью буржуазныхъ

капиталистовъ. Въ примѣръ роскоши перваго періода авторъ беретъ общественную жизнь въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда въ домашнемъ устройствѣ населенія господствовала первобытная простота, когда въ домахъ не было оконъ, печей, дневного свѣта, когда рубашки считались величайшей рѣдкостью и ихъ могли носить лишь знатныя лица и короли, когда не употребляли вилокъ и ножей, когда, наконецъ, въ отношеніяхъ половъ господствовала патріархальность дикарей. Все, что сколько-нибудь выдавалось надъ низкимъ уровнемъ этой жизни, составляло, по мнѣнію автора, роскошь для того времени. Эта роскошь обнаруживается спеціальной погоней за рѣдкостями, за новизной и оригинальнію въ отличіе отъ другого вида роскоши, выразившейся въ массивности, въ чрезмѣрномъ количествѣ вообще. Этого рода роскошь господствовала между средневѣковой аристократіей и она, дѣйствительно, имѣетъ свои историческія причины. Естественное стремленіе къ самосохраненію побуждало феодальныхъ бароновъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы показать народу свою силу и могущество, и съ этой цѣлью они держали огромную свиту, устраивали пышныя празднества и украшали внутренность своихъ жилищъ. О другихъ видахъ роскоши, перечисляемыхъ Германомъ, едва-ли стоитъ говорить, такъ-какъ всѣ приводимые авторомъ факты недостаточно осмыслены общей идеей...

В. Лексикъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

(«Складчина», литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ.)

I.

Пожертвованіе по своей филантропической сущности, конечно, не подлежитъ осужденію. Вы даете голодному кусокъ хлѣба и онъ благодаритъ васъ за доброе дѣло. Но какъ только онъ начнетъ ѣсть вашъ кусокъ, никакая земная сила уже не въ состояніи заставить замолчать его вусовыхъ ощущеній и не подумать: „а вѣдь хлѣбъ-то съ пескомъ“, если, дѣйствительно, въ вашъ хлѣбъ подсыпано песочку. Вы даете бѣдному одинъ рубль; онъ беретъ, благодаритъ и думаетъ: „а вѣдь мнѣ надо еще три рубля“. Вы предлагаете „Складчину“, какъ духовную пищу, въ обмѣнъ на вещественную, т. е. желаете одного накормить стихами и рассказами съ тѣмъ, чтобы онъ, въ свою очередь, накормилъ другого простымъ хлѣбомъ, и строго относясь къ доброкачественности муки, вовсе не такъ строго относитесь къ предлагаемымъ вами духовнымъ яствамъ. Справедливо-ли это?

Въ „предисловіи“ къ „Складчинѣ“ я читаю: „на всѣ добровольныя благотворительныя приношенія смотрятъ обыкновенно, какъ на евангельскую лепту; на литературныя тѣмъ болѣе надо смотрѣть такъ. Воззваніе къ помощи застало литераторовъ въ располхъ; кто имѣлъ готовое, тотъ успѣшилъ отдѣлать часть отъ пѣлаго; другимъ пришлось создавать новое, притомъ въ опредѣленный, краткій срокъ—въ какой-нибудь мѣсяцъ. Эта краткость срока, конечно, была причиною того, что нѣкоторые писатели, заявившіе полное сочувствіе къ дѣлу, не успѣли доставить свои труды во время“. Зачѣмъ это извиненіе передъ публикой?..

Филантропической идеѣ „Складчины“ мы вполне сочувствуемъ. Мы желаемъ ей самаго блестящаго успѣха и даже думаемъ, что тѣмъ, что мы скажемъ о ней, мы не только не ослабимъ щедротъ „дающей руки“, но придадимъ „Складчинѣ“ болѣе сознательный и, слѣдовательно, плодотворный интересъ.

По появленіи „Складчины“ люди, близко стоявшіе къ ней, высказались противъ того неудовольствія, которое было-явилось по поводу ея содержанія. Это неудовольство совершенно неосновательно, замѣтили они, потому что неосновательны были надежды, что въ „Складчинѣ“ развернутся и предстанутъ во всеоружіи всѣ литературныя силы. Откуда взялись эти надежды? На общемъ собраніи литераторовъ, заявившихъ свое сочувствіе предпріятію, положено было, что все тенденціозное, полемическое, даже рѣзко-публицистическое должно быть изгнано изъ „Складчины“; рѣшеніе вполне разумное, потому что сборникъ иначе представилъ бы изъ себя очень странный арсеналь. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, г. Погодинъ, авторъ „бранихъ посланій“, долженъ былъ явиться безъ браннаго посланія. Кн. Мещерскій—безъ „гражданскаго элемента“, г. Салтыковъ—безъ „сатиры“, г. Некрасовъ—съ „тремя элегіями“, г. Гончаровъ долженъ былъ тоже обратиться назадъ, къ „фрегатѣ Паллада“, г. Тургеневъ—къ „Запискамъ охотника“, и прочее. Словомъ, почти всѣ писатели должны были предстать не въ своемъ обыкновенномъ теперешнемъ видѣ, а возвратиться къ пройденному уже, либо явиться, если позволено будетъ выразиться такъ, безъ соли. И все, что могло быть достигнуто при такихъ наложенныхъ необходимостью условіяхъ, дѣйствительно достигнуто. „Складчина“—идеаль безъ тенденціознаго сборника.

II.

Мы не знаемъ, чѣмъ руководствовались редакторы сборника при распредѣленіи статей, но очевидно, что не алфавитнымъ порядкомъ именъ авторовъ, не достоинствомъ ихъ произведеній, не литературнымъ старшинствомъ и не литературной хронологіей.

Первое мѣсто въ „Складчинѣ“ отведено князю Виземскому,

самому старшему изъ живыхъ литераторовъ. Бнязь Петръ Андреевичъ Вяземскій родился въ 1792 году и началъ писать стихи съ самаго дѣтства. Г. Галаховъ говоритъ, что „имя бнязя Вяземскаго, какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блестящихъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ. Въмѣстѣ съ лучшими людьми, онъ во все периоды своей жизни и на всехъ путяхъ ея неизмѣнно сохранялъ горячую преданность просвѣщенію и литературѣ, видя въ нихъ главное орудіе успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства“. Но въ „Складчину“ кн. Вяземскій явился не въ качествѣ замѣчательнаго сатирика и критика. Присланныя имъ стихотворенія, занимающія ровно 42 страницы, навѣяны на него или благословенною природою южнаго Брима, или касаются его личныхъ воспоминаній. Одно-же, по поводу желѣзной дороги, посвящено Петру Великому. На склонѣ лѣтъ 82-лѣтній поэтъ знакомитъ насъ съ характеромъ той музы, которая такъ шевелила сердца нашихъ отцовъ. Да, 50 лѣтъ—ростъ цѣлыхъ двухъ поколѣній! Намъ нужно задаться или исторической, или научной цѣлью, чтобы читать стихи маститаго поэта,— стихи, которые дѣйствовали такъ обаятельно на нашихъ дѣдовъ и отцовъ. Вотъ хоть-бы „Калоша“, посвященная Е. Л. И.

Въ чаду прощальнаго поклона
У васъ въ послѣдній вечерокъ,
Какъ молодая Сандрильона,
Оставилъ я свой башмачекъ.
Нѣтъ, лучше слогъ кудрявый брошу
И—реализма ученикъ—
„Оставилъ я свою калошу“,
Скажу вамъ просто на прямикъ.

А было время, когда подобныя стихи не только читались, но списывались и заучивались!.. Какой-бы изъ нынѣшнихъ журналовъ напечаталъ „Калошу“ безъ подписи кн. Вяземскаго? Или:

Тамъ, гдѣ извины дороги
Снуютъ свою вокругъ моря сѣть...

Прошли времена подобнаго языка и прошли времена тѣхъ невинныхъ пѣснопѣній, когда можно было вдохновляться за-

бытою калошею. Впрочемъ, Кн. Вяземскій далъ намъ образчикъ и своего сатирическаго таланта. И это лучшія изъ напечатанныхъ имъ въ „Складчинѣ“ стихотвореній. Въ „трехъ замѣткахъ“ кн. Вяземскій является даже съ нѣкоторой дозой соли, хотя съ нею въ „Складчину“ являться было не дозволено.

Географическій вопросъ рѣшите-жь, братцы!
 Наука ждетъ—куда себя опредѣлимъ:
 Мы сердимся, когда намъ скажутъ: азіятцы!
 Быть европейцами мы сами не хотимъ.

Съ барономъ *Т. Т. Торновымъ* мы вовсе незнакомы, какъ съ литераторомъ, хотя, кажется, и встрѣчали его имя на страницахъ „Военнаго сборника“. „Воспоминанія бывшаго кавказца“, не представляя собою ничего литературнаго, интересны, какъ характеристика отношеній давно уже ставшихъ преданіемъ. Кавказской арміи теперь нѣтъ, и своеобразность военнаго кавказскаго быта, конечно, уже никогда не повторится. Впрочемъ, баронъ Торновъ знакомитъ насъ не съ этой стороной быльяхъ кавказскихъ отношеній, а посвящаетъ въ свои личныя, такъ-сказать, интимныя отношенія. Онъ не личные случаи возводитъ въ общую характеристику кавказской арміи, а общее дѣлаетъ личнымъ.

Въ одну темную ноябрьскую ночь г. Торнову приказано было ждать съ своей колонною разсвѣта. Ночь была бурная, морозная. Вѣтеръ взметалъ снѣжную пыль и пронизывалъ до костей. „Солдаты кучками улеглись на снѣгу, легъ и я, рассказываешь г. Торновъ, — выбравъ мѣстечко, гдѣ было побольше снѣгу, чтобы острые камни въ бока не кололи; закрылъ голову буркой и пытался соснуть, но отъ холода и отъ усталости глазъ не могъ сомкнуть. Дрожь пробирала меня до костей. Вдругъ я почувствовалъ пріятную теплоту, которая невѣсть отчего начинала разливаться по жиламъ, и впалъ въ глубокой сонъ. Голосъ генеральнаго адъютанта *Василія Ивановича Муравьева-Апостола* меня разбудить. „Свѣтаешь, вставайте, шепталъ онъ мнѣ на ухо.—*Владиміръ Осиповичъ (Фрейтагъ)* приказалъ безъ боя барабаннаго и какъ можно тише поднять и построить отрядъ“. Откинулъ я отъ себя какую-то небывалую тяжесть, взглянулъ и понялъ, отчего мнѣ стало тепло и отчего удалось такъ отлично проспать“. Три казака „мои“, какъ выражается г. Торновъ, — *Поповъ, Самарскій и Ивашинъ* накрыли его своими бурками, и всю ночь просидѣли у

его ногъ на рѣзкомъ почномъ вѣтру, оттирая другъ друга, чтобы не околѣть. „Не домогались они отличія, говорить г. Торновъ,—а съ полною простотою морили себя, жалѣя меня, потому что мнѣ случалось ихъ жалѣть. Муравьевъ не упустилъ похвалить казаковъ: „нечего сказать, славные вы ребята, отлично бережете Федора Федоровича“. Къ чему я отъ себя прибавилъ душевное спасибо, совѣтуя впередъ, однако, берегая меня, и себя нѣсколько побережь, потому что служба ихъ нужна и на другое, болѣе важное дѣло“. Въ другой разъ тѣ-же Поповъ и Самарскій заслонили г. Торнова отъ непріятельскихъ пуль, оба разомъ выскочивъ впередъ, когда горцы въ разстояніи 50 шаговъ стрѣляли въ отрядъ. Въ третій разъ Поповъ спасъ карету г. Торнова, въ которой ѣхала его жена, когда при спускѣ подъ гору лопнулъ тормазъ и лошади понесли. „Какъ послѣ такихъ услугъ мнѣ своихъ казаковъ не благодарить и не помнить!“ заключаетъ свои воспоминанія баронъ Торновъ. Да, скоро эти времена будутъ „преданьемъ старины глубокой“, а, можетъ быть, съ общей повинностью, объ нихъ не сохранится и преданія. Кавказцы ужъ и теперь говорятъ: „наше время было лучше“.

Г. Погодину, какъ и другимъ было приказано явиться въ „Складчину“, подобно голубю, съ масличной вѣтвью, но г. Погодинъ слишкомъ заваленный боецъ, чтобы согласиться промѣнять разящій мечъ на оливковую вѣтку;—въ 74 года люди не мѣняются. Г. Погодинъ даже и не пытается украсить своего меча какою-либо примиряющею зеленью.

Г. Погодинъ вмѣсто историческаго изслѣдованія даетъ историческій парадоксъ. Почтенный историкъ хочетъ доказать, что первая мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею принадлежить князю Василю Васильевичу Голицыну, любимцу Софьи Алексѣевны. Г. Погодинъ строитъ свой выводъ на слѣдующихъ словахъ Невила: „дѣлю князя было поставить Россію на одну ногу съ прочими государствами; для этого онъ велѣлъ собрать свѣденія обо всѣхъ европейскихъ государствахъ и ихъ правленіяхъ. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, кои они обрабатываютъ въ пользу царя*

за ежегодную плату, которая, по смѣтѣ, имѣ сдѣланной, увеличивала-бы ежегодно слишкомъ половиной доходъ царскій, простирающийся нынѣ, по большей мѣрѣ, отъ семи до восьми миліоновъ ливровъ на французскія деньги“. Итакъ, восклицаетъ г. Погодинъ, въ концѣ XVII столѣтія, въ восьмидесятихъ годахъ, князь Василій Васильевичъ Голицинъ думалъ уже освободить *крѣпостныхъ* крестьянъ и надѣлать ихъ землею, которую они обрабатывали-бы“. Но гдѣ-же г. Погодинъ нашелъ въ словахъ Невилля „крѣпостныхъ“? Невилль совершенно ясно говорить о крестьянахъ царскихъ и объ увеличеніи на половину царскаго дохода. Онъ ничего не упоминаетъ объ остальныхъ видахъ крѣпостныхъ—монастырскихъ и собственно помѣщичьихъ. Изъ словъ Невилля рѣшительно невозможно заключить, чтобы у князя Голицина была хоть тѣнь той идеи, съ какою совершилось освобожденіе на нашихъ глазахъ. Да этихъ идей и не могло явиться у князя, потому что онѣ только черезъ сто лѣтъ сдѣлались извѣстны даже Европѣ. Да и въ Европѣ идея свободы, съ которой совершилось освобожденіе нашихъ крестьянъ, раздѣлилась на свои составныя понятія только въ очень недавнее время. Сначала царило понятіе чисто-юридическое, и вотъ почему Европа освободила своихъ крестьянъ лично, безъ собственности. У насъ первый опытъ освобожденія, сдѣланный въ 1804 г., былъ чисто-юридическій. Сперанскій хотѣлъ освободить крестьянъ тоже безъ земли, а Рошеръ предлагалъ освобожденіе крестьянъ безъ земли даже въ 1855 году. Идея освобожденія съ землей далась намъ труднымъ историческимъ опытомъ, знакомствомъ съ экономическими ученіями новой Европы, знакомствомъ съ тѣми бѣдствіями, въ которыя ее поставилъ безземельный пролетаріатъ. Натяжка г. Погодина слишкомъ ясна. Вся жизнь кн. Голицина, вся его дѣятельность на пользу Софьи Алексѣевны, не дадутъ ни малѣйшаго повода смотрѣть на него, какъ на предтечу тѣхъ идей, которыя стали сознаться въ концѣ прошлаго вѣка. Голицинъ былъ преданный человѣкъ, служилъ вѣрно Софьи, хотѣлъ увеличить царскій доходъ вдвое и дальше этого не шель. Г. Погодинъ упрекаетъ Петра въ злопамятствѣ. Но такъ-ли? Не служить-ли злопамятство Петра лучшимъ доказательствомъ того, что Голицинъ не былъ способенъ къ общимъ европейски-государственнымъ идеямъ, которыя стояли на очереди во время Петра.

И Погодинъ уводитъ насъ въ пережитое уже нами время, когда парадоксъ могъ займать изслѣдованіе. Но время это уже прошло и парадоксъ въ исторіи—теперь анахронизмъ.

III.

Изъ числа писателей, составляющихъ переходъ отъ эпохи кн. Вяземскаго и г. Погодина къ послѣдующимъ „Отечественнымъ Запискамъ“ или къ 40-мъ годамъ, явились въ „Складчину“ г. Тимофѣевъ и г. Никитенко. Эти писатели собственно времени „Библіотеки для Чтенія“ Сенковскаго.

О г. Тимофѣевѣ изъ „Русскихъ повтовъ“ г. Гербеля мы узнаемъ вотъ что: Александръ Васильевичъ Тимофѣевъ родился въ 1812 году и первыми его произведеніями были двѣ повѣсти „Поэтъ и Художникъ“, напечатанныя особыми книжками въ Петербургѣ въ 1833 году. Затѣмъ въ 33-мъ и 34-мъ годахъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ его повѣстей и нѣсколько мелкихъ стихотвореній въ „Сынѣ Отечества“ Греча. Начиная съ первой книжки „Библіотеки для Чтенія“ 34-го года, поэмы, повѣсти и мелкія стихотворенія Тимофѣева стали появляться на страницахъ этого журнала и втеченіи 6 лѣтъ, до 1840 года, рѣдкая книжка „Библіотеки“ обходила безъ какого-нибудь стихотворнаго или прозаическаго произведенія г. Тимофѣева. Свою литературную дѣятельность г. Тимофѣевъ заключилъ рядомъ мелкихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ „Маякѣ“ за 1843 годъ. Съ тѣхъ поръ Тимофѣевъ замолчалъ и молчаніе его длилось ровно 30 лѣтъ.

Чуть-ли не единственныя, сохранившіяся до сихъ поръ стихотворенія г. Тимофѣева — „Не женись на умницѣ“, „Осѣдлаю коня“ и „Борода-ль моя бородушка“; сохранились-ли они благодаря своему внутреннему содержанию или спасло ихъ отъ забвенія вниманіе музыкантовъ-композиторовъ?.. Забытый въ настоящее время г. Тимофѣевъ имѣлъ въ свое время многочисленныхъ читателей, а Сенковскій провозгласилъ его даже „вторымъ Байрономъ“. Существовало, правда, и мнѣніе совершенно противоположное; а извѣстная пародія Бахтурина:

До разсвѣта поднявшись, перо очинилъ
Нечестивый Брамбеусъ баронъ...

отводить г. Тимофѣеву очень скромное мѣсто.

Въ „Складчину“ г. Тимофѣевъ далъ два стихотворенія: „Долгъ“ и „Спаситель на двухъ моряхъ“. „Долгъ“ проникнутъ благородной тенденціей и оповѣщаетъ, что:

На все въ природѣ есть законъ,—
Законъ есть свѣту и движенью
Законъ положенъ отъ временъ
Земли и солнца обращенью:
Такъ точно начерталъ самъ Богъ
Законы въ сердцѣ человѣка,
И слышимъ мы его отъ вѣка—
Законъ: ты исполни свой долгъ!

Хорошо, но что-же такое долгъ? Г. Тимофѣевъ этого вопроса не разрѣшаетъ. Онъ говоритъ:

И только послѣ скажетъ время,
Кто точно выполнилъ свой долгъ.

Но если споръ рѣшить одно будущее, да и то послѣ нашей смерти, какъ-же узнать живымъ, въ чемъ ихъ обязанность?

А этотъ гласъ, что *вмалѣ* въ насъ Богъ?
А совѣсть—гласъ всегда гремящій?..

отвѣчаетъ г. Тимофѣевъ. Такой отвѣтъ не разрѣшаетъ, а только усложняетъ вопросъ, потому что уводитъ поэзію въ психологію.

Еще большей темнотой отличается „Спаситель на двухъ моряхъ“. Очевидно, что мистическая мораль отжила уже въ послѣднія тридцать лѣтъ свое время, и что удовлетворяло смутному чувству и неясной мысли пачинавшихъ читателей временъ Сенковского, мимо того современное чувство и современная мысль проходятъ спокойныя, равнодушныя, незатронутыя.

Въ лицѣ г. Никитенко „Складчина“ дала намъ обрѣзокъ критики „Библиотеки для чтенія“ 30-хъ годовъ. Александръ Васильевичъ Никитенко родился въ 1805 году, а съ 1832 года читалъ русскую словесность въ с.-петербургскомъ университетѣ. Г. Никитенко кромѣ болѣе или менѣе серьезныхъ сочиненій былъ извѣстенъ своими академическими рѣчами и критическими статьями, помѣщавшимися, сколько мы помнимъ, исключительно въ „Библиотекѣ для Чтенія“.

Г. Никитенко примѣнилъ старый критическій приѣмъ къ новому литературному произведенію — къ драмѣ г. Островскаго „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. Давно намъ не приходилось читать подобнаго торжественнаго разбора и такого цвѣтистаго, фразистаго и, какъ взбитыя сливки, распудреннаго изложенія. Мы помнимъ время, когда лекціи г. Никитенко возбуждали справедливое удивленіе, помнимъ время, когда г. Никитенко, такъ сказать, засыпалъ свою аудиторію цвѣтами краснорѣчія и его университетскіе ученики, сдѣлавшись учителями, читали русскую литературу по запискамъ своего профессора, преувеличивая его недостатки и не имѣя его достоинствъ. Это были также цвѣты, но осенніе, безъ запаха и плодовъ — не столько взбитыя сливки, сколько взбитое мыло.

И какъ-же измѣнились времена! Напримѣръ, такая рѣчь: „Исторія Шуйскаго извѣстна. Ловкій царедворецъ при Борисѣ Годуновѣ, внутренно, конечно, съ прочими древнихъ родовъ боярами, питавшій къ нему нерасположеніе, какъ къ узурпатору, но, повидимому, готовый служить ему вѣрно и засвидѣтельствовавшій это исполненіемъ въ Угличѣ извѣстнаго порученія, согласно съ его видами, потомъ присягнувшій Джемдмитрію, несмотря на то, что онъ лучше всѣхъ зналъ, что это не истинный царевичъ, — Шуйскій склонялся передъ могучимъ напоромъ событій, заботясь, повидимому, только о своей безопасности. Скрѣпя сердце, онъ, можетъ быть, виѣсть съ другими вельможами, преклонился-бы совсѣмъ передъ совершившимся фактомъ и, для избѣжанія общественныхъ смуть, остался-бы вѣренъ новому хищнику престола если-бы этотъ послѣдній велъ себя благоразумно. Но нравственная несостоятельность Джемдмитрія, несмотря на нѣкоторыя его блестящія качества, вскорѣ изобличилась, и Шуйскій, достовѣрно знавшій истину смерти царевича Дмитрія, не могъ долѣе сносить обмана, необѣщавшаго никакихъ благопріятныхъ послѣдствій ни для кого, кромѣ самого обманщика и его друзей и покровителей, поляковъ и іезуитовъ“.

Но если критика болѣе близкихъ къ намъ временъ утратила свой парадный видъ, за то она и не выскажетъ слѣдующихъ мыслей: „авторъ не задавался никакою отвлеченною мыслью, говоритъ г. Никитенко; — единственною цѣлью его было — извлечь изъ фактовъ нашей исторіи присущіе имъ драматическіе элементы

и представить ихъ въ органически-цѣлой, художественной, соотвѣтственной имъ, формѣ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы у автора не было никакой *направительной* мысли. Въ характерѣ и дѣйствіяхъ Шуйскаго, какъ и въ судьбѣ Лжедмитрія, онъ понялъ и поставилъ на видъ историческій законъ, что если неизбежный ходъ вещей вызываетъ на сцену міра извѣстныя событія, то свободѣ воли человѣческой предоставлено изъ самаго этого хода извлекать сущность и направлять событія по своему усмотрѣнію и видамъ, и что далѣе эти виды должны быть судимы и взвѣшиваемы по высшему нравственному принципу, каковы-бы ни были успѣхи или неуспѣхи ихъ. Угрожаемая русская народность требовала защиты противъ тѣхъ, кто ей угрожалъ. Такъ или иначе, это требованіе должно было выразиться и нуженъ былъ дѣятель, который-бы взялъ на себя великое народное дѣло и по своимъ способностямъ и характеру въ состояніи былъ-бы совершить его. Надобно было уничтожить главную силу, слишкомъ рѣзко, слишкомъ несвоевременно и незаконно воздвигшуюся на измѣненіе народныхъ нравовъ и обычаевъ, которые могли быть измѣнены только или ходомъ самихъ вещей, или реформою диктатуры, но диктатуры не чужой, а своенародной, облеченной всѣми полномочіями закона и исторической необходимости, а не пришлою воли". Всѣ эти воззрѣнія въ настоящее время никто уже не признаетъ правильными; они опровергаются и теоріей и фактами лучше понятой русской исторіи.

Наконецъ, нынѣшняя критика, отличающаяся большею жизненностью, неизбежно должна быть и страстнѣе. Она чувствуетъ глубже и говоритъ рѣзче и напоминаетъ больше рѣчь простого смертнаго и трибуна, чѣмъ профессора. Мы не говоримъ, что лучше и что хуже; мы только констатируемъ факты.

Избѣгая длинныхъ выписокъ, я не стану приводить любопытныхъ заключительныхъ словъ г. Никитенко, въ которыхъ онъ высказываетъ свой общій взглядъ на творческія силы г. Островскаго. Г. Никитенко удѣляетъ г. Островскому довольно скромное мѣсто и высказываетъ это въ такой мягкой формѣ, что современному читателю приходится только сказать: „нѣтъ, ужъ нынче такъ писать не умѣютъ!“

IV.

Гр. Соллогубъ стоитъ въ русской литературѣ совсѣмъ особнякомъ.

Въ свое время гр. Соллогубъ много и охотно печатался въ журналахъ и каждая его повѣсть сопровождалась усиленными похвалами Бѣлинскаго. Конечно, Бѣлинскій не льстилъ автору, но за то и не всегда ясно различалъ, на-сколько мировоззрѣніе автора высказывается въ философіи его героевъ.

По поводу капитальнаго произведенія гр. Соллогуба „Тарантасъ“ Бѣлинскій, перефразируя Вольтера, замѣчаетъ, что „всѣ роды литературы хороши, кромѣ скучнаго и несовременнаго“, и въ „Тарантасѣ“ усматриваетъ именно современность. Конечно, это самое большое недоразумѣніе, въ которое когда-либо впадалъ Бѣлинскій.

Современность гр. Соллогуба была всегда очень своеобразной. Въ „Тарантасѣ“, въ лицѣ Василя Ивановича и Ивана Васильевича, гр. Соллогубъ изображаетъ старую и новую Россію—тема, повторяющаяся у насъ вѣчно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Должно быть, дѣйствительно, всякое новое есть не больше, какъ хорошо забытое старое. Старую Россію гр. Соллогубъ изобразилъ въ видѣ практическаго здраваго смысла, а новую—въ видѣ безхарактернаго, празднаго легкомыслія, зараженнаго французскими идеями, и потому совершенно непримѣнимаго къ русскому чернозему. Всѣ сопоставленія гр. Соллогуба такого рода, что только скажешь со вздохомъ: „то-ли дѣло въ старину!“

Старая Россія, идя по Тверскому бульвару, мечтаетъ о московской жизни такъ: „въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, англійскій клубъ, нѣмецкій клубъ, коммерческій клубъ и все столы съ картами, къ которымъ можно присѣсть, чтобы посмотреть, какъ люди играютъ большую и малую игру. А тамъ лото, за которымъ сидятъ помѣщики, и билліардъ съ усатыми игроками и шутливыми маркерами. Что за раздолье!.. А цыгане-то! а комедіи-то, а медвѣжья травля меделянскими мордашками у Рогожской заставы, а гулянье за городомъ, а театръ-то, театръ, гдѣ пляшутъ такія красавицы и ногами такіе вензеля выдѣлываютъ, что просто глазамъ не вѣришь!“...

Въ то-же время молодая Россія, въ лицѣ Ивана Васильевича, скорбитъ, зачѣмъ Москва не похожа на Парижъ: „Господи Боже мой, какъ жаль, что такъ мало здѣсь движенія и жизни... Nel fuogo!.. те-ля дѣло Парижъ... della tempesta. Ахъ, Парижъ, Парижъ! Гдѣ твои гризетки, твои театры и балы Мюзара... Nel fuogo. Какъ вспомнишь: Лаблашъ, Гризи, Фанни Эльслеръ, а здѣсь только-что спрашиваютъ, какой у тебя чинъ? Скажешь: губернской секретарь — никто на тебя и смотрѣть не хочетъ... della tempesta!“

Вы думаете, что гр. Соллогубъ хотѣлъ дать паралель старой и новой пустоты, что онъ клеймитъ сатирой то, что мѣшаетъ движенію? Такъ думалъ и Бѣлинскій. Но въ дѣйствительности „Тарантасъ“ сатира только на новую Россію. Иванъ Васильевичъ сожалѣетъ, что „всѣ старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому что не на что ихъ возстановить, и русское дворянство, зажиточное, радушное, хлѣбосольное, отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали себѣ фабрики“. Русскую литературу Иванъ Васильевичъ раздѣляетъ на благородную и подлую, на безкорыстную и торговую, на даровитую и бездарную; „даровитая, но усталая литература, по словамъ Иванъ Васильевича, показывается въ люди рѣдко, смиренно, иногда съ улыбкою на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустью на сердцѣ. Другая наша литература, напротивъ, кричитъ на всѣхъ перекресткахъ, чтобы только ее приняли за настоящую русскую литературу и узнали про настоящую... оттого наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность“. Сличите эти слова съ тѣмъ, что говоритъ гр. Соллогубъ нынче въ своихъ „воспоминаніяхъ“, печатаемыхъ въ „Русскомъ Мирѣ“. Въ чемъ обвинялъ онъ литературу 40-хъ годовъ, онъ обвиняетъ въ томъ-же и современнаго литератора. Почему-же люди 40-хъ годовъ такъ хвалятся своей стариной?

Гр. Соллогубъ сотрудничалъ во многихъ изданіяхъ; имя его упоминалось съ именами Гоголя и Лермонтова и 1845 годъ былъ въ его литературной дѣятельности самымъ блестящимъ и послѣднимъ годомъ. Послѣ этого гр. Соллогубъ уврашалъ сво-

имъ именемъ фельетонъ „Иллюстраціи“, „Записки кавказскаго отдѣла географическаго общества“, газету „Кавказъ“, „Нижегородскія“ и „Симбирскія Губернскія Вѣдомости“ и, наконецъ, въ нынѣшнемъ году украсилъ „Русскій Миръ“ и „Складчину“.

Гр. Соллогубъ давно уже забытъ читающей публикой, и со времени изданія полнаго собранія его сочиненій въ 5-ти томахъ прошло уже 18 лѣтъ. Новому поколѣнію онъ знакомъ только по фамиліи, а подростающему совсѣмъ незнакомъ. Сравнивая теперешнее съ прошлымъ, нельзя не обратить вниманія на нашу современную критическую зрѣлость. Прежде для опредѣленія искренности и правдивости какъ-будто бы не существовало метода. Въ 40-хъ годахъ либерализмъ въ литературѣ вводилъ въ недоразумѣніе даже самыхъ выдающихся представителей критической мысли. Теперь-же ни либерализмъ въ литературѣ, ни либерализмъ въ жизни никого не обманываетъ...

Въ „Посредникѣ“, напечатанномъ въ „Складчинѣ“, мы усматриваемъ извѣстнаго рода уступку, которой гр. Соллогубъ и не могъ не сдѣлать, если хотѣлъ остаться вѣренъ своей традиціи. На вопросъ Людмилы, что такое посредникъ?—Палинъ отвѣчаетъ, что это такой человѣкъ, на котораго мужики сердятся за помѣщиковъ, а помѣщики за мужиковъ. Палинъ съ пафосомъ разсуждаетъ, что его труды свыше силъ, но въ своихъ поступкахъ онъ не отвѣтственъ, потому что онъ слуга и исполнитель закона.

— А законъ хорошъ? спросила наивно Людмила.

— Да, восхликнулъ Палинъ.—Законъ хорошъ. Законы рѣдко бываютъ дурны; исполненіе плохо, люди нехороши. Но все равно... Мы должны радоваться...

И, въ концѣ концовъ, передъ вами возникаетъ старшій знакомый, идеальный образъ честнаго чиновника Надимова, по только надѣвшаго мундиръ мирового посредника. Разсказъ не конченъ.

V.

Г. Гончаровъ принадлежитъ уже къ болѣе близкой геологической формаціи. Его „Воспоминанія“ обнаруживаютъ какъ-бы нѣкоторую родственность съ изложеніемъ г. Нибитенко, но раз-

нища между ними та, что у г. Никитенко вы чувствуете спокойную объективность и даже нѣкоторый олимпизмъ, тогда-какъ у г. Гончарова замѣтно раздраженіе и выглядываютъ худо скрытыя шпильки.

Мы не можемъ согласиться съ тѣми рецензентами, которые плѣняются въ Гончаровѣ его раздушенными батистовыми платками. И новые писатели не ходятъ безъ носовыхъ платковъ. Плѣняясь литературной благовоспитанностью Гончарова, которому „Русскій міръ“ еще разъ, по поводу „Складчины“, укололъ современнаго беллетриста, защитники хорошихъ манеръ думаютъ совсѣмъ не то. Они-бы не простили г. Гончарову и его благовоспитанности, если-бы встрѣтили противорѣчіе въ его міровоззрѣніи.

Мы не поняли мысли г. Гончарова. Хотѣлъ-ли онъ развлечь насъ или заставить думать, или ужъ такъ написано, потому что приходилось епѣшить, но только рассказъ производитъ впечатлѣніе плохой популяризаціи. Въ „Воспоминаніи“ нѣтъ ни всегдашней образности Гончарова, съ ея миниатюрной кружевной работой, ни той серьезности мысли, которая и въ популяризаціи не должна терять своей высоты. Описывая свое невѣденіе опасностей и страховъ, г. Гончаровъ впадаетъ въ какую-то наивность, совершенно непостижимую въ человѣкѣ, который хотя разъ переѣхалъ въ яликѣ Неву. Еще непостижимѣе въ г. Гончаровѣ употребленіе того не литературнаго, вульгарнаго приѣма, съ которымъ онъ дѣлаетъ попытку объясненія гибели „Діаны“. „Возьмите большую круглую чашку, говоритъ авторъ,—налейте до половины водой и дайте чашкѣ быстрое круговращательное движеніе, а на воду пустите яичную скорлупу или представьте себѣ миниатюрное суденышко съ полнымъ грузомъ и людьми“. Это и дальнѣйшее описаніе напоминаютъ тѣ микроскопическіе опыты въ физическомъ кабинетѣ, когда искрой съ булавочную головку хотятъ объяснить молнію. Сопоставьте съ описаніемъ г. Гончарова начало рапорта адмирала къ великому князю генераль-адмиралу о гибели „Діаны“:— „Однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ, рѣдкихъ явленій въ природѣ, случающихся, однакожь, чаще въ Японіи, нежели въ другихъ странахъ, совершилась гибель фрегата „Діана“...“ „Когда читаешь донесеніе и слушаешь рассказъ, какъ погибала „Діана“.

хочется плакать, какъ при разсказѣ о медленной агоніи чело-вѣка“, замѣчаетъ самъ г. Гончаровъ. Зачѣмъ-же вы не заста-вляете плавать?

Заключительныя слова автора производятъ тяжелое впечатлѣніе, точно онъ прощается навсегда съ читателями. „Мнѣ поздно же-лать и надѣяться плыть опять въ дальнія страны, говоритъ г. Гончаровъ, — и я не надѣюсь и не желаю болѣе. Лѣта охлаждають всякія желанія и надежды...“ А въ заключеніе — „и этого всего потомъ изъ памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь; и не надо, какъ рѣдкихъ и дорогихъ гостей“. Конечно, то, что оставляетъ въ душѣ глубокіе, пріятные слѣды, не выпараиваетъ потомъ ничѣмъ. Къ чему-же г. Гончаровъ прибавляетъ: „и не надо?“ Зачѣмъ-бы было „надо“, да и можно-ли? Да и знаете-ли вы, какимъ севернымъ процессомъ, какимъ новымъ строемъ души можно выпаривать все хорошее и доброе, что мы вынесли изъ своихъ воспоминаній молодости?..

Хотя г. Майковъ пишетъ, повидимому, новыя вещи, но онъ принадлежитъ къ той-же отжившей интеллектуальной формации, какъ и г. Гончаровъ.

Первыя его стихотворенія начали появляться въ 1840 году и вызвали необыкновенно преувеличенныя похвалы Бѣлинскаго. „Явленіе подобнаго таланта, говорилъ Бѣлинскій о г. Майковѣ, — особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ, — теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы“.

Г. Майковъ помѣщалъ свои стихи въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ 1841 году — въ „Библиотекѣ для чтенія“, въ 1842 году — въ „Отечественныхъ Запискахъ“; послѣ этого онъ былъ за-границей. По возвращеніи, печатался въ 1845 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ 1847 — въ старомъ „Современникѣ“, въ которомъ участвовалъ до 1859 года.

По случаю патріотическихъ стихотвореній г. Майкова 1845 года старый „Современникъ“ сказалъ, что: „новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова — отголосокъ того чувства, кото-

рышъ нынѣ проникнуто сердце всякаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что:

Не полны воинскіе лавры
Везъ звона неподкупныхъ лирь...

что наше время требуетъ своего Державина... Г. Майковъ со- зналъ, что на пень, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ на- стоящее время едва-ли имѣетъ Россія, принявъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться Державинимъ, „органомъ общаго чувства“ ...

Намъ кажется, что г. Майковъ всегда былъ проникнутъ тѣмъ высокимъ долгомъ, который приписывалъ ему старшій „Современ- никъ“, и считалъ себя призваннымъ быть „органомъ общаго чув- ства“. Въ то-же время г. Майковъ, какъ мы думаемъ, припи- сывалъ поэту какую-то вѣщую силу; по крайней мѣрѣ, онъ всегда усматривалъ ее въ себѣ, и о происхожденіи „стиха по- эта“ совершенно опредѣлительно высказался въ „Горнонъ ключѣ“.

. . . О, стихъ поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?
Кого ты ищешь средь него?
То—тайна всѣмъ; но всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой *лететь складни*
Въ тебѣ усладу почерпать.

Сдѣлавъ себя „органомъ общаго чувства“, г. Майковъ помѣ- стилъ въ „Складничѣ“ „Вопросъ“.

Тебя кто вызвалъ въ бездну свѣта?

VI.

Представителями наиболѣе близкаго къ намъ времени являются г. Тургеневъ и Марко-Вовчокъ. Мы очень хорошо понимаемъ громадную разницу между этими двумя писателями; но Марко-Вовчокъ явился на литературную сцену подъ покровительство г. Тургенева и употребилъ свой крошечный талантъ на то, чтобы служить тому-же гуманному дѣлу, которому служилъ и г. Турге- новъ; наконецъ, и по времени г. Марко-Вовчокъ принадлежить почти къ той-же литературной эпохѣ.

Въ письмѣ къ Я. П. Полонскому г. Тургеневъ говоритъ, что желая внести свою лепту въ „Сладчину“ и не имѣя ничего готоваго, онъ сталъ рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ „Живыя мощи“. Эта глава изъ „Записокъ охотника“ не была напечатана вмѣстѣ съ другими, потому что была найдена авторомъ неинтересной и нейдущей къ дѣлу. И, дѣйствительно, рассказъ не только слабъ, но въ немъ очень часто звучать фальшивыя ноты.

Въ „Живыхъ мощахъ“ недостаетъ непосредственности и сердечности. Рассказъ писанъ подѣ диктовку головныхъ чувствъ и доброжелательныхъ мыслей—и больше объ-немъ сказать нечего. Г. Тургеневъ, конечно, поступилъ хорошо, что не напечаталъ „Живыхъ мощей“ въ „Рассказахъ охотника“, но мы хотѣли-бы знать, на-сколько онъ поступилъ дурно, напечатавъ завѣдомо слабую вещь въ „Сладчинѣ?“ Противорѣчіе это очень трудно примирить, если смотрѣть на литературную дѣятельность съ филантропической точки зрѣнія. Если смотрѣть на „Живыя мощи“, какъ на „всякое даяніе“, то, конечно, они не больше, какъ „авансъ“, данный авторомъ на имя читателей въ пользу самарцевъ. Но если-бы банкиръ Гинцбургъ или контора Лури вмѣсто кредитива въ пользу самарцевъ прислала-бы повѣсть собственнаго сочиненія, было-ли бы для читателей обязательнымъ остаться ею довольными?

Имя г. Тургенева пользовалось до сихъ поръ большимъ кредитомъ. Съ одной стороны, это дѣлаетъ честь г. Тургеневу, съ другой—читателю, а съ третьей — не дѣлаетъ особенной чести современнымъ беллетристамъ. Но позвольте оправдать и ихъ. Предположите, что „Живыя мощи“ написалъ современный беллетристъ. Развѣ вы отнеслись-бы къ нимъ съ тою-же нѣжностью, съ какой относитесь къ „Мощамъ“ г. Тургенева? Почему-же нѣтъ? Да только потому, что на Тургенева вы смотрите съ „исторической“ точки зрѣнія и чувствуете его большею частью заднимъ числомъ, а отъ современнаго требуете современнаго. Старая идея, какъ думушка журавля, была одна — она стучала своимъ длиннымъ носомъ все въ одну и ту-же точку; нынѣшняя-же идея расхлопоталась, какъ лисица, потому что у нея тысяча думушекъ. Нарисовать задумавшагося, неподвижнаго журавля съ его вѣчной, сосредоточенной думой о волѣ гораздо легче, чѣмъ

разбросавшуюся лисицу, съ ея неудовинными и быстрыми движеніями мысли и лица...

Но даже и не въ этомъ причина симпатичнаго отношенія читателя къ г. Тургеневу; причина въ болѣе тепломъ и гуманномъ отношеніи г. Тургенева ко всему новому и идущему. Гуманность есть строй всей души г. Тургенева, это — ея резонансъ. Поэтому и въ его фальши вы чувствуете только ошибки мысли, а не ошибки чувства. Г. Тургеневъ держалъ себя всегда на высшемъ уровнѣ и привыкъ вращаться съ представителями времени. Если бы г. Тургеневу пришлось вести борьбу съ будущимъ, то онъ никогда-бы не повелъ ее съ тѣми, кто изображаетъ собою интеллектъ страны, и не сталъ-бы донкихотствовать.

Странное впечатлѣніе раздвоенности производитъ рассказъ Марка-Вовчка „Сельская Идилія“. Въ ней авторъ сопоставляетъ идеализмъ нашего недавняго прошлаго съ идеей реальной дѣйствительности. Идеализація, по словамъ Марка-Вовчка, выставила слѣдующее положеніе: „сладко слѣдить за народнымъ развитіемъ, хорошо, любо чувствовать, что мы посильно содѣйствуемъ народному благу! Будемъ-же идти бокъ-о-бокъ съ народомъ, будемъ его заботливо поддерживать на тернистой стезѣ самоусовершенствованія! Тутъ требуются жертвы, но развѣ кто изъ насъ убоится жертвъ?.. Какъ дружно всѣ крикнули: „Никто! никто!“ и залпомъ выпили шампанское за народъ! Даже я, говоритъ Марко-Вовчокъ, — сама не помню какъ, проглотила полный бокалъ. Я-бы тогда огонь проглотила“.

И вотъ этотъ идеализмъ, осмѣянный еще Добролюбовымъ, эта слащавая маниловщина, ниѣвшая въ русской литературѣ своихъ довольно многочисленныхъ и — увн! — безталанныхъ представителей, встрѣчается лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью въ видѣ простой, неподкрашенной деревенской жницы.

Идеальничествующій сантиментализмъ подходитъ къ задумавшейся жницѣ и задается вопросами: о чемъ она задумалась, какія ея желанія и стремленія, чего она ждетъ отъ этой жизни, какія бури вынесла, какія видала радости и печали? Къ крайнему своему изумленію, идеалистъ узнаетъ, что разсудительная баба

СМОТРИТЬ на жизнь трезвымъ практическимъ окомъ и ей никогда не являлись никакія мысли объ „облакахъ“, о „крыльяхъ“. Тогда разочарованный сентиментализмъ восклицаетъ: „Боже мой, да вѣдь это чисто-животная жизнь!“

„Но и эта животная жизнь выпадаетъ тебѣ на долю только при благополучномъ, удачномъ исходѣ твоихъ тяжелыхъ трудовъ.— А если нѣтъ... Господи!.. Ахъ! лучше объ этомъ не думать! По-забыть! Нервы страшно расходились... А я такъ мечтала! О! мечты мои, мечты!“ заключаетъ свой рассказъ Марко-Вовчокъ.

Блистательная пора сентиментальнаго идеализма была въ эпоху Карамзина. Бѣлинскій отлично понималъ ошибки и даже вредъ этого направленія, и уже со времени Пушкина не погрѣшалъ маниловщиной ни одинъ даровитый русскій беллетристъ. Марко-Вовчокъ былъ послѣднимъ могикианомъ этого направленія.

VII.

Г. Погосскій далъ „Изъ замѣтокъ пріѣзжаго“. Рассказъ написанъ бойко, во всегдашней манерѣ автора „Солдатскихъ рассказовъ“, и больше о немъ сказать нечего. Г. Потѣхипъ далъ „Хайдѣву“, неоконченный рассказъ изъ крестьянскаго быта, написанный въ переходной манерѣ отъ Марко-Вовчка къ г. Григоровичу. „Наброски карандашемъ“ кн. Мещерскаго—совершенно слабая вещь, безъ всякой типичности, отличающаяся карикатурнымъ преувеличеніемъ. Такъ-какъ г. Данилевскій не можетъ не подражать кому-нибудь, то въ „Бабушкиномъ раѣ“ онъ отразилъ гоголевскій малороссійскій міръ. Впрочемъ, подражаніе вышло гораздо удачнѣе, чѣмъ подражаніе Гончарову. Даже г-жа Кохановская увела читателя въ прошлое столѣтіе.

„Складчина“ очень богата стихами. Рѣшительное большинство явившихся поэтовъ принадлежитъ къ предъидущему литературному періоду. Одни изъ нихъ уже умолкли, другіе умолкаютъ, третіе все тянутъ одну и ту-же ноту; но есть и имена, встрѣчающіяся въ первый разъ.

Хотя плохіе стихи давно уже потеряли у насъ кредитъ, тѣмъ не менѣе наши журналы упорны въ своей традиціи и по-прежнему гостепріимны къ такъ-называемой „рубленной прозѣ“. Это

предпочтеніе стихамъ слѣдуетъ объяснить, конечно, тѣмъ, что „поэтъ“ и до сихъ поръ сохранилъ за собою привилегію „пророка“. Но увы! его грозное слово уже не громитъ, потому что не слышится въ немъ ни искренней боль, ни страсти. И несмотря на то, въ стихотворномъ отдѣлѣ „Складчины“ есть такія жемчужины, какихъ рѣшительно нѣтъ въ отдѣлѣ беллетристическомъ. Два стихотворенія „Вѣчный Жидъ“ (изъ Беранже) В. С. Курочкина и „Изъ Бурдильёна“ Я. П. Полонскаго, положительно прекрасны по идеѣ и по чувству.

Ночь смотреть тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ;
Но солнца нѣтъ — и по землѣ
Тьма стелется, какъ дымъ.

Умъ смотреть тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви -- и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ.

Мы не знаемъ подлинника. Г. Полонскій говоритъ: „я перевелъ, какъ умѣлъ“. Счастливая неумѣлость! Ужь, конечно, лучше давать чужое хорошее, чѣмъ „своимъ умомъ“ корчевать „вопросы“ въ дебряхъ московской косности.

VIII.

Когда появилась „Складчина“, въ газетахъ говорилось о сліяніи въ ней, какъ на нейтральной почвѣ, различныхъ литературныхъ партій. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ „Складчинѣ“ явилось множество именъ, которыя давно не являлись въ печати или которыя никогда не встрѣчались на одной оберткѣ. Но что-же изъ того, если „Отечественныя Записки“ дали отъ себя только г. Щедрина, „Русскій Вѣстникъ“, — никого, „Вѣстникъ Европы“ — никого, „Дѣло“ — никого? Въ чемъ-же сліяніе партій? За то мы встрѣчаемъ въ „Складчинѣ“ цѣлую массу именъ, стоящую внѣ современной журналистики.

Говорить о сліяніи литературныхъ партій значитъ мечтать и не знать дикости современнаго журналиста и литератора. Каждый журналъ, каждая газета изображаютъ изъ себя неприступную

крѣпость, храбро защищаемую своимъ собственнымъ гарнизономъ; крѣпостныя ворота не открываются ни для кого изъ постороннихъ и въ крѣпости царитъ полнѣйшая сосредоточенная дикость. Если два сотрудника двухъ разныхъ журналовъ замѣчаютъ издали другъ друга на улицѣ, они немедленно переходятъ на противоположныя стороны, чтобы не встрѣтиться. Если желаніе судьбы сведетъ ихъ гдѣ-нибудь, то они стараются смотреть въ землю, вкось, въ уголь, какъ Собакевичъ, или облекаются въ олимпизмъ, въ непогрѣшимость и хранятъ взаимное глубокое презрительное молчаніе. Редакторы „Складчины“ задались, конечно, благою мыслию... но, нѣтъ, у нихъ этой мысли и не было; дикость—болѣзнь хроническая, она излечивается культурой, размышленіемъ, хорошими чувствами, исторіей.

Н. Радюкинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Наполеона I. Сочиненіе П. Ланфрэ. Переводъ подъ редакціею А. Афонасьева-Чужбинскаго, томъ IV, изданіе Вольфа. Спб. 1873.

Въ свое время мы дали читателямъ довольно подробный отчетъ о первыхъ трехъ томахъ сочиненія Ланфре. Въ четвертомъ томѣ, недавно вышедшемъ, авторъ продолжаетъ критически разбирать легендарный элементъ, такъ на-долго скрывавшій отъ глазъ потомства истинную исторію Наполеона I. ~~Энтузіазмъ~~ энтузіазмъ его поклонниковъ и документальная фальсификація окружили эту личность такимъ мифологическимъ мракомъ, что только теперь мы начинаемъ понимать настоящее значеніе Наполеона I. Ланфре посвящаетъ большую часть IV тома рассказамъ объ испанскихъ дѣлахъ и мы остановимся на этомъ эпизодѣ наполеоновской эпопеи, на этомъ моментѣ, съ котораго началось его паденіе, какъ страшнаго завоевателя, и паденіе всей его системы.

Тильзитскій миръ далъ Наполеону диктаторское вліяніе на континентальную Европу, посредствомъ которой онъ намѣревался покорить Англію. Но прежде чѣмъ приступить къ этому въ высшей степени рискованному предпріятію, ему оставалось отнять всякую самостоятельность у нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ, между прочимъ, у Португаліи. Это небольшое, слабое королевство естественно держалось вдали отъ всѣхъ европейскихъ смуть и унижалось передъ Наполеономъ, не подавая ему ни малѣйшаго предлога къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Но Наполеонъ былъ, если не величайшій, то самый беззащитный изобрѣтатель всевозможныхъ предлоговъ, безъ прикрытія которыхъ онъ не сдѣлалъ ни одного нападенія, не совершилъ ни одной несправедливости. Создавая для современниковъ и потомства мифъ о себѣ, онъ старался, вѣсть съ другими нравственными совершенствами присвоить себѣ и чувство справедливости. Въ 1801 г. онъ заставилъ Испанію воевать съ Португаліей, по-

томъ заставилъ послѣднюю заплатить себѣ 25,000 000 фр., уступить Испанію провинцію Оливенпу и прекратить морскую торговлю съ англичанами. Въ 1804 г., по формальному договору, онъ дозволилъ португальцамъ за 16,000,000 фр. открыть свои порты Англии. Послѣ тильзитскаго мира Наполеону понадобилась вся Португалія, ея территория, богатства, гавани и флотъ. Предлогъ тотчасъ былъ найденъ, и Бонапартъ велѣлъ объявить ей, чтобы она заперла свои порты для англичанъ, въ противномъ случаѣ, онъ начнетъ съ нею войну и конфискуетъ англійскіе товары. Но, отдавъ такое распоряженіе, онъ тотчасъ одумался: Португалія повиновалась-бы ему безпрекословно и предлога для ея завоеванія не оказалось-бы. Сообразивъ это, Наполеонъ немедленно измѣнилъ свой ультиматумъ; онъ потребовалъ, чтобы Португалія не только прекратила торговлю съ Англійей, но и объявила послѣдней войну. а также, чтобы всѣ англійскіе товары и вся собственность англичанъ были конфискованы въ его пользу. Справедливо разсчитавъ, что прежде чѣмъ исполнить это унижительное требованіе, португальское правительство, растерявшееся и повергнутое въ отчаяніе, начнетъ обсуждать свое положеніе, — Наполеонъ приказалъ своимъ войскамъ двинуться за Пиринеи, подъ предлогомъ неисполненія его требованія.

Но цѣлью этой войны была не одна Португалія. Однимъ ударомъ Наполеонъ хотѣлъ убить двѣ самостоятельныя націи. Испанія, подъ управленіемъ королевскаго любимца Годоя, находилась въ это время въ состояніи полнаго упадка, ксторому много содѣйствовала Бонапартъ. Вовлекши ее въ войну съ Англійей, онъ разорилъ ее, лишилъ колоній, разстроилъ торговлю, погубилъ испанскій флотъ, пославъ его въ трафальгарскую битву. Теперь-же, двинувъ корпусъ Ожеро черезъ Испанію на Португалію, началъ обманывать испанское правительство самыми льстивыми обѣщаніями. Извѣщая Карла VI о вступленіи своихъ войскъ на испанскую территорию, онъ писалъ ему: „Я условлюсь съ вашимъ величествомъ, чтобы поступить съ Португаліей, какъ вамъ будетъ угодно, и во всякомъ случаѣ, верховное владычество будетъ принадлежать вамъ“. Онъ обѣщалъ Карлу половину португальскихъ колоній и титулъ императора обѣихъ Америкъ, а Годю независимое княжество въ южной Португаліи, себѣ-же онъ выговаривалъ только три провинціи, единственно для того, „чтобы располагать ими въ пользу всеобщаго мира“. Эти условія были оформлены фонтенеблоскимъ трактатомъ; но чтобы простодушный Карлъ не помялъ интриги, Наполеонъ, очаровавъ его своими милостями, убѣдилъ сохранять безусловную тайну относительно упомянутыхъ условій, и трактатъ держался въ секретѣ даже отъ испанскихъ министровъ, которые могли-бы открыть глаза своему королю. Между тѣмъ, своему главнокомандующему въ Испаніи, Жюно, Наполеонъ писалъ: „прикажете сдѣлать описаніе всѣхъ (испанскихъ) провинцій, чрезъ которыя вы пройдете, до-

рогъ, характера мѣстности, и пришлите мнѣ. Поручите инженерамъ эту работу, которую очень важно получше исполнить. Какъ только вы будете имѣть въ рукахъ различныя (португальскія) крѣпости, назначьте французскихъ комендантовъ и овладѣйте этими крѣпостями. Не имѣю надобности говорить вамъ, что не должно оставлять въ рукахъ испанцевъ ни одной крѣпости“ (стр. 114, 130—136, 143—146).

Такимъ образомъ, подъ предлогомъ войны съ Португаліей занимая Испанію и производя въ ней, съ помощью испанскихъ-же властей, подробныя военныя рекогносцировки, Наполеонъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы напасть и разгромить Испанію. Случай былъ на лицо, и Бонапартъ началъ очень сложную интригу. Правленіе слабаго Карла или, вѣрнѣе, любимца его и наперсника королевы, Годоя, было въ высшей степени непопулярно даже при дворѣ, такъ-какъ наслѣдникъ престола, руководимый своимъ фаворитомъ, каноникомъ Эскоквизомъ, стоялъ во главѣ придворной оппозиціи и былъ готовъ на всякую интригу. Наполеону нельзя было не воспользоваться этимъ. Французскій посланникъ въ Мадридѣ сошелся съ Фердинандомъ и довелъ его до того, что тотъ рѣшился жаловаться на отца Бонапарту. Фердинандъ послалъ ему нѣчто въ родѣ прошенія, въ которомъ умолялъ его „объ отеческомъ покровительствѣ“ и просилъ удостоить его соизволеніемъ породниться съ императорскою фамиліею, „посредствомъ женитьбы на французской принцессѣ“ (стр. 178). Но за Фердинандомъ зорко слѣдили, сдѣлали у него обыскъ, нашли компрометирующія бумаги, доказывавшія его тайныя замыслы противъ отца, матери и Годоя. Король, неподозрѣвавшій, чтобы въ этомъ дѣлѣ могъ участвовать Наполеонъ, написалъ ему объ этомъ печальномъ событіи и слезно жаловался на сына. Бонапартъ ликовалъ. Получивъ письмо сына, искавшаго его покровительства, и письмо отца, который жаловался на сына, онъ имѣлъ уже не одинъ, а два предлога для вѣшатательства: или во имя поддержанія законныхъ правъ отца и короля противъ мятежнаго сына, или-же для защиты наслѣдника, несправедливо притѣсняемаго отцомъ и его недостойнымъ любимцемъ. И онъ отдалъ уже рѣшительныя приказанія своей арміи быть немедленно готовою къ испанской войнѣ (стр. 181—182). Но ограниченный Годой на этотъ разъ перестырилъ Бонапарта. Увидѣвъ изъ слѣдствія надъ наслѣдникомъ, что Наполеонъ былъ заодно съ нимъ, Годой занялъ дѣло, объявилъ Фердинанда невиновнымъ и устроилъ официальное примиреніе его съ отцомъ. Ссора кончалась и предлогъ къ вѣшательству Наполеона былъ устранивъ. Взваливъ всю устроенную имъ интригу на своего посланника, Наполеонъ, въ письмѣ къ королю, отперся отъ всякихъ сношеній съ правцемъ и увѣрялъ Карла въ своей искренней дружбѣ. Между тѣмъ онъ двинулъ въ Испанію вторую армію и, чтобы устраниваться до времени отъ всякихъ объясненій по этому поводу, самъ уѣхалъ въ Италію.

Португалія была не только завоевана, но и буквально конфискована въ пользу завоевателя. Въ Испаніи находилось 80,000 французскихъ солдатъ и Наполеонъ уже предлагалъ испанскій тронъ своему брату, Люціану. Испанское правительство, наконецъ, почуяло грозу, а Наполеонъ постарался еще болѣе усилить его смятеніе своими придирками. Когда король приширился съ сыномъ, то отъ своего уже лица просилъ у Наполеона руки французской принцессы; Наполеонъ грубо отвѣчалъ Карлу, что онъ не рѣшается выдать принцессу за *ею обезчещеннаго сына*. Послѣ такого отказа король, естественно, не рѣшился настаивать на предложеніи. Но Бонапартъ притворился, что оскорбляется его молчаніемъ. „Ваше величество, писалъ онъ 25 февраля 1808 г.,—просили у меня руки французской принцессы для принца астурійскаго. Я отвѣчалъ, что *я согласенъ* (!!). Ваше величество уже не упоминаете больше объ этомъ супружествѣ. Все это оставляетъ въ тѣни много важныхъ предметовъ въ интересахъ моихъ народовъ. Ожидаю отъ вашей дружбы разъясненія всѣхъ моихъ сомнѣвій“ (стр. 204). Въ то-же время главнокомандующимъ испанской арміей былъ назначенъ Мюратъ, котораго Наполеонъ льстилъ надеждою на испанскій тронъ. Мюратъ долженъ былъ подъ благовиднымъ предлогомъ занять Мадридъ и, избѣгая всякихъ столкновеній съ народомъ, напугать дворъ, чтобы онъ рѣшился оставить столицу. Если дворъ бѣжить въ Севилью, Мюратъ долженъ былъ оставить тамъ его въ покоѣ; если-же дворъ перѣдетъ въ Кадиксъ, то это было-бы уже „явнымъ бѣгствомъ“, и стоявшему въ Кадиксѣ съ эскадрою французскому адмиралу велѣно было въ такомъ случаѣ арестовать его. Дворъ, дѣйствительно, задумалъ бѣжать въ Севилью; всѣ приготовленія къ отъѣзду были сдѣланы въ строжайшей тайнѣ, но наслѣдникъ престола, неперестававшій интриговать противъ отца, донесъ объ этомъ французскому посланнику. Вскорѣ вѣсть о бѣгствѣ распространилась по всему Мадриду Народъ увидѣлъ въ этомъ затѣю ненавистнаго Годоя, котораго давно уже подозрѣвали въ томъ, что онъ подкупленъ Франціей. Дворецъ Годоя былъ разрушенъ толпой, самъ онъ едва избѣгъ смерти, а король, чтобы усмирить волненіе, долженъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына. Актъ отреченія былъ обнародованъ въ королевской резиденціи, Аранжуепѣ, вечеромъ, и въ ту-же ночь эта радостная вѣсть долетѣла до Мадрида, гдѣ на слѣдующее-же утро былъ съ неописаннымъ восторгомъ провозглашенъ Фердинандъ VII. Этотъ переворотъ снова разстроилъ планъ Наполеона, но послѣдній немедленно составилъ новую комбинацію. Мюратъ убѣдилъ короля Карла дать ему письменное заявленіе, что онъ стрекса отъ престола для того, чтобы избѣгнуть величайшаго несчастія и устранить пролитіе крови своихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего этотъ актъ не дѣйствителенъ (стр. 215). Съ отречшиися король велѣно было обращаться, какъ съ царствующимъ, а Фердинанду обѣщать признаніе его Наполеономъ и убѣдить его

ѣхать на свиданіе съ императоромъ, который слѣшилъ на встрѣчу ему. Фердинандъ, сопровождаемый наполеоновскимъ агентомъ Савари и почетнымъ французскимъ коновоемъ, выѣхалъ по направленію къ французской границѣ. Доѣхавъ до Бургоса, занятаго уже французами, и узнавъ, что Наполеона еще не было, Фердинандъ рѣшилъ остановиться. Но Савари, уполномоченный употребить въ случаѣ надобности даже силу, чтобы довести его до Байоны, настоялъ на продолженіи путешествія. Въ Викторіи Фердинандъ снова заупрямился, тѣмъ болѣе, что народъ открыто заявлялъ свое негодованіе и сожалѣніе по поводу этой безумной поѣздки. Наполеонъ велѣлъ, если онъ вздумаетъ вернуться въ Бургосъ, „арестовать его и отправить въ Байону“. Убѣжденный и успокоенный своими приближенными, Фердинандъ поѣхалъ, куда его требовали. Бонапартъ принялъ его очень милостиво, но объявилъ: „если отреченіе короля Карла произошло отъ его собственнаго движенія, если здѣсь не было насилія со стороны аранжуецкаго возстанія, я безъ всякаго затрудненія допущу его и признаю ваше высочество испанскимъ королемъ“. Годой былъ тоже привезенъ въ Байону, куда вслѣдъ за нимъ прибыли Карлъ IV и его жена. Всѣ трое они убѣдились горькимъ опытомъ, что ихъ правленіе, возбуждавшее въ народѣ неудовольствіе, болѣе невозможно въ Испаніи и что единственнаго спасеніе ихъ въ Наполеонѣ. Карлу и его супругѣ Наполеонъ велѣлъ оказывать вездѣ, по дорогѣ, королевскія почести и торжественныя приемы, какихъ не оказывала имъ сама Испанія. По выходѣ изъ кареты, слабонервный Карлъ растрогался до того, что со слезами на глазахъ бросился въ объятія своего покровителя. Въ то время, какъ старикъ предавался своимъ изліяніямъ, Наполеонъ наблюдалъ фізіономіи актеровъ, участвовавшихъ въ этой трагикомедіи. „Король Карлъ, писалъ онъ на завтра Талейрану, — честный человѣкъ. Онъ кажется откровеннымъ и добрымъ. О королевѣ довольно вамъ сказать, что ея сердце и исторія написаны на ея фізіономіи. Принцъ мира (Годой) похожъ на быка. Принцъ астурійскій (Фердинандъ) глупъ, очень золъ и большой врагъ Франціи“. Наполеонъ свелъ родителей съ сыномъ, и первые осыпавъ его всевозможными укоризнами и оскорбленіями, потребовали отъ него назадъ корону, которую онъ захватилъ, благодаря смутамъ. Фердинандъ не соглашался. Долго возились съ нимъ; наконецъ, Бонапартъ объявилъ ему: „если вы сегодня до полуночи не признаете вашего отца законнымъ королемъ и не попросите его въ Мадридъ, съ вами будетъ поступлено, какъ съ мятежникомъ“. Пригрозивъ ему разстрѣляніемъ, Наполеонъ сломилъ его упорство. Единственнымъ и законнымъ королемъ Испаніи снова сдѣлался Карлъ, который немедленно-же, подъ диктовку Наполеона, составилъ актъ, которымъ онъ уступалъ всѣ свои права императору, за два замка, Компьенъ и Шамборъ, и ренту въ 30,000,000 реаловъ. Фердинанду были пожалованы наварскій замокъ и 600,000 пожиз-

ненной ренты; инфантамъ назначены пенсіи. „Все это вмѣстѣ, писалъ Наполеонъ, — составитъ 9,000,000 франковъ. *Всѣ эти суммы будутъ выплачены Испаніей*“ (стр. 248). Фердинанда и братьевъ его Наполеонъ отправилъ подъ конвоемъ въ Валенсѣи и, по свойственной ему ядовитой ироніи, поручилъ заботы о нихъ мятежному Талейрану. „Я желаю, писалъ онъ ему, — чтобы эти принцы были приняты безъ наружнаго блеска, но *прилично*, и чтобы вы употребили всевозможныя старанія для ихъ развлеченія. Если у васъ въ Валенсѣи есть театръ и вы выпшете нѣсколько артистовъ, это будетъ недурно. Можете пригласить г-жу Талейранъ съ четырьмя или пятью дамами. Если принцъ Астурійскій привяжется къ какой-нибудь хорошенькой женщицѣ, тутъ я не вижу ничего неприличнаго, въ особенности, если-бы это было вѣрно. Мнѣ очень важно, чтобы принцъ Астурійскій не сдѣлалъ никакой неудачной выходки. Я желаю, чтобы онъ забавлялся и былъ занятъ. Политика требовала, чтобы его посадить въ Бичъ или какой-нибудь другой укрѣпленный замокъ; но такъ-какъ онъ отдался мнѣ въ руки, обѣщалъ ничего не дѣлать безъ моего приказа, то я рѣшился послать его въ деревню, окруживъ удовольствіями и надзоромъ. Что касается васъ, то ваше порученіе довольно почетно. Принимать у себя троихъ высокихъ особъ для ихъ забавы — совершенно въ характерѣ поэзіи и вашего званія“ (стр. 250).

Въ то время, какъ эта комедія приближалась къ развязкѣ, въ Мадридѣ произошло возстаніе, которое Мюратъ подавилъ съ страшною силою. Остатки инсургентовъ покорилось подъ условіемъ всеобщей амнистіи, но, несмотря на это, сотни ихъ были разстрѣляны безъ всякаго суда, дабы другимъ неповадно было. Но въ тотъ самый день, какъ Мюратъ, въ качествѣ будущаго короля, казнилъ ихъ, онъ былъ извѣщенъ Наполеономъ, что на испанскій престолъ опредѣленъ не онъ, а Юсіфъ Бонапартъ. Это неожиданное назначеніе, мадридскія смуты, байонскія событія переполнили, наконецъ, мѣру. Въ шесть дней, съ 24 по 30 мая 1808 г., возстала вся Испанія. „Сигваль, говоритъ Лавфре, — не исходилъ ни изъ города, ни изъ деревень; онъ былъ подавъ въ одно и то-же время на всѣхъ пунктахъ полуострова. Въ деревняхъ, въ селахъ, на дорогахъ люди собирались добровольно; они шли въ главный городъ провинціи; они находили обывателей уже возставшихъ или готовыхъ къ возстанію; они смѣщали нерѣшительныя или подозрительныя власти, учреждали свои юнты, завладѣвали арсеналами, вооружали народъ, объявляли поголовное возстаніе. Вездѣ добровольная дадь стекалась въ кассы новаго правительства и всѣ способные носить оружіе вступали подъ его знамена. Дворяне, крестьяне, мѣщане, патеры, солдаты, — всѣ сословія соперничали въ соревнованіи. Рядомъ съ батальонами, собравшимися подъ знаменами испанскихъ святыхъ, виднѣлись въ національной арміи роты *Брута* и *Катона*, роты *Народа*“ и т. д. (стр. 257). Небольшое астурійское княже-

ство первое „объявило войну“ Франціи. Наполеонъ рѣшительно не могъ понять важности совершавшагося передъ его глазами факта. Опираясь на 120-тысячную армію, онъ презиралъ эту бунтующую толпу; онъ повелѣлъ немедленно потушить мятежи. Банды инсургентовъ, конечно, не могли держаться противъ дисциплинированныхъ французскихъ войскъ и несли страшныя пораженія. Въ Лагроно у нихъ было убито 100, у французовъ 1; въ Кабезонѣ у нихъ 500, у французовъ 15; въ Малленѣ у нихъ 1,000, у французовъ 20 и т. д. Но разбитые въ одномъ мѣстѣ, испанцы немедленно появлялись въ другомъ и съ прежнимъ ожесточеніемъ дрались съ врагами, подстерегая ихъ въ горахъ, въ ущельяхъ, за каждой скалой и изъ-за cadaго куста. Но Бонапартъ, повторяемъ, не понималъ важности этого движенія, онъ игнорировалъ его и торопился обнаруженіемъ новой конституціи и водвореніемъ въ Мадридѣ новаго короля Іосифа. Изъ грандовъ, захваченныхъ вмѣстѣ съ королевскою фамиліею, и изъ сановниковъ, которыхъ ему удалось привлечь на свою сторону обѣщаніями золотыхъ горъ, онъ составилъ въ Байонѣ учредительныя кортесы. Его въ это время не смущали никакія опасенія. Не смущалъ ни возставшій народъ, ни Фердинандъ, во имя котораго возстало большинство народа. Наполеонъ оскорблялся даже тѣмъ, что принцъ астурийскій въ своихъ слезныхъ письмахъ къ нему все еще удерживалъ за собой свои титулы. Наполеонъ былъ раздраженъ „дерзостью этого плачущаго Лазаря“. „Принцъ Фердинандъ, писалъ онъ Талейрану, — въ письмахъ ко мнѣ называетъ меня *своимъ кузеномъ*. Постарайтесь дать понять господину Сан-Карлосу, что это смѣшно, и что онъ долженъ называть меня просто государемъ» (стр. 270). Бонапартъ въ это время жилъ только въ мірѣ фантазій. Онъ дрожалъ отъ удовольствія, что налагаетъ руку на богатѣйшія въ мірѣ владѣнія, и рассчитывалъ, сколько піастровъ принесетъ ему Мехика, въ которую онъ уже назначилъ своего вице-короля. Онъ считалъ, сколько кораблей дастъ ему испанскій флотъ, и въ его воображеніи была уже армада въ 132 корабля, съ которыми онъ побѣдитъ Англію, покоритъ Египетъ и Индію. Въ то-же время, какъ полновластный государь, онъ разсылалъ повелѣнія своимъ мнимымъ испанскимъ подданнымъ, назначая однихъ въ байонскіе кортесы, другихъ губернаторами колоній. Но кортесы не собрались, колоніи отказывались признать его, а Куеста, въ тотъ самый день, когда Бонапартъ назначилъ его вице-королемъ Мехики, принялъ начальство надъ инсургентами Леоне и Вальядолида. Но Наполеонъ игнорировалъ всѣ эти факты. Даже когда Англія выступила противъ него на Пиринейскомъ полуостровѣ, онъ съ величайшею самоувѣренностью сказалъ: «англичане не въ состояніи предпринять ничего, ибо хорошо знаютъ, что будутъ уничтожены». Онъ былъ увѣренъ, что прїѣздъ Іосифа «окончательно разсѣетъ смуты, прояснитъ умы и возстановитъ вездѣ спокойствіе». Прїѣхалъ Іосифъ, объявлена конституція, составлено министерство; у ис-

ваго короля было все, — не было только подданных! «Никто не говорилъ вамъ правды, писалъ онъ Наполеону.— Дѣло въ томъ, что нѣтъ ни одного испанца, который былъ-бы за меня, исключая небольшой кучки, путешествующей со мною. Я не испуганъ своимъ положеніемъ, но оно единственное въ исторіи: у меня здѣсь нѣтъ ни одного сторонника». «Врагъ мой, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—храбрый, доведенный до отчаянья народъ. Объ умерщвленіи меня говорятъ публично. Честные люди также противъ меня, какъ и плуты» (стр. 305). На эти сѣтованія брата Наполеонъ не находилъ никакихъ другихъ отвѣтовъ, кроми того, что старался внушить ему свою самонадѣянность и рекомендовалъ энергическія мѣры въ отношеніи непокорныхъ.

Между тѣмъ испанцы окрѣпли до того, что, разбивъ корпусъ Дюпона въ іюлѣ 1808 г., принудили его сдаться военнопленнымъ и отбросили французовъ къ Эбро. Французы принуждены были очистить Мадридъ, и Іосифъ бѣжалъ изъ столицы, несопутствуемый ни однимъ испанцемъ. Въ то-же время Французская армія въ Португаліи принуждена была сдаться на капитуляцію англичанамъ. Все это производило въ Европѣ потрясающее, чрезвычайнo невыгодное для Наполеона впечатлѣніе. Онъ бросилъ Испанію и поѣхалъ на эрфуртское свиданіе, устраивать свои дѣла. Заручившись здѣсь дипломатической поддержкой, двинувъ на Испанію новыя силы, онъ отправился снова «въ Мадридъ, короновать испанскаго короля, и водрузить свои орлы на фортахъ Лиссабона». Началась ужасная, опустошительная война. Города и деревни, по которымъ проходили французы, были уничтожаемы. «Печальное зрѣлище, воскликнулъ вступившій съ Іосифомъ въ Бургосъ другъ и совѣтникъ его, Міо.—Дома почти пустыни и разграблены; мебель разломана и разбросана въ грязи; кварталъ, лежащій за Арлансономъ, весь въ огнѣ; разъяренные солдаты выламываютъ двери, окна, разбиваютъ всякую преграду и, пользуясь малымъ, уничтожаютъ многое. Церкви разграблены, улицы завалены мертвыми и умирающими; повсюду всѣ ужасы штурма, *хотя городъ и не защищался*. Картезіанскій и главные монастыри ограблены. Въ церквяхъ и монастыряхъ вскрывались гробницы, въ ожиданіи найти въ нихъ сокровища, и находимые въ нихъ женскіе трупы волоклись по улицамъ, потомъ бросались на мостовой, покрытой костями и обрывками савановъ. Я видѣлъ даже подъ окнами архіепископскаго дома, въ которомъ остановился императоръ, бивачный огонь, поддерживаемый музыкальными инструментами и мебелью изъ домовъ, впродолженіи цѣлой ночи. Король Іосифъ пытался-было дѣлать кое-какія замѣчанія, но они были дурно приняты» (стр. 364). Въ добавокъ къ солдатскимъ грабегамъ, Бонапартъ приказывалъ конфисковать товары и имѣнія испанскихъ грандовъ. «Это только первая мысль», замѣчалъ онъ, отдавая такое приказаніе. За этой «первой мыслью» шли декреты объ изгнаніяхъ, разстрѣливаньяхъ и т. д. и, въ перемежку съ

ними, указы объ уничтоженіи феодальныхъ правъ, инквизиціи, излишнихъ монастырей. Но даже либеральныя мѣры не увлекали никого. Испанцы всѣхъ партій дрались объ ожесточеніи, которое вызывало со стороны Бонапарта новыя жестокости, приводившія въ отчаяніе добродушнаго Іосифа. «Государь, писалъ онъ Наполеону,—господинокъ Урквио сообщилъ мнѣ законодательныя мѣры, принятыя вашимъ величествомъ. *Стыдъ выстываетъ у меня на лицъ предъ моими мнимыми подданными. Умоляю ваше величество принять отъ меня отреченіе отъ всѣхъ правъ, дарованныхъ вами мнѣ на тронъ Испаніи. Я всегда предпочту честь и добросовѣстность—власти, купленной столь дорого*». Наполеонъ былъ непреклоненъ и ввелъ Іосифа, подъ прикрытіемъ штыковъ, въ Мадридъ. Вторичное занятіе Мадрида французами произвело взрывъ энтузіазма во всей Испаніи. Даже геній Наполеона ничего не могъ подѣлать съ національнымъ ополченіемъ и союзниками его, англичанами. Онъ рѣшился на время убраться изъ Испаніи; будучи твердо увѣренъ, что слава, въ случаѣ успѣха, будетъ отнесена къ нему, а въ случаѣ неудачи вся отвѣтственность падеть на его генераловъ. Убѣжая, онъ снабдилъ Іосифа инструкціями и совѣтами. «Я не доволенъ мадридскою полиціею, писалъ онъ ему 10 января:—Бельяръ слишкомъ слабъ; съ испанцами надобно быть строгимъ. Я велѣлъ арестовать 15 самыхъ закоренѣлыхъ негодяевъ и приказалъ разстрѣлять ихъ. Велите арестовать такихъ-же человекъ 30 въ Мадридѣ. Когда съ этими бездѣльниками обходятся кротко, они считаютъ себя неуязвимыми; если-же нѣкоторыхъ изъ нихъ повѣсятъ, они начинаютъ одумываться и становятся смиренными и покорными, какими и должны быть». Бельяръ сдѣлался ревностиѣ, и 12 января Наполеонъ писалъ: «Поступокъ Бельяра превосходенъ. Надобно повѣсить десятка два самыхъ отчаянныхъ негодяевъ». 16 января онъ снова проповѣдуетъ ту же политику, чтобы рѣзче начертать правила ея въ доброй душѣ Іосифа. «Палата алькадовъ Мадрида оправдала или только присудила къ тюремному заключенію тридцать мерзавцевъ, арестованныхъ Бельяромъ. Надобно назначить военную комиссію для суда надъ ними и велѣть разстрѣлять виновныхъ... Здѣсь употребляли всѣ усилія, чтобы исходатайствовать помилованіе осужденнымъ *разбойникамъ*. Я отказалъ. Я велѣлъ ихъ повѣсить. Я считаю, особенно въ первые моменты, необходимыми для вашего правительства выказать немного энергіи относительно *бездѣльниковъ*. Бездѣльники не любятъ и не уважаютъ тѣхъ, кто ихъ боится; а страхъ, внушаемый вами этой дрянью, одинъ можетъ доставить вамъ любовь и уваженіе всей націи» (стр. 394).

Но чѣмъ больше жестокостей употребляли Наполеонъ и его генералы, тѣмъ сильнѣе становилась отчаянная энергія испанцевъ, защищавшихъ свое отечество съ такимъ безпримѣрнымъ мужествомъ, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи европейскихъ народовъ. Упорное сопротивленіе испав-

цевъ, котораго Наполеонъ не ожидалъ, начало, наконецъ, выводить его изъ себя. Онъ сердился, ругался, предписывалъ жестокости, клеветалъ и позорялъ своихъ противниковъ, составлявшихъ цѣлую націю. Когда Сарагосса, послѣ героической защиты, возбудившей изумленіе цѣлаго міра, наконецъ, сдалась и, вопреки условій капитуляціи, была разграблена французами, Наполеонъ рѣшился отнять у ея защитниковъ даже славу храбрости. „Вратъ, писалъ онъ Юсифу,—я читалъ въ *Мадридской Газетѣ* статью о взятіи Сарагоссы. Тамъ восхваляются защитники этого города. Вотъ странная политика! Конечно, нѣтъ француза, который не питалъ-бы глубокаго презрѣнія къ защитникамъ Сарагоссы“. Въ противовѣсъ удивленію всей Европы, онъ началъ въ *Монитерѣ* чернить и позорить доблестнаго героя, бывшаго душой сарагосской защиты. „Человѣкъ этотъ, говоритъ *Монитеръ* о Палафоксѣ, — сдѣлался предметомъ презрѣнія для всей непріятельской арміи, которая обвиняетъ его въ высокомеріи и трусости. Его никогда не видѣли на постахъ, гдѣ угрожала опасность“. Черезъ нѣсколько дней: „Опасаются за жизнь Палафокса. Человѣка этого презираетъ весь городъ“. Умирзшаго Палафокса перевезли по приказанію Наполеона изъ Сарагоссы во Францію, заключили въ венсенскій замокъ и обращались какъ съ злодѣемъ вплоть до паденія имперіи (стр. 413).

Разоривъ страну, погубивъ сотни тысячъ людей, Наполеонъ понималъ, что невозможно бороться съ цѣлымъ народомъ, и обратилъ свою непріимчивость противъ Австріи. Испанская война служитъ лучшимъ доказательствомъ, что, обладая первостепеннымъ талантомъ въ военномъ дѣлѣ, Наполеонъ во многихъ другихъ отношеніяхъ обладалъ умомъ, невыходившимъ изъ ряда самыхъ посредственныхъ способностей. По всей вѣроятности, это оттого, что онъ былъ первѣйшимъ специалистомъ военнаго ремесла, которое изучалъ въ совершенствѣ, между тѣмъ какъ государственныя его соображенія были крайне рутинны. Сказанія объ его административномъ гениѣ—положительный мифъ. „Не въ природѣ вещей, говоритъ Ланфре,—чтобы человѣкъ, будь онъ гениальнѣе Бонапарта,—могъ управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе такимъ обширнымъ, за 500 миль отъ своей границы, среди волненій, случайностей и безчисленныхъ надобностей боевой жизни. Когда Наполеонъ втеченіи дня дѣлалъ отъ 15 до 20 миль верхомъ, для объѣзда войскъ, диктовалъ десять приказаній относительно движеній арміи на предназначенной имъ шахматной доскѣ, когда распорядился, чтобы доставить войскамъ на данные пункты продовольствіе и сѣстные припасы, посылалъ корпуснымъ командирамъ инструкціи для единства дѣйствій,—много-ли ему оставалось времени, силъ и энергій заниматься внутренними дѣлами имперіи! Угодливые писатели, которые представляютъ намъ Бонапарта человѣкомъ, несшимъ безъ труда это громадное бремя и изъ лагера двигавшимъ имперію, въ качествѣ лич-

ности всезнающей и вездѣ присутствующей, — употребляютъ, можно сказать, языкъ, болѣе приличный сказкамъ, чѣмъ исторіи“ (стр. 67). Мишле и Ланфре показали, что даже военною славою Наполеонъ былъ обязанъ въ значительной степени своимъ генераламъ. Гражданское-же управление Франціей вели подъ его именемъ другіе люди. Какъ ни дурно было оно, все-таки было лучше, чѣмъ тѣ мѣропріятія, которыя выдумывалъ самъ Наполеонъ. Чтобы поднять, напр., фабричную производительность разоренной Франціи, онъ рѣшилъ выдавать 6,000,000 въ годъ займа наиболѣе пострадавшимъ мануфактуристамъ, съ тѣмъ условіемъ, что мануфактуры будутъ продолжать свое дѣйствіе и отдадутъ на сохраненіе въ специальный магазинъ такое количество товаровъ, которое своею цѣнностью вдвое превышало-бы выданную имъ ссуду. „Такой заемъ, предполагаю, дастъ мнѣ ипотеку, писалъ Наполеонъ Камбасересу. — Если, по нашимъ гражданскимъ законамъ, она мнѣ не слѣдуетъ, дайте указъ, по которому-бы я получилъ ее“ (стр. 76). Вотъ какъ зналъ свои законы великій „творецъ“ кодекса... Еще забавнѣе хлопоталъ онъ о возбужденіи энтузіазма въ солдатахъ, отправляемыхъ въ Испанію. Для этого онъ велѣлъ „заказать въ Парижъ тѣсни“. Но о чѣмъ-же тѣсни? Отечество, свобода, коварный Альбионъ уже не возбуждали солдатъ. „Пусть говорятъ, пишетъ Наполеонъ, — о свободѣ морей“!!! „Вы закажете, прибавляетъ онъ, — три рода пѣсенъ, чтобы солдатъ не слышалъ одного и того же два раза“ (стр. 338). Не менѣе наивны и его планы относительно развитія литературы. „Странно, говоритъ Ланфре, что, изгоняя всякую независимую мысль и возвышенное чувство, Наполеонъ не терялъ ни на минуту изъ вида проекта возрожденія великихъ литературныхъ эпохъ. Остались два продиктованные имъ документа, относящіеся къ ободренію литературы и устройству специальныхъ училищъ, служащіе любопытнымъ доказательствомъ беспорядка и безсвязности его идей. Онъ признаетъ въ нихъ, что государство мало компетентно въ этомъ дѣлѣ, что ему нечего заниматься раздачею мѣстъ поэтамъ, которыхъ награда въ одобреніи публики; но въ то-же время онъ хочетъ поручить администраціи рекомендовать авторовъ вниманію публики. „Если, пишетъ онъ, — институтъ, по требованію императора, подвергнетъ критикѣ Георгіки аббата де-Делиля, не какъ переводъ, а какъ образецъ языка, поэзіи и вкуса, или лучшую пѣснь изъ поэмы о мореплаваніи Эненара, или одну изъ лучшихъ одъ Лебрена, — можетъ быть, критикуемый авторъ сперва и посердится, но вскорѣ почувствуетъ, что выборъ его сочиненія можетъ служить ему похвалою, между тѣмъ какъ публика заинтересуется, научится, сформируется. Какъ только правильно учредится разумная критика, тогда можно будетъ запретить систему критики настоящей или, по крайней мѣрѣ, исправлять ея излишества. Институтъ величайшее средство въ рукахъ министра“ (стр. 73). „Въ тотъ-же день

Наполеонъ диктовалъ, относительно обученія географіи и исторіи, инструкціи болѣе разумныя, но въ которыхъ равномерно обнаруживалась узкая заботливость, вносимая имъ въ каждое дѣло. Независимо отъ предпочтенія исторіи военной, видно, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ исторіи простой перечень чиселъ и фактовъ, родъ анатоміи событій, лишенныхъ всего, что могло дать имъ смыслъ, нравоученіе и выводъ. Исторія безъ заключенія, наука безъ обобщенія, общество безъ принциповъ—вотъ окончательная невозможность, о которой онъ мечталъ“ (стр. 75). Но это была далеко не единственная невозможность, къ осуществленію которой онъ стремился. Покореніе міра, учрежденіе всемірной монархіи были невозможностью несравненно болѣе странною, а между тѣмъ эта послѣдняя невозможность была цѣлью всей его дѣятельности, мечтою всей его жизни.

Покореніе міра евреями. Сочиненіе маіора Османъ-Бей. Спб. 1874.

Османъ-Бей точно съ неба упалъ въ нашу журналистику. Намъ неизвѣстно, кто онъ, откуда онъ и почему онъ предпочелъ русскую литературу турецкой, французской или англійской. Самъ онъ называетъ свое прошлое „ужасной драмой“ и намѣренъ въ скоромъ времени повѣдать ее міру. По воспитанію и языку онъ не имѣетъ ничего общаго съ нашей литературой; пишетъ и говоритъ онъ по-французски, его переводятъ и печатаютъ въ русскихъ журналахъ и газетахъ. Въ прошломъ году онъ повѣствовалъ о турецкихъ женщинахъ на страницахъ „Русскаго Міра“; въ нынѣшней разсказывалъ тоже о турецкихъ женщинахъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и вотъ, наконецъ, издалъ брошюрку о томъ, что якобы всѣмъ міромъ овладѣли евреи. Очень интересная брошюрка. Несмотря на то, что она содержитъ въ себѣ только 48 страницъ самой разгонистой печати, она обнимаетъ собою всю рѣшительно исторію еврейскаго народа, начиная съ самаго его происхожденія. Впрочемъ, „о происхожденіи евреевъ“ говорится только въ заголовкѣ второй главы, а въ самомъ текстѣ обозначено лишь кратко, но ясно, что евреи уже при самомъ своемъ „происхожденіи“ на свѣтъ были „матеріалистами и практиками“ и ни о чемъ болѣе не думали, какъ о барышахъ и процентахъ (стр. 5). У нихъ ужъ природа, значить, такая, и, благодаря этой природѣ, еврей всегда былъ врагомъ всей „остальной части человѣчества, противъ которой онъ ведетъ войну до послѣдней крайности“ (стр. 6). Османъ-Бей, неизвѣстно на основаніи какихъ историческихъ документовъ, но рѣшительно утверждаетъ, что евреи съ веко-завѣтныхъ временъ всегда были такими-же ростовщиками, какъ нынѣ; что завладѣвъ всѣми денежными средствами Египта, они „захватили все, что только было у нихъ подъ руками, и со

всѣмъ этимъ убѣждали изъ Египта“ (стр. 10). Деньги всегда были ихъ богомъ, и подтвержденіе этого ученѣйшій маіоръ видитъ въ томъ золотомъ тельцѣ, который былъ уничтоженъ Моисеемъ. По мнѣнію достопочтеннаго маіора, евреи поклонялись не этому *тельцу*, а тому золоту, изъ котораго онъ былъ вылитъ!.. Такъ-какъ мозаизмъ и общественное устройство Іудей противорѣчатъ всѣмъ этимъ глубокомысленнымъ соображеніямъ маіора, то послѣдній, хотя и турокъ, но тѣмъ не менѣе все-таки, обладая ловкостью военнаго человѣка, — обходитъ упомянутые предметы и называетъ мозаизмъ только неудавшейся попыткой возродить еврейскую націю къ новой, лучшей жизни. О бѣдственныхъ временахъ Іудей, объ этихъ вѣковыхъ нашествіяхъ и угнетеніяхъ разныхъ ассиріянъ, вавилонянъ, римлянъ, копчившихся совершеннымъ разореніемъ Іудей и разрушеніемъ ея столицы, маіоръ говоритъ также лишь нѣсколько словъ. Между тѣмъ здѣсь было начало рѣшительнаго поворота въ исторіи этого несчастнаго народа, несчастнаго и безсмертнаго, какъ легендарный Агасферъ. Лишенные отечества, которое они такъ любили, и всѣхъ святынь города, который былъ средоточіемъ всей ихъ жизни, гонимые, преслѣдуемые евреи разсѣялись по землѣ, но не пали духомъ, а напротивъ, благодаря силамъ этого духа, пробивались всюду впередъ и вездѣ удерживали свой національный характеръ. Въ Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ и въ мавританской Испаніи евреи положительно стояли въ первыхъ рядахъ интеллигенціи, будучи первыми философами, медиками, дипломатами и т. д. Господинъ Османъ-Бей, знакомый съ исторіей, вѣроятно, по турецкимъ учебникамъ, не знаетъ этого, не знаетъ и того, что евреи приняли свой несимпатическій характеръ, превратились въ ростовщиковъ и барышниковъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ средневѣковая Европа начала систематически преслѣдовать ихъ. Относительно этихъ преслѣдованій господинъ маіоръ высказываетъ тоже очень оригинальные, по крайней мѣрѣ, съ европейской точки зрѣнія, взгляды. Онъ утверждаетъ, во-первыхъ, что евреямъ, несмотря на эти преслѣдованія, жилось все-таки хорошо, а во-вторыхъ, что недурно поступала и христіанская Европа, преслѣдуя ихъ. Вотъ испанцы отлично поступили, изгнавъ евреевъ. „Испанцы сообразили, что имъ очень невыгодно на свой счетъ обогащать другой, чуждый имъ народъ, бывшій еще вдобавокъ тайнымъ союзникомъ мавровъ“ (стр. 25). Почитайте, господинъ маіоръ, европейскіе учебники всеобщей исторіи, и вы увидите, что Испанію разоряли испанцы, а не евреи, которые вибѣстѣ съ маврами, напротивъ, содѣйствовали ея процвѣтанію. Слѣдя далѣе за историческою жизнью ненавистнаго ему народа, Османъ-Бей изображаетъ ходъ „презрѣнной жидовской интриги, посредствомъ которой евреи успѣли добиться своей эманципаціи“. Имъ нужно было только какое-нибудь благоприятствующее обстоятельство, чтобы выйти изъ тѣмы и занять открытое положеніе въ мірѣ. Евреи воспользовались тѣмъ временемъ, когда на-

плывъ новыхъ идей потрясъ соціальную и религіозную систему, и выдвинулись впередъ съ криками: „да здравствуетъ терпимость, да здравствуетъ братство“ (стр. 28). Терпимость къ евреямъ и ихъ равноправность маіоръ считаетъ иѣрами положительно вредными,—иѣрами, выдуманними самими недалновидными политиками (стр. 40). „Результаты эманципаціи евреевъ не заставили себя ожидать. Мы не станемъ слѣдить за движеніемъ евреевъ въ сферѣ политики, а обратимъ только вниманіе на настоящее положеніе дѣлъ. Въ настоящее время въ законодательныхъ собраніяхъ Англии, Франціи и Австріи одни изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ — евреи; нѣкоторые государи имѣютъ министровъ и совѣтниковъ евреевъ; въ Англии Дизраели и первый лордъ адмиралтейства—еврей; въ Пруссіи фигурируетъ Ласкеръ—еврей. Во Франціи есть еврей монархисты, республиканцы и даже социалисты. Если одержитъ побѣду монархизмъ, то поддержкой еврейскихъ интересовъ будутъ Фульдъ, Перейра и Ком.; при перевѣсѣ на сторонѣ республики эту обязанность примутъ на себя Кремье и Карлъ Марксъ“ (стр. 40—41). Такимъ образомъ, куда ни посмотримъ, вездѣ ученый маіоръ находитъ всѣ бѣды и напасти отъ евреевъ. У нихъ въ рукахъ и золото, и власть, которую даетъ золото, такъ что рано или поздно, но эти хитрые люди непремѣнно покорятъ себѣ весь міръ. Даже философія, литература, геіи—все служитъ для этихъ людей только средствомъ къ „покоренію міра“.

Не знаемъ, о чемъ будетъ повѣствовать дальше ученый маіоръ въ нашей гостеприимной журналистикѣ, но мы можемъ безошибочно предсказать ему блестящее поприще и полнѣйшую готовность печатать его со стороны такихъ издателей, какъ г. Вазуновъ.

Георгъ Форстеръ, народный естествоиспытатель. Его жизнь и краткія извлеченія изъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Я. Мошотта. Перев. со 2-го нѣм. изданія. Изд. А. Сазоновичъ. Спб. 1874.

Имя Георга Форстера одно изъ тѣхъ забытыхъ именъ, о которыхъ потомство узнаетъ совершенно случайно, а между тѣмъ это имя принадлежитъ дѣятелю, оставившему глубокіе слѣды въ исторіи развитія своего отечества. Неудивительно, что мы не знаемъ этого имени, но его не знаютъ или не хотѣли звать такъ долго даже соотечественники его. Только благодаря превосходной біографіи Мошотта они ознакомились съ этимъ именемъ и начинаютъ понимать его важное значеніе. Мошоттъ разсказываетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что когда онъ обратился къ «майнцскому обществу поощренія литературы и художествъ» съ просьбою

«Дѣло», № 4.

содѣйствовать ему въ устройствѣ праздника въ честь Форстера, то это общество мотивировало свой отказъ тѣмъ, «что Георгъ Форстеръ втеченіи службы бібліотекаремъ въ Майнцѣ ничего особеннаго не сдѣлалъ». Какъ мѣтко выразилась въ этихъ словахъ незамысловатая рутина исторической критики! Онъ ничего *особеннаго* не сдѣлалъ; въ его дѣятельности нѣтъ ничего такого, что-бы можно было занести въ формуляръ и расположить по рубрикамъ общезвѣстныхъ добродѣтелей, ему нельзя даже найти какой-нибудь опредѣленной клички и пришлось назвать народнымъ естествоиспытателемъ, хотя онъ никогда не писалъ для народа; онъ былъ ни поэтъ, ни художникъ, ни ученый, ни философъ, онъ былъ всеобъемлющимъ, гениальнымъ публицистомъ, но, по истинѣ, ничего *особеннаго* онъ не сдѣлалъ. Его глубокій и спокойный умъ работалъ въ тиши своего кабинета и не озадачилъ современниковъ ничѣмъ блестящимъ, и потому «майнцское общество» не обратило на него вниманія. Оцѣнить значеніе Форстера въ исторіи образованнаго міра—задача сложная, но въ высшей степени поучительная. Для этого необходимо перенестись во вторую половину XVIII столѣтія и обнять богатую культуру этого вѣка во Франціи и Англіи, изучить все разнообразіе идей въ лицѣ отдѣльныхъ представителей тогдашняго умственного движенія, и въ этихъ идеяхъ искать элементовъ, изъ которыхъ выработалась умственная организація Форстера. Онъ жилъ въ эпоху возрожденія нѣмецкой литературы и косвенно принималъ въ нею личное участіе; онъ былъ современникомъ Гете и Гумбольдта и одной половиной своей духовной природы соприкасался съ первымъ, другой—съ послѣднимъ. Форстеръ былъ истинный художникъ и первый великій естествоиспытатель Германіи. Сынъ своего вѣка, онъ стремился создать цѣльное міросозерцаніе, которое обнимало бы искусство, науку, природу и общественную жизнь человѣка. Нужно представить себѣ низкій уровень тогдашней образованности, въ особенности полное невѣжество публики въ области естествознанія, чтобы понять, какую пользу принесъ Форстеръ своему времени и какъ трудна была его роль популяризатора. Вернувшись изъ кругосвѣтнаго путешествія, которое онъ совершилъ вмѣстѣ съ Кукомъ, онъ открылъ предъ своими соотечественниками цѣлый міръ новаго знанія, искусно сочетавъ въ своемъ описаніи ясность и широту мысли съ изящной простотой изложенія. «Его описаніе путешествія, говоритъ Мошоттъ,—есть эпическое произведеніе, дышащее въ каждой строкѣ любовью и человѣчностью. Не знаешь, что въ немъ беретъ перевѣсъ: красота или простота, теплота или ясность. Не знаешь, что стоитъ къ нему ближе: человѣкъ, его развитіе и его счастье, или прекрасный дугъ съ возвышающимся надъ нимъ яснымъ небомъ!» (стр. 33). Возвышенный умъ и гуманность Форстера не могли примириться съ гнусной системой эксплуатаціи чернаго населенія бѣлыми; онъ находилъ несправедливымъ присвоенное себѣ Европой право присо-

единять къ своимъ владѣнїямъ вновь открытыя земли и обращать въ рабство населяющїя ихъ дикїя племена. Отношенїе Форстера къ этому вопросу для насъ въ особеннѣсти интересно, такъ-какъ отсюда можетъ почерпнуть урокъ и нашъ просвѣщенный вѣкъ. Уже во время Форстера возникло мнѣнїе, что негры происходятъ отъ низшей расы, — мнѣнїе, которое развязывало руки рабовладѣльцамъ и «обрывало, говоря словами Молешотта, послѣднюю нить, соединявшую насъ съ этиимъ несчастнымъ народомъ и представлявшую нѣкоторую защиту отъ евроепейской жестокости рабовладѣльца». Но это мнѣнїе не поколебало гуманныхъ убѣжденїй Форстера, хотя онъ, какъ и всѣ самые образованные его современники, не могъ въ то время опровергнуть его научнымъ путемъ. «Человѣкъ, говоритъ Форстеръ, — прежде всего долженъ быть на-столько разуменъ, чтобы находить свою выгоду въ благосостоянїи другихъ; ради собственной выгоды и потребности спокойнаго наслажденїя въ жизни онъ долженъ быть справедливымъ; а по привычкѣ поступать справедливо, онъ будетъ питать братскую любовь, и этимъ путемъ онъ достигнетъ той высокой и чистой простоты души, которая безъ всякаго отношенїя къ законамъ холоднаго разума, божественно любя и чувствуя, творить добро» (стр. 127). Наука не могла искоренить въ душѣ Форстера глубокаго убѣжденїя, что негръ, несмотря на свою принадлежность къ низшей расѣ можетъ и долженъ стать на высоту европейской цивилизаціи съ помощью самихъ-же европейцевъ. По его мнѣнїю, онъ нисколько не становился при этомъ въ противорѣчїе съ наукой, ибо онъ вѣрилъ, что «даже безъ смѣшенїя расъ, а только чрезъ введенїе общаго языка и распространенїе представлений и идей, имѣющихъ вліяніе на дѣйствїя и вообще на дѣятельность людей, можетъ произойти измѣненїе органовъ». Только гениальный человѣкъ могъ высказать подобную догадку въ то время, когда наука не содержала еще никакихъ данныхъ для этого вопроса и скорѣе опровергала, чѣмъ подтверждала мысль Форстера. Форстеръ первый положилъ основанїе тому міровоззрѣнїю, которое въ наше время сдѣлалось господствующимъ, благодаря прогрессу положительнаго знанїя. Онъ возсталъ со всею силою своей мысли противъ торжествовавшихъ въ то время философскихъ системъ и противопоставилъ субъективнымъ умозрѣнїямъ философіи логику опыта и прямое свидѣтельство безхитростнаго чувства. «Истинно лишь отношенїе вещей другъ къ другу и къ намъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. — Мы, вслѣдствїе своей природы, можемъ составить себѣ понятїе о какомъ-либо предметѣ только по тѣмъ измѣненїямъ, которыя онъ производитъ въ насъ. Основой всѣхъ нашихъ понятїй служитъ внѣшнее впечатлѣнїе. Мїръ могъ-бы быть какимъ ему угодно, если-бы я могъ только знать то, что я хочу, и не придавать ничему вѣры; объ этомъ я выразился-бы чистосердечными англїйскими словами: seeing is believing» (все, что видимо, убѣдительно). Онъ не

признаетъ за философiей своего времени иного значенiя, какъ только умственной гимнастики, которая изощряла мыслительныя способности вообще и привела, быть можетъ, къ отрицанiю самой философiи. «По чело-вѣческимъ понятiямъ весьма естественно, пишетъ онъ своему другу, зна-тому Земмерингу,—что нашъ родъ долженъ былъ повозиться съ спекуля-тивными идеями, и это также могло помогать развитiю мыслительной способности, и, слѣдовательно, усовершенствованiю чело-вѣчества, если только къ этому направить всю дѣятельность ума. Но хорошо и то, что мы, по крайней мѣрѣ, привели себя въ ясность всю эту пута-ницу, знаемъ, что на этомъ пути всѣ идутъ впередъ, и на вѣки от-бросили жалкiя умствованiя, придерживаясь только того, что, дѣй-ствительно, осязательно для насъ» (стр. 87). Истину Форстеръ нахо-дилъ въ свѣжести непосредственнаго впечатлѣнiя, въ личныхъ ощуще-нiяхъ наблюдателя; самое искусное слово, рабски подмѣчающее дѣйстви-тельность, не въ силахъ воспроизвести ее во всемъ ея измѣнчивомъ раз-нообразiи или передать на бумагѣ все богатство впечатлѣнiй, которыя производятся въ насъ созерцанiемъ живой природы. Но самъ Форстеръ обладалъ громаднымъ талантомъ въ описанiи своихъ художественныхъ впе-чатлѣнiй, и это, быть можетъ, потому именно, что, сознательно или без-сознательно, онъ не разбавлялъ непосредственнаго чувства рефлексiей и умствованiемъ. Онъ всегда ставилъ въ укоръ философамъ, что «прежде, чѣмъ освоиться съ какимъ-нибудь впечатлѣнiемъ, они ужъ поднимаютъ вопросъ о томъ, съ чѣмъ его можно сравнить». Описанiе Форстеромъ картины «Юаннъ въ пустынѣ», написанной неизвѣстнымъ художникомъ, въ высшей степени замѣчательно по силѣ художественнаго анализа, глу-бокому одушевленiю мысли и возвышенной, спокойной объективности, и нельзя не согласиться съ Молешоттомъ, что это описанiе—одинъ изъ луч-шихъ листковъ въ лавровомъ вѣнкѣ Форстера. Несмотря на то, что оно нѣсколько растянуто, мы думаемъ, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ его въ этой рецензiи, чтобы показать, какъ разносторо-ненъ былъ талантъ этого чело-вѣка и какимъ вдохновеннымъ языкомъ чувства могъ говорить этотъ присяжный жрецъ науки. «Время, говоритъ Форстеръ,—придало и отняло нѣчто у этого божественнаго творенiя: при-дало вѣрность колориту, которой онъ, можетъ быть, не имѣлъ въ началѣ; отняло-же въ немногихъ мѣстахъ опредѣленность очертанiй, темныя тѣни которыхъ теряются на еще болѣе темномъ фонѣ. Опершись на лѣвую руку и нѣсколько выдвинувъ впередъ правую ногу, служащую ему второй опо-рой, спокойно сидитъ предъ нами Юаннъ во всемъ цвѣтѣ юношеской красоты и силы, обративъ свою мыслящую голову къ правому плечу. Подъ лѣвою рукой его, на выступѣ скалы, лежитъ крестъ, а въ правой, верхняя часть которой, направленная влѣво, осѣняетъ грудь, онъ дер-житъ другую эмблему Крестителя — чашу, наполненную изъ источника,

струящагося у ногъ его. Когда потокъ измѣнчивыхъ тысячелѣтій унесетъ и изгладитъ изъ памяти людей наши настоящія представленія объ истинѣ; когда имъ будетъ столь-же невозможно разобрать наши іероглифы, какъ теперь намъ египетскіе,— тогда эта картина (если только счастливый случай сохранить ее до тѣхъ поръ) послужитъ для позднѣйшихъ поколѣній соединительнымъ звеномъ съ цвѣтущимъ временемъ нашего настоящаго искусства, зеркаломъ, въ которомъ ясно отразится степень образованія и духъ прошедшаго поколѣнія, живымъ и понятнымъ для всѣхъ словомъ, которое скажетъ, какъ нѣкогда думалъ и чувствовалъ смертный, оставившій этотъ памятникъ своей творческой силы».

«Сила въ спокойствіи; не напряженность, а равновѣсіе,— таково разрѣшеніе задачи. Мы видимъ сидящаго человѣка, въ полной юношеской красотѣ: тѣло его покоится, но лишь при помощи дѣятельныхъ мускуловъ, а правая рука свободно движется съ наполненной чашей. Онъ хотѣлъ поднести ее ко рту, но вниманіе его отвлеклось во внутренній міръ мыслей и рука осталась протянутою незамѣтно для него самого. Очертаніе прекрасныхъ губъ сохранило дѣвственную чистоту; кроткая улыбка награждаетъ тѣхъ, кто послушаетъ ихъ голоса; теперь-же онѣ полны выраженія мягкаго чувства. Можетъ быть, это тихая радость надежды? По крайней мѣрѣ, веселыя мысли какъ-бы просятъ эти сомкнутыя уста высказать ихъ. Взоръ опущенъ; подъ мечтательнымъ очерчаніемъ этихъ вѣкъ, съ такою небесной чистотой выступающихъ подъ тѣнью бровей, внутреннему зору является божественное лицо, предъ которымъ роскошно украшенная земля кажется прахомъ. Цѣлый океанъ мыслей ясно отражается на его челѣ. Какъ свѣтло это чело! Ни одно желаніе, ни одна пылкая страсть не смущаетъ святого покоя этой души, хотя силы ея возбуждены къ дѣятельности въ эту минуту. Какъ хороша каждая черта, начиная отъ округленнаго подбородка до окаймленнаго темными кудрями лба! И на-сколько, однако, уступаетъ тѣлесная красота отраженному въ ней величію души!.. Мы знакомы съ этимъ возвышеннымъ юношей. Книга судебъ испорченнаго міра развернута передъ его глазами. Просвѣтленный воздержностью и отреченіемъ отъ міра, его чистый духъ изслѣдовалъ будущее. Въ уединенной пустынѣ онъ размышляетъ о великихъ нуждахъ вѣка. Слишкомъ благородный и великій для своего развращеннаго народа, онъ отдѣлился отъ него, наказывая его прижѣтомъ строгаго образа жизни и смѣло порицая въ своихъ пламенныхъ рѣчахъ. Теперь суровый судія нравовъ глубоко чувствуетъ, что такія средства не достигаютъ цѣли и что въ самую отвратительную массу порока надо влить благородную закваску, которая произведетъ въ ней броженіе. Самоотверженіе, терпѣніе, любовь — вотъ чего требуетъ всеобщій упадокъ нравственнаго чувства. Здѣсь ему кажется возможнымъ соединить эти качества въ созданномъ его умомъ идеалѣ человѣка, обладающаго ими вполне. Мало-по-

малу этотъ идеаль представляется ему не простымъ дѣломъ фантазіи: онъ принимаетъ знакомыя черты; да, онъ знаетъ божественнаго юношу, въ которомъ заключено спасеніе людей! Мы прозрѣваемъ чувство этого радостнаго сознанія въ опущенномъ взорѣ, какъ-бы потерявшемся въ созерцаніи внутренняго міра. Кто можетъ вполнѣ постигнуть этотъ огненный потокъ рѣчей, вѣкогда лившійся изъ этихъ устъ, обуздывавшій всякое сопротивленіе и дѣйствовавшій на робкія сердца? Теперь замолкнувшія уста выражаютъ спокойную, радостную увѣренность. Таковъ Креститель Іоаннъ» (стр. 110 — 111).

Неясный переводъ видимо ступевалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовательность художественной идеи, но вообще переводъ этого описанія довольно удовлетворителенъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о всей книгѣ. Но все-таки мы полагаемъ, что чтеніе біографіи Форстера дастъ здоровую пищу уму и чувству читателя. Нѣсколько восторженный тонъ, въ которомъ написана эта біографія, могъ-бы быть охлажденъ Мошоттомъ съ большой выгодой для общаго впечатлѣнія, производимаго знакомствомъ съ личностью Форстера. Этотъ восторженный тонъ, очевидно, мѣшалъ автору обстоятельнѣе коснуться тѣхъ идей Форстера, которыя составляютъ достояніе науки и современнаго образованнаго общества. Мошоттъ болѣе заинтересованъ личнымъ характеромъ и жизнью Форстера, которую онъ называетъ «художественнымъ произведеніемъ», чѣмъ его общественной ролью. Характеръ, подобный Форстеру, безъ сомнѣнія, долженъ былъ дѣйствовать благотворнымъ образомъ на людей, которые наслаждались общеніемъ съ нимъ. Этотъ рѣдкій человекъ проводилъ свои убѣжденія въ жизнь и никогда не отступалъ отъ нихъ на всѣхъ поприщахъ своей дѣятельности. По его мнѣнію, «не отрицаніе истины, а непослѣдованіе за признанной уже истиной» унижаетъ человека. И Форстеръ доказалъ, что для него это не пустая фраза. Когда, во время французской революціи, Майнцъ былъ завоеванъ французами и оставленъ бѣжавшими властями, Форстеръ едва-ли не одинъ остался на своемъ посту для защиты своихъ согражданъ отъ всѣхъ случайностей завоеванія. Пожелаемъ, въ заключеніе этого очерка, чтобы читатель нашелъ въ себѣ охоту ближе ознакомиться съ Форстеромъ. Онъ жилъ, дѣйствовалъ и мыслилъ въ чуждой намъ странѣ, въ отдаленную эпоху, едва узнаанный даже своими соотечественниками. Но отъ этого личность Форстера не теряетъ для насъ своего значенія; подобные люди принадлежатъ всѣмъ народамъ и живутъ во всѣ вѣка. Не зная Форстера, мы, однако, открытыя вліанію западной цивилизаціи, думаемъ его-же идеями и идеямъ по той дорогѣ, на которую онъ вывелъ и своихъ неблагоприятныхъ соотечественниковъ.

Эскизы изъ жизни Европы за послѣднія 20 лѣтъ, П. Леонарда. Часть I.
Сиб. 1874 г.

Это одно изъ тѣхъ произведеній, чтеніе которыхъ превращаетъ тяжелую обязанность рецензента въ невыносимую пытку. Перелистывая страницу за страницей,—а въ книгѣ ихъ до 700,—подъ конецъ такъ устаетъ умственно, какъ-будто прошелъ сотни верстъ по песчаному и бесплодному полю. Повидимому, все такъ гладко и благопристойно, что говорить въ своихъ эскизахъ г. Леонардъ, а между тѣмъ все такъ пусто и безсодержательно, что, слушая его, точно стоишь на базарной площади, среди галдящей и шумящей толпы, отъ перекрестнаго говора которой въ ушахъ раздается какой-то смутный звонъ. Ничего не разберешь, что говорить г. Леонардъ. Онъ кого-то въ чемъ-то усвѣщаетъ, на кого-то бросается, рыдаетъ, клянется, ругается, хохочетъ. Богъ знаетъ, чего онъ не написалъ въ своихъ эскизахъ! Сначала онъ заговорилъ о судьбахъ Россіи, затѣмъ перешелъ къ войску и распространился о томъ, что міръ нужно держать «въ цѣпяхъ и желѣзѣ», но тутъ ему какъ-то подвернулось слово «поэты», и вотъ онъ забываетъ весь міръ «съ цѣпями и желѣзомъ» и барабанить на тему поэтъ. «Поэты! — нѣсколько словъ о поэтахъ, восклицаетъ г. Леонардъ.—Они вѣчные страдальцы; вдохновеніе есть мука, томленіе, страданіе. Нормальное состояніе поэта есть состояніе вдохновенное, ясновидящее, страдальческое,—плачетъ и заливаются души бѣднаго поэта, глядя на настоящее» (стр. 15). У г. Леонарда всѣ плачутъ и заливаются; здѣсь почему-то плакали поэты, а далѣе у него плачутъ или, по крайней мѣрѣ, должны плакать женщины. «Помните, говоритъ онъ,—недостатокъ именно поэзіи и идеальности сердца и души сушить нашъ вѣкъ и распускаетъ всѣ общественныя узы въ наше время. Вотъ почему теперь всѣ женщины плачутъ, негдѣ имъ сердца преклонить» и т. д. (стр. 602). Нѣтъ никакой возможности рассказать калейдоскопическое содержаніе эскизовъ г. Леонарда; главной мысли у него не полагаются и все сочиненіе его состоитъ изъ ряда отступленій, самыхъ отдаленныхъ, странныхъ, безсвязныхъ. Вотъ, наприм., г. Леонардъ неизвѣстно по какому поводу и для чего заговорилъ о всеобщей военной повинности, но черезъ нѣсколько страницъ оказывается что онъ уже ускакалъ за тридевять земель отъ военной повинности и рассказываетъ о какомъ-то музыкантѣ, плѣнявшемъ своей игрой молодую женщину, а отъ музыканта вдругъ перескочилъ къ чему-то такому, чего ужъ вовсе не поймешь. «Нѣтъ уже того могучаго, мужественнаго поцѣлуя мужа, который изъ подъ-сердца сіяющей счастіемъ и любовью красавицы вынималъ здоровый плодъ, весь пропитанный любовью матери и мощнымъ духомъ отца,—не находитъ его уже женщина, не находитъ

его и отечество!» (стр. 43). Отечество не находитъ мужественнаго по-
 пѣлюя мужа—вотъ и понимайте, какъ хотите, г. Леонарда, исписавшаго
 700 страницъ все въ томъ-же родѣ. Но и на *мужественномъ поитъ-*
луть курьезный авторъ не останавливается; черезъ страницу онъ разра-
 жается любопытнѣйшей филиппикой въ защиту армейскихъ офицеровъ
 «И вотъ, говоритъ онъ,—модный франтъ или какая-нибудь либеральная
 пакость (дорого, о, дорого иногда стоящая своей странѣ, куда, какъ до-
 роже войскѣ!), у которой ни въ душѣ, ни въ головѣ, *ни на юловъ* (это
 собственная острота г. Леонарда) ничего нѣтъ, ни сердца, ни отечества,
 вотъ эти *коварные люди* (!); а за ними и всякая дура повторяетъ: «да
 это армеецъ, брэнчить саблей и манера такая... И если-бъ они при
 этомъ сознавали хоть свое невѣжество и неразвитость, но дѣло въ томъ,
 что такого рода сужденія вращаются въ сферахъ, имѣющихъ претензію
 на образованность,—*вотъ что досадно*, и поэтому *досадно и пишеть*».
 (стр. 45). Въ самомъ дѣлѣ, досадно, г. Леонардъ, досадно за русскую ли-
 тературу, въ которой могутъ являться подобныя безсмыслицы, досадно за
 отечество и даже за армейскихъ офицеровъ, которые не нашли себѣ бо-
 лѣе грамотнаго защитника. Въ реформѣ всеобщей военной повинно-
 сти, изъ-за которой г. Леонардъ особенно убивается, онъ понимаетъ
 столько-же, сколько и въ европейской политикѣ, которую онъ изучалъ
 главнымъ образомъ на придворныхъ балахъ Тюльери. Важнѣйшимъ истори-
 ческимъ памятникомъ Франціи, какъ онъ даетъ намъ чувствовать, являет-
 ся для него... что-бы вы думали, читатель?—нога ех-императрицы Евге-
 нии,—нога, воспѣтая имъ въ истинно-анакреонтическомъ вкусѣ. Чтобы по-
 казать, на-сколько описаніе этой ноги вяжется съ исторической крити-
 кой послѣднихъ событій Европы, я приведу одно мѣсто изъ этого опи-
 санія. «Платье было короткое; оно ложилось такими чудными складками,
 что жило, сливалось съ тѣмъ, что покрывало,—нога въ высокой обуви
 (*hongroise*, какъ носили тогда), плотно обтянутая въ сочную, мягкую,
 какъ перчатка, лайку, имѣла въ верхней части разжигающую страсть
 полноту и округленность. Глазъ не могъ оторваться отъ нея: *вездѣ*
изобиліе мякоти, тѣла; костей и угловъ (!), казалось, *нидѣ*,—въ
 нижней части ноги сохранялась та-же тонкость и изящность линий и за
 гордымъ, высокимъ, чудно округленнымъ подъемомъ выступала пухлень-
 кая, маленькая форма крѣпкой, живой ножки,—костей, казалось, ни-
 гдѣ, а одно все тѣло, плоть, *страсть, обтянутая, точно замтая въ*
замшь» (стр. 222—223). Неправда-ли, читатель, что никакой Ана-
 креонъ не годится въ товарищи нашему лесбійскому поэту, г. Леонарду?
 Если онъ не знаетъ русскаго языка и даже не предчувствуетъ его зна-
 нія, то это съ избыткомъ искупается его пафосомъ, его вдохновеніемъ,
 возбужденнымъ въ немъ *страстью, замтою въ замшь*“. Читатель,
 быть можетъ, подумаетъ, что г. Леонарда постигаютъ неудачи потому,

что онъ вдается въ отступленія и говорить о томъ, что вовсе не относится къ предмету его очерковъ. Но дѣло въ томъ, что все его сочиненіе, какъ мы уже замѣтили, есть одно длинное отступленіе отъ заглавія его книги, и прежде всего отъ русской грамматики. Онъ, конечно, говоритъ обо всемъ, описываетъ войны, разоблачаетъ какія-то дипломатическія козни, рисуетъ портреты главнѣйшихъ государственныхъ людей того времени и даже читаетъ нотаціи государствамъ и націямъ, обращаясь къ нимъ обыкновенно во второмъ лицѣ, въ видѣ внушительнаго воззванія: «Вы, поляки, всегда были... и проч. «Когда вы, поляки, увидите свою пристань ..», или: «почему вамъ всего этого не знать, французы?» (стр. 584). Любимая идея г. Леонарда, которую, впрочемъ, не сталь-бы выражать теперь ни одинъ писарь, почитывающій газеты, состоитъ въ томъ, что главной причиной франко-прусской войны былъ несчастно-сложившійся характеръ французовъ. Кто-же теперь, кромѣ г. Леонарда, не знаетъ, что война эта была предпринята наперекоръ волѣ народа, противъ желанія всей Франціи, ничтожной горстью людей, желавшихъ этой войны ради личныхъ выгодъ и расчетовъ! Такимъ образомъ, всѣ патетическія тирады г. Леонарда о легкомысліи французской націи являются плодомъ недоразумѣнія. Не менѣе курьезны его разсужденія и объ испорченности французской семьи и объ паденіи французской женщины, которое совершилось, по его мнѣнію, съ того времени, какъ господствующій тонъ сталъ принадлежать Евгеніи, несмотря на ея очаровательнѣйшую ножку; никто другой, какъ она, по мнѣнію г. Леонарда, испортила своимъ примѣромъ все женское населеніе Франціи. Но гдѣ-же и по какимъ источникамъ изучалъ Леонардъ французскую семью? Онъ изучалъ ее въ кофейныхъ, на балахъ, въ театрахъ и т. п. И эти-то наблюденія послужили матеріаломъ для его курьезнѣйшихъ измышлений о французской семьѣ. Впрочемъ, г. Леонардъ иначе и не разсуждаетъ, какъ по первому попавшемуся на глаза факту, по первому впечатлѣнію, которое подвернется ему на дорогѣ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ намъ того не менѣе любопытнаго француза, который, побывавъ внутри Россіи и замѣтивъ на помѣщичьихъ дворахъ качели, сообщилъ своимъ соотечественникамъ, что въ Россіи на каждомъ шагу разставлены висѣлицы. Точно такими-же свѣденіями снабжаетъ насъ и г. Леонардъ о жизни западной Европы, и кто не желаетъ совсѣмъ разучиться русскому языку послѣ прочтенія его тяжеловѣснаго сочиненія, тому мы рекомендуемъ оставить нашего автора въ покоѣ.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ГОРODOBЪ.

I.

Въ самыя раннія эпохи жизни различныхъ древнихъ народовъ, выходявшихъ изъ варварскаго состоянія, уже встрѣчаются заботы передовыхъ людей о сохраненіи общественнаго здоровья. Эти люди—начальники, цари или жрецы народа—вносятъ въ кодексы гражданскихъ и духовныхъ законовъ извѣстные правила, касающіяся здоровья населенія, — правила, выработанныя опытомъ и освященныя временемъ. Такъ, напримѣръ, въ законахъ Моисея является цѣлый рядъ гигиеническихъ правилъ, которыя получаютъ религиозную санкцію и касаются самыхъ мелочныхъ явленій будничной жизни еврейскаго народа. Такое-же множество правилъ, касающихся гигиены, можно встрѣтить и у другихъ древнихъ писателей, въ родѣ Платона, замѣчающаго не только о такихъ крупныхъ гигиеническихъ фактахъ, какъ значеніе гимнастики, какъ преимущество говядины и именно жареной говядины передъ мясомъ рыбы, но не забывающаго даже и о такихъ мелочахъ, какъ предпочтеніе простой деревянной ложки передъ золотою. Но если бы даже не было этихъ письменныхъ, законодательныхъ и литературныхъ доказательствъ того, что народы древняго міра довольно рано начали понимать требованія гигиены, то и тогда мы имѣли-бы ясныя доказательства этого пониманія: остатки различныхъ водопроводныхъ сооружений, бань, мощеныхъ дорогъ и тому подобныхъ построекъ ясно говорятъ о заботахъ объ общественномъ здоровьи и умѣнье сдѣлать удобною городскую жизнь. Но всѣ подобныя заботы древняго міра были на долго забыты подъ

вліяніемъ развитія великихъ идей христіанства и нашествія варваровъ. Христіанство въ первыя времена, протестуя противъ крайностей языческаго матеріализма, противъ служенія плоти въ языческомъ мірѣ, оттергло всѣ заботы и хлопоты о тѣлѣ, о физическомъ здоровьи, о земныхъ удобствахъ и заботилось прежде всего о воспитаніи духовномъ, о воспитаніи внутренняго человѣка. Такимъ образомъ, у первыхъ христіанскихъ писателей нельзя было встрѣтить ни повторенія гигиеническихъ правилъ древняго языческаго міра, ни развитія этихъ правилъ, ни дополненія ихъ новыми правилами. Напротивъ того, эти писатели старались уничтожить даже воспоминаніе объ этихъ правилахъ. Подобный крутой поворотъ на новый путь былъ неизбеженъ. Но если христіанство дѣлало это во имя болѣе высокихъ и болѣе чистыхъ цѣлей, чѣмъ цѣли языческаго міра, то варвары истребляли, въ свою очередь, слѣды этого міра, не задаваясь никакими благородными и возвышенными стремленіями и думая только о завоеваніяхъ. Они большею частью истребили всѣ знаменитыя сооруженія древнихъ и отъ этихъ сооруженій, незамѣненныхъ втеченіи цѣлыхъ столѣтій ничѣмъ, остались только развалины. Настали годы, когда въ Европѣ возникали новыя города безъ всякихъ удобствъ, усовершенствованій и приспособленій, завѣщанныхъ Греціей и Римомъ. Такъ шли многіе вѣка, когда люди, повидимому, и не думали о сохраненіи своего здоровья, о сохраненіи здоровья своихъ согражданъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи разныя распоряженія, касающіяся общественной гигиены, издаются во времена Карла Великаго, Филиппа-Августа, Іоанна Добраго, но все это крайне отрывочныя, неполныя и смутныя правила и только въ XVII вѣкѣ начинается болѣе серьезное отношеніе къ общественной гигиенѣ. Этотъ поворотъ къ лучшему совершается подъ вліяніемъ развитія естественныхъ наукъ. Тюрго проектируетъ уже королевское общество медицины, которое и осуществилось послѣ его смерти и дало возможность врачамъ соединиться между собою и придти на помощь городскимъ властямъ. Наконецъ, учреждается и „совѣтъ общественнаго здравія“, которымъ было положено серьезное начало общественной гигиены во Франціи. Въ другихъ государствахъ Европы точно такъ-же, только въ настоящее столѣтіе, начали послѣдовательно и серьезно заботиться объ общественной гигиенѣ. Только въ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Ан-

глии образовались богатые и большія общества для улучшения общественнаго здоровья. Эти общества вызвали множество правительственныхъ изслѣдованій, которыя и открыли различныя причины болѣзней въ городахъ. Въ то-же время была учреждена спеціальная администрація, Register's Office, для собранія и записыванія самыхъ разнообразныхъ фактовъ медицинской статистики. Законодательная санкція не замедлила утвердить различныя предложенія санитарныхъ обществъ и комиссій и среди англійскихъ законовъ стало появляться все болѣе и болѣе public health acts, которые въ былое время были чисто случайными явленіями. Но важнѣе всего было учрежденіе главнаго совѣта здравія—General Board of health, послѣдовавшее въ 1848 году. Организациія этого совѣта очень основательна и его инициатива почти безгранична: онъ можетъ посылать инспектора во всѣ города, гдѣ смертность превышаетъ 23 изъ 1,000. Инспекторъ за мѣсяць предупреждаетъ городъ о своемъ прибытіи, и по пріѣздѣ въ городъ, приступаетъ къ изслѣдованіямъ, которыми приглашаются содѣйствовать всѣ жители. Сообразно съ этими изслѣдованіями совѣтъ предлагаетъ временныя мѣры, которыя между тѣмъ вносятся на разсмотрѣніе и утвержденіе парламента. Въ сардинскомъ королевствѣ были сдѣланы распоряженія насчетъ устройства санитарныхъ учреждений тоже только въ 1847 году. Въ Бельгіи совѣты общественнаго здравія существуютъ, правда, съ 1836 года, но они долго были частными учрежденіями и только въ концѣ пятидесятихъ годовъ получили поддержку со стороны правительства и т. д.

Какъ-бы то ни было, но теперь можно положительно сказать, что Европа стала серьезно понимать, какъ важно сохраненіе здоровья народонаселенія. Къ несчастію, втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, когда народы мало заботились о сохраненіи своего здоровья, много было сдѣлано такого, что теперь крайне затрудняетъ приведеніе въ исполненіе разныхъ, даже чисто внѣшнихъ и палліативныхъ, гигиеническихъ мѣръ.

Взгляните, напримѣръ, на большіе европейскіе города. Они возникли давно, въ то время, когда гигиена находилась въ пренебреженіи. При устройствѣ и расширеніи ихъ люди руководствовались тысячами самыхъ разнообразныхъ соображеній и не соображались только съ однимъ: съ гигиеническими условіями и требо-

ваніями челоѣческой жизни. Достаточно взглянуть на устройство старыхъ кварталовъ и старыхъ европейскихъ городовъ, чтобы понять, какъ мало заботились о гигиенѣ при созданіи этихъ кварталовъ, о которыхъ мы, русскіе, имѣемъ только слабое понятіе, такъ-какъ наши города строились просторнѣе при обиліи земли и, кромѣ того, наши деревянные города очень часто выгорали и обновляли свой видъ. Въ старыхъ кварталахъ любого изъ старыхъ европейскихъ городовъ — Лилля, Франкфурта-на-Майнѣ, Рубэ, Неаполя, Кельна, Ниццы — вы встрѣтите такія узкія, такія застроенныя, такія душныя улицы, что сразу поймете, какъ вредна должна быть жизнь въ этихъ мѣстностяхъ. Положеніе этихъ кварталовъ, этихъ улицъ поражаетъ еще болѣе, когда видишь, что самый городъ построенъ въ хорошей и удобной мѣстности, крайне благоприятной для здоровья. Такъ, напримѣръ, въ Ниццѣ, въ этомъ городѣ вѣчнаго лѣта и чистаго воздуха, вы увидите, что улицы, примыкающія къ рыночной улицѣ, настолько узки, что по нимъ не могутъ иногда пройти четверо въ рядъ; эти улицы застроены такими высокими домами, что солнце никогда не заглядываетъ въ нижніе этажи этихъ домовъ; эти дома набиты жильцами, внизу помѣщаются лавчонки и мастерскія столаровъ, сапожниковъ, продавцовъ стараго тряпья и т. п.; воздухъ здѣсь невыносимо тяжелъ. Пройдя по этимъ улицамъ и выбравшись на взморье, вы невольно задумаетесь надъ вопросомъ, что заставляетъ челоѣка, даже среди такого благословеннаго климата, устраивать для себя такія скверныя трущобы? И еще труднѣе будетъ вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ, когда вы увидите, что у этихъ людей не было, повидимому, никакой необходимости скучиваться здѣсь, что у нихъ подъ-рукой была превосходная равнина, гдѣ только въ послѣднія двадцать лѣтъ пролегла дорога въ С.-Этьенъ. Отвѣтъ на вашъ вопросъ найдется, конечно, въ исторіи города, построеннаго когда-то въ память побѣды, отражавшаго сначала нападеніе разнообразныхъ враговъ и жившаго потомъ именно тою жизнью, которою жили въ средніе вѣка почти всѣ города Европы: жизнью тревожною, полною внутреннихъ неурядицъ и враждебныхъ отношеній между различными сословіями. Скучивались люди здѣсь въ тѣсныя группы не потому, что это было для нихъ особенно удобно, а потому, что это было необходимо. Необходимость заставляла въ средніе вѣка евреевъ

жаться и скучиваться въ какихъ-нибудь закоулкахъ еврейскихъ кварталовъ; необходимость заставляла замкнутыя корпораціи мастеровыхъ лѣпиться въ какихъ-нибудь труппахъ поближе къ своимъ мастерскимъ. Объ удобствахъ, о гигиеническихъ условіяхъ тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Но общество мало-по-малу начало замѣчать, что старыя кварталы, старыя улицы являются гнѣздами и разсадниками повальныхъ болѣзней и эпидемій, охватывающихъ въ извѣстныя эпохи весь городъ, и вотъ въ жизни городовъ стало наступать начало новой эры — начало заботъ объ обновленіи городовъ. Довольно сравнить новыя кварталы европейскихъ городовъ со старыми, чтобы понять всю разницу между стремленіями и взглядами стараго времени и стремленіями и взглядами новаго времени. Старыя кварталы изобилуютъ кривыми, неправильными, неудобными переулками; новыя — красуются прямыми, широкими, свѣтлыми улицами. Въ прилегающихъ къ рынку старыхъ улицахъ Ниццы съ трудомъ пройдутъ четыре человѣка въ рядъ; въ новыхъ ея улицахъ Императорскаго Принца и Массены свободно развѣдутся четыре экипажа.

Но проведеніе прямыхъ и широкихъ улицъ, постройка просторныхъ и удобныхъ домовъ еще не обезпечиваютъ за городами возможность пользоваться чистымъ воздухомъ: этотъ воздухъ можетъ постоянно заражаться испареніями и гниеніемъ нечистотъ. На это-то обстоятельство стали указывать въ послѣднія тридцать, тридцать-пять лѣтъ всѣ европейскіе гигиенисты и здѣсь-то представилась городамъ трудная задача для разрѣшенія. Съ одной стороны, трудность состояла въ томъ, что далеко не всѣ спеціалисты соглашались между собою относительно способовъ удаленія нечистотъ, съ другой — очистка городовъ требовала громадныхъ затратъ.

Достаточно взглянуть на работы Лондона въ дѣлѣ удаленія изъ города нечистотъ, чтобы понять, какъ трудно было добиться болѣе или менѣе удачныхъ результатовъ. Сначала разныя санитарныя комиссіи пришли только къ тому заключенію, что разныя нечистоты и разлагающіяся вещества вредны для людей и потому ихъ нужно какъ можно быстрѣе удалять отъ человѣческихъ жилищъ. Изъ этого возникла система, соединяющая разныя приемы нечистотъ съ общественными водосточными трубами. Но скоро оказалось, что эта система далеко не такъ хороша, какъ

она казалась сначала. По мѣрѣ того, какъ города становились опрятнѣе, нечистоты, отъ которыхъ они освободились, заражали рѣки, при которыхъ лежали города. Общества водопроводовъ должны были брать воду вверхъ по рѣкѣ, рыба въ рѣкахъ вымирала и рѣки вмѣсто того, чтобы быть источникомъ наслажденія и здоровья для жителей, причиняли мало-по-малу большой вредъ и болѣзни. Порча рѣчной воды была первымъ вреднымъ послѣдствіемъ повсемѣстнаго введенія этой системы. Но эту систему довольно долго очищался Лондонъ. Однако, мало-по-малу всѣ стали приходять къ убѣжденію, что, очистивъ дома и улицы, испортили воду въ Темзѣ, что, такимъ образомъ, зараженіе города не было уничтожено, а только перенесено изъ одного мѣста въ другое и что общее гнѣздо этого послѣдняго зараженія, т. е. рѣки, созданное искусственно, столь-же опасно, какъ и уничтоженные отдѣльные центры зараженія въ домахъ.

Эта система, созданная, главнымъ образомъ, архитекторами, несообразующимися съ правилами гигиены, неимѣющими даже по большей части и понятія о ней, и домовладѣльцами, ищущими только личныхъ выгодъ и барышей, должна была, конечно, пасть, хотя домовладѣльцамъ и не сладко было разстаться съ нею, такъ-какъ подобный способъ очищенія стоилъ очень дешево; при немъ не требовалось вывоза нечистотъ и найма для этого людей и лошадей. Какъ крѣпко держались за нее эти господа, это видно и у насъ изъ процессововъ по поводу нечистотъ въ домахъ князя Вяземскаго, доктора Киттера и др. Но положеніе Лондона ухудшилось такъ сильно, что, наконецъ, стало невыносимымъ, такъ, напримѣръ, вслѣдствіе страшнаго зловонія въ 1858 году, въ Лондонѣ во время лѣтнихъ жаровъ, палата лордовъ и палата депутатовъ были вынуждены прекратить свои засѣданія. Противъ такого зла были приняты мѣры, но мѣры колоссальныя, такъ-какъ англичане уже давно пришли къ убѣжденію, что полумѣры никогда и ни къ чему не приводятъ. Въ почвѣ Лондона были проведены большія главныя сточныя трубы, такъ-называемыя сборныя трубы нечистоты (collectors), которыя на своемъ пути, соединяясь съ существовавшими уже сточными трубами, воспринимаютъ изъ нихъ всѣ нечистоты. Ихъ было сдѣлано по три на каждомъ берегу Темзы и онѣ, въ свою очередь, соединяются въ двѣ выпускныя трубы (outfall sewer), черезъ которыя нечистоты изливаются въ

резервуаръ, а отсюда выпускаются въ Темзу, но на далекомъ разстояніи отъ города, такъ-что гніющія вещества не могутъ попасть снова въ городъ. Не легко было исполнить эту задачу, поднять при помощи пара громадныя массы воды, спустить ее въ обширныя подземныя резервуары и т. д. Но это не остановило исполнителей работъ и главный лондонскій дренажъ, предпринятый для предохраненія Темзы отъ нечистотъ въ самомъ городѣ, былъ сдѣланъ. Эта система, состоящая изъ большихъ закрытыхъ каналовъ, длина которыхъ въ совокупности равнялась 132 километрамъ, изъ 4 заведеній паровыхъ насосовъ, для поднятія воды, въ 2,380 лошадиныхъ силъ, изъ двухъ громадныхъ резервуаровъ, стоила восьми лѣтъ работы, которымъ предшествовали 10 лѣтъ борьбы и усилій и 105 милліоновъ франковъ. Но за то атмосфера Лондона очистилась, почва осушилась, рѣка стала опять чистою и прозрачною, и, судя по статистическимъ даннымъ, смертность въ Лондонѣ уменьшилась.

Но на этомъ не остановились, такъ-какъ предстояло рѣшить еще двѣ задачи: при этой системѣ Лондонъ и часть Темзы, протекающая въ городѣ, были очищены, но низовая часть рѣки, находящаяся ниже Лондона, все-таки оставалась зараженной; сверхъ того удобрительныя вещества, уносимыя каналами изъ города, попадали безъ пользы, тогда какъ эти вещества не должны-бы были теряться для земледѣлія и должны-бы были быть возвращаемы почвѣ, откуда они получаютъ. Вслѣдствіе этого общественное мнѣніе было сильно возбуждено вопросомъ, какъ употребить въ пользу нечистоты водостоконъ съ сельско-хозяйственною цѣлью. Этотъ вопросъ втеченіи четырехъ лѣтъ обсуждался въ парламентѣ и въ то-же время дѣлались соотвѣтственные опыты подъ надзоромъ комиссіи, составленной изъ специалистовъ. Всѣ эти изслѣдованія привели къ весьма важнымъ результатамъ. Было рѣшено употреблять жидкость сточныхъ трубъ въ ея естественномъ состояніи для орошенія обрабатываемой земли. Актомъ парламента отъ 19 іюня 1865 года утверждено привести въ исполненіе эту систему орошенія и воспользоваться для того жидкостью лондонскихъ сточныхъ трубъ сѣвернаго берега Темзы. Работы начаты въ 1866 году. Компания лондонскихъ сточныхъ трубъ (Metropolis Sewage) взялась за исполненіе этой работы и предположила себѣ двѣ цѣли: 1) орошать жидкостью сточныхъ трубъ обраба-

тываемыя поля и 2) отнять у моря часть покрываемой имъ почвы, состоящей изъ бесплодныхъ песковъ, и, спуская въ нее избытокъ жидкости сточныхъ трубъ, сдѣлать ее плодородною. Только недавно приведены къ концу всѣ эти работы.

Еще болѣе колоссальныя работы въ этомъ родѣ были предприняты въ Америкѣ, въ Чикаго. Эти работы подробно описаны г. Э. Циммерманомъ. Вслѣдствіе постоянного движенія судовъ по рѣкѣ и еще болѣе вслѣдствіе извергаемыхъ въ нее отводными каналами нечистотъ изъ домовъ, вода, едва пробираясь по мало наклонному руслу къ озеру, превращалась здѣсь въ мутную, вонючую массу грязнаго темнобураго цвѣта, что заставляло опасаться распространенія въ городѣ холеры, тифа и другихъ эпидемій, какъ послѣдствій зловещественныхъ испареній. Это заставило городскую думу поручить въ 1865 г. особой комиссіи изыскать средства для очищенія рѣки. Представлено было не мало плановъ и проектовъ, но среди нихъ выдавался особенно одинъ планъ, изумившій своею смѣлостью даже американцевъ. Въ этомъ планѣ высказывалось намѣреніе заставить грязныя воды рѣки течь вспять съ тѣмъ, чтобы въ ея русло вливалась чистая вода изъ озера. Для осуществленія этого плана воспользовались находящимся близь города каналомъ: его углубили на-столько, чтобы въ него могла течь вода изъ рѣки, при чемъ въ рѣку должна была войти вода озера Мичиганъ и, такимъ образомъ, рѣчка изъ впадающей въ озеро должна была обратиться въ вытекающую изъ него рѣку. Для успѣшнаго исполненія этого плана приходилось углубить дно канала на шесть футовъ ниже уровня воды въ озерѣ. Не мало было сомнѣній въ успѣшномъ окончаніи предиріятія, но вотъ въ іюлѣ 1871 года звонъ колоколовъ съ башни городской думы возвѣстилъ жителямъ о совершившемся соединеніи озера Мичиганъ съ рѣкою Миссиссипи. Были спущены шлюзы между Чикаго-риверомъ и углубленнымъ Мичиганъ-Иллинойскимъ каналомъ и грязная вонючая жижа изъ рѣки, измѣнивъ свое первоначальное, отъ природы ей предписанное теченіе, потекла къ юго-западу, замѣняясь чистой, свѣтло-зеленой струей изъ озера. Густыя толпы зрителей, собравшись на разныхъ мѣстахъ, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за медленнымъ измѣненіемъ теченія въ рѣкѣ, а потомъ за постепеннымъ наплывомъ въ русло озерной воды, рѣзко отдѣлявшейся отъ уходящей изъ водъ нея

бурой рѣчной влаги. На другой-же день жители замѣтили, что обоняніе ихъ не поражается болѣе зловоніями изъ рѣки. Самое главное дѣло, очистка воды въ рѣкѣ, удалось и улучшеніе санитарнаго состоянія въ городѣ будетъ неминуемымъ послѣдствіемъ его. Это предпріятіе обошлось городу въ 3,725,000 долларовъ.

Въ Парижѣ очищеніе города было устроено иначе. Система, принятая здѣсь, хорошими сторонами своего устройства одолжена была зрѣлому обсужденію научныхъ и техническихъ авторитетовъ, живому участию высшаго начальства, строгимъ постановленіямъ и послѣдовательнымъ опытамъ втеченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Въ Парижѣ ямы при домахъ открывались ночью; изъ содержимаго ихъ, зловоніе котораго предварительно, по возможности, уничтожалось, посредствомъ дезинфицирующихъ способовъ, выкачивалась при помощи насосовъ жидкость, спускаемая на улицы, откуда она текла въ сточныя трубы; остающаяся-же плотная часть нечистотъ накладывалась въ бочки и большею частью свозилась въ заведеніе въ Вилеттѣ. Подвижные резервуары (*fosses mobiles*), которые во многихъ домахъ служили приемниками для нечистотъ вмѣсто выгребныхъ ямъ, свозились въ Вилетту, а вмѣсто нихъ ставились другіе резервуары и такъ продолжалось попеременно. Въ заведеніи „*Depotoir à la Villette*“ эти нечистоты превращались въ жидкое состояніе и посредствомъ парового насоса прогонялись на пудретную фабрику, приготовляющую мелкій и сухой навозъ, въ Бонди, отстоящую отъ Вилетты на $1\frac{1}{4}$ мили. Здѣсь въ большихъ ямахъ отдѣляли плотныя вещества, а жидкія перерабатывали въ химическіе препараты, большая-же часть ихъ посредствомъ другой паровой машины выкачивалась недалеко отъ Сэнъ-Дени въ Сену. Но такому процессу подвергались далеко не всѣ нечистоты. Въ Парижѣ отчасти существовали и существуютъ выложенныя кирпичемъ или камнемъ выгребныя ямы, которыя чистятся и содержимое ихъ свозится за городъ. Тамъ, гдѣ эти ямы устроены такъ, что жидкія вещества отдѣляются отъ плотныхъ особыми аппаратами,—тамъ первыя или просачиваются прямо въ сточныя трубы или-же ихъ лишаютъ запаха посредствомъ разныхъ химическихъ тѣлъ, въ особенности цинковымъ купоросомъ, выкачиваютъ въ уличныя канавы и эта жидкость въ такомъ видѣ попадаетъ затѣмъ въ сточныя трубы. Изъ подвижныхъ резервуаровъ нечистоты большею частью выливаются не въ Сену, а сво-

зятся, какъ сказано, въ Вилетту. Но существуютъ резервуары, которые стоятъ въ подвальныхъ этажахъ; жидкое содержимое течетъ изъ нихъ въ сточныя трубы, но плотныя нечистоты отъ времени до времени вывозятся изъ нихъ. Но, несмотря на прекрасное устройство парижскихъ подводныхъ каналовъ, въ которые одна уличная грязь стекаетъ при помощи 6,764 отверстій, несмотря на устроенные въ послѣднее время два большіе приѣмника нечистотъ изъ всѣхъ каналовъ, въ Парижѣ все-таки до сихъ поръ не принято однообразной системы очищенія города, но крайней мѣрѣ, еще въ 1873 году изъ 85,275 выгребныхъ ямъ—19,203 подвижные резервуара, 6,444 имѣющихъ особые аппараты для отдѣленія жидкихъ отъ плотныхъ нечистотъ, 52,128 ямъ, требующихъ извѣстныхъ почныхъ работъ, 8,000 ямъ, ускользящихъ отъ всякой чистки. Широкое пользованіе удобрительными веществами, доставляемыми этими нечистотами, началось здѣсь только въ послѣдніе четыре года; опыты-же, производившіеся раньше, были не особенно удачны.

Въ настоящее время можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ болѣе или менѣе значительные города стали серьезно интересоваться этимъ вопросомъ и устраивать у себя большія сооруженія по части очищенія домовъ и улицъ отъ нечистотъ.

II.

Всѣ подобныя сооруженія стоятъ очень большихъ денегъ. Но если всѣ болѣе или менѣе значительные города Европы и Америки рѣшаются на подобныя затраты, то, значитъ, они видятъ несомнѣнную пользу и выгоду отъ этихъ затратъ. Въ противномъ случаѣ, конечно, не стоило-бы расходовать милліоны на дѣло, не приносящее такъ или иначе ни гроша. Дѣйствительно, выгоды при оздоровленіи городовъ есть. Онѣ представляются главнымъ образомъ въ двухъ видахъ: во-первыхъ, при оздоровленіи городовъ уменьшается смертность населенія; во-вторыхъ, при этомъ дѣлается болѣе возможнымъ лучшее удобреніе земли и, значитъ, получается возможность добыванія большаго числа продуктовъ изъ обрабатываемой земли. Въ настоящее время въ рукахъ

общества имѣется уже достаточное число фактовъ, позволяющихъ судить о размѣрахъ этихъ выгодъ.

Уже отчеты Register general показали Англии, что на одинъ миллионъ жителей большихъ городовъ умираетъ ежегодно среднимъ числомъ 27,000 человекъ, а въ деревняхъ только 19,300 человекъ; такимъ образомъ, 7,700 смертныхъ случаевъ на миллионъ народонаселенія въ большихъ городахъ зависятъ почти единственно отъ неудовлетворительнаго санитарнаго положенія городовъ, а это составляетъ для Англии 60,000 людей, погибающихъ ежегодно, главнымъ образомъ, отъ плохого устройства городовъ. Если считать справедливымъ вычисленіе доктора Плейфера, что на каждый смертный случай, который могъ-бы быть устраненъ, приходится 28 случаевъ заболѣванія, которые тоже могли-бы быть устранены, то число устранимыхъ заболѣваній въ Англии равняется ежегодно 1,700,000 и протекающій изъ этого числа больныхъ ущербъ для страны, по вычисленію Гюя, равняется 25,000,000 фунтовъ стерлинговъ; изъ этой суммы приходится на одинъ Лондонъ 2¹/₂ миллиона фунтовъ стерлинговъ, въ видѣ расходовъ на больныхъ, преждевременной утраты рабочихъ силъ, расходовъ на погребеніе, вспомошествованія и пенсіи для вдовъ и сиротъ и т. д.

Уже эти теоретическія вычисленія и соображенія, какъ-бы ни были они гадательны и спорны, должны были обратить вниманіе общества на дѣло улучшенія воздуха городовъ. Но практическіе результаты осушенія и оздоровленія городовъ были еще поразительнѣе и еще болѣе доказали обществу, что затраты, дѣлаемыя на этотъ предметъ, далеко не безплодны. Куда-бы мы ни взглянули, вездѣ канализація и очищеніе городовъ принесли очень явную пользу жителямъ этихъ городовъ. Для доказательства этого нѣтъ недостатка въ самыхъ яркихъ фактахъ.

Въ 1864 году В. Саргенсъ сообщилъ въ англійскомъ статистическомъ обществѣ, что въ десятилѣтній періодъ, съ 1851 по 1860 годъ, смертность въ различныхъ городахъ государства понизилась сравнительно съ тою смертностью, какая была въ продолженіи десятилѣтія съ 1841 по 1850 годъ. Далѣе Миддлтонъ въ 1864 году на собраніи англійскихъ естествоиспытателей въ Батѣ сообщилъ статистическія свѣденія относительно здоровья въ Сэлisbury, гдѣ въ 1850 году было израсходо-

вано на канализацію и водопроводы 27,000 фунтовъ стерлинговъ; по этимъ свѣденіямъ оказалось, что смертность упала съ 20 изъ 1,000 на 13 изъ 1,000; въ послѣднія 7 лѣтъ передъ канализаціей въ этомъ городѣ умерало отъ чахотки 286 человекъ, а въ 7 лѣтъ послѣ канализаціи только 143 человекъ, т. е. ровно половина. Это было очень яркимъ доказательствомъ успѣшности предпринятаго дѣла. Въ томъ-же Салисбери въ двѣнадцать лѣтъ до канализаціи было 3,320 рожденій и 3,012 смертныхъ случаевъ, то-есть, въ двѣнадцать лѣтъ число рожденій превышало число смертныхъ случаевъ на 308 или на 26 въ годъ; въ двѣнадцать-же лѣтъ послѣ канализаціи число рожденій дошло до 3,413, а число смертныхъ случаевъ понизилось до 2,213, то-есть число рожденій въ двѣнадцать лѣтъ превышало число смертныхъ случаевъ на 1,200 или на 100 въ годъ. Эти цифры никакъ не могли быть приписаны одному стеченію разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ и стоятъ въ прямой зависимости отъ оздоровленія города. Въ другихъ городахъ результаты оздоровленія вышли не менѣе благопріятныя. Въ Ментирѣ, городѣ съ 53,000 жителей, умерало до введенія канализаціи въ годъ 33 человекъ на 1,000, а послѣ введенія канализаціи смертность понизилась до 26 съ 1,000. Въ Кардиффѣ, городѣ съ 33,000 жителей, смертность понизилась послѣ канализаціи съ 33 изъ 1,000 на 23 изъ 1,000. Въ Кройдонѣ, городѣ съ 71,000 населенія, смертность и до канализаціи была, сравнительно, не велика: умерало здѣсь 24 изъ 1,000, но послѣ канализаціи смертность уменьшилась еще болѣе и дошла до 19 изъ 1,000 и средняя человѣческая жизнь поднялась съ 30 до 33 лѣтъ. Кромя того въ этомъ городѣ до канализаціи умерало отъ лихорадокъ и горячекъ 7,5⁰/₀ изъ всего числа умершихъ, тогда какъ послѣ канализаціи процентъ умершихъ отъ лихорадокъ понизился до 3,1. Въ Ньюпортѣ, имѣющемъ 25,000 жителей, смертность понизилась съ 32 на 22 изъ 1,000. Въ Эли, городѣ съ 6,000 жителей, смертность понизилась съ 25,8 на 19,8 изъ 1,000. Въ Норвудѣ, городѣ съ 5,000 жителей, смертность до канализаціи была на 1,000 человекъ въ

1863 г.	1864 г.	1865 г.
18,8	18,9	18,8

Послѣ-же окончанія канализаціонныхъ работъ въ

1866 г.	1867 г.	1868 г.
15,3	14,2	12,1

Цифры смертности въ Лондонѣ за послѣдніе годы не извѣстны и потому нельзя вполне точно указать на вліяніе здѣсь недавно оконченной канализаціи. Но ея вліяніе на отдѣльныя части города уже успѣли выясниться. Южный, низлежащій округъ Лондона былъ постоянно самымъ нездоровымъ мѣстомъ города, но когда въ немъ въ 1868 году была, прежде чѣмъ въ другихъ частяхъ Лондона, окончена канализація, онъ оказался самою здоровою мѣстностью города и былъ обойденъ въ 1868 году холерною эпидеміею. Съ 1840 года по 1864 годъ въ южномъ Лондонѣ умирало по 25 человѣкъ изъ 1,000, тогда какъ съ 1865 по 1868 годъ смертность уже понизилась и равнялась 23 изъ 1,000; тамъ-же, гдѣ канализація еще не была окончена, смертность равнялась 24,3 и 24,4 изъ 1,000. Какъ-бы ни была незначительна эта разница, она все-таки представляется довольно важною, потому что эти цифры обладаютъ однимъ дорогимъ качествомъ—точностью.

Всѣ эти и тому подобныя цифры крайне убѣдительны и не могутъ быть заподозрѣны въ какой-нибудь подтасовкѣ. Важнѣе всего то, что каждый сторонникъ разумнаго очищенія городовъ можетъ найти тысячи фактовъ, говорящихъ о благопріятномъ вліяніи этого рода предпріятій на жизнь человѣка, тогда какъ люди, не придающіе особеннаго значенія введенію новыхъ системъ оздоровленія городовъ, не могутъ привести въ свою пользу ничего особенно вѣскаго. Дѣло въ томъ, что вездѣ, безъ исключенія, разумное очищеніе города вліяетъ благопріятно на здоровье и дѣятельность населенія. Кромѣ цифровыхъ доказательствъ вѣрности этого положенія можно-бы привести сотни разказовъ о вліяніи чистаго воздуха какъ на продолжительность жизни, такъ и на благосостояніе людей, которые дѣлаются лучшими тружениками вслѣдствіе болѣе рѣдкихъ заболѣваній, всегда переворачивающихъ вверхъ дномъ всѣ расчеты, всѣ сбереженія, весь жизненный строй небогатыхъ людей. Въ южной части Чешира, на примѣръ, и въ сѣверной части Ланкашира, по словамъ Жбуара, люди, принадлежащіе къ одному и тому-же классу, получающіе одно и то-же образованіе и занимающіеся одною и тою-же промышленностью—прядильщики и

прядильницы хлопчатой бумаги, получаютъ одно и то-же жалованье, и между тѣмъ обитатели сѣверной части Ланкашира стоятъ въ отношеніи здоровья, нравовъ, чистоты и благосостоянія на гораздо низшей степени, чѣмъ обитатели Чешира, и эта разница происходитъ оттого, что послѣдніе обитаютъ въ каменныхъ домахъ, въ которыхъ нѣтъ сырости и которые содержатся опрятно. Этого счастливаго обстоятельства довольно, чтобы поставить жителей одного округа въ лучшее положеніе, чѣмъ положеніе жителей другого округа.

Какъ тѣсно вообще связаны, напримѣръ, тифозныя болѣзни съ порчею воды—это ясно видно изъ слѣдующихъ двухъ не безинтересныхъ случаевъ. Въ Стамфордѣ часть населенія пользуется водою для питья изъ общественныхъ и частныхъ колодцевъ, находящихся близъ сточныхъ ямъ, никогда неочищаемыхъ и пропускающихъ свою жидкость въ трещины этихъ колодцевъ. Остальная часть городского населенія пользуется водою изъ водопровода, берущаго эту воду за городомъ. Этого различія въ пользованіи водою было достаточно для того, чтобы тифъ распредѣлялся очень неравномѣрно въ обѣихъ частяхъ города. Изъ колодцевъ пользуются водою 4,459 лицъ, между которыми насчитывалось 79 случаевъ тифа, т. е. на 1,000 жителей было 17,7 случаевъ тифа. Водю изъ водопровода пользуются 3,037 жителей и между ними было 18 случаевъ тифа, т. е. приходилось 5,9 случаевъ заболѣванія на 1,000 жителей. Но здѣсь можно еще возразить, что, можетъ быть, водопроводомъ пользовалась болѣе зажиточная часть населенія, что водопроводъ снабжалъ лучшіе дома и т. д. Это такъ, но другой примѣръ, который мы приведемъ сейчасъ, не допускаетъ даже и подобныхъ возраженій. Дѣло было въ Ислингтонѣ. Въ этомъ мѣстѣ на довольно ограниченномъ пространствѣ внезапно распространилась сильная эпидемія тифа. Мѣсто это находится въ самой здоровой части Лондона, хорошо канализовано, получаетъ хорошую воду отъ New River Company, имѣетъ широкія улицы, а между тѣмъ съ 3 іюля по 10 сентября тифомъ заболѣло 167 человекъ, большею частью, женщинъ и дѣтей, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ Ислингтона тифъ былъ почти незамѣтенъ. Послѣ долгихъ отысканій причины эпидеміи докторъ Балардъ случайно нашелъ источникъ болѣзни. Одна женщина рассказала ему, что она и четыре знакомыя ей

семьи недавно переѣхали поставщика молока и затѣмъ во всѣхъ этихъ семьяхъ начался тифъ. Врачъ лечилъ въ 11 семействахъ и въ 10 изъ нихъ узналъ, что они берутъ молоко отъ того-же поставщика. Другіе врачи пришли къ тому-же результату. Оказалось, что изъ 62 семействъ, гдѣ свирѣпствовала тифъ, 55 постоянно, а 2 только иногда брали молоко у этого поставщика. Только 5 семействъ сказали, что они брали молоко не у него, но они жили очень близко къ нему и, можетъ быть, сами не знали, что пили приносимое имъ молоко. Наконецъ, 12 августа умеръ и самъ поставщикъ молока и затѣмъ были проданы его коровы, а непосредственно за этимъ прекратилась и эпидемія. Но гдѣ-же была настоящая причина тифа? Оказалось, что въ домѣ этого поставщика былъ водоприемникъ, состоявшій изъ деревяннаго ящика, служившаго уже 16 лѣтъ и имѣвшаго отверстіе, которое сообщалось съ каменной стѣной при помощи прорытыхъ крысами ходовъ; два изъ этихъ ходовъ вели къ отхожему мѣсту и соединяли его, такимъ образомъ, съ водоприемникомъ. Вода изъ этого водоприемника употреблялась для разжиженія молока или для мытья посуды подъ молокомъ и была причиной эпидеміи. При разслѣдованіи дѣла оказалось, что одна семья переѣхала этого поставщика молока потому, что молоко имѣло противный вкусъ, а другая семья жаловалась, что это молоко, когда постоитъ, начинаетъ вонять. Этотъ примѣръ достаточно ярокъ и ясно доказываетъ связь между хорошей водой и удаленіемъ нечистотъ съ одной стороны и болѣзнями съ другой. Здѣсь болѣзнь была прямымъ слѣдствіемъ дурнаго устройства отхожаго мѣста.

Не мало пользы можетъ приносить хорошее удаленіе нечистотъ и для земледѣлія. Это видно изъ тѣхъ опытовъ, которые уже сдѣланы въ настоящее время. Въ Англій, гдѣ впервые введена система водопротечныхъ трубъ, были сдѣланы въ 1861 году въ Рѣгби многочисленныя наблюденія. Что касается удобрительной цѣнности клячачей жидкости, то различные анализы, особенно анализы Либиха, Гофмана и Витта, дали почти тождественные результаты: содержаніе амміака ими опредѣлено отъ $7\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{6}$ грана на одинъ галлонъ, что равнялось-бы цѣнности $1\frac{3}{4}$ до 2,11 пенса на каждую тонну, если при этомъ взять въ расчетъ и соответственныя количества фосфатовъ и другихъ солей. Принявъ эту цѣну за среднюю, можно было предположить, что еже-

годно отъ каждаго взрослога челоуѣка и изъ соразмѣрнаго количества клячней жидкости получалось-бы удобрительныхъ веществъ на сумму въ 8 шиллинговъ 4 пенса или 5 рейнскихъ флориновъ. Глинистая и песчаная почва, удобренная этою жидкостью, дѣлается удобною для произрастанія травы, овощей и другихъ растеній и даетъ ежегодно въ Регби 5, въ Саусъ-Норвудъ 6 покосовъ, при соотвѣтственномъ доходѣ за аренду земли и клячнюю жидкость. Впослѣдствіи эта система была введена въ Кройдонъ, Карлейль, затѣмъ въ громадныхъ размѣрахъ близъ Лондона, въ Данцигъ, а въ настоящее время, для обстоятельнаго испытанія, въ Берлинъ, и вездѣ она дала болѣе или менѣе удовлетворительные результаты. Такъ, напримѣръ, въ Саусъ-Норвудъ прежде платили за дезинфекцію 3,000 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ теперь городъ съ той-же статьи получаетъ аренднаго дохода 312 фунтовъ стерлинговъ. Береговой песокъ близъ Единбурга, прежде, конечно, безплодный, сталъ при удобреніи давать доходу на одинъ акръ 266 фунтовъ стерлинговъ, т. е. приблизительно 800 руб. на одну десятину. На Маплинскихъ пескахъ близъ Лондона, удобренныхъ посредствомъ орошенія клячней жидкостью, трава ежедневно вырастаетъ на 1 дюймъ, кукуруза на 3 дюйма; доходъ простирается на 340 талеровъ на моргенъ, т. е. приблизительно по 1,200 руб. на десятину. Въ Бройдонъ орошаютъ 360 акровъ съ платой по 5 фунтовъ стерлинговъ арендныхъ за акръ, арендаторъ-же извлекаетъ дохода 15 фунтовъ стерлинговъ, такъ что на каждый акръ чистой прибыли получается до 10 фунтовъ стерлинговъ. Доходъ города Ромфорда ежегодно простирается до 4,400 талеровъ. Въ Данцигъ Эрдъ принялъ на себя устройство канализаціи за 557,000 талеровъ, обязавшись нести расходы по содержанію сточныхъ трубъ за предоставленіе ему на тридцатилѣтній срокъ 30,000 квадратныхъ руть, около 40 десятинъ, земли, которая удобряется клячней жидкостью, и онъ извлекаетъ значительную выгоду.

Опыты около Берлина дали тоже благопріятные результаты. Мѣсто, выбранное для опытовъ и лежащее близъ перекрестка берлинско-ангальтской желѣзной дороги и крейцбергскаго пути, состояло изъ желтаго песка, на которомъ только кое-гдѣ виднѣлась желтая растительность. Но уже въ 1871 году посѣянный

26 апрѣля испанскій козелецъ далъ между 26 октябремъ и 10 ноябремъ столько плодовъ, что, по расчету, съ одного моргена доходъ равнялся-бы 633 рейхс-талерамъ, 18 зильберггрошамъ и 6 пфеннигамъ. Посѣянный въ маѣ кочанный латукъ далъ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля столько плодовъ, что на моргенъ пришлось-бы 138 тал. 3 зильберггр. 9 пфен. дохода. Посѣянная въ апрѣлѣ цвѣтная капуста въ іюлѣ и августѣ могла-бы дать на моргенъ 865 тал. 6 зильберггр. 6 пф. дохода и т. д. Кромѣ того на нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣвъ и сборъ происходилъ два раза съ апрѣля по октябрь. Нужно еще замѣтить, что всѣ плоды были необыкновенной красоты и нѣжности и ихъ произрастаніе очень мало поддавалось вліянію сильно пережѣвчивой и неблагоприятной погоды, а между тѣмъ лицо, занимавшееся огородничествомъ, очень плохо было знакомо съ этимъ дѣломъ и дѣлало не мало упущеній. Такъ-же хорошо росли травы: общій сборъ былъ слѣдующій:

съ 2 мая по 4 мая . . .	73,66	центнеровъ.
„ 2 іюня „ 2 іюля . . .	460, 5	„
„ 3 іюля „ 8 август. . .	468, 1	„
„ 9 август. „ 12 сент. . .	300, 5	„
„ 13 сент. „ 14 окт. . .	184,65	„
„ 15 окт. „ 25 окт. . .	28, 5	„

Итого. 1,515,91 центнера травы.

Средній доходъ съ квадратной сажени былъ 209,5 фунтовъ травы и при цѣнѣ въ 5 зильберггрошей за центнеръ принесъ-бы 62,85 талера съ каждаго моргена. Эта трава была сочная и питательная. Когда ея стали кормить коровъ въ королевской скотолечебной школѣ, то количество получаемого молока увеличилось

въ 1 день кормленія на 6 четвертей	
„ 2 „ „ „	12 „
„ 3 „ „ „	25 „
„ 4 „ „ „	21 „

Собственно правильное кормленіе этою травой началось со 2 іюня, и продолжалось постоянно до конца августа. Съ самого начала были отдѣлены 6 дойныхъ коровъ и онѣ исключительно питались собранною съ этого поля травой: результаты получились блестящіе. Коровы были здоровы, давали больше, чѣмъ обычно-

венно молока и это молоко было превосходнаго качества. Всѣ эти опыты, подробности которыхъ невозможно приводить въ журнальной статьѣ, были сдѣланы съ чисто-нѣмецкою аккуратностью: составъ травы, составъ молока, количество пищи коровъ, дни посѣвовъ и дни сборовъ, измѣненія погоды, умѣнье и неумѣнье лицъ, взявшихся за то или другое дѣло, все это записано, взвѣшено, соображено и трудно-бы было требовать большей добросовѣстности отъ людей, взявшихся за какое-нибудь дѣло.

Не безынтересно остановиться и на тѣхъ результатахъ, которые получились въ послѣднее время въ Парижѣ. Полуостровъ Жанвильеръ, образуемый вторымъ громаднымъ поворотомъ Сены, былъ избранъ для орошенія клоачною жидкостью. Трудно встрѣтить болѣе бесплодную землю—это по-преимуществу родина чертополоха, крапивы и мелкаго молочайника. Песокъ и голыши едва прикрыты здѣсь тонкимъ слоемъ земли, которая не можетъ даже удержать влажности, приносимой дождями, и ихъ влага тотчасъ-же проникаетъ въ песокъ и исчезаетъ подъ нимъ. Самыя названія разныхъ клочковъ этой мѣстности характеризуютъ ея бесплодіе: „Большой камень“, „Сухое дерево“, „Кроличья нора“, „Вѣлая яма“ и т. д. Только немногіе охотники забирались сюда отъ времени до времени за жаворонками. Земля здѣсь отдавалась по 78 и 86 франковъ въ годъ за гектаръ. Здѣсь съ грѣхомъ пополамъ воздѣлывали свекловицу, которая фигурировала здѣсь за брюкву, и если она доходила вѣсомъ до 700 граммовъ, то это можно было считать чудомъ. Изъ этой-то жалкой и мертвой пустыни задумали сдѣлать цвѣтущій разсадникъ овощей и фруктовъ и совершить это при помощи клоачной жидкости. Опытъ продолжается уже четыре года и онъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Здѣсь теперь красуются сады и огороды; гектаръ земли отдается въ аренду за 600 франковъ; одинъ изъ знаменитыхъ приготовителей духовъ устроилъ здѣсь свою фабрику и разводитъ между прочимъ перечную мяту, которую до сихъ поръ Франція должна была получать изъ Англии; спаржа, требующая для полной зрѣлости три года и даже пять лѣтъ въ другихъ мѣстахъ, поспѣваетъ здѣсь въ два года; свекловица вѣситъ 8 килограммовъ и иногда доходитъ до 14; артишоки, капуста и ревень принимаютъ здѣсь колоссальныя размѣры. Весною 1872 года нѣкоторые садовники развели здѣсь латукъ; они отсылали его ежедневно по три тысячи

пучковъ и все-таки онъ росъ такъ скоро, что пошелъ, въ концѣ концовъ, въ сѣмена и не могъ уже продаваться на рынкѣ. Въ четыре года въ этой пустынѣ уже построились 34 дома и полуостровъ сдѣлался буквально цвѣтущимъ сплошнымъ садомъ.

Когда просматриваешь всѣ эти сообщенія, то, кажется, что читаешь одну изъ сказокъ изъ „Тысячи одной ночи“. Съ непривычки къ подобнымъ явленіямъ какъ-то трудно вѣрится, что они возможны, и только сознаніе того, что все это пишутъ серьезные очевидцы, люди, глубоко интересующіеся этимъ дѣломъ, заставляетъ вѣрить безусловно ихъ подробнымъ описаніямъ этихъ чудныхъ превращеній. Но какъ грустно становится, когда вслѣдствіе того, что послѣ сотенъ лѣтъ человѣчество только теперь принимается за это дѣло и то не за самое дѣло, а за подготовительныя опыты, а тутъ передъ нами окномъ тянется давно знакомое поле, покрытое пепельно-сѣрой, сбившейся въ твердые комья землей, на которой нѣтъ и слѣда отъ шедшаго недавно дождя, и нѣсколько бабъ и мужиковъ шагъ за шагомъ идутъ по этой унылой землѣ и тяжело разбиваютъ колотушками эти комья— для чего?— чтобы получить въ концѣ лѣта скудный сборъ того картофеля.

III.

Но одна канализація городовъ не обуславливаетъ еще ихъ полного оздоровленія. Канализація городовъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ патентованныхъ французскихъ лекарствъ, которыя, во увѣренію ихъ изобрѣтателей, дѣлаютъ малокровныхъ полнокровными, а полнокровныхъ избавляютъ отъ излишней крови или превращаютъ тучныхъ людей въ худощавыхъ, а худощавыхъ придаютъ приличную ихъ званію полноту. Говоря о содѣйствіи канализаціи оздоровленію городовъ, не слѣдуетъ забывать два яркіе примѣра, изъ числа очень многихъ такихъ-же примѣровъ.

Эти примѣры слѣдующіе.

Ливерпуль втеченіи многихъ лѣтъ славился своими санитарными мѣрами, которыя были направлены къ оздоровленію города. При помощи этихъ мѣръ смертность въ городѣ все понижалась и въ 1860 году спустилась до 25,7 человекъ изъ 1,000. Но съ этого года вдругъ началось ужасающее увеличеніе случаевъ смер-

и, продолжавшееся до 1866 года, когда умирало 41,7 изъ .,000. Интересна таблица смертности въ этомъ городѣ за 21 годъ.

1847—62	съ 1000	(ирландскій голодный тифъ).
1848—35	” —	” ” ”
1849—48	” —	(холера)
1850—28	” —	”
1851—32,1	” —	”
1852—31	” —	”
1853—29	” —	”
1854—35,5	” —	(холера)
1855—31	” —	”
1856—28,8	” —	”
1857—31	” —	”
1858—32,9	” —	”
1859—27,5	” —	”
1860—25,7	” —	”
1861—29	” —	”
1862—30,4	” —	”
1863—33	}	(тифъ и хлопчатобумажный кризисъ)
1864—36		
1865—36,4		
1866—41,7		(горячка и холера)
1867—29,4	”	”

Очевидно, что развитіе смертности можетъ сильно увеличиваться, несмотря ни на какіе каналы, если наступятъ болѣе сильныя враждебныя условія, дѣлающія невозможнымъ оздоровленіе города. Достаточно, напримѣръ, остановки въ работахъ по недостатку хлопка или вздорожанія предметовъ первой необходимости, чтобы истребить всѣ благодѣтельные слѣды, оставляемые на городѣ хорошою канализаціею.

Другой примѣръ показываетъ, что и безъ правильно устроенной канализаціи, но при извѣстныхъ особенно благопріятныхъ условіяхъ смертность въ городѣ можетъ быть не особенно велика. Такъ въ Берлинѣ, гдѣ не было введено англійской системы канализаціи, смертность съ 1841 года по 1850 годъ была среднимъ числомъ 26,4 на 1,000, хотя въ это время были тяжелыя холерныя эпидеміи. Съ 1852 года въ Берлинѣ были введены водопроводы, большая часть домовъ снабдилась ватерлозетами, очистка улицъ и омыва-

ніе мостовныхъ производилась съ большими расходами, а между тѣмъ смертность съ 1851 по 1860 годъ равнялась 26,7 съ 1,000. Интереснѣе еще цифры, касающіяся улучшенія здоровья въ Берлинѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда никто не думалъ о рациональномъ очищеніи города.

Съ 1711—1720	одинъ ум.	приходился на	25,40 ум.
” 1720—1730	”	”	” 25,12 ”
” 1731—1740	”	”	” 22,07 ”
” 1741—1750	”	”	” 27,83 ”
” 1751—1760	”	”	” 23,47 ”
” 1761—1770	”	”	” 31,54 ”
” 1771—1780	”	”	” 25,89 ”
” 1781—1790	”	”	” 28,09 ”
” 1791—1800	”	”	” 28,84 ”
” 1801—1810	”	”	” 25,18 ”
” 1811—1820	”	”	” 33,51 ”
” 1821—1830	”	”	” 34,18 ”
” 1831—1840	”	”	” 32,32 ”
” 1841—1850	”	”	” 37,74 ”
” 1851—1860	”	”	” 37,32 ”

Съ 1860 году смертность увеличилась и число умершихъ было въ

1860—	11,782
1861—	15,164
1862—	15,018
1863—	17,508
1864—	19,038
1865—	21,903
1866—	25,147 (холера).

Это возрастаніе числа умершихъ шло далеко не параллельно съ возрастаніемъ населенія, такъ что если принять, что въ 1858 г. было-бы на 1,000 жителей 1,000 смертныхъ случаевъ, то вышло-бы, что

въ 1861 году на	1,119 жителей	1,196 смертныхъ случаевъ
” 1864 ” ”	1,300 ”	1,504 ” ”

Всѣ эти цифры, какъ замѣчаетъ Вирховъ, нисколько не говорятъ противъ бесполезности разумнаго очищенія города или противъ канализации, но онѣ ясно свидѣтельствуютъ, что рядомъ

съ канализаціей идутъ многочисленныя условія, парализующія вліяніе канализаціи или содѣйствующія ему.

Это азбучная истина, скажетъ читатель. Да, но эту азбучную истину нужно помнить именно теперь, когда у насъ очень сильно заговорили о канализаціи Петербурга и Москвы. Объяснимся. Трудно пересчитать всѣ условія, вліяющія на продолжительность человѣческой жизни. Но возьмемъ хоть, на примѣръ, жилища. Никто не станетъ спорить, что хорошія и удобныя жилища благотворно вліяютъ на жизнь человѣка и на оборотъ—дурныя и неудобныя жилища губятъ эту жизнь. Но большинство можетъ имѣть порядочныя жилища только тогда, когда они дешевы. Если эти жилища вздорожаютъ непомерно, то бѣднякамъ придется довольствоваться дурными жилищами и, конечно, это отзовется на продолжительности ихъ жизни. Значить, нужно заботиться, чтобы эти жилища не дорожали. Это именно и нужно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о канализаціи. Мало того, что нужно заботиться о хорошемъ устройствѣ канализаціи, но нужно еще позаботиться и о томъ, чтобы она не повлекла за собою ни одного изъ такихъ послѣдствій, какъ вздорожаніе квартиръ. Вы спросите меня, какъ это можетъ случиться? Да, очень просто. Представьте себѣ, что канализацію городъ не съумѣлъ-бы иначе устроить, какъ, наложивъ большой налогъ на домовладѣльцевъ. Что изъ этого вышло-бы? Домовладѣльцы, конечно, не стали-бы платить изъ своего кармана излишнія деньги и взяли-бы ихъ вдвое съ жильцовъ, то-есть, еще болѣе возвысили-бы квартирную плату. Какъ отозвалось-бы это на населеніи? Была-ли-бы польза отъ канализаціи больше, чѣмъ вредъ отъ вздорожанія квартиръ, отъ необходимости небогатымъ людямъ стѣснить себя еще болѣе и перебраться въ тѣ части города, гдѣ была-бы еще не введена канализація и царствовала-бы старая грязь? Возьмите наглядный примѣръ: постройка хорошо устроенныхъ домовъ, продолженіе широкихъ улицъ—дѣло, безспорно приносящее пользу здоровью населенія. Но стоило взяться за это дѣло неумѣлымъ или корыстнымъ людямъ и оно принесло Парижу болѣе вреда, чѣмъ пользы. Исторія гаусмановскихъ построекъ всѣмъ извѣстна: онъ подыалъ цѣны на квартиры, онъ принудилъ этимъ небогатыхъ людей выѣхать на окраины города и стѣсниться въ гораздо худшихъ жилищахъ, чѣмъ жилища, занимаемыя ими до перестройки

Парижа. Итакъ, повторяемъ, что толкуя о канализаціи городовъ, нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что эта канализація не должна ни въ какомъ случаѣ чувствительно отзываться на карманахъ небогатаго большинства городского населенія и не должна попасть въ руки какихъ-нибудь господъ, имѣющихъ въ виду только выгодное предпріятіе. Вотъ почему мы, какъ и большинство нашей прессы, были очень рады, когда узнали, что разные проекты, въ родѣ проекта г. Вурова, потерпѣли въ „Думѣ“ полнѣйшее фиаско. Польза отъ осуществленія этихъ проектовъ была-бы менѣе того вреда, который могло принести это осуществленіе: оно слишкомъ дорого обошлось-бы бѣдному населенію столицы.

Вообще мы не видимъ теперь возможности составленія проекта канализаціи какиъ-бы то ни было однимъ частнымъ лицомъ. Несмотря на наше знакомство съ литературою этого вопроса, мы сильно затруднились-бы, если-бы намъ предложили указать на какой-нибудь большой европейскій городъ, гдѣ канализація осуществилась прямо по плану какого-нибудь одного частнаго лица безъ предварительныхъ официальныхъ изслѣдованій всѣхъ условій, связанныхъ съ этимъ дѣломъ. Мы говоримъ: официальныхъ, потому что у частныхъ лицъ не можетъ быть никакой физической возможности сдѣлать эти изслѣдованія, требующія и многихъ людей, и многихъ затратъ и, наконецъ, многихъ правъ. Въ этомъ случаѣ мы совершенно согласны съ дѣльными мнѣніями доктора Эрихсена, написавшаго планъ предварительныхъ изслѣдованій по вопросу о канализаціи и ассенизаціи Петербурга.

„Вопросъ объ ассенизаціи, говоритъ онъ, принадлежитъ къ такимъ, въ которыхъ хотя и можно пользоваться чужимъ опытомъ, чтобы, соображаясь съ полученными уже результатами, имѣть руководство для начатія этого дѣла, однако, работы подготовительныя должны быть исполнены самостоятельно въ каждомъ государствѣ и для каждаго болѣе обширнаго города. Предварительно принятія окончательнаго рѣшенія въ подобномъ дѣлѣ, слѣдуетъ разрѣшить многоразличные, тѣсно связанные съ мѣстными условіями, вопросы. Начиная съ санитарной стороны дѣла и кончая мельчайшими подробностями техническаго исполненія, намъ приходится обстоятельною подготовкою выяснитъ весь этотъ предметъ, и ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ и думать о простомъ по-

дражаніи примѣру другихъ городовъ. Мѣстныя условія должны быть всесторонне изслѣдованы прежде, нежели можетъ быть рѣчь о предпочтеніи какой-либо системы ассенизаціи. Хотя вообще и можно-бы было сказать, что извѣстная система имѣетъ значительныя преимущества передъ другою, но этимъ еще далеко не сказано, чтобы мѣстныя условія въ статистическомъ, климатическомъ и другихъ отношеніяхъ не были-бы таковы, что преимущества обращаются въ недостатки и наоборотъ. Конечно, все это такъ очевидно, что едва-ли нужно прибѣгать къ подробностямъ, но существуютъ истины, частое повтореніе которыхъ никогда не бесполезно, тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о вопросѣ такой громадной важности. Вездѣ, гдѣ серьезными предметами занимаются основательно, принимались и по этому вопросу прежде всего за трудную и связанную съ большими издержками подготовительную работу, до времени не пускаясь въ разсужденія о выборѣ системы. Такъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, по предложенію магистрата, была составлена особая комиссія, которая въ продолженіи 4 лѣтъ занималась изученіемъ всѣхъ, касавшихся этого предмета, вопросовъ, результатъ котораго изложенъ въ классическомъ, можно сказать, генеральномъ отчетѣ Вирхова. Во Франкфуртѣ, Данцигѣ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ былъ возбужденъ вопросъ объ ассенизаціи, послѣдовали указанному направленію и въ послѣдствіи не пожалѣли объ этомъ. Упомянутыя работы слѣдуетъ предпринять во всякомъ случаѣ, такъ-какъ онѣ должны предшествовать исполненію и даже составленію всякаго добросовѣстнаго проекта; но при этомъ особенно важно, когда именно сдѣланы эти работы, въ то-ли время, когда въ нихъ имѣется настоятельная необходимость, т. е. до окончательнаго рѣшенія вопроса, или-же въ послѣдствіи, когда принятыи проектъ уже не можетъ быть уничтоженъ. Успѣхъ всего предпріятія, его цѣлесообразность и польза главнымъ образомъ зависятъ отъ предварительныхъ изслѣдованій, съ окончаніемъ которыхъ только и получается вѣрный взглядъ на положеніе дѣла. Мѣропріятія, прекрасныя для одной мѣстности, могутъ при другихъ условіяхъ оказаться совершенно негодными, и мѣры, необходимыя въ одномъ мѣстѣ, могутъ быть обойдены въ другомъ. Такимъ образомъ, на каждомъ шагѣ встрѣчается множество примѣровъ, доказывающихъ несомнѣнную необходимость въ подгото-

вительныхъ работахъ до выбора какой-либо системы. Если все сказанное справедливо относительно другихъ мѣстностей, то еще въ большей мѣрѣ по отношенію къ Петербургу, климатическія и почвенныя условія котораго несравненно болѣе усложняютъ дѣло ассенизаціи и вовсе не допускаютъ простаго подражанія результатамъ, добытымъ въ другихъ городахъ. Какая-бы система ни подлежала избранію, съ спокойною совѣстью вопросъ этотъ рѣшается только на основаніи подготовительныхъ работъ. Вѣдь рѣшенію подлежитъ такое дѣло, которое предопредѣляетъ матеріальное благосостояніе будущихъ поколѣній. Вся трудность вопроса, требующаго величайшей осторожности со стороны администраціи, заключается именно въ томъ, что исполненный проектъ не можетъ уже быть исправленъ или уничтоженъ; такимъ образомъ, вопросъ былъ-бы предрѣшенъ какъ въ санитарномъ такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, и годна-ли или негодна система, она должна остаться таковою, и населенію приходится довольствоваться ею. Всѣ практическія условія жизни, отчасти зависящія отъ подлежащаго предмета, тѣсно связаны съ введенною системою ассенизаціи; поэтому окончательное разрѣшеніе вопроса, основанное не на подробномъ знакомствѣ съ данными условіями, а также на довольно шаткихъ предположеніяхъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдываемо. Независимо отъ этихъ общихъ, впрочемъ, самихъ по себѣ достаточныхъ, причинъ, финансовая сторона дѣла должна привести къ тѣмъ-же результатамъ. Расходы, простирающіеся на милліоны, общество можетъ понести только однажды, и если съ самаго начала не имѣется никакихъ ручательствъ въ цѣлесообразности ихъ употребленія, то деньги тратятся по пустому. Но гарантія вообще мыслима только при добросовѣстномъ исполненіи предварительныхъ работъ, служащихъ средствомъ для безошибочнаго выбора системы. По нашему мнѣнію, для всѣхъ должно-бы быть очевиднымъ, что принятіе какого-либо проекта, безъ всякой къ тому подготовки—не что иное, какъ рискованная игра съ жизнію, здоровьемъ и достояніемъ населенія. Безъ жертвъ, и притомъ довольно значительныхъ, со стороны каждаго, въ подобномъ дѣлѣ ничего нельзя предпринять; поэтому слѣдуетъ заблаговременно озаботиться, чтобы трудъ и деньги не были-бы затрачены бесплодно“.

Къ этимъ словамъ нечего прибавлять. Можно только пожелать, чтобы „Дума“ и „Санитарная комиссія“ пошли именно по этому пути и не склонялись-бы и въ будущемъ на сторону разныхъ проектировъ, пишущихъ на скорую руку различныя проекты, долженствующіе принести выгоду и пользу только имъ самимъ, а не городскому населенію.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Происхождение Серрано.—Его характер.—Возстаніе Ріего.—Вредъ для Испаніи отъ провунціаменто.—Невыгодное положеніе арміи въ государствѣ.—Уничтоженіе салическаго закона.—Регентство королевы Христины.—Первая карлистская война.—Конституція 1836 года.—Бергарская конвенція.—Регентство Эспартеро.—Успѣхи Серрано.—Возстаніе Нарваэца.—Бракъ королевы Изабеллы.—Разладъ въ королевской семьѣ.—Возвышеніе Серрано.—Его отставка.—Клерикальная политика Нарваэца.—Участіе Серрано въ провунціаменто.—Возстаніе 1854 года.—Ошибки Эспартеро.—Контръ-революція 1856 года.—Назначеніе Серрано генералъ-губернаторомъ Кубы.—Его обогащеніе и женитьба.—Мехиканская экспедиція.—Ударъ, нанесенный честолюбію Серрано.—Борьба изъ-за министерскаго портфеля.—Вѣчные министры.—Альколейская побѣда.—Бездѣтельность Серрано.—Господство Прима.—Кандидатуры на испанскій престолъ.—Убіиство Прима.—Министерство Серрано.—Аморвиегская конвенція.—Планъ государственнаго переворота.—Отреченіе Амедея.

Маршалъ Серрано.

Въ ряду событій послѣдняго времени возвышеніе Серрано произвело въ политическомъ мірѣ такое-же сильное впечатлѣніе, какъ и отставка Гладстона. Въ прошлой хроникѣ мы занимались Гладстономъ, нынѣшнюю посвятимъ главѣ исполнительной власти въ Испаніи, маршалу Серрано.

I.

Франциско Серрано-и-Домингецъ родился 17 октября 1810 г., въ Андалузіи, въ Кадиксѣ, или, еще точнѣе, на островкѣ Леоне, въ предмѣстьѣ Кадикса. Его семья не пользовалась особенно хорошей репутаціей. Глава семьи былъ не изъ богатыхъ и занимался мелкой торговлей. Франциско получилъ самое неблестательное воспитаніе, но рано понялъ, что съ деньгами живетъ легче, чѣмъ безъ денегъ, и въ самомъ раннемъ возрастѣ далъ очевидныя до-

казательства своимъ родственникамъ, что его пожираетъ честолюбіе. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ армію, а чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ своей службы пріѣхалъ въ отпускъ къ своимъ восхищеннымъ родителямъ въ мундиръ капрала. Юный капраль суждѣлъ пріобрѣсти себѣ покровителей и въ полку на него смотрѣли уже, какъ на человѣка, который сдѣлаетъ блистательную карьеру.

Серрано началъ свою службу въ одну изъ печальнѣйшихъ эпохъ испанской исторіи. Іезуиты управляли государствомъ, они вмѣшивались во все, даже въ семейную жизнь, и руководили всѣмъ. Большой, и умственно, и физически, король Фердинандъ VII былъ совершенно въ ихъ власти. По ихъ желанію, онъ возстановилъ инквизицію, отдалъ имъ въ руки народное образованіе, и черезъ нѣсколько лѣтъ нельзя было узнать Испанію, которой еще такъ недавно удивлялась и симпатизировала вся Европа, съ страстнымъ интересомъ слѣдившая за ея героической борьбой съ Наполеономъ I. Іезуиты и инквизиція не щадили никого, въ комъ только подозрѣвали противника ихъ исключительнаго господства: они преслѣдовали не только либераловъ, защитниковъ конституціи 1812 года, но и вообще всѣхъ, кто составилъ себѣ извѣстность участвуя въ войнѣ за независимость; многіе изъ героевъ этой войны оставили отечество, нѣкоторые попали въ ссылку, заключены въ тюрьмы или скрывались въ глуши провинціальныхъ городковъ и въ деревняхъ.

Шесть лѣтъ (1814—1820) тяготѣло уже надъ Испаніей владычество іезуитовъ, когда у правительства явилась мысль снова завоевать отпавшія американскія колоніи. Въ Кадиксъ былъ собранъ экспедиціонный отрядъ, которому предназначено было высадиться въ Мантевидео и Буэносъ-Айресъ. 1-го января 1820 года эта армія взбунтовалась; главой инсурекиціи былъ объявленъ Ріего.

Это возмущеніе, извѣстное подъ именемъ возмущенія на островѣ Леоне, совершилось на глазахъ маленькаго Франциска Я, по его словамъ, произвело на него сильное впечатлѣніе; оно оказало рѣшительное вліяніе на его послѣдующую жизнь. Это возмущеніе было первымъ пронунціаменто, которыя стали характеристическимъ явленіемъ испанской политической жизни; съ этой поры они повторяются въ испанской исторіи почти періодически и составляютъ

язву, причиняющую сильныя страданія организму Испаніи. Возстаніе Ріего стало образцомъ подобныхъ движеній, честолюбцы — а ими кипитъ родина дон-Кихота — всегда прибѣгали къ проунціаменту для осуществленія своихъ замысловъ. Возмущеніе Ріего сопровождалось успѣхомъ и, благодаря этому, возбудило сильнѣйшій энтузіазмъ въ странѣ; о немъ и теперь еще говорятъ со страстью и придаютъ ему легендарныя размѣры. „Маршъ Ріего“ сталъ народной пѣсню, пользующеюся въ Испаніи такимъ-же значеніемъ, какъ „марсельеза“ во Франціи. Ріего, дѣйствительно, былъ горячій патріотъ; совершая проунціаменту, онъ нисколько не думалъ о собственномъ честолюбіи. Его послѣдователи Примъ, Нарваецъ, О’Доннель, Серрано и другіе всегда выше всего ставили собственное честолюбіе и, совершая проунціаменту, очень мало заботились о благѣ страны, хотя, конечно, въ своихъ прокламаціяхъ всегда ставили его на первомъ планѣ. Всѣ эти проунціаменту причинили Испаніи множество потерь; выгоды-же отъ нихъ, полученныя страной, были самыя микроскопическія. Они держатъ страну въ вѣчно неопредѣленномъ положеніи; испанцы уже не вѣрятъ никакимъ обѣщаніямъ, даже самыя совершившіяся факты возбуждаютъ сомнѣніе, потому что реформы, явившіяся результатомъ одного проунціаменту, немедленно уничтожаются послѣ совершенія другого; такимъ образомъ, послѣдующее проунціаменту всегда отрицаетъ то, что было послѣдствіемъ предъидущаго. Всѣ партіи безъ исключенія привыкли опираться не на легальную оппозицію, не на прессу, не на общественное мнѣніе, но на грубую силу, на удачу военнаго возмущенія. Всякій честолюбецъ сталъ избирать себѣ непремѣнно военную карьеру. Армія стала орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ и рѣшительницей политическихъ вопросовъ; она свергала тѣ самыя правительства, которымъ давала власть въ руки. Арміи вѣчно приходилось дѣлиться на двѣ части и одной половинойъ сражаться противъ другой. Для полученія приверженцевъ между офицерами, правительству приходилось щедрою рукою сыпать награды; оттого въ испанской арміи одинъ генераль приходится менѣе, чѣмъ на триста солдатъ. Легкость повышенія въ чинахъ и полученія наградъ привела и къ тому печальному факту, что испанская армія намѣренно затягиваетъ гражданскія войны: первая карлистская война продолжалась семь лѣтъ; вторая тянется уже нѣсколько лѣтъ и ей не

предвидится конца. Выгоду въ затягиваніи войны понимаетъ каждый начальникъ отдѣльной части, и если является какой-нибудь наивный полковникъ или капитанъ, который, припимаая войну за серьезное дѣло, стремительно нападаетъ на непріятеля и разбиваетъ его на-голову, онъ не только не удостоивается, какъ-бы слѣдовало, награды, но его непременно посылаютъ въ аріергардъ.

Такое странное положеніе арміи въ государствѣ, естественно, побуждаетъ cadaго передового испанца заявлять требованіе о ея реформированіи. Всякое либеральное министерство въ Испаніи во главѣ своей программы непременно ставитъ военную реформу, но ни одному изъ нихъ не удалось совершить ничего существеннаго въ этомъ отношеніи; каждое изъ такихъ министерствъ, въ концѣ концовъ, бывало вынуждено или брать назадъ свое предложеніе или выходить въ отставку. Противниками министерства въ такомъ случаѣ являлись многіе изъ самихъ либераловъ, которые, по странному заблужденію, считали необходимымъ создавать себѣ поддержку въ арміи, отдавая командованіе генераламъ и офицерамъ, принадлежащимъ къ либеральной партіи. Сгратъ къ пропунціаменто такъ сильно обуяла испанцевъ, что нужно сдѣлать еще очень многое для ослабленія ея, и едва-ли этого достигнетъ настоящее поколѣніе.

Мы уже сказали, что военное возстаніе Ріего сопровождалось успѣхомъ. Оно отразилось въ цѣлой странѣ. Правительство увидѣло невозможность бороться съ нимъ и Фердинандъ VII издалъ манифестъ, которымъ обязывался строго держаться конституціи. Хотя онъ давалъ это обѣщаніе при своемъ вступленіи на престоль и, несмотря на то, іезуитское правительство постоянно нарушало конституцію, однакожь, и на этотъ разъ испанцы повѣрили слову короля и успокоились.

Клерикальная партія въ Испаніи, конечно, стала думать о возмездіи. Она убѣдила французскихъ клерикаловъ помочь ей. Французская армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, вторглась въ Испанію, и вскорѣ іезуиты снова овладѣли властью въ Испаніи и жестоко отожили своимъ противникамъ.

Между тѣмъ Фердинандъ VII овдовѣлъ въ третій разъ и вздумалъ жениться въ четвертый. Принцессѣ Луизѣ, женѣ дон-Карлоса, брата короля, пришла идея выдать за Фердинанда свою родную сестру. Принцесса Христина, однакожь, не хотѣла выхо-

дить за такого ужаснаго мужа, какииъ былъ Фердинандъ для своихъ первыхъ трехъ женъ, но на ея протестъ не обратили вниманія и свадьба состоялась. Вслѣдъ за этимъ возгорѣлась ожесточенная борьба между сестрами: младшей, королевой, и старшей, надѣявшейся сдѣлаться королевой по смерти Фердинанда, такъ-какъ онъ не имѣлъ дѣтей и престоль долженъ былъ перейти къ его брату. Вражда эта еще болѣе усилилась, когда у королевы Христины родилась дочь. Въ Испаніи существовалъ салическій законъ, утверждающій право на престоль только въ мужскомъ поколѣніи. Дочь Фердинанда, какииъ образомъ, не имѣла правъ на него и престоль по наслѣдству долженъ былъ перейти къ дон-Карлосу. Но Христина съумѣла на-столько повліять на своего мужа, что онъ отмѣнилъ существующій законъ о престолонаслѣдіи и объявилъ своей наслѣдницей дочь свою Изабеллу.

II.

Фердинандъ VII умеръ въ 1833 году и въ Испаніи тотчасъ-же возгорѣлась гражданская война. Его преемницѣ, королевѣ Изабеллѣ, было всего три года. Регентство было отдано королевѣ Христинѣ, женщицѣ капризной, легкомысленной, скупой и даже жестокой. Вѣчно опираясь на свое малое знакомство съ государственными дѣлами, она постоянно нарушала конституцію, на вѣрность которой присягала. Содѣйствуя уничтоженію основнаго закона о престолонаслѣдіи, она вооружила противъ себя дворянство, ставшее теперь на защиту нарушенныхъ правъ дон-Карлоса. Христина вынуждена была опереться на либеральную буржуазію, но, пираясь на нее, королева нисколько не желала соблюдать ея интересы и уважать ея права. Однакожь, соблюдая внѣшнія приличія, она назначила своимъ первымъ министромъ либерала, пострадавшаго въ 1814 году за свой либерализмъ, Мартинца-де-ла-Розу, долгое время жившаго изгнанникомъ на чужбинѣ. Испанцы сравниваютъ Мартинца съ Ламартиномъ. Дѣйствительно, между ними существуетъ нѣкоторое сходство. Мартинецъ, плодовитый писатель, увлекательный ораторъ, блестящій поэтъ, сантиментальный романистъ, обладалъ благородными побужденіями, быстрымъ соображеніемъ, острымъ умомъ и нѣсколько легкомысленнымъ харак-

теромъ. Въ своей молодости онъ былъ пылокъ и искрененъ, но въ то время, какъ его призвала Христина, онъ уже потерялъ энергію и сдѣлался человѣкомъ скрытнымъ. Въ 1812 году онъ былъ страстнымъ и энергическимъ защитникомъ конституціи; въ 1834 году онъ помогъ королевѣ Христинѣ ее урѣзать, а въ 1844 самъ-же уничтожилъ дѣло своихъ рукъ. Онъ считался главой радикаловъ или „экзальтированныхъ“, какъ ихъ называли въ Испаніи, въ то время, когда Христина поручила ему составить министерство. вмѣстѣ они выработали „Королевскій статутъ“, который былъ измѣненной и сильно урѣзанной конституціей 1812 г. Въ то-же время онъ заключилъ четверной союзъ между Испаніей, Франціей, Англіей и Португаліей; договаривающіяся стороны обязались поддерживать конституціонализмъ, представляемый въ трехъ изъ этихъ государствъ младшими линіями династій.

Старшая линія Бурбоновъ въ Испаніи не захотѣла уступить своихъ правъ безъ сопротивленія. Она подняла знамя гражданской войны, которая семь лѣтъ къ ряду разоряла страну. Серрано, конечно, не замедлилъ воспользоваться благопріятными шансами для возвышенія. Онъ заявилъ себя горячимъ сторонникомъ либеральной партіи и скоро попалъ въ адъютанты къ знаменитому Эспозъ-и-Минъ, командовавшему войсками въ Каталоніи. Мина, храбрый генералъ, отличался суровостью нрава и грубостью манеръ; Серрано также былъ храбръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ природной граціей, изысканностью манеръ, веселостью и вѣчно хорошимъ расположеніемъ духа; вскорѣ онъ сдѣлался любимцемъ всего штаба; онъ охотно бралъ на себя всякое опасное порученіе, рассчитывая, что военныя отличія непременно доставятъ ему генеральскіе эполеты.

Однакожь, карлисты были такими врагами, съ которыми нельзя было не считаться. У нихъ были замѣчательные генералы Кабрера и Цумалакареги, командующіе басками—можетъ быть, первыми солдатами въ мірѣ по ихъ изумительной выносливости и храбрости; баски, правда, люди невѣжественные, но даровитые; они превосходно ведутъ горную войну, и чтобы ихъ побѣдить, необходимо выставлять противъ нихъ тройную силу.

Эта долгая гражданская война была золотымъ вѣкомъ для честолюбцевъ. Эспартеро, Нарваецъ, О’Доннель, Примъ, Конха, Честе, Новалихесъ, Серрано и нѣкоторые другія испанскія извѣ-

стности обязаны своимъ возвышеніемъ этой войнѣ; она привела ихъ къ генеральскимъ, министерскимъ и посланническимъ постамъ.

Въ первый періодъ этой войны успѣхъ чаще склонялся на сторону карлистовъ. Регентша, наконецъ, увидѣла необходимость тѣснѣе сблизиться съ либеральной партіей. Но провинціальныя юнты объявили, что онѣ не сдѣлаютъ никакихъ чрезвычайныхъ усилій, пока не будетъ отмѣненъ „Королевскій статутъ“ и правительство не введетъ снова конституціи 1812 года. Во время этихъ переговоровъ карлисты приблизились къ Мадриду, что произвело сильное волненіе въ столицѣ, гдѣ господствовала либеральная партія. Можно было опасаться открытаго возстанія; Христина посиѣшила заявить кортесамъ, что она согласна на провозглашеніе конституціи 1812 года. Эта конституція была провозглашена 15 августа 1836 года и съ этого времени дѣла карлистовъ пошли несравненно хуже. Нарваецъ, принадлежавшій къ партіи „эвзальтированныхъ“, сталъ преслѣдовать по пятамъ карлистскаго предводителя Гомеца, подступившаго-было къ Мадриду, а теперь показавшаго тылъ. Нарваецъ достигъ своего противника въ Макасейтѣ, вблизи Аркоса, и разбилъ его на голову. Потерявъ надежду овладѣть столицей, карлисты сильно потеряли во мнѣніи сомнѣвающихся, которые теперь стали смотрѣть на ихъ дѣло, какъ на обыкновенное провинціальное возстаніе. Въ то-же самое время О’Доннель заставилъ Кабреру снять осаду Люцены; этотъ успѣхъ приблизилъ его къ Христинѣ и онъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ главнокомандующему Эспартеро, на котораго либералы возлагали всѣ свои надежды. Карлистская война, однакожъ, окончилась не генеральнымъ сраженіемъ, а партіей въ карты. Эспартеро предложилъ карлистскому генералу Марото сыграть въ карты, и кто проиграетъ, тотъ отдается на волю побѣдителя. Марото проигралъ и подписалъ вергарскую конвенцію, окончившую междоусобную войну. Впрочемъ, война эта, въ дѣйствительности, окончилась въ слѣдующемъ году взятіемъ Мореллы. Самъ дон-Карлосъ оставилъ Испанію тотчасъ послѣ вергарской конвенціи и поселился въ Буржѣ.

Эспартеро съ энтузіазмомъ принимали во всей Испаніи; ему данъ былъ титулъ „герцога побѣдъ“. Между тѣмъ Христина успѣла снова поссориться съ либералами и возбудить противъ себя всѣ

партіи, упрекавшія ее въ скупости и частой смѣнѣ своихъ фаворитовъ. Ея министръ Перець-де-Кастро провелъ въ кортесахъ законъ, ограничивающій муниципальныя права. Пользуясь тѣмъ, что испанцы съ особенной ревностью оберегаютъ свои мѣстныя провинціальныя права, прогрессисты, предводимые Эспартеро, возстали противъ Христины; вскорѣ они заставили ее отречься отъ регентства и провозгласили регентомъ государства и опекуномъ одинадцатилѣтней принцессы Изабеллы своего предводителя, маршала Эспартеро.

Христина удалилась во Францію и поручила своему экс-фавориту О'Доннелю организовать возстаніе противъ новаго регента. О'Доннель вмѣстѣ съ генераломъ Діаго Леономъ рѣшились сдѣлать попытку овладѣть принцессой Изабеллой и затѣмъ разстрѣлять Эспартеро, но ихъ замыселъ былъ открытъ и Леонъ приговоренъ къ разстрѣлянiю.

Все это время Серрано быстро шелъ впередъ по службѣ. Послѣ вергарской конвенціи онъ, въ полковничьемъ чинѣ, назначенъ былъ командиромъ бригады, съ которой и прибылъ на стоянку въ Мадридъ. Ему предшествовала репутація красавца и самаго любезнаго офицера въ королевской арміи. Онъ былъ представленъ ко двору и сразу пріобрѣлъ успѣхъ среди женщинъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ представленія регентшѣ онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры. Теперь онъ сталъ думать о парламентской карьерѣ и добился избранія въ Андалузiю: онъ былъ посланъ въ кортесы отъ города Малаги въ 1840 году. Въ это время Эспартеро былъ на верху своего могущества и продолжалъ покровительствовать Серрано. Молодой генераль и депутатъ, конечно, помѣстился въ рядахъ сторонниковъ регента.

Эспартеро совершилъ нѣсколько ошибокъ; онъ забылъ, что ему слѣдуетъ имѣть въ виду не всю Испанiю, а господствующую партію. Онъ заключилъ съ Англіей коммерческій трактатъ, основанный на принципѣ свободной торговли. Этотъ трактатъ не понравился каталонцамъ, завзятымъ протекціонистамъ. Каталонцы, бывшіе до сихъ поръ лучшими друзьями Эспартеро, стали громко кричать, что онъ продалъ свое отечество коварному Альбіону. Барселона возстала; Эспартеро усмирилъ ее. Она возстала въ другой разъ и Эспартеро рѣшился бомбардировать этотъ городъ, который, по мнѣнію испанцевъ, красивѣе и лучше Мадрида. Возста-

ніе было усмирено, но Эспартеро въ глазахъ испанцевъ потерялъ славу героя либерализма.

Христина, зорко слѣдившая изъ Парижа за событіями въ Испаніи, послала туда своего друга Нарваэца, который высадился въ Валенсіи и поднялъ тамъ знамя бунта. Въ Ардоцѣ онъ разбилъ отрядъ правительственныхъ войскъ. Послѣ этого успѣха къ нему присоединились Серрано и Конха, возмущившіе Барселону. Серрано, видя, что успѣхъ оставляетъ Эспартеро, постарался поскорѣ забыть, что онъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ.

Нарваэцъ, умный, рѣшительный, способный, хотя весьма неразборчивый въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли, съ энергіей велъ дѣло возстанія. Онъ повелъ форсированнымъ маршемъ къ Мадриду свою армию, увеличивавшуюся въ численности на каждомъ переходѣ. Регентъ Эспартеро, генералиссимусъ испанскихъ войскъ, побѣдитель во ста сраженіяхъ, не могъ даже сдѣлать попытки къ серьезному сопротивленію. Ему оставалось теперь какъ можно скорѣе оставить Испанію. Въ то время, какъ Эспартеро садился въ Кадиксѣ на корабль, отплывающій въ Англію, гордый и мрачный Нарваэцъ торжественно вступалъ въ Мадридъ, имѣя въ своей свитѣ О'Донпеля, Конху и Серрано.

Возстаніе Нарваэца было совершенно во имя либерализма. Нарваэцъ объявлялъ, что онъ свергъ Эспартеро потому, что регентъ поправилъ свободу и нарушилъ конституцію. Побѣдитель намѣревался возстановить и то, и другое; а для начала онъ разогналъ кортесы и замѣнилъ ихъ такъ-называемымъ народнымъ правительствомъ, составленнымъ изъ его друзей и вѣрныхъ пособниковъ. Когда онъ успѣлъ раздать всѣ важнѣйшіе административные посты своимъ креатурамъ и занять войсками главнѣйшіе стратегическіе пункты, Нарваэцъ снялъ прогрессистскую маску, призвалъ въ свое министерство Гонзалеса Браво и, чтобы окончательно очистить путь къ возвращенію Маріи-Христины, отмѣнилъ дѣйствіе конституціи 1836 года, замѣнивъ ее номинальнымъ парламентарнымъ порядкомъ, и объявилъ всю Испанію въ осадномъ положеніи. Собранные Нарваэцомъ кортесы, составленные теперь изъ его друзей, въ благодарность за возвращенныя имъ права испанскому народу, провозгласили его герцогомъ валенскимъ, а нарушителя этихъ правъ, Эспартеро, приговорили къ вѣчной ссылке.

Во время своего невольнаго пребыванія въ Парижѣ Христина

сговорилась съ королемъ Люи-Филиппомъ устроить два брака: выдать Изабеллу, наслѣдницу испанскаго трона, и ея сестру Луизу за двухъ сыновей французскаго короля—герцоговъ Омальскаго и Монпансье. Эти браки были выгодны для обѣихъ фамилій; по крайней мѣрѣ, такъ думалъ Люи-Филиппъ, но онъ дѣлалъ свои расчеты, не посовѣтовавшись съ своимъ другомъ Пальмерстономъ, который страстно любилъ подставлять ногу своему союзнику. На этотъ разъ англійскій министръ рѣшительно разсвирѣпѣлъ; онъ объявилъ, что если его другъ не откажется отъ своего плана, можетъ возникнуть война между Англїей и Франціей. Люи-Филиппъ, какъ ревностный охранитель мира, постѣшилъ успокоить своего друга, отказавшись отъ половины плана: бракъ долженъ былъ состояться между герцогомъ Монпансье и принцессой Луизой; для королевы-же Изабеллы Люи-Филиппъ предложилъ ея двоюроднаго брата Франциска Ассизскаго, по характеру и развитію человѣка ничтожнаго. Хитрый французскій король полагалъ, что, имѣя такого мужа, королева Изабелла легко подпадетъ подъ вліяніе своего зятя герцога Монпансье,—лучше сказать, подъ вліяніе самого Люи-Филиппа. Назначенный королемъ Изабеллѣ женихъ былъ къ тому-же некрасивъ собой. Юная королева плакала, умоляла не выдавать ее замужъ за нелюбимаго кузена, но ничто не помогло, политическіе расчеты взяли верхъ и бракъ совершился въ октябрѣ 1846 года.

Понятно, что бракъ, заключенный при такихъ условіяхъ, не могъ быть счастливымъ. Юная королева не могла привыкнуть къ своему супругу, который умѣлъ наводить скуку на всякаго, кто удостоивался чести быть его собесѣдникомъ; пылкая, страстная, веселая, живая, молодая королева стала избѣгать его общества и сближаться съ окружавшими ее царедворцами. Она, конечно, замѣтила ловкаго, красиваго, веселаго молодого генерала Серрано и онъ вскорѣ сдѣлался ея любимцемъ. Это не понравилось супругу королевы и онъ громко высказалъ свое неудовольствіе. Министръ Сотомайоръ, желая уладить возникшій разладъ въ королевской фамиліи, далъ приказъ генералу Серрано отправиться инспектировать отдаленные гарнизоны. Серрано, съ улыбкой, вручилъ Сотомайору повелѣніе королевы объ увольненіи его, Сотомайора, и о порученіи генералу Серрано составить новый кабинетъ. Серрано пригласилъ въ свое министерство Пачеко и Саламанку, пользовав-

шихся весьма желестной репутаціей въ Испаніи. Министерство Серрано, вступившее въ должность въ сентябрѣ 1847 года, считало себя принадлежащимъ къ прогрессивской партіи.

Испанцы всегда были монархистами и благоговѣли передъ своими королями, которые для приданія себѣ большаго значенія, окружали себя таинственностью и самымъ строгимъ этикетомъ; они являлись въ публикѣ, окруженные почти азіятскою пышностью. Въ самый театръ они показывались только въ дни торжественныхъ спектаклей и непремѣнно съ огромной свитой. Королева Марія-Луиза, страстно любившая оперу, рѣшилась-было измѣнить существующему обычаю и позволила себѣ пріѣхать въ театръ запросто. Такой поступокъ ея произвелъ страшный скандалъ; вся Испанія заговорила о томъ, что королева не умѣетъ держать себя какъ должно. Объявленіе Изабеллы совершеннолѣтней королевой встрѣчено было съ энтузіазмомъ всей націей; она сразу пріобрѣла себѣ обожаніе отъ своего рыцарскаго народа. Какъ-же глубоко былъ огорченъ этотъ народъ, когда по всей странѣ распространились слухи о разладѣ въ королевскомъ семействѣ, о сближеніи королевы съ Серрано, — слухи, подтвердившіеся назначеніемъ Серрано первымъ министромъ. Съ этого времени въ Испаніи стала возможной оппозиція противъ самой монархіи и организованіе республиканской партіи.

Общественное мнѣніе было возбуждено толками о скандальныхъ происшествіяхъ при дворѣ. Конечно, при Маріѣ-Христинѣ скандалы случались чаще, но она была только регентшей, а не царствующей королевой. Взрывъ народнаго негодованія обратился противъ Серрано. Главнымъ противникомъ его явился Нарваэцъ. Серрано вынужденъ былъ удалиться; онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Гренады, а Нарваэцъ получилъ порученіе составить министерство.

Когда наступила революція 1848 года, Изабеллѣ было всего восемнадцать лѣтъ отъ роду. Испанскій народъ питалъ къ своей юной королевѣ рыцарскія чувства, и этотъ годъ прошелъ въ Испаніи совершенно спокойно, хотя въ сосѣдствѣ съ нею, во всей западной Европѣ, вспыхнула революція. Этотъ годъ ознаменовался въ Испаніи только приготовленіемъ экспедиціи въ Италію. Изабелла, несмотря на либеральное воспитаніе, которое хотѣлъ дать ей добрякъ Эспартеро, была ревностной католичкой.

По ее постоянному требованію Нарваецъ рѣшился на вооруженное вмѣшательство въ дѣла Италіи. Въ Римѣ была провозглашена республика. Папа оставилъ свою столицу. Испанскія войска должны были высадиться въ Чивита-Векіи и вооруженной рукою возстановить папу на св. престолѣ. Незвѣстно, оттого-ли, что экспедиція должна была состояться противъ желанія Нарваца, или оттого, что военнымъ министерствомъ не было сдѣлано необходимыхъ заготовокъ для отдаленнаго похода, но только, пока испанцы собирались, французы уже успѣли высадиться и начать борьбу за папу. Тѣмъ не менѣе папа остался доволенъ и тѣмъ, что Испанія желала помочь ему. Онъ прислалъ свое благословеніе королевѣ и Нарвацу, которые поспѣшили отблагодарить св. отца присылкой тиары, осыпанной алмазами и другими драгоценными камнями.

Періодъ испанской исторіи съ 1848—1854 годъ характеризуется клерикальной политикой Испаніи. Правительство Нарваца, вначалѣ не особенно расположенное къ клерикаламъ, мало-по-малу примирялось съ ними и, наконецъ, сдѣлалось слугою клерикализма. Но чѣмъ дальше шло правительство по этому пути, тѣмъ все болѣе и болѣе ослаблялись симпатіи народа къ королевѣ. Правда, этотъ періодъ былъ самымъ спокойнымъ во все царствованіе Изабеллы. Суровый Нарваецъ умѣлъ сдерживать юную королеву; при дворѣ шла болѣе тихая и спокойная жизнь и было менѣе поводовъ къ толкамъ, имѣвшимъ результатомъ паденіе Серрано.

Однакожь, клерикальное господство, какъ и всегда, снова возбудило умы. Въ февралѣ 1854 года возстала Сарагосса; Серрано принималъ тайное участіе въ этомъ возстаніи, хотя въ то-же время старался увѣрить королеву, что онъ тутъ не при чемъ. 28 іюня этого-же года возсталъ Мадридъ; возстаніемъ руководили прогрессисты О'Доннель и Серрано. Они производили свое возстаніе, конечно, во имя свободы; но опасаясь, что встрѣтятъ недовѣріе къ своимъ заявленіямъ, они выставили на своемъ знамени имя Эспартеро, которое, благодаря жестокости и притѣсненіямъ Нарваца, снова пріобрѣло громадную популярность въ народныхъ массахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, это имя дало возстанію побѣду, но предводители перессорились, когда пришлось пользоваться ее плодами. Эспартеро былъ назначенъ первымъ министромъ. О'Доннель и Серрано получили министерскіе портфели въ его министерствѣ; но каждый изъ нихъ самъ желалъ занять первое мѣсто; поэтому

они вскорѣ отдѣлились отъ Эспартеро и встали во главѣ новой партіи, которая, въ отличіе отъ чистой прогрессивистской партіи, приняла названіе прогрессивистовъ-консерваторовъ. Серрано, однакожь, не унывалъ; онъ снова сблизился съ королевой. Онъ такъ настоятельно просилъ простить его, увѣряя, что возсталъ противъ Нарваэца, ииѣя въ виду исключительно выгоды ея, королевы, что она не могла не простить ему, тѣмъ болѣе, что она не любила добрака, но ворчуна Эспартеро, который чувствовалъ къ ней религиозное обожаніе, но смотрѣлъ на нее, какъ на ребенка, вѣрннаго его попеченію, и продолжалъ дѣлать ей отеческія внушенія, точно въ то время, когда онъ былъ регентомъ государства и ея опекуномъ.

Эспартеро, принявъ власть въ свои руки, увидѣлъ, что все, сдѣланное имъ во время его регентства, было уничтожено и ему приходится начинать опять съизнова. Эспартеро, замѣчательный военный генералъ и хорошій человекъ, былъ весьма посредственнымъ государственнымъ дѣвателемъ. Роль, которую онъ теперь долженъ былъ взять на себя, была ему не по силамъ, у него не хватило характера для ея выполненія, и онъ въ свое президентство отъ 1854 — 56 года надѣлалъ еще болѣе ошибокъ, чѣмъ во время регентства отъ 1841—43 г. Ясно видя, что О'Доннель идетъ противъ него и стоитъ во главѣ враждебной ему партіи, Эспартеро оставлялъ за нимъ портфель военнаго министра. вмѣсто того, чтобы удалить изъ Мадрида своихъ явныхъ враговъ Прима, Дульче, Цабалу и Серрано, онъ роздалъ имъ самыя высшія, вліятельныя мѣста въ правительствѣ и подчинилъ имъ всю администрацію. Въ кортесахъ, правда, онъ имѣлъ значительное большинство, но администрація вела тайные подкормы подъ его власть. Мало-по-малу его враги, опираясь на поддержку королевы, возстановили противъ него кортесовъ, такъ что уставшій отъ борьбы Эспартеро въ іюль 1856 года подалъ въ отставку. Этого только и ждали его враги; они взволновали столицу и, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ кортесахъ не можетъ составиться необходимаго большинства для новаго министерства, предложили имъ разойтись. Когда-же кортесы отказались исполнить это требованіе, Серрано окружилъ войсками дворецъ народнаго представительства и сталъ стрѣлять по немъ. Противъ такого аргумента возражать было невозможно и депутаты поспѣшили оста-

вить залу своихъ засѣданій. Столица возстала на защиту кортесовъ, но О'Доннель и Серрано быстро подавили возстаніе.

III.

Революція 1854 года была направлена противъ ультра-реакціоннаго кабинета; своимъ успѣхомъ она обязана коалиціи всѣхъ либеральныхъ и полулиберальныхъ партій; контръ-революція 1856 года, произведенная коалиціей реакціонныхъ и полулиберальныхъ партій, низвергла либеральный кабинетъ. Эта новая коалиція получила названіе „либеральной уніи“ и стала господствующей партіей въ Испаніи во всѣ остальные годы управленія королевы Изабеллы. Этотъ союзъ сталъ руководиться принципами, о которыхъ даже и не думали его основатели. И на этотъ разъ ни О'Доннель, ни Серрано не получили перваго мѣста, котораго они добивались. Они работали для Нарваэца. Два года онъ управлялъ Испаніей, возбуждая противъ себя, какъ и прежде, всеобщее неудовольствіе. Наконецъ, О'Доннель свергъ его и самъ занялъ его мѣсто. Что касается Серрано, то отъ него постарались избавиться, назначивъ его сперва посланникомъ въ Парижъ, а потомъ генераль-губернаторомъ Кубы. Онъ слишкомъ часто участвовалъ въ проунціаменто, поэтому министерство сочло его опаснымъ человекомъ и постаралось удалить изъ столицы. Генераль-губернаторство въ Кубѣ считалось почетнымъ и чрезвычайно выгоднымъ постомъ. Генераль-губернаторъ пользовался правами вице-короля, т. е. почти неограниченной властью. Каждый губернаторъ имѣлъ возможность быстро нажить въ Кубѣ; для этого ему слѣдовало только сквозъ пальцы смотрѣть на привозъ рабовъ-негровъ, участвовать въ торговлѣ табакомъ и безконтрольно распоряжаться таможенными доходами. Серрано поступалъ, какъ и его предшественники, и въ нѣсколько лѣтъ управленія благословенной страной разбогатѣлъ и женился на очень богатой, честолюбивой красавицѣ креолкѣ въ Гаванѣ. Королева Изабелла продолжала ему покровительствовать; она сдѣлала его герцогомъ де-ла-Торре.

О'Доннель, такъ легко свергнувшій двухъ своихъ предшественниковъ, Эспартеро и Нарваэца, естественно опасался, что и его могутъ съ такой-же легкостью лишить власти. Онъ рѣшилъ, что

лучшимъ средствомъ противъ такой случайности будетъ внѣшняя война. Побѣды надъ какимъ-нибудь слабѣйшимъ противникомъ отвлекутъ вниманіе націи отъ политики и господство О'Доннеля будетъ, такимъ образомъ, вполне обезпечено. Точно по мановенію волшебнаго жезла, оказалось, что Мулей-Аббасъ-Измаиль, повелитель Мароко, ненавидитъ испанцевъ, что онъ мучаетъ христіанъ, плѣнныхъ его крейсерами, т. е. морскими пиратами, что онъ оскорбляетъ католическихъ миссіонеровъ и пр. Такія дѣйствія магометанскаго государя, конечно, тяжело оскорбили честь католической Испаніи; чтобы смыть оскорбленіе, приходилось прибѣгнуть къ оружію. Однакожь, для приличія, слѣдовало погубовать окончить споръ дипломатическимъ путемъ. Испанія требовала уступки части марокской территоріи и торжественнаго извиненія. Во время этихъ переговоровъ Мулей умеръ; наследникъ его, Сиди-Магометъ, понимая, что глиняному горшку нельзя состязаться съ желѣзнымъ котломъ, готовъ былъ согласиться и на извиненія, и на отрѣзку территоріи, но испанцы постоянно усиливали свои требованія, такъ что, наконецъ, вывели изъ себя уступчиваго Сиди-Магомета. Этого только и добивался О'Доннель; онъ успѣшилъ объявить войну марокцамъ.

Война, конечно, сопровождалась успѣхомъ. Первую побѣду надъ марокцами одержалъ Примъ, за что получилъ титулъ маркиза де-Кастильегосъ; вторая и окончательная побѣда подъ Тетуаномъ выпала на долю самого перваго министра; онъ былъ награжденъ за нее титуломъ герцога тетуанскаго.

Апетитъ приходитъ во время самаго обѣда, говоритъ пословица. Марокская война, покрывшая дешевыми лаврами испанскую армію, вызвала самый пылкій энтузіазмъ во всей испанской націи. О'Доннелю, естественно, пришла охота собрать ихъ и въ другомъ мѣстѣ. Сан-Доминго, старинная испанская колонія, освободившаяся отъ Испаніи, была снова предана ей измѣнникомъ Сантанноу, Этимъ дѣломъ руководилъ Серрано, получившій за свои подвиги маршальскій жезлъ и достоинство гранда первой степени. Сан-домингское дѣло еще болѣе подняло значеніе О'Доннеля и утвердило его популярность.

Этихъ лавровъ было мало честолюбивому О'Доннелю; ему пришла охота увѣнчать себя какимъ-нибудь грандіознымъ предпріятіемъ и онъ задумалъ покорить Мексику. Одной Испаніи невоз-

можно было рискнуть на такое дѣло. О'Доннелъ рѣшился втянуть въ него Наполеона III, который, впрочемъ, уже подумывалъ о томъ-же, по настоянію Морни, рассчитывавшаго выиграть на предпріятіи милліоновъ десять франковъ. Произошло свиданіе между уполномоченнымъ О'Доннеля, Примомъ, и Наполеономъ III; они отлично поняли другъ друга, — по крайней мѣрѣ, такъ они думали сами, но послѣдующія событія показали, что они оба ошибались. Примъ провелъ Наполеона; впрочемъ, и Наполеонъ не остался въ долгу: Примъ полагалъ, что французскій императоръ не будетъ противиться его избранію въ мекиканскіе императоры, а у Наполеона уже былъ свой кандидатъ на этотъ престолъ. Вслѣдъ за этимъ соглашеніемъ къ дѣлу привлеченъ былъ и лордъ Пальмерстонъ. Покореніемъ мекиканской республики союзники надѣялись нанести рѣшительный ударъ Соединеннымъ Штатамъ. Договоръ между союзниками былъ подписанъ 31 октября 1861 года.

Герцогъ и герцогиня де-ла-Торре изъ своего гаванскаго дворца съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за переговорами по мекиканскому дѣлу. Имъ было извѣстно, что договаривающіяся стороны рѣшили возстановить монархію въ Мехикѣ, но кому предназначенъ новый тронъ — въ договорѣ не было упомянуто. Ходили слухи, что его предложатъ австрійскому эрцгерцогу Максимилиану, но королева Изабелла, опять-таки въ видахъ сліянія старшей линии Бурсоновъ съ младшей, предпочитала посадить на мекиканскій тронъ инфанта дон-Себастіана. „Почему-же мнѣ не возложить на свою голову императорской короны?“ подумывалъ Серрано, подстрекаемый женой. О томъ-же мечтали Примъ и маршалъ Базэнъ.

Серрано, живя въ Гаванѣ, лучше всѣхъ другіхъ испанскихъ генераловъ былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Мехикѣ; поэтому онъ рассчитывалъ, что его непременно назначатъ или главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ войскъ, или, по крайней мѣрѣ, начальникомъ экспедиціонной испанской арміи. Каково-же было его негодованіе, когда онъ узналъ, что во главѣ испанскихъ войскъ поставленъ его соперникъ, Примъ. Желая выиграть быстротой и до прибытія союзниковъ завладѣть хотя Вера-Круцомъ, Серрано 7 декабря явился передъ этимъ городомъ. Онъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что слѣдовало прежде всего обезпечить жизнь испанцевъ, проживавшихъ въ Мехикѣ, такъ-какъ, вслѣдствіе лондонскаго трактата, имъ угрожала серьезная опасность. Но его силы

были слишкомъ недостаточны для рѣшительныхъ дѣйствій и его появленіе у береговъ Мексики не произвело ожидаемаго впечатлѣнія. Черезъ одинадцать дней прибылъ Примъ и крайне удивился, узнавъ, что Серрано опередилъ его. Серрано поспѣшилъ удалиться, понимая, что съ прибытіемъ Прима роль его оканчивается.

Примъ попытался войти въ сношеніе съ мексиканцами, полагая, что они, можетъ быть, предложатъ ему порѣшнить дѣло до прибытія французскаго десанта. Но когда онъ увидѣлъ, что ему нечего рассчитывать здѣсь на личныя для себя выгоды, онъ вмѣстѣ съ англичанами бросилъ французовъ, предоставляя имъ однимъ выпутываться изъ затруднительнаго положенія, а самъ съ своими войсками отправился въ Гавану. Здѣсь онъ отдалъ приказаніе усилить перевозочныя средства, такъ-какъ теперь ихъ оказывалось недостаточно для переѣзда въ Европу. Серрано отказался помогать ему, — мало того, онъ не соглашался отпустить съ Примомъ его войска. Онъ ожидалъ, что королева поручитъ ему командованіе надъ ними и дастъ приказаніе снова произвести высадку въ Мексику. Но изъ Мадрида пришло повелѣніе немедленно отправить войска въ Европу и Серрано уступилъ.

IV.

Правительство начало мексиканскую экспедицію не спросивъ кортесовъ, оно отозвало оттуда войска также безъ согласія народнаго представительства. Если-бы эта экспедиція увѣчалась блистательнымъ успѣхомъ, она, по всей вѣроятности, возбудила-бы народный энтузіазмъ; но результатовъ отъ нея никакихъ не получило и она послужила поводомъ къ оппозиціи, которая свергла О'Доннеля. Его мѣсто занялъ Нарваецъ, вскорѣ вынужденный выйти въ отставку и уступить свое мѣсто О'Доннелю. Затѣмъ опять Нарваецъ, послѣ О'Доннеля, и такъ почти до конца царствованія Изабеллы. Эти двѣ личности, одинъ представитель такъ-называемой умѣренной партіи, а другой — прогрессивной, боролись другъ съ другомъ за обладаніе кресломъ перваго министра. Въ этой борьбѣ объ Испаніи и ея интересахъ никто не думалъ; на ея долю были отданы только потери и бѣдствія, которыя являлись результатомъ этого постоянного соперничества. Такъ дѣла шли до

тѣхъ поръ, пока 5 ноября 1867 года умеръ О'Доннель. Его соперникъ немного пережилъ его: смерти его послѣдовала 23 апрѣля 1868 года. Про Нарваэца разсказываютъ слѣдующій анекдотъ, показывающій, какой репутаціей пользовался этотъ министръ въ Испаніи. Онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, когда близкіе посовѣтовали ему примириться со своими врагами.

— Врагами? У меня нѣтъ ихъ, отвѣчалъ Нарваэцъ.

— Какъ, у васъ, Рамона-Маріи Нарваэца, нѣтъ враговъ! Можеть-ли это быть?

— Откуда взять мнѣ ихъ теперь, когда я ихъ всѣхъ разстрѣлялъ? сказалъ невозмутимо Нарваэцъ.

Королева Изабелла такъ привыкла къ игрѣ между своими министрами Нарваэцомъ и О'Доннелемъ, что послѣ ихъ смерти рѣшительно потеряла голову и кончила тѣмъ, что должна была бѣжать изъ Испаніи.

Что касается Серрано, то въ іюнѣ 1865 года онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Мадрида. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ назначенія его на этотъ постъ, знаменитый Примъ, которому негдѣ было приткнуться во время борьбы между вѣчными О'Доннелемъ и Нарваэцомъ, прибѣгъ къ обыкновенному средству испанскихъ честолюбцевъ—къ пронунціаменту, но потерялъ поражение и бѣжалъ въ Португалію. Серрано имѣлъ удовольствіе участвовать въ пораженіи своего соперника. Въ іюлѣ 1866 года, когда министерство О'Доннеля пало и его, какъ слѣдовало, замѣнилъ Нарваэцъ, Серрано перешелъ въ ряды недовольныхъ. На слѣдующій годъ онъ вѣстѣ съ О'Доннелемъ, снова министромъ, подавлялъ возмущеніе въ Мадридѣ. О'Доннель при этомъ случаѣ выказалъ чрезмѣрную жестокость. Онъ, конечно, разсчитывалъ, что послѣ такой побѣды надъ инсургентами, его министерское положеніе совершенно упрочится, но ошибся въ своихъ расчетахъ. Тотчасъ послѣ побѣды его уволили и, разумѣется, замѣнили Нарваэцомъ, который круто принялся за либераловъ. Многіе изъ нихъ оставили Испанію и поселились въ Брюссель и Парижъ.

Между тѣмъ королева Изабелла, по совѣту извѣстнаго Марфори, все тѣснѣе и тѣснѣе сближалась съ клерикалами. Нарваэцъ умеръ; она замѣнила его Гонзалесомъ Браво, менѣе энергичнымъ и менѣе способнымъ, чѣмъ Нарваэцъ, но болѣе его жестокимъ и свирѣпымъ. Гонзалесъ думалъ успокоить Испанію, избавивъ ее

отъ своихъ личныхъ враговъ, которыхъ онъ рѣшилъ отправить въ ссылку на Канарскіе острова. Серрано, Дульче, Цабала, Кордова и другіе были арестованы ночью въ ихъ квартирахъ и заключены въ тюрьму. Всѣ эти генералы, производившіе государственные перевороты, сами сдѣлались жертвой государственнаго переворота; они на самихъ себѣ испытали прелесть тюремнаго заключенія, которому подвергали другихъ.

Захвативъ своихъ враговъ, Гонзалесъ Браво задумался: разстрѣлять-ли предводителей или отправить ихъ въ ссылку? На нѣкоторое время онъ остановился-было на мысли о необходимости ихъ разстрѣлянія, но на этотъ разъ у него не хватило смѣлости, и онъ перемѣнилъ свое намѣреніе; всѣхъ генераловъ онъ отправилъ въ ссылку на Канарскіе острова. Собравшись виѣсть, прогрессисты, уніонисты и демократы, въ виду общаго несчастія, тѣсно соединились между собою и поклялись общими силами отомстить своему гонителю. Такому богачу, какъ Серрано, не трудно было подкупить своихъ тюремщиковъ, и безъ того обращавшихся съ ними мягко; они весьма резонно разсуждали, что въ такой странѣ, какъ Испанія, все возможно, и легко можетъ случиться, что Серрано завтра-же станетъ во главѣ правительства и, конечно, вспомнить объ ихъ любезностяхъ къ нему, заключенному.

Серрано отлично съумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ; ему удалось нанять пароходъ и, виѣсть съ своими товарищами по заключенію, отплыть въ Англію. Всѣ испанскіе бѣглецы собрались въ Лондонъ, гдѣ ожидалъ ихъ знаменитый заговорщикъ дон-Жуанъ Примъ, успѣвшій уже, посредствомъ своихъ агентовъ, подготовить къ возстанію армию и флотъ. Въ деньгахъ заговорщики недостатка не имѣли: герцогъ Монпансье, надѣясь получить испанскую корону, выдалъ имъ нѣсколько милліоновъ франковъ. Заговорщики рѣшили, что, въ случаѣ успѣха своего предпріятія, они предложатъ испанскую корону герцогу Монпансье.

V.

Маршалъ Серрано, какъ извѣстно, былъ главнымъ героемъ сентябрьской революціи 1868 года. Генералы Изабеллы, Честе,

Бонха и Новалихесъ рѣшились сдѣлать все возможное, чтобы спасти ея правительство, и они начали такъ успѣшно, что, несмотря на возстаніе всего флота, можно было еще сомнѣваться въ успѣхѣ возстанія. Но сраженіе при алькалейскомъ мосту окончило дѣло въ пользу возстанія. Серрано отгѣснилъ Новалихеса, и перешелъ мостъ, чѣмъ открылъ себѣ путь къ Мадриду. Правительственная войска стали переходить на сторону революціи. Серрано встрѣчалъ вездѣ восторженный пріемъ, его провозгласили „освободителемъ отечества“. Изабелла поспѣшно оставила Испанію.

Побѣдители, согласно заключенному условію, бросились искать герцога Монпансье, чтобы увѣнчать его испанской короной, но нигдѣ не могли найти его. Слишкомъ благоразумный герцогъ долго колебался и когда, наконецъ, рѣшился, было уже поздно. Республиканская партія, которой до сихъ не придавали никакого значенія, внезапно выступила на сцену и была уже на-столько сильна, что дѣйствовать противъ нея приходилось съ большой осторожностью. Серрано, Примъ и Топете, герои 1868 года, полагали, что, провозгласивъ громкія слова „прогрессъ“ „свобода“, они овладѣютъ положеніемъ и станутъ распоряжаться всѣмъ по своей волѣ. Но эти слова потеряли прежнюю силу; испанскій народъ такъ часто обманывали, что онъ пересталъ вѣрить громкимъ фразамъ и требовалъ теперь уже не словъ, а дѣлъ. Приходилось волей-неволей сдѣлать необходимыя уступки республиканской партіи и начать свое управленіе съ какой-нибудь существенной реформы.

Мы не будемъ рассказывать здѣсь подробностей событій того времени. „Дѣло“ въ 1868 году имѣло въ Испаніи своего specialнаго корреспондента, письма котораго въ свое время печатались въ журналѣ; въ нихъ отведено достаточно мѣста Серрано, популярность котораго въ этотъ моментъ была несомнѣнна. Не желая повторять то, что уже было напечатано, мы просимъ читателей, позабывшихъ эти подробности, обратиться къ этимъ письмамъ, напечатаннымъ въ нѣсколькихъ книжкахъ „Дѣла“ въ 1868 и 1869 годахъ.

Несомнѣнно, что алькалейская побѣда была важнѣйшимъ событіемъ въ жизни Серрано. Онъ, правда, давно уже пользовался извѣстностью, но первая роль ему не давалась, несмотря на всѣ

его усилія и интриги. Эспартеро, Нарваэцъ, О'Доннель, Примъ, Гонзалесъ Браво имѣли несравненно большее значеніе, чѣмъ онъ, въ глазахъ испанскаго народа и дипломатическаго міра Европы. За-границей о немъ ничего не знали, какъ о государственномъ человѣкѣ, и если имя его было вездѣ извѣстно, то только какъ человѣка, близкаго къ королевѣ Изабеллѣ, которая никогда не скрывала своей привязанности къ нему. Но побѣда его надъ Новалихесомъ сразу сдѣлала его равнымъ Приму, а теперь, послѣ смерти Примъ, Серрано остался единственнымъ изъ бывшихъ орловъ царствованія Изабеллы; онъ сдѣлался человѣкомъ всемірнымъ; онъ получилъ мѣсто въ галереѣ портретовъ европейскихъ знаменитостей. При всемъ томъ никто не рѣшится защищать Серрано, когда говорятъ, что его участіе въ сентябрьской революціи достойно порицанія, хотя въ то-же время нельзя отрицать, что онъ оказалъ значительную услугу своей странѣ. Серрано построилъ свою карьеру на изгнанія королевы, которой онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ,—на несчастіи женщины, которую онъ увѣрялъ въ своей преданности и любви и пользовался ея полнымъ расположеніемъ. Изабелла, конечно, надѣлала много пагубныхъ ошибокъ, которыя, натурально, должны были привести ее къ гибели. Но существовали два человѣка, которые обязаны были сдѣлать все, чтобы защищать ее; которые должны были уважать ее и помочь ей перенести несчастіе, когда оно постигло ее. Это былъ герцогъ Монпансье, ее зять, продавшій ее и неударившій пальца о палецъ для ея защиты. Это былъ Серрано, искренняя привязанность къ которому послужила началомъ ея непопулярности и вызвала первую оппозицію противъ нея во всѣхъ партіяхъ. Донъ Эврико рассказываетъ, что онъ встрѣтилъ свою кузину Изабеллу въ Віарицѣ въ совершеннѣйшемъ отчаяніи: она безпрестанно твердила: „Никогда-бы я не повѣрила, что Серрано можетъ выказаться ко мнѣ такую черную неблагодарность! Какъ могъ забыть онъ милости своей королевы, какъ рѣшился онъ сдѣлать столько зла женщинѣ, которая постоянно желала и дѣлала ему одно добро! Какъ могъ забыть Серрано, что онъ поссорилъ меня съ моимъ мужемъ, что онъ заставилъ его удалиться въ Прадо...“ Изабелла имѣла болѣе права сдѣлать Серрано слѣдующій упрекъ, съ которымъ она въ горячности обратилась къ Эспартеро:

„Я сдѣлала тебя герцогомъ и грандомъ Испаніи, я украсила

тебя орденомъ Золотого Руна, но я не могла сдѣлать изъ тебя дворянина!“

Между Эспартеро и Серрано существуетъ сходство только въ томъ, что и тотъ и другой блистательно занимали второстепенное положеніе и выказывали несостоятельность, когда имъ приходилось дѣйствовать на главномъ посту и давать инициативу общей политикѣ.

Своей внѣшностью Серрано всегда дѣйствовалъ обаятельно; многія мерзости сходили ему съ рукъ только благодаря его граціознымъ манерамъ, нѣжному, вкрадчивому голосу и красивой наружности. Но онъ обладаетъ весьма сомнительными нравственными качествами; на его слово никогда нельзя положиться; для собственной пользы онъ готовъ прибѣгнуть ко всякому средству, каково бы оно ни было; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лѣнивъ, слабъ характеромъ и эта слабость легко доводитъ его до жестокости. Во время междуцарствія отъ паденія Изабеллы до воцаренія Амедея, когда онъ считался регентомъ Испаніи, онъ все время проводилъ въ ухаживаніи за мадридскими дамами, нисколько не заботясь о государственныхъ дѣлахъ. Какая разница въ этомъ отношеніи между нимъ и Примомъ, который, впрочемъ, далеко превосходилъ его въ безнравственности. Примъ, вѣчно дѣятельный, рѣшительный, не зналъ отдыха. Серрано, послѣ побѣды революціи, былъ назначенъ регентомъ королевства, но остался только номинальнымъ главой государства. Онъ поселился въ королевскомъ дворцѣ; его супруга разъѣзжала по городу въ открытой коляскѣ, окруженная толпой обожателей, которые выказывали ей почитаніе, подобающее королевѣ, — и только; далѣе этого Серрано не шель и нисколько не заботился о томъ, что дѣлается въ управляемомъ имъ государствѣ. Настоящимъ повелителемъ былъ военный министръ Примъ. Онъ зналъ все, что дѣлается въ странѣ; отъ его зоркаго взгляда не могъ ускользнуть ни одинъ солдатъ, ни одинъ полевой сторожъ. Кромѣ военнаго министерства, онъ вѣдалъ внутреннія дѣла; по его указаніямъ работало министерство иностранныхъ дѣлъ и онъ заправлялъ внѣшними сношеніями. Мадридское городское управленіе дѣйствовало подъ его вліяніемъ, которому невольно подчинялись не только предводители монархическихъ партій, но даже и такіе представители республиканской партіи, какъ Кастеляръ и Фигуэрасъ. Роли въ управленіи государствомъ

между тремя побѣдителями надъ правительствомъ Изабеллы были распределены такъ: Примъ былъ всѣмъ и казался очень немногимъ; Серрано казался всѣмъ, а былъ почти ничѣмъ; Толете жъ казался, и былъ ничѣмъ. Такъ шли дѣла во все время регентства Серрано. Онъ наслаждался всѣми внѣшними выгодами своего положенія, но не имѣлъ своей партіи и не могъ рассчитывать навѣрное ни на одного солдата. Между тѣмъ Примъ создалъ себѣ партію послушныхъ сторонниковъ; онъ сформировалъ батальонъ головорѣзовъ изъ мадридской черни, которые готовы были идти за него въ огонь и воду; они наводили ужасъ на Мадридъ. Между тѣмъ мадридская полиція почти не знала о ихъ существованіи, хотя они дѣйствовали довольно явно. Напримѣръ, они вторгались въ типографіи, гдѣ печатались газеты, непріязненные Приму, ломали типографскіе станки, рвали отпечатанные листы газетъ. Въ театрѣ они неистово шикали пьесѣ, въ которой затрогивался ихъ патронъ; случалось, что они врывались на сцену и тогда доставалось отъ нихъ актрисамъ и актерамъ, исполнявшимъ роли въ такой пьесѣ. Въ нѣсколькихъ кафе собирались карлисты и разнося слухъ, что они замышляютъ что-то недоброе противъ исполнительнѣйшей власти; охранители (такъ называлъ себя батальонъ) потчивали всѣхъ выходящихъ изъ этихъ кафе палками и повторяли свою экзекуцію нѣсколько ночей къ ряду, такъ что, наконецъ, эти кафе совершенно опустѣли. Замѣтимъ кстати, что Сагаста недавно успѣлъ собрать остатки этихъ головорѣзовъ и пользуется теперь ими для своихъ цѣлей.

VI.

Когда въ Испаніи всѣмъ стало ясно, что временное правительство намѣревается возстановить монархію, никто не сомнѣвался, что претендентомъ на корону долженъ явиться или Примъ, или Серрано, или-же оба вмѣстѣ. При этомъ, конечно, всякій былъ убѣжденъ, что если по этому поводу возгорится между ними борьба, верхъ одержитъ Примъ, какъ болѣе способный и рѣшительный. Серрано точно такъ-же не могъ-бы выдержать съ нимъ борьбу, какъ Эспартеро не рѣшался противостоятъ Нарваэцу. Но ни Примъ, ни Серрано не рискнули заявить такихъ притязаній.

Если они не рискнули — значить, невозможно было рискнуть, такъ-какъ въ недостатокъ честолюбія нельзя было упрекнуть ни того, ни другого. Но такъ-какъ оба они рѣшились возстановить монархію, то слѣдовало отыскать короля. Предложили корону старому дону Фернандо португальскому; потомъ обогатились къ Виктору Эмануилу съ просьбою отпустить въ Испанію или сына Амедея, или племянника Томазито, сына принца Кориньянскаго. Кому Испанія сама предлагала корону, тѣ не хотѣли принимать ее; кто желалъ возложить ее на себя, тѣхъ не хотѣла Испанія. Главными претендентами, конечно, были: герцогъ Монпансье и дон-Карлосъ, желающій теперь взять силой корону, которую Испанія не хотѣла въ то время предложить ему добровольно; Изабелла, употреблявшая всѣ усилія, чтобы снова заполучить ее, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для своего сына Альфонса. Онъ дѣлалъ все возможное для привлеченія на себя вниманія испанцевъ; онъ сыпалъ щедрою рукою деньги во время выборовъ, подкупалъ прессу, льстилъ арміи и давалъ ей блистательныя обѣщанія, — но тщетно: испанцы не хотѣли простить ему измѣны его своей невѣсткѣ, ославшей его милостями и богатствомъ. Триумвиратъ — Серрано, Примъ и Топете держали его сторону и вначалѣ ревностно пропагандировали его кандидатуру, но скоро убѣдились, что она рѣшительно невозможна. Будучи не въ силахъ дать ему корону, они возвратили ему деньги, которыя онъ выдалъ имъ для возстанія. Герцогъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые даютъ даромъ деньги: „Или сдѣлайте, что обѣщали, или подайте назадъ деньги!“ неустанно твердилъ герцогъ и получилъ сполна свой капиталъ. Главная бѣда для Монпансье заключалась въ томъ, что тюльерійскій дворъ высказался рѣшительно противъ его кандидатуры. „Все, что угодно, только не Монпансье!“ категорически заявила императрица Евгенія, принявшая подъ свое покровительство королеву Изабеллу. Наполеонъ III въ болѣе мягкой формѣ выразилъ также свое желаніе объ исключеніи герцога Монпансье изъ списка кандидатовъ на испанскій престолъ.

Позволительно предположить, что отвѣчая: „Все, что угодно, только не Монпансье!“ тюльерійскій дворъ выразился легкомысленно или, по крайней мѣрѣ, не вполне искренно, потому что, когда представилась кандидатура Гогенцолерна, т. е. фамиліи, къ

которой до сихъ поръ благоволилъ императоръ Наполеонъ III, тьюлерійскій дворъ отвѣтилъ также категорически: „Все, что угодно, только не Гогенцолерна!“

Извѣстно, что гогенцолернская кандидатура привела къ пораженію Франціи и возвышенію Пруссіи. Воспользовавшись выступленіемъ французскихъ войскъ изъ Рима, король Викторъ-Эмануилъ выполнилъ завѣтное желаніе своего народа—овладѣлъ вѣчнымъ городомъ и сдѣлалъ его столицей Италіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволилъ своему сыну Амедею принять испанскую корону.

Почти въ самый моментъ вступленія Амедея на испанскую землю Примъ былъ убитъ среди бѣлаго дня на улицахъ Мадрида. Преступники до сихъ поръ не обнаружены, хотя власти нѣсколько разъ уже повторяли изслѣдованіе и каждый разъ заключали въ тюрьмы десятки подозрѣваемыхъ, большею частію бродягъ и людей сомнительной нравственности. Слухи указывали на многихъ извѣстныхъ личностей, однакожъ, разслѣдованіе не открыло достаточныхъ фактовъ къ ихъ обвиненію, и таинственное происшествіе до сихъ поръ остается неразъясненнымъ. Серрано съ напускинымъ пафосомъ поклялся надъ трупомъ Прима, что онъ до послѣдней капли своей крови станетъ защищать Амедея и его династію.

Смерть Прима существенно измѣнила характеръ новаго царствованія. Во главѣ управленія вмѣсто Прима, который непременно вложилъ-бы въ него свою собственную инициативу, явился Серрано, который ничему не могъ дать никакого направленія. Примъ желалъ самъ управлять государствомъ, предоставляя Амедею всѣ выгоды королевской власти безъ сопровождающихъ ее тягостей и заботъ. Планъ его извѣстенъ. Онъ намѣревался удалить изъ администраціи всѣхъ, кто не заявилъ себя рьянымъ пристомъ и амедистомъ; со всякой оппозиціей онъ предполагалъ расправляться круто; онъ былъ достойнымъ ученикомъ Нарваэца и считалъ жестокость необходимымъ и существеннымъ атрибутомъ правительственной власти. Онъ постоянно толковалъ, что Испанію слѣдуетъ очистить отъ элементовъ, враждебно относившихся къ дѣятельности *разумнаго* правительства. Предшественники Прима, Гонзалесъ Bravo, О'Доннель и Нарваэцъ, только и дѣлали, что выметали Испанію, но соръ накоплялся все болѣе и болѣе, и вотъ Примъ находитъ нужнымъ снова выметать его. Вся исторія Испаніи отъ Фердинанда VII до сверженія Изабеллы состояла въ вѣч-

номъ выметаніи; метуть тамъ и до сихъ поръ, а вымести все еще не могутъ.

Амедей, занявъ королевскій дворецъ въ Мадридѣ, почувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Вокругъ него не было ни одного члена семьи, съ кѣмъ-бы онъ могъ отвести душу. Испанская нація съ дѣтскимъ опытомъ разсматривала его, но оставалась безмолвна, не выражая ему ни сочувствій, ни злобы. Амедей и самъ отлично понималъ, что ему, какъ иностранцу, будетъ очень трудно управлять испанскимъ народомъ, но онъ желалъ попытаться, честно выполняя свои обязанности, сблизиться съ націею и ассимилироваться съ нею. Понятно, что прежде всѣхъ извѣстныхъ личностей онъ обратился къ Серрано, рассчитывая, что въ немъ онъ найдетъ себѣ помощника и руководителя. Но Серрано, испытавшій сладость почестей, присущихъ достоинству регента, не желалъ принять на себя скучныя обязанности перваго министра, къ тому-же его жена, которой приходилось разстаться съ царственной ролью при дворѣ, убѣждала его уѣхать изъ Мадрида. Однакожь, Серрано сдался на настоянія молодого короля и согласился быть президентомъ совѣта министровъ; въ министерство попали преимущественно лица, избранныя Примомъ изъ партій: уніонистовъ, прогрессистовъ и демократовъ. Примъ дисциплинировалъ эту новую партію и своей желѣзной рукой удерживалъ ее отъ распада. Онъ постоянно пугалъ союзниковъ усиленіемъ республиканской партіи. Слабый Серрано не могъ удержать правительственную партію отъ разложенія на ея составные элементы. Династическіе противники Амедея стали громко выражать свою оппозицію какъ противъ сентябрьскаго переворота, такъ и противъ новаго короля. Карлисты, монпансьеристы, изабеллисты и вообще всѣ клерикалы кричали, что постыдно испанцамъ повиноваться сыну отлученнаго отъ церкви. Въ кортесахъ распалось прежнее большинство, которое было только фиктивнымъ, такъ что Серрано нашелся вынужденнымъ подать въ отставку, но король не принялъ ее. Черезъ нѣсколько дней обнаружались безпорядки въ финансовомъ управленіи; тогда Амедей принялъ отставку министерства, но, считая, что Серрано стоитъ выше всякихъ интригъ и подозрѣній, снова поручилъ ему составить министерство. Доблестному маршалу, однакожь, не удалось согласить партіи и онъ долженъ былъ уступить честь составленія кабинета Сагастѣ. Въ скоромъ

времени палъ и Сагаста; его смѣнилъ Зорилья, а тамъ опять выступили на сцену интриги за министерскій портфель и началась прежняя игра, волновавшая Испанію въ царствованіе Изабеллы и продолжавшаяся до самаго дня отреченія Амедея.

Одобренные несогласіями и неустройствомъ, царствовавшими въ правительствѣ, карлисты подняли знамя бунта и, благодаря апатіи и неспособности генераловъ, командующихъ правительственными войсками, въ первое время дѣйствовали очень успѣшно. Молодой король, по натурѣ человекъ мужественный, хотѣлъ самъ принять начальство надъ войсками, но его совѣтники возстали противъ его намѣренія; самъ Викторъ-Эмануилъ совѣтовалъ ему оставаться въ Мадридѣ. Тогда Амедей назначилъ главнокомандующимъ Серрано, считая его самымъ способнымъ изъ всѣхъ испанскихъ генераловъ. Бывшему регенту очень не хотѣлось покидать своего мадридскаго дворца и онъ съ вислою миной принялъ предложеніе короля. Онъ сосредоточилъ подъ своимъ начальствомъ двадцать тысячъ хорошо вооруженныхъ войскъ, — онъ могъ-бы взять и сорокъ, но ему совѣстно было съ такими силами воевать противъ десяти тысячъ плохо вооруженныхъ поселянъ. Баски, конечно, укрылись въ своихъ горахъ. Серрано не зналъ, что ему дѣлать, когда случайно онъ настигъ главный отрядъ карлистовъ. Генералъ изъ новичковъ, конечно, воспользовался-бы этимъ случаемъ и разбилъ непріятеля, но Серрано поступилъ иначе. Онъ вступилъ въ переговоры съ карлистскими предводителями и 24 мая 1872 года подписалъ изумительную аморвіетскую конвенцію, которая была каррикатурнымъ подражаніемъ вергарской конвенціи Эспартеро. Серрано заключилъ мирный договоръ отъ имени короля Амедея I съ Карломъ VII. Всѣ карлистскіе офицеры принимались въ легальную армію тѣми-же чинами, какіе утверждены были за ними въ инсургентской арміи. Убытки частнымъ жителямъ, причиненные карлистами, правительство Амедея обязывалось возмѣстить изъ государственной казны. Простые солдаты карлистской арміи втеченіи пятнадцати дней должны были разойтись по домамъ. Правительство давало слово никого не преслѣдовать за участіе въ бунтѣ. Карлисты даже послѣ одержанной побѣды не могли-бы рискнуть на предложеніе такихъ условій, съ какими обратился къ нимъ главнокомандующій правительственными войсками. Съ этого времени карлизмъ поднялъ голову и сталъ уси-

ливаться. Серрано послалъ въ Мадридъ телеграму о побѣдѣ и о заключеніи мира на такихъ условіяхъ, которыя, по его словамъ, дѣлаютъ возобновленіе возстанія почти невозможнымъ. Съ торжествующимъ лицомъ онъ явился къ королю, который поблагодарилъ его. Затѣмъ онъ отправился въ кортесы, рассчитывая на торжественный приемъ отъ народныхъ представителей. Но тамъ нашли, что сыгранная имъ комедія слишкомъ груба и что, по настоящему, за аморовіетскую конвенцію его слѣдуетъ предать военному суду.

Однакожь, угрожавшая буря прошла мимо Серрано; напротивъ, онъ сталъ еще болѣе необходимымъ человекомъ. Черезъ нѣсколько дней министерство пало и король Амедей снова обратился къ Серрано, поручая ему составить министерство. Серрано представилъ королю свою программу, которая заключалась въ томъ, чтобы немедленно объявить всю страну въ осадномъ положеніи, приостановить дѣйствіе конституціи, — однимъ словомъ, произвести государственный переворотъ. Честный Амедей не согласился принять эту программу; онъ заявилъ, что если разъ онъ поклялся строго соблюдать конституцію страны, то намѣренъ сдержать свое слово. Серрано счелъ себя оскорбленнымъ; онъ удалился отъ двора съ рѣшительнымъ намѣреніемъ болѣе не вѣшиваться въ дѣла, пока царствуетъ Амедей.

На этотъ разъ Серрано сдержалъ свое слово; онъ пересталъ показываться при дворѣ; онъ не былъ у короля даже въ новый годъ, хотя обязанъ былъ явиться туда по службѣ. Король и королева желали примириться съ нимъ; король пригласилъ его на дружескій обѣдъ, маршалъ не принялъ и этого приглашенія. Въ это время онъ уже сошелся съ альфонсистами и изабеллистами и съ ними подготовлялъ заговоръ противъ короля Амедея. Къ своему удивленію и негодованію, Амедей узналъ, что Сагаста и Риосъ Розасъ принимали участіе въ этомъ заговорѣ даже и въ то время, когда занимали министерскіе посты. Усталый отъ вѣчныхъ интригъ своихъ министровъ, придворныхъ и генераловъ, окруженный коварствомъ и измѣною, король Амедей отказался отъ престола и тотчасъ-же оставилъ Испанію.

Какъ только была провозглашена республика, Серрано, въ надеждѣ, что его выберутъ президентомъ, предложилъ свои услуги новому правительству, но когда онъ убѣдился, что его желаніе

не осуществится, онъ обратился противъ республики и 23 марта 1873 года, вмѣстѣ съ Мартосомъ и Риверо, участвовалъ въ возмущеніи, имѣвшемъ весьма плачевный исходъ для инсургентовъ. Серрано, переодѣтый, бѣжалъ изъ Мадрида.

Къ дальнѣйшей дѣятельности Серрано мы возвратимся впоследствии, въ статьѣ, посвященной послѣднимъ событіямъ въ Испаніи. Теперь же въ заключеніе скажемъ, что Серрано представляетъ собою типъ авантюристовъ, которые десятками явятся въ Испаніи. Это „Жиль Блазъ“, достигшій высшихъ степеней своимъ пронырствомъ и безчеремонностью въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Это „Фигаро“, который сохранилъ все свои дурныя качества въ новомъ блестящемъ положеніи и въ постоянныхъ интригахъ и заговорахъ растерялъ по дорогѣ все хорошее, что дали ему природа и воспитаніе.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

и „ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 89)

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ТОМЫ

НОВАГО РОМАНА В. ГЮГО:

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОДЪ.

Переводъ съ французскаго. Цѣна за оба тома 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за половинную цѣну, т. е. 1 руб. безъ пересылки, съ пересылкою 1 р. 30 к.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЗИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. В. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала «Дѣло» въ 1874 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала «Дѣло»; 3) объявленіе «Компосіонеръ» № 3; 4) объявленіе о выходѣ 12 іюня «Правиль и программъ для по-
ступленія въ учебныя заведенія» на 1874—1875 годъ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1874 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гости-
ному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ
Книжномъ Магазинѣ для Иногород-
нихъ, на Невскомъ, противъ Думы,
въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Солов-
ева, на Страстномъ бульварѣ, въ д.
Алексѣева; а также въ книжномъ ма-
газинѣ М. М. Черенина, на Рожде-
ственкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ 16 „
Съ доставкою въ С. Петербургъ↓ 15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскі княже-
ства — 20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португа-
лія, Турція и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 089